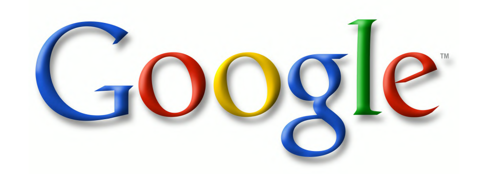
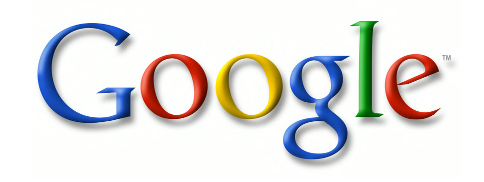
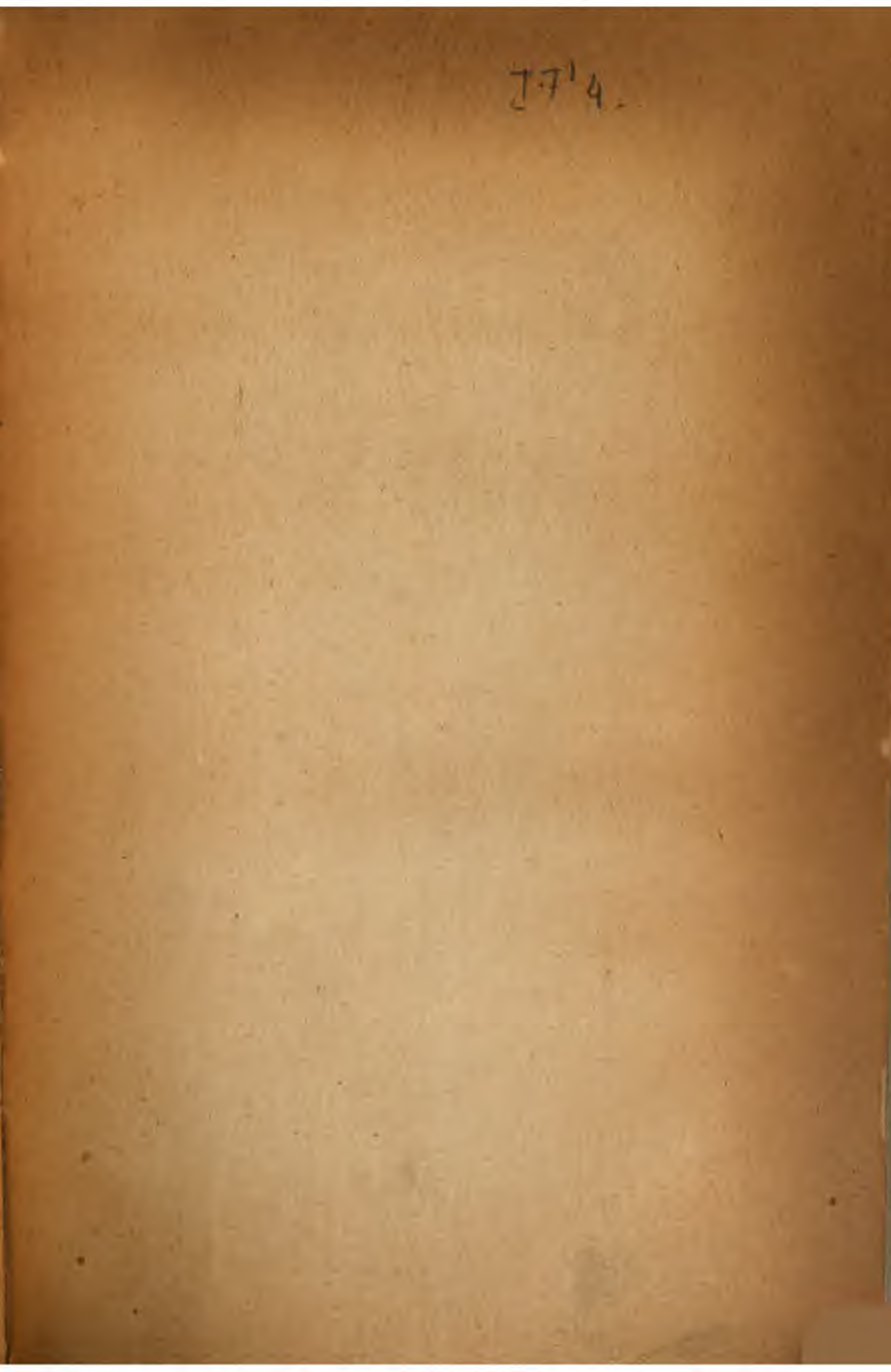



Google

a39015 00027693 4b

PROPERTY OF
University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS



ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ

и

БЫТОВЫЕ ОЧЕРКИ

ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ

и

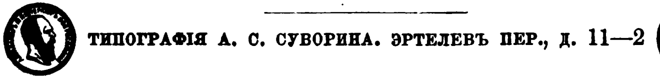
БЫТОВЫЕ ОЧЕРКИ

Е. П. КАРНОВИЧА

Съ 50 гравюрами и портретами

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 іюня 1884 года.


ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

КОРОНОВАНІЕ ГОСУДАРЕЙ.

I.

Видимыми знаками, или эмблемами, верховной власти нынѣшнихъ европейскихъ государей считаются: корона, скипетръ, держава, престолъ и порфира. Съ тремя первыми изъ этихъ эмблемъ до такой степени соединилось понятіе о лицѣ государя и о самомъ государствѣ, что названіями этихъ предметовъ очень часто замѣняется понятіе о самой верховной власти, такъ что во всѣхъ европейскихъ языкахъ выраженія: «назначеніе отъ короны», «находиться подъ скипетромъ» или «державой» и «служить престолу» сдѣлались весьма употребительными. Въ Австрійской имперіи, напримѣръ, коронными землями называются области, имѣвшія нѣкогда своихъ особыхъ государей, короны которыхъ и теперь составляютъ своего рода національную святыню. Особенную историческую извѣстность получили короны: «желѣзная», такъ названная отъ вдѣланнаго въ нее гвоздя, принадлежавшаго, по преданію, къ числу тѣхъ гвоздей, которыми былъ распятъ Христосъ. Съ обладаніемъ этою короною соединялось понятіе о правѣ владычества надъ Италіей. Извѣстны также: корона святого Стефана, съ которою связано такое же понятіе по отношенію къ Венгріи, и корона святого Венцеслава, принадлежавшая древнимъ самостоятельнымъ коро-

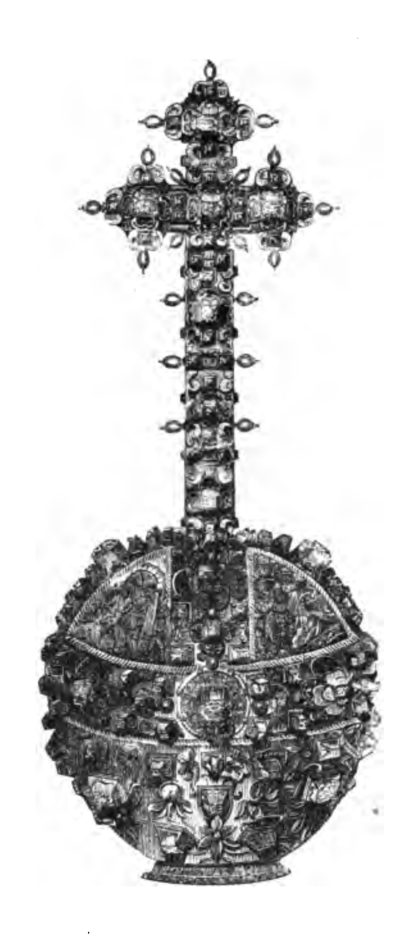
лямъ чешскимъ и хранящаяся въ столицѣ Чехіи—въ Прагѣ, въ тамошней соборной сокровищницѣ, за семью печатями. Она представляетъ такую рѣдкость, которую почти невозможно видѣть: открытіе той каплицы, гдѣ она хранится, допускается только съ особаго разрѣшенія царствующаго государя. Чрезвычайно большимъ почетомъ пользовалась еще корона, которую возлагали на себя во Франкфуртѣ-на-Майнѣ римско-нѣмецкіе императоры до уничтоженія Наполеономъ,

Корона, или шапка, Владиміра Мономаха, большого наряда.
Съ рисунка, находящагося въ «Описаніи древняго Россійскаго музея».

въ 1806 году, Священной Римской, или Германской, имперіи. Нынѣ корона эта находится безъ всякаго употребленія въ Вѣнѣ, въ такъ называемой «шатцъ-камерѣ».

У насъ древнѣйшею короною, или «царскимъ вѣнцомъ», считается такъ-называемая «шапка Мономаха», хранящаяся нынѣ въ Москвѣ, въ Оружейной Палатѣ. О появленіи у насъ этой регаліи въ одной лѣтописи сообщается, что она была прислана великому князю Кіевскому Владиміру Всеволодовичу Мономаху императоромъ византійскимъ Алексѣемъ Ком-

неномъ и что она принадлежала прежде дѣду Владиміра, по матери, Константину Мономаху; что привезшій въ Кіевъ эту шапку эфесскій митрополитъ Неофитъ вѣнчалъ ею, какъ царскимъ вѣнцомъ, Владиміра Мономаха, и что великій князь



Держава.

Съ рисунка, находящагося въ «Описаніи древняго Россійскаго музея».

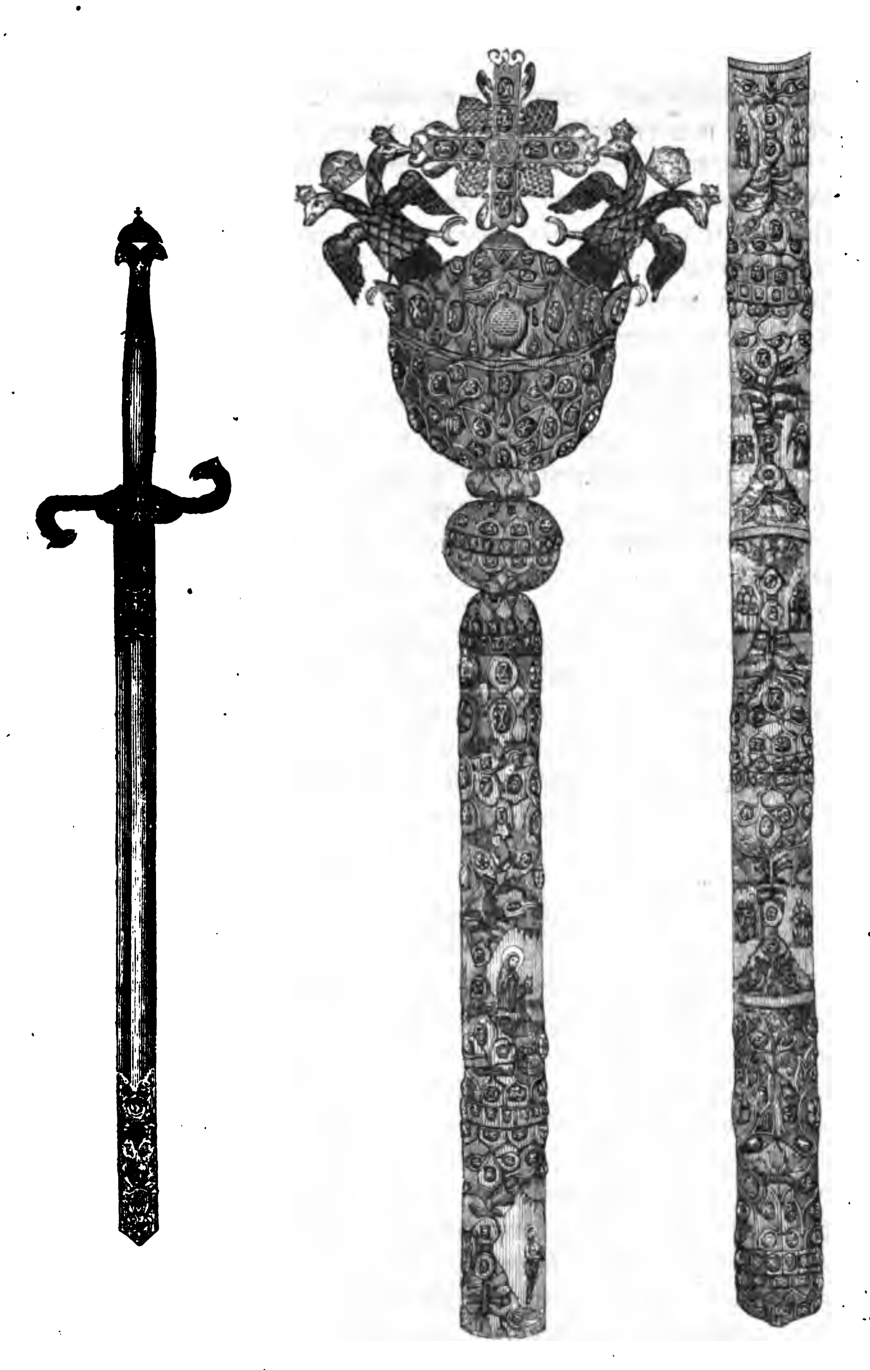
заповѣдалъ по смерти его вѣнчать кого либо ею на царство до тѣхъ поръ, пока на Руси не будетъ могущественный самодержецъ.

Къ этому лѣтопись добавляетъ, что царская «утварь» была прислана императоромъ въ знакъ его уваженія къ ве-

ликому князю. Слѣдуя такому сказанію лѣтописи, и историки наши придаютъ упомянутой присылкѣ такое же значеніе, тогда какъ, по понятіямъ того времени и по обычаямъ византійскаго двора, такая присылка имѣла совершенно иной смыслъ. Въ такой посылкѣ выражалась подчиненность или, по крайней мѣрѣ, приниженность того лица, которое ее принимало, передъ тѣмъ лицомъ, которое ее дѣлало. Право посылки королевскихъ коронъ предоставлялось на западѣ папамъ и римско-нѣмецкимъ императорамъ. Они раздавали ихъ отъ себя государямъ, въ видѣ милости. Такъ, императоръ римско-нѣмецкій Оттонъ III далъ, въ 1000 году, королевскую корону польскому князю или герцогу Болеславу I. Великій князь литовско-русскій Витольдъ ожидалъ отъ папы присылки королевской короны, которою и хотѣлъ короноваться въ Дрогичинѣ.

Восточные императоры присвоивали себѣ такое же право: они утверждали въ достоинствѣ верховныхъ правителей тѣхъ государей, которые или были имъ подвластны, или заискивали ихъ милости, и присылали имъ знаки верховной власти, считая самихъ себя если не повелителями ихъ, то хоть покровителями. Впослѣдствіи турецкіе султаны посылали изъ Царьграда, въ видѣ особаго пожалованія, такіе знаки верховной власти покореннымъ или искавшимъ ихъ покровительства государямъ. Такъ, въ 1602 году, султанъ Ахметъ прислалъ королевскую корону Бокчаю, объявившему себя княземъ Трансильваніи и желавшему быть подручникомъ Турціи. Корона эта, хранящаяся нынѣ въ Вѣнѣ, замѣчательна тѣмъ, что считается «московскимъ» издѣліемъ.

Подобное значеніе имѣла, по всей вѣроятности, и присылка изъ Константинополя царской утвари Владиміру Мономаху. Подтвержденіемъ такой догадки служитъ то обстоятельство, что, несмотря на нахожденіе царской утвари въ столицахъ великихъ князей русскихъ, она не только не употреблялась, но о ней даже не упоминается ни разу въ лѣтописяхъ до 1498 года. Въ это время ее можно было выставить на показъ, такъ какъ византійскихъ императоровъ уже не существовало, и пожалованіе ея однимъ изъ нихъ великому князю русскому не могло теперь напоминать о



Скипетръ и Государственный мечъ.

Съ рисунка, находящагося въ «Описаніи древняго Россійскаго музея».

томъ неравенствѣ, какое существовало между восточнымъ кесаремъ и первенствующимъ русскимъ княземъ.

Въ составъ царской утвари, присланной Владиміру Мономаху изъ Царьграда, входили еще «бармы», скипетръ и держава, и всѣмъ этимъ предметамъ было усвоено названіе «мономаховы». Кромѣ того, были тогда же присланы изъ Царьграда животворящій крестъ и «гривна» на цѣпи изъ «аравійскаго злата», а также «крабійца», или сосудъ для мvро.

Въ частности, бармами назывались иконы, бывшія на большой «діадимѣ» или на широкомъ златотканномъ платнѣ, составлявшемъ ожерелье и вмѣстѣ съ тѣмъ оплечья, въ видѣ закругленной пелерины. Онѣ назывались «святыми» и отличались отъ бармъ «мѐньшихъ нарядовъ» тѣмъ, что на этихъ послѣднихъ не было иконъ. На иконахъ, составлявшихъ бармы Мономаховы, были первоначально изображенія: Спасителя, Богоматери, Іоанна Крестителя и святыхъ, но какихъ именно—въ прежнихъ описаніяхъ не говорится. Хотя въ «Степенной Книгѣ» ничего не сказано о скипетрѣ и о державѣ, но уже въ самомъ старинномъ описаніи коронаціоннаго обряда упоминается о скипетрѣ, или посохѣ, а въ послѣдующее время, въ началѣ XVI-го вѣка, упоминается и о державѣ, или «державномъ яблокѣ».

II.

Торжественное возложеніе на голову особеннаго убора сперва у древнихъ грековъ, а потомъ и у древнихъ римлянъ, считалось особымъ почетомъ, причемъ самымъ употребительнымъ уборомъ былъ вѣнокъ, преимущественно лавровый; а такъ какъ вѣнокъ по-латыни «corona», то это названіе и распространилось впослѣдствіи на головныя украшенія государей, а съ тѣмъ вмѣстѣ корона сдѣлалась эмблемою власти, а потомъ и почетнаго званія. Въ средневѣковой геральдикѣ, сверхъ коронъ императорскихъ и королевскихъ, стали появляться еще короны: герцогскія, княжескія, маркграфскія, графскія, баронскія и дворянскія, а тамъ, гдѣ были титулы маркизовъ и виконтовъ — еще и короны, соотвѣтствующія этимъ титуламъ. Въ настоящее время короны упо-

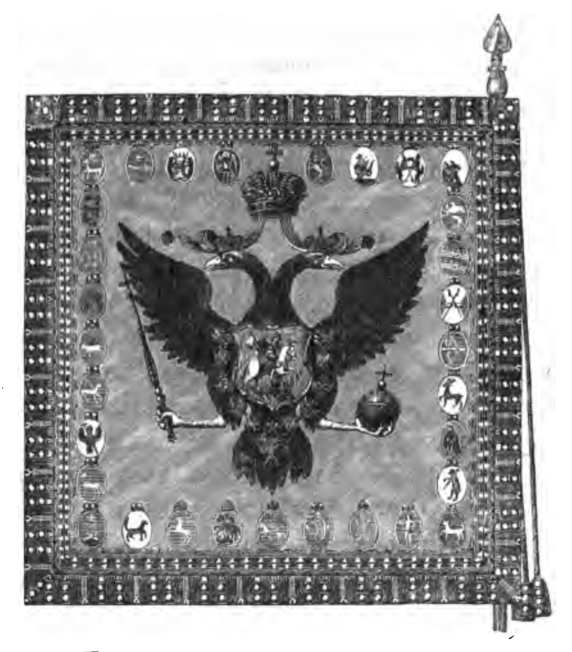
требляются только въ гербахъ и въ видѣ украшеній на предметахъ различнаго обихода; въ дѣйствительности же короны имѣютъ только императоры и короли, да и то не всѣ. Такъ, не имѣютъ коронъ, соотвѣтствующихъ ихъ настоящему титулу, императоръ германскій и король италіанскій. Нѣкоторые изъ государей, какъ-то: Наполеонъ III и императоръ австрійскій Францъ-Іосифъ, вовсе не были коронованы по ихъ сану, и послѣдній изъ нихъ коронованъ только королемъ венгерскимъ, вмѣстѣ со своею супругою. Германскій императоръ Вильгельмъ короновался въ Кенигсбергѣ только какъ король прусскій.

Короны государей бываютъ чрезвычайно разнообразныхъ формъ. Такъ, «желѣзная корона» состоитъ изъ простого золотого обруча; корона королей французскихъ состояла изъ такого же обруча, верхняя окраина котораго была украшена лиліями. Описать форму короны римско-нѣмецкихъ императоровъ чрезвычайно трудно. Корона венеціанскихъ дожей была сдѣлана въ видѣ рога, выдавшагося остріемъ впередъ; прочія королевскія короны, въ общемъ ихъ видѣ, сходны между собою. Онѣ обыкновенно состоятъ изъ золотыхъ дугъ, сведенныхъ въ одну верхушку, съ поставленнымъ надъ нею крестомъ. Такой формы была и корона великаго магистра державнаго ордена Іоанна Іерусалимскаго, или Мальтійскаго, которую принялъ императоръ Павелъ и надѣвалъ въ подобающихъ случаяхъ и которая хранится нынѣ въ Москвѣ, въ Оружейной Палатѣ.

Первая императорская россійская корона была приготовлена для коронаціи императрицы Екатерины I; она была сдѣлана по образцу вѣнцовъ, употребляемыхъ у насъ при бракосочетаніяхъ. Впослѣдствіи, образцомъ для императорской короны послужила корона византійскихъ императоровъ, составленная изъ двухъ золотыхъ продолговатыхъ полушарій, раздѣленныхъ одинъ отъ другого золотою же дугою, надъ которой поставленъ крестъ. Такая форма короны знаменовала раздѣленіе Римской имперіи на двѣ части, западную и восточную. Всѣ короны бываютъ украшены драгоцѣнными камнями, болѣе или менѣе высокой стоимости и рѣдкаго достоинства. Особенною формою отличается папская корона, «тіара», состоящая изъ трехъ вѣнцовъ, въ ознамено-

ваніе папскаго сана, какъ римскаго епископа, вселенскаго патріарха и свѣтскаго государя.

Коронаціи государей представляютъ соединеніе двухъ торжествъ: религіознаго и государственнаго. Въ первомъ изъ этихъ торжествъ существенною частью бываетъ мνропомазаніе, при которомъ призывается особенная благодать Святого Духа на помазуемаго государя. По ученію нашей церкви, не признающіе такой благодати подлежатъ анаѳематствованію и отлученію. Въ праздникъ православія, совершающійся въ первое воскресеніе великаго поста, въ чинѣ «Послѣдованія», установленномъ на этотъ случай, между прочимъ провозглашается: «Помышляющимъ, яко православные государи возводятся на престолы не по особливому о нихъ Божію благоволенію и при помазаніи дарованія Святого Духа къ прохожденію великаго сего званія на нихъ не изливаются: и тако дерзающимъ противъ ихъ на бунтъ и измѣну — анаѳема!»



Государственное знамя, или паниръ.
Съ рисунка, находящагося въ «Описаніи древняго Россійскаго музея».

Старинный тронъ.

Съ рисунка, находящагося въ «Описаніи древняго Россійскаго музея».

Въ римско-католической церкви признаётся такая же особая благодать за таинствомъ мѵропомазанія государей, и замѣчательно, что государственная церковь (states-church) въ Англіи, отвергнувъ таинство мѵропомазанія, удержала силу его собственно для королевской власти въ такомъ значеніи, въ какомъ содержатъ это таинство церкви православная и католическая. Скипетръ принадлежитъ къ древнѣйшимъ символамъ власти. Онъ заимствованъ отъ пастушескаго посоха и употреблялся еще, какъ почетный знакъ, у древнихъ грековъ, потомъ у римлянъ, а затѣмъ и въ христіанской церкви. Впослѣдствіи онъ былъ усвоенъ и христіанскими государями. У насъ посохъ считался издревле главнымъ знакомъ верховной власти, и въ 1613 году царскій посохъ былъ поднесенъ, вмѣсто мономаховой шапки, новоизбранному царю Михаилу Ѳеодоровичу Романову. Затѣмъ европейскіе государи замѣнили длинные посохи укороченными жезлами, получившими общее названіе скипетровъ. У королей французскихъ скипетръ замѣнился такъ называемой «main-de-justice» —длиннымъ, гладкимъ позлащеннымъ жезломъ, на концѣ котораго находилась сдѣланная изъ слоновой кости поднятая вверхъ рука. Такой посохъ имѣлъ и Наполеонъ I при двухъ своихъ коронаціяхъ: императоромъ французскимъ въ Парижѣ и королемъ Италіи въ Миланѣ.

Къ древнѣйшимъ регаліямъ верховной власти принадлежитъ еще и держава, т. е. шаръ, или глобусъ, или такъ называвшееся у насъ въ старину «яблоко». О появленіи у насъ этой регаліи мы скажемъ впослѣдствіи.

Длинная одежда, въ видѣ мантіи, считалась всегда почетнымъ убранствомъ, и это объясняется тѣмъ, что въ такой одеждѣ, при скрытіи тѣхъ или другихъ недостатковъ стана, человѣкъ представляется сановитѣе, и самая одежда, распущенная внизу, какъ будто придаетъ видъ устойчивости. Судя по греческому названію царской мантіи, «порфира», надобно полагать, что первоначально она была багрянаго цвѣта, а потому и по-славянски она называлась «багряницей»; греческое же названіе «порфирогенетъ» переводилось «багрянородный». О порфирѣ упоминается уже въ описаніи старинныхъ коронацій русскихъ государей; но неизвѣстно, изъ какой ткани, на какомъ подбоѣ, какого цвѣта и какого покроя

была въ этомъ случаѣ порфира. Приготовленная же для коронаціи Екатерины I порфира была сдѣлана изъ золотой парчи, усѣянной двуглавыми орлами и подбитой горностаемъ. Подбой этотъ былъ подраженіемъ Западу, гдѣ горностаевый мѣхъ считался нѣкогда принадлежностью одежды исключительно только владѣтельныхъ особъ, чему первый примѣръ подали короли французскіе, подбившіе и опушившіе свою мантію горностаемъ. Порфиры и мантіи на западѣ дѣлались преимущественно изъ бархата пурпуроваго цвѣта. Въ такой же мантіи, подбитой горностаемъ, съ шнурами и кистями изъ золота и усѣянной вышитыми по ней черными одноглавыми орлами, короновался королемъ прусскимъ нынѣшній германскій императоръ Вильгельмъ и его супруга, королева Августа. Мантія королей французскихъ была изъ лазореваго бархата, усѣянная вышитыми серебряными лиліями. Наполеонъ I, желая приблизиться къ Бурбонамъ, приказалъ сдѣлать для своей императорской коронаціи мантію темнолазореваго цвѣта, усѣянную золотыми пчелами, очень похожими по рисунку на королевскія бурбонскія лиліи. Изображеніемъ пчелъ была украшена и итальянско-королевская его мантія, съ тою разницею, что бархатъ былъ зеленаго цвѣта. Короны при императорскомъ коронованіи онъ не надѣвалъ, а замѣнилъ ее золотымъ лавровымъ вѣнцомъ, въ подражаніе римскимъ кесарямъ.

Изъ коронаціонныхъ мантій особеннаго вниманія, и по древности, и по искусной работѣ, заслуживаетъ мантія прежнихъ римско-нѣмецкихъ императоровъ. Она была сдѣлана въ въ 1033 году, въ Палермо, арабскими художниками-ткачами и, не смотря на свою древность, донынѣ еще очень хорошо сохранилась. Видѣть ее можно въ Вѣнѣ, въ императорской сокровищницѣ. По покрою она совершенно сходна съ мантіями, носимыми нашими архіереями; но на спинѣ она раздѣляется на двѣ части шелковою вышивкою, напоминающею по рисунку своему верхушку пальмоваго дерева. На остальномъ пространствѣ этой мантіи находятся разныя вытканныя цвѣтными шелками символическія фигуры, значеніе которыхъ не разгадано донынѣ. На подолѣ мантіи вытканы, также шелками, арабскія надписи куфическими письменами.

Къ знакамъ верховной власти государей принадлежитъ еще престолъ, обыкновенно называемый «трономъ», хотя собственно это подслѣднее слово въ церемоніальномъ нашемъ языкѣ употребляется только для означенія всего помоста, на кото-

Тронъ царя Михаила Θеодоровича.
Съ рисунка, находящагося въ «Описаніи древняго Россійскаго музея».

рый ставится престолъ. Понятіе о почетномъ возвышенномъ сѣдалищѣ существовало въ самой глубокой древности и у всѣхъ народовъ. Понятіе же о царскомъ престолѣ утвердилось въ христіанскомъ мірѣ вмѣстѣ съ понятіемъ о Богѣ, о престолѣ котораго упоминается очень часто и въ священномъ

писаніи, и въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ. Всѣ государи, не исключая второстепенныхъ, да, кажется, и третьестепенныхъ германскихъ владѣтелей, имѣютъ въ своихъ дворцахъ тронныя залы, въ которыхъ на особомъ возвышеніи, подъ балдахиномъ, поставленъ престолъ, или богато-убранное кресло. При коронаціяхъ употребляются обыкновенно престолы болѣе великолѣпной отдѣлки и замѣчательные по своей древности. У насъ въ этихъ случаяхъ употребляются три престола: царя Ивана IV, царя Михаила Ѳеодоровича, или такъ называемый «персидскій» престолъ, присланный въ подарокъ этому государю персидскимъ царемъ Аббасомъ, и престолъ царя Алексѣя Михайловича. Кромѣ того, существуетъ еще престолъ двумѣстный, сдѣланный изъ серебра для одновременнаго коронованія царей Ивана и Петра Алексѣевичей. Коронаціонные престолы украшаются обыкновенно драгоцѣнными камнями, а также литыми изъ золота фигурами и рѣзными украшеніями. Самымъ замѣчательнымъ, по своему почти баснословному богатству, считается находящійся въ Индіи престолъ великаго Могола.

Къ числу регалій, знаменующихъ верховную власть, принадлежатъ еще во многихъ государствахъ: большая государственная печать, государственное знамя, государственный мечъ и государственный щитъ. У насъ всѣ эти регаліи только носятъ въ торжественныхъ процессіяхъ, но онѣ остаются безъ всякаго употребленія, а щита даже и не носятъ при коронаціяхъ, а носятъ его только при погребеніи государя. При коронаціи, русскіе государи не опоясываются мечемъ, какъ это дѣлалось, напримѣръ, при коронаціяхъ римско-нѣмецкихъ императоровъ и королей польскихъ и соблюдается донынѣ при коронаціи королей венгерскихъ, которые, по совершеніи обряда, въѣзжаютъ верхомъ на конѣ на вершину холма и тамъ машутъ мечемъ во всѣ четыре стороны, знаменуя тѣмъ, что они будутъ отражать врага, съ какой бы стороны онъ ни наступалъ на королевство св. Стефана.

Ношеніе при упомянутомъ торжествѣ печати, знамени, или такъ называемаго «панира» (отъ нѣмецкаго слова «panier»), а также и меча, было введено у насъ только при третьей императорской коронаціи, т. е. при коронаціи императрицы Елизаветы Петровны.

При коронаціи нѣкоторыхъ государей употреблялась особая для этого одежда. Такъ, императоры римско-нѣмецкіе надѣвали, при совершеніи этого обряда, особую древнюю тафтяную срачицу и поверхъ ея далматикъ, а также башмаки и перчатки, украшенные драгоцѣнными камнями, поясъ и столу, въ родѣ архіерейскаго омофора. У королей французскихъ была тоже особая коронаціонная одежда, состоявшая изъ туники, далматика, мантіи и унизанныхъ жемчугомъ башмаковъ; а въ числѣ носимыхъ при коронаціи регалій были и золотыя шпоры.

Надобно полагать, что и русскіе государи имѣли собственно для коронаціи особую одежду, отличавшуюся, вѣроятно, покроемъ отъ обыкновеннаго ихъ одѣянія, и при томъ болѣе великолѣпную. Изъ императоровъ же въ особомъ царскомъ нарядѣ, въ далматикѣ, короновался одинъ только Павелъ Петровичъ, приказавшій впослѣдствіи, при подданствѣ Грузіи Россіи, заготовить для себя такую одежду, какую носили цари грузинскіе.

Къ предметамъ коронаціоннаго убранства русскихъ государей принадлежитъ въ настоящее время и брилліантовая цѣпь ордена Андрея Первозваннаго, возлагаемая на себя государемъ передъ облаченіемъ въ порфиру.

При коронаціи нѣкоторыхъ государей употребляется утварь, имѣющая особое значеніе по своей древности или составляющая особую святыню. Такъ, при коронаціи русскихъ государей употребляется крестъ съ частицею животворящаго креста, присланною Владиміру Мономаху, а также присланная ему же «крабійца», или яшмовый сосудъ, принадлежавшій нѣкогда кесарю Августу, «обладавшему всею вселенною». Собственно чаша эта была пиршественная. Она сдѣлана изъ яшмы, украшена драгоцѣнными камнями, а на крышѣ ея находится змій, свернувшійся въ кольцо, въ стоячемъ положеніи. Для вливанія мvро при коронаціи королей французскихъ служилъ обдѣланный въ золото и украшенный драгоцѣнными камнями черепокъ, который, по преданію, былъ принесенъ голубемъ, влетѣвшимъ въ церковь при крещеніи короля франковъ Хлодовика. Одна изъ святынь при коронаціи римско-нѣмецкихъ императоровъ есть земля, обагренная кровью перваго христіанскаго мученика — св. Стефана.

Ковчежецъ этотъ хранится нынѣ въ Вѣнѣ, и въ прежнее время только одинъ императоръ, и притомъ лишь одинъ разъ въ жизни, въ день своего коронованія, могъ открыть этотъ ковчежецъ и посмотрѣть содержимое въ немъ.

III.

Обрядъ коронованія составляетъ особое торжество, предшествующее вездѣ мѵропомазанію.

О таинствѣ мѵропомазанія упоминается въ первый разъ при вѣнчаніи на царство Θеодора Ивановича, а первое коронованіе на великое княженіе «володимірское, московское и новгородское» было коронованіе князя Дмитрія Ивановича, родного внука великаго князя Ивана III Васильевича. Оно происходило 3-го февраля 1498 года въ Москвѣ. Въ ту пору московскій дворъ, вслѣдствіе брака великаго князя съ Софіей Θоминишной Палеологъ, а также вслѣдствіе наплыва въ Москву грековъ, придерживался обычаевъ императорско-византійскаго двора. Поэтому и самая мысль о коронаціи, или «вѣнчаніи на царство», могла возникнуть подъ вліяніемъ грековъ. Политическая же цѣль, которую имѣлъ при этомъ великій князь, заключалась въ томъ, чтобы упрочить наслѣдіе московскаго престола въ прямомъ нисходящемъ своемъ потомствѣ по праву первородства, предоставивъ, такимъ образомъ, старѣйшинство племяннику передъ его дядями.

Коронованіе князя Дмитрія совершилось въ Успенскомъ соборѣ, и послѣ того храмъ этотъ былъ постоянно мѣстомъ совершенія такого священнодѣйствія, не смотря на то, что впослѣдствіи первенствующею столицею Россіи сдѣлался Петербургъ и что во время упомянутой коронаціи были другіе города, имѣвшіе старѣйшинство передъ Москвою. Не говоря уже о Кіевѣ и Новгородѣ, Владиміръ-на-Клязьмѣ имѣлъ въ историческомъ отношеніи преимущество передъ Москвою, что и выразилось при самомъ вѣнчаніи Дмитрія, такъ какъ великое княженіе владимірское и въ этомъ случаѣ упоминалось прежде московскаго. Нѣчто подобное можно встрѣтить и въ другихъ государствахъ. Такъ, короли французскіе не короновались въ своей столицѣ, Парижѣ, но въ Реймсѣ, въ

уваженіе того, что тамошніе епископы были преемниками святого Реми, крестившаго короля Хлодовика, перваго изъ французскихъ государей принявшаго христіанство. Только Наполеонъ I короновался императоромъ въ соборѣ Парижской Богоматери. Короли прусскіе коронуются не въ Берлинѣ, но въ Кенигсбергѣ; короли шведскіе не въ Стокгольмѣ, а въ Упсалѣ; короли польскіе — сперва въ Гнѣзнѣ, а потомъ въ Краковѣ, и только Лещинскій и Понятовскій короновались въ Варшавѣ. Императоры римско-нѣмецкіе ѣздили сперва для коронаціи въ Римъ, а потомъ, когда такія поѣздки представляли много затрудненій, обрядъ ихъ коронованія совершался во Франкфуртѣ; а какъ короли Италіи, они короновались въ Миланѣ.

Въ Успенскомъ соборѣ для коронаціи князя Дмитрія былъ устроенъ помостъ съ тремя сѣдалищами: для великаго князя, для его внука и для митрополита, а близь этого мѣста лежали на столѣ бармы и шапка Мономаха.

При всѣхъ коронаціяхъ чрезвычайно важное значеніе имѣло возложеніе короны на вѣнчаемаго государя. Въ католической церкви такое дѣйствіе присвоивали себѣ папы, а отъ нихъ оно перешло и къ первенствующему архіепископу, совершавшему этотъ обрядъ, въ ознаменованіе того, что церковь можетъ раздавать короны государямъ. Не отвергая, конечно, божественнаго происхожденія своей верховной власти, западные государи, мало по малу, отклоняли, однако, такую мысль, возлагая на себя корону сами. Такъ стали дѣлать короли французскіе, а потомъ и императоры римсконѣмецкіе.

У насъ, при упомянутомъ первомъ коронованіи, явно выразилось то ограниченное политическое значеніе, какое имѣло духовенство. Понятіе объ этомъ значеніи составилось изъ отношеній духовенства восточной церкви къ византійскимъ императорамъ. Въ Византіи, въ противоположность Западу, духовенство покорствовало передъ верховною властью и не стремилось вовсе къ тому, чтобы раздавать короны государямъ. Поэтому, при первой же коронаціи, подробности которой дошли до насъ, выразилась мысль, что въ такихъ случаяхъ духовенство исполняетъ только религіозную обязанность, не касаясь политической стороны дѣла. Такъ,

Иванъ III, объявивъ въ соборѣ митрополиту, что онъ благословляетъ своего внука Дмитрія, по случаю смерти отца дмитріева, которому онъ, слѣдуя обычаямъ, предоставилъ еще прежде великое княженіе, просилъ, чтобы митрополитъ далъ Дмитрію свое благословеніе. Тогда митрополитъ, вставъ со своего сѣдалища, положилъ руки на голову Дмитрія и прочелъ молитву, въ которой молилъ Господа, чтобы Онъ съ любовію воззрѣлъ съ высоты своего жилища на раба своего, Дмитрія, и сподобилъ его помазаться елеемъ радости и принять свыше силу, вѣнецъ и скипетръ царствія. По прочтеніи этой молитвы, два архимандрита поднесли митрополиту бармы, а онъ передалъ ихъ великому князю, который уже самъ возложилъ ихъ на своего внука. Послѣ другой молитвы, прочитанной митрополитомъ, ему поднесли, также архимандриты, шапку Мономаха, а онъ поднесъ ее великому князю, который и надѣлъ ее на Дмитрія. Затѣмъ было пропѣто многолѣтіе обоимъ великимъ князьямъ и принесены имъ поздравленія, по окончаніи которыхъ началась литургія, а послѣ нея Дмитрій, сопутствуемый дядями и боярами, ходилъ, имѣя на плечахъ бармы, а на головѣ шапку Мономаха, въ соборы Михаила Архангела и Благовѣщенскій, для поклоненія гробамъ своихъ предковъ и мощамъ чудотворцевъ. При выходѣ изъ соборовъ онъ былъ осыпаемъ золотыми и серебряными деньгами.

Коронованіе это сопровождалось пышнымъ пиромъ у великаго князя.

О мѵропомазаніи и причащеніи въ этомъ случаѣ не упоминается, хотя, безъ всякаго сомнѣнія, таинства эти были совершаемы во время обѣдни.

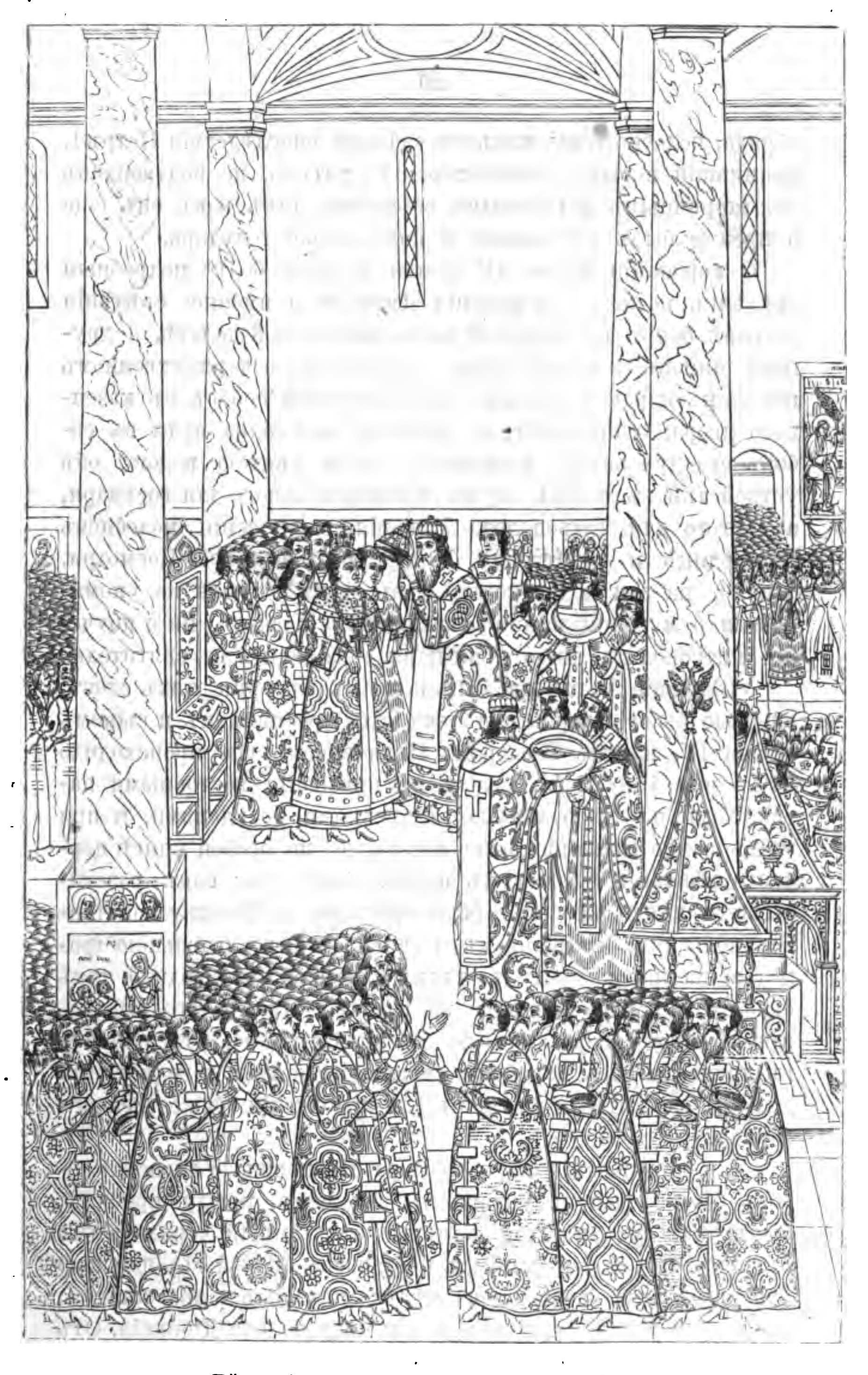
Самое совершеніе этого обряда осталось безъ послѣдствій, такъ какъ, спустя съ небольшимъ два года, Иванъ III, разгнѣвавшись на своего внука, лишилъ его великокняжескаго престола, назначивъ своимъ преемникомъ старшаго изъ оставшихся въ живыхъ сыновей, Василія, и тѣмъ самымъ какъ бы уничтожилъ дѣйствительность обряда, совершоннаго надъ Дмитріемъ, поставивъ выше этого свою волю.

Вѣроятно, вслѣдствіе такой недѣйствительности вѣнчанія на царство, надъ преемникомъ Ивана, Василіемъ IV, не было совершено такого обряда; но сынъ послѣдняго былъ торже-

ственно коронованъ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, и съ того времени коронованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и муропомазаніе, совершалось надъ всѣми русскими государями, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которые не успѣли совершить его по кратковременности своего царствованія, а именно: царь Өеодоръ Борисовичъ и императоры Иванъ VI Антоновичъ и Петръ III Өеодоровичъ.

IV.

Обыкновенно у насъ полагаютъ, что при своемъ короновании Иванъ IV принялъ титулъ царя, но по нѣкоторымъ соображеніямъ, такое мнѣніе едва ли можно считать вѣрнымъ, и надобно полагать, что Иванъ IV короновался только какъ великій князь всея Руси. На такую мысль наводятъ слѣдующія обстоятельства. Во-первыхъ, уже послѣ своей коронаціи Иванъ просилъ вселенскихъ патріарховъ признать за нимъ царскій титулъ и утвердительную на то грамоту получилъ лишь въ 1561 году. Между тѣмъ трудно предположить, чтобы онъ самъ и короновавшій его митрополитъ рѣшились утвердить священнымъ обрядомъ такое новое право, признать которое зависѣло отъ другихъ первосвятителей восточной церкви. Во-вторыхъ, Иванъ IV называлъ себя и безъ коронаціи не только вообще царемъ, но и «царемъ нѣмецкимъ», слѣдовательно, вопросъ о титулѣ былъ вопросъ особый. Въ третьихъ, самое свое право на царскій титулъ онъ основывалъ не на исполненіи надъ нимъ священнодѣйствія, но на другихъ обстоятельствахъ, а именно на томъ, что прародитель его, Владиміръ Мономахъ, былъ вѣнчанъ царскимъ вѣнцомъ; что онъ, Иванъ, покорилъ два царства; казанское и астраханское — что было уже послѣ его коронаціи — и наконецъ, на томъ, что онъ происходилъ отъ Августа-Кесаря, обладавшаго всею вселенною. Въ виду всего этого, надобно полагать, что коронованіе Ивана IV и принятіе имъ царскаго титула были два, независимыя одно отъ другого событія. Въ первомъ случаѣ онъ вообще освящалъ свою верховную власть, какъ великій князь всея Руси, а царемъ онъ сталъ именоваться, помимо совершенія этого



Вѣнчаніе на царство царя Михаила Θеодоровича.

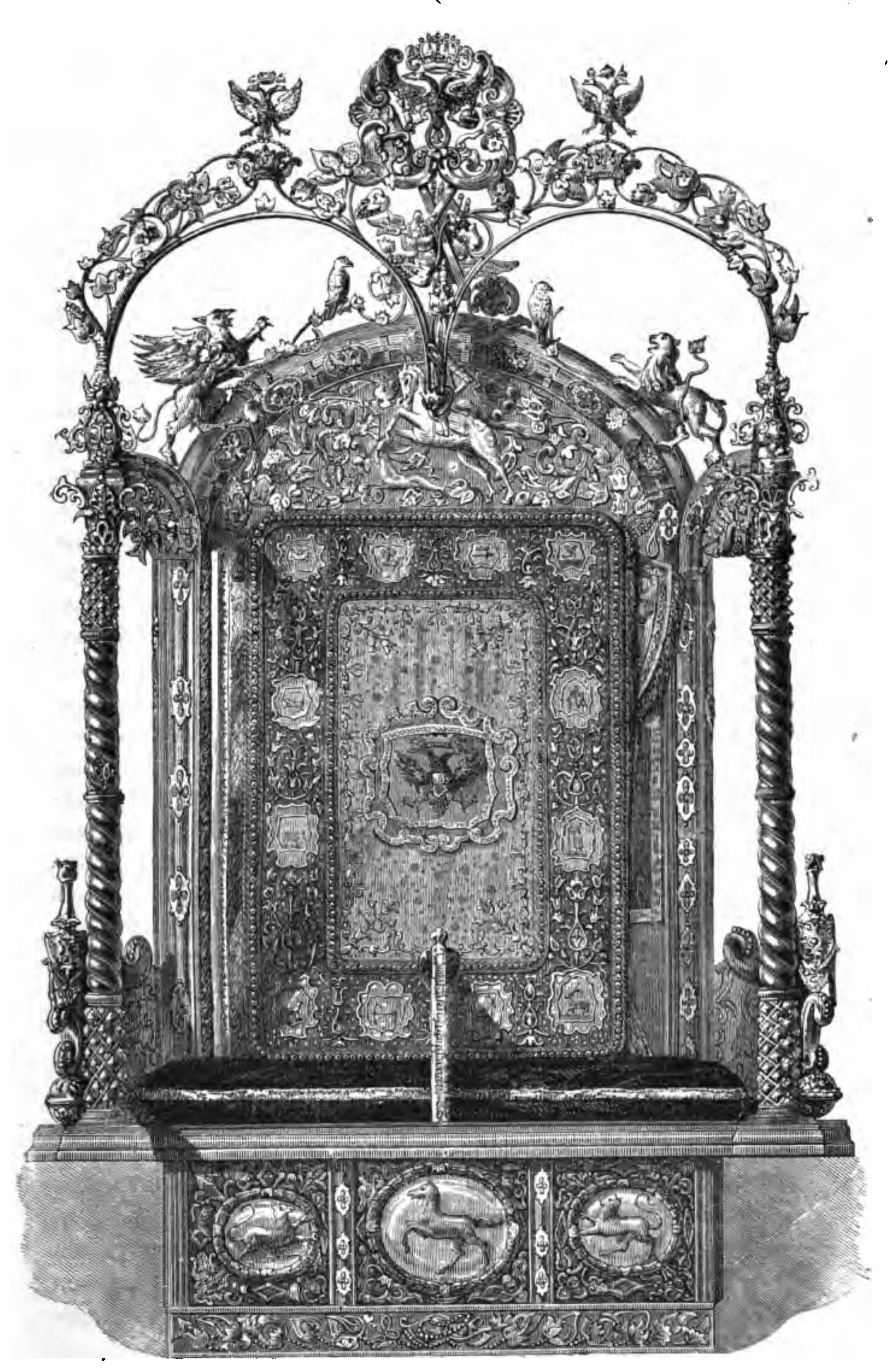
Факсимиле рисунка, находящагося въ «Книгѣ объ избраніи на царство царя Михаила Θеодоровича».

обряда, подобно тому, какъ это сдѣлалъ впослѣдствіи Петръ I, принявшій новый, «императорскій», титулъ, не подтвердивъ его вторичнымъ церковнымъ обрядомъ, такъ какъ онъ еще и прежде былъ вѣнчанный и помазанный государь.

О коронаціи Ивана IV дошли до насъ болѣе подробныя свѣдѣнія, нежели о коронаціи Дмитрія, а именно: свѣдѣнія о сборѣ бояръ въ столовой великокняжеской палатѣ, а другихъ чиновъ — передъ нею, въ сѣняхъ; о торжественномъ приносѣ «царской утвари» въ Успенскій соборъ съ казеннаго двора; о предшествіи великому князю на пути въ соборъ его духовника, кропившаго путь святою водою; объ устройствѣ въ соборѣ двухъ сѣдалищъ: одного для государя, а другого для митрополита Макарія; о служеніи молебновъ Богородицѣ и чудотворцу Петру, митрополиту. Несмотря, однако, на эти подробности, и въ этомъ случаѣ не упоминается о мѵропомазаніи, а также ни о державѣ, ни о поученіи митрополита, ни о рѣчи царя, обращенной къ святителю.

«Вѣнчаніе на царство», въ полномъ значеніи этихъ словъ, впервые было совершено только надъ преемникомъ и сыномъ Ивана IV, царемъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ. Оно происходило 31-го мая 1584 года, уже послѣ признанія восточными патріархами царскаго титула за русскими государями, и при этомъ самое вѣнчаніе было совершено по особой книгѣ царскаго вѣнчанія греческихъ царей. Книга эта, какъ разсказываетъ князь Курбскій, была прислана въ Москву константинопольскимъ патріархомъ, вмѣстѣ съ утвердительною грамотою на царскій титулъ, такъ что теперь происходило, такъ сказать, законное вѣнчаніе на царство. Кромѣ того, коронація Ѳеодора совершалась по соборной грамотѣ, утвердившей въ точности весь порядокъ священнодѣйствія, и грамота эта донынѣ служитъ основаніемъ для исполненія торжественнаго обряда.

Для коронованія царя Ѳеодора Ивановича Успенскій соборъ былъ «вельми украшенъ». Въ немъ, между прочимъ, былъ устроенъ «царскій чертогъ», отдѣланный червленнымъ сукномъ. Подлѣ чертога былъ поставленъ аналой съ «царскою утварью», а на «чертожномъ мѣстѣ» находились два «стула», одинъ для государя, а другой для митрополита Діонисія. Отъ помоста къ алтарю былъ разостланъ красный бархатъ. Около



Тронъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей.

Съ рисунка, находящагося въ «Описаніи древняго Россійскаго музея».

аналоя стояли бояре и стерегли, чтобы кто нибудь не прикоснулся къ царской утвари.

На этотъ разъ и бармы, и шапку возложилъ на набожнаго царя митрополитъ; онъ же вручилъ ему и скипетръ, т. е. царскій посохъ. Послѣ того, митрополитъ и архіепископы, взойдя на помостъ, поклонились царю, а онъ отвѣтилъ имъ «малымъ поклономъ». Пропѣто было затѣмъ многолѣтіе и принесено государю поздравленіе поклономъ всѣхъ присутствовавшихъ въ храмѣ. Послѣ херувимской, митрополитъ возложилъ на царя цѣпь изъ «аравійскаго» золота. Передъ причастіемъ двое архимандритовъ, посланные митрополитомъ, приблизились къ царю, поклонились ему ниже пояса и отошли отъ него, а государь отправился къ царскимъ вратамъ, и у нихъ митрополитъ помазалъ его мvромъ «на челѣ, на очію, на ушію, и на персѣхъ, и на плещу, и на обою руку, на дланяхъ и на другую страну», отеръ его «вамбахомъ», т. е. губкою, и пріобщилъ его.

Царское мvропомазаніе, какъ таинство, установленное самимъ Богомъ, восходитъ, по ученію церкви, еще ко временамъ царей израильскихъ. Поэтому оно совершается по одинаковому чину въ церквахъ: восточной, западной и государственной англиканской. Молитвы при этихъ случаяхъ читаются одинаковаго содержанія, только съ нѣкоторыми весьма небольшими измѣненіями. Въ католическихъ государствахъ обрядность нѣсколько измѣняется. Такъ, напримѣръ, короли польскіе во время чтенія молитвъ, предшествовавшихъ мvропомазанію, лежали на полу, распростершись крестомъ на разостланномъ коврѣ, а весь священствовавшій клиръ становился около нихъ на колѣнахъ. По прочтеніи молитвъ, первенствовавшій въ служеніи архіепископъ, сидя въ своихъ креслахъ, помазывалъ мvромъ стоявшему передъ нимъ на колѣнахъ королю правую руку до самаго локтя, правое плечо, между плечами и чело. Императоръ Николай Павловичъ, при коронаціи въ Варшавѣ по католическому обряду, не ложился, а, стоя на колѣнахъ, прочелъ только молитву, сходную съ той, какую читаютъ колѣнопреклоненно и русскіе государи при ихъ вѣнчаніи императорами всероссійскими, и былъ помазанъ только на челѣ.

Императоры римско-нѣмецкіе, короли французскіе и ко-

роли венгерскіе слушали читаемыя передъ помазаніемъ молитвы не распростертыми на землѣ, но только стоя на колѣнахъ.

Обращаясь затѣмъ къ дальнѣйшему разсказу о коронаціи царя Ѳеодора Ивановича, замѣтимъ, что шествіе въ соборы Архангельскій и Благовѣщенскій совершалось въ томъ же порядкѣ, въ какомъ оно было совершено его отцомъ; что общивку царскаго помоста, устроеннаго внѣ собора, позволено было народу ободрать на память о происходившемъ торжествѣ; что одежда участвовавшихъ въ этомъ торжествѣ сановниковъ поражала присутствовавшихъ на немъ иностранцевъ своимъ богатствомъ. Одинъ изъ иностранцевъ, англичанинъ Горсей, разсказываетъ, что царское одѣяніе, вслѣдствіе множества золота и драгоцѣнныхъ камней, вѣсило не менѣе 200 фунтовъ, и что шесть князей держали хвостъ царской мантіи. По его же разсказу, скипетръ, употребленный при коронаціи царя Ѳеодора Ивановича, былъ сдѣланъ изъ рога единорога и усѣянъ драгоцѣнными камнями; онъ былъ купленъ еще Иваномъ IV и стоилъ 7000 фунтовъ стерлинговъ.

Добавимъ къ этому, что соборная грамота, по которой совершалось коронованіе царя Ѳеодора Ивановича, постановляетъ, между прочимъ, чтобы принявшій священное помазаніе государь не омывался послѣ того впродолженіи восьми дней, и чтобы онъ «сотворилъ пиръ честенъ и великъ», и въ заключеніи добавляетъ: «нищіе же паче довольно учреждаеми бываютъ».

Коронація Ѳеодора Ивановича сопровождалась военнымъ празднествомъ на Дѣвичьемъ Полѣ, а также разными наградами и милостями, оказанными преступникамъ.

V.

Послѣдующею коронаціею была коронація избраннаго царя Бориса Ѳеодоровича Годунова. Совершилась она въ день тогдашняго новолѣтія, 1-го сентября 1598 года, по тому же чину, какъ и коронація предшествовавшаго государя. Но особенность этого обряда заключалась въ томъ, что его впервые совершалъ бывшій въ то время патріархъ всероссійскій Іовъ.

Затѣмъ слѣдовала коронація невѣсты лже-царя Дмитрія, Марины Мнишекъ. Коронація эта, не признаваемая дѣйстви-

тельною со стороны церкви, какъ таинство, достигнутое посредствомъ обмана, замѣчательна не только тѣмъ, что коронованіе было совершено надъ лицомъ женскаго пола, но что въ этомъ случаѣ въ числѣ царской утвари упоминается въ первый разъ о «яблокѣ», или державѣ.

Несомнѣнно, что такой новый появивійшся у насъ знакъ царской власти былъ занесенъ изъ Польши. Шаръ, какъ знакъ владычества надъ землею, употреблялся еще у римлянъ. Онъ встрѣчается уже на монетахъ временъ Августа, но у язычниковъ, вмѣсто креста, ставилось надъ нимъ изобра-

Сосудъ и стручецъ для св. мvропомазанія.
Съ рисунка, находящагося въ «Описаніи коронованія императрицы Елизаветы Петровны».

женіе богини побѣды. Въ упомянутомъ значеніи стали употреблять шаръ и римскіе императоры, подъ названіемъ globus», а отъ нихъ знакъ этотъ перешелъ къ римско-нѣмецкимъ императорамъ, а потомъ и къ королямъ. Къ намъ онъ перешелъ съ польскимъ названіемъ «jabłko» — «яблоко» — съ прибавкою къ нему слова «державное» или «самодержавное». Впослѣдствіи же слово «яблоко» было замѣнено словомъ «держава».

1-го іюня 1606 года совершилось въ Успенскомъ соборѣ коронованіе второго избраннаго царя всея Россіи — князя Василія Ивановича Шуйскаго. Оно было исполнено по чину,

установленному упомянутою соборною грамотою, но, по современнымъ извѣстіямъ, торжество это не отличалось особенною пышностію.

Родоначальникъ новаго царственнаго дома, Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, былъ вѣнчанъ на царство 17-го іюля 1613 года. Такъ какъ патріарха въ то время въ московскомъ государствѣ не было, то обрядъ коронованія былъ совершенъ старѣйшимъ изъ русскихъ первосвятителей, митрополитомъ казанскимъ Ефремомъ, который и возложилъ на государя бармы и шапку Мономаха. Для этого торжества было устроено въ соборѣ «великое чертожное мѣсто», и все оно, какъ и ступени, ведшія къ нему, было обито краснымъ сукномъ; пространство отъ этого мѣста до царскихъ дверей было застлано такимъ же сукномъ, а по сукну разостланы были ковры и камки. По обѣимъ сторонамъ этой постилки были разставлены скамьи для духовенства, покрытыя золотыми персидскими коврами, бархатомъ, золотистымъ атласомъ и суквами. На самомъ «чертожномъ мѣстѣ» было устроено царское мѣсто», называвшееся потомъ обыкновенно «персидскимъ престоломъ», украшенное драгоцѣнными камнями, съ подножкой — или, иначе, съ «приступцемъ» — покрытой золотистымъ бархатомъ. По лѣвой сторонѣ чертожнаго мѣста былъ поставленъ «стулъ» съ золотистою бархатною подушкою для митрополита. Отъ устроеннаго теперь царскаго мѣста и до обыкновеннаго сукна были разостланы такъ называемые «пути», или «дороги», изъ гладкаго краснаго бархата.

Противъ чертожнаго мѣста, близъ амвона, нѣсколько вправо, поставили два аналоя одинаковой величины, а передъ ними — третій, нѣсколько ниже. Всѣ они были обтянуты золотистымъ атласомъ, а сверху на нихъ были положены драгоцѣнныя пелены, унизанныя жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Здѣсь должна была размѣститься «царская утварь».

Наканунѣ дня коронованія, во всѣхъ кремлевскихъ соборахъ, а также во всѣхъ московскихъ приходскихъ церквахъ и монастыряхъ, было отслужено всенощное бдѣніе, а утромъ слѣдующаго дня благовѣстъ и трезвонъ возвѣстили жителямъ Москвы объ имѣющемъ быть въ этотъ день торжествѣ царскаго вѣнчанія.

На разсвѣтѣ государь вышелъ изъ постельныхъ хоромъ въ «золотую среднюю палату», гдѣ ожидали его одѣтые въ богатое платье бояре, тогда какъ окольничіе и думные люди стояли въ сѣняхъ передъ золотою палатою. Изъ этой палаты царь послалъ своего духовника, протопопа Благовѣщенскаго собора, за царскимъ «саномъ», или «чиномъ», хранившимся на казенномъ дворѣ. Съ протопопомъ пошли новопожалованный бояринъ, знаменитый князь Пожарскій, царскій казначей и двое дьяконовъ.

Когда царскій «санъ» былъ принесенъ, то государь, приложившись къ животворящему кресту, отправилъ знаки царскаго достоинства съ тѣми же лицами въ Успенскій соборъ. Такими знаками были теперь: крестъ, діадима, или бармы, царскій вѣнецъ, или шапка Мономаха, цѣпь «аравійскаго злата», скипетръ и держава. Несли эти знаки на золотыхъ блюдахъ тѣ же лица, которыя ходили за ними на «казенный дворъ», или въ царскую сокровищницу.

Когда же пришедшіе изъ собора царскій духовникъ и бояринъ Морозовъ извѣстили государя, что тамъ все уже готово, то онъ отправился туда, въ предшествованіи и сопровожденіи бояръ, окольничихъ, думныхъ людей, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и городскихъ, дѣтей боярскихъ и всѣхъ чиновъ людей.

По установившемуся порядку, царскій духовникъ, идя впереди этого торжественнаго шествія, кропилъ царскій путь святою водою.

При входѣ въ соборъ, митрополитъ казанскій и митрополитъ ростовскій, а также всѣ архіепископы, епископы и архимандриты, встрѣтили государя. Митрополитъ Ефремъ далъ ему поцѣловать крестъ и окропилъ святою водою. Пѣвчіе дьяки пѣли многолѣтіе, а государь въ это время прикладывался къ иконамъ. Послѣ этого онъ сталъ на свое обыкновенное мѣсто, а первенствовавшій митрополитъ — у патріаршаго мѣста; тогда начался молебенъ, по окончаніи котораго митрополитъ подошелъ къ государю и возвелъ его съ обыкновеннаго мѣста на «чертожное», гдѣ государь и сѣлъ на свое «царское» мѣсто, а митрополитъ — на приготовленный для него «стулъ». Прочее духовенство помѣстилось на скамь-

яхъ. За царемъ по правую сторону стали бояре, а по лѣвой сторонѣ расположились соборные старцы.

Посидѣвъ нѣсколько времени, царь и митрополитъ встали, и тогда государь, обратившись къ владыкѣ, произнесъ рѣчь историческаго содержанія, въ которой излагались обстоятельства, предшествовавшія его избранію на престолъ, и самое избраніе, и, въ заключеніе этой рѣчи, онъ просилъ митрополита благословить его царскимъ вѣнцомъ и діадимою, согласно съ избраніемъ и «по прежнему чину и достоянію».

Когда царь умолкъ, митрополитъ, осѣнивъ его крестомъ, произнесъ «отвѣтную» рѣчь отъ лица духовенства и всего народа. Послѣ этого Ефремъ возложилъ руки на голову царя и прочелъ соотвѣтствующую настоящему священнодѣйствію молитву. Затѣмъ, когда архимандриты поднесли митрополиту сперва бармы, а потомъ Мономахову шапку, то онъ возложилъ эти знаки царскаго сана на Михаила и прочелъ молитву о благополучномъ царствованіи новаго государя. Въ такомъ царскомъ облаченіи митрополитъ, поставивъ его на престолѣ, поклонился ему, и царь отвѣчалъ ему также поклономъ, приподнявъ немного вѣнецъ.

Когда митрополитъ ростовскій Кириллъ поднесъ, со всѣми присутствовавшими при этомъ архіереями, митрополиту Ефрему скипетръ и державу, то Ефремъ далъ царю въ правую руку скипетръ, а въ лѣвую державу и произнесъ при этомъ краткую рѣчь. При принятіи скипетра, царь поклонился митрополиту, уже не приподнимая вѣнца. Послѣ того митрополиты и архіепископы вошли на чертожное мѣсто и, по очереди, благословляли царя своими руками; сходя же съ помоста, они отдавали ему по поклону, на что царь отвѣтствовалъ имъ «малымъ поклономъ». Здѣсь встрѣчается нѣкоторое различіе въ обрядности, сравнительно съ обрядностію, принятою въ этомъ случаѣ католическою церковью, такъ какъ католическіе государи, при благословеніи ихъ представителями церкви, обнимаютъ одною рукою благословляющихъ и цѣлуютъ ихъ въ щеку.

Посадивъ послѣ того государя на престолъ, Ефремъ сѣлъ на свой стулъ, и въ это время послѣдовало чтеніе большой эктеніи и провозглашеніе государю многолѣтія съ прочтеніемъ его полнаго царскаго титула. Послѣ того всѣ присут-

ствовавшіе принесли царю поздравленіе троекратнымъ поклоненіемъ, а митрополитъ Ефремъ обратился къ нему съ «поучительнымъ словомъ», въ которомъ онъ внушалъ ему блюсти царскія добродѣтели, а также и «беречь бояръ по ихъ отчеству».

«Поучительное слово» первенствовавшаго іерарха не было исключительною принадлежностію коронованія русскихъ государей; его произносили въ такихъ случаяхъ и передъ католическими государями, и прелаты латинской церкви внушали императорамъ римско-нѣмецкимъ, а также королямъ французскимъ и польскимъ, между прочимъ, ихъ обязанность не только защищать церковь вообще, но и истреблять заводящіяся въ ней ереси. Въ ознаменованіе первой изъ этихъ обязанностей, короли польскіе дѣлали передъ распятіемъ три взмаха государственнымъ мечемъ, которымъ опоясывалъ ихъ первенствовавшій архіепископъ, примасъ государства.

Послѣ возложенія на Михаила Ѳеодоровича царскаго «сана», началась литургія, впродолженіи которой государь, при положеніи земныхъ поклоновъ, снималъ съ себя царскій вѣнецъ и отдавалъ его держать своему сроднику, Ивану Никитичу Романову. Послѣ великаго выхода, митрополитъ Ефремъ осѣнилъ предстоявшихъ крестомъ, а государь подошелъ къ царскимъ вратамъ, и митрополитъ возложилъ на него цѣпь изъ «аравійскаго злата». Царь отошелъ послѣ этого на свое царское мѣсто. Когда же духовные пріобщились въ алтарѣ, то посланные Ефремомъ архидіаконъ и протодіаконъ подошли къ царю и поклонились ему «ниже пояса», а архидіаконъ заявилъ государю, что преосвященный митрополитъ и весь священный соборъ призываютъ его на помазаніе святого великаго мѵро и ко причастію святыхъ и божественныхъ таинъ. «Гряди къ намъ о Святѣмъ Дусѣ съ миромъ» — заключилъ архидіаконъ свое извѣщеніе.

Царь пошелъ къ царскимъ вратамъ и тамъ, ставъ на постланномъ постельничимъ золотисто-бархатномъ коврѣ на колѣна, снялъ съ себя вѣнецъ. Митрополитъ Ефремъ стоялъ въ царскихъ вратахъ, и, когда митрополитъ Кириллъ со всѣми прочими архіереями поднесли ему мѵро, влитое въ «крабійцу», то Ефремъ взялъ изъ этого сосуда золотымъ «сучцомъ»

мѵра и помазалъ имъ Михаила на челѣ, ушахъ, персяхъ плечахъ и обѣихъ сторонахъ рукъ, говоря при каждомъ помазаніи, по стариннымъ книгамъ: «печать и даръ Святаго Духа». Крупныя капли мѵра митрополитъ отеръ бумагою, которая потомъ была сожжена въ алтарѣ, въ «сокровенномъ

Герольдъ въ уборѣ.

Съ рисунка, находящагося въ «Описаніи коронованія императрицы Елизаветы Петровны».

мѣстѣ». По мѵропомазаніи митрополитъ пріобщилъ государя, но по чину ли мірскому, или священнослужительскому—объ этомъ ни въ «чинѣ постановленія и мѵропомазанія», ни въ описаніяхъ коронаціи свѣдѣній не встрѣчается. О причащеніи по послѣднему чину упоминается только при коронаціи

царя Θеодора Алексѣевича, который принялъ отъ патріарха особо тѣла и особо крови. По всей, однако, вѣроятности, это соблюдалось и прежде. Такой чинъ пріобщенія составляетъ общій уставъ христіанской церкви, потому что и католическіе коронованные государи пріобщаются такъ же, какъ и священнослужители латинской церкви, подъ обоими видами, «sub utraque», т. е. принимаютъ не одинъ только хлѣбъ, какъ міряне вообще, но и вино.

По окончаніи обѣдни, митрополитъ Ефремъ только одинъ пошелъ къ государю по царскому пути, весь же священный соборъ шелъ по правой сторонѣ этого пути. Митрополитъ поднесъ государю просфору, а государь позвалъ его и присутствовавшее духовенство къ своему царскому столу.

Въ сопровожденіи бояръ и всякихъ чиновъ людей, Михаилъ, слѣдуя установившемуся обычаю, отправился къ соборы Архангельскій и Благовѣщенскій, и при выходѣ изъ нихъ былъ осыпаемъ съ головы золотыми и серебряными деньгами. По возвращеніи во дворецъ, царь пришелъ въ Грановитую Палату, гдѣ былъ торжественный обѣдъ. Такіе обѣды повторились на другой и на третій день, причемъ замѣчательно, что на послѣднемъ изъ этихъ обѣдовъ присутствовали и боярыни, сидѣвшія за столомъ противъ своихъ мужей.

VI.

Слѣдовавшія коронаціи царей Алексѣя Михайловича и сыновей его, Θеодора, а потомъ Ивана и Петра Алексѣевичей, хотя и были отправлены согласно соборной грамотѣ и установившимся обычаямъ, но, тѣмъ не менѣе, отличались нѣкоторыми частностями, на которыя мы считаемъ нужнымъ указать.

Коронаціи всѣхъ этихъ государей совершали патріархи московскіе и всероссійскіе. Коронація царя Алексѣя Михайловича была, однако, уже второю, совершонною патріархомъ, такъ какъ въ первый разъ патріархъ Іовъ короновалъ царя Бориса Θеодоровича Годунова. Надъ Алексѣемъ Михайловичемъ обрядъ этотъ совершилъ, 28-го сентября 1645 года, патріархъ Іосифъ; надъ Θеодоромъ Алексѣевичемъ—патріархъ

Іоакимъ и надъ Иваномъ и Петромъ Алексѣевичами — онъ же. Несмотря на то, что патріархи пользовались — особенно послѣ одного изъ нихъ, Филарета Никитича — особеннымъ почетомъ, они при коронованіи упомянутыхъ государей не отличались ничѣмъ отъ митрополитовъ. Изъ описаній коронацій не видно, чтобы они имѣли торжественный ходъ въ Успенскій соборъ въ предънесеніи креста, и чтобы впереди ихъ въ это время шли иподіаконы, разметавшіе передъ ними дорогу и посыпавшіе ее пескомъ. Мало того, въ описаніи коронаціи Θеодора Алексѣевича замѣчено, что государь, встрѣтивъ пришедшаго къ нему на торжественный обѣдъ патріарха, «не цѣловалъ его ни въ руку, ни въ клобукъ». Значитъ, въ этомъ отношеніи послѣдовала нѣкоторая перемѣна, конечно, подъ вліяніемъ понятій о томъ политическомъ значеніи, какимъ пользовался патріархъ Филаретъ, родитель государя, «смѣшавшій суды церковные и гражданскіе».

Царь Алексѣй Михайловичъ, во время своего коронованія, какъ бы выразилъ мысль о превосходствѣ царства надъ священствомъ, сказавъ, что его, царя, уже благословилъ его отецъ, царь Михаилъ Θеодоровичъ, тремя великими княженіями и тремя царствами. Самое помазаніе Алексѣя происходило, противъ прежняго, съ тою разницею, что партріархъ, вдобавокъ къ прежнимъ помазаніямъ, помазалъ еще царя «и на брадѣ и подъ брадою». Мы объясняемъ эту добавку тѣмъ, что въ ту пору стало проявляться въ Москвѣ своего рода вольнодумство. Русскіе люди, въ подражаніе жившимъ въ Москвѣ иноземцамъ, и преимущественно полякамъ, начали было брить бороды, и патріархъ Іосифъ, вѣроятно, желая предотвратить это новшество, помазалъ царскую браду и подъ брадою, и тѣмъ какъ бы освятилъ ея неприкосновенность, въ поученіе московскимъ людямъ всякихъ чиновъ, рѣшавшимся бритіемъ бородъ искажать подобіе Божіе.

Коронація царя Θеодора Алексѣевича происходила 16-го іюня 1676 года. Она замѣчательна тѣмъ, что, какъ сказано въ подлинномъ ея описаніи, состоялась по челобитію патріарха, митрополитовъ, архіепископовъ, игуменовъ, царевичей сибирскаго и касимовскаго, бояръ, окольничихъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и городскихъ, дѣтей боярскихъ, гостей и всякихъ чиновъ служилыхъ и торговыхъ людей.

Трудно рѣшить положительно, почему именно явилась такая челобитная, и появленіе ея можно объяснить развѣ тѣмъ, что въ ту пору начались уже раскольничьи смуты, и что, быть можетъ, царь колебался, не рѣшаясь, по какимъ именно книгамъ исполнить этотъ обрядъ и соединенную съ нимъ литургію — по старымъ или по новопечатнымъ? Вѣроятно, въ виду этого, патріаршая церковь, стараясь рѣшить этотъ вопросъ въ пользу новшествъ, и вызвала челобитную, при появленіи которой, за подписями патріарха и другихъ лицъ, церковь какъ бы уполномочивалась совершить это торжество по новымъ книгамъ и тѣмъ самымъ утвердить силу книжныхъ поправокъ въ глазахъ народа. Этимъ объясняется еще и другая, не встрѣчающаяся въ прежнихъ описаніяхъ особенность, состоявшая въ томъ, что, прежде возложенія на царя знаковъ царской власти, патріархъ обратился къ нему съ такимъ вопросомъ:

«Великій государь, царь и великій князь Өеодоръ Алексѣевичъ, како вѣруеши и исповѣдуеши Отца и Сына и Святаго Духа?» Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ государь громогласно прочиталъ символъ вѣры, по новоисправленнымъ книгамъ, тогда какъ пропускъ по нимъ въ символѣ вѣры буквы «а», бывшей передъ словомъ «несотворенна», и послужилъ однимъ изъ первыхъ и главныхъ поводовъ къ возникновенію старообрядческаго раскола.

Третьею особенностію этого коронованія было то, что государь въ самомъ храмѣ надѣлъ на себя новую одежду, принесенную туда однимъ изъ стряпчихъ. Затѣмъ все прочее было исполнено по прежнему чину, безъ малѣйшей отмѣны.

Такое же замѣчаніе должно сдѣлать и относительно другой слѣдовавшей за тѣмъ, 25-го іюня 1682 года, коронаціи, хотя въ этомъ случаѣ встрѣтилось небывалое еще условіе, такъ какъ приходилось вѣнчать на царство одновременно двухъ государей, Ивана и Петра Алексѣевичей. Для этой коронаціи былъ приготовленъ, вдобавокъ къ прежнему царскому «сану», новый такой же «санъ», по образцу стараго, т. е. былъ сдѣланъ второй заводъ «царской утвари». При этомъ новая Мономахова шапка, скипетръ и держава были такъ искусно поддѣланы подъ прежніе, что ихъ трудно было

отличить отъ старыхъ. Сдѣлано было также для обоихъ государей одно общее серебряное кресло.

Успенскій соборъ на этотъ разъ былъ точно такъ же устроенъ и убранъ, какъ и при предшествовавшихъ коронаціяхъ, съ тою только разницею, что для царской утвари были поставлены не три, какъ прежде, а шесть богатоубранныхъ столовъ. При совершеніи коронаціи первенство, конечно, отдавалось старшему изъ братьевъ. Священнодѣйствовалъ патріархъ Іоакимъ, и это была послѣдня царская, а вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдняя коронація, совершонная патріархомъ. Надобно также замѣтить, что коронація царей Ивана и Петра произвела сильное смущеніе среди раскольниковъ. Передъ началомъ торжества толпы ихъ со своими вожаками пытались вломиться въ Кремль и пробраться въ соборъ, чтобы подать патріарху старопечатные «служебникъ» и «чиновникъ», по которымъ должно было быть исполнено вѣнчаніе царей; но стрѣльцы и плотная толпа народа препятствовали старовѣрамъ осуществить ихъ намѣреніе, такъ что, когда они съ большими усиліями добились до собора, то обрядъ коронаціи былъ уже оконченъ по новымъ книгамъ.

VII.

7-го мая 1724 года совершилось въ Москвѣ небывалое событіе — если только исключить коронацію невѣсты лжецаря Дмитрія — коронація особы женскаго пола, Екатерины Алексѣевны, императрицею Всероссійскою. Эта коронація — помимо вопроса о самомъ священнодѣйствіи — происходила приблизительно по тѣмъ церемоніаламъ, которыхъ при подобныхъ торжествахъ придерживались на Западѣ. Коронаціи Екатерины предшествовало всенародное объявленіе, или манифестъ, изданный императоромъ Петромъ 16-го ноября 1723 года. Въ манифестѣ своемъ Петръ, не объясняя цѣли такого обряда, объявлялъ о подвигахъ и самоотверженіи Екатерины впродолженіи двадцатиоднолѣтней войны со Швеціею и о спасеніи ею русскаго войска на берегахъ Прута. «Того ради—писалъ въ манифестѣ Петръ—данною намъ отъ Бога самовластію за такія супруги нашея труды рѣшились мы короновать ее императорскимъ вѣнцомъ».

Предполагая совершить этотъ обрядъ, Петръ нисколько не нарушалъ обычая православной восточной церкви, на что онъ и указывалъ въ своемъ манифестѣ, приводя имена тѣхъ «благовѣрныхъ греческихъ царей», которые короновали своихъ супругъ.

Кромѣ манифеста о коронованіи Екатерины, за два дня до наступленія этого торжества, было оповѣщено о немъ герольдами, читавшими объявленія на торгахъ и площадяхъ Москвы «при играніи на трубахъ и при битіи въ литавры. Убранство Успенскаго собора на этотъ разъ отличалось отъ убранства, бывшаго въ прежнихъ подобныхъ случаяхъ, тѣмъ, что среди храма, надъ «чертожнымъ» мѣстомъ, былъ укрѣпленъ бархатный балдахинъ малиноваго цвѣта, подъ которымъ находился тронъ, или помостъ, не обитый, какъ прежде, краснымъ сукномъ, но весь украшенный живописью и позолотою. На этомъ помостѣ были поставлены два престола старинной работы. Въ соборѣ же были устроены особыя мѣста для лицъ царскаго семейства и для пребывавшаго въ Россіи герцога голштинскаго, а также для придворныхъ дамъ, и галлерея для знатныхъ особъ обоего пола и иностранныхъ министровъ.

При торжествѣ этой коронаціи на Ивановской площади были расположены войска: семеновскій и преображенскій полки, а также и гренадеры. Вмѣсто прежникъ бояръ и окольничихъ, при этой коронаціи появились генералъ-фельдмаршалы, генералы, тайные совѣтники, бригадиры, камергеры, камеръ-юнкеры, маршалы, церемонимейстеры, кавалергарды, ассистенты и т. д. Теперь между царскимъ «саномъ» не было уже ни «мономашескихъ» бармъ, ни «шапки»; первыя вовсе не были употреблены, а вторая была замѣнена ново-сдѣланною императорскою короною, по образцу коронъ византійскихъ императоровъ, и осыпана 2,564 драгоцѣнными камнями. Особенно замѣчателенъ былъ въ ней рубинъ, на которомъ былъ утвержденъ крестъ.

Въ числѣ новыхъ регалій была и порфира изъ золотого штофа, подбитаго горностаемъ; ее несли на двухъ подушкахъ двое изъ первыхъ сановниковъ. Изъ старинныхъ знаковъ царской власти въ настоящемъ случаѣ были употреблены только скипетръ и держава.

Мѵропамазаніе императрицы Екатерины II-й.

Съ рисунка, находящагося въ «Описаніи коронованія императрицы Екатерины II-й».

Во время шествія явилось небывалое новшество: играла музыка и били въ барабаны.

Объявивъ въ соборѣ, съ трона, еще разъ о намѣреніи своемъ короновать Екатерину, Петръ подозваннымъ къ нему верховнымъ маршаломъ архіереямъ приказалъ совершить коронованіе «по чину церковному». Тогда первенствовавшій архіерей — Өеодосій Яновскій, архіепископъ новгородскій — предложилъ императрицѣ «вслухъ исповѣдать православную каөолическую вѣру», что̀ она и исполнила, прочитавъ символъ вѣры. Послѣ того онъ возложилъ крестообразно руки на ея голову и прочелъ соотвѣтствующую молитву. Тогда архіереи подали императору коронаціонную мантію, и онъ, держа въ правой рукѣ скипетръ, возложилъ эту мантію на Екатерину. Послѣ того императрица стала на колѣна, и Өеодосій прочиталъ другую коронаціонную молитву, а два архіерея поднесли императору корону, которую онъ, продолжая держать въ правой рукѣ скипетръ, возложилъ на Екатерину. Затѣмъ онъ вручилъ ей державу, или «глобусъ», но скипетра ей не передавалъ, какъ бы знаменуя тѣмъ, что этотъ повелительный жезлъ еще не принадлежитъ ей. Тогда началось провозглашеніе многолѣтія, поздравленія и пушечная и ружейная пальба, которой не бывало при предшествовавшихъ коронаціяхъ.

При совершеніи литургіи, въ положенное для того время, императрица стала на колѣна передъ царскими вратами, и Өеодосій помазалъ ее мvромъ на челѣ, на персяхъ и на обѣихъ рукахъ, а затѣмъ пріобщилъ ее святыхъ тайнъ по чину мірянъ.

Обрядъ коронованія заключился поздравительною рѣчью архіепископа псковскаго, Өеофана Прокоповича. По выходѣ Екатерины изъ Успенскаго собора для шествованія въ соборъ Михаила Архангела, на Ивановской площади загремѣли барабаны, литавры и музыка, а также начался колокольный звонъ съ пушечною и ружейною пальбою. При этой коронаціи не былъ соблюденъ старинный обычай осыпать коронованную особу деньгами на папертяхъ всѣхъ кремлевскихъ соборовъ. Взамѣнъ этого, шедшій за императрицею генералъ Ласси металъ въ народъ выбитые нарочно по случаю коронаціи золотые и серебряные жетоны. Кромѣ того, по этому

же случаю были вычеканены медали, розданныя знатнымъ особамъ.

Послѣ коронаціи, въ Грановитой Палатѣ былъ обычный торжественный обѣдъ, а для народа было устроено угощеніе, состоявшее изъ жареныхъ быковъ, начиненныхъ птицами, и изъ винъ, бѣлаго и краснаго, пущенныхъ въ видѣ фонтановъ. Дворъ и знатныя персоны потѣшались различными празднествами.

Коронація Екатерины I-й имѣла впослѣдствіи весьма важное политическое значеніе. Когда послѣ смерти Петра I-го, нарушившаго прежній порядокъ престолонаслѣдія и не назначившаго себѣ преемника, возникъ вопросъ о томъ, кому слѣдуетъ получить послѣ него престолъ, сторонники Екатерины, и между ними преимущественно Ѳеофанъ Прокоповичъ, настаивали, что императрицею должна быть вдова покойнаго государя, которую онъ еще при своей жизни короновалъ съ тѣмъ, чтобы она замѣнила его на русскомъ престолѣ.

Императорская коронація въ общепринятомъ порядкѣ, т. е. коронація царствующаго государя, была въ первый разъ совершена 25-го февраля 1728 года. Въ этотъ день былъ вѣнчанъ на царство императоръ Петръ II-й. Коронаціи этой предшествовалъ его торжественный въѣздъ въ Москву. Кромѣ этого коронація Петра II-го не представляетъ ничего особеннаго, о чемъ бы намъ приходилось упоминать.

По прибытіи, 22-го февраля 1730 года, въ Москву призванной на императорскій престолъ герцогини Курляндской Анны Ивановны, она издала манифестъ о своей коронаціи, назначенной на 28-е апрѣля того же года. По случаю этой коронаціи, Успенскій соборъ былъ убранъ точно такъ же, какъ и при коронаціи Екатерины I-й. Къ числу же прежнихъ императорскихъ регалій на этотъ разъ была прибавлена цѣпь ордена Андрея Первозваннаго. Такую прибавку легко объяснить, если вспомнить, что верховники, по пріѣздѣ герцогини курляндской въ Москву, поднесли ей отъ себя знаки андреевскаго ордена, какъ бы въ видѣ пожалованія, между тѣмъ, какъ императрица хотѣла показать, что право на этотъ орденъ соединено непосредственно съ императорскимъ саномъ. Съ этого времени орденская цѣпь перваго русскаго ордена является всегда въ числѣ коронаціонныхъ

императорскихъ регалій, и ее возлагаетъ на себя самъ государь при исполненіи торжественнаго обряда.

Въ коронаціонномъ шествіи, кромѣ прежнихъ лицъ, участвовали теперь пажи съ ихъ гофмейстеромъ, а также депутаты отъ городовъ Лифляндіи и Эстляндіи и тамошніе ландраты. Императрица шествовала въ Успенскій соборъ, а потомъ и въ другіе соборы, подъ богатымъ балдахиномъ. Обрядъ коронаціи совершалъ архіепископъ новгородскій Ѳеофанъ Прокоповичъ, который и надѣлъ на государыню мантію и корону, а также вручилъ ей скипетръ и державу. Императрица Анна, первая изъ русскихъ государей, послѣ помазанія была введена въ алтарь и тамъ пріобщена по царскому чину, т. е. особо тѣла и особо крови.

Хотя значеніе коронаціоннаго обряда сохранило свою прежнюю неизмѣнную силу, но совершавшій его святитель уже не пользовался тѣмъ особеннымъ почетомъ, какой въ подобныхъ случаяхъ предоставлялся ему въ былую пору. Для него не устроивалось на тронѣ особаго сѣдалища. Государи уже не обращались къ нему съ просьбою «благословить на царство», называя его «отцомъ». «Поучительное слово» митрополита обратилось въ прошломъ столѣтіи въ похвальную рѣчь, а потомъ — въ краткое поздравительное привѣтствіе.

Мѵропомазаніе надъ Анной Ивановной, какъ надъ царствующей уже государыней, было совершено съ большими прибавками противъ помазанія Екатерины I-й, такъ какъ Анна Ивановна была помазана «на челѣ, на очахъ, на ноздряхъ, на устахъ, на ушесѣхъ, на рамѣ, на персѣхъ и по обую сторону на рукахъ». Такое обильное помазаніе было соблюдено и при послѣдующихъ коронаціяхъ двухъ царствовавшихъ императрицъ — Елизаветы и Екатерины II-й, но число помазаній супругъ государей ограничивается только помазаніемъ на челѣ. Помазаніе Анны происходило при «великомъ звонѣ» и «стрѣльбѣ изъ пушекъ и отъ полковъ бѣглымъ огнемъ».

Шествіе по соборамъ сопровождалось и теперь метаніемъ въ народъ золотыхъ и серебряныхъ жетоновъ. Послѣ того, втеченіе семи дней, въ Москвѣ продолжались самыя разнообразныя празднества.

Первымъ торжественнымъ празднествомъ былъ обычный

коронаціонный обѣдъ въ Грановитой Палатѣ, которая на этотъ разъ была убрана великолѣпно.

Стѣны ея были обиты въ двѣ полосы, изъ которыхъ одна была изъ кармазиннаго бархата, а другая изъ китайской золотой парчи съ разными узорами. Полъ былъ устланъ богатыми персидскими коврами. По правой сторонѣ входныхъ дверей было устроено высокое мѣсто, внутри обитое богатымъ штофомъ и украшенное золотою бахромою и такими же кистями — отсюда на коронаціонное пиршество смотрѣли цесаревны. Около столба, находящагося среди палаты, были поставлены императорскіе золотые и серебряные сосуды «превысокой работы». На правой сторонѣ былъ устроенъ балдахинъ изъ кармазиннаго бархата, съ богатымъ золотымъ позументомъ, кистями и бахромой. На внутренней стѣнѣ балдахина былъ вышитъ золотомъ двуглавый орелъ, а отъ балдахина и до самаго пола стѣна была убрана бархатомъ, съ вышитымъ на немъ русскимъ государственнымъ гербомъ; бархатомъ же было обито и все мѣсто, на которомъ были поставлены столъ и кресло для императрицы. По лѣвую сторону отъ этого мѣста были накрыты столы для первыхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, участвовавшихъ въ церемоніи. На той же сторонѣ, у дверей, былъ построенъ «великой театръ», обитый весь кармазиновымъ бархатомъ и золотымъ позументомъ, и на этомъ «театрѣ» помѣщалась императорская музыка.

Подобное устройство и убранство залы было и при всѣхъ послѣдующихъ коронаціяхъ, конечно, съ увеличеніемъ утонченной роскоши и съ бо́льшимъ проявленіемъ изящнаго вкуса.

Императрица сидѣла за особымъ столомъ въ коронѣ и порфирѣ. На этотъ столъ носили кушанья по повелѣнію государыни, передаваемому верховнымъ маршаломъ оберъ-церемонимейстеру. Кушанья вносили въ палату полковники, по сторонамъ которыхъ шли два кавалергарда съ карабинами въ рукахъ. Постановка кушаній и питей на столъ и снятіе ихъ со стола императрицы сопровождались колѣнопреклоненіемъ тѣхъ, которые ей прислуживали. Обычай выражать подобнымъ образомъ величіе государя передъ его подданными въ такихъ торжественныхъ случаяхъ былъ перенятъ нами съ запада, такъ какъ у насъ до Петра Вели-

каго падали передъ государемъ ницъ и били челомъ. Изъ описаній старинныхъ коронацій не видно, однако, чтобы такой обычай соблюдали при коронаціонныхъ обѣдахъ царей. На западѣ прислуживали государю, въ день коронаціи, подвластные ему владѣтельные князья. Такъ, первенствующіе послѣ императора владѣтели въ бывшей священной римской имперіи — курфирсты, или «электоры», преклоняли передъ императоромъ колѣно, прислуживая ему на коронаціонномъ пирѣ, происходившемъ обыкновенно въ Ахенѣ. Въ королевствѣ прусскомъ установилось право старѣйшаго представителя одной изъ древнѣйшихъ графскихъ фамилій — подавать королю умываться утромъ слѣдующаго послѣ коронаціи дня, и, когда при коронаціи нынѣшняго прусскаго короля право это было почему-то забыто, то старшій представитель этой фамиліи напомнилъ о наслѣдственно-принадлежащемъ ему правѣ. Въ королевской Франціи считалось всегда особеннымъ почетомъ позволеніе подать королю сорочку, при его одѣваніи, а если таковой почетъ доставался кому либо въ утро дня, слѣдовавшаго за коронаціей, то такой почетъ составлялъ вѣковую гордость той фамиліи, представитель которой его удостоился.

Особенностью коронаціи Анны Ивановны были такъ называемыя «аудіенціи», т. е. принятіе поздравленій отъ духовенства, «шляхетства» и другихъ лицъ. Коронація эта сопровождалась великолѣпными празднествами въ Москвѣ; давались обѣды, балы, и на одинъ изъ нихъ были приглашены, между прочими гостями, и архіереи. Въ Москвѣ, втеченіе трехъ ночей, зажигали великолѣпныя иллюминаціи, былъ устроенъ народный праздникъ и сожженъ роскошный фейерверкъ.

26-го февраля 1742 года пріѣхала для коронаціи въ Москву, по низверженіи, въ ноябрѣ предшествовавшаго года, съ престола Брауншвейгской фамиліи, новая государыня — Елизавета Петровна. Коронація ея, происходившая 25-го апрѣля того же года, была совершена архіепископомъ новгородскимъ, Амвросіемъ Юшкевичемъ, и разница въ этомъ случаѣ противъ прежняго заключалась въ томъ, что порфиру и корону возложилъ на нее не архіерей, какъ это велось прежде, но сама императрица надѣла ихъ на себя.

Пріемъ императрицей Екатериной II-й поздравленій послѣ коронованія.

Съ рисунка, находящагося въ «Описаніи коронованія императрицы Екатерины II-й».

Употреблена была при этомъ та же самая корона, которую носили уже Петръ II и Анна Ивановна. Пріобщалась Елизавета Петровна въ алтарѣ по царскому чину, какъ и ея предшественница, и вообще, какъ церковное, такъ и государственное торжество совершалось по установившемуся уже порядку и, въ общихъ чертахъ, при прежней обстановкѣ. Наиболѣе замѣтная разница заключалась теперь въ прибавкѣ къ регаліямъ государственнаго знамени, государственной печати и государственнаго меча. Сановникъ несъ этотъ мечъ обнаженнымъ, держа его остріемъ вверхъ, а ассистентъ его несъ ножны на подушкѣ, на которой прежде лежалъ мечъ.

По случаю коронаціи Елизаветы Петровны, упоминается въ первый разъ объ убранствѣ Москвы не только тріумфальными воротами и арками, но и елками, которыя были разставлены по обѣимъ сторонамъ улицъ, въ видѣ «зеленой аллеи», а также и объ убранствѣ домовъ сукномъ, коврами и «прочими преизрядными шелковыми и шерстяными матеріями». Изъ празднествъ наиболѣе выдавались многолюдные маскарады, повторившіеся девять разъ. На каждомъ изъ нихъ было по билетамъ отъ 800 до 1,000 человѣкъ обоего пола.

По случаю коронаціи, императрицею былъ изданъ милостивый манифестъ, и потомъ такого рода манифесты издавались при каждой изъ послѣдующихъ коронацій.

Послѣ смерти Елизаветы Петровны, быстро промелькнуло царствованіе Петра III, и 22-го сентября 1762 года происходила коронація Екатерины II-й.

Обрядъ коронованія былъ исполненъ митрополитомъ новгородскимъ, Дмитріемъ Сѣченовымъ, по установленному чину. Коронаціонный нарядъ императрицы былъ слѣдующій: золотая парчевая порфира, усѣянная вышитыми двуглавыми орлами; серебряное парчевое платье — сшитое, по тогдашней французской модѣ, на длинный и узкій корсетъ и черезчуръ широкія фижмы — изъ серебряной парчи, также затканной орлами; платье по юбкѣ и по шлейфу было оторочено золотымъ позументомъ, а по рукавамъ обшито богатѣйшимъ брабантскимъ кружевомъ въ пять рядовъ. На императрицѣ были серебряные парчевые башмаки съ чрезвычайно высокими каблуками. Императорская корона была передѣлана петербургскимъ ювелиромъ Позье.

Послѣ коронаціи происходилъ обѣдъ въ Грановитой Палатѣ, затѣмъ былъ пріемъ поздравленій. Балы, театральныя представленія, иллюминаціи, фейерверки и народный праздникъ—слѣдовали обычнымъ порядкомъ, только во всемъ этомъ было, сравнительно съ прежнимъ, болѣе роскоши и вкуса.

VIII.

Преемникъ Екатерины, императоръ Павелъ, спѣшившій, какъ и его мать, освятить свою верховную власть коронаціоннымъ обрядомъ, вѣнчанъ на царство 5-го апрѣля 1797 года. При этомъ торжествѣ была коронована одновременно съ нимъ и супруга его, Марія Өеодоровна. По отношенію къ ней руководствовались тѣмъ обрядомъ, какой былъ принятъ при коронаціи Екатерины I, и на нее, какъ и на Екатерину I, возложилъ корону самъ императоръ, съ тою разницею, что онъ сперва прикоснулся къ ея головѣ снятою съ себя короною, которую потомъ, молча, продержалъ нѣсколько времени надъ императрицею, и затѣмъ уже возложилъ на свою супругу предназначенную для нея малую корону. При этомъ онъ не имѣлъ, какъ Петръ I, скипетра въ правой рукѣ, но, облачая императрицу, положилъ его на поднесенную ему подушку.

Для коронаціи Павла Петровича была сдѣлана большая императорская корона ювелиромъ Дювалемъ, отличавшаяся еще бо̀льшею стоимостью украшеній, нежели прежняя. Былъ также сдѣланъ и новый скипетръ, въ видѣ золотого жезла, осыпаннаго алмазами и драгоцѣнными камнями, причемъ главнымъ замѣчательнымъ украшеніемъ былъ цѣнимый нынѣ въ 2.500,000 рублей брилліантъ въ 200 каратовъ, купленный у армянина Лазарева Орловымъ и поднесенный этимъ послѣднимъ императрицѣ Екатеринѣ. Этотъ драгоцѣнный камень былъ вставленъ на концѣ скипетра. Была сдѣлана также и новая держава, съ яблокомъ для креста изъ драгоцѣннаго синяго яхонта и обдѣланная превосходными брилліантами.

Императоръ, шедшій до Успенскаго собора подъ балдахиномъ, имѣлъ подлѣ себя императрицу. Онъ былъ одѣтъ въ военный мундиръ прусскаго покроя, съ напудренною го-

ловой и косою. Но въ соборѣ, передъ коронованіемъ, первенствовавшій въ служеніи митрополитъ новгородскій Гавріилъ возложилъ на него поверхъ мундира такъ называемый «далматикъ» изъ малиноваго бархата — древнюю одежду византійскихъ императоровъ, сходную по покрою съ архіерейскимъ саккосомъ. Послѣ мѵропомазанія, митрополитъ пріобщилъ императора по чину священно служителей, а императрицу по чину мірянъ. Разсказываютъ, впрочемъ — но это недостовѣрно — будто Павелъ Петровичъ, войдя въ алтарь, не принялъ даровъ изъ рукъ архіерея, но причастился надъ престоломъ самъ, какъ причащаются архіереи и священники, совершающіе литургію. Причащался Павелъ Петровичъ безъ шпаги, хотя во время совершенія коронаціи и имѣлъ ее на себѣ, по тогдашней формѣ, сзади, на поясницѣ. При шпагахъ короновались и послѣдующіе императоры, снимая оружіе только тогда, когда приступали къ таинству мѵропомазанія.

Коронація Павла Петровича сопровождалась одною замѣчательною особенностью: императорская корона, которую онъ надѣлъ на себя самъ, была поднесена первенствовавшему митрополиту не такъ, какъ она была подносима прежде — всѣми архіереями — но однимъ только свѣтскимъ сановникомъ, графомъ Безбородко. Послѣ коронаціи, императоръ прочиталъ съ трона составленный имъ законъ о порядкѣ престолонаслѣдія, и по прочтеніи положилъ этотъ актъ въ серебряный ковчегъ, поставленный на престолѣ, въ алтарѣ Успенскаго собора. Замѣтимъ кстати, что, при коронаціи Павла Петровича, въ Успенскій соборъ были допущены лица только первыхъ двухъ классовъ; всѣ же остальныя ожидали окончанія церемоніи внѣ храма.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что впослѣдствіи императоръ Павелъ Петровичъ возложилъ на себя въ Петербургѣ, въ Зимнемъ дворцѣ, еще и другую корону, съ соблюденіемъ церковно-католическихъ обрядовъ, а именно корону великаго магистра державнаго рыцарскаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, которая была привезена съ острова Мальты въ Гатчино и поднесена ему рыцарями мальтійскаго ордена. Въ царствованіе его, корона эта изображалась и на русскомъ государственномъ гербѣ, но послѣ его кончины она безъ

всякаго церемоніала была вынесена изъ Зимняго дворца гофъ-фурьерами и отправлена въ Москву, для храненія въ Оружейной Палатѣ.

По случаю коронаціи императора Павла, въ Москвѣ было устроено небывалое еще зрѣлище: въ день Преполовенія императоръ дѣлалъ войскамъ парадъ. На этомъ парадѣ онъ присутствовалъ въ далматикѣ и коронѣ, а митрополитъ Гавріилъ помѣстился на особо-устроенномъ помостѣ и кропилъ святою водою императора, знамена и войска.

Коронація Павла Петровича, кромѣ разныхъ увеселеній, сопровождалась необыкновенно щедрыми пожалованіями и наградами, причемъ свыше 100,000 душъ крестьянъ обращены были въ крѣпостное состояніе.

IX.

Послѣ того, что̀ мы сказали о предшествовавшихъ коронаціяхъ, намъ приходится уже весьма немного говорить о послѣдующихъ, такъ какъ церковный обрядъ отправлялся по прежнему чину, а торжественная обстановка соблюдалась согласно прежнимъ церемоніаламъ, съ небольшими лишь измѣненіями при въѣздахъ государей въ столицу. Александръ I короновался 15-го апрѣля 1801 года, а Николай I — 22-го августа 1826. Въ первомъ случаѣ священнодѣйствовалъ митрополитъ московскій Платонъ, а во второмъ — митрополитъ новгородскій Серафимъ. Оба государя при короновании не надѣвали «далматика», но остались при совершеніи обряда въ генеральскихъ мундирахъ. Въ такомъ же одѣяніи короновался и императоръ Александръ II.

Что касается послѣдней коронаціи, т. е. коронаціи императора Александра II Николаевича, то въ общихъ чертахъ она происходила въ слѣдующемъ порядкѣ.

Послѣ торжественнаго въѣзда въ Москву императора и его супруги, было въ этой столицѣ торжественное объявленіе о днѣ коронованія ихъ величествъ. Для этого назначены были подъ командою одного генералъ-адъютанта, въ чинѣ полнаго генерала, два генералъ-адъютанта генералъ-маіорскаго чина, два коронаціонныхъ оберъ-церемонимейстера,

два герольда, четыре придворныхъ церемонимейстера, два сенатскихъ секретаря, всѣ верхами, и два въ конномъ строю эскадрона, одинъ отъ кавалергардскаго ея величества, другой отъ лейбъ-гвардіи коннаго полка, съ литаврщиками и полными хорами трубачей. При каждомъ изъ этихъ эскадроновъ было по два трубача (отдѣльно отъ хоровъ) съ трубами, украшенными золотою парчею, съ изображеніемъ государственнаго герба. Всѣ означенныя лица, за исключеніемъ герольдовъ, офицеровъ и нижнихъ чиновъ эскадрона, имѣли по мундиру, черезъ правое плечо шелковые шарфы трехъ цвѣтовъ имперіи, обшитые по концамъ золотою бахромою. Герольды, оберъ-церемонимейстеры и церемонимейстеры были съ жезлами. Герольды въ особой, званію сему для торжествъ присвоенной одеждѣ.

По прочтеніи объявленія, герольды раздавали печатные его экземпляры, а хоры трубачей играли народный гимнъ. Объявленія о коронаціи читались на площадяхъ Москвы три дня сряду.

Убранство Успенскаго собора при коронаціи императора Александра Николаевича отличалось большимъ блескомъ. Оно состояло въ слѣдующемъ: въ соборѣ былъ устроенъ балдахинъ малиноваго бархата, съ подборами изъ золотого глазета, украшенный золотымъ позументомъ, бахромою, шнурами и кистями; сѣнь его была обита золотою парчею, а карнизъ былъ золоченый съ рѣзными украшеніями; по угламъ карниза золоченыя императорскія короны, посреди каждой изъ четырехъ сторонъ карниза золоченые орлы, а на верхнихъ рѣзныхъ украшеніяхъ страусовыя перья по цвѣтамъ имперіи; на срединѣ каждой стороны подзора — золотые щиты съ вензелевымъ изображеніемъ имени его величества, украшенные коронами, на углахъ подзора золоченые орлы, а на его фестонахъ кресты изъ золотого глазета. На плафонѣ балдахина, въ серединѣ — шитый государственный гербъ, по угламъ вензелевое имя императора, подъ короною, а вокругъ каждаго вензеля цѣпь ордена Андрея Первозваннаго.

Подъ балдахиномъ былъ устроенъ тронъ о 12-ти ступеняхъ, обитый малиновымъ бархатомъ, съ золотымъ позументомъ. Ступени трона раздѣлены были двумя уступами, или площадками; вокругъ трона и по бокамъ ступеней, до самаго

Шествіе императора Александра II-го въ Успенскій соборъ для коронованія.

Съ современнаго рисунка.

низу, шли золоченыя перила; вверху и внизу ступеней четыре золоченые орла на тумбахъ. На особомъ возвышеніи среди трона, обитомъ также малиновымъ бархатомъ съ золотымъ позументомъ, были поставлены: престолъ царя Ивана III, для государя, и престолъ царя Михаила Өеодоровича, для государыни, а по лѣвую сторону престоловъ столъ для императорскихъ регалій, обитый малиновымъ бархатомъ съ бахромою и позументомъ и покрытый золотою парчею съ такою же бахромою.

Вправо отъ трона было устроено особое подъ балдахиномъ мѣсто для вдовствующей императрицы, съ престоломъ царя Алексѣя Михайловича, изъ малиноваго бархата, а сѣнь его, надъ которою была утверждена императорская корона, была обита золотою парчею; на углахъ балдахина страусовыя перья по цвѣтамъ имперіи; подзоры были украшены вензелями императрицы подъ короною и цѣпью ордена св. Андрея Первозваннаго. Плафонъ изъ золотой парчи съ вышитымъ малымъ государственнымъ гербомъ.

Обыкновенное императорское мѣсто въ соборѣ было снаружи обито малиновымъ бархатомъ съ золотымъ позументомъ и бахромою, а внутри — золотою парчею съ малымъ императорскимъ гербомъ.

Два столба въ соборѣ, между которыми былъ устроенъ тронъ, были драпированы бархатомъ, съ золотымъ карнизомъ, и бахромою, и украшены золочеными чеканными орлами. У двухъ другихъ столбовъ собора было устроено мѣсто для высочайшихъ особъ, съ особеннымъ всходомъ и золочеными перилами, обитое малиновымъ бархатомъ съ золотымъ позументомъ, а у столба съ лѣвой стороны были мѣста для почетныхъ особъ, расположенныя нѣсколько ниже описаннаго сейчасъ мѣста; они были обиты алымъ сукномъ съ золотымъ позументомъ и обведены золочеными перилами.

У стѣнъ, внутри собора, были мѣста для иностранныхъ пословъ и посланниковъ, придворныхъ дамъ и прочихъ особъ, обитыя алымъ сукномъ, съ золотымъ позументомъ и багетами.

Мѣста для духовныхъ особъ и пѣвчихъ, ступени передъ алтаремъ и полъ церкви были также обиты алымъ сукномъ.

Церковный обрядъ былъ исполненъ по установленному чину.

Вотъ та молитва, которую читалъ колѣнопреклоненный императоръ:

«Господи Боже мой, Царю царствующихъ, сотворивый вся словомъ Твоимъ и премудростію Твоею устроивый че-

Императорскія регаліи при коронованіи императора Александра II-го.
Съ современнаго рисунка.

ловѣка, да управляетъ міръ въ преподобіи и правдѣ. Ты избралъ мя еси царя и судію людемъ Твоимъ. Исповѣдую неизслѣдимое Твое о мнѣ смотрѣніе и, благодаря, величеству Твоему поклоняюся. Ты же, Владыко и Господи мой, настави мя въ дѣлѣ, на неже послалъ мя еси, вразуми и управи мя въ великомъ дѣлѣ семъ. Да будетъ со мною пре-

сѣдящая престолу Твоему премудрость, посли ю съ небесъ святыхъ Твоихъ, да разумѣю, что есть право въ заповѣдѣхъ Твоихъ. Буди сердце мое въ руку Твоею, яже все устроити къ пользѣ врученныхъ мнѣ людей и къ славѣ Твоей, яко да и въ день суда Твоего непостыдно воздамъ Тебѣ слово».

По окончаніи литургіи было обычное шествіе въ кремлевскіе соборы. Потомъ обѣдъ въ Грановитой Палатѣ, и затѣмъ слѣдовали блестящія коронаціонныя празднества и народныя увеселенія.

X.

Высочайшій манифестъ о коронованіи нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Александровича былъ обнародованъ 24 января 1883 года, причемъ временемъ коронованія назначенъ май мѣсяцъ того же года.

Церемоніалъ торжественнаго императорскаго въѣзда въ Москву, послѣдовавшаго 10-го мая, ничѣмъ особеннымъ не отличался отъ церемоніаловъ въ подобныхъ предшествовавшихъ случаяхъ, при коронаціяхъ императоровъ Николая I и Александра II. Но теперь въ числѣ лицъ, составлявшихъ императорскій поѣздъ, были, между прочимъ, новые подданные русскаго государя: бухарцы, хивинцы и текинцы въ своихъ національныхъ костюмахъ. Императорская охота была одѣта въ новую форму, приноровленную по покрою къ русскимъ кафтанамъ, съ замѣною прежнихъ треугольныхъ шляпъ мурмолками. Но придворная прислуга, а также и кучера сохранили прежній французскій костюмъ, и также шелковые чулки на ногахъ и пудру на волосахъ подъ треугольными шляпами.

Всенародное объявленіе о днѣ коронованія происходило 12-го мая, также по установившемуся въ прежнее время порядку, и герольды явились въ старинной западно-европейской одеждѣ, въ шляпахъ à la Rembrandt съ страусовыми перьями, а не въ видѣ старо-московскихъ бирючей. Передъ этимъ объявленіемъ въ арсенальной залѣ оружейной палаты было, по установленному церковному положенію, освѣщено новое государственное знамя. На этотъ разъ оно не было

сдѣлано—какъ дѣлалось прежде—изъ золотой парчи, но изъ тяжелой шелковой ткани цвѣта стараго золота (viel or). На немъ въ первый разъ появился, какъ дополненіе къ большому государственному гербу, гербъ Туркестанской области — изображеніе единорога. Новое государственное знамя было изготовлено въ Ліонѣ.

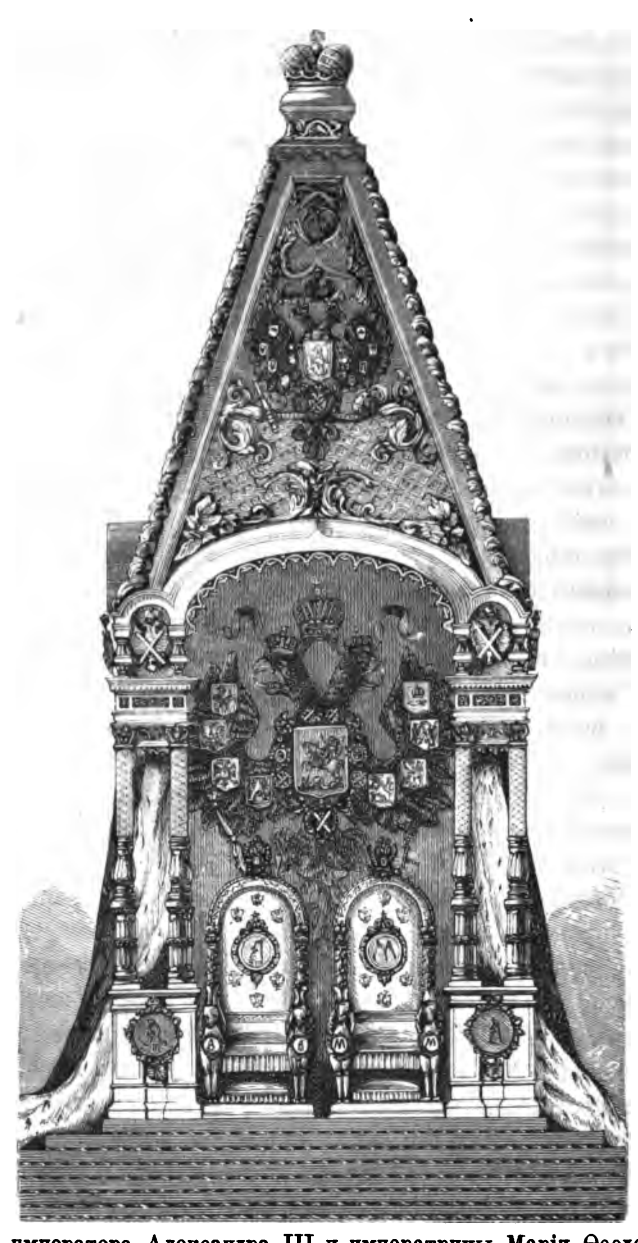
На коронаціонныхъ торжествахъ, кромѣ особыхъ представителей отъ всѣхъ главныхъ европейскихъ государствъ, присутствовали слѣдующія особы изъ владѣтельныхъ иностранныхъ домовъ: герцогъ Эдинбургскій съ супругою, эрцгерцогъ австрійскій Карлъ-Людвигъ съ супругою, королева эллиновъ, принцъ прусскій Альбрехтъ, принцъ шведскій Карлъ, герцогъ Аостскій Амедей, испанскій инфантъ герцогъ Монпансье, принцъ баварскій Арнульфъ, принцъ баденскій Карлъ, принцы гессенскіе Генрихъ и Александръ, князь черногорскій Николай, князь болгарскій Александръ, принцы саксенъ-веймарскіе Германъ и Бернгардтъ, принцъ датскій Вольдемаръ и принцъ саксенъ-кобургскій Фердинандъ.

Въ торжественномъ шествіи изъ кремлевскаго дворца въ Успенскій соборъ къ прежнимъ участникамъ присоединены были на этотъ разъ предсѣдатели земскихъ управъ и волостные старшины.

Священный обрядъ коронованія по древнему, старинному чину былъ совершонъ митрополитомъ новгородскимъ Исидоромъ, причемъ за исключеніемъ вновь сдѣланныхъ порфиръ были употреблены прежнія царскія регаліи и такъ называемые престолы царей Михаила Феодоровича и Алексѣя Михайловича.

Обыкновенный въ этотъ день обѣдъ въ Грановитой Палатѣ происходилъ по установленному въ прежнее время церемоніалу. Но стѣны палаты были расписаны за ново живописью въ такомъ видѣ, въ какомъ палата эта была при царяхъ московскихъ, въ замѣнъ прежней обивки ея стѣнъ малиновымъ бархатомъ съ золотыми орлами. Роспись обѣда была составлена изъ кушаній съ русскими названіями, какъ-то: борщикъ, или похлебка, гурьевская каша и т. д.

При трехъ предшествовавшихъ коронаціяхъ пѣли торжественный, заимствованный изъ сочиненій Ломоносова слѣдующій гимнъ:



Тронъ императора Александра III и императрицы Маріи Θеодоровны.

Возложеніе императоромъ Александромъ III короны на императрицу Марію Ѳеодоровну.

Коликой славой днесь блистаетъ
Сей градъ съ прибытіемъ твоимъ;
Онъ всѣхъ веселій не вмѣщаетъ
Въ пространномъ зданіи своемъ,
Но воздухъ наполняютъ плескомъ
И нощи тьму отъемлетъ блескомъ.

Этотъ старинный гимнъ былъ замѣненъ стихотвореніемъ г. Майкова, написаннымъ на простонародно-сказочный и пѣсенный ладъ и начинавшимся такъ:

То не звѣздочка
Засвѣтилася
Въ непроглядной тьмѣ,—
То зажглась свѣча
Воску яраго
Въ каменной Москвѣ.

Кантата г. Майкова была историческаго содержанія и въ ней, примѣнительно къ ходу русской исторіи, встрѣчаются слѣдующія строки:

Самодержецъ всея Руссіи,
А не ханскій уже данничекъ:
Его ноженькой растоптана
Басма ханская тутъ валится
И бѣгутъ съ метлою конюхи
Выметать ее на задній дворъ.

Торжество коронаціи сопровождалось пріемами въ кремлевскомъ дворцѣ, обѣдами, празднествами и великолѣпною иллюминаціею.

МОСКОВСКІЕ ЛЮДИ XVII-ГО ВѢКА.

I.

Въ 1684 году, подъѣзжалъ, по тульской дорогѣ, къ Москвѣ изъ Сѣвска, въ маленькой рогожной кибиткѣ, на своей лошадкѣ, торговый человѣкъ Демьянъ Григорьевъ съ племянникомъ своимъ Никитою, оба по прозванію Антуфьевы. Хотя путь ихъ былъ и не очень далекъ, но не мало натерпѣлись они, впродолженіе его, разныхъ хлопотъ и безпокойствъ.

Въ городахъ, черезъ которые они проѣзжали, ихъ на таможенныхъ заставахъ и рогаткахъ останавливали дозорные.

— Ты отколь и куда ѣдешь?—кричали они.

— Ѣду изъ Сѣвска, государевой отчины, въ Москву!—отзывался дядя.

— А проѣзжая грамота есть?

— Какъ не быть.

— Ну-ка, покажь ее намъ.

И купчина вытаскивалъ изъ-за пазухи клочокъ сѣрой бумаги. Такъ какъ бо̀льшая часть дозорныхъ были или вовсе неграмотны, или съ трудомъ могли разбирать тогдашнее письмо, да еще подъ титлами, то они для важности принимались внимательно разсматривать поданную имъ бумагу и если не держали ее верхомъ внизъ, то потому только, что

приложенная къ ней черная восковая, полуистертая уже печать показывала мало-мальски смѣтливому человѣку, гдѣ было начало и гдѣ конецъ написанному.

— А не воровская она будетъ? спрашивалъ кто нибудь изъ дозорныхъ.

— Оборони Богъ!.. Стану ли такимъ дѣломъ заниматься?

— А кто съ тобой въ пути?..

— Племяшъ мой...

— То-то, смотри.

Но обыкновенно всѣ дальнѣйшіе вопросы со стороны дозорныхъ прекращались, когда проѣзжій брался за мошну, показывая тѣмъ самымъ, что онъ, уплативъ уже проѣзжую пошлину, не желаетъ оставить безъ подачки и дозорныхъ.

На иныхъ заставахъ болѣе придирчивые дозорщики начинали высказывать разныя подозрѣнія.

— Да не бѣглые ли вы будете холопы? спрашивали они.

— Были бы бѣглые, такъ въ Москву не потянулись бы, а пробирались бы на украйны, въ вольныя степныя мѣста, находчиво отвѣчалъ старикъ Антуфьевъ.

— И то правда, поддакивали дозорные, видя, что для нихъ въ рукахъ проѣзжаго заготовленъ алтынъ.

На иной заставѣ къ разныхъ опросамъ добавляли:

— Конь-то у васъ свой ли? не ворованный ли онъ?

— Что ты, кормилецъ, да у меня въ Сѣвскѣ еще тройка такихъ будетъ?

И затѣмъ одинъ, а иногда, смотря по строгости опросовъ, и два алтына, сунутые дозорщикамъ, устраняли тотчасъ всѣ подозрѣнія, которыхъ собственно и не было, а высказывались они лишь для того, чтобы припугнуть и понажать проѣзжихъ. Особенно часто накидывались на Антуфьевыхъ земскіе ярыжки. Они прямо заявляли имъ, что такихъ людей какъ они, по примѣтамъ, и ищутъ, и на основаніи этого хотѣли волочить ихъ то къ старостѣ, то къ воеводѣ. Испытывали такія нападенія не одни, впрочемъ, Антуфьевы, но и другіе проѣзжіе по дорогамъ, такъ какъ вообще земскіе ярыжки кормились разными неправыми доходами. Но, кромѣ того, путешественниковъ могла въ ту пору постигнуть и болѣе существенная невзгода. На проѣзжихъ по большимъ дорогамъ нападали нерѣдко разбойники, грабили и

убивали ихъ. Предводителями разбойничьихъ шаекъ были не только бѣглые и крестьяне, но между ними находились князья, дворяне и даже люди «ангельскаго чина», какъ, напримѣръ, строитель Тафтинской пустыни. Не смотря на разныя мытарства, Антуфьевы все-таки, говоря относительно, благополучно добрались до Москвы и теперь думали о томъ, какъ бы въѣхать въ самый городъ безъ какихъ нибудь новыхъ непріятныхъ приключеній.

II.

Демьянъ Антуфьевъ былъ уже старикъ лѣтъ шестидесяти слишкомъ. Считался онъ человѣкомъ бывалымъ, такъ какъ ѣздилъ изъ Сѣвска по Украйнѣ и закупалъ тамъ скотъ, который потомъ перепродавалъ съ выгодою для себя. Неудобно въ этой торговлѣ было только одно: падежи истребляли очень часто рогатую скотину, и по временамъ Демьянъ Григорьевичъ терпѣлъ большіе убытки; но, какъ торговецъ сметливый и оборотливый, скоро поправлялся и принимался снова за свой обычный промыселъ.

Казалось бы, что Демьянъ Григорьевичъ могъ хорошо вести свое дѣло и у себя на родинѣ, въ Сѣвскѣ, и въ окольныхъ съ этимъ городомъ мѣстахъ, но стараго купчину подбивало желаніе попытать счастія на сторонѣ, правда, не для себя лично, но для любимаго имъ племянника Никиты. На Руси въ это время ходили слухи, что торговымъ людямъ въ Москвѣ живется не только лучше, но и почетнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ; что на Москвѣ не такое заурядное купечество, какъ въ другихъ царскихъ городахъ, а есть и важные торговцы изъ суконной и гостинной сотенъ. Разсказывали также въ народѣ, что на Москвѣ не своевольничаютъ и не притѣсняютъ простыхъ людей воеводы такъ, какъ это повелось въ другихъ мѣстахъ, гдѣ воевода, его дьякъ и подьячіе обижали и раззоряли безнаказанно торговыхъ людей и даже забирали безплатно силою изъ ихъ лавокъ всякіе товары, которые имъ полюбятся.

Никита былъ единственный родной племянникъ Демьяна, да въ добавокъ еще и его крестникъ. Бездѣтный Демьянъ

взялъ его вмѣсто сына и хотѣлъ передать ему въ наслѣдство все свое добро. Дядя былъ человѣкъ разсудительный и, по тому времени, несмотря на свои хлопотливыя занятія, былъ еще и человѣкъ начитанный «по божественнымъ книгамъ». Онъ поучалъ и наставлялъ своего племянника на добрый путь и оберегалъ его отъ «всякія скверны». Онъ хотѣлъ его пристроить въ Москвѣ по торговой части, у кого нибудь изъ своихъ земляковъ. Между тѣмъ, Никита нетолько не проявлялъ наклонности къ торговлѣ скотомъ, но и съ неудовольствіемъ отзывался о ненравившемся ему купеческомъ промыслѣ. Да и вообще не то было на умѣ у Никиты: хотѣлось ему отвѣдать настоящаго книжнаго ученія. Правда, что учиться основательно парню лѣтъ подъ двадцать было уже нѣсколько поздновато по нынѣшнимъ понятіямъ, но въ старину было не то. Тогда садились за книгу и позднѣе, лишь бы нашелся хорошій для того «мастеръ» или учитель, а въ Сѣвскѣ хорошихъ грамотѣевъ отыскать было нельзя. Ученыхъ монаховъ и поповъ тамъ не повелось, да и вообще жили тамъ больше ратные люди, приноровившіеся не къ книгамъ, а къ пушкамъ и пищалямъ. Торговые же люди о книгахъ и не думали, такъ что между ними Демьянъ Григорьевичъ считался даже мудрецомъ и чуть не чернокнижникомъ.

— Смотри, Никита, ты въ Москвѣ-то не забалуйся, говорилъ однажды въ пути дядя племяннику. Москва вѣдь не нашъ Сѣвскъ, соблазна разнаго тамъ много найдется.

— Съ чего, крёстный, баловаться я стану. Не держу того я и въ мысляхъ, возразилъ племянникъ.

— Не ровенъ часъ, прыткій самъ наскочитъ, а на тихаго набѣжитъ. Знаю, что ты больше всего о книжномъ ученіи помышляешь. Не слюбится тебѣ торговое дѣло, такъ садись за книгу, я тебѣ въ томъ перешкодить и поперечить не буду. Статься можетъ, какъ божественному поднаучишься, такъ потомъ не только что въ соборные протопопы, но и въ архіереи попадешь, добавилъ онъ съ легкой усмѣшкой.

При этихъ словахъ дяди, выраженіе неудовольствія промелькнуло по открытому и честному лицу молодого человѣка.

— Не хочу я, крёстный, ни въ протопопы, ни въ архі-

ереи, заговорилъ онъ какъ бы съ оттѣнкомъ досады. У поповъ жадности много, а у чернецовъ—лицемѣрства.

Старикъ съ удивленіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и привѣтливо взглянулъ на племянника.

— Испытать хотѣлъ я тебя, Никита, заговорилъ неровнымъ, нѣсколько дрожащимъ голосомъ старикъ; но коли уже ты такъ со мной говоришь, то и я передъ тобой таиться не стану. Знаю, что въ писаніи сказано: «не осуди, да не осужденъ будеши», и я говорю теперь не въ судъ и не въ осужденіе, а только въ разсудъ. И въ правду, попы и черноризцы сошли съ пути праведнаго; забыли люди духовнаго чина о паствѣ, которую препоручилъ имъ блюсти Господь. Оттого и пошли въ нашей христіанской церкви и неустроенія и мятежи многіе. Церковь наша распалась... Да что говорить теперь о томъ, въ Москвѣ обо всемъ узнаемъ и все сами увидимъ, а прилежаніе твое къ книжному ученію я похваляю. Умудренный имъ человѣкъ ко всякому дѣлу бываетъ болѣе пригоденъ, нежели простецъ... Подстегни-ко гнѣдко, а то мы съ тобой закалякались, а онъ ужь больно залѣнился, прибавилъ дядя, желая замять начатый разговоръ.

Демьянъ Григорьевичъ завалился въ глубь кибитки, на наложенныя тамъ подушки, и надвинулъ на лицо козырекъ картуза. Онъ сталъ раздумывать о тѣхъ вопросахъ, которые давно уже смущали его, какъ человѣка набожнаго и благочестиваго.

Гулъ московскаго раскола разносился уже по всей землѣ русской и сильно затрогивалъ помыслы людей, желавшихъ остаться вѣрными древле-православной церкви. Начавшіяся противъ нихъ гоненія вызывали въ сторонникахъ этой церкви ропотъ и противъ патріаршей церкви, и противъ царскаго правительства. Люди болѣе или менѣе скорбные головой кидались съ чужихъ словъ то въ ту, то въ другую сторону, такъ какъ въ нихъ не было никакихъ твердыхъ устоевъ. Къ числу ихъ не принадлежалъ, однако, старикъ Антуфьевъ. Онъ ясно сознавалъ всѣ тогдашніе непорядки и упадокъ благочестія, но не рѣшался перейти на какую либо сторону безъ глубокаго убѣжденія въ правотѣ или ложности прежнихъ установленій, или же, напротивъ, новшествъ, проявлявшихся въ патріаршей церкви.

Главнымъ образомъ, онъ и собрался съѣздить въ Москву съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ успокоить свою тревожившуюся совѣсть, поговоривъ тамъ съ людьми разумными, какъ изъ староверовъ, такъ и изъ никоніанцевъ. Хотѣлъ онъ также поклониться и московскимъ чудотворцамъ и думалъ, если Господь допуститъ, то побывать и на Валаамѣ, и въ Соловкахъ, и въ другихъ обителяхъ древняго благочестія, и посмотрѣть, что̀ тамъ дѣлается, и услышать, что̀ тамъ говорится о событіяхъ церковныхъ.

III.

Когда дядя и племянникъ взъѣхали на Поклонную гору, лежавшую на тульской дорогѣ, они увидѣли оттуда Москву и стали креститься.

— Эхъ вѣдь, какъ широко она раскинулась!—проговорилъ, покачивая головою, Демьянъ—кажись и предѣловъ ей нѣтъ.

— Точно, что велика, куда нашъ Сѣвскъ. Передъ нею онъ простая деревня, да и только. Глядь-ко сюда,—сказалъ Никита, дергая дядю за рукавъ, церквей-то и башенъ-то гибель, а домовъ-то, домовъ-то!..

— Въ перемежку съ садами, огородами и пустырями,—говорилъ старикъ, приглядываясь къ Москвѣ. А вонъ тамъ въ сторонѣ, особнякомъ, стоитъ какая-то слобода. Церквей въ ней вовсе не видно, зато вся она въ зелени, да, кажись, тамъ и постройки будутъ поважнѣе, чѣмъ по другимъ концамъ города.

Полюбовавшись съ высоты горы Москвою, Антуфьевы стали потихоньку спускаться съ крутизны.

День ихъ пріѣзда въ Москву былъ день праздничный, и въ ту пору, когда они подъѣзжали къ Дорогомиловской заставѣ, въ московскихъ церквахъ благовѣстили къ обѣднѣ. Еще издалека доносился до нихъ со стороны города громкій звонъ, казавшійся какимъ-то неумолкаемымъ ревомъ. Въ Москвѣ тогда считалось до 5,000 колоколовъ, а охотниковъ звонить на колокольняхъ являлось множество. Каждый москвичъ видѣлъ въ этомъ богоугодное дѣло, и потому желалъ принимать дѣятельное участіе и въ благовѣстѣ и въ

Видъ московскаго Кремля въ XVII столѣтіи.

трезвонѣ, такъ что тамъ не было недостатка ни въ колоколахъ, ни въ звонаряхъ.

У городской заставы остановили кибитку дозорщики, и хотя Антуфьевы ѣхали на легкѣ, но дозорные пересмотрѣли всѣ ихъ мѣшки, узлы и торбы и переворошили наложенное въ телѣгу сѣно, чтобъ убѣдиться, не везутъ ли они «запретныхъ» или «неявленныхъ» товаровъ. Хотя ни тѣхъ, ни другихъ въ поклажѣ ихъ не оказалось, но, все-таки, старикъ долженъ былъ дать алтынъ дозорщикамъ, и затѣмъ онъ и его племянникъ, снявъ шапки, трижды перекрестились на виднѣвшуюся надо всѣмъ городомъ золотую главу Ивана Великаго. Дозорщики отодвинули рогатку, и Антуфьевы въѣхали въ ворота, устроенныя въ земляномъ валу, окружавшемъ всю тогдашнюю Москву.

Москва уже и въ ту пору была городомъ обширнымъ, но въ ней не было еще большихъ и высокихъ домовъ, такъ что кремлевскіе храмы и бѣлыя кремлевскія башни высились надъ всѣмъ городомъ и, казалось, будто уходили въ лѣтнее безоблачное и яркоголубое небо. Теперь заѣхавшіе въ Москву сѣвчане, по мѣрѣ ихъ движенія по ея улицамъ, могли отчетливѣе разсматривать срединную часть города, Кремль, нежели тогда, когда они въ первый разъ взглянули на Москву съ Поклонной горы.

Дивясь обширности Москвы, ни дядя, ни племянникъ не знали, какъ постепенно она разросталась. Имъ не было извѣстно, что еще великій князь Дмитрій Ивановичъ Донской, вмѣсто деревянныхъ сгорѣвшихъ стѣнъ, окружавшихъ первоначально Кремль, построилъ вокругъ него каменную съ бойницами и башнями стѣну. Слыхивалъ, правда, старшій Антуфьевъ о набѣгахъ татаръ на Москву въ былое время, но не зналъ, что при такихъ страшныхъ нашествіяхъ жители посада, мѣстности, окружавшей Кремль, спѣшили спасаться съ своимъ скарбомъ за кремлевскими стѣнами, а домà въ посадѣ зажигали разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ по вѣтру, чтобы непріятелю негдѣ было укрыться. Въ посадѣ же жило въ тѣ времена не мало народа, да притомъ все рабочіе люди: плотники, кузнецы, котельники, огородники, столечники, шубники и т. д. Нужно было охранить и этихъ жителей отъ татарскихъ нападеній, и вотъ, при правитель-

ницѣ великой княгинѣ Еленѣ Васильевнѣ Глинской, обвели и посадъ со всѣхъ сторонъ каменной стѣной, и онъ сталъ называться Китай-Городомъ. Въ немъ начали селиться служилые и торговые люди, а рабочій людъ попятился отъ Кремля подальше. Защитили этотъ отселившійся людъ сперва деревянною, а потомъ и каменною стѣною, и мѣстность эта стала называться Бѣлымъ, или Царскимъ, Городомъ. Подвинулись жители Москвы еще дальше отъ Кремля, и здѣсь образовали Загородье, или Скородомъ.

Ко времени пріѣзда Демьяна и Никиты въ Москву, тамъ нападеній крымцевъ уже не боялись, и когда прежняя деревянная стѣна Скородома пришла въ ветхость, то ее уже не возобновляли, а окопали всѣ окраины Москвы высокимъ валомъ со рвами. Сдѣлали это, впрочемъ, не для защиты отъ хищныхъ крымцевъ, а для того, чтобъ никто не попалъ въ столицу, не заплатя, въ подрывъ государевой казнѣ, таможенныхъ и другихъ разнаго рода пошлинъ и сборовъ.

Въѣхавъ въ Земляной Городъ, сѣвчане не увидѣли тамъ еще ничего такого, чему пришлось бы имъ подивиться. Эта часть Москвы не отличалась вообще не только отъ той подгородной слободы, черезъ которую они недавно проѣхали, но и отъ тѣхъ большихъ селъ, какихъ уже много было на Руси въ тогдашнюю пору.

Улицы, по которымъ ѣхали дядя и племянникъ, состояли изъ ряда бревенчатыхъ домовъ, или, вѣрнѣе сказать, простыхъ избъ, разставленныхъ вплотную одна подлѣ другой, безъ всякихъ промежутковъ; только изрѣдка въ иныхъ мѣстахъ отдѣлялась одна изба отъ другой сдѣланными въ промежуткѣ между ними деревянными воротами. Въ нѣкоторыхъ избахъ было по два жилья—верхнее и нижнее. Большихъ, или «красныхъ», оконъ почти нигдѣ не было, а замѣняли ихъ «воловыя» окна. Крыши домовъ, или избъ, сдѣланы были изъ теса, иныя избы были крыты соломой, а высокія дымовыя трубы сложены изъ досокъ. Дома въ Земляномъ Городѣ большею частью строились на скорую руку, почему эта часть Москвы и называлась въ народѣ «Скородомомъ». Собственно даже дома здѣсь и не строились, а для нихъ покупались въ лѣсномъ ряду готовые срубы, которые и ставились на выбранномъ для жилья мѣстѣ.

Между избами, въ которыхъ жилъ недостаточный или даже убогій людъ, попадались кое-гдѣ и кирпичныя хоромины зажиточнаго торговаго человѣка, но такихъ хоромъ было немного. Ихъ строили обыкновенно въ два жилья, съ достаточно большими окнами, загороженными желѣзными рѣшетками, и съ оконными деревянными переплетами, состоявшими изъ мелкихъ клѣточекъ, въ которыя были вставлены или слюда, или простыя зеленоватыя стекла. Изрѣдка передъ избами стояли березы, но ни садовъ, ни огородовъ не было видно; здѣсь кучились и жались или небогатые торговые, или ремесленные люди, или, наконецъ, бѣдняки; вообще же такой народъ, которому некогда было думать о какихъ либо удобствахъ и украшеніяхъ, да не было для заведенія и тѣхъ и другихъ необходимыхъ денежныхъ средствъ. Въ Земляномъ Городѣ не было также каменныхъ храмовъ, а попадались только маленькія деревянныя приземистыя церкви. Улицы были узкія и извилистыя, съ колеями и рытвинами; значительное пространство этихъ улицъ поростало, вслѣдствіе рѣдкой по нимъ ѣзды, травою. Не было на нихъ никакой мостовой. Лѣтомъ, въ сухое время, вѣтеръ поднималъ и гонялъ по нимъ клубы пыли; осенью стояла на нихъ невылазная грязь, а зимою ихъ заносили снѣжные сугробы. Круглый годъ улицы въ Земляномъ Городѣ были пусты; показывался на нихъ народъ только тогда, когда шли въ церковь, да по воскресеньямъ и праздникамъ выходили изъ своихъ избъ жители и жительницы, чтобъ посидѣть на завалинкахъ передъ избами.

IV.

Если и теперь наши простолюдины, пріѣзжая въ незнакомый имъ городъ, ютятся всегда около своихъ земляковъ, то въ старое время такое сближеніе было въ бо́льшемъ еще обычаѣ, такъ какъ тогда и недальнее отъ родины мѣсто казалось русскому человѣку горькой чужбиной. Заѣхавшіе въ Москву сѣвчане принялись отыскивать своихъ земляковъ. Хотя они и знали, на какомъ подворьѣ, или постояломъ дворѣ, останавливаются ихъ земляки, но и подворье и постоялый

дворъ отыскать въ Москвѣ было не легко. Далеко не всѣ улицы, даже и въ Китаѣ и Бѣломъ, а не только что въ Земляномъ Городѣ, имѣли названія, на домахъ не было надписей, и приходилось отыскивать чье-либо жилье по урочищамъ и приходамъ, а урочищъ было не мало. Были: и Глинище, и Подолъ, и Мокрое, и Грязь, и Горки.

Послѣ долгихъ и частыхъ разспросовъ, Демьянъ и Никита, исколесивъ, быть можетъ, попусту добрый десятокъ верстъ по Земляному Городу и упираясь нерѣдко въ тупые переулки, изъ которыхъ нельзя было иначе выѣхать, какъ повернувъ оглобли назадъ, добрались, наконецъ, до той околицы, гдѣ, какъ слышалъ Демьянъ Григорьевичъ нѣсколько лѣтъ назадъ, жилъ его старый пріятель и землякъ.

Завидѣвъ на улицѣ рѣдкаго прохожаго или прохожую, то дядя, то племянникъ окликали ихъ опросами: «а не знаешь ли, гдѣ живетъ Викула Андреевъ, по прозванію Тябота?»

На такіе опросы давался отрицательный отвѣтъ: «не знаю», съ добавкою иной разъ: «и не слыхивалъ о такомъ».

При поворотѣ въ одну улицу, Антуфьевы увидѣли стоявшую кучку народа: тутъ были и мущины и женщины, и мальчишки и дѣвченки. Шли толки о вчерашнемъ пожарѣ на Арбатѣ.

Антуфьевы подъѣхали къ этой кучкѣ.

— А что, православные,—спросилъ старикъ, привставая въ кибиткѣ и снимая шапку,—не извѣстно ли вамъ, гдѣ живетъ въ этихъ мѣстахъ Викула Андреевъ Тябота.

Викула Андреевъ Тябота?.. — переспросили разомъ нѣсколько голосовъ.

— Онъ самый и есть?—отвѣчалъ старикъ.

— А по што онъ тебѣ нуженъ?—запросили изъ толпы тоже нѣсколько голосовъ разомъ.

— Повидаться бы съ нимъ...

— Такъ поѣзжай, дѣдушка, на погостъ!—шутливо крикнулъ изъ толпы какой-то парень.—Забирай отсюда влѣво, а тамъ ступай прямо!—продолжалъ онъ, показывая рукою.

— Чего зубоскалишь-то! — сердито проговорила старая баба и, оттолкнувъ парня локтемъ, стала на его мѣсто, сбоку кибитки Антуфьевыхъ.

— Померъ Викула Андреевъ, померъ!.. Вѣчная память покойничку, царство ему небесное! — плаксиво заговорила баба и принялась креститься.

Старикъ тоже перекрестился.

— Шестой или седьмой годочекъ пошелъ, какъ онъ глазынки на вѣки вѣчные сомкнулъ. Да и отецъ-то Пахомій, что̀ его хоронилъ, тоже позапрошлымъ лѣтомъ въ могилку легъ... Что будешь дѣлать! На то воля Божья!.. А умеръ-то онъ съ огневицы, я-то его разными зельями и лечила. Знахарка я, господинъ купецъ, живу здѣсь недалече, не нужно ли полечиться, родимый? Всѣ болѣзти и немочи какъ рукой сниму... Нѣтъ ли какого наговора на тебѣ? — тоже помогу...

— А кто жь у него въ домѣ остался?—спросилъ Демьянъ Григорьевичъ.

— Какъ кто? — а сынка-то его, Андрюшку, нешто не знаешь?

— Знавалъ я его еще махонькимъ, тому лѣтъ больше тридцати будетъ—отвѣтилъ Антуфьевъ.—Въ Сѣвскъ съ отцомъ наѣзжалъ.

— Ну, такъ теперь его и не спознаешь. Вона какой толстый сталъ—добавила баба, скругливъ широко передъ животомъ свои руки...

— Зашибаетъ ужь больно крѣпко—вмѣшался мѣщанинъ среднихъ лѣтъ. Почитай, что пьетъ безъ просыпу.

— Еще бы не пить ему — затараторила баба... Нѣшто онъ въ супружествѣ счастливъ? Взялъ вторую жену совсѣмъ не по себѣ. Молодая бабеха, а онъ-то человѣкъ не молодой... Житья-то ему, горемычному, отъ нея нѣтъ. Зовутъ ее Анфисой. Вѣчно на него волчицей смотритъ. Ужъ такая, прости, Господи...

— Полно, тетка, тебѣ оговаривать Анфису Семеновну!.. прикрикнулъ на старуху тотъ парень, котораго онъ передъ этимъ столкнула съ мѣста.

— Чего оговаривать! Нѣшто не правда, что она отъ мужа въ сторону глядитъ?

Между парнемъ и бабой завязался споръ, начавшій переходить во взаимную перебранку.

— Постой, дѣдушка, я тебя провожу къ Андрею Вику-

лычу — вызвался какой-то мальчуганъ, и быстро вскочилъ на краешекъ телѣги.

Съ этимъ провожатымъ отправился Демьянъ Григорьевичъ къ Андрею Тяботѣ, чтобы провѣдать о покойномъ его отцѣ, да и о другихъ землякахъ, проживавшихъ въ Москвѣ.

V.

Мальчугану только и хотѣлось прокатиться на телѣгѣ, и онъ, показавъ проѣзжимъ рукою на домъ Тяботы, проворно соскочилъ съ телѣги и побѣжалъ назадъ.

Антуфьевы подъѣхали къ бревенчатому дому, къ которому были пристроены тесовыя ворота. Домъ этотъ не отличался затѣйливостію постройки, но и не былъ простой избой, сложенной изъ купленнаго въ лѣсномъ ряду сруба. Судя по внѣшнему виду дома, можно было заключить, что, если его хозяинъ и не изъ богатыхъ, то все же и не изъ бѣдныхъ жителей Земляного Города.

Ворота дома были заперты нà глухо. Никита вылѣзъ изъ повозки и началъ колотить въ нихъ кнутовищемъ, но ни на дворѣ, ни въ домѣ, не проявлялось никакихъ признаковъ движенія. Видя безуспѣшность такого пріема, онъ принялся стучать въ ворота кулаками все сильнѣе и сильнѣе и, наконецъ, во дворѣ раздался лай собаки, а вскорѣ послѣ того тамъ послышался ворчливый говоръ приближавшагося къ воротамъ мущины. Не трудно было догадаться, что неожиданное появленіе у воротъ неизвѣстныхъ людей было несовсѣмъ пріятно обитателямъ этого дома.

Дѣйствительно, хозяинъ дома, Андрей Тябота, возвратившись отъ обѣдни и плотно пообѣдавъ, да въ добавокъ къ тому и выпивъ еще порядкомъ, грузно завалился, по русскому обычаю, спать, когда стукъ въ ворота разбудилъ его. Работникъ былъ отпущенъ со двора, и потому самому хозяину пришлось отворять ворота.

Заслышавъ этотъ стукъ, Андрей словно испугался; онъ подумалъ, не пришелъ ли къ нему приставъ, десятскій, ярыжка, или какой нибудь надсмотрщикъ.

Мало ли у торговаго человѣка всякихъ дѣлъ можетъ быть: въ иную пору и не ждешь, откуда бѣда на голову

свалится — размышлялъ онъ и, ворча что-то подъ носъ, съ неохотой сталъ спускаться по узенькой и крутой лѣстницѣ, пристроенной къ надворной стѣнѣ.

Съ Андреемъ побѣжала и его собака, Пѣганка, добрая и ласковая, привыкшая къ чужимъ людямъ, такъ какъ она обыкновенно сопровождала своего хозяина въ лавку и тамъ смирно лежала подъ стойкой, не только не кидаясь, но даже и не лая ни на кого. Изрѣдка, впрочемъ, она ворчала на иного покупателя или проходившаго мимо лавки, какъ будто предостерегая хозяина, что вблизи его находится опасный человѣкъ.

На этотъ разъ Пѣганка бѣжала передъ Андреемъ съ громкимъ лаемъ и быстро кинулась въ подворотню, желая поскорѣе вырваться на улицу и посмотрѣть, кто стоялъ за воротами.

— Кто тамъ? — не отпирая еще воротъ, окликнулъ Андрей.

— Торговый человѣкъ изъ Сѣвска, Демьянъ Григорьевъ Антуфьевъ, со своимъ племяшемъ Никитой, отвѣчалъ Демьянъ.

— Такихъ не знаю, слыхивалъ чтò-то о нихъ — отозвался за воротами грубый и отрывистый голосъ.

— Старый знакомецъ и пріятель твоего отца, Викулы Андреича, съ грамоткой къ нему отъ Василья Дмитрича Пересохова, тоже изъ Сѣвска.

На это заявленіе не послѣдовало никакого отвѣта, но послышался скрипъ отодвигаемаго въ воротахъ засова.

Подозрительность и предварительные опросы приходящихъ незнакомыхъ людей были тогда въ привычкѣ у всѣхъ русскихъ и въ особенности у москвичей, такъ какъ въ Москвѣ водилось много разнаго рода «лихихъ людей». Боялись тогда не только воровъ и разбойниковъ, но и каждаго неизвѣстнаго человѣка, опасаясь, чтобъ онъ не пришелъ въ чужой домъ съ какимъ нибудь злымъ намѣреніемъ. «Слово и дѣло» было въ ту пору въ большомъ ходу, а побывавшій въ домѣ какой нибудь лиходѣй могъ потомъ оговорить хозяина и сослаться на то, что онъ былъ съ нимъ знакòмъ и бывалъ у него. Мало того, онъ могъ подбросить чтò нибудь въ домъ, а потомъ подать доносъ и явку на неповиннаго ни въ чемъ хозяина или на кого нибудь изъ его домочадцевъ.

Дѣлалось же это не всегда по злобѣ, но иной разъ только изъ желанія затянуть свое дѣло, когда начнутъ разбирать его въ сыскномъ приказѣ. Кромѣ того, такихъ оговорщиковъ подсылали нерѣдко и приказные люди, особенно къ зажиточнымъ купцамъ, разсчитывая, что, если такъ или иначе привлекутъ ихъ къ дѣлу, то приказные поживятся на ихъ счетъ. Суевѣріе также не мало вліяло на страхъ впускать въ свой домъ невѣдомыхъ людей: не мало тогда было вѣдуновъ, колдуновъ и чародѣевъ, и они, подбросивъ наговорные коренья или зелья, могли навести разныя бѣды и напасти. Подобными опасеніями, и дѣйствительными и мнимыми, отчасти объясняются та несообщительность, которая была замѣтна между русскими стараго времени, и постоянное желаніе ихъ сторониться отъ новыхъ знакомствъ.

Тябота, убѣдившись изъ словъ Демьяна Григорьевича, что Богъ послалъ ему въ домъ гостей, а не лихихъ людей, запросилъ дядю и племянника къ себѣ въ жилье. Никита въѣхалъ съ кибиткой во дворъ, а Андрей, захлопнувъ со всего размаха ворота, приперъ ихъ крѣпкимъ засовомъ.

Между тѣмъ Пѣганка не унималась. Она съ какимъ-то озлобленіемъ кидалась на Никиту, а когда хозяинъ отгонялъ ее, она, отбѣгая въ сторону, ворчала и скалила на молодого пріѣзжаго свои зубы.

— Родитель-то твой преставился, — печально проговорилъ Демьянъ Григорьевичъ, цѣлуясь съ хозяинамъ съ щеки на щеку. — Ты, чай, крѣпко о немъ кручинился?..

— На то, знать, была воля Божія — равнодушно отвѣчалъ Андрей; — будетъ съ него, вдоволь на свѣтѣ пожилъ, добавилъ онъ, насмѣшливо махнувъ рукой.

Андрей съ перваго раза не полюбился Демьяну за эти слова. Не только хлоднокровный, но и насмѣшливый отзывъ сына о смерти отца былъ не по душѣ старику Антуфьеву. Впрочемъ, и вообще Андрей своей наружностію едва ли могъ расположить къ себѣ кого нибудь. Съ просонья, подвыпившій, съ густыми темными взъерошенными волосами, съ растрепанной бородой, съ опухшимъ лицомъ, обвисшими губами и красновато-синимъ вздернутымъ вверхъ носомъ, съ мутными и налитыми кровью глазами, онъ представлялся осовѣлымъ гулякой.

Молча хозяинъ и старикъ стали подниматься по лѣстницѣ; Никита остался при кибиткѣ.

— А ты, молодецъ, что-жь во дворѣ стоишь?.. Пойди къ намъ, выпьемъ на первое знакомство вмѣстѣ,—крикнулъ ему съ крыльца Андрей.

— Онъ у меня еще ничего хмѣльного не пьетъ — проговорилъ, нахмурившись, Демьянъ Григорьевичъ,—а за почетъ ему отъ тебя — спасибо. Эй, Никита, задай гнѣдку овса, а самъ ступай сюда на хозяйскій зовъ и благодари хозяина на его привѣтливомъ словѣ.

Никита снялъ шапку и, низко поклонившись хозяину, исполнилъ приказаніе дяди. Затѣмъ онъ поднялся въ верхнее жилье.

Горница, въ которую они вошли, не представляла ничего особеннаго. Убранство ея не отличалось ничѣмъ отъ того, что̀ можно было встрѣтить тогда въ домѣ каждаго московскаго торговца средней руки. Черезъ темныя сѣни, а затѣмъ черезъ одностворчатую дверь съ низкою притолкою и съ высокимъ порогомъ, вошелъ Демьянъ Григорьевичъ въ комнату съ большой перекладиной, шедшей по серединѣ досчатаго потолка. Стѣны этой небольшой и низенькой комнаты были обшиты гладко выструганными, проконопаченными досками, а по тремъ ихъ сторонамъ были широкія деревянныя лавки, а надъ ними полки съ поставленною на нихъ разною домашнею утварью. Значительную часть этой комнаты, по одной сторонѣ входной двери, занимала печь съ лежанкой, а по другой сторонѣ двери былъ навѣшенъ пестрядинный пологъ, за которымъ стояла постель хозяина и хозяйки. Въ «красномъ» углу комнаты, подъ образами съ теплившеюся передъ ними лампадкою, стоялъ большой некрашенный, какъ и пристѣнныя лавки, столъ, а подлѣ стола небольшая простая узкая и длинная скамейка. Сквозь маленькіе окошечки тускло пробивался свѣтъ яркаго лѣтняго дня, и вообще горенка эта выглядывала невесело и непривѣтливо.

Тябота пригласилъ Антуфьева-дядю, какъ почетнаго гостя, сѣсть подъ образа, а Никита остался у двери и стоялъ, прислонившись спиною къ косяку. На той же лавкѣ, на которую сѣлъ старикъ, но нѣсколько поодаль отъ гостя, помѣстился самъ хозяинъ. Наружность Антуфьева, не говоря

о разности въ лѣтахъ, представляла совершенную противоположность, въ сравненіи съ наружностью Андрея. Умное и вмѣстѣ съ тѣмъ привѣтливое лицо старика отличалось спокойствіемъ. Его сѣдая и гладкая борода расходилась книзу двумя длинными клиньями, а густые серебристо-сѣдые волосы, сохранившіе еще остатки прежнихъ молодыхъ кудрей, придавали Демьяну Григорьевичу почтенный видъ. Небольшіе сѣрые, но ясные глаза смотрѣли ласково, а морщины, перерѣзывавшія его высокій, открытый лобъ, какъ будто свидѣтельствовали, что онъ на своемъ вѣку размышлялъ не мало.

— Какъ же быть мнѣ съ грамоткой-то Пересохова къ твоему покойному родителю? Нѣшто не отдать ли ее тебѣ или разодрать? Можетъ покойникъ хотѣлъ, чтобъ она никому не досталась кромѣ того, кому была писана. Вѣдь у насъ, ты знаешь, какъ трудны ссылки; чуть человѣкъ отъѣхалъ въ сторону, и о немъ на прежнемъ его мѣстѣ цѣлые десятки годовъ никакихъ вѣстей не бываетъ. Вѣдь вотъ ни Пересоховъ, ни я, не знали, что родителя твоего на свѣтѣ больше нѣтъ. Въ заочности всегда кажется, что человѣкъ еще живетъ, а межъ тѣмъ онъ уже успѣлъ отойти на тотъ свѣтъ.

— Какъ быть съ грамоткой-то? Вѣдь не посылать же ее къ нему на тотъ свѣтъ, да и онъ ее прочесть-то не съумѣетъ, и здѣсь-то онъ еле по азамъ читалъ — ухмыляясь, острилъ Андрей.

— Не гоже, Андрей Викулычъ, выговаривать праздныя слова о своихъ родителяхъ, тѣмъ паче, если души ихъ отошли къ Господу Богу, — не утерпѣлъ не замѣтить старикъ Антуфьевъ.

Тябота хотѣлъ было что̀-то заговорить, но Демьянъ Григорьевичъ такъ внушительно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ выраженіемъ сожалѣнія, посмотрѣлъ на него, что неотрезвившійся еще совсѣмъ балагуръ замялся и перевелъ свою рѣчь на другой предметъ.

— А дозволь мнѣ, какъ бишь тебя величать, забылъ твое отчество... Дементій.

— Демьянъ Григорьевичъ, — отрывисто перебилъ Антуфьевъ.

— Да, Демьянъ Григорьевичъ, дозволь мнѣ привести къ тебѣ мою хозяйку,—сказалъ, вставая съ лавки, Андрей.

— Благодарствую за почетъ; хозяйкѣ воздавать почтеніе должно. Она домоправительница, пособница и утѣшительница мужа.

— А все-таки бабу держать въ строгости надо... Держать такъ, чтобы, по поговоркѣ, на ней окромѣ печи, все перебывало-бъ... Я свою супружницу такъ и держу, у меня въ кулакѣ вся на нее сила, и она ни одного поперечнаго слова сказать мнѣ не посмѣетъ, — хвастался Андрей.

— Конечно, нужно держать жену въ страхѣ: сему и апостолъ Павелъ поучаетъ; но не годится печалить и обижать ее безъ толку. Слѣдуетъ снисходить къ ея бабьимъ немощамъ. Не всякое лыко въ строку, — замѣтилъ Демьянъ.

Андрей нахмурился и раздражено почесалъ затылокъ.

— А какъ звать-то твою супружницу?—спросилъ Демьянъ Григорьевичъ.

— Зовутъ ее Анфисой, а по отцу Семеновна. Да ты такъ ее не величай. Кличь ее просто Анфиской;—съ нея и того будетъ... А ты что не присядешь, чай у тебя ужь и ноженьки одеревенѣли—сказалъ онъ, собираясь выйдти изъ комнаты, стоявшему все на томъ же мѣстѣ Никитѣ, и за тѣмъ, какъ бы спохватившись и обращаясь къ дядѣ Андрея, добавилъ, а ты, Дементій... прости Господи, Демьянъ Миронычъ...

— Григорьичъ!—сурово подсказалъ старикъ.

— Демен... Демьянъ Григорьичъ, молодцу присѣсть позволишь?—проговорилъ хозяинъ и, не дожидая отвѣта, сказалъ Никитѣ: садись вонъ на ту скамейку.

Молодой парень не рѣшался присѣсть безъ позволенія дяди, по приглашенію одного только хозяина.

— Садись, Никита, коль хозяинъ кажетъ, и по благодарствуй ему за почетъ, — сказалъ дядя, видя затрудненіе племянника.

Поклонившись хозяину, Никита сѣлъ около стола на скамейку, а Андрей пошелъ распорядиться о приходѣ своей жены.

Суровое напоминаніе Андрею со стороны старика Антуфьева о своемъ отчествѣ согласовалось вполнѣ съ тогдашними понятіями о вѣжливости и вниманіи, такъ какъ забыть, а тѣмъ еще болѣе перепутать чье либо отчество, счи-

талось нѣкогда на Руси однимъ изъ величайшихъ оскорбленій... Но если хозяинъ оскорбилъ своего гостя такимъ образомъ, за то онъ — хотя и не вполнѣ — оказывалъ ему другаго рода почетъ. По стародавнимъ нашимъ обычаямъ, даже въ гостяхъ младшій родственникъ въ присутствіи старшаго не могъ сѣсть до тѣхъ поръ, пока хозяинъ не предложитъ этого, спросивъ предварительно позволенія у старшаго и получивъ на то его согласіе. Если старшій родственникъ на такой запросъ отвѣчалъ: «еще молодъ, постоять можетъ», то хозяинъ не обращался вторично съ своимъ приглашеніемъ, но уполномочивалъ почетнаго гостя разрѣшить младшему присѣсть по его, гостя, усмотрѣнію.

Слѣдуя также обычаю того времени, Андрей оказывалъ Демьяну Григорьевичу надлежащій почетъ выводомъ къ нему своей жены. Впрочемъ, къ исполненію этого обычая побуждало Андрея и чувство тщеславія. Онъ любилъ похвастаться передъ чужими людьми своей молоденькой женой, которая на весь околотокъ слыла извѣстной красавицей.

Андрей, съ трудомъ добредя на ослабѣвшихъ ногахъ до свѣтлицы жены, приказалъ Анфисѣ принарядиться и выйти къ гостю съ чаркой вина, а самъ между тѣмъ, пользуясь свободнымъ промежуткомъ времени, пропустилъ наскоро еще хорошую красоулю. Возвратившись въ избу, онъ сѣлъ на свое прежнее мѣсто.

Старикъ Антуфьевъ пытался было разговориться съ возвратившимся въ избу хозяиномъ о Москвѣ, о торговлѣ и о другихъ дѣлахъ, но у Андрея едва ворочался языкъ, и онъ или отвѣчалъ не впопадъ, или старался побалагурить, или просто только позѣвывалъ, осѣняя крестомъ безпрестанно раскрывавшійся ротъ.

Спустя немного времени, вошла хозяйка, одѣтая по праздничному, держа въ рукахъ подносъ съ чаркою вина. Взглянувъ на эту молодую женщину, не трудно было убѣдиться, что молва, ходившая о ней, была справедлива.

Анфиса была высока и стройна безъ всякихъ къ тому приспособленій, употребляемыхъ въ настоящее время, за исключеніемъ развѣ большихъ каблуковъ, которые въ ту пору носили московскія щеголихи, чтобъ казаться выше ростомъ. Слѣдуя тогдашнему обычаю, она была нарумянена, а брови

и рѣсницы подсурмлены. Еслибы тогда женщина вышла къ чужимъ людямъ безъ этихъ прикрасъ, она нарушила бы всѣ приличія и оказала бы гостю крайнее невниманіе. Но эти прикрасы не нужны были Анфисѣ и она была еще привлекательнѣе, когда ей можно было обходиться безъ нихъ. Естественная бѣлизна ея лица и выступавшій на немъ нѣжный румянецъ были совсѣмъ некстати замазаны грубыми московскими притираньями.

На Анфисѣ былъ надѣтъ сарафанъ изъ голубого албатаса, обшитый широкимъ серебрянымъ «узорочьемъ», по нынѣшнему — позументомъ. Для нашихъ глазъ, привыкшихъ къ стройности женщинъ, затянутыхъ въ корсетъ, широкій сарафанъ безъ всякаго перехвата, поднимавшій высоко грудь, подъ самыя подмышки, показался бы уродливымъ нарядомъ, но по тогдашнимъ понятіямъ такая неуклюжая одежда нисколько не безобразила стана женщины. На головѣ у Анфисы была голубая бархатная кика, шитая серебромъ и густо унизанная жемчугомъ, хотя не крупнымъ и не отборнымъ. Серебряныя, съ такими же длинными подвѣсками серьги были вдѣты въ ея маленькія уши, надъ которыми выбивались изъ подъ кики густые темно-русые волосы.

При входѣ хозяйки, Андрей, покрякивая, съ замѣтнымъ усиліемъ приподнялся съ лавки и хотѣлъ, слѣдуя обычаю, поклониться гостю въ ноги, но повалился на полъ, и при своей тучности, да еще обезсиленной излишней выпивкой, не могъ приподняться съ пола иначе, какъ только при помощи Демьяна Григорьевича и его племянника. Приподнявшись кое-какъ, онъ, вмѣсто обращаемой въ такихъ случаяхъ къ гостю просьбы поцѣловать хозяйку, пробормоталъ что-то себѣ подъ носъ и полѣзъ цѣловать жену. По лицу Анфисы замѣтно было, что ей не приходилось по сердцу такое выраженіе супружеской ласки; она быстро отвернулась въ сторону и невольно взглянула на Никиту, а при этомъ движеніи изъ задрожавшихъ ея рукъ упали и мѣдный подносъ, и серебряная чарка.

«Мой сонъ былъ вѣщій, не быть добру»... подумалось ей при взглядѣ на молодого парня.

Андрей съ сердцемъ дернулъ Анфису за рукавъ такъ сильно, что всѣ складки рукава мгновенно распустились.

Анфиса отшатнулась въ одну сторону, а Андрей покачнулся въ другую и при этомъ быстромъ обоюдномъ отдаленіи короткій прежде, въ мелкихъ складкахъ рукавъ вытянулся на нѣсколько аршинъ. Одинъ его конецъ былъ сжатъ въ кулакѣ Андрея, а другой оставался на плечѣ Анфисы.

— Вишь вѣдь, какая срамница, и хорошаго гостя принять не умѣетъ! — грозно крикнулъ онъ, замахнувшись здоровенной ручищей на Анфису, у которой изъ глазъ выступили двѣ крупныя съ трудомъ сдерживаемыя слезы.

— Супружница твоя молода, и съ разу видать, что она у тебя больно робка, а это молодухѣ въ укоръ не ставится. Да и вино пролить не то, что соль просыпать, пролить вино хорошая, а не дурная примѣта — началъ уговаривать Андрея Демьянъ Григорьевичъ.

— Молода и робка!.. передразнивалъ его Андрей. Разсказывай!.. Просто на твоего молодца заглядѣлась!.. Отъучать ее отъ этого надо... Да и ты, что на нее глаза-то свои таращишь — вскинулся онъ на Никиту. Небось, на чужихъ женъ засматриваться охочъ, а ты вотъ свою заведи, такъ потомъ и наплачешься съ нею...

Растерявшійся Никита не зналъ, что̀ ему говорить и что̀ дѣлать, и, покраснѣвъ во все лицо, только моргалъ глазами.

Демьянъ Григорьевичъ попытался было утишить расходившагося пьянаго ревнивца, но такая попытка была напрасна.

— Я всѣхъ разнесу — заоралъ онъ. Пошли отсель вонъ!..

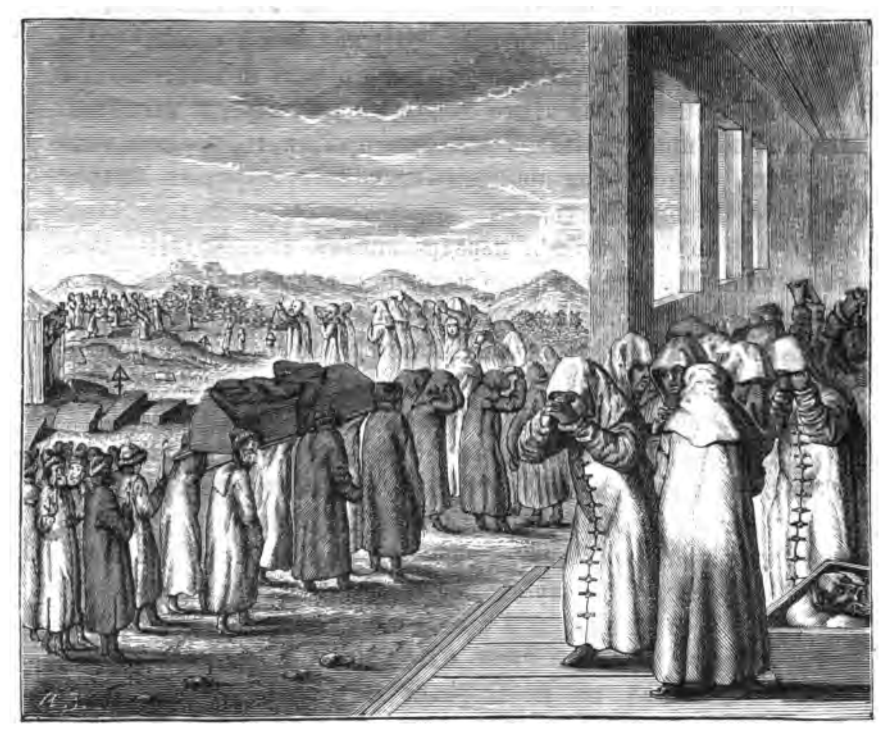
Анфиса, всхлипывая и дрожа всѣмъ тѣломъ, поклонилась гостямъ и поспѣшила уйти изъ горницы; Андрей хотѣлъ погнаться за ней, но, не твердый на ногахъ, покачнулся и свалился на лавку.

— Пойдемъ поскорѣй отсюда, — шепнулъ дядя племяннику, и они, захвативъ шапки, осторожно ушли отъ непріятнаго хозяина, очевидно, потерявшаго теперь всякое сознаніе.

VII.

Надъ Москвой забрезжило чудное лѣтнее утро. Вставало солнце и весело освѣщало пробуждавшійся городъ. Сперва заалѣли и зазолотились, а потомъ ярко заблистали кресты и маковки многочисленныхъ московскихъ церквей.

Сталъ раздаваться то здѣсь, то тамъ благовѣстъ къ заутрени, но теперь звонъ колоколовъ былъ уже не такъ громокъ и не такъ непрерывенъ, какъ вчера, потому что день былъ будничный и звонили не во всѣ. Ночные дозорщики отодвинули рогатки, которыя въ ту пору разставлялись на ночь по главнымъ улицамъ Москвы, а особенно по улицамъ, примыкавшимъ къ Кремлю. Богомольные люди потянулись



Похороны русскихъ въ XVII столѣтіи.
Факсимиле рисунка изъ «Путешествія» Олеарія, изд. 1656 г.

къ церквамъ, торговцы въ ряды или лавки. Понесли на кладбища въ гробахъ и въ дубовыхъ колодахъ покойниковъ. Крыши отъ этихъ домовинъ несли, по тогдашнему обычаю, передъ покойникомъ на головахъ его родственники и пріятели, а при похоронахъ женщины, ея родственницы и подруги. За покойникомъ, громко, на всю улицу, голосили съ разными жалобными причитаніями не только его ближайшія сродственницы, но и болѣе или менѣ, смотря по состоянію

умершаго, значительная ватага наемныхъ плакальщицъ. Онѣ сѣтовали, что покойникъ покинулъ ихъ, и завываніями и взвизгиваніями спрашивали его, на кого онъ, сердечный, оставляетъ ихъ, несчастныхъ? Плакальщицы выражали сожалѣніе, что покойничекъ не видитъ и не слышитъ ихъ, что онъ сомкнулъ на вѣкъ свои ясныя очи, и высчитывали добродѣтели, которыми не только дѣйствительно могъ отличаться усопшій, но и такія, какихъ у него никогда и въ заводѣ не бывало.

За покойникомъ тянулись вереницы нищихъ, въ вѣрномъ разсчетѣ на болѣе или менѣе сытныя поминки, а также въ чаяніи денежныхъ подачекъ за упокой грѣшной его души.

Прошелъ по улицамъ съ громкимъ барабаннымъ боемъ отрядъ стрѣльцовъ въ красныхъ кафтанахъ, съ пищалями на плечѣ, возвращавшихся въ свою слободу съ ночного караула, который они содержали въ Кремлѣ и при царскихъ хоромахъ. Проходившіе по улицамъ стрѣльцы задирали съ насмѣшками и съ бранью встрѣчныхъ мужчинъ и женщинъ и толкали ихъ съ дороги, но никто не смѣлъ ничего сказать имъ, боясь нахальства и своеволія, которыми они стали отличаться съ нѣкоторыхъ поръ. Отворялись проворными цѣловальниками царскія кружала, куда спозаранка любилъ собираться толпами и рабочій, и праздный людъ. Въ харчевняхъ и съѣстныхъ лавкахъ принимались за стряпню разной неприхотливой пищи.

Въ эту раннюю пору вышелъ на улицу и Никита.

Выбравшись вчера тайкомъ отъ Тяботы, Демьянъ Григорьевичъ и онъ отыскали вблизи дома Андрея постоялый дворъ и расположились тамъ, пока удастся имъ найти подходящее для нихъ въ Москвѣ жилье; а сдѣлать это было не легко, такъ какъ каждый московскій обыватель обстроивался только для себя самого, и потому наемныхъ помѣщеній, развѣ только по какому-нибудь особому случаю, въ городѣ не было. Неудобство это устранялось, впрочемъ, покупкою готоваго сруба и постановкою его на пріисканномъ для того мѣстѣ, но и такое мѣсто нужно было сперва отыскать, а потомъ и взять въ кортому, а все это не такъ скоро можно было сдѣлать. Въ виду такихъ затрудненій и отправился Демьянъ Григорьевичъ на поиски своихъ земляковъ, желая посовѣ-

товаться съ ними, какъ бы ему поудобнѣе и подешевле устроиться въ Москвѣ, такъ какъ онъ убѣдился, что отъ знакомства съ крѣпко запивающимъ Андреемъ, какъ человѣкомъ безалабернымъ, никакого проку быть не можетъ.

Племянникъ Демьяна Григорьевича, какъ молодой парень, не навыкшій еще ни къ хозяйственнымъ, ни къ де-

Стрѣльцы-начальники.

Съ рисунка, находящагося въ «Описаніи одеждъ русскихъ войскъ».

нежнымъ дѣламъ, и потому въ настоящемъ случаѣ для дяди совершенно безполезный, отпросился у него посмотрѣть Москву. Разумѣется, что прежде всего ему захотѣлось побывать въ Кремлѣ, и онъ пошелъ въ этомъ направленіи по виднѣвшейся издали колокольнѣ Ивана Великаго, величаво господствовавшей надъ всею Москвой.

Изъ Земляного Города, составлявшаго крайній поясъ тѣхъ укрѣпленій, которыми была окружена обширная царская столица, Никита перешелъ въ Бѣлый Городъ. Здѣсь на своемъ пути онъ началъ встрѣчать много такого, чего не видалъ прежде. Хотя и въ этой мѣстности Москвы узкія и кривыя улицы состояли большею частію изъ брусяныхъ хороминъ

Стрѣльцы-рядовые.

Съ рисунка, находящагося въ «Описаніи одеждъ русскихъ войскъ».

или такихъ же избъ, какими былъ почти сплошь застроенъ Земляной Городъ, но здѣсь эти простыя постройки начали все чаще и чаще перемежаться съ болѣе затѣйливыми строеніями, изъ которыхъ иныя были похожи на тогдашнія боярскія усадьбы, построенныя въ деревняхъ. Изъ-за высокихъ заборовъ, сдѣланныхъ частоколомъ, поднимались въ иныхъ

мѣстахъ крылатыя вѣтряныя мельницы и густыя верхушки высокихъ деревъ: ясени, клена и дуба. Это была густая зелень садовъ и рощь, окружавшихъ деревянныя хоромы съ высокими, крутыми крышами. Около такихъ хоромъ были расположены разныя хозяйственныя постройки: людскія, амбары, бани, сараи, конюшни, погреба и скотные дворы. На многихъ такихъ хоромахъ виднѣлись небольшіе деревянные или желѣзные кресты, означавшіе, что здѣсь была домовая церковь. Таковую церковь устроивалъ въ своей городской усадьбѣ каждый чиновный человѣкъ.

— Видно, здѣсь бояре живутъ,—подумалъ Никита и обратился съ разспросами къ проходившему мимо его молодому мѣщанину.

Оказалось, что догадка Никиты была вѣрна. Мѣщанинъ разсказалъ ему, что государь пожаловалъ боярамъ много пустопорожней земли въ Бѣломъ Городѣ; что на этой землѣ они построили себѣ хоромы и усадьбы и теперь живутъ въ полномъ привольѣ, словно не въ государевомъ городѣ, а у себя въ помѣстьи или вотчинѣ. Мѣщанинъ разсказалъ также, что у бояръ въ самой Москвѣ есть не только сады, огороды, мельницы и пруды съ саженою рыбою, но что иные изъ бояръ завели даже запашку; что боярамъ, по милости царя, живется куда какъ вольготно, а имъ, мѣщанамъ, «государевымъ сиротамъ», житье куда какъ плохо, и что имъ больно тѣсно въ Земляномъ Городѣ, такъ какъ земли даютъ имъ мало. Здѣсь начались со стороны встрѣчнаго незнакомца обычныя въ то время жалобы и сѣтованія простыхъ «людишекъ» на скудость, поборы и притѣсненія отъ служилыхъ и приказныхъ людей и въ особенности отъ стрѣльцовъ, которые на каждомъ шагу обижали горожанъ и перебивали у купцовъ торговлю, имѣя право производить ее безпошлинно.

— Побывай, братъ, въ стрѣлецкихъ слободахъ и посмотри, какъ живется тамъ стрѣльцамъ. Куда какъ лучше противъ нашего мѣщанскаго житья!.. добавилъ съ досадою новый знакомецъ Никиты.

Не безъ опаски слушалъ Никита такія «непригожія» и «вольныя» по тому времени рѣчи. Ему еще и въ Сѣвскѣ натолковали, что по Москвѣ ходятъ «языки», которые, въ кабакахъ, баняхъ и на рынкахъ прислушиваются къ мір-

ской молвѣ, а иногда и сами заводятъ «прелестныя» рѣчи, вызывая тѣмъ на задушевность другихъ людей, особенно, если они бываютъ подъ хмѣлькомъ, а потомъ вдругъ, ни съ того, ни съ другого, закричать на нихъ «государево слово и дѣло». Тутъ попадешь, предостерегали Никиту, въ такую страшную бѣду, что изъ нея не скоро, а можетъ быть и совсѣмъ, не выпутаешься. Словно изъ земли выростутъ передъ тобою стрѣльцы, скрутятъ крѣпко веревками, а не то набьютъ на руки и на ноги желѣза, да и потащутъ въ сыскной приказъ, а тамъ передъ бояриномъ, дьяками и при-

Боярская усадьба въ XVII столѣтіи.
Съ современной голландской гравюры.

казными людьми раздѣлывайся какъ знаешь. Выйдешь, чего добраго, изъ приказа съ поломанными ребрами, съ исполосованной кнутомъ спиною, съ вывихнутыми суставами, да еще въ добавокъ обожженный на медленномъ огнѣ или подпаленный до-красна раскаленною полосою желѣза.

Всѣ эти ужасы ясно представились въ воображеніи робкому отъ природы Никитѣ, и онъ захотѣлъ-было поотстать отъ своего спутника, досадуя самъ на себя, зачѣмъ онъ затронулъ его. Но мѣщанинъ, видно, былъ изъ словоохотливыхъ и продолжалъ толковать сторонившемуся отъ него парню, что вотъ-де скоро настанутъ великія смуты, что стрѣльцы толкуютъ промежъ себя чтò-то не ладное, что чернь

хочетъ запалить Москву сразу съ разныхъ концовъ и поднять «гиль», т. е. мятежъ противъ бояръ, а раскольники помышляютъ возстать скопомъ на патріарха и на церковь.

— Берегись, молодецъ, какъ-то зловѣще добавилъ мѣщанинъ, чтобы и надъ тобою не стряслась въ Москвѣ какая-нибудь бѣда,—и, проговоривъ это, онъ быстро повернулъ въ какой-то закоулокъ.

Припугнутый и разговоромъ, и угрожающимъ прощаньемъ, Никита невесело шелъ по Бѣлому Городу. Увидѣвъ вчера Анфису, онъ почувствовалъ къ ней то обыкновенное влеченіе, какое невольно испытываетъ молодой человѣкъ при взглядѣ на хорошенькую женщину. Но кромѣ того, въ немъ зародились еще и другія чувства: состраданіе и жалость къ горемычной участи Анфисы. Онъ увидѣлъ, какой у нея крутой и ревнивый мужъ, и ясно представлялъ себѣ, что̀ она должна была терпѣть и выносить отъ такого человѣка, который не могъ быть ей милъ, да и по годамъ былъ ей слишкомъ не ровенъ. Отъ щемившей его сердце думы объ Анфисѣ его отвлекала по временамъ окружавшая новая для него обстановка, къ которой онъ, какъ заѣзжій человѣкъ, не могъ еще достаточно присмотрѣться.

Онъ поглядывалъ по сторонамъ и остановился передъ одною церковью, показавшеюся ему очень красивой.

Церковь эта стояла на небольшой поросшей травою площадкѣ, среди невзрачныхъ бревенчатыхъ хороминъ, и казалось, что не тутъ должно было быть ея мѣсто, а гдѣ нибудь среди большихъ каменныхъ палатъ. Она была съ пятью продолговато-кругловатыми заостренными сверху чешуйчатыми главами, окрашенными въ зеленый цвѣтъ. На главахъ ярко блистали большіе позолоченные кресты. Крыша надъ церковью была въ три поднимавшіеся одинъ надъ другимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и постепенно уменьшавшіеся уступа, на которыхъ были выведены изъ кирпича дугообразныя украшенія. По четыремъ угламъ послѣдняго уступа стояли низенькія, безъ всякой покрышки, круглыя башенки. Церковь была о двухъ ярусахъ. Въ верхнемъ ярусѣ были сдѣланы большія, полукруглыя сверху, окна съ желѣзными рѣшетками. Окна отдѣлялись одно отъ другого каменными прокладками, въ видѣ длинныхъ и тоненькихъ столбиковъ. Въ

нижнемъ ярусѣ съ каждой стороны были широкія входныя двери. Вообще церковь была очень красивой постройки. Колокольни при ней не было, что, впрочемъ, приходилось тогда очень часто видѣть и въ Москвѣ, и въ другихъ русскихъ городахъ. Колокола висѣли на особой перекладинѣ, прислоненной къ церкви и сдѣланной изъ толстыхъ брусьевъ. Въ ту пору постройка колоколенъ считалась дѣломъ весьма богоугоднымъ, а потому прихожане, или одинъ какой нибудь ревнитель церковнаго благолѣпія, соорудивъ своимъ иждивеніемъ храмъ Божій, предоставляли довершать свое благочестивое дѣло другимъ радѣтелямъ новой святыни постройкою при ней колокольни.

Никита залюбовался на эту церковь, обошелъ ее нѣсколько разъ, то осматривая ее снизу, то задирая вверхъ голову, чтобъ поглядѣть на ея верхушки. Имъ овладѣло благочестивое настроеніе.

— Былъ бы я богатъ, подумалъ онъ, то построилъ бы у себя на родинѣ, въ Сѣвскѣ, такой же точно храмъ. Куда какъ онъ пригляденъ.

Отъ предположенія на счетъ постройки церкви, Никита перешелъ снова къ думѣ объ Анфисѣ.

— Раскрасавица она,—думалъ онъ,—и началъ мечтать о томъ, какъ бы онъ былъ счастливъ, если бы могъ имѣть такую женушку.

Теперь онъ шелъ по улицѣ, не замѣчая никого и ничего. Передъ нимъ по временамъ тянулись ряды деревянныхъ построекъ, которыя такъ быстро и до-тла истреблялись часто бывшими въ Москвѣ пожарами. По временамъ, изъ ряда простыхъ жилищъ выступали хоромы хорошей постройки, обитыя тесомъ, раскрашенныя въ яркія краски, съ деревянною вычурною рѣзьбою по концамъ высокой крыши и на верхушкѣ ея, въ видѣ гребня, съ пѣтушками и кониками, и съ рѣзными украшеніями надъ окнами. Попадались иногда и каменныя хоромы, и вообще, чѣмъ ближе подходилъ Никита къ Китай Городу, тѣмъ болѣе оказывалось хорошихъ и обширныхъ построекъ. Замѣтно было, что здѣсь живутъ люди болѣе достаточные, нежели на самой окраинѣ Москвы, въ Земляномъ Городѣ.

Изъ мечтаній объ Анфисѣ Никита былъ выведенъ раз-

давшимся позади его крикомъ — «гисъ!» Онъ быстро обернулся назадъ и увидѣлъ, что улица во всю ширину занята толпою какихъ-то людей, и пѣшихъ, и конныхъ. Всѣ проѣзжавшіе и проходившіе кидались въ сторону и жались къ домамъ, снимая шапки.

Впереди показавшейся изъ-за угла толпы бѣжали, съ длинными палками въ рукахъ, люди, одѣтые въ долгополыя сермяги; у нѣкоторыхъ изъ нихъ, вмѣсто палокъ, были луки.

Московская площадь въ XVII столѣтіи.
Факсимиле рисунка, находящагося въ «Путешествіи» Олеарія, изд. 1656 г.

Такіе же люди бѣжали и по обѣимъ сторонамъ поѣзда, размахивая палками и крича: «гисъ!», т. е. «берегись!» Люди эти были боярскіе холопы, обязанные разчищать для своего господина дорогу отъ проходившихъ и проѣзжавшихъ по улицамъ. За толпой холоповъ, бѣжавшихъ впереди, ѣхали верхами, въ однорядкахъ разныхъ цвѣтовъ, съ мурмолками на головахъ или въ шапкахъ съ цвѣтными суконными верхушками, боярскіе «знакомцы» — бѣдные дворяне, служившіе во дворахъ знатныхъ людей. Они сопровождали «своего ми-

лостивца» всюду при его выѣздахъ и были какъ бы его стражею. Самъ бояринъ, окруженный знакомцами, въ богатой съ золотыми нашивками ферязи и въ высокой горлатной шапкѣ, важно ѣхалъ въ колымагѣ, запряженной въ шесть коней гуськомъ, сбруя которыхъ была украшена блестящими и звонкими бляхами.

Никита, какъ и проходившіе по улицѣ, изъ боязни подвернуться подъ палочные удары, плотно прижался къ стѣнѣ и присматривался къ боярскому поѣзду. Въ этомъ поѣздѣ однихъ сермяжниковъ насчиталъ Никита человѣкъ до ста, да верховыхъ, какъ ему показалось, было человѣкъ съ двадцать, если не болѣе.

При видѣ такой боярской обстановки, Никитѣ пришла на умъ недавняя болтовня мѣщанина.

— Вишь вѣдь, какъ живутъ — подумалъ онъ — однихъ-то дармоѣдовъ у нихъ сколько!.. Да и какъ народъ передъ собой разгоняютъ! — и Никита не безъ чувства досады посмотрѣлъ въ слѣдъ удалявшемуся поѣзду, поднявшему на тѣсной улицѣ столбъ густой пыли.

По пути Никиту обогнало нѣсколько такихъ боярскихъ поѣздовъ и притомъ еще болѣе многолюдныхъ, нежели тотъ, который пришлось ему увидѣть въ Москвѣ въ первый разъ. Въ нѣкоторыхъ поѣздахъ бояре ѣхали въ колымагахъ; но такъ ѣздили только слабые и хворые старики, а всѣ, у кого было довольно силы, ѣздили верхами на статныхъ коняхъ, въ богатой сбруѣ, украшенной у иныхъ даже драгоцѣнными камнями, и также въ сопровожденіи холоповъ и знакомцевъ.

Въ нѣкоторыхъ поѣздахъ проѣзжали и боярыни, которыя лѣтомъ ѣздили въ колымагахъ, а зимою въ такъ называемыхъ каптанахъ, или возкахъ, окна которыхъ были закрыты со всѣхъ сторонъ тафтою. Онѣ отправлялись или на богомолье, или въ гости, или къ царицѣ. Ихъ также сопровождала толпа холоповъ, но около нихъ ѣздили не «знакомцы», а сѣнныя дѣвушки верхомъ, по мужски, въ кафтанахъ и высокихъ войлочныхъ шапкахъ.

Хотѣлъ было Никита разспросить кое-что у встрѣчныхъ людей объ этихъ поѣздкахъ, но напуганный мѣщаниномъ не рѣшался на это. Наконецъ, онъ отважился понавѣдаться кое о чемъ у попавшагося ему на встрѣчу попа.

— Скажи, батька, куда ѣдутъ бояре! — спросилъ его Никита.

— Въ царскую думу—отвѣчалъ попъ.

Попъ выглядывалъ такъ привѣтливо и такъ ласково, что Никитѣ даже безъ всякаго повода хотѣлось бы заговорить съ нимъ.

Тотчасъ же можно было замѣтить, что встрѣтившійся Никитѣ попъ не былъ изъ числа тѣхъ безмѣстныхъ поповъ, на которыхъ тіунъ доносилъ патріарху, что они «у Фролова моста безчинства дѣлаютъ большія, бранятся скаредно, играютъ, борются и въ кулачки бьются».

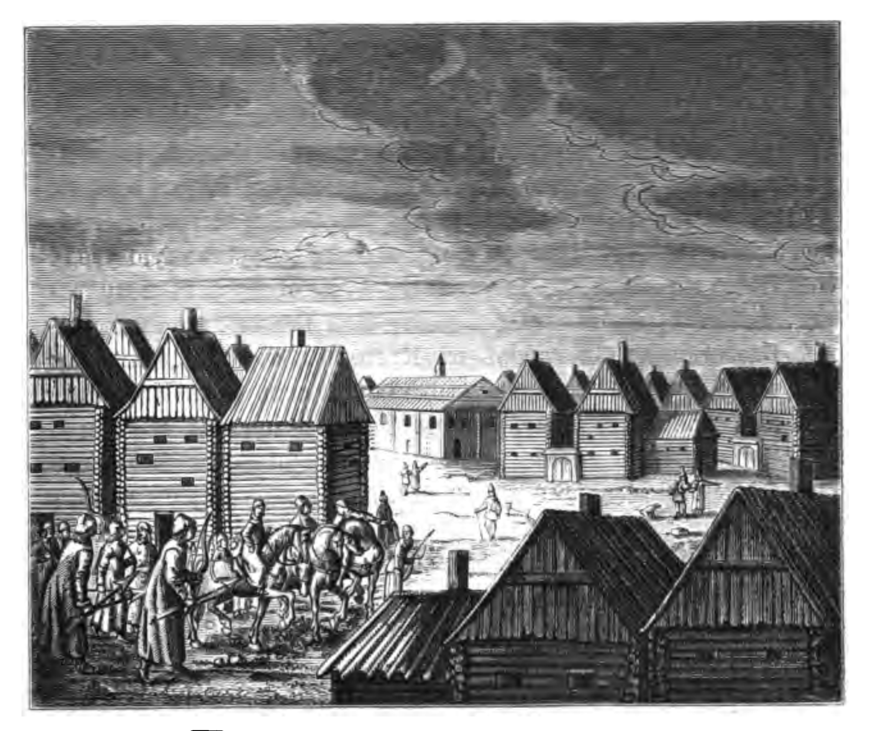
Видно было, что отецъ Онуфрій строго соблюдалъ всѣ постановленія недавняго московскаго собора о внѣшнемъ благообразіи людей духовнаго чина. Ряса на немъ была не пестрая и не яркая, какія большею частію носили тогда священники и діаконы вопреки соборнаго правила. Шапка на головѣ была у него «смирнаго», т. е. чернаго цвѣта, а въ рукахъ онъ держалъ длинный (высокій) деревянный посохъ, означавшій его священство. Когда онъ снималъ шапку, чтобы перекреститься, то на темныхъ съ легкою просѣдью густыхъ его волосахъ замѣтно выдавалось такъ называемое «гуменцо», т. е. выстриженный на темени кружокъ. Такими «гуменцами» отличаются нынѣ только католическіе священники, но въ ту пору, къ которой относится нашъ разсказъ, на Руси носили «гуменца» и православные священники и только нерадѣвшіе изъ нихъ о своей благовидности уклонялись отъ этого обязательнаго въ нихъ правила.

Соблюдалъ, какъ было видно, отецъ Онуфрій и другой еще тогдашній обычай: рядомъ съ нимъ шла «матушка», или попадья, его супруга. Въ ту пору «зазорно» было показаться на улицѣ или на рынкѣ попу безъ его жены. Допускалось отъ этого уклоненіе тогда только, когда онъ шелъ съ требою въ сопровожденіи причетника. Но рѣдкій изъ поповъ обращалъ вниманіе на такой обычай, и они бродили въ одиночку или Богъ вѣсть съ какими людьми по улицамъ и таскались на площадяхъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, въ виду поповской незазорности, попадьи должны были носить на верхней одеждѣ по обѣимъ сторонамъ груди нашивки изъ краснаго сукна, и та-

кія нашивки показывали, что матушка Агафья была женою отца Онуфрія.

Всюду ли такъ ведется, но только у насъ, на Руси, простыя женщины, перешедшія зрѣлый возрастъ, обыкновенно относятся съ большою сердечностію къ юношамъ. Здѣсь не бываетъ иного чувства, какъ только желаніе приласкать и приголубить молодого парня, особенно если онъ



Московская улица въ XVII столѣтіи.
Факсимиле рисунка, находящагося въ «Путешествіи» Олеарія, изд. 1656 г.

окажется сирота, или заѣзжій на чужую сторону, безъ родни, покровителей и знакомыхъ. Въ такихъ случаяхъ высказывается непритворное сожалѣніе объ его горемычной участи.

— Знать заѣзжій?—ласково спросила попадья Никиту.

— Заѣзжій.

— А отколь?

— Изъ Сѣвска.

Попадья какъ-то недомысленно взглянула на мужа, такъ какъ она о Сѣвскѣ никогда прежде не слыхала.

Отецъ Онуфрій, которому полюбилось доброе и открытое лицо молодого человѣка, разговорившись съ нимъ, между прочимъ, спросилъ его, зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Москву.

Никита разсказалъ, что дядя привезъ его сюда, чтобъ пристроить по торговой части, но что такое занятіе ему какъ-то не по душѣ, а хотѣлось бы, вмѣсто того, приняться за книжное ученіе.

— Благое дѣло—ученіе, благое дѣло: оно умудряетъ человѣка; надлежитъ сказать, что въ наукѣ, какъ и во всякой премудрости человѣческой, пребываетъ духъ Божій. Не вдавайся только въ волхованіе и чернокнижіе, а наука сама по себѣ человѣка не погубитъ, а скорѣе сбережетъ его отъ всякихъ заблужденій. Церковь наша, воздавая неустанную хвалу создателю міровъ и ихъ вседержителю, не отвергаетъ и мудрости, добытой человѣческимъ разумомъ. Сходи хоть въ здѣшній Благовѣщенскій соборъ въ Кремлѣ, и тамъ ты увидишь, что межъ ликовъ божіихъ угодниковъ есть и изображенія многихъ греческихъ мудрецовъ. Тамъ написаны и Омиръ, и Аристотель и другіе славные піиты и философы, хотя они и были невѣрными язычниками. Но и они въ свою пору наставляли темныхъ людей, вразумляли ихъ понимать и чтить величіе Божіе и предрекали даже пришествіе Христово. Не гнушайся наукой и мужами, ею просвѣщенными,—наставительно внушалъ отецъ Онуфрій.

— Да какъ же мнѣ начать учиться? Чувствую, что я на мои годы еще больно теменъ и неразуменъ, ничего-то я не знаю. Вотъ хоть бы ты, отецъ, говорилъ о какихъ-то мудрецахъ, а я объ нихъ и не слыхивалъ никогда,—печально проговорилъ Никита.

— Зайди-ко, братъ, ко мнѣ, такъ я о твоемъ будущемъ ученіи съ тобой на досугѣ потолкую; авось, что нибудь и уладится,—перебилъ попъ.

Отецъ Онуфрій разсказалъ обстоятельно, гдѣ онъ живетъ, и зазвалъ къ себѣ Никиту на обѣдъ въ ближайшее воскресенье.

— Заходи, родной, я тебя горячими оладушками съ медомъ поподчую,—привѣтливо заговорила попадья.—Побаловать-то

тебя, видно, некому, родной матушки у тебя нѣтъ; живешь ты здѣсь межъ чужихъ людей. Такъ приходи же къ намъ, голубчикъ, ласково заключила добрая женщина.

Съ своей стороны, Никита рѣшилъ побывать у новыхъ знакомцевъ, которые, какъ говорится, пришлись ему по душѣ.

VIII.

За нѣсколько годовъ до пріѣзда въ Москву Никиты, у тамошняго торговаго человѣка, Семена Яковлева, подросла дочь по имени Анфиса.

Въ старое — до-петровское — время, образъ жизни и воспитаніе дѣвушекъ на Руси вообще, а между прочимъ и въ Москвѣ, были куда какъ просты и незатѣйливы. Замѣчаніе это относится одинаково, какъ къ простолюдинамъ, такъ и къ боярышнямъ. Въ обыкновенномъ быту и тѣхъ и другихъ разницы было немного. Почти та же домашняя обстановка, тѣ же игры, удовольствія и развлеченія; какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ тѣ же покрои и принадлежности нарядовъ съ тою развѣ только разницею, что у боярышень были они изъ лучшихъ тканей, да съ прибавкою къ нимъ дорогихъ украшеній вмѣсто простыхъ побрякушекъ; тотъ же почти уровень умственнаго развитія и тотъ же кругъ нравственныхъ понятій.

— Привелъ бы Богъ поскорѣе отдать дочь за-мужъ, а тамъ ужъ она не отцовская и не материнская, а мужняя. Мужъ ее всему учить будетъ — говорили между собою, какъ знатные, такъ и простые, какъ богатые, такъ и бѣдные родители, смотря на подроставшую дочь.

Дѣйствительно, по выходѣ замужъ, дѣвушка совсѣмъ отставала отъ родительской семьи и переходила подъ власть мужа. Власть эта была обыкновенно суровая, да и жизнь замужней женщины отличалась, сравнительно съ дѣвической жизнью, большею неволею.

Недаромъ въ одной народной пѣснѣ — этомъ отголоскѣ нашей старины — поется:

Дѣвичья красота въ полѣ на лугу;
Бабья красота на печи, въ углу.

Дѣвушка до брака пользовалась бо́льшею свободою, особенно среди простонародья. Она могла ходить въ гости, играть, забавляться и плясать съ своими подругами. Къ кружкамъ дѣвушекъ примѣшивались иногда и молодые парни въ качествѣ жениховъ. Хотя по тогдашней поговоркѣ и полагалось, что: «невидѣнная дѣвка — золотая, а видѣнная — мѣдяная», но въ обыденной жизни людей простыхъ такая осторожность не соблюдалась и почти каждый простолюдинъ зналъ свою невѣсту прежде, чѣмъ сватался къ ней. Поэтому, въ большей части браковъ, закутываніе невѣсты подъ вѣнецъ, какъ будто женихъ вовсе не зналъ ея и никогда не видѣлъ, было только пустою обрядностью. Обрядность эта соблюдается и до нынѣ у русскихъ крестьянъ, хотя женихъ и невѣста обыкновенно не только съ дѣтства знаютъ другъ друга, но нерѣдко еще до брака успѣваютъ слюбиться между собою.

Но чѣмъ выше было общественное положеніе дѣвушки, чѣмъ зажиточнѣе были ея родители, чѣмъ труднѣе было жениху познакомиться съ невѣстой. Можно сказать, что въ прежней Москвѣ съ семействъ людей торговыхъ и служилыхъ начиналось уже болѣе или менѣе строгое, но не безъусловное еще затворничество женщинъ и дѣвушекъ и ихъ отдаленіе отъ мужскаго общества. Становилось же оно безъусловнымъ для боярышень, а тѣмъ еще болѣе для царевенъ. И тѣ и другія дѣйствительно были обречены съ самаго рожденія на безъисходное заточеніе. Сидѣли онѣ въ-заперти въ своихъ тернмахъ, и даже самые близкіе молодые родственники не могли посѣщать ихъ. Выходили онѣ изъ теремовъ съ лицами, закрытыми фатою, а ѣзжали въ колымагахъ или каптанахъ съ плотно завѣшенными окнами. Около боярышень и царевенъ, когда имъ нужно было идти въ церковь, сѣнныя дѣвушки несли суконныя по́лы, и ничей любопытный и самый зоркій глазъ не могъ подсмотрѣть этихъ красивыхъ, а иной разъ и непригожихъ затворницъ. Замѣчательно, что полною свободою отлучекъ и ходьбы, даже въ самыя непристойныя мѣста, пользовались на Руси тѣ женщины и дѣвушки, которыхъ, какъ казалось, слѣдовало бы держать въ самыхъ крѣпкихъ затворахъ. Такъ, чернички, и старыя и молодыя, подъ предлогомъ сбора подаяній на по-

строеніе обители или храма, разгуливали свободно по Москвѣ, и жившіе тамъ иностранцы не могли надивиться такой распущенности, въ особенности въ сравненіи съ той неволей, какой подвергались женщины и дѣвушки, не принимавшія иноческихъ обѣтовъ.

Отецъ Анфисы былъ изъ числа если не богатыхъ, то все же достаточныхъ и почетныхъ торговыхъ людей. Въ силу

Увеселенія русскихъ въ XVII столѣтіи.
Факсимиле рисунка, находящагося въ «Путешествіи» Олеарія, изд. 1656 г.

этого, ему приходилось соблюдать обычаи той среды, въ которой показать дѣвушку мужчинѣ, особенно молодому, считалось не только неприличіемъ, но и крайнимъ нарушеніемъ ея дѣвической стыдливости.

Жизнь Анфисы, какъ и другихъ ея сверстницъ, бывшихъ въ одинаковомъ съ нею положеніи, проходила, по современнымъ нашимъ понятіямъ, чрезвычайно однообразно.

Казалось, день за днемъ тянулся уныло и медленно. Всѣ развлеченія ея состояли въ томъ, что по воскресеньямъ и по праздничнымъ днямъ она съ отцомъ и матерью, закутанная фатой, ходила въ приходскую церковь и становилась тамъ въ толпѣ дѣвушекъ и женщинъ. Лѣтомъ съ подругами она играла на дворѣ въ горѣлки, качалась на качеляхъ, да водила хороводы во дворѣ отцовскаго дома съ постоянно запертыми на глухо воротами.

Въ осеннюю и зимнюю пору Анфисѣ становилось еще скучнѣе: то непроходная грязь, то глубокій снѣгъ, мѣшали не только сходить въ гости къ подругамъ, но даже порѣзвиться на дворѣ, какъ это водилось весною и лѣтомъ. Сумерки наступали рано и хотя въ ту пору на Руси, да и въ Москвѣ, ложились спать, какъ говорится, съ курами, но все же приходилось какъ нибудь коротать зимній вечеръ, относительно болѣе или менѣе продолжительный. По временамъ, къ Анфисѣ собирались на вечернія посидѣлки ея близкія подруги, но на этихъ посидѣлкахъ не было разнообразія, а слѣдовательно, не могло быть и удовольствія. При тогдашней общественной жизни не находилось предметовъ для разговоровъ и собравшіяся дѣвушки начинали пѣть пѣсни — пѣсни давно знакомыя и уже порядкомъ прискучившія имъ. Пѣсни перемежались грызеніемъ орѣховъ и ѣдою пряниковъ, коврижекъ и пастилы.

Святки становились какъ будто оживленнѣе и веселѣе. Начинались разнообразныя гаданья о суженомъ-ряженомъ; а подблюдныя пѣсни пѣлись съ бо̀льшимъ одушевленіемъ, нежели обыкновенныя. Но святки проходили скоро и начиналась опять однообразная жизнь.

— Скучно, подруженьки, намъ живется — заговорила однажды бойкая Мавруша, или Маврутка, одна изъ дѣвушекъ, собравшихся къ Анфисѣ. Парней совсѣмъ мы не видимъ.

— Мимо нашего дома — затараторила другая дѣвушка, Анюта — ходитъ часто Яшка, сынъ Кузьмы Грозилова; я, сказать вамъ по душѣ, всегда посматриваю на него, да что̀ въ томъ толку!.. А куда какъ онъ мнѣ любъ. Вѣдь какой молодецъ!..

— А можетъ и сваху пришлетъ — перебила Мавруша. Вѣдь суженаго напередъ не узнаешь.

— Не пришлетъ: онъ парень богатый, да вѣрно и родители хотятъ взять для него невѣсту изъ богатаго дома, а о насъ они, чай, ничего и не слыхивали, — говорила Анюта.

— Эхъ, дѣвицы красныя,—печально сказала Анфиса.— Значитъ Богъ ту любитъ, которой Онъ по сердцу жениха посылаетъ, а вотъ мнѣ, такъ кажись, большое горе изведать придется...

— Развѣ свахи захаживать къ вамъ начали?—спросили разомъ нѣсколько голосовъ.

— Да вотъ что-то Устинья Ермиловна больно зачастила къ намъ и теперь съ матушкой глазъ-на-глазъ по долгу шепчется, а о комъ же имъ толковать, какъ не обо мнѣ? Вѣдь я одна у матушки на рукахъ осталась; всѣхъ трехъ сестрицъ моихъ Ермиловна за старыхъ повысватала. Правда, зятьюшки мои люди добрые и сестрицамъ за ними хорошо живется, а все жъ молодой мужъ милѣе.

— Ну, коли всѣхъ твоихъ сестрицъ за старыхъ повысватала, такъ тебѣ молоденькаго пріищетъ, да еще писанаго красавца,—знакомства-то у ней много; въ Москвѣ она не изъ послѣднихъ свахъ — утѣшала Анюта Анфису.

— А знаете, дѣвушки-сударушки, — вмѣшалась вдругъ Мавруша;—коль меня за стараго сватать примутся, такъ я сбѣгу съ моимъ любчикомъ изъ родительскаго дома.

— Развѣ у тебя онъ завелся? — спросила Анфиса, пытливо вскинувъ свои каріе глаза на бойкую и откровенную подругу...

— Почто же ему и не быть? Въ диковинку тебѣ то видно — засмѣявшись, отвѣчала Мавруша. Слушайте, душеньки-подруженки, какъ это было.

Дѣвушки въ плотную придвинулись къ Маврушѣ.

— У насъ въ сосѣдствѣ живетъ старый купчина, Коромысловъ. Можетъ слыхивали о немъ? Огородъ-то его и нашъ въ смежности лежатъ, только ветхимъ заборомъ отгороженъ одинъ отъ другого. Заборъ-то, правда, высокъ, черезъ него не перелѣзешь, да и взлѣзать-то на него опасно: того гляди, что сейчасъ на земь рухнетъ, такъ такой бѣды наживешь, что и Боже упаси: новый крѣпкій поставятъ; а теперь въ заборѣ есть трещина, черезъ нее-то мы и милуемся. Прилаживается мой Васютка, чтобъ одну доску изъ

забора вынуть, да такъ, чтобъ потомъ ее вставить на старое мѣсто: никто того и не замѣтитъ, а межъ тѣмъ онъ ко мнѣ въ огородъ попотемкамъ пробираться станетъ... Пустѣ только снѣгъ сойдетъ, а то на немъ слѣды видать; догадаются, что дѣло не ладно: никто, вѣдь, зимой въ огородъ не ходитъ, а я-то бѣгаю къ забору только въ снѣжную погоду. Знаю, что на утро снѣгъ замететъ мой слѣдъ и никто не хватится, что я въ огородъ къ миленькому моему бѣгала.

— Ну, а когда онъ до тебя доберется, ты съ нимъ будешь цѣловаться и обниматься?—стыдливо спросила Анфиса.

— А нѣшто нѣтъ? Изъ-за чего жъ бы ему и работать, да еще, чего добраго, и въ бѣду попасться. — Да ты-то, что такъ смотришь, спросила вдругъ Мавруша Анфису. Ты бы на моемъ мѣстѣ трусила, вѣдь ты у насъ такая стыдливая, такая робкая. Поди какая скромница! — захохотавъ, обратилась Мавруша къ подругамъ, — пытается у меня, буду ли я цѣловаться, да обниматься; у нея и на это толку не хватитъ!..

Дѣвушки засмѣялись, а Анфиса смѣшалась и покраснѣла: ей какъ будто стало стыдно за свою простоватость передъ ея смѣлой и находчивой подругой.

— Нѣшто мало нашихъ сестеръ убѣгаютъ изъ родительскихъ домовъ? Слыхали, можетъ, объ Акулькѣ Пустыниной. Вѣдь сбѣжала же съ молодцомъ изъ Иконнаго ряда, а безмѣстный попъ живой рукой повѣнчалъ ихъ, и теперь живутъ они между собой ладно. Погнѣвались на нее родители, да потомъ пораздумали и простили; прежнее свое проклятіе съ нея сняли и все, чтò ей по рядной записи приходилось, полностію отдали, — сказала Анюта.

— Да и грѣшно развѣ бѣгать, коли въ такой тѣсной неволѣ насъ держать — заговорила молчавшая до сихъ поръ Раиса;—нашелся бы только ловчакъ, чтò увелъ бы тайкомъ изъ родительскаго дома. Бѣда, какъ захватятъ, поймаютъ на побѣгѣ и задержатъ. Тутъ подпадешь подъ отцовскій гнѣвъ, да подъ материнскую злобу, такъ тогда ужь вдоволь накручинишься и наплачешься.

— Сбѣжать-то не трудно. Замкѝ да запоры — только для глупыхъ, а которая посмышленнѣе, ту силой не удержишь. Ужъ на что боярышень крѣпко-на-крѣпко запираютъ, анъ, смотришь, нѣтъ - нѣтъ, да иная и сбѣжитъ. А замужнія —

думаете вы, мои сударушки — тàкъ вотъ только однихъ своихъ мужей и знаютъ и любятъ? Какъ же!.. Почитай, чуть ли не у всякой есть полюбовникъ, а инымъ такъ и одного мало бываетъ. Да что о боярыняхъ!—вотъ хоть бы и о царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, не вѣсть, что̀ въ народѣ толкуютъ. А мы-то что? Съ чего на насъ разные запреты кладутъ? Вотъ выйду я за мужъ, тàкъ, не бойсь, во всемъ мужу покорна и стану?.. Нѣтъ, не то будетъ: онъ мнѣ встрѣчное слово, а я ему въ отвѣтъ десятокъ! — волновалась Мавруша.

— А какъ бить тебя примется?—спросила Анюта.

— Стерплю, на сколько сможется, подъ конецъ у него самого руки устанутъ.

— А коли нѣтъ?

— Коли нѣтъ, такъ и другимъ путемъ отъ него отдѣлаться можно. Пропадать, такъ проподать, было бы только изъ-за чего — проговорила рѣшительно Мавруша.—Да съ чего я начала васъ, дѣвушки, мутить — какъ будто опомнившись, добавила она.—Принимайтесь-ка лучше за пѣсни; по что наводить тоску на душу?—Всѣ мы, статься можетъ, проживемъ нашъ вѣкъ съ хорошими мужьями, и смѣючись, и припѣваючи...

Мавруша запѣла веселую пѣсню, которую подхватили ея подруги. Не пѣла только Анфиса. Она сидѣла пріунывши и раздумывала о своей будущей участи...

IX.

Догадки Анфисы на счетъ близкаго ея замужества были основательны. Устинья Ермиловна—та самая крикливая баба, которая такъ злобно отзывалась объ Анфисѣ, при случайной встрѣчѣ на улицѣ съ Демьяномъ Григорьевичемъ, ходила въ домъ ея отца не по-пусту: у нея для Анфисы нашелся женихъ, которому она сильно доброхотствовала. Женихъ этотъ былъ Андрей Викулычъ Тябота, съ которымъ Демьянъ Григорьевичъ свелъ въ Москвѣ первое, такое непріятное для себя знакомство.

Кромѣ крестнаго имени и отчества, Андрей имѣлъ еще особое прозвище — Тябота. Такія дополнительныя прозвища

были у насъ въ старину въ большомъ употребленіи, нетолько среди простыхъ, но даже и среди людей самыхъ знатныхъ. Иныя изъ такихъ прозвищъ имѣли опредѣленное значеніе, какъ, напримѣръ, Овчина, Лопата, Курица, Волкъ или «Собачья рожа», Пѣтухъ и даже «Умойся грязью». Другія же были безъ всякаго смысла и считались бы въ наше время только обидною кличкой. Къ числу такихъ прозвищъ принадлежало и прозвище Тябота, неизвѣстно когда и по какому случаю данное отцу Андрея. Какъ тѣ, такъ и другія прозвища употреблялись нетолько въ обычныхъ сношеніяхъ, но и въ приказныхъ бумагахъ, воеводскихъ отпискахъ, разныхъ письменныхъ памятяхъ, крѣпостяхъ и судебныхъ приговорахъ, точно такъ, какъ употребляются нынѣ родовыя прозванія или фамиліи.

Устинья Ермиловна съ давнихъ поръ вела дружбу съ Тяботою и считала его своимъ добрымъ пріятелемъ. Она была, какъ и всѣ свахи и прежнія, и нынѣшнія, разбитная баба. Любила она покалякать, побалагурить, а въ добавокъ и выпить, и во всемъ этомъ, какъ нельзя болѣе, сходилась съ Тяботою. Устинья Ермиловна высватала ему первую жену, послѣ которой Андрей остался не старымъ еще вдовцемъ, а когда онъ задумалъ жениться вторично, она намѣтила Анфису, какъ подходящую для него невѣсту. Анфиса хотя и была изъ зажиточнаго дома, но у отца ея на рукахъ была большая семья, да и торговыя его дѣла въ послѣдніе годы шли несовсѣмъ удачно. Притомъ, къ нему подступала старость. Онъ начиналъ слабѣть и хворать, и Ермиловна разсчитывала, что, при такихъ неблагопріятныхъ домашнихъ условіяхъ, родители Анфисы не откажутся выдать дочь за человѣка, хотя, сравнительно съ нею, уже пожилого, но за то съ хорошимъ достаткомъ и, притомъ, что̀ было очень важно, одинокаго, такъ что жена его будетъ единственною и полною хозяйкой въ мужиномъ домѣ, а въ старину это было очень желательно для каждой невѣсты.

Анфиса видѣла только мелькомъ Андрея Викулыча, захаживавшаго иногда къ ея отцу по торговымъ дѣламъ, но не думала никогда, что онъ будетъ ея женихомъ. Поэтому, она вовсе не присматривалась къ нему. Что ей было за дѣло до пожилого вдовца? Развѣ могла быть ему невѣстой такая

молоденькая дѣвушка, какъ Анфиса? Но когда Ермиловна зачастила своими посѣщеніями, и когда нѣсколько разъ въ разговорѣ между отцомъ Анфисы и ея матерью и свахою — въ разговорѣ, веденномъ на сторонѣ отъ дочери, — ей послышалось имя Тяботы, то она смекнула, что, вѣроятно, дѣло идетъ объ ея сватовствѣ. Андрей тоже только мелькомъ видѣлъ свою будущую невѣсту, но она не могла не полюбиться ему. Обычай, однако, требовалъ повести дѣло черезъ сваху и притомъ такъ, какъ будто женихъ и невѣста никогда еще не встрѣчались другъ съ другомъ, и сдѣлать видъ, будто и родители ея не знаютъ жениха и даже ничего о немъ не слыхивали.

Сватовство началось обыкновеннымъ въ ту пору порядкомъ.

— У тебя, Маремьяна Ивановна, и у Семена Яковлевича есть въ остаточкѣ товарецъ, а у меня есть на него покупщичекъ; надо бы намъ промежъ себя дѣльце сладить, заговорила, однажды, Ермиловна съ таинственностью, свойственной свахамъ.

Такой приступъ былъ въ ту пору вполнѣ понятенъ матерямъ взрослыхъ дочерей, безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненій.

— Отчего бы и не такъ, отвѣчала Маремьяна Ивановна.— А кого Богъ посылаетъ?

— Разумѣется, человѣка хорошаго, ужь плохого какого-нибудь Анфисочкѣ сватать я не стану,—заговорила Ермиловна, слегка почмокивая своими сухими и тонкими губами.

Обычай требовалъ, однако, продолженія искусственной таинственности.

— Дурного о моемъ женихѣ никто не скажетъ; торгуетъ онъ гладко; есть у него и запасецъ на черный денекъ, да и за приданымъ не слишкомъ онъ погонится. Не мало найдется у него и готоваго добра для невѣсты: отъ покойной жены ему, по рядной записи, много чего изъ ея скарба оставили, говорила Устинья.

— Выходитъ, значитъ, вдовецъ, да и не молодъ пожалуй?

— Съ чего ты взяла, что не молодъ? Развѣ вдовцами только старые люди бываютъ. Иной и трехъ женъ похоронитъ, да не состарится и будетъ, чего добраго, удалѣе не

женатаго парня. Далъ Господь крѣпость, такъ онъ до самыхъ позднихъ лѣтъ въ женихи годится. Онъ не нашъ братъ—баба,—обкисаетъ не скоро; да иной еще изъ хилаго, что̀ былъ въ молодости, подъ старость крѣпышемъ дѣлается.

— Всяко бываетъ, сомнительно покачивая головой, замѣтила Маремьяна Ивановна: — вотъ мой-то всего только на седьмой десятокъ идетъ, а ужь совсѣмъ разхлябъ: все стонетъ да охаетъ. Того и смотри, что скоро душеньку Богу отдастъ.

— Кручины и заботы у него о дѣткахъ много было. Господь-то благословилъ васъ большущею семьей, о кажинномъ и о кажинной Семену Яковлевичу думать приходилось. А мой-то женихъ, что̀ ему дѣлается? — одинъ какъ перстъ. Что̀ говорить, — онъ на двое, да, пожалуй, еще и съ излишкомъ постарше Анфисы Семеновны будетъ, да за то какимъ еще соколомъ смотритъ! Да какой забавникъ и весельчакъ!.. подхваливала Андрея сваха.

— Съ сожителемъ напередъ надо поговорить, пусть онъ рѣшаетъ и даетъ свое отцовское благословеніе, а Анфисочка у насъ — дочь покорная, красоту же ея ты сама знаешь.

— Не о томъ и рѣчь. Не мало я на своемъ вѣку всякихъ невѣстъ перевидала, а такихъ приглядныхъ сразу, какъ она, и промежь боярышень не скоро отыщешь. Всѣмъ взяла: — и лицомъ, и тѣломъ...

Маремьяна Ивановна три раза отплюнулась и три раза перекрестилась.

— Сухо дерево, завтра пятница — проговорила она, стукнувъ рукою по лавкѣ, на которой сидѣла.

— Не бойсь!.. Сглазу не наведу, хошь я и разумѣю, какъ то̀ сдѣлать, отозвалась сваха и затѣмъ, рѣшительно уставивъ свои сѣро-зеленоватые и подслѣповатые глаза, спросила: «ну, что-жь, товарецъ-то продаешь?»

Суевѣріе въ ту пору было однимъ изъ сильныхъ двигателей не только въ домашнихъ, но и въ общественныхъ и даже въ государственныхъ дѣлахъ, и потому ловкій намекъ свахи на свою чародѣйскую силу не могъ не подѣйствовать на такую простую женщину, какой была мать Анфисы.

— Съ нами крестная сила, подумала она.—Откажу ей, такъ, чего добраго, сглазитъ, или, пожалуй, на вѣкъ испортитъ Анфисочку.

— А кто-жь онъ таковъ будетъ? спросила она не безъ замиранія сердца.

— Ты его, чай, знаешь, загадочно проговорила сваха, желая помучить Маремьяну возбужденнымъ въ ней любопытствомъ.—Да прежде чѣмъ я назову его, ты поднеси-ка мнѣ винца.

Желаніе свахи было немедленно исполнено.

— Ну, теперь скажу: будетъ онъ человѣкъ хорошій, надёжный, начнетъ, какъ подобаетъ, почитать и тестя, и тещу, душою передъ ними прямить станетъ и будетъ покоренъ вамъ, какъ сынъ вамъ родной, а зовутъ его Андрей Викулычъ, по прозвищу Тябота.

При имени жениха Маремьяна Ивановна замѣтно смутилась.

— Да вѣдь онъ, родимая моя, говорятъ, крѣпко запиваетъ, робко пробормотала она.

— Мало ли что говорятъ! Нѣшто и про меня съ тобой всякой всячины не толкуютъ. Пустое дѣло, что пьетъ. Да и кто на Москвѣ теперь не запиваетъ? Небось твой-то не пилъ.

— Былъ тотъ грѣхъ, да по милости божіей давно отъ пьянства Семенъ Яковлевичъ отсталъ: къ угодникамъ разнымъ на богомолье ѣздилъ, да не мало и я за него молебновъ отпѣла и разные наговоры и нашептыванія на него были...

— Ну, вотъ видишь, а мой-то какъ пьетъ? Не зашибаетъ онъ до безпамятства у себя дома, а пьетъ на людяхъ. Держится, значитъ, такой пословицы: «пей за столомъ, а не пей за столбомъ». Съ того только о немъ и молва пошла, будто онъ пьяница. Да и что за бѣда, коль и выпиваетъ? Былъ бы только во хмѣлю покоенъ, да не драчливъ съ женой; а иной и не пьетъ, да какъ въ ярость придетъ, то хватитъ подъ злую руку чѣмъ попало...

— Такъ-то такъ, а все же, Устинья Ермиловна, трезвый человѣкъ былъ бы лучше...

— Мало чего лучшаго найдется,—былъ бы бояринъ или окольничій, такъ, безъ спору, былъ бы лучше, нежели торговый человѣкъ, нѣсколько раздраженнымъ голосомъ перебила сваха.

— Поговорю я съ Семеномъ Яковлевичемъ, а тебѣ на сватовствѣ—наше спасибо. Сладится дѣло, такъ тебя, Устинья Ермиловна, не забудемъ.

— Да не проволакивай долго. Тяботѣ откажешь, такъ другого жениха не скоро, пожалуй, отыщешь. На жениховъ, какъ на хлѣбъ, да на грибы, бываютъ и неурожайные годы. Иной разъ какъ бѣсъ передъ заутреней мечешься во всѣ стороны, а жениховъ взять не откуда. Дѣлайся какъ знаешь, а невѣстъ-то на Москвѣ тьма тьмущая, и безъ Анфисы ихъ не оберешься; словно ягоды на какомъ-нибудь пролѣскѣ.

Оканчивая бесѣду со свахой, Маремьяна Ивановна попросила ее навѣдаться за отвѣтомъ черезъ три дня.

X.

Въ былое время, когда дамскія моды не измѣнялись такъ быстро и такъ прихотливо, какъ нынѣ, заботливыя матери или бабушки начинали копить для своихъ дочерей или внучекъ приданое чуть ли не съ самаго дня ихъ рожденія. Это велось на Руси не только среди простонародья, но и среди боярства. Тогда были пригодны даже для самой богатой невѣсты наряды не только ея матери и бабушки, но даже прабабушки, а пожалуй, и еще болѣе отдаленныхъ ея прародительницъ. Ни удлиненіе и укорачиваніе тальи, ни покрой женской одежды, ни отдѣлка, ни цвѣта̀, ни доброта тканей не измѣнялись втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ и, если только моль и ржа не истребляли этого наслѣдственнаго запаса, то онъ во всякое время могъ быть такой же обновкой, какою былъ бы только что наканунѣ приготовленный женскій нарядъ. Тѣмъ болѣе, конечно, сохранялись безъ всякой передѣлки драгоцѣнныя украшенія, у кого они были; и ожерелья, и монисты, и запястья оставались постоянно въ томъ видѣ, въ какомъ были сработаны первоначально.

Принявшись свататься къ Анфисѣ, Тябота сталъ почаще перетряхивать, вывѣшивать, провѣтривать и выколачивать, при помощи своего работника, Прокопа, наряды своей покойной жены. Тутъ были и однорядки, и ферязи, и шубки, и шугаи.

— Собираешься, видно, Андрей Викулычъ, снова жениться? замолвилъ, однажды, нерѣшительнымъ голосомъ старикъ-работникъ. — Что-жь — дѣло благое, въ одиночествѣ жить скучно.

— Посмотримъ, что̀ Богъ дастъ, а въ правду сказать, во вдовской жизни поумаялся я порядкомъ.

— Да̀, за чужими женами гоняться-то не легко, да и не всегда такая забава счастливо съ рукъ сходитъ, сказалъ Прокопъ, и какъ будто спохватился, что проговорился не кстати.

Тябота насупился, и было отчего. Въ памяти его ожило очень непріятное воспоминаніе о то́мъ, какъ онъ, забравшись къ женѣ одного шубника, былъ захваченъ врасплохъ ея мужемъ и, спасаясь бѣгствомъ, оттащилъ наскоро подворотню и хотѣлъ-было пролѣзть подъ ворота, но на бѣду застрялъ тамъ. Между тѣмъ, оскорбленный мужъ, кликнувъ работниковъ, принялся выколачивать волокиту палками, какъ выколачиваютъ шубники запылившуюся овчину. Только послѣ продолжительнаго выколачиванія, хозяинъ велѣлъ растворить ворота настежъ и жестоко наказанный Тябота еле добрался до дому, пролежавъ послѣ такой расправы нѣсколько дней въ постели. Этотъ случай не отъучилъ, однако, его окончательно отъ привычки приставать къ чужимъ женамъ, хотя и сдѣлалъ его нѣсколько робкимъ и болѣе осторожнымъ.

Въ то время, когда Андрей Викулычъ занимался переборкою скарба, оставшагося у него отъ первой жены, въ домѣ Семена Яковлевича шли тоже приготовленія къ свадьбѣ Анфисы.

Молодая дѣвушка дѣйствительно оказалась покорною передъ родителями дочерью, и, хотя горько заплакала, когда узнала, кто назначается ей въ суженые, но обошлась, однако, безъ тѣхъ взвизгиваній, всхлипываній и причитаній, которыя были обязательны для тогдашнихъ русскихъ дѣвушекъ, даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ предстоящій бракъ былъ имъ по сердцу. Имъ нужно было оплакивать свое дѣвическое житье; попрекнуть родителей, что они не жалѣютъ ее, бѣдняжку, что у нея будетъ грозный мужъ. Среди такихъ причитаній, между прочимъ, слышались запросы невѣсты:

«Государь мой, родной батюшка,
«Не возможно-ль того сдѣлати,
«Меня, дѣвицу, не выдавати?..

или:

«Али я была у васъ не работницею?
«Али я была у васъ не заботницею?

и чѣмъ больше плакала, голосила и ревѣла, и причитывала невѣста, тѣмъ болѣе эта искусственная скорбь трогала сердце родителей и всѣхъ окружавшихъ просватанную дѣвушку. Отъ такихъ выраженій скорби о своемъ дѣвичествѣ Анфиса отказалась, и, хотя у ней на душѣ и было тяжело, но она не прекословила отцу и матери, и, молча, покорилась ихъ волѣ и судьбѣ, на роду ей написанной.

Прежде всего нужно было справить смотрины, такъ какъ предполагалось, что женихъ ни разу еще не видалъ своей невѣсты; а такъ какъ, по обычаю, ему показать ее нельзя, то и нужно было избрать довѣренныхъ лицъ, которыя, по уполномочію жениха, тщательно осмотрѣли бы невѣсту и убѣдились бы въ ея статности, пригожествѣ и, главное, въ томъ, что у нея нѣтъ никакого тѣлеснаго изъяна, что она не кривая или не слѣпая, не горбата или не кривобока, не косноязычная и т. д.

— Глаза мнѣ твои, тетушка Афимья Петровна, нужны, сказалъ Андрей, пришедши къ своей старой теткѣ.

Выраженіе это, какъ и выраженіе насчетъ товара и покупщика, было понятно русскимъ людямъ того времени.

— А у кого смотрѣть?—нетерпѣливо спросила она.

— У Семена Яковлевича.

— Анфису-то?

— Вѣдь ты ее знаешь, такъ пожалуй тутъ бы и не къ чему смотрины, да и я самъ нѣсколько разъ видѣлъ,—нужно ли тутъ попусту возиться?

— Что ты? Какъ попусту?.. А не исполнишь обычая, такъ и на людяхъ осудятъ, со свѣту сживутъ. Безъ смотринъ никакъ нельзя. Не тебѣ, Андрей Викулычъ, отставлять то, что̀ повелось изстари.

Тетка, впрочемъ, въ душѣ отстаивала не столько обычаи, сколько имѣла въ виду свои особыя цѣли. Ей желалось побывать въ домѣ Семена Яковлевича почетной гостьей, причемъ, конечно, дѣло не обошлось бы безъ обильнаго угощенія и безъ подарковъ. Кромѣ того, бабѣ куда какъ хотѣлось впутаться въ какое нибудь чужое дѣло, чтобы потомъ было о чемъ потолковать съ любопытными кумушками.

На третій день, Афимья Петровна произвела смотрины невѣсты. Тетку жениха приняли въ домѣ Семена Яковлевича

съ большимъ почетомъ и вывели ей на показъ невѣсту въ самомъ нарядномъ уборѣ. Для пущей ли только важности или желая дѣйствительно исполнить добросовѣстно принятое на себя порученіе, Афимья Петровна взяла съ собой повитуху, и онѣ вдвоемъ принялись опрашивать Анфису и ея родителей: нѣтъ ли или не было ли у ней какого недуга, или какой немочи, не было ли на ней наговора, или не была ли наведена на нее порча? Такъ какъ на этотъ разъ смотрины исполнялись женщиною доброжелательною невѣстѣ, то осмотръ и опросы не были произведены съ той тщательностію и съ тою строгостію, съ какими они производились въ иныхъ случаяхъ, когда слишкомъ безпощадно нарушались скромность и стыдливость молодой дѣвушки. Кромѣ того, смотрины не рѣдко сопровождались неблагопріятными для невѣсты послѣдствіями. Иныя смотрѣльщицы, по разнымъ причинамъ и личнымъ соображеніямъ, оговаривали вполнѣ пригодную дѣвушку передъ родителями ея жениха или передъ нимъ самимъ, и вслѣдствіе этого сватовство разстраивалось послѣ смотринъ, а о невѣстѣ начинала ходить худая огласка. Поэтому родители не охотно показывали невѣсту и настаивали прежде всего на заочномъ сватовствѣ.

Афимью Петровну угостили на славу, отпустили съ честью и обдарили. Анфиса не только была признана годной въ супруги Андрею Тяботѣ, но и представлена въ сообщеніи о ней жениху въ самомъ привлекательномъ видѣ.

При сватовствѣ, относительно смотринъ возникали почти всегда сильныя пререканія между стороной жениха и стороной невѣсты. Представители первой требовали, чтобъ дѣвушку показали самому жениху, а родители невѣсты отвѣчали, что они рады показать ее, но только не ему, а его отцу, матери, сестрѣ и той сродственницѣ, которой онъ довѣритъ. Очень рѣдко родители соглашались показать невѣсту жениху, и рѣшались на это только тогда, когда были вполнѣ увѣрены, что ее не стыдно показать людямъ. Не стыдно было показать Андрею Анфису, но онъ, зная ее въ лицо, не хотѣлъ настаивать, чтобъ видѣть невѣсту, опасаясь, что переговоры объ этомъ повлекутъ за собою продолжительную проволочку, а она была тѣмъ болѣе неудобна, что время подходило къ великому посту.

Смотрины, если дѣвушка была постоянно сокрыта отъ чужихъ людей, не обезпечивали, однако, жениха отъ обмана невѣстой. Родители ея, имѣя нѣсколько дочерей, выводили на смотрины самую красивую изъ нихъ и выдавали ее за невѣсту, а затѣмъ, когда нужно было вести дочь подъ вѣнецъ, то вмѣсто пригожей, подставляли дурную или безобразную, а иногда и уродца, то хромую, то увѣчную руками или ногами. Даже во время самаго вѣнчанія такой обманъ не могъ открыться, такъ какъ невѣста была закутана съ головы до ногъ, а свахи водили ее подъ руки. Были и другіе болѣе или менѣе смѣлые обманы: такъ, подъ невѣсту маленькаго роста, при смотринахъ, подставляли скамейку, чтобъ она казалась повыше. Сухопарую одѣвали такъ, чтобъ она казалась тучною, потому что тогда тучность считалась однимъ изъ главныхъ условій женской красоты. О бѣлилахъ и румянахъ, употреблявшихся въ этихъ случаяхъ, и говорить нечего. Въ одной изъ нашихъ старинныхъ народныхъ пѣсенъ отъ лица обманнымъ образомъ сбытой невѣсты говорится:

«И тогда у меня, молоденькой,
«Было туку принабавлено,
«Было росту понаставлено,
«Накладно лицо бѣлое,
«Бѣлымъ было набѣленое,
«Да алымъ нарумянено».

За обманы и подмѣны такого рода, слишкомъ заботливыхъ родителей били кнутомъ или, какъ замѣчаетъ современникъ этихъ ухищреній и поддѣлокъ, «бывало еще и хуже, каково царю полюбится». Если же женихъ, отказавшись отъ невѣсты, начиналъ, послѣ смотринъ, и опорочивать ее, то въ такомъ случаѣ честь дѣвушки ограждалась тѣмъ, что подлежащая власть принуждала злоязычнаго жениха или жениться на оговариваемой имъ дѣвушкѣ, или заплатить ей установленное, по закону, безчестье.

Случалось же всего чаще, что обманутый женихъ, желая избавиться отъ навязанной ему обманомъ невѣсты, принуждалъ ее уйти въ монастырь, а если она не дѣлала этого добровольно, то билъ и мучилъ всячески. За такую расправу мужей ссылали на смиреніе въ монастырь, на годъ или на

полгода. Но рѣдкіе изъ нихъ смирялись. Напротивъ, они возвращались изъ святыхъ обителей къ своимъ женамъ еще болѣе крутонравными и жестокосердыми, нежели они были прежде. Не совладавъ съ женою такъ, чтобъ она ушла въ монастырь, мужъ самъ съ горя постригался, откуда и взялась старинная русская поговорка «отъ женъ мужья постри-

Свиданіе жениха съ невѣстой.

Факсимиле рисунка, находящагося въ «Путешествіи» Олеарія, изд. 1656 г.

гаются», или же супружеская вражда оканчивалась тѣмъ, что или онъ убивалъ ее, или она отправляла его на тотъ свѣтъ.

Всѣ эти хитрости родителей для того, чтобы сбыть съ рукъ уродливую или некрасивую дщерь, влекли за собою печальныя послѣдствія, что̀ и подало поводъ одному изъ тогдашнихъ русскихъ грамотѣевъ написать слѣдующія строки: «Благоразумный читателю! не удивляйся сему: истинная есть тому правда, что во всемъ свѣтѣ нигдѣ на дѣвокъ та-

кого обманства нѣтъ, яко въ Московскомъ государствѣ; а такого обычая у нихъ не повелось, какъ въ иныхъ государствахъ: смотрѣть и уговариваться временемъ съ невѣстою самою».

На третій день послѣ смотринъ, Андрей отправился къ Семену Яковлевичу, трижды поклонился въ ноги ему и его женѣ, а затѣмъ учинилъ съ будущимъ своимъ тестемъ рукобитіе на томъ, что онъ, Андрей Викуловъ, отъ невѣсты не откажется, а съ своей стороны и онъ, Семенъ Яковлевъ, свою дочь, дѣвку Анфису Семенову, за другого жениха, кромѣ его, Андрея, не просватаетъ.

Пришелъ къ Андрею и приказный съ Красной площади, Дмитрій Коробецъ. Принесъ онъ жениху рядную запись приданому Анфисы за рукоприкладствомъ ея родителя. Андрей увидѣлъ, что въ этой записи означено въ точности все, что обѣщалъ Семенъ Яковлевичъ на словахъ Афимьѣ Петровнѣ дать за своею дочерью. Съ своей стороны, «площадной» приказный потребовалъ отъ жениха неустоечную запись, въ которой было сказано, что, въ случаѣ неисполненія имъ обѣщанія вступить въ бракъ, въ такой-то срокъ, съ дочерью торговаго человѣка Семена Яковлева, по имени Анфисою, онъ, торговый человѣкъ, Андрей Викуловъ, по прозванію Тябота, обязанъ уплатить пени 50 рублевъ.

Андрей очень охотно учинилъ подъ этою записью рукоприкладство, такъ какъ онъ ни за что не отступился бы отъ Анфисы.

По окончаніи всѣхъ этихъ, если и не необходимыхъ, то все же обязательныхъ на ту пору подготовленій, Андрей отправился снова въ домъ Семена Яковлевича, поблагодарить своихъ будущихъ тестя и тещу, которые и вынесли ему въ подарокъ отъ невѣсты шитую ею шелкомъ ширинку.

— А вотъ и мой подарокъ Анфисѣ Семеновнѣ, сказалъ онъ, развязывая узелокъ и вынимая изъ него гребень и кусокъ мыла. — А вотъ и братцу ея, Макару Семеновичу, полтина за ея русую косу, добавилъ онъ, подавая деньги, — какъ онъ вернется въ Москву, такъ вы ему отдадите.

Въ числѣ подарковъ, подносимыхъ женихомъ Анфисѣ, не было одного подарка, а именно шелковой плетки. Такую плетку, по старому обычаю, подносилъ прежде женихъ не-

вѣстѣ въ числѣ первыхъ свадебныхъ подарковъ, но въ ту пору, хотя обычай этотъ и не вывелся еще окончательно изъ употребленія, но нѣсколько измѣнился въ отношеніи того времени, когда предподносился такой подарокъ невѣстѣ. Новгородскія плетки на жену считались почему-то лучшими не только въ Москвѣ, но и по всей Руси православной.

XI.

Наступилъ день свадьбы. Еще наканунѣ начались хлопоты и суетня въ домѣ Тяботы. Такъ какъ въ домѣ у него изъ женщинъ жила только одна стряпуха, то она не могла одна справиться со всѣми приготовленіями, да и кромѣ того, ей, какъ простой бабѣ, не подъ силу было додуматься о соблюденіи въ точности всѣхъ тогдашнихъ свадебныхъ порядковъ и обычаевъ. Въ такихъ случаяхъ требовалась сметливая, знающая это дѣло женщина, а потому въ домѣ Тяботы распоряжалась теперь расторопная Устинья Ермиловна съ теткою Андрея и нѣсколькими приглашенными на этотъ случай старухами.

— Вотъ такъ!.. Кладите снопы плотнѣе одинъ къ другому, распоряжалась Устинья, когда дѣло шло о постели новобрачныхъ, такъ какъ, въ силу обычая, на нее слѣдовало положить семь ржаныхъ сноповъ. — Въ кадушку-то побольше хмѣлю насыпь и примни его немножко, да поставъ кадушку около двери, кричала она работнику. Хлѣбъ-соль поставъ теперь на подоконникъ, а послѣ, какъ столъ убрусомъ покроемъ, переставишь на него передъ иконами. Да смотри, соли не просыпай, заботливо добавляла она, обращаясь къ своему племяннику-подростку, помогавшему ей при настоящей работѣ.

Хлопотня усилилась еще болѣе, когда къ дому Андрея Викулыча подъѣхали два воза съ приданымъ Анфисы. Передъ возами маленкій сынъ одной изъ сестеръ Анфисы несъ образъ; за нимъ шли другіе ея родственники, чинно неся въ домъ жениха «родительское благословеніе» невѣсты, состоявшее изъ нѣсколькихъ иконъ владимірской и московской живописи. Изъ этихъ иконъ передовая небольшая икона была въ серебряномъ съ жемчугомъ окладѣ, другія въ мѣдныхъ

посеребренныхъ окладахъ, а на иныхъ были только позолоченные или серебряные вѣнчики вокругъ изображенныхъ на иконахъ ликовъ. На возахъ были наложены: огромная пуховая перина и множество такихъ же подушекъ, обтянутыхъ въ наволочки изъ краснаго кумача; были также наставлены на возы разной величины сундуки и лари изъ простого бѣлаго дерева, крашеные въ яркую краску и крѣпко обитые желѣзными полосами съ большущими висячими замками. Надобно было показать окольному люду, что торговый человѣкъ Семенъ Яковлевичъ, или, какъ величали его, въ знакъ особаго почета, только по отчеству, «Яковлевичъ», выдавалъ за мужъ свою послѣднюю дочь не какъ сироту или пріемыша, а съ богатымъ приданымъ. Такой показъ въ особенности требовался потому, чтобы разсѣять ходившую среди сосѣдей молву, будто отецъ невѣсты въ послѣднее время обѣднѣлъ сравнительно съ прежнимъ.

Возы приданаго сопровождала мать невѣсты съ своими замужними родственницами: ими биткомъ набита была повозка, въ которой онѣ ѣхали. Около этого поѣзда шли посторонніе, незнакомыя женщины, желавшія поглазѣть, а также прыгали и вертѣлись мальчишки и дѣвчонки. Мужчинъ не было, такъ какъ всѣ брачныя приготовленія считались только бабьимъ дѣломъ, въ которое представители мужского пола вмѣшивались очень рѣдко, да и то лишь въ особыхъ развѣ случаяхъ: приглашался иной разъ человѣкъ, слывшій колдуномъ, если предполагалось нужнымъ отстранить чары, которыя могли быть направлены на жениха или на невѣсту, или — что̀ бывало еще рѣже — мать невѣсты звала на совѣтъ такъ-называемаго «бабича», т. е. такого вѣдуна, который умѣлъ лечить бабьи болѣзни, если невѣста передъ свадьбой начинала болѣть, или сохнуть. Приглашался иной разъ и подъячій, или приказный, если возникали какіе нибудь недоразумѣнія или споры относительно рядной записи. Онъ долженъ былъ согласить спорящія стороны и затѣмъ установить новый «рядъ» относительно приданаго невѣсты.

Приготовленія къ свадьбѣ Тяботы могли, однако, быть окончены и безъ призыва такихъ дополнительныхъ дѣятелей: невѣста была здорова по прежнему, и пока все шло хорошо и гладко.

Пришлось, впрочемъ, порядкомъ повозиться съ установкою привезеннаго въ домъ Андрея скарба, но справились и съ этимъ дѣломъ, разставивъ такъ и сякъ все привезенное и въ горницѣ, и въ свѣтлицѣ, и въ сѣняхъ.

Наканунѣ свадьбы Анфиса, справляя дѣвичникъ, отправилась съ своими подругами въ баню. Тамъ пѣлись подходящія къ будущему образу жизни невѣсты пѣсни, въ которыхъ оплакивалось дѣвичье житье, а также упоминалось о предстоящихъ хлопотахъ и печаляхъ въ быту подневольной женщины и заботливой хозяйки. Тѣ же пѣсни пѣлись и въ горницѣ невѣсты.

XII.

Въ старинной Москвѣ съ раннимъ вставаніемъ по утру и съ раннимъ отходомъ ко сну соразмѣрялось все теченіе повседневной жизни, а также и всѣхъ особыхъ выдававшихся случаевъ. Поэтому одѣваніе къ вѣнцу Анфисы началось также съ позаранку.

Въ той комнатѣ, гдѣ убирали Анфису, расположены были по ларямъ принадлежности ея убора, какъ замужней уже женщины.

У самыхъ богатыхъ невѣстъ того времени принадлежности ихъ подвѣнечной одежды были: бѣлая сорочка съ длинными, въ пять или шесть аршинъ, рукавами, парчевый сарафанъ, штофная съ собольей или бобровой опушкой ферязь, кика, шитая золотомъ или серебромъ, съ нанизаннымъ жемчугомъ, съ длинной широкой фатой изъ бѣлой кисеи. Ферязь и кика были яркихъ цвѣтовъ, преимущественно краснаго цвѣта. На эти принадлежности наряда, сдѣланныя иногда изъ бархата, нашивались золотыя или серебряныя широкія тесьмы, и дополнительнымъ къ нимъ украшеніемъ были узоры, вышитые жемчугомъ .Къ этому прибавлялись большія серьги, иногда съ крупными алмазами, рубинами, яхонтами, сапфирами или бирюзой, которую привозили въ Москву кизылбашскіе, или персидскіе, купцы и которая была у насъ, въ старину, въ большомъ употребленіи, даже среди простонародья. Шейныя украшенія состояли изъ нитокъ бурмистрскихъ зеренъ, оже-

релій—стоячихъ воротниковъ, вышитыхъ жемчугомъ. Такъ называемыя запястья были нарукавники, отдѣланные также жемчугомъ.

Всѣ эти принадлежности наряда были даны и за Анфисой; разумѣется, онѣ не были ни слишкомъ пышны, ни слишкомъ тяжеловѣсны.

Въ свѣтлицу, гдѣ сидѣла Анфиса съ нѣсколькими изъ своихъ подругъ, вошла ея мать со свахой и убиральщицами невѣсты изъ молодыхъ замужнихъ женщинъ. Дѣвушки, бывшія уже у Анфисы, встали при ихъ приходѣ. Всѣ онѣ принялись креститься передъ образами, а мать и сваха, въ добавокъ къ этому, положили по три земныхъ поклона. Анфиса упала въ ноги матери и, не выдержавъ печали при приближающейся разлукѣ съ родимой, громко зарыдала.

Сваха равнодушно приступила къ одѣванію невѣсты подъ вѣнецъ.

Прежде всего одѣвальщицы принялись за головной уборъ Анфисы. Онѣ не безъ труда распустили ея густую темнорусую косу, въ которой была въ послѣдній разъ вплетена алая ярославская лента—самое любимое въ ту пору украшеніе каждой русской дѣвушки—и раздѣлили косу на двѣ половины, привязавъ къ концу каждой пряди волосъ связку малиновой ленты.

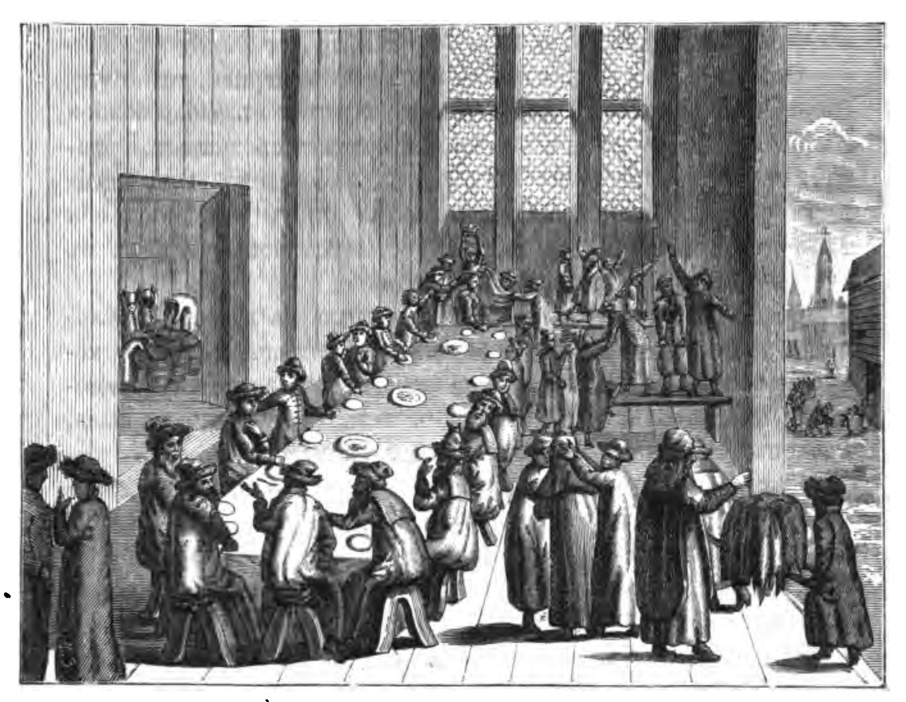
Такъ какъ волосы, заплетенные въ одну косу, были уборомъ исключительно только дѣвушекъ, то подруги ея, при началѣ распусканія косы, начали хныкать, а когда по распущеннымъ волосамъ сваха провела въ первый разъ гребнемъ, чтобъ раздѣлить ихъ на двѣ пряди, то прежнее сдерживаемое хныканіе обратилось въ ревъ, съ различными причитаніями.

Одна Мавруша не печалилась, не нюнила и не ревѣла. Она насмѣшливо улыбалась, смотря на невѣсту, которая подъ гребнемъ свахи задыхалась отъ слезъ, и такъ какъ одѣванье невѣсты должно было сопровождаться пѣснями, то Мавруша беззаботно запѣла слѣдующую, подходящую къ обряду пѣсню. Она пѣла:

Повела свово милова во высокій во теремъ:
«Подивися, милой мой, надъ моей русой косой!»
— Ахъ ты, косынька, коса, коса—дѣвичья краса,

Ужь какъ ты меня, коса, изсушила молодца,
И повынула румянецъ изъ бѣла лица!

Наконецъ, невѣсту убрали къ вѣнцу, набѣлили и нарумянили ей лицо, насурмили брови и началось ея «окручиваніе». Ей закрыли лицо фатою, окутали ее большими платками, и затѣмъ, съ одной стороны сваха, а съ другой—одна изъ тетокъ Анфисы, взяли ее подъ руки и повели изъ ро-



Свадебный пиръ въ XVII столѣтіи.
Факсимиле рисунка, находящагося въ «Путешествіи» Олеарія, изд. 1656 г.

дительскаго дома. Она была въ какомъ-то безчувственномъ положеніи. Закутанная на-глухо, она съ трудомъ могла дышать подъ густою фатою и ничего не видѣла и не слышала. Провожали ее скорѣе какъ покойницу, а не какъ невѣсту, всхлипываніями, плачемъ и разными печальными причитаніями. Вообще, бракъ на Руси не былъ веселымъ обрядомъ.

За воротами дома стояло нѣсколько повозокъ и телѣгъ, запряженныхъ въ двѣ и три лошади, въ гривы и въ хвосты которыхъ были вплетены разноцвѣтныя покромки. На

лошадяхъ были бубенцы, а подъ росписными дугами подвѣшены колокольчики. Невѣсту усадили въ повозку; по сторонамъ ея сѣли сваха и тетка. Званные гости разсѣлись по повозкамъ и телѣгамъ.

Возница той повозки, гдѣ сидѣла невѣста, гикнулъ и свистнулъ, и передовая тройки быстро тронулась съ мѣста; за ней, со звономъ поддужныхъ колокольчиковъ и бубенцовъ и съ бряцаніямъ мѣднаго набора на лошадяхъ, понеслись поѣзжане.

Поѣздъ скоро доскакалъ до приходской церкви, гдѣ отецъ Онуфрій и обвѣнчалъ раба божьяго Андрея съ рабой божіей Анфисою. Подъ вѣнцомъ молодая оставалась закрытая фатой, такъ что никто не могъ видѣть ея слезъ. Она откинула фату только на «княжескомъ» пиру, называвшемся такъ потому, что за свадебнымъ столомъ новобрачныхъ въ старину величали князѐмъ и княгинею.

Обѣдъ былъ справленъ съ обычными въ ту пору поклонами, поцѣлуями и поднесеніемъ вина, причемъ мѣсто хозяйки заступала Анфиса. Она казалась совершенно равнодушною, подавляя въ себѣ ту печаль, какую чувствовала, сдѣлавшись подневольной немилому ей человѣку.

Такъ какъ Анфиса выдѣлилась теперь изъ среды дѣвушекъ, то подругами ея стали молодыя замужнія женщины. Онѣ и были гостьями на брачномъ пирѣ, на которомъ онѣ, послѣ продолжительнаго обѣда, принялись пѣть свадебныя пѣсни.

Одна изъ нихъ, сопровождаемая голосами другихъ молодухъ, запѣла:

«Ужь какъ вы, холостые, не глядите,
Вамъ глядѣньемъ дѣвушекъ не взяти,
Ужь какъ взять, не взять по любви,
А по батюшкину повелѣнью,
По матушкину благословенію.

Эту пѣсню пропѣли въ похвалу скромности и покорности невѣсты передъ родительскою волею.

Затѣмъ начали другую пѣсню, въ которой, между прочимъ, высказывалось отъ лица невѣсты.

Моя русая коса
На роду тебѣ обречена!

Слова эти были вполнѣ согласны съ тогдашними понятіями о роковомъ, неизбѣжномъ предопредѣленіи суженаго.

Затѣмъ нужно было выразить преданность жены мужу, и эта добродѣтель такъ опредѣлялась въ свадебной пѣснѣ:

«Я божья да батюшкина,
Я божья да матушкина,
А теперь—божья да твоя!»

Послѣ княжескаго пира, повезли молодую, опять закрытую фатой, въ мужнинъ домъ, и на этотъ разъ посадили въ одну повозку рядышкомъ Андрея и Анфису. При входѣ на крыльцо, сваха осыпала молодыхъ хмѣлемъ, а мать Анфисы поднесла жениху хлѣбъ-соль. Началось опять угощеніе, съ соблюденіемъ всѣхъ утомительныхъ обрядностей, и, вслѣдствіе множества поклоновъ, у Андрея порядочно разломило немолодую уже его спину. Во время этого угощенія, было «величаніе» молодыхъ, ихъ родителей, старѣйшихъ родственниковъ и почетныхъ гостей, а молодухи пѣли пѣсни. Въ одной изъ этихъ пѣсенъ новобрачной подавались такіе совѣты:

«Держи голову поклонную,
А сердце покорное,
Будь сама добра,
Будь ласкова, привѣтлива,
Ко всему догадлива да смѣтлива,
Въ чужихъ словахъ незамѣтлива,
А въ своихъ проста да умѣтлива».

Наконецъ, отъ лица новобрачнаго мужа, молодухи пропѣли такую пѣсню:

«Чтобъ суженая, моя ряженая
Была-бъ хороша, да пригожая,
Была-бъ умна, да веселливая,
Къ добрымъ людямъ привѣтливая,
Свекру батюшкѣ покорливая,
Свекрови-матушкѣ послушливая,
Деверьямъ-братьямъ услужливая,
Мнѣ, молодцу, любовная».

Послѣ угощенья, Анфису повели въ спальную свѣтлицу, и тамъ сваха съ молодухами принялись снимать съ нея брачный уборъ, съ разными прибаутками, поговорками и шутливыми совѣтами. Когда молодую переодѣли, позвали Андрея.

Онъ, разумѣется, не могъ не подгулять нѣсколько, хотя на этотъ день и повоздержался, противъ обыкновенія, отъ излишней выпивки. Подводя его къ дверямъ свѣтлицы, Устинья Ермиловна, порядкомъ уже подвыпившая, давала ему разныя, не совсѣмъ скромныя наставленія.

Войдя въ свѣтлицу, Андрей важно усѣлся на постель и вытянулъ впередъ правую ногу.

— Ну, женушка,—сказалъ онъ стоявшей скромно въ углу Анфисѣ,—принимайся-ко за свое дѣло.

Робко подошла къ нему Анфиса. Онъ потрепалъ ее по бѣлому плечу, пріобнялъ рукою, а она, исполняя древній русскій обычай, принялась разувать мужа.

Когда она стащила до половины его сапогъ, то изъ-за длиннаго голенища выпала небольшая запрятанная свахой шелковая плетка—знакъ суровой власти мужа надъ женою. Анфиса нагнулась, подняла плетку и положила на лавку.

— Небойсь, небойсь,—проговорилъ снисходительно Андрей,—будешь мнѣ вѣрна и послушна, такъ въ плеткѣ не будетъ нужды.

Анфиса съ волненіемъ взглянула на своего мужа и почувствовала, что она была далека отъ него сильно трепетавшимъ у нея сердцемъ...

XIII.

Ко времени пріѣзда Никиты, прошло съ небольшимъ четыре года брачнаго сожитія Анфисы съ Андреемъ. Первое время Андрей загуливалъ довольно рѣдко, хотя и пилъ своимъ порядкомъ куда-какъ исправно, но, не найдя въ супружеской жизни той радости, какой онъ ожидалъ, и убѣдившись, что его молоденькая жена не чувствуетъ къ нему никакого расположенія, онъ сталъ загуливать все чаще и чаще. Впрочемъ, въ теченіи дня онъ былъ обыкновенно трезвъ и напивался только къ вечеру. Устинья Ермиловна говорила неправду, отзываясь о Тяботѣ, что онъ человѣкъ во хмѣлю покойный. Напротивъ, подвыпившій Тябота дѣлался и «шуменъ и драчливъ», и оба эти свойства усиливались въ немъ все болѣе и болѣе. Въ трезвое же время онъ былъ такъ

себѣ, и даже скорѣе оказывался покладистымъ и притомъ веселымъ малымъ. Разумѣется, что загулъ Андрея всего чаще и всего чувствительнѣе отзывался на Анфисѣ — женщинѣ по природѣ кроткой и уступчивой. Пользуясь этимъ, Андрей, въ отношеніи къ ней, давалъ полную волю не только языку, но и рукамъ, и этимъ послѣднимъ по преимуществу.

— Приходитъ къ концу мое терпѣніе, не вынесу долго — часто думала Анфиса, заливаясь слезами. Но она скрывала свою недолю и не жаловалась никогда на мужа не только чужимъ, но и ни отцу, ни матери.

— Ничего, живется по немногу — съ усиліемъ отвѣчала Анфиса родителямъ, когда они спрашивали дочь объ ея житьѣ-бытьѣ.

— Да отчего же ты всегда такъ невесела, смотришь такъ понуро?—заботливо допытывалась мать.

— Ты знаешь, родная, что я и въ дѣвкахъ таковская была; видно, что ужъ такой на свѣтъ божій уродилась — бормотала молодая женщина.

Мать сомнительно покачивала головой.

— Да вѣдь онъ, сердечная моя, говорятъ, крѣпко запиваетъ?—продолжала допросы мать.

— Такъ что же, что запиваетъ?—отрывисто и нехотя отвѣчала Анфиса.—Коли пьетъ, такъ себѣ же во вредъ, и онъ отъ пьянства не отстанетъ, его никакъ не отговоришь. Да и не мѣшайся ты, матушка,—съ раздраженіемъ добавила одинъ разъ дочь — въ нашу жизнь и родителя о томъ попроси; только хуже мнѣ отъ того будетъ. Вѣдь сами же меня за него выдали, не по своей волѣ пошла я за него, а теперь ничего не подѣлаешь.

Въ такомъ смыслѣ, но еще съ бо̀льшею сдержанностію отвѣчала Анфиса на разспросы своихъ родныхъ и знакомыхъ. Однажды только вышла она изъ себя, когда Устинья Ермиловна стала похваляться передъ Анфисой, что она устроила для Анфисы отличное супружество, что у ней теперь всего вдоволь и что она счастлива тѣмъ, что у ней нѣтъ ни свекра, ни свекрови, ни деверьевъ, ни заловокъ, и что, поэтому, она полная хозяйка въ мужниномъ домѣ. Что же касается пьянства Андрея, то, по словамъ Устиньи Ермиловны, это было для жены не казнь, но, напротивъ, благодать Божія.

— Коли мужъ загуливаетъ, да запиваетъ до безобразія,— разсуждала сваха — то значитъ женѣ его вольготнѣе. Сама гуляй, какъ хочешь: на такого срамника смотрѣть нечего; а съ пьянымъ, коли онъ валится съ ногъ, совладать легче, нежели съ такимъ, что на ногахъ остается, а у самого въ головѣ все кругомъ ходитъ. Колоти его сама хорошенько, какъ онъ въ безсиліе придетъ, такъ потомъ онъ тебя бояться станетъ—совѣтовала сваха.

— Погубила ты меня, Устинья Ермиловна, зарыдавши отозвалась Анфиса.—Пусть Господь проститъ тебѣ мою недолю, а Онъ, Праведный Судія, видитъ, что̀ мнѣ приходится терпѣть отъ Андрея Викулыча.

— Эхъ, молодуха, стерпится—слюбится!—съ нахальнымъ смѣхомъ проговорила Устинья Ермиловна,—а Господу Богу въ наши бабьи дѣла мѣшаться не слѣдъ, мало ли между нами бываетъ всякихъ свадъ, ссоръ и напраслинъ. Ему не до нихъ. А коли тебѣ житье стало не въ моготу, то зови вѣдунью, ослобонитъ тебя она скоро отъ мужа. Вѣдь слыхала, чай, когда нибудь объ Ильѣ Никифоровѣ, что торговалъ мѣдью въ рядахъ? Пособила же женѣ его вѣдунья, и теперь она вдовушкой гуляетъ на всей своей волѣ.

Анфиса задрожала.

— Иди вонъ отсюда!.. Съ чего ты меня на такой страшный грѣхъ наводить вздумала!.. Уходи скорѣй!.. въ изступленіи закричала Анфиса.

Намекъ свахи былъ ясенъ: въ народѣ ходила достовѣрная, хотя и не доказанная на судѣ свидѣтелями и уликами молва о томъ, что Илья Никифоровъ былъ отравленъ своею женою, что она извела его какимъ-то зельемъ. Оставшись послѣ него вдовой, она, при помощи ловкаго подъячаго и денегъ, повела дѣло такъ, что смерть Ильи была оставлена на волю Божію, потому-де, что онъ «опился и все чрево его отъ вина выгорѣло и женка его, Авдотька, во всемъ томъ неповинна»—написано было въ «сказкѣ», или въ докладѣ, по этому дѣлу.

— Знаться съ тобой не хочу! Чтобъ мнѣ вѣкъ тебя не видѣть!.. кричала Анфиса на старуху.

— Не хочешь знаться?.. Ну такъ и прощай!.. Смотри, чтобъ потомъ не пришлось когда вспомнить Устинью Ерми-

ловку, да не будетъ ли только поздненько?—съ угрозою и злобною усмѣшкою проговорила сваха, уходя отъ раздраженной Анфисы.

XIV.

Андрей не только занивалъ, привязывался къ женѣ изъ-за пустяковъ и билъ ее, но, въ добавокъ къ этому, непрестанно мучилъ ее своею ревностью. Онъ помнилъ свои собственные проказы по любовной части во время своего вдовства, и зналъ, что самый зоркій мужъ не углядитъ за женой, если она вздумаетъ обманывать его. Андрей не отпускалъ безъ себя Анфису въ гости ни къ роднымъ, ни къ знакомымъ. Неохотно оставлялъ онъ ее дома безъ надежнаго призора, такъ какъ ему все мерещилось, что, чего добраго, въ отсутствіе его заберется къ Анфисѣ какой нибудь полюбовникъ.

Уходя каждый день съ ранняго утра торговать, онъ бралъ Анфису съ собой. Лавка Тяботы была небольшой сарайчикъ, или срубъ, сложенный изъ тонкихъ сосновыхъ бревенъ, почернѣвшихъ отъ времени. Она была съ нѣсколькими небольшими оконцами по стѣнамъ. На крышѣ были продѣланы узенькія отдушины для того, чтобъ срубъ могъ хорошо провѣтриватся, такъ какъ иначе въ немъ завелась бы сырость, портившая товаръ Андрея. Торговалъ онъ кожаною обувью, которая въ ту пору была не столько предметомъ необходимости, сколько роскоши. Торговля этимъ товаромъ шла, однако, ходко и сбытчикъ ихъ считался обыкновенно торговымъ человѣкомъ не послѣдней руки. Кожаную обувь носили тогда въ Москвѣ далеко еще не всѣ горожане, но только люди болѣе или менѣе состоятельные: купцы, а также служилые и приказные люди; а незажиточные мѣщане, причетники, дьяконы и даже попы въ небогатыхъ приходахъ ходили не въ кожаныхъ, а въ «липовыхъ» сапогахъ, т. е. по просту въ лаптяхъ. Поэтому, Андрею приводилось имѣть дѣло не съ какими нибудь лапотниками, а все съ «чистымъ» народомъ.

На лицевой сторонѣ лавки была одностворчатая дверь, подлѣ которой была придѣлана изъ широкой доски стойка,

установленная на деревянныхъ подпоркахъ. Надъ стойкой было вырублено широкое, въ видѣ большого окна, отверстіе, такъ что Андрей, раскладывая свой товаръ на стойкѣ, продавалъ его, оставаясь самъ по поясъ внутри лавки. Стойка была покрыта деревяннымъ навѣсомъ, а подъ навѣсомъ были развѣшаны сапоги, указывавшіе, въ замѣнъ не существовавшихъ тогда вывѣсокъ, тѣ предметы, которыми торговалъ Андрей. Подъ стойкой, укрываясь то отъ солнца, то отъ ненастья, лежала обыкновенно Пѣганка, постоянно сопровождавшая въ лавку своего хозяина.

Неподпившій Андрей былъ очень ловкимъ и смѣтливымъ торговцемъ и умѣлъ заманивать къ себѣ проходившихъ мимо его лавки. Въ своихъ зазывахъ онъ иногда горячился до того, что вылѣзалъ изъ сруба на стойку, растягивался на ней и порывался удержать силою уходившаго покупщика, съ которымъ не могъ сторговаться, хватая его за руки или за одежду. Умѣлъ Андрей и мягкими, и льстивыми словами уговорить нерѣшительнаго человѣка, начавшаго выбирать у него товаръ. Иной покупатель стоитъ передъ его лавкой, вертитъ и разглядываетъ сапоги, раздумывая ладно ли, да и вообще нужно ли теперь купить ихъ, и не лучше ли отложить предстоящій расходъ на послѣдующее время, а между тѣмъ Андрей уговариваетъ и убѣждаетъ взять сапоги, потому-де, что потомъ такихъ отличныхъ сапогъ не найдется.

— Ужъ такіе сапоги выбралъ, что лучшихъ не достанешь, да, пожалуй, я для тебя только еще полъ-алтына скидки съ настоящей цѣны сдѣлаю. Не хочется мнѣ хорошаго человѣка отъ себя порожнемъ отпустить! болталъ Андрей.

Такія уговариванія сопровождались божбою и клятвами на счетъ прочности товара и его превосходной выдѣлки, а также шуточками и прибауточками. Наговоритъ Андрей всякой всячины цѣлый коробъ, и покупщикъ, поторговавшись еще немного, сойдется въ цѣнѣ съ продавцемъ, и затѣмъ Андрей, снявъ шапку, пожелаетъ покупщику носить на здоровье купленную обновку.

Заходили иногда въ лавку къ Андрею и молодухи и дѣвчата, чтобъ купить у него сафьянные черевики, бывшіе тогда одною изъ главныхъ принадлежностей щегольского женскаго наряда. Умѣлъ Андрей справляться и съ этими

покупательницами, посмѣшить ихъ, подольстить имъ, и торгъ кончался тѣмъ, что Андрей получалъ съ нихъ нѣсколько алтынъ, а иногда и цѣлую полтину.

Андрей бралъ съ собой Анфису въ лавку не только потому, что, какъ трусливый ревнивецъ, боялся оставлять ее одну дома, но и по другимъ еще, особымъ причинамъ. Ему

Торговая лавка въ Москвѣ въ XVII столѣтіи.
Факсимиле рисунка, находящагося въ «Путешествіи» Олеарія, изд. 1656 г.

пріятно было, когда проходившіе мимо его лавки парни заглядывались на Анфису и, безъ сомнѣнія, завидовали, что у Тяботы такая красивая жена. Андрей не боялся этого, держась поговорки, что «глядѣньемъ ничего не подѣлаешь». Другое дѣло, если бы Анфиса сама засмотрѣлась на когонибудь, или, что̀ еще хуже, заговорила бы съ кѣмъ нибудь.

Въ такомъ случаѣ, въ немъ начинала кипѣть ревность, и онъ накидывался на Анфису тутъ же, а потомъ дома продолжалъ упрекать и бранить, а иной разъ и бить ее.

Мучился сильно Андрей, когда ему почему-нибудь нужно было отлучиться изъ дому или изъ лавки, оставивъ тамъ одну жену. Тогда онъ приказывалъ своему работнику Прокопу приходить вмѣсто себя въ лавку и, по простотѣ тогдашнихъ нравовъ, крѣпко наказывалъ ему смотрѣть за Анфисой, и потомъ выспрашивалъ Прокопа, что̀ она дѣлала и кто побывалъ у лавки.

Хотя Анфиса и была по природѣ женщина скромная, но все же порою невольно поддавалась искушенію посмотрѣть на статнаго и кудряваго молодца, проходившаго мимо лавки, или торговавшагося съ ея мужемъ, и тогда еще не милѣе становился ей Андрей.

Замѣтилъ также Андрей, что когда бывала съ нимъ въ лавкѣ Анфиса, торговля шла какъ будто бойчѣе, и онъ приписывалъ это ея счастью. Отчасти оно такъ и выходило. Андрей выставлялъ жену какъ будто на показъ. Стоя или сидя на порогѣ входной двери, Анфиса занималась вышиваніемъ ширинокъ, которыми такъ любили щеголять и хвастаться тогдашнія московскія женщины. Чѣмъ узорчатѣе и пестрѣе была у нихъ расшита ширинка, т. е. носовой платокъ, золотомъ или шелкомъ, тѣмъ лучшее понятіе составлялось о женщинѣ, какъ объ искусной и умѣлой рукодѣльницѣ. Проходившіе молодые русскіе парни, а порою и нѣмцы, зашедшіе въ Земляной-городъ изъ своей слободы, завидѣвъ у лавки хорошенькую женщину, принимались нарочно торговаться съ Андреемъ, чтобъ, пользуясь временемъ, насмотрѣться на Анфису. Но Андрей былъ не промахъ, и почти всегда умѣлъ такому случайному покупателю всучить что̀-нибудь. Въ свою очередь, и Анфиса, приподнявъ повыше ширинку и призакрывъ ею лицо, посматривала украдкой на иныхъ молодчиковъ, такъ что, говоря по правдѣ, Андрей имѣлъ по временамъ поводъ приревновать свою жену. Такія посматриванія начались, однако, не съ первой поры замужества. Сперва Анфиса ни на кого не смотрѣла, и, замѣтивъ покупателя, который, какъ ей казалось, затѣмъ только и началъ торговаться, чтобъ смотрѣть на нее, она, потупивъ

глаза, уходила въ лавку и тамъ дѣлалась невидимкой. Но потомъ, видя, что Андрей шутитъ и заигрываетъ съ молодками, она сочла себя въ правѣ обращать вниманіе на тѣхъ парней, которые пріостанавливались у лавки съ намѣреніемъ полюбоваться ею. Мало-по-малу Анфиса смѣлѣе и смѣлѣе стала вскидывать на нихъ свои каріе глаза, а нѣкоторымъ и плутовски улыбаться, какъ будто давая имъ знать, что она понимаетъ, почему они такъ долго торгуются съ ея мужемъ.

Все это было только развлеченіемъ Анфисы, или даже тѣмъ невольнымъ движеніемъ женскаго сердца, которое отъ грубаго и неуклюжаго заигрыванія простой женщины съ мужчиной переходитъ постепенно въ утонченное кокетство современной изящной дамы. Но со времени первой встрѣчи съ Никитой Анфиса замѣтно перемѣнилась. Она не только перестала улыбаться и посматривать на мужчинъ, но забивалась глубоко въ уголъ лавки, и тамъ, сидя на скамейкѣ, или прилежно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ-то судорожно, шила, или, положивъ на колѣна руки со скомканною работой, оставалась неподвижна въ глубокомъ раздумьѣ. Замѣтно было, что въ Анфисѣ произошла какая-то перемѣна и что въ ея мысляхъ народилась какая-то новая, тревожная дума. Предметомъ ея думы былъ случайно показавшійся въ домѣ ея мужа молодой и красивый парень.

Бываютъ въ жизни человѣка роковыя встрѣчи, и такой встрѣчей была встрѣча Анфисы съ Никитой. Онъ не только что съ перваго разу полюбился Анфисѣ, по его внѣшности, располагавшей къ нему каждаго, но и подъ впечатлѣніемъ той обстановки, при которой произошла эта первая, вовсе неожиданная встрѣча. Никита могъ видѣть ту злость, съ какою Тябота изъ-за пустяковъ дурно обращался съ женою. «Значитъ — думала Анфиса, — отъ него моего горькаго житья таить нечего» — а супружеская разладица, какъ извѣстно, открываетъ постороннему человѣку болѣе легкій доступъ въ сердце женщины, раздраженной мужемъ, нежели мирное супружеское сожитіе. У Анфисы являлось порою желаніе отмстить Андрею за всѣ несправедливости, какія приходилось ей испытывать отъ него. Въ умѣ ея являлась длинная вереница оправданій своего грѣха, если бы лукавый когда нибудь попуталъ ее.

Кромѣ того, Анфисѣ показалось — что̀, впрочемъ, было и на самомъ дѣлѣ, — будто молодой гость съ выраженіемъ сострадания смотрѣлъ на расправу съ ней ея мужа. Наконецъ, и то обстоятельство, что Андрей оскорбилъ изъ-за нея ни въ чемъ, какъ ей думалось, неповиннаго Никиту, возбуждало къ нему сочувствіе въ добромъ сердцѣ Анфисы.

Въ добавокъ ко всему этому, примѣшалось и суевѣріе. Сны еще и теперь считаются у многихъ предзнаменованіемъ грядущаго, а Анфисѣ за нѣсколько дней до встрѣчи съ Андреемъ видѣлся зловѣщій сонъ.

Снилось ей, что она въ осеннія сумерки идетъ одна по открытому полю, на которомъ стоятъ грязь и лужи. Въ полѣ не было дороги, и ей приходилось пробираться съ трудомъ по узенькой тропинкѣ, пересѣченной оврагами. Не видѣлось въ полѣ ни деревца, ни кустарника и даже никакой, хоть бы низкой поросли. Кругомъ все было тихо и мрачно, по небу тянулись черныя тучи, а окружавшій Анфису мракъ становился все гуще и гуще. Страхъ овладѣлъ Анфисой. Вдругъ на нее накинулся выбѣжавшій изъ оврага большой волкъ, но тутъ молодой парень, неожиданно откуда-то появившійся, ударилъ звѣря рогатиной. Не успѣла Анфиса опомниться отъ охватившаго ее ужаса, какъ не незнакомаго ей защитника ея и на нее самое напала цѣлая стая волковъ, которые и бросились терзать ихъ.

Анфиса громко и отчаянно вскрикнула и въ ужасѣ проснулась отъ своего крика. Она дрожала всѣмъ тѣломъ, крестилась и присѣла на постель, какъ бы желая удостовѣриться, что все это она видѣла только во снѣ, а не случилось съ нею на яву.

Между тѣмъ крѣпко подвыпившій Андрей громко храпѣлъ.

— Вотъ кто волкъ — невольно подумала она, взглянувъ на мужа — а стая волковъ — злые люди, которые нападутъ на меня изъ-за него. А кто жъ тотъ молодецъ, который защититъ меня отъ напасти и сгинетъ вмѣстѣ со мною?

Сонъ этотъ глубоко запалъ въ память Анфисы. Воображеніе довершило остальное, и когда она подчивала заѣзжаго гостя, то ей при взглядѣ на Никиту показалось, что точно такимъ былъ тотъ молодой парень, какого она видѣла недавно во снѣ.

XV.

Разставшись съ отцомъ Онуфріемъ, Никита пошелъ далѣе, держась прежняго направленія, къ Кремлю, по поднимавшейся надъ городомъ колокольнѣ Ивана-Великаго. Движеніе въ Китай-Городѣ было уже гораздо оживленнѣе, нежели въ Бѣломъ.

Попадались на встрѣчу Никитѣ поднимаемыя изъ разныхъ церквей иконы. Ихъ носили или къ больнымъ, въ чаяніи чудотворнаго отъ нихъ исцѣленія, или къ умирающимъ, желавшимъ въ послѣдній разъ помолиться передъ ними, какъ передъ излюбленными святынями.

Въ ту пору былъ обычай, что каждый православный имѣлъ въ приходской церкви свою собственную икону. Такія иконы развѣшивались по внутреннимъ стѣнамъ церкви и по столбамъ, поддерживавшимъ потолокъ, и прихожанинъ, молясь передъ общими церковными иконами, чтилъ, однако, преимущественно свою икону, если только въ томъ храмѣ не было особенно прославленнаго какого нибудь образа. Въ болѣзняхъ, а также въ разныхъ, какъ печальныхъ, такъ и радостныхъ обстоятельствахъ жизни, такую икону приносили временно изъ церкви домой, и тамъ пѣли передъ ней молебны, а потомъ опять относили въ церковь на прежнее мѣсто. При проносѣ такихъ иконъ проходящіе по улицамъ не воздавали имъ особеннаго чествованія и даже большею частью не снимали передъ ними шапокъ.

— Не наши и не приходскія!—говорили они чуть ли не съ пренебреженіемъ, махнувъ вслѣдъ рукою лику преподобнаго Пафнутія Боровскаго или такого же Нила Сорскаго.

Совсѣмъ иную картину представляли московскія площади и улицы, когда по нимъ проносили иконы, уже заявившія передъ прочими свое превосходство разными знаменіями и чудотвореніями. Въ церквахъ, мимо которыхъ ихъ несли, а также и въ сосѣднихъ, начинался усердный трезвонъ. Народъ сбѣгался со всѣхъ сторонъ и несмѣтная толпа, осѣненная развивавшимися хоругвями, шла впереди, около и позади иконы, несомой или духовенствомъ, или наиболѣе почетными обитателями города. Если икона шествовала въ домъ

боярина или окольничаго, то и знатныя лица, положивъ на свои плечи концы отъ жердей богато-убранныхъ носилокъ, тщились, до изнеможенія силъ, нести къ себѣ въ домъ или Пречистую Владычицу, или какого нибудь угодника божія. И мужчины, и женщины съ грудными младенцами, и ребятишки старались стать на дорогѣ и распростереться на землѣ такъ, чтобы икона была пронесена надъ ними.

Такая вѣра и такое благоговѣніе могли показаться новому человѣку умилительнымъ зрѣлищемъ, но стоило только войти въ какую нибудь московскую церковь, чтобъ убѣдиться, что обычное настроеніе москвичей противорѣчило такому изъявленію ихъ набожности. Еще въ «Стоглавѣ» упоминалось, что попы и причетники всегда въ церкви пьяны и безъ страха стоятъ, бранятся и всякія рѣчи неподобныя всегда исходятъ изъ ихъ устъ; попы же въ церквахъ бьются и дерутся промежъ себя; а сто лѣтъ спустя, царь Алексѣй Михайловичъ писалъ Никону, что «люди православные въ церковь входятъ и стоятъ въ шапкахъ; словно — добавляетъ онъ — на пиру или въ корчемницѣ говоръ, ропотъ, всякое прекословіе, бесѣды, срамныя словеса; пѣсни божественныя не слушаютъ въ глумленіи».

По мѣрѣ приближенія Никиты къ Кремлю, толпа народа, двигавшагося впередъ по улицамъ, все увеличивалась, и, когда онъ вошелъ на Красную площадь, то передъ нимъ открылось пространство, запруженное народомъ, и его особенно поразила церковь Василія Блаженнаго своей причудливой постройкой и пестротой красокъ. Она тогда была снаружи въ томъ же видѣ, въ какомъ существуетъ и нынѣ, но вся окружающая ее мѣстность, за исключеніемъ кремлевской стѣны, представляла совершенно иную картину. Такъ, между прочимъ, за церковью Василія Блаженнаго былъ глубокій ровъ, въ которомъ жили тогда въ несмѣтномъ числѣ дикія собаки. Не даромъ они отыскали для себя такое убѣжище, такъ какъ сосѣдняя со рвомъ мѣстность — рынокъ на Красной площади — была имъ очень благопріятна для самой разнообразной прокормки.

Другою особенностію Красной площади былъ каменный помостъ въ видѣ возвышенія, называемаго и донынѣ «лобнымъ» мѣстомъ, потому, что будто бы оно, на подобіе іерусалим-

ской Голгоѳы, было предназначено для совершенія на немъ казней. Но такое объясненіе невѣрно и названіе «лобное» произошло очень просто, такъ какъ въ старинномъ нашемъ языкѣ называлась лобнымъ мѣстомъ каждая выдающаяся на ровномъ мѣстѣ возвышенность. Въ то время, когда пришелъ Никита на Красную площадь, лобное мѣсто было пусто, но на немъ въ торжественныхъ случаяхъ, а также при народныхъ смутахъ и бѣдствіяхъ, раздавались или увѣщательныя рѣчи царей, патріарховъ, бояръ, а также слышалось съ него чтеніе дьяками царскихъ указовъ и боярскихъ приговоровъ, а порою неслись съ высоты лобнаго мѣста, надъ прибоемъ волновавшейся около него толпы, буйные возгласы вожаковъ народныхъ смятеній, которыя были такъ часты въ Москвѣ около этой поры.

Вокругъ лобнаго мѣста и далѣе, по всѣмъ направленіямъ, шелъ на всей площади дѣятельный торгъ. Здѣсь стояли шалаши и лавченки, были разставлены на землѣ лари, короба и лотки, а также шла продажа съ рукъ. Здѣсь происходилъ тотъ мелочной торгъ, который впослѣдствіи былъ переведенъ къ Сухаревой башнѣ.

Никита, очутившись въ такой разнообразной толпѣ, не зналъ, чтò ему слушать и на чтò смотрѣть. Его окружили торговцы и торговки съ предложеніемъ своихъ товаровъ. Кругомъ него раздавались крики, визги и брань, въ полномъ смыслѣ площадные.

Когда онъ въ недоумѣніи осматривался по сторонамъ, то почувствовалъ, что кто-то слегка дернулъ его за рукавъ однорядки.

Никита быстро обернулся назадъ и увидѣлъ возлѣ себя безносаго человѣка.

— Можетъ, парень, этого хочешь?.. таинственно проговорилъ безносый, запуская руку за пазуху своего кафтана и вытаскивая оттуда чтò-то завернутое въ тряпку. Всякое зелье у меня есть — и въ носъ, и въ ротъ. Отвѣдай, такъ еще попросишь.

— Видно опять въ Сыскной захотѣлъ?.. проговорилъ громкимъ голосомъ какой-то прохожій, тормоша безносаго за плечо.

— Не боюсь я Сыскного!.. бойко отозвался продавецъ. По царскому и соборному «Уложенію» мнѣ отрѣзали носъ

за то, что я пилъ «зелье» и другихъ на то наводилъ. А носъ-то,—весело продолжалъ онъ—у меня былъ только одинъ, такъ теперь-то и рѣзать нечего...

— А кнутъ-то?—видно забылъ? замѣтилъ строго незнакомецъ.

— И его успѣлъ отвѣдать!.. поводя спиною, но такъ же шутливо отозвался табачникъ.

— Ну, какъ знаешь, а добрымъ моимъ совѣтомъ не пренебрежи—сказалъ мѣщанинъ и пошелъ далѣе.

— Да ты, парень, купи у меня травки-то, и «люльку», тебѣ для питья сходно продамъ — приставалъ тайный торговецъ;—люлька въ «черкасахъ» сдѣлана, добавилъ онъ, выставляя украдкой изъ-за пазухи коротенькій чубукъ съ небольшой глиняной трубкой. Но, увидѣвъ издали торговаго старосту, безносый быстрымъ движеніемъ руки подъ кафтаномъ перевелъ всѣ свои запретные товары на спину и быстро набросилъ на плечо висѣвшій у него черезъ руку старый кафтанишко и, какъ ни въ чемъ не бывало, началъ проходящимъ предлагать для покупки бывшія у него лохмотья.

Подмигивали и подталкивали Никиту локтями бывшія во множествѣ на площади блудницы, а иныя изъ нихъ прямо приставали къ нему, приглашая его идти съ ними на утѣху. Скромный парень не отвѣчалъ ничего и сторонился отъ нихъ подальше, а онѣ посылали ему въ слѣдъ и насмѣшки, и ругательства.

Зазывали Никиту и въ шалаши и въ лавченки, изъ которыхъ несся чадъ поджариваемаго масла при печеніи пироговъ, блиновъ и оладьевъ, а также и запахъ рыбы. То же дѣлали въ отношеніи Никиты и торговцы и торговки, готовившіе на разставленныхъ на площади жаровняхъ разную неприхотливую снѣдь. Кабатчики затаскивали Никиту почти силою въ кружала, расположенныя на площади, но онъ не отзывался на такія приглашенія и удалялся отъ нихъ поскорѣе, какъ отъ пагубнаго соблазна. Кабатчики усердствовали, помня данный имъ наказъ «дѣйствовать безстрашно, за прибыль ожидать государевой милости и въ томъ приборѣ никакого опасенія себѣ не держать, а главное питуховъ не отгонять».

Вообще, Никитѣ пришлось выдержать многое на этомъ людномъ торжищѣ, гдѣ, повидимому, каждый торговецъ разсчитывалъ именно не него. Онъ испыталъ теперь тѣ неудобства,

Церковь Василія Блаженнаго.

которымъ обыкновенно всего болѣе подвергаются на рынкахъ люди съ добродушнымъ выраженіемъ лица. Къ Никитѣ неотвязчиво приставали торговцы и торговки, предполагая, что

добродушнаго человѣка легко уговорить сдѣлать то, чего онъ самъ по себѣ не желаетъ сдѣлать, да и кромѣ того, такой человѣкъ нетолько что не начнетъ огрызаться или браниться, но даже молча перенесетъ и озорничество и издѣвательства, до чего были очень охочи тогдашніе московскіе торговые люди.

Побродивъ по Красной площади, Никита перешелъ въ стоявшіе на ней торговые ряды, которые были тогда построены частью въ видѣ прямого сплошного строенія, состоявшаго изъ лавокъ и амбаровъ, съ широкими деревянными навѣсами для защиты отъ солнца, дождя и снѣга, а частью въ видѣ узкихъ и извилистыхъ закоулковъ, въ которыхъ были наставлены подвижныя лавченки и лари. Всѣхъ такихъ рядовъ считалось двадцать. Торговали въ нихъ нетолько русскіе люди, но и иностранцы, преимущественно персіяне и армяне, привозившіе въ Москву «суражскіе», или такъ-называемые въ просторѣчьи суровскіе, товары.

Въ торговыхъ рядахъ Никита могъ насмотрѣться на такіе предметы, какихъ онъ прежде и не видывалъ. Въ сохранившемся донынѣ у нашихъ торговцевъ скороговорочномъ перечисленіи товаровъ, ему въ торговыхъ рядахъ предлагали, не переводя духу, атласъ, албатасъ, парчи, объярь, камку, бархатъ, камкасею, гвоздику, перецъ, сахаръ «кенарскій» и. т. д. Причемъ перечислялись и такіе товары, которыхъ въ лавкахъ зазывщиковъ никогда и въ заводѣ не было.

Никита былъ не только оглушенъ, но даже ошеломленъ неумолчно-раздававшимися около него крикомъ и шумомъ, сливавшимися въ какой-то неопредѣленный гулъ, среди котораго выдѣлялись иногда, надъ самымъ его ухомъ, особенно рѣзкія выкрикиванія бабъ. Но все это было еще ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ пришлось ему испытать, когда онъ попалъ въ шапочный рядъ. Рядъ этотъ не даромъ назывался «разрывнымъ», потому что тамъ, въ буквальномъ смыслѣ, рвали покупателей на части.

Едва вступилъ Никита подъ навѣсъ этого ряда, какъ почувствовалъ, что онъ дальше идти не можетъ. За полы его однорядки ухватились сразу нѣсколько дюжихъ молодцевъ и мальчишекъ, а одинъ изъ торговцевъ мигомъ сдернулъ у него съ головы шапку и побѣжалъ съ нею въ лавку,

чтобы тамъ, какъ можно скорѣе, отыскать по ней подходящую для его головы новую шапку. Нѣсколько человѣкъ подхватили его подъ руки и каждый тянулъ его къ себѣ, а одинъ изъ торговцевъ поднялъ его ногу, и, крѣпко держа ее обѣими руками, поволокъ Никиту въ свою лавку.

Напрасно Никита отмаливался отъ услужливыхъ торговцевъ; они не выпускали его и теребили до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ стариковъ-торговцевъ, увидѣвъ, что Никита выбился уже изъ силъ, не крикнулъ:

— Эй, Михеичъ, вороти парню шапку! Ничего не купитъ, что̀ рвать его по-пусту.

При этихъ словахъ нѣсколько торговцевъ принялись надѣвать на Никиту шапку и нахлобучили ему на самые глаза.

— Другой разъ носи ее, братъ, покрѣпче,—крикнулъ весело одинъ изъ торговыхъ молодцовъ, хвативъ Никиту со всего размаха здоровою ладонью по верхушкѣ шапки.

Раздался общій хохотъ, посыпались остроты, и Никита, еле дыша, выбрался изъ «разрывного ряда».

Случай этотъ не отбилъ, однако, у него охоты побродить еще по торговымъ рядамъ, и онъ, послѣ нѣсколькихъ переходовъ по нимъ и по закоулкамъ, попалъ въ «стригольный» рядъ. Въ этомъ ряду съ давнихъ поръ поселились «стригольники», стригшіе и подстригавшіе у мужчинъ волосы на головѣ, тогда какъ усы и борода должны были оставаться неприкосновенными, дабы на человѣческомъ лицѣ не исказилось подобіе божіе. Здѣсь стрижка—какъ это, впрочемъ, водилось и въ другихъ мѣстахъ Москвы—производилась на улицѣ, и надобно полагать, что стригшихся было очень много, такъ какъ, по свидѣтельству иностранцевъ, бывавшихъ въ Москвѣ, проходъ по всему стригольному ряду былъ постоянно застланъ волосами, точно толстымъ войлокомъ.

— Эй, паренекъ, не купишь ли у меня «Тріодь Цвѣтную»?—окликнулъ чей-то голосъ Никиту, при выходѣ его изъ стригольнаго ряда.—Книга хорошая, не дорогая, и не рваная, со всѣми листами. Ты, кажись, должно быть грамотенъ.

Никита обернулся въ ту сторону, откуда слышался голосъ, и увидѣлъ за ларемъ, на которомъ было разложено множество книгъ въ кожаныхъ переплетахъ съ мѣдными застежками, не стараго еще и чрезвычайно благообразнаго торговца.

— Денегъ при себѣ нѣтъ—сказалъ Никита.

— И хорошо дѣлаешь, что не берешь съ собой мошны, когда въ народѣ ходишь. Долго ли до грѣха—сейчасъ вытащутъ. Да уже тебѣ полу-то пооторвали. Вѣрно въ разрывной рядъ попалъ... да вотъ и рукавъ тоже наддрали. Книги мои потомъ посмотришь, а давай-ка я тебѣ примечу полу и рукавъ, а то въ людяхъ такъ ходить не годится—осудятъ;— и ласковый книжникъ, доставъ спѣшно иголку съ ниткой, сталъ, не ожидая отвѣта Никиты, исправлять порчу, причиненную его однорядкѣ.

— Кто что тамъ ни говори, а царя Василія Ивановича, изъ благовѣрныхъ князей Шуйскихъ, слѣдуетъ намъ, московскимъ людямъ, добромъ помнить. Вѣчная ему память! Немного и смутно поцарствовалъ онъ: крамолой его съ престола согнали, а къ книжному дѣлу онъ великую ревность оказалъ. Онъ самъ читалъ книги такъ усердно, что уже слѣпнуть сталъ. Вѣдь это его царское величество велѣлъ завести новую «штанбу», то-есть печатныхъ книгъ дѣло, и для того новый превеликій домъ устроилъ,—разсказывалъ портной-книжникъ, ловко дѣйствуя иглою.

XVI.

Едва Родіонъ Матвѣевичъ, такъ звали книгопродавца, окончилъ свою добровольную работу, а Никита сталъ благодарствовать за его трудъ и доброхотство, какъ къ ларю подошелъ медленною и важною поступью какой-то парень.

Несмотря на то, что подошедшій былъ еще очень молодъ, съ едва пробивавшеюся бородкой, Родіонъ Матвѣевичъ снялъ передъ нимъ шапку и принялъ его съ такимъ уваженіемъ, какое оказывали тогда только старымъ людямъ. Этотъ молодой человѣкъ, по одеждѣ своей, напоминалъ монастырскаго послушника, но когда онъ, въ отвѣтъ на поклонъ торговца, снялъ свою шапку, то за служку принять его было нельзя, такъ какъ надо лбомъ волосы у него не только были безъ пробора, какъ носили тогда и всѣ духовные, и всѣ миряне, но даже плотно острижены, и лишь съ висковъ спускались по обѣимъ сторонамъ длинныя пряди волосъ.

Никита съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на такую странную прическу, не бывшую тогда вовсе въ употребленіи среди русскихъ людей, для которыхъ измѣненіе въ ней считалось, пожалуй, болѣе важнымъ, нежели даже отступленіе отъ вѣры. Такъ надобно думать потому, что въ одной изъ городовыхъ грамотъ, разосланныхъ по Русской Землѣ въ смутное время, москвичи, оправдывая себя въ призывѣ на царскій престолъ польскаго королевича, между прочимъ, писали: «если бы не только вѣру попрали, но если бы даже на всѣхъ хохлы подѣлали, то и тогда никто слова не смѣлъ бы молвить, боясь множества литовскихъ людей и русскихъ злодѣевъ, которые съ ними сложились».

— А что, Родіонъ Матвѣевичъ, заговорилъ парень съ разстановкою, какъ будто готовясь читать по писанному или печатному,—не прибыло ли къ тебѣ какихъ-либо новыхъ книгъ?

— Какой печати тебѣ будетъ надобно? Славянской?..

— По мнѣ все одинаково, возьму и славянской, а любительнѣе было бы печати греческой или латинской.

Дѣло шло о книгахъ, и любознательный Никита навострилъ уши, не понимая, однако, что̀ именно нужно такъ странно-остриженному покупателю.

— Вотъ въ томъ коробѣ, что слѣва будетъ, найдешь всякія книги, сказалъ Родіонъ Матвѣевичъ, показывая рукою на большой, сдѣланный изъ луба кошъ. Присядь, пересмотри, и мнѣ о нихъ скажешь, я-то самъ въ нихъ толку не знаю, а люблю ихъ больше всего на свѣтѣ. — Любилъ я, продолжалъ онъ, обращаясь къ Никитѣ, сперва портняжничество, и промыселъ-то самъ по себѣ прибыточный. Вѣдь я тебѣ однорядку починилъ съ большой радостію; а и портняжничество изъ-за книгъ бросилъ. Лавокъ-то съ книгами у насъ на Москвѣ еще не много будетъ; десятокъ насчитаешь, да и довольно, а кабаковъ-то видимо не видимо.

— Хорошія книги у тебя, Родіонъ Матвѣевичъ, найдутся, отозвался, роясь въ коробкѣ, молодой человѣкъ.— Вотъ еще вчера господинъ Лихудій... и онъ, не договоривъ начатое, уткнулся въ книгу, не обращая ни на что̀ вниманія.

— Студіозусъ, подмигивая на него, сказалъ Никитѣ Родіонъ Матвѣевичъ.

— Никита вопросительно взглянулъ и на торговца, и на сидѣвшаго за книгой парня, и по лицу его было видно, что онъ не уразумѣлъ сказаннаго ему торговцемъ и никогда прежде не слыханнаго имъ слова.

— Студіозусъ,—повторилъ по слогамъ Родіонъ Матвѣевичъ, замѣтивъ, что Никита не можетъ взять въ толкъ это мудреное слово и затѣмъ, не безъ нѣкоторой гордости, пояснилъ:—слово это будетъ латинское, а по нашему значитъ оно: ученикъ. Протопопскій онъ сынъ изъ Углича, по прозванію Добротворяевъ, а учится онъ въ словено-греко-латинской академіи, что̀ находится въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Отсель не такъ далече будетъ. Потому самому онъ и студіозусомъ называется. Людей такого чина у насъ немного найдется. Бояръ-то больше насчитаешь, а объ окольничихъ и стольникахъ и говорить нечего.

Не безъ уваженія, но и не безъ чувства зависти, смотрѣлъ теперь Никита на безбородаго по его мнѣнію мудреца, который умудряется въ книжномъ ученіи.

— Книжицы есть у тебя хорошія,—заговорилъ Добротворяевъ, бережно складывая книги въ коробъ.—Надо ихъ просмотрѣть съ веліимъ тщаніемъ. Скажу о нихъ господамъ Лихудіямъ, пускай они ихъ пересмотрятъ.

— Вотъ попроси Никанора Максимовича книги тебѣ выбрать,—сказалъ Родіонъ Матвѣевичъ, сводя между собою молодыхъ людей.

— Куда выбирать мнѣ книги!—Одну развѣ куплю, такъ и той на долго мнѣ станетъ,—уныло проговорилъ Никита.

— А нѣшто грамота тебѣ не дается?—спросилъ Добротворяевъ.

— Да какъ ей даваться, когда меня мало, или, почитай, даже совсѣмъ не учили?

— А отколь будешь?

— Изъ Сѣвска.

— Ну, какая въ Сѣвскѣ ученость. Чай ея тамъ поменьше будетъ, чѣмъ у насъ, въ Угличѣ. Москва, такъ она совсѣмъ иная статья, особливо теперь. Найдешь въ ней людей преученыхъ; жаль только, что ученые пока не наши русскіе люди, а все или греки, или черкасы, или люди зашлые изъ Бѣлой Руси, русскіе—не русскіе, поляки—не

поляки. Да Богъ дастъ скоро и у насъ на Москвѣ ученые люди явятся. А охота учиться у тебя большая?—какъ-то покровительственно спросилъ Никиту студіозусъ.

— Какая еще! Да что подѣлаешь, коли не знаешь, куда затѣмъ сунуться?

— Такъ ступай къ намъ въ академію, въ «инфиму», пожалуй, и возьмутъ. Розогъ только не боишься ли?

— А что?

— Да будешь, братъ, лѣниться или отъ рукъ отбиваться, такъ такую порку станутъ задавать по субботамъ, что ой-ой! У насъ куда какъ строго, да и ременной плеткой стегать будутъ. Отецъ ректоръ спуску не даетъ никому.

— Ну, Господь какъ нибудь бѣдою обнесетъ,—робко проговорилъ Никита.—Учиться буду прилежно, а баловать не стану.

Молодые люди разговорились. Оказалось, что имъ лежала одна и та же дорога, такъ какъ студіозусъ шелъ къ своему родственнику, состоявшему дьякономъ при одномъ изъ кремлевскихъ соборовъ.

Когда они переходили Красную площадь, то на этомъ пути къ нимъ стали приставать какіе-то полупьяные люди, съ распухшими лицами, синими носами и осовѣлыми глазами. Одни изъ нихъ были въ однорядкахъ, другіе въ изношенныхъ ферязяхъ, третьи въ охабняхъ, а четвертые въ простыхъ мужицкихъ кафтанахъ. У каждаго изъ нихъ былъ въ рукѣ свертокъ бумаги, перо за ухомъ, а на шеѣ болталась привязанная на веревкѣ, ремнѣ или тесьмѣ чернильница. Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли на чурбанахъ передъ маленькими столиками, другіе высматривали, куда бы имъ было поудобнѣе приткнуться. Это были «площадные» подъячіе, писавшіе тутъ же на площади челобитныя, явки, жалобы, завѣщанія, отписки и крѣпости. У иныхъ подъячихъ торчало подъ мышкой переплетенное въ кожу «Уложеніе» царя Алексѣя Михайловича. Въ этой книгѣ они отыскивали подходящія къ дѣлу статьи, а также клали «Уложеніе» себѣ на колѣна и на твердомъ его переплетѣ писали бумаги, заказываемыя имъ во множествѣ просителями, жалобщиками, истцами и отвѣтчиками. Но бо̀льшая часть старыхъ подъячихъ до того изощрилась въ подведеніи статей изъ «Уло-

женія», что уже не заглядывали вовсе въ него, а писали на память. Около подъячихъ стоялъ шумъ и гамъ; иные изъ нихъ, отбивая другъ у друга заказчиковъ, не только ругались, но и дрались между собою, на потѣху и посмѣшище народа, который подзадоривалъ ихъ, и иной дѣлецъ выходилъ изъ такого рукопашнаго боя сильно помятый своимъ соперникомъ, но всего чаще бой оканчивался подбитіемъ глазъ, свихнутіемъ челостей и высадкою нѣсколькихъ зубовъ. Тогда между этими защитниками обижаемыхъ и угнетаемыхъ начинались взаимные иски о безчестьи или о томъ, что одинъ билъ другого «смертнымъ» боемъ.

Около Спасскихъ воротъ, по бывшему тамъ тогда мосту, а также около него, было разставлено множество аналоевъ съ лежащими на нихъ образами.

— Не нужно ли молебна или панафиды?—кричалъ одинъ безмѣстный попъ.

— У меня великомученица Варвара и преподобный Антипій! Не они ли вамъ нужны?—вскрикивалъ другой, добавляя:—преподобный Антипій отъ зубной немощи врачуетъ.

— Не захворалъ ли у тебя конь?—громко опрашивалъ проходящаго третій попъ,—а у меня есть Власъ и Лавръ. Отслужить имъ молебенъ, такъ и конь выздоровѣетъ.

У Спасскихъ, или, по прежнему, у Фроловскихъ, воротъ народъ сперся въ такую плотную толпу, что нельзя было пробираться дальше, и Никитѣ съ Добротворяевымъ приходилось не мало ждать, пока передніе не пройдутъ черезъ ворота подъ напоромъ заднихъ.

— Эко народу-то тутъ сколько!—проговорилъ Никита.

— Еще бы не быть. Черезъ Фроловскія ворота въ эту пору тысячъ пятнадцать, а не то и двадцать пройдетъ,—отвѣчалъ Никаноръ.

— Видно на поклоненіе московскимъ угодникамъ?

— И за тѣмъ ходятъ, да ходятъ немного. Идутъ тоже посмотрѣть и на царскія палаты, но въ праздничные дни, когда приказы заперты, такъ и десятой доли—куда десятой—и двадцатой даже доли не набирается. Почитай, что всѣ почти идутъ въ приказы, кто за чѣмъ; а приказные волокутъ дѣла съ умысломъ, чтобъ имъ болѣе посуловъ было и болѣе взятокъ давали.

Дѣйствительно, около приказовъ, которые находились тогда за кремлевскими стѣнами и помѣщались частью въ каменныхъ хоромахъ, частью въ деревянныхъ домахъ и даже въ простыхъ избахъ, стояли густыя толпы народа. Особенно было много народу около «Холопьяго» приказа. Около этого же приказа куда какъ много было закованныхъ въ желѣза

Публичныя наказанія въ Россіи въ XVII столѣтіи.
Факсимиле рисунка, находящагося въ «Путешествіи» Олеарія, изд. 1656 г.

бѣглыхъ холоповъ. Дьяки безпрестанно выходили на крыльцо и то читали приговоры, то вызывали кого либо изъ толпы, окруженной стрѣльцами. На улицѣ, передъ этимъ приказомъ, стояла врытая въ землю деревянная кобыла; къ ней притягивали ремнями тѣхъ, которыхъ били кнутомъ. Около этого приказа стояли вопли и стоны, смолкавшіе нѣсколько при появленіи на крыльцѣ дьяка; но потомъ поднимавшіеся съ

новой силою, такъ какъ вслѣдъ за появленіемъ дьяка наступало исполненіе только-что объявленнаго имъ приговора.

То же самое увидѣлъ Никита и около Сыскного приказа. Но зато около иныхъ приказовъ: Пушкарскаго, Житна-Панафиднаго—почти вовсе не было народа.

— Никакъ изъ пищалей стрѣляютъ!—вздрогнувъ, спросилъ Никита, заслышавъ вблизи сухой трескъ выстрѣловъ.

— А нѣшто не знаешь, что такъ заведено изстари. Стрѣляютъ около царскаго дворца стрѣльцы и тѣмъ пугаютъ воронъ, чтобъ онѣ не садились на крыши царскихъ палатъ,—отвѣчалъ Добротворяевъ.

Кромѣ простого народа, наполнявшаго Кремль, въ немъ было много служилыхъ людей и въ особенности стрѣльцовъ,

Старинная колымага.

содержавшихъ караулъ при воротахъ, приказахъ, на башняхъ и при царскомъ дворцѣ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ дворца стояли нѣсколько раззолоченныхъ, расписанныхъ разноцвѣтными красками, или «муссіею», или обитыхъ сукномъ колымагъ, въ которыхъ пріѣхали къ царицѣ ея дневальныя боярыни. Въ дни имянинъ царицы и царевенъ, Кремль былъ запруженъ такими колымагами, потому что тогда пріѣзжали во дворецъ всѣ боярыни для поднесенія государынѣ или ея дочерямъ имянинныхъ калачей.

Около колымагъ Никита увидѣлъ и тѣ боярскіе поѣзды, которые обгоняли его на дорогѣ. Здѣсь стремянные держали подъ устцы коней, на которыхъ пріѣхали бояре, неимѣвшіе, какъ и всѣ, кто бы то ни былъ, права въѣзжать на царскій дворъ ни въ колымагѣ, ни въ саняхъ, ни верхомъ. Около

коней, въ ожиданіи выхода бояръ изъ дворца, стояли, а также сидѣли или лежали на землѣ, «знакомцы», привязавъ своихъ верховыхъ лошадей къ стоявшимъ тутъ коновязямъ.

Всего чаще они, во время своихъ побывокъ въ Кремлѣ, отъ нечего дѣлать считались между собою знатностію, дородствомъ и богатствомъ своихъ милостивцевъ, и иногда пререканія такого рода переходили въ шумный споръ, подкрѣпляемый или отвергаемый случаями недавно уничтоженнаго мѣстничества.

Студіозусъ разсказалъ Никитѣ кое-что о замѣчательныхъ событіяхъ, происходившихъ въ кремлевскихъ стѣнахъ и, разставаясь съ нимъ, спросилъ:

— А вѣдь знакомые у тебя въ Москвѣ найдутся?

— Пока еще нѣтъ, а вотъ зазывалъ меня къ себѣ отецъ Онуфрій изъ срѣтенскаго прихода?

— Отецъ Онуфрій! ну такъ мы съ тобой тамъ свидимся. Онъ мнѣ дядею по матери будетъ. Сходи къ нему, онъ человѣкъ ласковый и добрый, и знакомство съ нимъ тебѣ будетъ пригодно—сказалъ Добротворяевъ.

XVII.

Захрапѣвшій на лавкѣ при Демьянѣ Григорьевичѣ и его племянникѣ Тябота проспалъ не очень долго, и, очнувшись, спохватился ушедшихъ отъ него гостей. Ему стало нѣсколько совѣстно, что онъ такъ сильно подгулялъ при такомъ почтенномъ человѣкѣ, какимъ показался ему заѣзжій гость. Впрочемъ, онъ чрезвычайно смутно припоминалъ всѣ подробности этой неожиданной встрѣчи, а наружность Никиты вышла у него совсѣмъ изъ памяти. Опохмѣлившись на другой день, онъ сталъ было разспрашивать Анфису о томъ, что̀ случилось вчера, но она уклончиво отвѣчала на эти разспросы.

— Что̀ было? — да ничего. Извѣстное дѣло, выпилъ ты крѣпко, да, по обычаю, и накинулся на меня ни съ того, ни съ сего. Самъ же подтолкнулъ меня, невзначай, подъ руку, а потомъ, при чужихъ людяхъ, началъ корить и бранить и бить меня хотѣлъ, а что дальше было у тебя съ заѣзжими людьми — я не знаю, я поскорѣй отъ грѣха

ушла, и видѣла только, какъ они въ торопяхъ спускались по лѣстницѣ.

— А кто жъ они такіе были?—я съ пьяна-то и позабылъ ихъ имена и прозвища.

— Мнѣ-то почему знать—отозвалась Анфиса—не я ихъ принимала, а ты—такъ тебѣ бы и помнить, кто у тебя въ домѣ бываетъ, а я знаю только, что они заѣзжіе люди, совсѣмъ намъ чужіе.

Тябота призадумался и покрякивалъ. Будучи большимъ трусомъ, онъ побаивался, не были ли они лихіе люди, или «языки», которые за то, что онъ ихъ оскорбилъ, отплатятъ ему какимъ-нибудь извѣтомъ.

Прошло, однако, нѣсколько дней благополучно, и Тябота, мало-по-малу, успокоился, а вскорѣ и совсѣмъ забылъ о заѣзжихъ къ нему сѣвчанахъ. Демьянъ Григорьевичъ продолжалъ жить на постояломъ дворѣ по сосѣдству съ Андреемъ, и потому Никитѣ часто случалось проходить мимо лавки Тяботы. Онъ кланялся Андрею, но не заговаривалъ съ нимъ, а Андрей, съ своей стороны, отвѣчая ему тоже поклономъ, не обращалъ на него вниманія, думая, что съ нимъ здоровается кто-нибудь изъ его покупателей, которыхъ у него было такъ много, что нельзя было запомнить ихъ всѣхъ въ лицо. Узнавалъ, конечно, Никита и Анфису, но не рѣшался поклониться ей, а съ своей стороны она дѣлала видъ, будто вовсе не знаетъ его, а между тѣмъ не то было у ней на умѣ, и ей очень хотѣлось, чтобъ нашелся случай промолвить съ Никитой хоть словечко, такъ какъ по виду онъ ей очень приглянулся.

Прошло такимъ образомъ нѣсколько недѣль, а между тѣмъ молодой парень сталъ ходить рѣже мимо лавки Тяботы, и Анфиса заскучала о немъ. Тоска ея по Никитѣ стала дѣлаться все сильнѣе и сильнѣе, и она почувствовала потребность передать кому нибудь свое горе.

— Полюбился-было мнѣ одинъ парень, да и запропалъ—говорила однажды Анфиса пришедшей къ ней въ гости Маврушѣ.

Мавруша, та бойкая дѣвушка, которая была на дѣвишникѣ у Анфисы, вскорѣ послѣ свадьбы Анфисы сама вышла замужъ за торговаго человѣка Ивана Феофилактовича.

Онъ былъ человѣкъ еще не старый, добрый и не давалъ никакого повода Маврушѣ, или Маврѣ Егоровнѣ, роптать на ея судьбу. Жила она съ мужемъ не только ладно, но и очень часто повелѣвала имъ, такъ что ей не было никакой причины осуществлять по отношенію къ нему тѣ угрозы, какія она высказывала, не будучи еще за мужемъ, но тѣмъ не менѣе она осталась при первомъ взглядѣ на право жены не покорствовать безусловно передъ своимъ мужемъ.

— Отчего жь ты не поищешь своего любимчика? — съ живостью перебила Мавруша.

— Да что жь изъ того, вѣдь я мужу измѣнницей во вѣки не буду. Желалось бы мнѣ только хоть изрѣдка взглянуть на милаго человѣка—задумчиво проговорила Анфиса.

— Господь Богъ привелъ меня жить въ супружествѣ хорошо, и пока я ни о чемъ еще не думаю, а скажу тебѣ по душѣ, что, если бы Господь нанесъ на меня такого лиходѣя, какъ твой Андрей Викулычъ, то не стерпѣла бы его...

— А что̀ бы ты съ нимъ подѣлала?—спросила Анфиса.

— Ужь не знаю, что̀ подѣлала бы я, а знаю только, что, глядя на него, я про себя думала бы такъ, какъ поется въ одной пѣсни:

Какъ бы вѣра—то (обычай) была
Продала бы я тебя,
Я купила бы молодчика молоденькаго,
И молоденькаго, и хорошенькаго...

— Не хочу я свою добрую славу порочить — въ раздумьѣ проговорила Анфиса, — не хочу наводить печаль на моего родителя и срамъ на родную мою матушку.

— Развѣ тебя и теперь не порочатъ?—замѣтила гостья— послыхала бы ты, что̀ говоритъ о тебѣ Устинья Ермиловна.

— Съ гнѣва, а не съ правды хулитъ она, за то, что разъ какъ-то жаловалась я ей, зачѣмъ она меня за Андрея Викулыча сосватала, да и какъ мнѣ не жалиться? Ну, пускай онъ и старъ для меня, и пьяница, да хоть бы любилъ меня, тогда онъ жалѣлъ бы меня и по-пусту не билъ бы и не мучилъ какъ теперь.

— Да ты зазови къ себѣ Матрену Ивановну, она приворожитъ къ тебѣ Андрея Викулыча, да, пожалуй, за разъ и того парня, что тебѣ приглянулся, и тогда тебѣ хорошо

заживется. Мужъ тебѣ угождать будетъ, а съ молодчикомъ въ тихомолку любиться начнешь...

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, когда Тябота ушелъ на имянины къ своему пріятелю, Мавруша привела къ Анфисѣ ворожею, знахарку, вѣдунью и колдунью Матрену Ивановну, по прозванію Хрипунью. Послѣ разныхъ оханій и разспросовъ то слишкомъ откровенныхъ, то двусмысленныхъ и загадочныхъ, начался наговоръ вѣдуньи на любовь мужа къ Анфисѣ.

Долго бормоча что-то себѣ подъ длинный носъ, старуха выбирала изъ мѣшечка сушеныя зелья, обнюхивала ихъ и смотрѣла къ свѣту, желая тѣмъ самымъ придать важность своимъ чарамъ. Потомъ, приказавъ Анфисѣ стать задомъ къ столу, на которомъ были разложены волшебныя снадобья, она начала невнятно произносить слѣдующій заговоръ:

— «Бросьтесь тоски въ его буйную голову, въ тылъ, въ ликъ, въ ясныя очи, въ уста, въ усы, въ бороду, въ ретивое сердце, умъ и разумъ, въ волю, въ хотѣнье, и во все его тѣло, во всю кровь его горячую, во всѣ его кости, во всѣ его суставы, въ 70 суставовъ и подсуставовъ; во всѣ его жилы, въ 70 жилъ, полужилъ и поджилокъ, чтобъ онъ тосковалъ, горевалъ, плакалъ бы и пробыть не могъ безъ меня, какъ рыба безъ воды, чтобъ кидался, метался и бросался изъ окошка въ окошко, изъ двери въ дверь, изъ воротъ въ ворота, по пути дорогѣ и перепутьямъ съ трепетомъ, туженіемъ, плачемъ и рыданіемъ, а любилъ бы онъ меня до вѣку, по всю мою жизнь».

Старуха, вычитывая этотъ длинный заговоръ, по временамъ останавливалась и нашептывала что-то надъ зельями, а затѣмъ, снова заговоривши все тише и тише, подъ конецъ уже только еле двигала губами. Потомъ она три раза окропила эти принадлежности волхованія богоявленскою водою, завернула зелья въ тряпочку и, сдѣлавъ изъ нихъ ладонку, приказала Анфисѣ носить ее при себѣ.

— Коли зелья не помогутъ, такъ я приворожу къ тебѣ Андрея Викулыча и инымъ средствіемъ,—сказала Матрена Ивановна, думая найти въ муравьиной кочкѣ, при помощи ворожбы, крючекъ и вилку, которые, по народному повѣрію, дѣлали чудеса по любовной части, такъ какъ стоило только

зацѣпить мужчину или женщину крючкомъ, чтобъ онъ или она крѣпко полюбили того, кто зацѣпилъ, и, наоборотъ, стоило только оттолкнуть вилкою, чтобы произвести остуду въ самой горячей любви.

Въ старое время чары постоянно примѣнялись въ вопросамъ по сердечнымъ дѣламъ. Разумѣется, они не имѣли желаемаго дѣйствія, но нерѣдко сопровождались гибельными послѣдствіями: смертью и разстройствомъ здоровья отъ тѣхъ вредныхъ снадобій, которыя употреблялись иногда въ этомъ случаѣ, какъ внутреннее средство. Вѣдунамъ и вѣдуньямъ были извѣстны разные яды, которые они держали у себя въ запасѣ для извода немилаго мужа или жены, если нашептываніями и безвредными зельями не удавалось водворить между ними согласія. При несуществованіи въ ту пору судебной медицины, случаи отравленія обыкновенно сходили съ рукъ виновнымъ, а также и ихъ подстрекателямъ, такъ что приговоры о виновности въ томъ, что или мужъ—какъ тогда говорилось — «окормилъ» жену, или жена окормила мужа,—особенно приговоры перваго рода,—были очень рѣдки. Но, въ замѣнъ того, обвиненіе въ порчѣ посредствомъ волшебства и чародѣйства были чрезвычайно часты—и дѣла этого рода должны были оканчиваться сожженіемъ виновныхъ, чему преимущественно подвергались старухи, слывшія въ народѣ подъ названіемъ «вѣщихъ бабъ» или «вѣщихъ женокъ». Такія казни, производимыя въ Москвѣ, на Болотѣ, случались даже въ исходѣ XVIII вѣка. Трудно только было уличить вѣдуна или вѣдунью въ ихъ волшебствѣ, такъ какъ рѣдко кто рѣшался свидѣтельствовать противъ нихъ, изъ боязни, что они наведутъ за это какую нибудь бѣду или порчу.

Данныя Матреной Ивановной молодой женщинѣ таинственныя снадобья не производили пока въ Андреѣ Викулычѣ никакой благопріятной для нея перемѣны. Онъ запивалъ по прежнему, и житье Анфисы становилось еще хуже. Прошло, однако, нѣсколько времени, и Анфисѣ немного полегчало въ томъ отношеніи, что Андрей сдѣлался почему-то менѣе подозрителенъ на счетъ жены. Онъ сталъ отпускать ее одну въ гости, и Анфиса начала вѣрить въ силу чаръ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это произошло оттого, что Анфиса понадоѣла Андрею, и онъ завелъ себѣ на сторонѣ

полюбовницу, веселую и разбитную бабёнку, которая была ему болѣе подстать, нежели его тихая и задумчивая законная сожительница.

XVIII.

Въ назначенное воскресенье Никита отправился къ отцу Онуфрію. Онъ хотѣлъ не только воспользоваться ласковымъ приглашеніемъ его и попадьи, но и потому еще, что надѣялся увидѣть тамъ Добротворяева, съ которымъ намѣревался поговорить о книжномъ ученіи.

Отецъ Онуфрій, по прозванію Безпокосный, жилъ, какъ подобаетъ честному іерею, отъ праведной мзды, т. е., не богато, но домовито. Семья была у него небольшая: только дочь, бывшая въ замужествѣ за дьякономъ, жившимъ въ Серпуховѣ, да двѣнадцатилѣтній сынъ, котораго онъ обучалъ съ большимъ тщаніемъ, разсчитывая, что подроставшій поповичъ со временемъ, быть можетъ, сдѣлается преемникомъ своего отца на пастырскомъ служеніи, къ которому Онуфрій, не такъ какъ другіе его сослужебники, относился съ большою заботливостію.

Отстоявъ у Срѣтенья обѣдню, Никита пришелъ въ домъ отца Онуфрія. Въ ожиданіи званнаго гостя, попадья напекла оладей и приготовила разныхъ сластей. Студіозусъ также явился къ дядѣ на обѣдъ. Пришли къ отцу Онуфрію и другіе еще гости.

Покончивъ съ обѣдомъ, во время котораго шла бесѣда о Москвѣ и о Сѣвскѣ, отецъ Онуфрій обратился къ Никитѣ.

— Вотъ теперь племянникъ мой разскажетъ тебѣ объ академіи, а ты послушай, да и пораскинь умомъ: пригоже ли тебѣ вступить туда и не примешь ли ты на себя бремя, которое, можетъ быть, тебѣ и не подъ силу?

На Добротворяева легъ уже замѣтный отпечатокъ тогдашняго схоластическаго обученія. Хотя онъ былъ парень добрый и по природѣ скромный, но нельзя не сказать, что это послѣднее качество нѣсколько перемѣнилось въ немъ подъ вліяніемъ сознанія, что онъ, не смотря на свои молодые еще годы, знаетъ гораздо болѣе, нежели многіе сѣдобородые стáрцы, считавшіеся среди людей темныхъ чуть ли не мудрецами, и

что онъ съумѣетъ, какъ говорится, заткнуть за поясъ почти каждаго изъ нихъ. Не смотря, однако, на такое горделивое сознаніе, теперь, когда ему пришлось говорить въ присутствіи дяди, направившаго на него свой ласковый, а вмѣстѣ съ тѣмъ умный и проницательный взглядъ, студіозусъ замѣтно смутился, и началъ откашливаться, какъ бы собираясь съ силами.

— Да ты не робѣй, разсказывай все по порядку, — ободрялъ отецъ Онуфрій.

— «Крамы» наукъ, въ коихъ сѣмена... сѣмена... наукъ... Крамы.... сѣмена коихъ... повторялъ на разные лады смѣшавшійся студіозусъ, и языкъ его сталъ заплетаться.

— Навыка нѣтъ у насъ говорить на людяхъ — замѣтилъ отецъ Онуфрій. — Правда, если станутъ говорить о пустяковинахъ, то мелютъ языкомъ, какъ жерновами на мельницѣ. Но ты не смущайся. Вѣдь ты не какія нибудь непригожія, а толковыя рѣчи разсказывать собираешься — сказалъ одобрительно дядя.

Никаноръ попытался еще разъ разсказать послѣдовательно объ академіи, но изъ словъ его выходила та же самая безсвязная и запутанная рѣчь, и онъ растерялся окончательно.

— Сплошно, дядя Онуфрій, говорить мнѣ не въ моготу, а ты спрашивай меня, такъ я тебѣ отвѣчать буду, — откашливаясь снова, не безъ увѣренности сказалъ студіозусъ.

— Такъ что жь такое будетъ ваша Заиконоспасская славяно-греко-латинская академія? — спросилъ отецъ Онуфрій.

Такъ какъ ученики академіи обязаны были знать наизусть царскую грамоту, относившуюся къ ея учрежденію и правамъ, и такъ какъ грамота эта была написана чрезвычайно витіевата, то и представителю этого учебнаго заведенія приходилось въ настоящемъ случаѣ изъясняться тогдашнимъ высокопарнымъ книжнымъ слогомъ.

Вопросъ, предложенный дядею, хотя и не принесъ племяннику существенной пользы, но помогъ ему въ томъ отношеніи, что молодой академистъ увидѣлъ тотъ учительскій пріемъ, къ которому онъ уже привыкъ, и подъ воздѣйствіемъ этого облегчительнаго пріема студіозусъ безъ запинки, ровнымъ и непрерывающимся голосомъ, изложилъ передъ своими слушателями слѣдующее:

— Царь Θеодоръ Алексѣевичъ, вступивъ на престолъ юношею, подобно Соломону, ни о чемъ не хотѣлъ такъ заботиться, какъ о мудрости, царскихъ должностей родительницѣ и всякихъ благъ изобрѣтательницѣ и совершительницѣ, и пожелалъ устроить въ Заиконоспасскомъ монастырѣ «Крамы» чиномъ академіи и въ оныхъ сѣмена мудрости, т. е. науки гражданскія и духовныя, начиная отъ грамматики, піитики, риторики, діалектики, философіи разумительной, естественной и нравной, даже до богословіи, учащей вещей божественныхъ и совѣсти очищенія, установить; при томъ же и ученію правосудія духовнаго и мірского, и прочимъ всѣмъ свободнымъ наукамъ, ими же цѣлость академіи, сирѣчь училищъ, составляется.

Все это студіозусъ выговорилъ, или, точнѣе сказать — прочиталъ на память, не переводя духа. Никита внимательно слушалъ, но не понялъ ничего, а перечисленіе наукъ съ греческими названіями окончательно поставило его въ тупикъ. Отецъ Онуфрій попытался кое-что пояснить Никитѣ, но оказалось, что и эти объясненія не подходили подъ понятія слабо подъучившагося Никиты.

— Царь Θеодоръ Алексѣевичъ благое дѣло совершилъ учрежденіемъ академіи, а то куда какъ дивно и непристойно было, что въ царствующемъ градѣ Москвѣ ни одного училища не было, — сказалъ отецъ Василій, одинъ изъ гостей, бывшихъ у Безпокоснаго.

— Ошибаешься, батька, — насмѣшливо вмѣшался другой гость, подъячій Тмысляковъ, — были у насъ и прежде академіи: скоморошеское училище для шутовъ и комедіантовъ. Такое училище устроили на царскій коштъ, а о людяхъ духовнаго чина и не подумали, въ прежнемъ невѣжествѣ ихъ оставили. Царь Алексѣй Михайловичъ — какъ тебѣ, отецъ Василій, должно быть вѣдомо — любилъ всякія потѣхи, и хотя для народа всякія музикійскія орудія въ запретѣ были, а у самого-то государя въ хоромахъ нѣмцы и на цымбалахъ, и на органахъ, и на скрипицахъ играли. Въ комедіантское-то училище, про которое я напомнилъ теперь, — къ магистру Яну Готфриду, родомъ изъ нѣмцевъ, — двадцать шесть молодыхъ парней въ ученіе изъ московскихъ мѣщанъ отдать царь велѣлъ. Брали туда также въ ученики изъ нашей братьи,

подъячихъ, и учили ихъ у магистра Яна разнымъ потѣшнымъ художествамъ.

— А гдѣ ты, отецъ Онуфрій Михайловичъ, обучался, — отважился съ робостью спросить хозяина Никита.

— Я-то гдѣ обучался? Привелъ мнѣ Господь учиться въ хорошемъ мѣстѣ. Лѣтъ тридцать тому назадъ бояринъ Ртищевъ завелъ своимъ иждивеніемъ здѣсь, въ Москвѣ, училище при Андреевскомъ монастырѣ и вызвалъ туда православныхъ монаховъ изъ Польши и Малой Руси; были тамъ также и греческіе монахи, обучавшіеся въ Италіи. Вотъ они-то и учили насъ философіи, риторикѣ, піитикѣ, и физикѣ и познанію правосудія и другимъ такъ называемымъ математическимъ наукамъ. Безъ нихъ пришлось бы мнѣ на всю жизнь остаться темнымъ человѣкомъ.

— И теперь такое училище обрѣтается въ Андреевскомъ монастырѣ? — спросилъ Никита, намѣреваясь пробраться туда, если бы ему не удалось попасть въ академію.

— Нѣтъ его ужь тамъ, оно было переведено въ Заиконоспасскій монастырь и составило одно училище съ нынѣшней академіей.

— Наша Заиконоспасская славяно-греко-латинская академія вотъ съ чего пошла — заговорилъ ободрившійся Доброворяевъ. Въ 1679 году прибылъ въ Москву изъ Іерусалима монахъ Тимофей, родомъ человѣкъ русскій, и доложилъ царю, что наука въ Греціи пришла въ конечный упадокъ и великое раззоренье. Тогда благочестивый царь захотѣлъ устроить въ Москвѣ греческое училище, чтобъ соблюсти прежнюю науку, и вознамѣрился заманить туда ученыхъ грековъ, чтобъ они въ православной Москвѣ поддерживали эту науку и насъ просвѣщали ею. Царь, по благословенію святѣйшаго патріарха Іоакима, велѣлъ составить училище изъ 30 юношей и помѣстилъ это училище въ трехъ верхнихъ палатахъ надъ печатней, а міpянина изъ грековъ, Мануила, поставилъ учителемъ. Спустя нѣсколько времени, царь сталъ просить святѣйшихъ патріарховъ вселенскихъ, чтобъ они прислали къ нему въ Москву учителей по языкамъ греческому, латинскому и по свободнымъ наукамъ, и тогда, въ 1685 году, прибыли сюда греки, братъ Іоанникій и Софроній Ликудьевы, изъ знатнаго, но захудалаго княжескаго рода. Помѣстили ихъ

въ Богоявленскомъ монастырѣ, куда и перевели учениковъ Мануила, а потомъ уже заложили въ Заиконоспасскомъ монастырѣ каменную палату, которую и назвали академіею.

— Забылъ ты, Никаноръ, одно добавить, — сказалъ отецъ Онуфрій, — забылъ сказать, на чьи деньги эта палата построена, а добродѣющихъ людей поминать надо. Былъ здѣсь, въ Москвѣ, іеродіаконъ, изъ грековъ, по имени Мелетій, онъ-то, послѣ праведной своей кончины, и завѣщалъ 2000 рублевъ на училище. Къ этимъ деньгамъ царь прибавилъ своихъ, и на нихъ-то для академіи палаты построили.

— Правда и есть, — подтвердилъ студіозусъ — я не договорилъ этого. У насъ — продолжалъ онъ — учатъ теперь всѣмъ наукамъ, святою церковью греческаго закона невозбраненнымъ и діалектамъ иноземнымъ: греческому, латинскому и польскому. Воспрещена только строго магія естественная, и учителей этой науки, вмѣстѣ съ ихъ учениками, повелѣно сожигать въ срубахъ. Царь хотѣлъ было устроить такъ, чтобъ академія была блюстительницею истинной православной вѣры и вѣдала-бы она всѣ ереси и имѣла-бы судъ надъ всѣми еретиками. Ересями-же, съ видомъ ученаго человѣка продолжалъ Добротворяевъ — почитаются: рафли, шестокрылъ, воронограй, задей, альманахъ, и иные составы, и мудрости еретическія, и коби бѣсовскія. Почитались прежде ересями и астрономія, и звѣздочетье, и Аристотель, и аристотелевы врата, а нынѣ астрономія и звѣздочетье ересями не признаются, а звѣздочетіемъ занимался даже такой благочестивый мужъ, какимъ былъ монахъ нашего-же монастыря, Симеонъ изъ Полоцка. Аристотеля тоже въ академіи у насъ не къ еретикамъ, но только къ ученымъ мужамъ сопричисляютъ.

— Что магія естественная у васъ подъ запретомъ — то дѣло разумное, но только-бы не смѣшивали ея съ чудными явленіями, происходящими отъ невѣдомыхъ намъ силъ самого естества — заговорилъ Онуфрій Михайловичъ. Думается мнѣ, что ихъ, по крайнему разуму человѣческому, разглашать можно. Да иной разъ многое изъ чудесъ провѣрять разсудкомъ должно, а то за частую на голословныя рѣчи пустыхъ вралей или злоумышленныхъ людей полагаются. Недавно, — сказать примѣромъ, — наѣзжалъ въ Москву изъ Перми какой-то торговый человѣкъ и разсказывалъ, что тамъ

одинъ крестьянинъ, по прозванію Талевъ, своимъ волшебствомъ, напустилъ на людей икоту. Кажись, можетъ-ли быть такое несбыточное чудо, а вѣдь повѣрили, обвинили Талева и сожгли какъ чародѣя въ срубѣ. Или вотъ, напримѣръ, другой случай: старики еще помнятъ указъ царя Михаила Ѳеодоровича, въ силу коего запретили вывозить въ московское государство хлѣбъ изъ-за литовскаго рубежа, потому, молъ, что въ Литвѣ какая-то вѣщая старуха на рожь нашептываетъ и тѣмъ людей портитъ. Статочное-ли это дѣло!..

Отецъ Онуфрій усмѣхнулся и отрицательно покачалъ головою.

— А вотъ знаменія, такъ тѣ точно что бываютъ — заговорилъ отецъ Василій. Покойникъ родитель мой много разсказывалъ мнѣ о смутномъ времени. Много въ ту пору разныхъ знаменій видимо было. Послѣ того, какъ здѣсь, на Москвѣ, воровскаго царя Дмитрія убили, такъ караульщики, стороживщіе на паперти Успенскаго собора, слышали, какъ по ночамъ въ соборѣ были плачъ, голоса, говоръ, крикъ, а потомъ соборъ освѣтился и одинъ толстый, словно протодіаконскій голосъ запѣлъ за упокой. Да и при царѣ Василіѣ Ивановичѣ Шуйскомъ въ Успенскомъ соборѣ чудеса творились. Нѣкій мужъ духовный видѣлъ во снѣ, что Христосъ явился въ Успенскій соборъ и грозилъ страшною казнью всему московскому народу за то, что народъ ругается надъ Христомъ лукавыми дѣлами, праздными обычаями и сквернословіемъ. Объ этомъ видѣніи читали тогда въ слухъ въ Успенскомъ соборѣ и установили трехдневный постъ по всей Москвѣ.

— Кто-же сподобился видѣть такое видѣніе? — пытливо спросилъ отецъ Онуфрій.

— До сей поры того никому неизвѣстно, потому что тотъ духовный мужъ, который видѣлъ такое чудное видѣніе и разсказалъ о немъ тогдашнему успенскому протопопу Терентію, заклялъ протопопа, чтобъ тотъ никому и ни въ какомъ случаѣ имени его не открывалъ.

Никита внимательно прислушивался ко всѣмъ этимъ разговорамъ, но особенно его занималъ разсказъ объ академіи, и онъ завидовалъ молодому студіозусу, который можетъ вести бесѣду съ такими людьми, какъ отецъ Онуфрій, тогда какъ

онъ, Никита, не только не могъ вмѣшаться въ ихъ рѣчи, но даже большею частью и не понималъ, о чемъ идетъ дѣло.

— На недѣлѣ будетъ праздникъ — сказалъ Добротворяевъ Никитѣ, — заходи ко мнѣ пораньше въ академію, и мы пойдемъ въ Кремль: я тебѣ покажу тамъ многое, чего ты еще не видалъ, да о чемъ, по вѣроятности, и не слыхивалъ, а къ ранней обѣдни сходи въ церковь Николы Чудотворца, тамъ послушаешь «красный звонъ». Ни на одной московской колокольнѣ такъ стройно не звонятъ, какъ на тамошней. Говорятъ, что издалека пріѣзжаютъ, чтобъ его послушать. Мы сходимъ въ Кремль, и въ Успенскомъ соборѣ ты сподобишься приложиться къ благословляющей десницѣ апостола Андрея Первозваннаго и къ челюсти равноапостольнаго князя Владиміра. Покажу я тебѣ эллинскихъ мудрецовъ, изображенныхъ въ этомъ храмѣ, а потомъ, какъ нибудь, когда удосужусь, проведу я тебя въ царскую печатню, или друкарню, называемую по гречески типографіею; тамъ книги печатаютъ и между печатниковъ у меня есть и знакомцы.

Студіозусъ хотѣлъ было, изъ желанія показать передъ Никитою свои познанія, начать разъяснять ему значеніе слова «типографія» и вообще намѣревался, какъ говорится, пустить ему пыль въ глаза, но, сообразивъ, что все это будетъ непонятно для необученнаго еще ничему простеца, отложилъ такого рода разговоръ на будущее время.

XIX.

Демьянъ Григорьевичъ между тѣмъ ходилъ по своимъ дѣламъ и туда и сюда. Побывалъ онъ у многихъ изъ своихъ земляковъ. Одни изъ нихъ, какъ онъ нашелъ, устроились въ Москвѣ такъ удобно и такъ выгодно, что не хотѣли уже выѣзжать оттуда. Москва полюбилась даже и тѣмъ изъ нихъ, которые были переведены сюда по-неволѣ, въ силу государевыхъ указовъ, такъ какъ время-отъ-времени царь требовалъ въ Москву торговыхъ, промышленныхъ и ремесленныхъ людей изъ разныхъ городовъ. Такіе недобровольные поселенцы, изъ числа людей собственно торговыхъ, были обыкновенно народъ зажиточный и ихъ переводили въ Москву

для того, чтобъ поддерживать личный составъ гостинной и суконной сотенъ, въ которыхъ иной разъ значительно убавлялась наличная численность торговыхъ людей. Многіе изъ нихъ раззорялись, преимущественно вслѣдствіе того, что у нихъ вырывали изъ рукъ торговое дѣло иноземцы. Московское и вообще русское купечество въ ту пору не разъ слезно жаловалось царю, что нѣмцы и казылбашцы отбили у нихъ торги и торжишки. Въ особенности русскихъ торговыхъ людей тѣснили около этого времени голландцы и англичане, слывшіе въ народѣ тоже подъ общимъ названіемъ нѣмцевъ.

— Плохо приходится намъ, торговымъ людямъ—говорили въ Москвѣ русскіе купцы старику Антуфьеву—быть намъ вѣчно въ нищетѣ и скудости, а оттого, что мало между нами самими ладу, а посмотришь, у нѣмцевъ совсѣмъ не то. Живутъ у нихъ торговые люди промежь себя союзно и другъ друга чужому не выдаютъ. Вотъ однажды поѣхалъ къ нимъ изъ Москвы со своими товарами здѣшній торговый человѣкъ Лаптевъ. Нѣмцы между собою и стакнулись: не покупайте, молъ, братцы у него ничего, а то, коли однажды онъ сбудетъ у насъ выгодно свои товары, то и другіе московскіе торговые люди, глядя на него, повадятся къ намъ сами съ товарами ѣздить, и торговлѣ нашей плохо будетъ. Никто у Лаптева, по этому сговору нѣмцевъ промежь себя, ничего не купилъ, и онъ по пусту къ нѣмцамъ съѣздилъ, а у насъ торговые люди всѣ въ-рознь бредутъ, неладица большая между ними, такъ какъ уже тутъ иноземцамъ на насъ не наступать и не брать надъ нами верхъ? Говорили тогда въ разсудъ нѣмцамъ русскіе люди: въ московскомъ государствѣ иноземцы торгуютъ, по милости нашего государя, многіе люди всякими товарами повольно, а заговоровъ у насъ, торговыхъ людей, никакихъ нѣтъ и такой неправды не посмѣемъ сдѣлать по милости государя нашего къ намъ. Говорили такъ русскія люди нѣмцамъ. Да что съ ними подѣлаешь! — они и знать ничего не хотятъ.

Поразвѣдавъ у своихъ земляковъ, а также и у другихъ толковыхъ людей о ходѣ торговли въ Москвѣ, Демьянъ Григорьевичъ могъ убѣдиться, что купеческія дѣла идутъ въ Москвѣ нисколько не лучше, чѣмъ въ другихъ русскихъ городахъ. Присмотрѣвшись же къ самымъ способамъ торговли,

онъ нашелъ, что съ добросовѣстностью тутъ тоже многаго не подѣлаешь и что такія занятія не придутся по душѣ Никитѣ. Сообразивъ все это, дядя Демьянъ пересталъ хлопотать о томъ, чтобы устроить Никиту въ Москвѣ по торговой части, и рѣшилъ, что пусть лучше онъ учится по охотѣ, нежели примется за такія дѣла, къ кототрымъ у него нѣтъ ни наклонности, ни способностей.

— Старайся, Никита, чтобъ попасть тебѣ къ мудрымъ и благочестивымъ наставникамъ, а о торговлѣ не думай, не твое она ремесло,—сказалъ однажды старикъ племяннику.

— Оно такъ, пожалуй, и выходитъ—не любо мнѣ торговое дѣло; все думается о книжной мудрости,—и при этомъ Никита разсказалъ дядѣ о своей бесѣдѣ у отца Онуфрія.

— Отецъ Онуфрій долженъ быть человѣкъ и смышленный, и ученый,—подумалъ Демьянъ Григорьевичъ,—развѣ потолковать съ нимъ о церковныхъ новшествахъ. Не вразумитъ ли онъ меня?

— Вотъ что, Никита, какъ пойдешь опять къ отцу Онуфрію, такъ попытай у него, не удѣлитъ ли онъ досужаго времени на собесѣдованіе со мною?—сказалъ Демьянъ Григорьевичъ, начавшій со времени пріѣзда въ Москву еще болѣе тревожиться вопросомъ о томъ, оставаться ли ему въ старовѣріи, или признать правильность никоновскихъ новшествъ?

Въ это время на Москвѣ стояла бурная пора. Старовѣріе крѣпко держалось въ московскихъ слободахъ, и приверженцы его все болѣе и болѣе ожесточались, вслѣдствіе поднятыхъ на нихъ гоненій и преслѣдованій. Волненія стрѣльцовъ много способствовали къ утвержденію настойчивости и развитію смѣлости среди поборниковъ древляго православія. Правительство было шатко, и даже въ самомъ царскомъ семействѣ шли раздоры, а между тѣмъ власть царевны Софіи Алексѣевны утверждалась все болѣе и болѣе. Пошли на Руси по управленію государствомъ новые, небывалые прежде порядки, и все это не могло не отзываться на общемъ настроеніи умовъ. Въ Москвѣ не умолкали еще толки о казни главныхъ вожаковъ старовѣрія—Никиты, прозваннаго никоніанцами Пустосвятомъ, и о бывшемъ протопопѣ Аввакумѣ, считавшемся у нихъ распопомъ. Упоминали также часто и о Сильвестрѣ Медвѣдевѣ, который слылъ человѣкомъ весьма

близкимъ къ правительницѣ Софіи и державшимъ сторону противниковъ патріаршей церкви. Толковали и о боярынѣ Морозовой, страстотѣрпицѣ за истинную православную вѣру при покойномъ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Вообще всѣ были въ сильно-возбужденномъ состояніи, и подъ вліяніемъ всего этого старикъ Антуфьевъ приходилъ еще въ большое смущеніе при задаваемомъ имъ самому себѣ вопросѣ: гдѣ же, наконецъ, церковная истина, на сторонѣ ли патріаршей, или на сторонѣ народной церкви?

Что касается племянника его, то Никита пока не тревожился богословскими вопросами и придерживался собственно новшествъ, не безосновательно полагая, что они скорѣе могутъ способствовать книжному ученію, нежели старовѣріе, не допускавшее, какъ тогда казалось, никакого движенія въ умственной жизни народа. Само собою разумѣется, что мысль Никиты не могла быть высказана въ такихъ выраженіяхъ, свойственныхъ современному нашему языку, но тѣмъ не менѣе въ сущности она сводилась къ такому основному положенію. Мысль эта даже и не родилась въ умѣ Никиты, но была подсказана ему его новымъ знакомцемъ, заиконоспасскимъ студіозусомъ.

— Вѣдь вотъ ревнители нашего древляго благочестія,— сказалъ онъ однажды Никитѣ,—быть можетъ, и правы, да бѣда-то въ томъ, что если послушать ихъ, то ничему кромѣ того, что̀ въ божественныхъ книгахъ написано, учиться не статочно, а межъ тѣмъ великіе святители, которыхъ они сами признаютъ богоугодными мужами, Златоустъ, Григорій и Василій, называемые отцами церкви, были не только сами люди ученые, но и другимъ внушали, что всѣмъ наукамъ учиться слѣдуетъ.

Разговоръ объ этомъ шелъ между молодыми людьми въ то время, когда Никита, зайдя, согласно уговору, въ академію, отправился вмѣстѣ съ Никаноромъ осматривать Кремль. Никита при первомъ своемъ посѣщеніи Кремля осмотрѣлъ его только мелькомъ и даже не попалъ ни въ одну изъ церквей, которыхъ въ ту пору насчитывалось въ Кремлѣ до тридцати пяти.

На этотъ разъ Никита шелъ подъ особымъ впечатлѣніемъ. На пути въ Заиконоспасскій монастырь изъ того дома, ко-

торый взялъ въ кортому Демьянъ Григорьевичъ, онъ нарочно прошелъ мимо лавки Тяботы. Лавка была заперта, но у воротъ дома, противъ обыкновенія, стояла Анфиса. Завидѣвъ ее, робкій парень смѣшался и не зналъ, идти ли ему далѣе, не рѣшаясь пройти мимо молодой женщины; но Анфиса, замѣтивъ его, ласково, вмѣсто поклона, кивнула ему головою. Никитѣ не оставалось теперь ничего болѣе, какъ пройти мимо нея, и, поровнявшись съ нею, онъ молча снялъ шапку.

— Андрей Викулычъ пошелъ къ обѣднѣ, заговорила она,—а я вышла постоять за ворота и поджидаю его прихода.

Никита окончательно растерялся и не зналъ, что̀ ему отвѣчать. Иной молодецъ заговорилъ бы на его мѣстѣ, но скромный Никита зашагалъ быстро впередъ, не обращая, повидимому, никакого вниманія на сказанное ему Анфисой.

— А какъ живется тебѣ въ Москвѣ?—окликнула его вслѣдъ Анфиса.

— Слава Богу, ничего!—отозвался Никита и ускорилъ шаги тѣмъ поспѣшнѣе, что на поворотѣ въ другую улицу показался Тябота, шедшій съ своимъ пріятелемъ.

Андрей сердито и подозрительно посмотрѣлъ на Анфису, грозно зашагалъ по лѣстницѣ, сзади приведеннаго имъ къ себѣ гостя—приказнаго Коробца, который приносилъ передъ свадьбою рядную запись Андрею и отбиралъ отъ него рукоприкладство.

Послѣ обычнаго поднесенія хозяйкой гостю чарки водки, Андрей, смотрѣвшій на жену изъ подлобья, повелительно сказалъ ей: ступай за ворота и не приходи оттуда, покамѣсть я не позову тебя.

Андрей выслалъ туда же и работницу. То же самое онъ сдѣлалъ бы и съ Прокопомъ, но Прокопа не было теперь дома, такъ какъ онъ, пользуясь воскресеньемъ, отпросился у своего хозяина на цѣлый день.

Тяботѣ нужно было остаться съ глазу на-глазъ съ приказнымъ, съ которымъ онъ хотѣлъ поговорить о чрезвычайно важномъ дѣлѣ.

XX.

Когда Никита шелъ въ Кремль вмѣстѣ съ Никаноромъ, то Красная площадь не была такъ многолюдна, какъ въ тотъ будничный день, когда онъ пришелъ туда одинъ. Теперь былъ праздникъ, и присутствія въ приказахъ не было, а потому и въ Спасскихъ воротахъ не происходило прежней давки, не было также около нихъ и площадныхъ подъячихъ, и только безмѣстные попы толпились, какъ и всегда, на Фроловскомъ мосту, ведшемъ въ Спасскія ворота. У этихъ воротъ, входящихъ въ Кремль, считавшійся вообще царскимъ жилищемъ, снимали шапки, и въ стѣнахъ Кремля ходили всегда съ непокрытыми головами.

Въ первую свою побывку въ Кремлѣ, Никита, оставшись тамъ одинъ,—какъ человѣкъ робкій, да въ добавокъ къ тому еще и заѣзжій, незнакомый съ московскими обычаями,—боялся пріостановиться, чтобы внимательно разглядѣть что-нибудь. Въ особенности пугали его стрѣльцы, стоявшіе въ Кремлѣ въ караулѣ. Чуть лишь пріостановится Никита, ему такъ и покажется, что вотъ стрѣлецъ сейчасъ же прогонитъ его не только съ мѣста, на которомъ онъ пріостановился, но и совсѣмъ выгонитъ изъ Кремля.

Совсѣмъ иначе держалъ себя студіозусъ. Онъ смѣло расхаживалъ по Кремлю и, остановившись на весьма, впрочемъ, почтительномъ разстояніи отъ царскаго дворца, далъ возможность Никитѣ внимательно разсмотрѣть наружность этого царскаго жилища.

Съ перваго разу глазамъ Никиты представилось одно, по тому времени, громадное каменное зданіе, но, вглядѣвшись немного, Никита увидѣлъ, что зданіе это состояло изъ отдѣльныхъ построекъ разной величины. Эти отдѣльныя постройки соединялись, однако, въ одно цѣлое, тѣснясь плотно одна къ другой или возвышаясь другъ надъ другомъ. Каждая отдѣльная постройка отличалась какою нибудь особенностью. На одной была крыша покатая, въ видѣ скирда, на другой—въ видѣ бочки, на третьей-въ видѣ огромной луковицы, а на четвертой — въ видѣ раскинутаго, о двухъ полахъ шатра, и вдоль заостренной верхушки этого шатра, а

также по краямъ его скатовъ, шли золоченые съ вычурными прорѣзями высокіе гребни. Надъ дворцомъ возвышались маковки и золоченыя, и обитыя блестящею жестью, и облитыя оловомъ съ разными вытиснутыми на немъ узорами. Между этими маковками поднимались башни и башенки, то съ ровными, то съ зубчатыми верхушками. Трудно было составить какое нибудь отчетливое понятіе о томъ, что̀ такое былъ тогдашній кремлевскій дворецъ, тѣмъ болѣе, что глаза разбѣгались при взглядѣ на его отдѣлку. Дворецъ представлялся какою-то пестрою громадою: не только какая нибудь цѣлая стѣна, но и отдѣльныя ея части были окрашены въ разные цвѣта, съ самыми разнообразными оттѣнками. Окна неодинаковой величины не были расположены правильными рядами, но какъ бы раскиданы въ большомъ безпорядкѣ. Въ одномъ изъ нихъ были вставлены стекла, въ другихъ—слюда, расписанная разными узорами. Въ однихъ окнахъ были золоченыя, въ другихъ—простыя крашеныя желѣзныя рѣшетки.

Внѣшняя отдѣлка дворца дополнялась поясами, то гладкими, то сдѣланными въ видѣ крупныхъ бусъ, колецъ, кружевъ или замысловатыхъ травъ и цвѣтовъ. Украшенія, то въ видѣ дуги, то въ видѣ треугольниковъ, были надъ окнами, по сторонамъ которыхъ стояли столбики—въ одномъ мѣстѣ въ видѣ кувшинчиковъ, а въ другомъ—небольшихъ четверогранниковъ, положенныхъ другъ на друга такъ, что надъ однимъ изъ нихъ, обращеннымъ наружу гладкой стороною, другой выступалъ острымъ краемъ. На стѣнахъ виднѣлись изображенія двуглавыхъ орловъ, единороговъ, драконовъ и львовъ. Стѣны дворца пестрѣли изображеніемъ травъ, цвѣтовъ, разныхъ птицъ и небывалыхъ на свѣтѣ звѣрей, и также городками, зубчиками и ячейками. Орлы и единороги, вырѣзанные изъ жести, то раскрашенные, то позолоченые, поднимались надъ башнями. Такія же прапорцы, то въ видѣ продолговатыхъ цѣльныхъ четвероугольниковъ, то съ вырѣзанными въ нихъ клиньями и прорѣзанными узорами, были разставлены во множествѣ надъ крышами дворцовыхъ строеній.

Во дворецъ, съ разстилавшейся передъ нимъ площади, вела широкая каменная лѣстница, съ вызолочеными по сто-

ронамъ ея балясами и съ такою же замыкавшею ее рѣшеткою. Лѣстница эта называлась «краснымъ крыльцомъ». На ней, въ день пріѣзда бояръ къ государю, толпились царедворцы въ парчевыхъ и бархатныхъ ферязяхъ; а съ главной ея площадки дьяки прочитывали во всеуслышаніе царскіе указы, порою милостивые, порою грозные.

Никита молча дивился великолѣпію царскаго жилища, да это сдѣлалъ бы не только какой нибудь заѣзжій сѣвчанинъ, но и любой европеецъ, такъ какъ и этотъ послѣдній нигдѣ не могъ бы увидѣть зданія такой вычурной и прихотливой постройки, какимъ былъ въ ту пору кремлевскій дворецъ.

Добротворяевъ показалъ Никитѣ и вновь выстроенный о двухъ жильяхъ каменный домъ для царевны Софіи Алексѣевны, и добавилъ, что въ нижнемъ жильѣ этого дома устроена большая палата для засѣданій боярской думы, почему и говорятъ въ народѣ, будто царевна отняла у своихъ братьевъ боярскую думу и хочетъ, вмѣсто ихъ, одна править государствомъ самовластно.

— Посмотрѣлъ бы ты, что̀ въ самыхъ-то царскихъ чертогахъ — разсказывалъ студіозусъ Никитѣ; — когда я былъ пѣвчимъ въ «патріаршей станицѣ», то мнѣ приходилось бывать тамъ по праздникамъ, и нельзя было надивиться, какія тамъ чудеса. Вотъ хоть бы въ царской «крестовой палатѣ» есть камень, на которомъ Христосъ прочелъ молитву Господню, и печать, которою былъ запечатанъ его гробъ по приказанію Пилата. А образовъ-то сколько!—Послѣ покойнаго царя Алексѣя Михайловича осталось 8,000 иконъ, а между ними не мало было чудотворныхъ. Царь былъ благочестивъ, хотя и куда какой тучный, а все же всякій день клалъ не менѣе тысячи земныхъ поклоновъ, а въ праздники и до тысячи съ половиною доходило, и въ пищѣ во время постовъ былъ крайне воздержанъ: кромѣ огурца, да куска хлѣба, по средамъ, пятницамъ и на страстной недѣлѣ, ничего не вкушалъ.

Разсказывая это, Добротворяевъ не прибавлялъ отъ себя ничего и говорилъ только то, что̀ было въ дѣйствительности. Такъ, между прочимъ, и достопамятный камень, и печать Пилата были завезены въ Москву греческими монахами, не-

извѣстно только было, къ какому времени слѣдовало отнести доставку ихъ въ Москву, но въ старинныхъ описяхъ предметы эти значились въ наличности по царской крестовой палатѣ.

— А у царевны Софіи Алексѣевны, какъ говорятъ, хоромы отдѣланы куда какъ пышнѣе, чѣмъ у самихъ государей; есть у нея и «листы» иноземные съ разными «персонами» и картинами, и цвѣты въ горшкахъ такіе, какъ нѣмцы у себя въ слободѣ разводятъ, есть у ней и заморскія птицы, и попугай—птица, которая по-человѣчьему говоритъ.

Никита, слушая своего знакомаго, покачивалъ отъ удивленія головою.

— А вотъ я слыхалъ еще въ Сѣвскѣ о Грановитой Палатѣ; что̀ она такое будетъ?—спросилъ Никита.

Студіозусъ указалъ ему рукою направо отъ «Краснаго крыльца», какъ на то мѣсто, гдѣ находилась эта палата.

— Въ Грановитой Палатѣ,—сказалъ Добротворяевъ,—цари принимаютъ чужеземныхъ пословъ. Палата эта расписана по стѣнамъ «бытейской живописью» по золотому полю, т. е. на золотѣ представлены событія изъ священнаго писанія, а также нарисованы «персоны», или лики, бывшихъ великихъ князей и царей московскихъ. Тамъ же цѣлыми горами стоитъ царская столовая утварь изъ серебра и золота, на которой царь угощаетъ пріѣзжихъ пословъ. Э, братъ,—добавилъ Добротворяевъ, махнувъ рукой,—въ Москвѣ столько богатствъ и диковинокъ, что всѣхъ ихъ и не перечтешь, и не перескажешь.

— А вотъ смотри-ка,—добавилъ онъ, пріостанавливаясь,—какъ широко раскинулись царскіе сады.

Дѣйствительно, въ ту пору сады эти занимали не только значительное пространство въ самомъ Кремлѣ, но распространялись и въ Китай-Городъ.

Никита не обращалъ на это никакого вниманія, такъ какъ ему послѣ того, что онъ сейчасъ видѣлъ, не представляла ничего любопытнаго обыкновенная зелень листвы, раскинувшейся за царскимъ дворцомъ.

Посмотрѣлъ Никита и на Чудовъ монастырь, недавно только отстроенный за ново, съ пятью его храмами, и на патріаршую палату, это обиталище московскаго и все-

россійскаго первосвятителя, съ маленькими окнами, задѣланными толстыми желѣзными рѣшетками, и съ каменными помостами и со множествомъ наружныхъ переходовъ, которое выглядывало очень сумрачно.

— Вотъ гдѣ книгъ-то множество!—сказалъ студіозусъ, указывая глазами на патріаршую палату.—Одинъ Арсеній Сухановъ, по приказанію патріарха Никона, привезъ съ Аѳона столько книгъ и рукописей, что, пожалуй, самый прилежный человѣкъ не перечитаетъ ихъ во всю свою жизнь, сколько бы она ни длилась.

— Эка вышинища!—проговорилъ вдругъ Никита, закидывая вверхъ голову, чтобъ взглянуть на золотую шапку Ивана-Великаго.

— Да, въ ней мѣры сорокъ саженъ, а съ крестомъ сорокъ семь саженъ и полтора аршина считается, а ступеней по лѣстницѣ будетъ четыреста десять.

— А изъ-за чего она прозывается ивановской?

— Потому, что прежде на мѣстѣ этой дивной звонницы стояла церковь Ивана Списателя Лѣствицы, а колокольню построилъ уже царь Борисъ Ѳеодоровичъ, для того, чтобъ дать работой при ней прокормиться народу въ голодное время.

Отъ колокольни рѣчь перешла къ колоколамъ, и любознательный студіозусъ, бывавшій часто въ Кремлѣ, оказался знатокомъ и по этой части. Онъ разсказалъ Никитѣ, что главный въ Кремлѣ колоколъ называется «Реутомъ» и вѣситъ до 2000 пудовъ, а другіе: «Медвѣдемъ», «Лебедемъ», «Новгородскимъ», «Ростовскимъ», «Нѣмчиномъ».

Показалъ также Добротворяевъ Никитѣ и «Царь-колоколъ», но не тотъ, который теперь такъ называется, а висѣвшій тогда на особой брусяной постройкѣ между колокольней Ивана Великаго и соборами Архангельскимъ и Успенскимъ, и добавилъ, что въ колоколъ этотъ ударяютъ съ большой разстановкой три раза, для извѣщенія о смерти царя или членовъ его семейства, а также и патріарха.

Осмотрѣлъ Никита и соборъ Успенскій и затѣмъ перешелъ къ Благовѣщенскому.

— А гдѣ-жь тѣ писанные мудрецы, что̀ говорилъ мнѣ твой дядя?—спросилъ Никита.

— Вотъ они, смотри — сказалъ студіозусъ, указывая Никитѣ на изображенія старцевъ и на нарисованныхъ между ними женщинъ. — Этотъ будетъ Аристотель, а на свиткѣ, что̀ онъ держитъ, видишь, написано: «первѣе Богъ, потомъ-же слово и Духъ, сіи едино». А здѣсь — Анахарсисъ, тоже ученый философъ, — и Никита на свиткѣ, который держалъ Анахарсисъ, прочелъ: «яко уныніе есть пагуба человѣкомъ и всяческимъ, я-же суть ихъ».

Посмотрѣли они и на Птоломея, у котораго на свиткѣ было написано: «иже истинный рабъ и праведный сохранитъ свою душу, а не радѣяй о своихъ путѣхъ погибнетъ».

— Ну, а жены эти, какъ-же онѣ будутъ? — спросилъ Никита.

Тутъ студіозусъ съ важностію принялся объяснять ему, что онѣ — такъ называемыя «сивиллы», т. е. прорицательницы и гадальщицы римскія, и что онѣ, хотя и язычницы, но предсказывали пришествіе Христово. Онъ объяснилъ также Никитѣ, что греческихъ мудрецовъ помѣстили въ преддверіи Успенскаго храма потому, что ихъ изреченія, написанныя на свиткахъ, находящихся въ ихъ рукахъ, научаютъ христіанъ тѣмъ-же добродѣтелямъ, о которыхъ проповѣдывали и отцы церкви.

Очень немногое понималъ Никита изъ всего того, что̀ разсказывалъ ему питомецъ Заиконоспасской академіи, но тѣмъ не менѣе ученость и познанія Никанора возбуждали въ молодомъ парнѣ охоту поскорѣе учиться самому и, если можно, то хоть впослѣдствіи сравняться съ Добротворяевымъ, который былъ годами четырьмя постарше Никиты.

«Если въ его лѣта я не буду знать столько, сколько онъ теперь знаетъ, думалось Никитѣ, то все-же, хоть и позднѣе, а дойду до того, до чего онъ дошелъ теперь, — и того съ меня будетъ».

Послѣ осмотра Кремля, Добротворяевъ и Никита пошли на обѣдъ къ отцу Онуфрію. Никита сообщилъ хозяину о желаніи своего дяди.

— Слыхалъ я объ Демьянѣ Григорьевичѣ отъ Ивана Дмитріевича Шурунова, тоже сѣвчанина, и радъ буду познакомиться съ нимъ. Проси его пожаловать ко мнѣ на этой недѣлѣ послѣ вечерень, сказалъ отецъ Онуфрій при прощаніи съ Никитой.

XXI.

Оставшись одинъ на-одинъ съ подъячимъ, Андрей выставилъ передъ нимъ водку и закуску и завелъ съ нимъ задушевную бесѣду.

— Скажу по истинѣ, не ко двору пришлась мнѣ Анфиса — началъ уже подвыпившій Тябота.—Чаялъ я въ супружеской жизни съ нею совсѣмъ иное.

— Чѣмъ-же она не по тебѣ?—спросилъ Коробецъ.

— Да ужъ больно тиха. Нисколько отпору не даетъ, а со сварливой женой, кажись, жить лучше, чѣмъ съ молчаливой. Побѣждаешь ея супротивности съ трудомъ, и тѣмъ себя какъ будто тѣшишь. Вотъ и вспомнишь не разъ мою покойницу, Агафью Мартемьяновну — ухъ, какая упорная была!.. Да и знаешь еще что̀, гульливому человѣку съ покорной женой и жить-то какъ-то совѣстно. Иной разъ подумаешь, вѣдь вотъ она ничѣмъ тебѣ не замутитъ, никакого соблазна не дѣлаетъ, а межъ тѣмъ я-то самъ и обманываю ее и добро наше общее къ чужой женкѣ изъ своего дома тащу. За то самое и отецъ Онуфрій меня прошлый разъ на духу гонялъ, гонялъ... Не пойду больше къ нему! Ну его!.. Говорилъ онъ мнѣ: дурно ты, Андрей Викулычъ, поступаешь, тѣмъ паче, что жена твоя къ тому причины никакой не даетъ. Могъ бы еще ты оправить себя передъ Богомъ, если-бы супруга твоя была грѣходѣлица, а вѣдь ты самъ говоришь, что она жена чистая, непорочная и передъ тобой покорна. Ну хоть бы въ чемъ она согрѣшила — заключилъ Тябота, — такъ на совѣсти бы у меня легче стало бы: тогда, значитъ, не даромъ бы ее исправлялъ, тогда было бы за что̀.

— Да ты поудерживалъ бы себя — посовѣтовалъ подъячій.

— Не могу. Коли въ головѣ ничего нѣтъ, то еще такъ-сякъ, а чуть попало, я себя ужъ не помню, а вѣдь ей колотушки, да побои все равно получать, что̀ отъ пьянаго,— одинаково больно, да, пожалуй, еще и хуже: вѣдь, братъ, подъ пьяную руку бьешь чѣмъ и куда попало. Хочу развестись съ ней, чтобъ отъ грѣха быть подальше, да и кто ее знаетъ: такая тихоня она, а можетъ кто нибудь ее и наустить на злое дѣло; вѣдь ты знаешь, у насъ, на Москвѣ,

жены нѣтъ-нѣтъ, да потомъ съ мужьями и расправятся... подозрительно говорилъ Андрей.

— Какъ не знать,—перебилъ подъячій,—всякіе способы къ тому найдутся.

— Такъ скажи мнѣ, Прохоръ Акимычъ, какъ мнѣ съ разводомъ быть?

— Въ прежнюю пору дѣлалось это куда какъ просто—началъ подъячій;—бывало, дастъ мужъ женѣ разводное письмо, ну и ступай жена куда хочетъ, а нынѣ не то: еще патріархъ Филаретъ Никитичъ письма такія давать воспретилъ, а установилъ супружескій разводъ по церковнымъ правиламъ. Да вотъ что — ступай-ко, братъ, въ монахи, тогда и она должна постричься...

— Что ты?—Изъ-за какой благодати я въ монахи пойду?—вскрикнулъ Тябота;—да я въ монастырѣ-то въ первый же день на цѣпь попаду, а не то колоду на ноги или рогатку на шею набьютъ, да еще отецъ-игуменъ плетями отжарить велитъ. Вишь что придумалъ! — добавилъ Андрей, захохотавъ во все горло.—А съ чего жь святѣйшій патріархъ разводныя письма отставилъ?—вѣдь съ ними легко было отъ женъ отдѣлываться.

— Браки уже больно зазорны у насъ стали. Ты, конечно, никакихъ царскихъ указовъ и грамотъ не знаешь, а мнѣ-то они нужны бываютъ, и потому я ихъ у себя записываю, и, говоря это, подъячій вытащилъ изъ-за пазухи свертокъ бумагъ. Вотъ послушай, что̀ въ грамотѣ своей писалъ Филаретъ Никитичъ. Служилъ я одной порой въ патріаршемъ приказѣ, такъ тамъ и повыписалъ все, что̀ мнѣ пригожимъ показалось.

Перебравъ нѣсколько листовъ, положенныхъ на столъ, подъячій откашлялся и началъ читать слѣдующее:

«Многіе русскіе люди поимаютъ за себя сестры свои родныя и двоюродныя, и кумы крестныя, а иные и на матерей посягаютъ блудомъ, и женятся на дочеряхъ, и сестрахъ, еже и въ поганыхъ, не знающихъ Бога, не обрѣтается; а иные жены свои въ деньгахъ закладываютъ на срокъ и отдаютъ тѣхъ женъ своихъ въ закладъ мужья ихъ сами, а тѣ люди, у которыхъ онѣ бываютъ въ закладѣ, съ ними до сроку, покамѣсть которой жены мужъ не выкупитъ, блудъ

творятъ беззазорно, и какъ тѣхъ женъ на сроки мужья не выкупятъ, и они ихъ продаютъ на воровство же и въ рабство всякимъ людямъ». Такъ видишь, какъ въ недавнюю еще старину велось у насъ, такъ тогда и разводное письмо грѣхомъ нечего было почитать, потому что отдача въ закладъ жены мужемъ была уже прямымъ воровствомъ передъ людьми и окаянствомъ передъ Богомъ.

— Или вотъ еще что̀ писалъ царь Алексѣй Михайловичъ патріарху Никону — сталъ читать подъячій, выбравъ другой листокъ:

«Во время мора, изъ страха смерти, мужья отъ женъ постригались, а жены отъ мужей, а послѣ мора многіе живутъ на своихъ дворахъ съ женами, и многіе постриженные въ рядахъ торгуютъ».

— Знаю, знаю я такихъ монаховъ — перебилъ весело Андрей — вотъ хоть бы Поликарпъ Мироычъ. Ему бы въ лавкѣ въ клобукѣ съ четками сидѣть слѣдовало, да отцомъ Парфеніемъ, по постриженію, называться, а онъ о томъ и не думаетъ. Приставъ-то изъ Андроньевскаго монастыря сколько ужъ разъ за нимъ приходилъ и на расправу въ святую обитель тянуть принимался, иной разъ и поведетъ его, да на дорогѣ, разумѣется, не даромъ, отпуститъ, а потомъ самъ Поликарпъ къ отцу настоятелю на поклонъ сходитъ, да разные дары поднесетъ, такъ въ покоѣ его на время и оставятъ.

— Да ты слушай, что̀ царь-то патріарху писалъ. Писалъ онъ вотъ что́: «Многіе постриженные въ рядахъ торгуютъ, пьянствуютъ и воровство умножилось»... А святѣйшій патріархъ отъ себя грамоту о томъ разослалъ, да потомъ, какъ въ церкви пошли нелады, такъ ужъ теперь и не до монаховъ. Такъ ты вотъ и постригись, тогда Анфиса Семеновна тоже должна будетъ невольно постричься, а потомъ ты изъ монастыря уйди, объявись міряниномъ, да и женись на третьей. По «Уложенію», да и по «новоуказнымъ статьямъ», за то никакого наказанія не полагается, а пойдешь просить развода законно, по правиламъ святыхъ отецъ, такъ на разныя препоны натыкаться будешь. Умный я тебѣ совѣтъ даю, повѣрь мнѣ. Въ монастырѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отъ тоски и не умрешь, и не исчахнешь...

— Совѣтъ-то твой ужъ больно хитеръ, подумать нужно; а ты мнѣ лучше скажи, какъ по церковнымъ правиламъ нынѣ съ женой разойтись можно? Что монастырь?.. Попадешь разъ туда, а тамъ, чего добраго, глядишь — раньше чѣмъ на волю выберешься, въ Соловки угодишь...

— По церковнымъ правиламъ разведутъ тебя тогда, буде бы жена твоя знала бы чей либо злой умыселъ противъ царя, да не сказала бы противъ того «государева слова и дѣла» — началъ приказный.

— Ну, это не подходитъ — отозвался Андрей; — какой ей злой умыселъ знать противъ великаго государя?

— Буде бы ты уличилъ ее въ прелюбодѣяніи.

— Да какъ ее уличишь? За ней этого грѣха пока не водится.

— Буде бы стала она умышлять на твою жизнь, или, зная, что кто другой на то посягаетъ, не объявила бы объ этомъ.

— Да какъ о томъ довѣдаешься?.. Можетъ и умышляетъ, кто ее знаетъ, чтò у ней на умѣ... Пробормоталъ Андрей. — Ну, а дальше?

— Буде противъ воли твоей стала бы пировать или мыться въ банѣ съ чужими мущинами — продолжалъ Коробецъ.

— Ну, ее ни на какіе пиры изъ дому и силой не выгонишь, не охоча она до нихъ, да и въ баню-то безстыдно не пойдетъ. Притомъ вѣдь это у насъ въ обычаѣ, такъ и разводить въ такомъ случаѣ не за чтò.

— Оно точно, что за это у насъ не разводятъ, а по церковнымъ правиламъ надлежало бы — наставительно добавилъ подъячій. — Вѣдь ты у меня о церковныхъ правилахъ пытаешься, такъ я тебѣ ихъ и вычитываю на память, а ты ужь самъ выбирай такое правило, какое тебѣ гоже будетъ.

— Буду слушать.

— Должны развести тебя съ Анфисой и тогда, буде она безъ твоего позволенія провела бы ночь не въ твоемъ домѣ, развѣ токмо проночевала у своихъ родителей, въ такомъ разѣ причины къ разводу нѣтъ.

Андрей снова захохоталъ.

— Пойди-ка, чтò святые отцы выдумали! Да вѣдь такъ полъ-Москвы развести бы привелось. Нѣшто мало наши бабы

загуливаютъ? — Да иныя изъ нихъ къ-ряду по нѣсколько ночей отъ мужей пропадаютъ! Ну, а меня, буде бы я не переночевалъ дома, небось, тоже развели бы съ женою? — подперши руки въ бока, спросилъ Андрей подъячаго.

— Нѣтъ, ни тебя и никакого другого мужа за ночлегъ на сторонѣ не развели бы, а развели бы тебя тогда, буде бы ты сталъ грѣшить съ чужою женою въ своемъ домѣ, или буде бы ты не унялся отъ такого грѣха хоть и на сторонѣ, но послѣ того, какъ тебя бы единожды въ томъ обличили.

— Предиковинныя ты мнѣ околичности разсказываешь. Ничего такого прежде я не слыхивалъ. Вишь вѣдь, какъ ты приспособился: все знаешь. Ну, а за что̀ бы еще развели меня съ Анфисой?

— Развели бы тебя за то, буде бы ты узналъ, что она умышляетъ зло на государя, или бы ты покушался на ея жизнь, или не защитилъ бы ее отъ убійцы, или продалъ бы ее для прелюбодѣянія другому, или буде сталъ бы обвинять ее въ плотскомъ грѣхѣ, да того не доказалъ бы передъ судомъ духовнымъ...

— А я думалъ, что развестись съ женой будетъ гораздо легче: просто-на-просто сунулъ ей въ руку разводное письмо, да и ступай она на всѣ четыре стороны, куда хочетъ, а выходитъ, значитъ, не то: поди, судись съ ней.

— Говорятъ тебѣ, что такъ было предъ сего, а нынѣ иные завелись порядки—отвѣтилъ Коробецъ.

— Ну, а скажи-ко, что мнѣ будетъ, коли бы я, примѣромъ, убилъ Анфису?—запальчиво крикнулъ Андрей.

— По «Уложенію» за то никакого наказанія не полагается, а когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, простой человѣкъ, Ивашко Долгой, повинился въ убійствѣ жены своей, то великій государь указалъ бить его кнутомъ и отдать на чистыя поруки, т. е. отпустить его куда онъ идти похочетъ, и не было даже указано, чтобъ бить его «нещадно», а такъ, побить его ради лишь страха; выходитъ, что онъ лишь спиной, да и то только слегка поплатился.

Андрей промычалъ что̀-то и призадумался. Подъячій, помалчивая, пропускалъ чарку за чаркой, но замѣтно было, что на его плечахъ сидѣла крѣпкая голова: сколько онъ ни пилъ, онъ не терялъ ни памяти, ни разсудка, и даже послѣ

самой сильной попойки стоялъ твердо на ногахъ. Совершенно иное дѣлалось съ Андреемъ. Языкъ его, послѣ нѣсколькихъ чарокъ, начиналъ заплетаться, и онъ, сидя на лавкѣ, клевалъ носомъ въ столъ.

— Такъ, значитъ, уйти мнѣ что ли отъ Анфиски въ монастырь? Такъ ты говоришь?.. Какъ же! Пойду-ка я лучше въ пономари, да оттрезвоню ее хорошенько—бормоталъ онъ, безсмысленно глядя на подъячаго. А ты съ чего вздумалъ меня въ монастырь посылать?—вдругъ крикнулъ онъ.—Меня въ монастырь спровадить хочешь, а Анфиску къ себѣ переманить? Ахъ ты — страдникъ эдакой! Ахъ ты — окаянный! Зачѣмъ ты только ко мнѣ и пришелъ! А?..

— Помилуй, Андрей Викулычъ, да развѣ не ты самъ запросилъ меня къ себѣ на совѣтъ въ гости? Вѣдь не безъ зова, не самъ по себѣ я пришелъ къ тебѣ—перебилъ удивленный подъячій.

— Вонъ пошелъ!.. Разнесу тебя... закричалъ Андрей, поднимаясь съ лавки.

Коробецъ видѣлъ, что Андрей сталъ приходить въ изступленіе, и что съ нимъ не будетъ теперь уже никакого ладу. Струхнувшій подъячій схватилъ со стола свертокъ своихъ выписей, быстро скомкалъ ихъ, засунулъ за пазуху и поторопился выбраться изъ горницы. Андрей поплелся слѣдомъ за нимъ, а Коробецъ ускорялъ свой побѣгъ отъ расходившагося хозяина. Тябота, осыпая его вслѣдъ бранью и угрозами, выбрался кое-какъ на крыльцо.

— Чего ты за воротами-то стоишь! — крикнулъ онъ на жену.—Ступай сюда!.. Съ чего ты взяла за ворота выбѣгать.

— Самъ ты, Андрей Викулычъ, изъ дома меня выслалъ и приказалъ побыть за воротами. Нѣшто забылъ?—а я, какъ ты велѣлъ, такъ и сидѣла,—попыталась было оправдаться Анфиса, говоря съ мужемъ почтительно и кротко.

— Постой, вотъ я тебя въ монастырь запру—крикнулъ Андрей, входя въ избу.—Знаю я теперь, какъ съ тобой справиться. Добрые люди научили меня.

— Во всемъ твоя супружеская воля, Андрей Викулычъ—покорно проговорила Анфиса, идя за нимъ.

— Пойду и я въ монастырь... Разнесу всѣхъ монаховъ и игуменовъ!.. Какъ же, дамся я имъ, чтобъ они меня на

цѣпь посадили! Да, что въ самомъ дѣлѣ, развѣ я имъ Цѣганка что ли достался?.. До архіереевъ доберусь, до самого патріарха! Всѣхъ ихъ разнесу!.. бурлилъ Андрей, пробираясь въ горницу!—Анфиска, иди сюда!

Дрожа, переступила бѣдная женщина порогъ немилаго ей дома. Въ горницѣ послышались шумъ, стукъ и брань, и Анфиса вышла оттуда, заливаясь слезами.

XXII.

Когда, послѣ вечерни, Демьянъ Григорьевичъ пришелъ, согласно приглашенію, къ отцу Онуфрію, то засталъ его за работою на огородѣ. Въ ту пору въ Москвѣ разводили въ огородахъ только самыя простыя овощи, но отецъ Онуфрі пытался было выростить и дыни, сѣмена которыхъ были недавно лишь привезены въ Москву, какъ говорятъ, изъ Даніи. На довольно обширномъ огородѣ у отца Онуфрія росли: лукъ, горохъ, морковь. Преимущественно же онъ разводилъ капусту и рѣдьку, которыя были изстари самою любимою растительною снѣдью русскаго человѣка. Тогда каждый огородъ служилъ не только для удовлетворенія хозяйственныхъ потребностей, но имѣлъ еще нѣкоторое значеніе и во врачебномъ отношеніи, такъ какъ въ старину русскіе люди приписывали цѣлебную силу даже самымъ простымъ овощамъ; такъ, доморощенные лекаря утверждали, что, напримѣръ, «рѣпа помыслы движетъ», а «лукъ ободреніе творитъ».

Завидѣвъ гостя, которому поповская работница отворила ворота, отецъ Онуфрій, прекративъ работу, поспѣшно пошелъ къ нему навстрѣчу и, ласково встрѣтивъ Антуфьева, ввелъ его въ горницу. Попадья поднесла гостю чарку водки, но при этомъ отецъ Онуфрій не кланялся гостю въ ноги, а гость, съ своей стороны, исполнивъ эту обрядность, не просилъ хозяина, какъ слѣдовало бы по общему обычаю, цѣловать хозяйку, такъ какъ и то и другое было бы «зазорно» для «духовнаго чина», но самъ Антуфьевъ, будучи человѣкъ уже старый, выпивъ чарку, поцѣловался съ попадьей съ щеки на щеку три раза. Исполнивъ обязанность хозяйки, попадья ушла въ свою свѣтлицу, а между хозяиномъ и

гостемъ, послѣ необходимаго вступленія во взаимное знакомство, началась бесѣда, въ которой Демьянъ Григорьевичъ надѣялся найти успокоеніе своихъ сомнѣній относительно старовѣрія и церковныхъ новшествъ.

— Въ исправленіи церковныхъ книгъ надобность, пожалуй, и настояла, говорилъ отецъ Онуфрій, да для кого—для духовныхъ иль для мірянъ? Для духовныхъ оно, почитай, и нужно было бы, да и то не для всѣхъ; вѣдь наши попы и монахи, да, чего добраго, и архипастыри, какъ по старымъ, такъ и новымъ книгамъ мало понимаютъ, а по церквамъ поютъ и читаютъ такъ неистово, что съ голоса церковниковъ простецъ ничего разобрать не сможетъ, да и это не должно затруднять молящихся, если бы они усердствовали духомъ Господу Богу. Вотъ, примѣромъ, латыняне, тѣ совсѣмъ на непонятномъ мірянамъ языкѣ поютъ и читаютъ по своимъ божницамъ, а говорятъ, что у нихъ исправнѣе, чѣмъ у насъ, люди молятся и что они, какъ достоитъ, съ благоговѣйнымъ страхомъ божественную службу слушаютъ, а у насъ что̀ по церквамъ бываетъ—соблазнъ да и только!

— По твоему, значитъ, отецъ Онуфрій, церковныхъ книгъ лучше бы не исправлять?—выжидательно спросилъ Демьянъ Григорьевичъ.

— Пожалуй, что такъ. Весь-то расколъ начался изъ-за пропуска буквы «а» въ символѣ вѣры, да слова «огнемъ» при крещенскомъ водосвятіи. Простецы сами по себѣ бы и не замѣтили, да начетчики подхватили, а затѣмъ къ церковной распрѣ приложилась еще мірская ярость. Не похваляю я тѣхъ гоненій, какія воздвигли на раскольниковъ: вѣдь и по ученію апостольскому заблудшихъ подобаетъ обращать вразумленіемъ и кротостью, а не казнями и пытками.

— Ну, а что̀ же будетъ истиннѣе—старыя или новыя книги?—спросилъ не безъ усилившагося волненія старикъ.

— Трудно, Демьянъ Григорьевичъ, рѣшить такое недомысліе, а скажу тебѣ только одно: истину утверждаютъ не буквой, а духомъ. Справка книгъ ученія Христова не измѣнила, не поколебала и не извратила, и, по моему разумѣнію, молиться можно и по старымъ, и по новымъ книгамъ одинаково. Это не грѣхъ и не бѣда, а вотъ коли начнешь нарушать заповѣди Господни и перестанешь блюсти себя въ

чистотѣ духовной, то не спасешься ни по старымъ книгамъ, ни по новымъ.

— А что же ты думаешь, отецъ Онуфрій, о двухперстномъ знаменіи и о хожденіи пò-солонь? — запытался Антуфьевъ.

— Думаю я, по елику заповѣди Божіи въ томъ, какъ креститься или какъ ходить со крестами и иконами человѣкамъ не дано, то тутъ нарушенія праведности передъ Господомъ не можетъ быть, и почитаю я, что дѣло это помѣстное, а не вселенское, глядя по тому, гдѣ какой обычай искони установился. Была бы моя воля, не рознилъ бы я святой нашей церкви изъ-за такихъ вопросовъ, а велѣлъ бы совершать божественную службу въ одной и той же церкви и по старымъ, и по новымъ книгамъ, да и обряды допустилъ бы и тѣ и другіе. Вѣдь этого и первоначальные наши церковные наставники, греки, въ своей землѣ держались и понынѣ держатся. Да, сказать по правдѣ, теперь такая уступка будетъ дѣломъ запоздалымъ: народъ ужъ крѣпко ожесточили противъ патріаршей церкви, и онъ къ ней снова не пойдетъ.

Изъ дальнѣйшаго собесѣдованія съ хозяиномъ, Демьянъ Григорьевичъ могъ убѣдиться, что хотя отецъ Онуфрій и слылъ попомъ умнымъ и ученымъ, такъ какъ учился у грековъ, но что и онъ не въ состояніи утвердить его, Антуфьева, въ правильности никоновскихъ новшествъ и что, пожалуй, и самъ отецъ Онуфрій ни что иное, какъ только «трость, колеблемая вѣтромъ».

Когда Демьянъ Григорьевичъ, какъ хорошій начетчикъ божественныхъ книгъ, начиналъ предлагать своему собесѣднику частные вопросы или дѣлалъ съ своей стороны какія нибудь возраженія, то отецъ Онуфрій затруднялся вступать съ нимъ въ препирательства. Это было, впрочемъ, понятно, такъ какъ, если даже и теперь наши духовные пастыри не подготовлены къ состязаніямъ съ бойкими и свѣдущими старовѣрами, то въ ту пору такая неподготовка была еще замѣтнѣе. Приверженцы же старой церкви получили въ наслѣдіе множество доводовъ и указаній на истинность прежней церковности, а никоніанамъ, захваченнымъ въ-расплохъ, некогда, да и не по чему было приготовиться къ отпору противъ наступавшихъ на нихъ противниковъ государствен-

ной церкви, умудренныхъ въ изъясненіи священнаго писанія по стариннымъ толковникамъ.

Въ то время, когда продолжалась бесѣда между гостемъ и хозяиномъ, въ ворота поповскаго дома послышался сильный и тревожный стукъ. Работница отца Онуфрія отворила ворота.

— Батька дома?—спросилъ прерывающійся отъ затрудненнаго дыханія женскій голосъ.—Пусть бѣжитъ скорѣй къ намъ, Анфиса Семеновна кончается: исповѣдалъ бы, да пріобщилъ бы ее отецъ Онуфрій.

На стукъ въ ворота и на говоръ прибѣжавшей женщины вышелъ отецъ Онуфрій вмѣстѣ съ Демьяномъ Григорьевичемъ.

Запыхавшаяся баба принялась скороговоркой разсказывать, что Анфиса Саменовна съ утра была здоровехонька, да только что-то ужь больно скучала и словно металась изъ угла въ уголъ, нигдѣ, какъ будто, мѣста себѣ не находила, потомъ сѣла она на крыльцѣ и долго плакала, а затѣмъ вдругъ ее схватила ни съ того, ни съ чего злая немочь, а теперь вѣрно ужь Богу душеньку отдала, такъ ей, бѣдной, плохо стало.

— Анфиса Семеновна—дочь моя духовная, жена Андрея Викулыча Тяботы, моего прихожанина, проговорилъ съ видимымъ участіемъ отецъ Онуфрій, покачивая въ недоумѣніи головою.

— Видалъ я ее недавно, женщина она, кажись, такая здоровая, да и молодая,—замѣтилъ Антуфьевъ.

— Бѣги, баба, скорѣй домой, а я тотчасъ приду,—сказалъ отецъ Онуфрій и, распростившись съ гостемъ, отправился напутствовать умирающую.

XXIII.

Когда отецъ Онуфрій подходилъ къ дому Тяботы, то около воротъ этого дома набралась уже порядочная кучка народу, особенно много была бабъ. Работница Андрея, Настасья, бѣжавшая по улицѣ, каждому встрѣчному и каждой встрѣчной кричала, что хозяйку ее схватила вдругъ какъ-то лихая немочь и что она умираетъ. Вѣсть эта разнеслась по околотку, и сосѣди и сосѣдки быстро сбѣжались, одни изъ

участія къ Анфисѣ, но бо̀льшая часть только изъ любопытства, желая узнать поскорѣе, что̀ такое случилось. Въ собравшейся толпѣ шли разные толки.

— Пострѣлъ, надо быть, ее хватилъ,—говорила одна изъ сосѣдокъ.

— Какой пострѣлъ?—вмѣшался пожилой мѣщанинъ;—нѣшто пострѣлъ бьетъ бабъ, да еще такихъ молодыхъ, вѣдь, Анфиса-то четвертый или пятый годъ только за-мужемъ, и двадцати-то лѣтъ ей еще не будетъ.

— «Окормили», видно, ее,—догадывалась другая баба;—развѣ на Москвѣ лихихъ людей мало, а у Андрея-то Викулыча много недруговъ найдется.

— Окормили и есть,—подхватила какая-то старуха,—а то съ чего вдругъ бабенкѣ такъ плохо пришлось, что, пожалуй, она ужь и къ Богу отошла, а коли теперь не отошла, такъ къ ночи умретъ неотмѣнно.

— Анфиса-то умерла!—затараторили вдругъ въ толпѣ. Начались оханія, аханья, причитанія, поматываніе головами и причмокиваніе губами, какъ выраженія удивленія, сожалѣнія и сомнѣнія на счетъ причины, вызвавшей внезапную болѣзнь и смерть молодой и здоровой женщины.

Войдя въ горницу, гдѣ уложили на постель Анфису, отецъ Онуфрій увидѣлъ, по признакамъ болѣзни, что Анфиса была отравлена. Хотя первые припадки какъ будто и поутихли, но Анфиса лежела безъ движенія, откинувъ назадъ голову, а по временамъ судороги подергивали ея руки и ноги и пробѣгали по блѣдному лицу и по посинѣвшимъ губамъ. Онуфрій приказалъ работницѣ принести парного молока и отпаивать больную имъ какъ можно чаще. Парное молоко было единственнымъ, въ ту пору, средствомъ, употреблявшимся повсемѣстно на Руси при быстро проявлявшейся отравѣ. Толпа, собравшаяся за воротами, съ приходомъ священника вошла во дворъ и стала подниматься на крыльцо, желая посмотрѣть, что̀ дѣлается въ горницѣ. Приказаніе, данное работницѣ отцемъ Онуфріемъ, подало поводъ къ болѣе положительнымъ толкамъ о причинѣ болѣзни, а, пожалуй, и неизбѣжной смерти молодой женщины.

— Окормили Анфису,—загалдѣли въ толпѣ,—такъ и есть, что окормили, вотъ и батька молокомъ отпаивать велѣлъ.

Пользы-то въ томъ, кажись, и не будетъ, а вотъ бы позвать Ѳеклушу, такъ она зельемъ или наговоромъ скорѣе бы пособила.

Отецъ Онуфрій, между тѣмъ, стоялъ у постели передъ Анфисой, которая лежала, попрежнему, съ закрытыми глазами.

— Исповѣдываться хочешь? — спросилъ тихо онъ.

Въ отвѣтъ на это Анфиса утвердительно кивнула головой, а отецъ Онуфрій приказалъ выдти всѣмъ изъ горницы, а также и сойти съ крыльца и лѣстницы. Когда приказаніе его было исполнено, хотя и неохотно, тѣми, къ кому оно относилось, онъ началъ исповѣдь Анфисы. Она тихо говорила, слабымъ, дрожащимъ голосомъ. Отецъ Онуфрій внимательно и съ соболѣзнованіемъ выслушалъ ее исповѣдь, нѣсколько разъ прерываемую слезами. Онъ призадумался, когда пришлось дать Анфисѣ разрѣшеніе отъ грѣховъ, содѣянныхъ ею словомъ, дѣломъ и помышленіемъ, вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ. Тяжело вздохнувъ, со слезами, навернувшимися на глазахъ, онъ прикрылъ ей голову эпитрахилью, прочиталъ разрѣшительную молитву и пріобщилъ Анфису, которая послѣ того впала въ забытье.

Посмотрѣвъ, молча, на нее и замѣтивъ, что она какъ будто успокоилась, отецъ Онуфрій вышелъ на крыльцо и позвалъ туда бывшую во дворѣ работницу.

— А гдѣ же твой хозяинъ? — спросилъ онъ.

— Да вотъ ужъ другой день, какъ онъ запропалъ, — таинственно полушопотомъ сообщила работница. Хозяйка сильно о немъ тосковала. Да по правдѣ сказать, не стоитъ онъ того, поскудникъ!.. Прокопъ пошелъ его искать. А что, отецъ Онуфрій, будетъ Анфиса Семеновна жива?—добавила съ безпокойствомъ Настасья.

— Въ животѣ и смерти Богъ воленъ, а ты ее одну не покидай, надо за ней уходъ имѣть. Побудь около нея, попой молокомъ, а я тебѣ на смѣну попадью мою пришлю,—говорилъ отецъ Онуфрій, сходя съ лѣстницы.—Изъ воротъ дома Тяботы онъ вышелъ съ печальнымъ и задумчивымъ лицомъ.

Стоявшая передъ домомъ Тяботы толпа не расходилась, ожидая, что Анфиса скоро умретъ и что поэтому долго ждать не придется. Между тѣмъ въ толпѣ шли разные толки о болѣзняхъ, порчахъ, отравахъ, волшебствахъ и чародѣй-

ствахъ. Толки эти обнаруживали невѣжество и суевѣріе тогдашнихъ жителей Москвы и свидѣтельствовали, что «окормить», или, по нынѣшнему, отравить кого нибудь, было въ Москвѣ дѣломъ довольно обычнымъ.

Все это нельзя, однако, ставить въ укоръ московскому населенію. Въ ту пору даже образованные парижане стояли не выше москвичей ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніи, коль скоро дѣло касалась волшебства или отравы.

Въ исходѣ XVII столѣтія, т. е. около того времени, къ которому относится нашъ разсказъ, въ отдаленныхъ частяхъ Парижа, близь вала, окружавшаго тогда этотъ городъ, скучивалось множество маленькихъ домиковъ, населенныхъ женщинами, которыя слыли колдуньями. Къ этимъ женщинамъ, занимавшимся предсказаніемъ будущаго, пріѣзжали знатныя парижанки или въ маскахъ, или съ лицами, закрытыми густыми черными вуалями. Подъ руководствомъ этихъ колдуній, пріѣзжія дамы молились Богу и его угодникамъ о скорой смерти нелюбимыхъ мужей. Такая молитва была только первымъ приступомъ къ изведенію немилаго имъ, опостылаго супруга. Далѣе шли болѣе дѣйствительные пріемы для достиженія такой цѣли, съ тою впрочемъ разницею, что они были несравненно утонченнѣе, нежели пріемы московскихъ колдуній. Тогда какъ наши вѣдуньи давали подъ видомъ нашептанныхъ зельевъ болѣе или менѣе сильныя отравы — преимущественно мышьякъ — французскія вѣдуньи снабжали парижанокъ особо-приготовленными тонкими ядами, при употребленіи которыхъ трудно было замѣтить признаки отравленія, или же пропитывали сорочку мужа, привезенную его супругою, сильнымъ растворомъ мышьяка. Отъ такой сорочки дѣлалось воспаленіе, оканчивавшееся смертью того, кто ее носилъ, и тогдашніе врачи долго не могли доискаться причины загадачной смерти.

Въ то же время суевѣріе господствовало среди французовъ нисколько не менѣе, чѣмъ у насъ. Изящныя дамы носили для счастья подъ нижнею частью корсетовъ такъ называемую «main de gloire», высушенную на солнцѣ руку висѣльника. Онѣ вѣрили въ pistole volante—неразмѣнную монету, которая, послѣ ея израсходованія, возвращалась обратно

въ карманъ, какъ возвращается птичка въ свое гнѣздышко, только навремя покинувшая его.

Если у насъ отыскивали клады при помощи разныхъ чаръ и заклинаній, то это же самое происходило, около того времени, и во Франціи, и даже при бо̀льшихъ еще суевѣрныхъ обрядахъ. При отыскиваніи кладовъ, католическіе священники являлись на мѣсто поисковъ съ зажженными черными восковыми свѣчами. Но этимъ обрядомъ не ограничивались чары при предпринимаемыхъ поискахъ золота. Нѣкоторые изъ обвиняемыхъ и ихъ духовные отцы, между прочимъ, безъ пытокъ показывали, что они для того, чтобъ достать золото, клали рожающую женщину среди черныхъ восковыхъ свѣчей и, когда являлся на свѣтъ младенецъ, то священникъ убивалъ его, и кровь убитаго ребенка служила таинственною силою для новыхъ волхвованій. Священники, для успѣшнаго отыскиванія золота, служили такъ называемую «дьявольскую обѣдню, т. е. освящали, какъ на алтарѣ, святые дары на животѣ до-нага раздѣтой женщины...

На Руси, случаи отравленія хотя и были вообще часты, но они почти всюду ограничивались только отравленіемъ мужей женами и, надобно сказать, что такія преступленія большею частью проходили безнаказанно, такъ какъ трудно было уличить виновныхъ. Во Франціи же главнымъ образомъ имѣлось въ виду при отравленіяхъ полученіе наслѣдства, и тамъ даже былъ въ большомъ употребленіи приготовляемый для этого особый порошокъ, называвшійся «poudre de succession».

Въ концѣ XVII вѣка, въ Парижѣ всѣ боялись отравы, почему ходили въ гости съ своими собственными столовыми приборами. Если у насъ, около той же поры, возили на рѣку бѣлье государя, государыни и членовъ ихъ семейства подъ надзоромъ боярыни, въ ящикахъ, запечатанныхъ царскою печатью, то подобныя предосторожности были еще болѣе распространены во Франціи. Тамъ въ каждомъ домѣ, изъ боязни отравы, мыли бѣлье подъ присмотромъ хозяйки. Послѣ же отравленія извѣстной актрисы Адріенны Лекувреръ, французскія дамы не принимали подносимыхъ имъ букетовъ цвѣтовъ, боясь отравы. Чародѣйство было соединено во Франціи съ отправленіемъ церковныхъ обрядовъ. Тамъ для волхво-

ваній освящали ящерицъ, разныхъ гадовъ и истолченныя въ порошокъ кости мертвецовъ.

Поэтому, не должно нисколько казаться страннымъ, что у насъ въ былую пору скоропостижную смерть или внезапную болѣзнь относили къ отравѣ или къ волхвованію. Болѣзнь Анфисы, угрожавшую ей смертью, молва сосѣдокъ приписывала отравѣ, и словоохотливымъ кумушкамъ-сосѣдкамъ представлялся теперь случай поболтать о томъ вволю, а когда заходила рѣчь, кому же нужна была смерть Анфисы, то мнѣніе всѣхъ сводилось къ тому, что виновнымъ въ этомъ случаѣ не могъ быть никто иной, какъ только Тябота, желавшій отдѣлаться поскорѣе отъ нелюбимой имъ жены.

Прокопъ обѣгалъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ онъ предполагалъ найти своего хозяина, но поиски его были напрасны. Онъ забѣжалъ и къ Семену Яковлевичу, чтобъ извѣстить его о болѣзни Анфисы. Въ это время старикъ самъ былъ сильно боленъ, а Маремьяна Ивановна тотчасъ же побѣжала къ своей дочери. Анфиса, какъ казалось, спала, когда къ ней вошла мать, которая изъ разспросовъ работницы не могла узнать ничего обстоятельнаго. Она присѣла возлѣ постели и, когда Анфиса открыла глаза, то Маремьяна Ивановна начала было разспрашивать, что́ такое съ нею приключилось. Анфиса, повидимому, безучастно относилась къ этимъ разспросамъ, не отвѣчая на нихъ ни полслова. Она стала тяжело дышать и слезы потекли по ея щекамъ. Маремьяна Ивановна, всхлипывая и обливаясь слезами, безпрестанно крестила Анфису и перечитывала не только всѣ, напамять знакомыя ей молитвы, но и изъ глубины сердца слагала свои собственныя, прося въ нихъ Бога, Пречистую Владычицу и святыхъ угодниковъ объ исцѣленіи Анфисы отъ поразившей ее болѣзни. Она также была увѣрена, что Анфиса отравлена, и приписывала это злодѣйское дѣло Андрею, но никому не высказывала этой ужасной догадки.

Въ то время, когда Маремьяна скорбѣла и убивалась надъ своею умирающею дочерью, толпа, собравшаяся передъ домомъ Тяботы, не только не уменьшалась, но, напротивъ, увеличилась еще болѣе вновь прибывшими мущинами и женщинами.

— А вотъ и ея полюбовникъ идетъ! — громко крикнула одна изъ женщинъ, бывшихъ въ толпѣ.

Слова эти относились къ Никитѣ, который, не зная ничего о томъ, что̀ происходило теперь въ домѣ Тяботы, шелъ по другой сторонѣ улицы. Крикнула это та самая баба, которая однажды подмѣтила, какъ Анфиса заговорила съ молодымъ парнемъ въ то время, когда онъ проходилъ мимо лавки Андрея, и ей этого было уже достаточно, чтобы, при болтливости и охотѣ оговорить кого-нибудь, признать ни въ чемъ неповиннаго Никиту любовникомъ молодой женщины.

— А вѣдь Анфиса-то Семеновна! — закричала вслѣдъ Никитѣ сплетница,—приказала долго жить.

Первый возгласъ бабы не произвелъ на Никиту никакого дѣйствія; молодой парень и не подозрѣвалъ даже, что эти слова могутъ относиться къ нему. Но когда онъ услышалъ имя Анфисы съ добавленіемъ, что она умерла, онъ остолбенѣлъ и не зналъ, что̀ ему дѣлать. Онъ хотѣлъ было спросить — что̀ случилось? — но у него не достало духу, и онъ, пораженный этой неожиданной вѣстью, быстро повернулъ въ ближайшій закоулокъ, предположивъ какъ нибудь стороной поразвѣдать объ Анфисѣ, на что̀ онъ не рѣшался теперь, видя толпу народа, которая стояла передъ домомъ Тяботы.

XXVI.

Наступилъ вечеръ, наступила и ночь, а Тябота все еще не возвращался. Прокопъ безпокоился о своемъ хозяинѣ, зная его привычку не запивать слишкомъ крѣпко на сторонѣ, а дѣлать это у себя дома. Ночь провела Анфиса довольно спокойно и на утро почувствовала себя лучше. Напрасно разспрашивала ее мать и пришедшая къ ней съ-вечера добрая попадья, ухаживавшая за ней, какъ за родною дочерью, — что̀ такое съ нею приключилось. Анфиса упорно отмалчивалась относительно подробностей и говорила только, что сама не помнитъ, какъ болѣзнь свалила ее; но въ такихъ короткихъ отвѣтахъ было замѣтно нежеланіе Анфисы сказать сущую правду. Узнавъ, что Андрея Викулыча все еще

нѣтъ дома, она послала Прокопа снова отыскивать его, а между тѣмъ разнесшаяся о болѣзни Анфисы молва, вмѣстѣ съ молвою объ исчезновеніи ея мужа, стала еще болѣе подтверждать догадку сосѣдей, что, вѣроятно, Андрей, отравивъ жену, бѣжалъ потомъ со страху куда глаза глядятъ. Когда на счетъ Андрея Викулыча шли такія догадки, онъ былъ тамъ, гдѣ вовсе не думалъ и, кончено, не желалъ очутиться.

Въ ту пору на жителей Москвы постоянно наводили страхъ такъ называемые «языки» и возгласъ: «слово и дѣло». Время было бурное, и языкамъ, т. е. доносчикамъ, сыщикамъ и доводчикамъ, было не мало работы и поводовъ, чтобъ оговорить каждаго, кого имъ только вздумается. Оговорить же всякаго съ перваго раза было очень легко, закричавъ только: «слово и дѣло» и указавъ при этомъ на кого нибудь. Можно было оговорить и себя самого, заявивъ за собою «государево слово и дѣло». «Языки», или сыщики, были взявшіе на себя добровольно обязанность развѣдывать людскую молву, или открывать злоумышленниковъ, или, наконецъ, прямо указывать на виновныхъ или подозрѣваемыхъ въ какомъ либо преступленіи. Но особенно были страшны д я народа тѣ «языки», которые, попавшись въ чемъ нибудь, изъявляли потомъ готовность открыть своихъ соучастниковъ. Такихъ языковъ, съ лицомъ, закрытымъ холщевымъ мѣшкомъ, въ которомъ были только прорѣзаны дырки для глазъ, стрѣльцы, въ сопровожденіи приказнаго, водили по Москвѣ. Преимущественно такіе языки появлялись на торгахъ, рынкахъ и базарахъ, и появленіе ихъ производило ужасъ и всеобщій переполохъ. Завидѣвъ такого языка, всѣ кидались въ сторону, продавцы бѣжали отъ своихъ товаровъ, мужья отъ женъ, родители отъ дѣтей. Нищіе, притворявшіеся безногими или слѣпыми, мгновенно исцѣлялись, у мнимо-разслабленныхъ появлялись вдругъ силы и быстрота; хромые бросали костыли и деревяшки, а у слѣпыхъ являлось зрѣніе. Всѣ улепетывали какъ можно скорѣе, такъ какъ никто не зналъ, на кого вздумаетъ указать проходящій языкъ.

Такіе «языки» оговаривали кого попало и, конечно, большею частію людей или вообще ни въ чемъ неповинныхъ, или, во всякомъ случаѣ, непричастныхъ къ тому преступленію, въ какомъ обвинялся самъ «языкъ». Дѣлалось же это

съ разсчетомъ отдалить или произнесеніе приговора, или его исполненіе, если онъ уже состоялся. Разсчетъ же при этомъ былъ такой. Изстари въ Москвѣ велся обычай, что при какомъ либо радостномъ или печальномъ событіи въ царскомъ семействѣ, или же въ случаѣ тяжкой болѣзни государя, его супруги или его дѣтей, оказывалась колодникамъ государева милость. Обвиняемыхъ или приговоренныхъ къ наказаніямъ за неважныя вины выпускали въ такихъ случаяхъ изъ тюремъ безъ всякаго наказанія, а приговореннымъ къ тяжкимъ карамъ значительно облегчалась строгость опредѣленнаго имъ наказанія. Поэтому, къ оговорамъ прибѣгали даже и тѣ, которыхъ вели на казнь, и только въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича былъ изданъ указъ, чтобы такимъ «языкамъ» вѣры не давать.

Андрей Викулычъ въ тотъ день, когда захворала Анфиса, съ позаранку поссорился съ нею и, закрывъ пораньше лавку, не возвратился по обыкновенію къ обѣду домой, а отправился повеселиться на-сторону—къ своей полюбовницѣ. На этотъ разъ посѣщеніе его было крайне неудачно. Противъ чаянія, онъ, пришедшій къ своей любезной не въ обычное время, засталъ у нея молодого гостя, а замѣшательство парня и растерянность подруги Андрея убѣдили его, что тутъ дѣло чтò-то не ладно. Между Андреемъ и его счастливымъ соперникомъ завязался споръ, перешедшій въ драку. Парень, будучи моложе, здоровѣе и ловчѣе Тяботы, расправился съ нимъ скоро, но расходившійся Андрей не унимался и побѣжалъ за нимъ на улицу.

— «Слово и дѣло!» — закричалъ онъ въ припадкѣ гнѣва во всю глотку, вслѣдъ уходившему отъ него парню, желая, такъ или иначе, отомстить ему.

Собрался народъ, появились стрѣльцы и потащили ихъ обоихъ въ Сыскной приказъ.

Подвыпившій Андрей пришелъ въ себя и сообразилъ, въ какую бѣду попался онъ; но было уже поздно, и стрѣльцы, не слушая его оправданій и объясненій, привели его въ Сыскной приказъ, гдѣ надѣли на него и на оговореннаго имъ парня желѣза и посадили ихъ обоихъ подъ крѣпкій караулъ.

Тябота, привыкшій вечеромъ порядкомъ подвыпить и понѣжиться на мягкой перинѣ, провелъ крайне непріятную

для него ночь, лежа на голомъ полу, среди колодниковъ, которыми была наполнена тѣсная и низкая изба. Онъ не могъ заснуть, такъ какъ отъ кандаловъ у него затекли ноги и руки, а на завтра предстояли ему страшныя мученья: дыба, встряска и кнутъ. Горевалъ крѣпко Андрей, но ничего уже не могъ сдѣлать, чтобы вырваться изъ тюрьмы.

Хотя въ Москвѣ доносы были и въ большомъ ходу, но тѣмъ не менѣе, въ острастку ложнымъ языкамъ, тамъ свято соблюдалось старинное правило, гласившее: «доносчику первый кнутъ», т. е., что прежде чѣмъ допросить обвиняемаго, слѣдуетъ привести къ пыткѣ обвинителя. Разговоры, которые шли теперь кругомъ Андрея, и все окружевшее его не могли дѣйствовать на него успокоительно.

Одинъ изъ колодниковъ громко и безпрерывно стоналъ отъ боли и увѣчья, вслѣдствіе вынесенной имъ поутру пытки, при которой не только исполосовали ему кнутомъ всю спину, но и вывихнули руку. Другой колодникъ разсказывалъ, что онъ видѣлъ, какъ одному подъячему сегодня отрѣзали ухо за то, что онъ составилъ ложную крѣпость; а другой сотоварищъ Тяботы по тюремному заключенію передавалъ страшныя подробности о томъ, какъ нѣсколько дней тому назадъ, при немъ, какому-то крестьянину отсѣкли руку за то, что онъ въ третій разъ ловилъ рыбу въ чужомъ прудѣ.

— Ужь будто за такую провинность попадешь подъ такую муку?—спросилъ, приподнимаясь съ полу, одинъ колодникъ.

— А ты какъ думаешь?—отозвался сидѣвшій тутъ же въ тюрьмѣ подъяій, котораго сравнительно съ другими можно было назвать счастливымъ, такъ какъ ему предстояло получить сотни полторы батоговъ за какое-то «неистовое» слово, сказанное имъ сгоряча его начальнику — дьяку Холопьяго приказа. Законы у насъ — продолжалъ подъячій — куда какъ немилостивы, хоть и приняты отъ благовѣрныхъ царей греческихъ. Вотъ вѣдь васъ всякаго народа здѣсь много, а кто изъ васъ знаетъ, что во главѣ двадесять второй статьи десятой «Уложенія» говорится: «а буде кто, не боянся Бога и не опасаяся государскія опалы и казни, учинитъ надъ кѣмъ нибудь мучительное надругательство, отсѣчетъ руку или ногу, или носъ, или ухо, или губы обрѣжетъ, или глазъ выколетъ, а сыщется про то допряма: и за такое

его наругательство самому ему то же учинить; да на немъ же взяти изъ вотчинъ его или животовъ тому, надъ кѣмъ онъ такое ругательство учинилъ, буде отсѣчетъ руку, и за руку пятьдесятъ рублевъ, а буде отсѣчетъ ногу, и за ногу же пятьдесятъ рублевъ; а за носъ, и за ухо, и за губы, и за глазъ, по тому же за всякую рану по пятидесяти рублевъ»—читалъ на память буква въ букву знавшій отлично свое дѣло подъячій.

— Значитъ,—вмѣшался Тябота, къ которому, несмотря на его печальное положеніе, возвратилась охота къ балагурству—значитъ, если, примѣромъ, обрѣжешь, обрубишь и проколешь всего человѣка, такъ придется заплатить огуломъ за все четыреста пятьдесятъ рублевъ.

— И видно, что торговый человѣкъ, отозвался, смѣясь, одинъ изъ колодниковъ—не мотчавъ, счеты свелъ. Да вѣдь есть у насъ и такіе обрубки. Чай, кто нибудь изъ васъ помнитъ, какъ Силуанкѣ Артемьеву за «воровскія деньги» крестъ на крестъ сперва лѣвую руку и правую ногу, а черезъ нѣкоторое время и правую руку разомъ съ лѣвой ногой отмахнули, и какъ потомъ милосердные люди его по торгамъ на телѣжкѣ возили и съ міра подаяніе просили.

— И куда какъ много ему давали! Человѣкъ онъ былъ несчастный и не долго прожилъ послѣ того, какъ его такъ искалѣчили. Кажись, полностію и одного года не промаялся.

— Смутная тогда пора на счетъ денегъ была,—принялся разсказывать какой-то старикъ: — мѣдныя деньги дѣлались такія, какъ дѣлывались серебряныя, и пустили по царскому указу такія деньги въ народѣ по цѣнѣ равной серебрянымъ. Никто брать ихъ не хотѣлъ, и тогда всѣ торги пріостановились, а тутъ еще поддѣльщики денегъ явились. Принялись они мѣдныя дѣньги бѣлить оловомъ и ртутью и сбывать ихъ простымъ людямъ за серебряныя. Много тогда на Москвѣ такимъ способомъ народу разжилось. Построили они себѣ палаты каменныя и зажили по боярскому обычаю, а кто изъ нихъ попадался—бѣда тому была. Сѣкли имъ руки, ноги, а инымъ и горло растопленнымъ оловомъ заливали: какъ великій государь укажетъ, такъ того и казнили.

— Эхъ, братцы, не оловомъ а винцомъ теперь бы горло залить,—сказалъ мучившійся со вчерашняго похмѣлья Тябота,

и вдругъ, вспомнивъ, что его на завтра ожидаетъ дыба, проговорилъ печально: — охъ, охъ, плохо же мнѣ грѣшному будетъ!

Воспоминанія подъячаго стали вызывать воспоминанія и другихъ его товарищей по заключенію.

— Вотъ,—началъ пономарь, попавшійся въ Сыскной приказъ по подозрѣнію въ кражѣ запрестольной свѣчи,—я-то помню моръ на Москвѣ, на ту пору, когда царь Алексѣй Михайловичѣ ходилъ на поляковъ, а патріархъ Никонъ правилъ за него царствомъ. Тогда на Москвѣ хуже всякихъ казней было: народу-то что̀ повымерло на ту пору, такъ Боже упаси! Какъ стали потомъ списывать, кто̀ померъ,—то оказалось, что, примѣромъ, въ Чудовомъ монастырѣ умерло 182 монаха, а осталось только 26, у боярина Морозова изъ его челяди въ Москвѣ умерло 343 холопа, а осталось только 19. Да и въ другихъ мѣстахъ моръ былъ страшный: въ коихъ городахъ и уѣздахъ умерло половина жителей, а въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ изъ 3,627 жителей осталось только 939. Нарокомъ я на память всю эту цыфирь взялъ.

Пошли разные толки о болѣзняхъ, врачеваніи, колдовствѣ, и въ такихъ разговорахъ колодники проводили всю ночь. Пытанный и со сломанною рукою колодникъ продолжалъ стонать; другіе, на которыхъ пытка отозвалась не такъ мучительно, только кряхтѣли, когда имъ приходилось переворачиваться съ одного бока на другой. Нѣкоторые спали беззаботно, хотя ихъ и ожидали на завтра или жестокое наказаніе, или ужасная пытка.

XXV.

Чуть только въ маленькія окошки тюрьмы, заслоненныя толстыми желѣзными рѣшетками, забрежжилъ утреній разсвѣтъ, въ тюрьму вошелъ дьякъ съ приказными и съ стрѣльцами.

Онъ вызвалъ человѣкъ двадцать колодниковъ, которые неохотно поднимались съ пола послѣ плохого ночлега. Зазвучали кандалы и цѣпи, послышались оханья и громко читаемыя молитвы, или только короткіе, шедшіе изъ глубины

души возгласы: «Господи, помилуй», или «Боже, милостивъ мнѣ, грѣшному, буди»! Вся ватага вызванныхъ изъ тюрьмы колодниковъ, или «сидѣльцевъ», окруженная со всѣхъ сторонъ стрѣльцами, въ сопровожденіи дьяка и приказныхъ людей, повалила въ сыскную избу, передъ крыльцомъ которой и остановились вытребованные изъ тюрьмы колодники. Изъ числа ихъ приказные тотчасъ же вызвали нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ и Тяботу, и велѣли имъ идти въ допросную избу, гдѣ о нихъ слѣдовало написать сказку, или, по нынѣшнему, обвинительный актъ.

Дьякъ сидѣлъ въ этой избѣ за особымъ большимъ столомъ, на которомъ лежали бумаги, «Уложеніе» въ желтомъ кожаномъ переплетѣ съ мѣдными застежками и такъ называемыя «новоуказныя статьи», дополнявшія его. При столѣ дьяка былъ поставленъ стулъ, а приказные, писавшіе за особыми длинными столами, разсѣлись на лавкахъ и принялись допрашивать обвиняемыхъ. Дьякъ не участвовалъ въ этомъ дѣлѣ постоянно. Онъ только прислушивался то къ одной сторонѣ, то къ другой сторонѣ, покрикивая или на подъячихъ за то, что они не умѣютъ, какъ слѣдуетъ, отбирать допросъ, или на обвиняемыхъ, которые не винились и разными изворотами путали производившіяся объ нихъ дѣла. Стояли также передъ приказными и «послухи», т. е. свидѣтели, которыхъ обыкновенно захватывали силой и которые въ приказѣ старались отдѣлаться отъ дачи какихъ бы-то ни было показаній, отзываясь невѣдѣніемъ дѣла и ссылаясь на то, что ихъ забрали по-пусту, такъ какъ они ничего не видѣли и не слышали. Поэтому, обыкновенно выходило такъ, что, прежде чѣмъ начать уличать обвиняемыхъ, приходилось уличать послуховъ въ томъ, что они показываютъ облыжно, такъ какъ они были при томъ случаѣ, по которому приведенъ въ Сыскной приказъ обвиняемый, или что они, по крайней мѣрѣ, знали что̀-либо объ его преступленіи или проступкѣ.

Прежде чѣмъ поставить «послуховъ» къ допросу, ихъ приводили къ присягѣ. Обрядъ этотъ исполнялся на крыльцѣ приказа, въ присутствіи дьяка и приказныхъ, которые и записывали въ особую сказку о приводѣ къ присягѣ свидѣтелей. Въ какихъ словахъ произносилась тогдашняя свидѣ-

тельская присяга—неизвѣстно, но, конечно, въ силу ея, свидѣтель клялся говорить на судѣ сущую правду, не кривя душою ни во вредъ, ни въ защиту обвиняемыхъ. Къ присягѣ приводилъ священникъ, послѣ того онъ давалъ присягавшему поцѣловать икону, съ изображеніемъ на ней креста, и зорко долженъ былъ наблюдать, чтобы присягавшій цѣловалъ крестъ не мимо его, въ пустое мѣсто иконы, и не въ подножіе креста и чтобъ онъ цѣловалъ крестъ не носомъ, а губами.

Присяга русскихъ въ XVII столѣтіи.
Факсимиле рисунка изъ «Путешествія» Олеарія, изд. 1653 г.

— Цѣлуй еще разъ животворящій крестъ!—кричалъ иногда требовательный попъ.—Чего носомъ-то нюхаешь, цѣлуй какъ должно,—и цѣлованіе иногда повторялось нѣсколько разъ, пока попъ убѣдится, что присягавшій цѣловалъ крестъ какъ слѣдуетъ, а не какимъ нибудь обманнымъ обычаемъ.

Съ дрожаніемъ въ рукахъ и въ поджилкахъ стоялъ Тябота передъ старымъ подъячимъ, сурово опрашивавшимъ его. Купчину бросало то въ жаръ, то въ ознобъ, и зубы у него

стучали, какъ у больного въ лихорадкѣ. На неоднократные запросы подъячаго: какое знаетъ онъ, Андрей Викуловъ, «слово и дѣло» за мѣщанскимъ сыномъ Антипомъ Кузьминымъ, на котораго онъ указывалъ и стрѣльцамъ, и народу, Тябота начиналъ божиться и клясться, что онъ за Кузьминымъ никакого «слова и дѣла» не знаетъ, а всклепалъ на него съ дуру, въ сердцахъ, желая его отучить отъ непригожей его повадки.

— Отъ какой такой повадки?—сурово спросилъ старикъ подъячій.

Тябота растерялся окончательно, такъ какъ правдивый разсказъ обо всѣхъ обстоятельствахъ дѣла долженъ былъ навести большой соблазнъ на торговаго человѣка, женатаго во второй разъ и притомъ уже далеко не молодыхъ лѣтъ.

— Антипка Кузьминъ показалъ,—заговорилъ подъячій, справляясь въ прежде составленной сказкѣ,—что онъ былъ въ гостяхъ у мѣщанской вдовы Алёны Андреевой и что ты, взойдя къ ней, безпричинно началъ поносить его и сквернословить, а потомъ, когда онъ, Антипка, не хотя заводить съ тобою ссору и драку, пошелъ отъ вдовы Алёнки тихимъ обычаемъ, ты погнался за нимъ и также безпричинно закричалъ на него «государево слово и дѣло».

— Оно такъ и было,—пробормоталъ Тябота, радуясь въ душѣ, что относительно его любовныхъ похожденій допросъ принимаетъ такой благопріятный оборотъ.

Подъячій записалъ показанія Андрея.

— Теперь учини здѣсь рукоприкладство,—сказалъ онъ, тыкая пальцемъ въ бумагу.—Пиши: къ сей сказкѣ торговый человѣкъ Андрей Викуловъ, по прозванію Тябота, руку приложилъ.

Съ трудомъ держалъ въ рукѣ перо Тябота, не особенно искусившійся въ писаніи, а теперь еще и подъ вліяніемъ страха онъ принялся водить имъ по бумагѣ и туда и сюда и, понукаемый подъячимъ, едва вывелъ какія-то каракули съ пропускомъ нѣкоторыхъ буквъ, въ замѣнъ правильной и ясной подписи.

Изъ допросной избы повели Тяботу въ засѣданіе приказа. Если въ допросной избѣ Андрея сильно смутилъ видъ дьяка и подъячихъ, то самый приказъ долженъ былъ про-

извести на него еще бо́льшее впечатлѣніе. Въ самомъ приказѣ, за главнымъ столомъ, въ большихъ креслахъ съ высокимъ отваломъ, украшеннымъ рѣзьбою, засѣдалъ не какой нибудь плюгавый дьякъ, а одинъ изъ именитыхъ бояръ московскихъ и притомъ съ виду не только сановитый, но и грозный.

Бояринъ былъ въ будничной суконной темно-синей ферязи съ «козыремъ», т. е. съ высокимъ стоячимъ воротникомъ; на ферязи были нагрудныя петлицы изъ золотого галуна, такимъ галуномъ былъ оторочень и козырь. На боярской головѣ была надѣта высокая, нѣсколько расширявшаяся къ верху бобровая шапка, называвшаяся обыкновенно «горлаткою», такъ какъ она была сдѣлана изъ лучшей части мѣха, приходившейся подъ горломъ бобра, соболя или куницы. Этотъ важный бояринъ, «уставя браду свою», раскинувшуюся въ видѣ широкаго опахала, окидывалъ величавымъ взглядомъ вводимыхъ въ приказную избу колодниковъ, которые, послѣ трехъ глубокихъ поклоновъ передъ иконою, отдавали такой же, и даже еще болѣе низкій, а иные даже и земной поклонъ, царскому боярину, не отвѣчавшему даже кивкомъ головы на воздаваемое ему почтительное привѣтствіе.

Нѣкоторые изъ колодниковъ, преимущественно же колодницы, обращались къ боярину съ слезными просьбами и жалобно голосили:

— Помилуй, государь бояринъ, защити меня сиротинку, не вели меня казнить, а вели миловать.

На подобныя воззванія, въ которыхъ слышались разныя величанія въ честь боярина, онъ не отвѣчалъ ничего и равнодушнымъ, безстрастнымъ голосомъ приказывалъ дьяку допрашивать обвиняемаго по собственной противъ каждаго сказкѣ.

На боярскомъ допросѣ Андрей показалъ то же самое, что̀ и при сказкѣ, т. е. что онъ сказалъ на Антипа Кузьмина «слово и дѣло» только съ дурости и со злобы «сшалилъ», а умысла злого у него никакого не было и за Кузьминымъ никакой вины онъ не знаетъ.

— Крикнулъ ты «слово и дѣло» спервоначалу по́ правдѣ, а теперь, видно, Антипку за посулы утаивать и оправлять хочешь. Да мы до истины доберемся. Иванъ Перфильичъ,

допроси-ко его хорошенько, съ пристрастіемъ,—хладнокровно распорядился бояринъ, обратившись къ одному изъ дьяковъ, находившихся въ приказѣ.

Андрей зналъ по наслышкѣ, что̀ значитъ допросъ съ «пристрастіемъ», и при этомъ словѣ у него подкосились колѣна и онъ повалился на-земь въ растяжку передъ бояриномъ.

— Помилуй, отецъ родной, отмѣни свое грозное боярское слово!.. Заставь меня, твоего холопа, вѣчно Бо́га молить за царское и твое здравіе!—заревѣлъ Андрей, ставъ на колѣни передъ бояриномъ и стукая лбомъ объ полъ.

Но бояринъ строгимъ взглядомъ подтвердилъ дьяку, чтобъ тотъ немедленно исполнилъ данное ему приказаніе.

— Волочить дѣло не гоже,—проговорилъ густымъ голосомъ Андрею дьякъ, едва передвигавшій ноги отъ чрезмѣрной тучности.

Онъ сильно дернулъ за плечо Андрея, который привсталъ съ пола, толкнулъ его въ спину и потомъ, подталкивая такимъ же способомъ, направилъ громко рыдавшаго Тяботу въ выходныя двери приказной избы.

Бояринъ, управлявшій Сыскнымъ приказомъ, былъ уже человѣкъ пожилой. Онъ не только совершенно спокойно, но даже съ какимъ-то замѣтнымъ и для чужого глаза удовольствіемъ отправлялъ обвиняемыхъ на допросы съ пристрастіемъ, т. е. подводилъ ихъ подъ кнутъ. Не смотря на свою чиновность, онъ испыталъ на собственной спинѣ дѣйствіе этого мучительнаго снаряда, завѣщаннаго намъ татарами. Въ первыхъ годахъ царствованія Алексѣя Михайловича, онъ, будучи еще молодымъ человѣкомъ и стольникомъ, потѣшаясь въ своей вотчинѣ соколиною охотою, опоздалъ явкою на царскую службу, за что̀ по государеву указу и былъ битъ кнутомъ. Хотя въ указѣ и сказано было, чтобы бить «нещадно», но все же его, какъ стольника и человѣка родословнаго, а не какого нибудь холопа или человѣка худороднаго, наказали только «легкимъ обычаемъ». Не смотря, однако, на это, онъ послѣ такой расправы провалялся нѣсколько дней въ постели, пока не оправился отъ десятка полученныхъ имъ ударовъ.

Но еще болѣе досталось его боярской спинѣ отъ батоговъ. Какъ человѣкъ родословный, онъ любилъ мѣстничать,

но нерѣдко попадался по этимъ дѣламъ въ просакъ и его выдавали противникамъ головою, т. е. привозили его на ихъ дворы на простыхъ розвальняхъ и онъ долженъ былъ униженно просить прощенія у обиженныхъ имъ. Не унимался, однако, спѣсивый бояринъ и послѣ такого позорнаго наказанія и напрашивался на новыя, болѣе чувствительныя. За царскими обѣдами, когда государь указывалъ садиться всѣмъ «безъ мѣстъ», онъ, по свойственному ему упорству, поднималъ мѣстническіе споры. Напрасно сотоварищи его по боярству совѣтовали ему угомониться и быть послушнымъ царскому указу. Онъ не унимался и хотѣлъ уйти изъ-за государева стола Тогда государь приказывалъ стряпчимъ держать его, и бояринъ, не будучи въ состояніи уйти отъ обѣда, спускался подъ столъ, не желая безчестить своего рода уступкою младшимъ. Его вытаскивали изъ этого убѣжища и вели прямо на царскую конюшню, гдѣ и отсчитывали ему значительное количество батоговъ и силою усаживали снова за обильную государеву трапезу, которую онъ и принимался вкушать, какъ ни въ чемъ не бывало.

Годы, однако, поуходили боярина, а спина его сдѣлалась уже менѣе вынослива, нежели въ прежнее время. Но прожитое имъ не осталось безъ вліянія на его образъ мыслей. Онъ разсуждалъ, что если его боярская кожа могла перенести многое, то тѣмъ еще болѣе можетъ и даже должна переносить кожа какихъ нибудь «людишекъ», почему онъ и отправлялъ ихъ подъ кнутъ съ большою охотою и съ полнымъ убѣжденіемъ, что онъ поступаетъ какъ слѣдуетъ.

— Да ты смотри, Иванъ Перфильичъ, пробери его хорошенько,—крикнулъ бояринъ вслѣдъ дьяку, уводившему Андрея въ застѣнокъ.

XXVI.

Если Андрей постепенно пугался все болѣе и болѣе, сперва при переходѣ изъ тюрьмы въ допросную избу, а изъ этой избы въ приказную, то настоящій переходъ изъ приказа въ застѣнокъ привелъ его въ такой ужасъ, что онъ почувствовалъ, какъ у него застыла кровь и одеревенѣли

руки и ноги. Да и дѣйствительно было отчего струсить даже самому отважному человѣку при видѣ застѣнка.

Застѣнокъ былъ изба, или, скорѣе, сарай, довольно обширный, съ окнами, поднятыми почти къ самому потолку и задѣланными желѣзными рѣшетками, но эта принадлежность тогдашнихъ не только мѣстъ заключенія, но и судебныхъ и присутственныхъ палатъ, и даже большей части частныхъ домовъ и церквей, была настолько обыкновенна, что уже не производила на входившихъ въ застѣнокъ никакого впечатлѣнія, но за то другія принадлежности застѣнка предвѣщали, что здѣсь можно очутиться въ такой страшной передѣлкѣ, что—чего добраго,—придется окончить жизнь въ самыхъ мучительныхъ истязаніяхъ или, если и удастся выйти отсюда живымъ, то настолько искалѣченнымъ и разслабленнымъ, что вся послѣдующая жизнь будетъ сплошнымъ рядомъ болѣзненныхъ дней и ночей.

По стѣнамъ застѣнка были развѣшаны, а также валялись грудами и въ углахъ, и въ разныхъ мѣстахъ, кандалы, цѣпи, ремни и веревки. Эти орудія укрощенія не наводили, впрочемъ, особеннаго страха, такъ какъ ихъ можно было видѣть во всѣхъ тогдашнихъ приказахъ и казенныхъ избахъ. Много было на Москвѣ людей буйныхъ и отчаянныхъ, которыхъ приходилось укрощать насильственнымъ способомъ. Принадлежности эти употреблялись при исполненіи наказаній, когда нужно было притягивать осужденныхъ къ доскамъ и кобыламъ. Замѣтное отсутствіе въ застѣнкѣ батоговъ,—длинныхъ довольно толстыхъ палокъ, — было не добрымъ предвѣстіемъ, такъ какъ отсутствіе ихъ показывало, что здѣсь не занимаются такими пустяками, но расправляются жесточе. На это намекали и развѣшанныя по стѣнамъ кнутья. Кнутъ считался и у насъ страшнымъ орудіемъ мученія, а побывавшіе въ Москвѣ иностранцы, не смотря на то, что и во всей тогдашней Европѣ употреблялись лютыя казни, ужасныя наказанія и мучительныя пытки, сообщали, что въ сравненіе съ русскимъ кнутомъ не можетъ идти никакое другое орудіе, придуманное для причиненія человѣку самыхъ ужасныхъ терзаній. Думается, однако, что иностранцы ошибались, приписывая такое превосходство нашему кнуту. Несмотря на страшныя мученія, имъ причиняемыя, русскіе

люди выносили его безъ особенно вредныхъ для себя послѣдствій, и даже битые имъ не разъ — и битые, какъ тогда говорилось, «нещадно»,—не теряли своего здоровья и, поправившись, доживали до глубокой старости. Русскій кнутъ дѣйствительно можно было считать самымъ жестокимъ «ударнымъ» орудіемъ, но несомнѣнно, что вообще, при перечисленіи казней и пытокъ въ западной Европѣ, тамъ можно найти болѣе страшные снаряды, какъ, напримѣръ, испанскій желѣзный сапогъ, которымъ раздробляли стиснутую имъ ногу, или въ который вливалась кипящая смола, а въ сравненіи съ этой обувью нашъ кнутъ могъ казаться только игрушкою. Да и сами русскіе люди относились къ кнуту съ нѣкоторымъ равнодушіемъ, говоря: «кнутъ не ангелъ, души не вынетъ».

Въ снарядахъ подобнаго рода не было, впрочемъ, недостатка и въ московскихъ застѣнкахъ. Въ нихъ на полу, на полкахъ и скамейкахъ, были разставлены жаровни, въ которыхъ на горячихъ угляхъ накаливали до красна желѣзныя полосы и ими жгли пытаемыхъ, а потому въ застѣнкѣ очень часто стоялъ запахъ горѣлаго человѣческаго мяса. Были тутъ и желѣзныя клещи, которыми рвали человѣческое тѣло, и спицы, которыя забивали подъ ногти; были тутъ и скамьи со вбитыми въ нихъ остріемъ вверхъ гвоздями, и на этихъ скамьяхъ, при помощи валиковъ, катали положеннаго на спину человѣка, причемъ гвозди рвали клочьями кожу и мясо.

Исключительною принадлежностію русскаго застѣнка было, кромѣ кнута, еще одно особое приспособленіе для пытки—дыба.

Когда Андрея Викулыча ввели въ застѣнокъ, то прежде всего ему бросился въ глаза шедшій черезъ весь потолокъ пыточной избы толстый, четырегранный деревянный брусъ, къ которому былъ прикрѣпленъ большой деревянный блокъ съ пропущенною по его жолобу веревкою.

Тябота не успѣлъ хорошенько осмотрѣться, когда къ нему, по приказу дьяка, подошли ражіе дѣтины въ однѣхъ рубашкахъ. Это были палачи, или такъ называемые «заплечные мастера». Они живой рукой принялись раздѣвать до-нага Андрея, на котораго отъ ужаса нашелъ такой столбнякъ, что онъ не могъ ясно представить себѣ, гдѣ онъ находится и что̀ съ нимъ дѣлается.

Прежде чѣмъ вернулось къ нему полное сознаніе, онъ уже стоялъ безъ рубашки подъ блокомъ. Двое палачей оттянули ему за спину руки, на которыя одинъ изъ нихъ сталъ надѣвать «хомутъ», состоящій изъ толстыхъ ремней съ желѣзными пряжками. Уже одинъ только заворотъ рукъ за спину, съ надѣтымъ на нихъ хомутомъ, могъ составить мучительную пытку, отъ которой движеніе крови въ рукахъ останавливалось, и она начинала бить въ голову. Но еще страшнѣе были приспособленія къ дальнѣйшей пыткѣ, къ такъ называемой «вискѣ».

Лицо Тяботы, до надѣвки на руки хомута блѣдное и мертвенное, сдѣлалось сперва краснымъ, а потомъ багрово-синимъ. Онъ безъ всякаго сопротивленія отдался на волю палачей, изъ которыхъ одинъ стягивалъ ему теперь ремнемъ ноги такъ, чтобы посреди ихъ можно было положить на ремень длинное, довольно толстое бревно, а между тѣмъ другой прикрѣплялъ къ хомуту конецъ веревки, пропущенной чрезъ блокъ.

Толстый дьякъ, привыкшій къ такому снаряженію пытаемыхъ, сидѣлъ, сопя и пыхтя, спокойно на скамьѣ. Происходившее передъ нимъ зрѣлище, повидимому, вовсе не занимало его, такъ какъ онъ зналъ заранѣе весь послѣдующій ходъ пытки и производилъ и не такія еще истязанія, какія предстояли Тяботѣ. Одинъ изъ бывшихъ съ дьякомъ приказныхъ усаживался на чурбанѣ около стола, раскладывая на немъ свои письменныя принадлежности, а другой приказный разворачивалъ, отъ нечего дѣлать, ногою лежавшую на полу кучку разныхъ пыточныхъ принадлежностей, пришедшихъ уже въ негодность отъ частаго употребленія.

Несмотря на то оцѣпѣненіе, въ какомъ находился Тябота, онъ услышалъ надъ своею головою визгливый скрыпъ блока и почувствовалъ, что руки его, стянутыя за спиною, стали вылущаться изъ ключицъ и подниматься къ затылку. Онъ застоналъ отъ боли, и вмѣстѣ съ тѣмъ началъ сознавать, что его приподнимаютъ съ полу, и что при этомъ руки его, выходя изъ суставовъ, вытягиваются все выше и выше.

Дѣйствительно, двое палачей тянули свободный конецъ веревки, проложенной по жолобу блока, вслѣдствіе чего и приподнялся Андрей на дыбѣ.

— Встряхни его, Пафнутьичъ! Онъ что-то лѣниво поднимается!.. крикнулъ добродушно дьякъ, какъ будто дѣло шло о какой нибудь потѣхѣ, а не объ ужасномъ истязаніи.

При этихъ словахъ одинъ изъ палачей быстро вскочилъ на бревно, лежавшее однимъ концомъ на ремнѣ, и съ силою подпрыгнулъ на немъ. Послышалось какое-то глухое мычаніе и хрустъ, и въ то же мгновеніе стянутые въ хомутѣ руки Андрея очутились надъ самой макушкой его головы. При достаточной тучности Тяботы, довольно было одной встряски, чтобы привести его въ то положеніе, при которомъ можно было приступить къ дальнѣйшимъ пыточнымъ дѣйствіямъ.

— Поослабь не много — распорядился дьякъ, и палачъ спрыгнулъ съ бревна, а Андрей повисъ на дыбѣ, какъ огромный, туго набитый мѣшокъ.

— Въ чемъ ты можешь оговорить Антипку Кузьмина, коли ты крикнулъ на него «государево слово и дѣло»?—спросилъ дьякъ.

Ошеломленный пыткою, съ захваченнымъ отъ боли и сотрясенія дыханіемъ, Андрей не въ силахъ былъ ничего выговорить, онъ даже не былъ въ состояніи разслушать обращенный къ нему вопросъ, который дьякъ повторилъ, съ нѣкоторымъ промежуткомъ времени, еще два раза.

— Упорствуешь!.. Поднимай-ко его снова и принимайся за кнутъ! — крикнулъ дьякъ.

Андрея снова приподняли на дыбѣ, но на этотъ разъ повтореніе встряски оказалось излишнимъ. По мѣрѣ того, какъ тянули вверхъ Андрея, вывихнутыя уже однажды изъ ключицъ его руки, легко поднимались надъ его головою, и палачъ только слегка придерживалъ бревно, наступивъ на него одною ногою.

— Славно онъ пошелъ на сей разъ — сказалъ шутливо одинъ изъ приказныхъ;—рѣдко то случается, всегда нужно задать три или четыре встряски, а ему и одной достаточно было. Молодецъ!

— Тученъ онъ, такъ самъ себя внизъ тянетъ — замѣтилъ одинъ изъ палачей и, взглянувъ мелькомъ на толстаго дьяка, подумалъ: «а вотъ этотъ пожалуй, пошелъ бы еще лучше».

Если виска сама по себѣ была, какъ и стягиванье хомутомъ рукъ, одной изъ мучительныхъ пытокъ, то встряска

сопровождалась ужаснѣйшими послѣдствіями. При вискѣ появлялась обыкновенно опухоль въ суставахъ, стронутыхъ съ мѣста; при встряскѣ же сдвигались руки съ мѣста съ чрезвычайною быстротою, отчего не только происходили вывихи и переломы и сотрясеніе всего тѣла, но и лопалась во многихъ мѣстахъ быстро натянувшаяся кожа. Для Андрея виска обошлась, впрочемъ, безъ этихъ послѣдствій, но теперь предстояло ему новое жестокое мученье.

Палачъ изо всей силы ударилъ его кнутомъ по спинѣ, и Андрей затрепеталъ на вискѣ, точно подстрѣленный. На опросъ дьяка, въ чемъ онъ, Андрей, оговариваетъ Кузьмина, Тябота не отвѣчалъ ничего, и дьякъ приказалъ отпустить ему еще два удара, а затѣмъ, видя, что онъ уже полумертвый, велѣлъ спустуть съ виски Андрея, который, коснувшись ногами пола, тяжело грохнулся о-земь.

Такъ какъ пытаемый былъ уже приведенъ, по тогдашнему выраженію, «въ изумленіе», то дьякъ приказалъ дать ему передышку, не распуская, однако, ремней хомута.

Лежа на полу, Андрей въ горячечномъ состояніи и въ перемежку съ глухими стонами, говорилъ что-то невнятно, и тогда дьякъ съ неотступною настойчивостью и угрозами, что прикажетъ повторить виску, встряску и битье кнутомъ,— приступилъ къ нему снова съ допросомъ,—въ чемъ именно оговариваетъ онъ мѣщанскаго сына Антипку Кузьмина?

— Хотѣлъ Антипка быть Никитою Пустосвятомъ или протопопомъ Аввакумомъ,—полушопотомъ, почти безсознательно и неизвѣстно по какому сцѣпленію мыслей, пробормоталъ ошеломленный Андрей.

— Вѣдь вотъ добились же, наконецъ, отъ тебя показанія!—съ торжествующимъ видомъ отозвался дьякъ. Чего жь не говорилъ раньше, и меня затруднялъ, да и себя лишнее время мучилъ?—Пиши—продолжалъ онъ, обращаясь къ сидѣвшему у стола на чурбанѣ приказному,—что, молъ, торговый человѣкъ Андрюшка Викуловъ, по прозванію Тябота, съ первой пытки показалъ, что потому-де онъ крикнулъ «государево слово и дѣло» на мѣщанскаго сына Антипку Кузьмина, что онъ, Антипка, хотѣлъ быть Никитою Пустосвятомъ или распопомъ Аввакумомъ.

Приказный записалъ такъ, какъ велѣлъ ему его началь-

никъ, и прочиталъ вслухъ писанное. Андрею развязали ноги и освободили руки изъ хомута. Онъ не могъ стоять: ноги у него подгибались, а руки, на которыхъ около кистей виднѣлись кровавыя полосы, натертыя ремнями, болтались какъ плети. Спина его была съ трехъ ударовъ кнута истерзана такъ, какъ будто его искусали волки, вырвавъ клочки мяса. Онъ дѣйствительно былъ приведенъ въ «изумленіе» и безсмысленно посматривалъ на все, что̀ кругомъ него дѣлалось.

— Подпиши пыточную сказку—потребовалъ дьякъ. Но требованіе это не могло быть исполнено: Андрей, навалившись на поддерживавшихъ его палачей, наклонилъ въ безпамятствѣ на бокъ голову, а на губахъ у него показалась выступившая изо рта кровь.

— Ну, да и безъ этого обойдется — сказалъ снисходительно дьякъ, видя изнеможеніе Тяботы;—только смотри, отъ своихъ показаній на второй пыткѣ и на очной ставкѣ съ Антипкой не отрекайся, а то еще жесточе съ тобою поступимъ по силѣ «Уложенія».

Эти угрозы были совершенно излишни, такъ какъ Андрей ничего уже не слышалъ, и прислужники палача поволокли его подъ руки изъ застѣнка въ тюрьму, гдѣ и бросили на рогожу, заготовленную сострадавшими Андрею колодниками.

Между тѣмъ, вслѣдствіе оговора Андреемъ Антипки, и этого привели къ пыткѣ. Пытка была сравнительно съ той, какой подвергся Тябота, довольно легка. Дьякъ поутомился, да и спѣшилъ, на счастье Антипа, къ своему куму-имяниннику, и потому хотѣлъ поскорѣе покончить съ Антипомъ. Антипа даже не били кнутомъ, а только подняли на виску и дали одну легкую встряску. Антипъ дословно подтвердилъ свое прежнее показаніе съ перваго раза, и потому въ продолжительной съ нимъ вознѣ около дыбы особой надобности не предстояло.

XXVII.

Анфиса, хотя и поправившаяся нѣсколько въ теченіе ночи отъ внезапнаго болѣзненнаго припадка, угрожавшаго ей смертью, была, однако, на другой день такъ слаба, что не могла встать съ постели. Около нея, поочередно, находи-

лись мать, добрая попадья и любившая свою хозяйку работница. По утру пришелъ отецъ Онуфрій навѣстить свою духовную дочь и порадовался, когда узналъ, что ей стало легче. Прокопъ между тѣмъ былъ въ постоянныхъ поискахъ. Онъ бѣгалъ по всѣмъ роднымъ и знакомымъ своего хозяина и, видя всѣ эти исканія безуспѣшными, намѣревался отправиться въ Нѣмецкую слободу, гдѣ тогда были веселыя мѣста для развлеченія московскихъ людей «разныхъ чиновъ», любившихъ погулять на иноземный ладъ.

Еще задолго до Петра Великаго множество «нѣмцевъ» проживало въ Москвѣ или постоянно, или только временно. Тогда въ обычномъ говорѣ подъ словомъ «нѣмцы» подразумѣвались не одни только иностранцы тевтонской породы, но и всѣ вообще европейскіе иноземцы: англичане, шведы, французы и голландцы. Изъ этого общаго названія постоянно исключались только представители восточныхъ племенъ: жиды, татары, индійцы, армяне, персіане и бухарцы, тоже пріѣзжавшіе или проживавшіе въ Москвѣ.

Нѣмцы, хотя и осѣвшіе въ Москвѣ въ нѣсколькихъ уже поколѣніяхъ, не смѣшивались съ русскими посредствомъ брачныхъ связей. Они въ этомъ случаѣ сторонились постоянно другъ отъ друга. Не мало было, однако, и тогда уже въ Москвѣ вполнѣ обрусѣлыхъ нѣмцевъ, т. е. такихъ, которые отлично говорили по-русски и, не помышляя вовсе о своемъ фатерландѣ, вели спокойную и трудовую жизнь въ Москвѣ. Для сердца такихъ нѣмцевъ сдѣлались уже гораздо ближе берега Москвы, Яузы и Неглинной, нежели берега Рейна, Шпрее и Эльбы, о которыхъ иные изъ нѣмцевъ, родившіеся въ Москвѣ, знали только по наслышкѣ отъ своихъ отцовъ и матерей, или даже дѣдовъ и бабушекъ. Было, однако, не мало и свѣжихъ, только что пробравшихся въ Москву нѣмцевъ, и значительное ихъ число принадлежало къ породѣ тѣхъ иностранцевъ, которыхъ нынѣ зовутъ обособленнымъ именемъ «нѣмцевъ», т. е. они были выходцы изъ Германіи, Пруссіи и Ливонской земли.

Нѣмцы жили въ особой слободѣ, которая не называлась прежде Нѣмецкой, а была извѣстна подъ именемъ «Какуя», почему при Петрѣ Великомъ былъ даже шуточный патріархъ, титуловавшійся «какуевскимъ», областію, или пат-

ріархатомъ, котораго считалась Нѣмецкая слобода, какъ самая развеселая мѣстность во всей Москвѣ. Такое первоначальное названіе Нѣмецкой слободы объясняется слѣдующимъ. Русскіе люди заходили по временамъ въ нее, чтобъ посмотрѣть, какъ живутъ нѣмцы. Появленіе русскихъ было тамъ вообще рѣдкостью, и потому, когда они проходили по улицамъ слободы, то нѣмцы и нѣмки всѣхъ возрастовъ показывали на нихъ другъ другу пальцами, какъ на диковинку, приговаривая на простомъ нѣмецкомъ нарѣчіи «kuke!» т. е. посмотри. Русскіе люди, постоянно слыша около себя такіе возгласы, прозвали слободу, населенную нѣмцами «Кукуй», а въ послѣдствіи слово это обратилось въ «какуй», откуда и взялось собственное имя слободы.

Жившіе въ этой слободѣ иностранцы считались въ Москвѣ людьми честными и полезными. Занимались они преимущественно ремеслами, необходимыми въ домашнемъ быту. Если между ними и русскими не было пріязни, то все же со стороны русскихъ не обнаруживалось ни вражды, ни недоброжелательства къ иноземцамъ. Замѣчательно, что даже во время народныхъ смятеній, бывавшихъ въ Москвѣ, когда чернь начинала разбивать и грабить лавки русскихъ торговцевъ, а также боярскія хоромы и дома служилыхъ людей, иностранцевъ никто не трогалъ и не обижалъ. Обстоятельство это свидѣтельствуетъ о вздорности той молвы, на счетъ ненависти русскихъ къ иностранцамъ, которую распускали въ Европѣ сами иностранцы. Напротивъ, въ исходѣ XVII столѣтія, иноземцамъ жилось въ Москвѣ и прибыльно и спокойно, и число ихъ тамъ увеличивалось съ каждымъ годомъ.

Кромѣ тѣхъ отношеній, какія обыкновенно устанавливаются вслѣдствіе заказовъ и покупки, между нѣмцами и русскими, или, точнѣе, между нѣмками и русскими, возникли еще и другія, болѣе близкія отношенія, нѣжнаго, такъ сказать, сердечнаго свойства. Если въ настоящее время пріѣзжающія изъ Риги въ Петербургъ дѣвицы пользуются большою извѣстностью, то такого рода дѣвицъ, въ былую пору, оказывалось достаточно и въ Какуевской слободѣ, и къ нимъ нерѣдко пробирались въ гости и холостяки, и измѣнники-мужья изъ русскихъ людей. Прохору приходилось слышать

не разъ разговоры Андрея Викулыча съ его сокутежниками о побывкахъ и веселыхъ гулянкахъ въ Нѣмецкой слободѣ, а потому онъ, тщетно проискавъ своего хозяина въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ, надоумился подъ-конецъ, не запропалъ ли его хозяинъ, загостившись у нѣмокъ, почему и отправился отыскивать его на окраину Москвы, заселенную иностранцами.

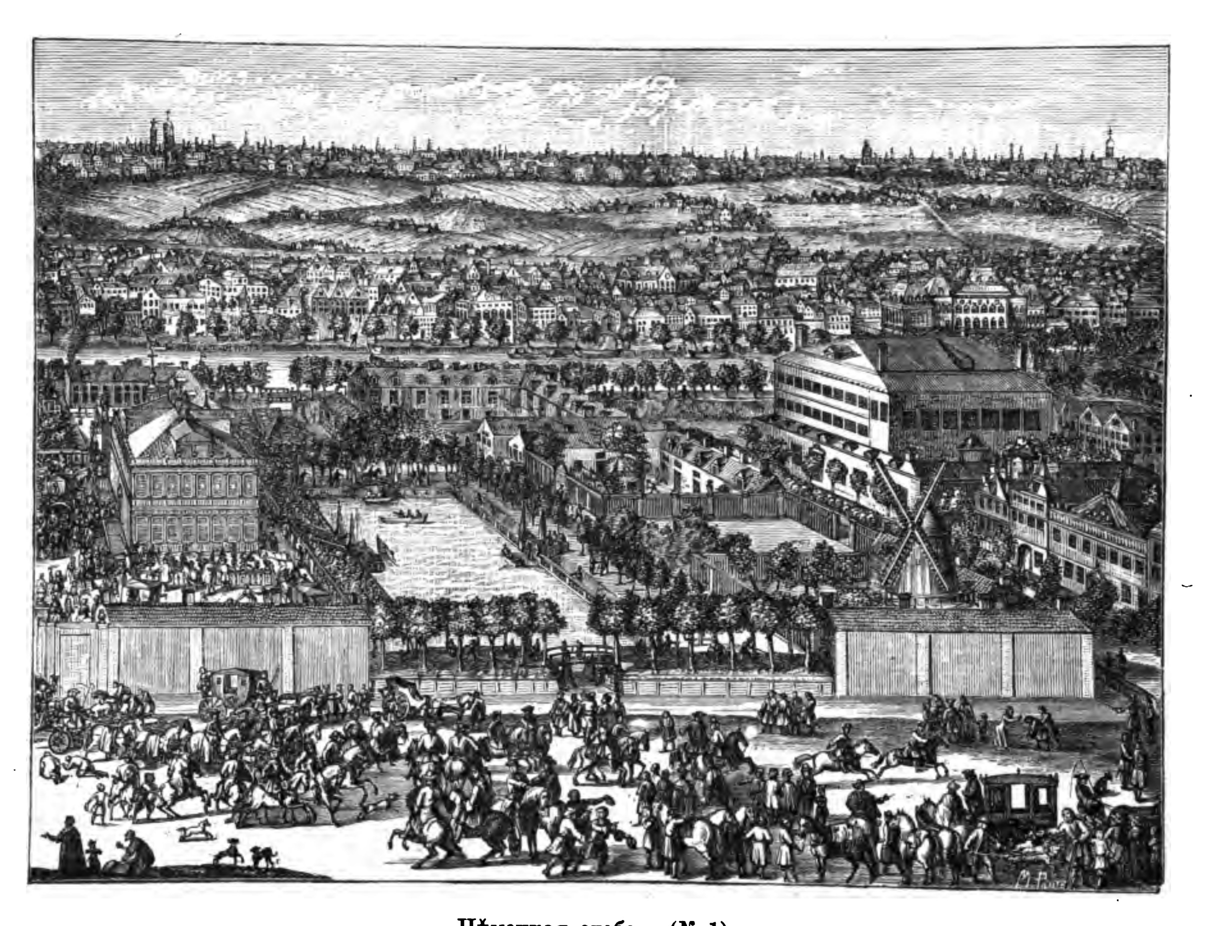
На этомъ пути, при поворотѣ въ одну изъ улицъ, Прокопъ столкнулся съ Никитой, который очень обрадовался случаю освѣдомиться объ Анфисѣ, тѣмъ болѣе, что, какъ надобно было ожидать, и самъ работникъ разскажетъ безъ всякихъ разспросовъ о томъ, что̀ случилось особеннаго въ хозяйскомъ домѣ, и Никита не обманулся въ своемъ ожиданіи.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій, Прокопъ передалъ Антуфѣеву, что вчера Анфиса Семеновна вдругъ, ни съ того ни съ другого, такъ сильно заболѣла, что̀ всѣ думали, что ей пришелъ конецъ, но теперь она стала поправляться. Разсказалъ Прокопъ и о томъ затрудненіи, въ какое онъ, при болѣзни хозяйки, поставленъ теперь, вслѣдствіе безвѣстной отлучки хозяина, и что онъ, Прокопъ, боится быть въ отвѣтѣ, если, чего Боже сохрани, случится съ хозяйкой что̀ нибудь недоброе. Къ этому онъ добавилъ, что идетъ въ Какуевскую слободу, отыскивать тамъ Андрея Викулыча.

— Ты, паренекъ, не пойдешь ли со мною? Для меня вдвоемъ съ тобой путь будетъ короче, да и ты посмотришь, ка̀къ у насъ въ Москвѣ живутъ нѣмцы.

Будущій студіозусъ, не смекая нисколько, въ какихъ палестинахъ придется отыскивать запропавшаго гуляку, не только безпрекословно, но даже съ удовольствіемъ принялъ предложеніе Прокопа, разсчитывая, что въ сопровожденіи его не трудно будетъ выбраться домой изъ незнакомой мѣстности города, и не придется плутать, какъ это уже не разъ случалось Никитѣ, расхаживавшему въ одиночку по извилистымъ и перепутаннымъ улицамъ Москвы.

Нѣмецкая слобода, составляя какъ бы особый пригородъ столицы, рѣзко отличалась отъ тѣхъ ея частей, которыя были населены коренными русскими жителями. Слобода эта строилась по образцу тогдашнихъ маленькихъ нѣмецкихъ городовъ. Она состояла частью изъ большихъ, по тому вре-

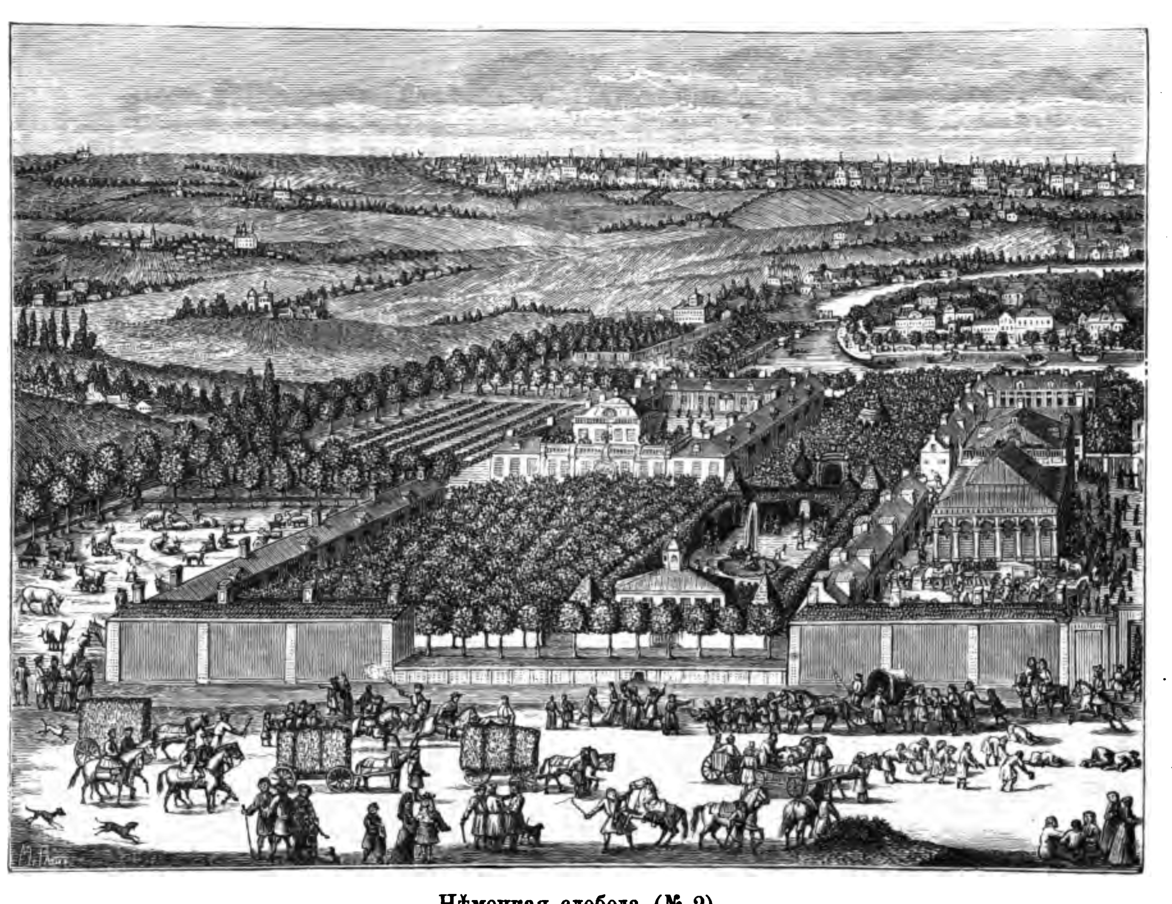


Нѣмецкая слобода (№ 1).

Съ гравюры Генриха де-Витть, начала XVIII столѣтія.

мени, каменныхъ двухъ и даже трехъ-этажныхъ домовъ съ выбѣленными наружными стѣнами, съ красными черепичными крышами, съ достаточно большими окнами, балконами и террасами, выходившими въ сады и палисадники, въ которыхъ, кромѣ обыкновенныхъ и плодовыхъ деревьевъ, виднѣлись еще и цвѣтники, среди правильно расположенныхъ аллеекъ. Сады и палисадники были огорожены не простыми досчатыми заборами и частоколомъ, какъ это было въ самой Москвѣ, но рѣшетками, составленными изъ точеныхъ балясокъ или досокъ съ узорчатыми прорѣзами. Въ огородахъ у нѣмцевъ разводились такія овощи и росла такая зелень, которыя не были вовсе извѣстны москвичамъ. Тамъ, между прочимъ, цѣлыя гряды были засѣяны салатомъ разнаго рода, чтò и подавало русскимъ поводъ къ насмѣшкамъ надъ нѣмцами, которые, точно коровы, ѣли сырую траву. Улицы были частью съ каменною, частью съ деревянною мостовой; по сторонамъ онѣ были окопаны канавами для стока воды и съ проложенными для пѣшеходовъ дорожками, обсаженными деревьями; надо рвами висѣли красивые мостики. Небольшіе деревянные домики, встрѣчавшіеся въ перемежку съ каменными домами, были снаружи обиты тесомъ и, окрашенные въ свѣтлую краску, выглядывали весело и уютно. Въ ту пору, когда даже въ палатахъ царевны Софіи Алексѣевны надъ-оконныя занавѣски и цвѣты въ горшкахъ составляли не только рѣдкость, но и просто чудо, эти принадлежности домашняго убранства можно было видѣть почти въ каждомъ домѣ Нѣмецкой слободы.

По улицамъ ея происходило значительное движеніе, но не такое, какое было въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Москвы, гдѣ народъ валилъ иногда густою толпою. Въ Нѣмецкой слободѣ въ вечернюю пору, во время, посвященное преимущественно прогулкѣ и отдыху, разъѣзжали всадники въ короткихъ колетахъ, съ накинутыми поверхъ епанчами и маленькими беретами или въ широкополыхъ войлочныхъ шляпахъ. Зажиточные негоціанты катались въ расписанныхъ каретахъ и фаэтонахъ, запряженныхъ лошадьми въ иностранной упряжи. По дорожкамъ гуляли иностранцы съ своими семействами: тутъ были молодые люди съ плотно натянутыми на ноги шелковыми чулками, въ разноцвѣтныхъ кафтанахъ нѣмец-



Нѣмецкая слобода (№ 2).

Съ гравюры Генриха де-Витть, начала XVIII столѣтія.

каго покроя, и туго подшнурованныя иностранки въ платьяхъ, затѣйливо отдѣланныхъ оборками и бантами, въ щегольскихъ шляпкахъ съ перьями и лентами. На прудахъ, бывшихъ въ садахъ, кавалеры и дамы катались въ лодочкахъ. Изъ оконъ переговаривались съ стоящими около домовъ мущинами замужнія женщины и дѣвушки. По временамъ проходилъ по слободѣ спѣшившій къ больному «дохтуръ» въ испанскомъ черномъ обтянутомъ костюмѣ, усвоенномъ тогда всѣми врачами въ Европѣ, съ большимъ круглымъ обходящимъ около всей шеи бѣлымъ накрахмаленнымъ и сложеннымъ въ складки воротникомъ, такъ что голова почтеннаго эскулапа напоминала положенную на круглое блюдо голову Ивана Крестителя. Изъ открытыхъ оконъ слышались или пѣніе, или звуки то клавикордовъ, то арфы, то лютни. Вообще, здѣсь встрѣчалась совершенная противоположность тому, что̀ было въ самой Москвѣ, гдѣ подъ вечеръ не было уже замѣтно никакого движенія, обнаруживавшаго признаки общественной или даже хоть бы семейной жизни, и гдѣ множество церквей, казалось, заслоняло собою обыкновенныя жилища.

Надъ слободой возвышалась, впрочемъ, не слишкомъ замѣтно, довольно обширная каменная кирка, или божница, отличавшаяся отъ прочихъ строеній только крестомъ на ея крышѣ, въ замѣнъ изображенія пѣтуха, долженствовавшаго напоминать объ отреченіи апостола Петра отъ Христа, такъ какъ во время этого отреченія запѣлъ «пѣтелъ». Нѣмцы уклонились въ Москвѣ отъ такого аллегорическаго изображенія лютеранства, предполагая, что пѣтухъ надъ домомъ молитвы, подастъ русскимъ людямъ поводъ не только къ насмѣшкамъ, но и заставитъ думать, что нѣмцы не содержатъ вовсе христіанской вѣры, поклоняясь не кресту, а пѣтуху.

По воскресеньямъ и рѣдкимъ праздничнымъ днямъ, — какъ бы въ противоположность безпрестаннымъ московскимъ общимъ приходскимъ и придѣльнымъ праздникамъ, — въ эту божницу сходились на молитву нѣмцы и нѣмки, по звону колоколовъ, имѣть которые разрѣшилъ имъ еще царь Борисъ Өеодоровичъ; а изъ церкви неслись пѣніе хоромъ и звуки органа, привезеннаго около ста лѣтъ тому назадъ изъ Нюренберга въ Нѣмецкую слободу. Противоположность этой слободы съ Москвою составляло еще и совершенное отсутствіе

на улицахъ слободы всякихъ церковныхъ торжествъ, столь многочисленныхъ въ Москвѣ, какъ-то: крестныхъ ходовъ, ношенія иконъ и служенія молебновъ и панихидъ на Красной площади. О духовныхъ требахъ напоминалъ въ слободѣ только изрѣдка важно и медленно шагавшій пасторъ въ черной сутанѣ, съ бѣлыми длинными воротничками и съ четвероугольною шапочкою на головѣ, съ обстриженными волосами и гладко выбритымъ лицомъ, тогда какъ въ Москвѣ на каждомъ шагу встрѣчались попы въ разноцвѣтныхъ рясахъ съ распущенными по плечамъ космами волосъ и съ взъерошенными бородами. Такая противоположность дополнялась отсутствіемъ монаховъ и монахинь, а также нищихъ, калѣкъ и юродивыхъ, а также и кабаковъ, тогда какъ все это встрѣчалось въ Москвѣ на каждомъ шагу. Поселившіеся въ подмосковной слободѣ иностранцы имѣли уже въ началѣ XVII столѣтія и училище, и больницу, и богадѣльню. Само собою разумѣется, что все это съ одной стороны доказывало любовь ихъ къ порядкамъ и ихъ наклонность къ благоустройству и общежитію, но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ другой стороны, несомнѣнно свидѣтельствовало и о гостепріимствѣ русскихъ къ пришлымъ въ Москву иноземцамъ.

Все, что̀ пришлось теперь встрѣтить Никитѣ въ Нѣмецкой слободѣ, представлялось ему и страннымъ, и заманчивымъ. Онъ смотрѣлъ на слободу, какъ на диковинку, и ему пришло въ голову, что хорошо было бы поглядѣть, какъ живутъ чужіе, нерусскіе люди, у себя за моремъ. Въ головѣ его пошли бродить мысли, которыя прежде не затрогивали ни его ума, ни его воображенія. Переходъ къ слишкомъ замѣтной разницѣ не могъ не подѣйствовать на впечатлительнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ любознательнаго молодого человѣка.

Совершенно иначе относился старикъ Прокопъ къ нѣмецкой обстановкѣ; онъ подсмѣивался надъ попадавшимися ему на встрѣчу разодѣтыми, по своему обычаю, нѣмками и нѣмцами, и говорилъ, что Нѣмецкая слобода, въ сравненіи съ Москвою, никуда не годится, и что здѣсь русскій человѣкъ на третій день околѣетъ съ тоски, а, пожалуй, и съ жажды и съ голоду, потому что не видно ни кабаковъ, ни харчевенъ, ни съѣстныхъ лавокъ, «и кто знаетъ, добавилъ онъ,—что̀ они пьютъ и ѣдятъ?»

Хотя Прокопъ и пошелъ въ слободу, чтобъ отыскивать своего хозяина, но не обдумалъ заранѣе, какъ приняться за это трудное дѣло. Какъ русскій человѣкъ, онъ шелъ на удачу, съ достаточною, однако, увѣренностью, что, если не столкнется съ своимъ хозяиномъ на улицѣ, то увидитъ его гдѣ нибудь или, по крайней мѣрѣ, услышитъ его голосъ, такъ какъ Прокопу казалось невѣроятнымъ, чтобъ подгулявшій подъ вечеръ его хозяинъ не шумѣлъ и не буянилъ бы гдѣ нибудь. Теперь, когда онъ захотѣлъ приступить къ розыскамъ, то, въ виду того, что слобода была небольшая, онъ рѣшился обойти ее всю, освѣдомляясь тамъ, гдѣ, какъ ему покажется, могъ запропаститься его хозяинъ.

Онъ началъ обращаться къ нѣмцамъ съ вопросами о томъ, не знаютъ ли и не видали ли его хозяина, торговаго человѣка Андрея Викулыча Тяботу, и въ своихъ обращеніяхъ называлъ одного нѣмца—дядей, другого—родимымъ, третьяго—братомъ, четвертаго—дѣдушкой, пятаго—господиномъ, смотря по возрасту и по одеждѣ. Запросы Прокопа были встрѣчаемы различно. Одинъ нѣмецъ не удостоилъ его отвѣтомъ и презрительно отвернулся отъ него въ сторону; но за то другой благодушный нѣмчина пустился съ видимымъ доброжелательствомъ въ разговоръ съ Прокопомъ, на ломанномъ русскомъ языкѣ, и затѣмъ, послѣ продолжительнаго объясненія, взглянувъ еще разъ вопросительно на Прокопа, отрицательно покачалъ головою, отвѣчая: «такой не знаю». Встрѣчались иностранцы, говорившіе очень хорошо по-русски, но и отъ нихъ Прокопъ не добился ничего. Повторялось все то же и при попыткахъ Прокопа освѣдомиться у нѣмокъ, но здѣсь, когда онъ обращался къ молоденькимъ нѣмочкамъ, то, въ добавокъ къ этому, онѣ пырскали отъ смѣха, хихикали, а иная изъ нихъ, посматривая на статнаго и красиваго Никиту, подталкивая локтемъ свою подругу, плутовски приговаривала «куке!»

Пробродивъ по слободѣ до той поры, когда въ окнахъ тамошнихъ домовъ стали засвѣчиваться огоньки, и убѣдившись, что всѣ поиски будутъ напрасны, Прокопъ, въ сопровожденіи Никиты, вышелъ изъ слободы и возвратился домой уже поздно ночью, крайне опечаленный неуспѣхомъ своихъ поисковъ.

XXVIII.

Въ тогдашней Москвѣ грабежи и убійства были очень часты; грабители были или единичные, или дѣйствовали скопомъ. Намѣчая заранѣе какого нибудь торговаго человѣка и подкарауливая его, они выжидали благопріятнаго времени, чтобъ напасть на него, особенно если онъ шелъ подъ хмѣлькомъ. Что же касается убійствъ, то хотя и они случались при грабежахъ, но бо̀льшею частью происходили при дракахъ между подвыпившими людьми, и притомъ, конечно, самыя драки начинались изъ-за пустяковъ. Были еще и нападенія не съ корыстною цѣлью и не подъ пьяную руку—то были разсчеты мужей съ полюбовниками ихъ женъ. Нападенія та̀кого рода производились бо̀льшею частью изъ-за устроенной заранѣе засады, и оскорбленный супругъ, запасшись полѣньями, подламывалъ ноги пробиравшемуся волокитѣ или, дѣйствуя дреколіемъ, наносилъ тяжкіе побои, а иной разъ и увѣчья искателю любовныхъ приключеній. Замѣчательно, однако, что въ старинныхъ бумагахъ жалобъ на такую расправу не встрѣчается. Такъ какъ жалобщикъ былъ бы самъ въ отвѣтѣ за свое волокитство, то онъ и не поднималъ уголовнаго дѣла, но переносилъ побои молчкомъ, безъ всякихъ судебныхъ исковъ. Кромѣ того, расправа съ соблазнителемъ предпринималась вообще очень рѣдко, такъ какъ все вымѣщалось на женѣ. Только мужья, страстно любившіе своихъ женъ, рѣшались на месть своимъ соперникамъ, снисходя къ слабости женщины.

Подъ всѣ эти случаи убійства или увѣчья могъ легко подходить и Тябота, и Прокопъ на-завтра хотѣлъ обойти скудѣльные дома, въ которыхъ выставлялись на показъ народу находимыя на улицахъ мертвыя тѣла неизвѣстныхъ людей. Легко могло быть, что Прокопъ среди такихъ тѣлъ нашелъ бы и трупъ своего убитаго хозяина. Но оказалось, что не было надобности приводить въ исполненіе такого предположенія Прокопа.

На-зарѣ, когда Прокопъ, утомленный вчерашнею продолжительною ходьбой въ Нѣмецкую слободу, еще крѣпко спалъ, раздался сильный стукъ въ ворота, и работница Тяботы, от-

воривъ ихъ, увидала, что передъ ней стоитъ нѣсколько незнакомыхъ ей людей.

— Что твоей милости нужно?—спросила она одного изъ нихъ, который, повидимому, предводительствовалъ прочими.

— Здѣсь будетъ домъ торговаго человѣка Андрея Викулова Тяботы? сказалъ онъ вмѣсто отвѣта.

— Онъ самый и будетъ, да только хозяина дома нѣтъ. А по что̀ онъ тебѣ?

— Не бабье дѣло знать, по что̀ онъ мнѣ нуженъ!—прикрикнулъ на работницу приставъ Сыскного приказа, пришедшій съ тремя послухами. Зови сюда скорѣй работника!

Заспавшійся Прокопъ, разбуженный Настасьею, явился передъ приставомъ.

— Пришелъ я описать и опечатать животы твоего хозяина, сказалъ приставъ. Веди меня къ хозяйкѣ и самъ будь послухомъ при описи, а хозяинъ твой, Андрей Викуловъ, сидитъ въ Сыскномъ приказѣ и вчера былъ на пыткѣ.

Прокопъ и Настасья остолбенѣли отъ ужаса. Дѣло могло идти теперь о нихъ самихъ, такъ какъ никто не вѣдалъ, за что̀ Андрей былъ приведенъ къ сыску, да и кто знаетъ, кого онъ съ-пьяна, а потомъ и на пыткѣ, могъ, и безъ злого умысла, оговорить. Прокопъ и работница, молча, въ недоумѣніи, только покачивали головами, а приставъ съ ними и съ приведенными послухами отправился въ домъ, чтобы исполнить распоряженіе, данное ему изъ приказа.

Приставъ поступалъ, а, съ своей стороны, и Сыскной приказъ распорядился въ этомъ случаѣ совершенно правильно, такъ какъ, по силѣ «Уложенія», животы, или имущество, каждаго приводимаго въ Сыскной приказъ должны были быть описаны и опечатаны, въ виду того, что въ ту пору каждое дѣло могло кончиться взятіемъ животовъ въ казну, или, какъ обыкновенно тогда выражались, «на Великаго Государя».

Анфиса, узнавъ объ этомъ, сильно встревожилась и горько заплакала, свѣдавъ о плачевной участи мужа. Хотя она и не любила его, но, представивъ себѣ тѣ мученья, какія онъ долженъ былъ выдержать, подвергнувшись пыткѣ, она съ трудомъ приподнялась съ постели, а приставъ принялся подробно разсказывать ей, какъ расправлялись въ приказѣ

съ ея мужемъ. Не смотря на болѣзнь и слабость хозяйки, дѣло не могло, однако, обойтись безъ угощенья пристава. Этотъ исполнитель закона, какъ и всѣ тогдашніе приказные люди, не прочь былъ хорошенько выпить, а подвипивши порядкомъ, онъ становился болтливъ.

— За какую-жь вину привели Андрея Викулыча въ Сыскной? нерѣшительно, сквозь слезы, спросила Анфиса.

Приставъ разсказалъ ей безъ утайки, какъ было дѣло, выставивъ на видъ дѣйствительную причину, т. е. любовныя похожденія Тяботы.

Вслѣдствіе этого разсказа, у молодой женщины какъ будто отлегло отъ сердца: въ той бѣдѣ, въ какую попался Андрей, она видѣла праведное Божье наказаніе за его супружескую невѣрность, а не какое нибудь несчастіе, постигшее его безъ всякой причины. Но такое чувство тотчасъ прошло, и мѣсто его заступило состраданіе къ Андрею. Она хотѣла бы провѣдать его, но болѣзнь не позволяла ей выйти изъ дому, да и, кромѣ того, приставъ пояснилъ ей, что пока продолжается сыскъ и колодникъ въ своей винѣ не сознался еще на чистоту, до тѣхъ поръ не позволяется ему видѣться ни съ кѣмъ: ни съ отцомъ, ни съ матерью, ни съ женою, ни съ дѣтьми. Приставъ говорилъ, какъ слѣдовало бы поступить по закону, на дѣлѣ, однако, тогдашніе русскіе, а въ томъ числѣ и московскіе тюрьмы и остроги не были въ сущности ни чѣмъ уединены отъ сообщенія съ внѣшнимъ міромъ. При помощи нѣсколькихъ алтынъ не только легко было пробраться въ тюрьму и въ острогъ, но и самъ колодникъ могъ свободно иной разъ сходить домой въ сопровожденіи десятскаго, даже если онъ былъ въ оковахъ или съ набитой на шею рогаткой. Колодники содержались тогда не на счетъ казны, а на счетъ общественной благотворительности. Колодниковъ, подъ присмотромъ стрѣльцовъ или десятскихъ, водили по городамъ, чтобы они собирали съ міру милостыню на свое прокормленіе, и, во время такой ходьбы, подаянія раздавались имъ щедрою рукой: кто подавалъ одинъ или нѣсколько алтынъ, другіе давали имъ калачей, бубликовъ и разные другіе съѣстные припасы. Состраданіе къ узникамъ было отличительною чертой въ нравахъ русскаго народа. Особенно много получали они подаянія, когда проходили по тѣмъ мѣс-

тамъ, гдѣ шла торговля, а въ Москвѣ — по торговымъ рядамъ. Послѣ такой прогулки они возвращались въ тюрьму съ пригоршнями мѣдяковъ, а за пазухой у нихъ было много разнаго продовольствія. Кромѣ того, многіе благотворители и благотворительницы отправляли въ тюрьмы иногда цѣлые возы пожертвованій хлѣбомъ, мясомъ, рыбою, а также раздавали сами въ тюрьмахъ на руки колодникамъ деньги, одѣляя ими каждаго и каждую по своему усмотрѣнію.

Цари и царицы не уклонялись отъ такихъ способовъ благотворенія. Они не только посылали отъ себя въ тюрьмы обильныя подаянія и деньгами, и разными съѣстными припасами, но и соблюдали установившійся изстари въ Москвѣ особый обычай. Въ рождественскій сочельникъ и въ страстную пятницу, а также и наканунѣ большихъ праздниковъ или по какимъ либо особымъ случаямъ, они обходили тюрьмы и изъ своихъ царскихъ рукъ раздавали милостыню: царь— колодникамъ, а царица—колодницамъ,

Приставъ пообѣщалъ, впрочемъ, устроить такъ, чтобы Анфиса, когда поправится, могла видѣтся съ мужемъ, а затѣмъ, переговоривъ въ сторонкѣ съ ея матерью и принявъ отъ Маремьяны Ивановны одну полтину въ подарокъ, а двѣ для передачи Андрею Викулычу, позвалъ послуховъ, или понятыхъ, составилъ сказку объ описи и, припечатавъ нѣкоторые сундуки, а затѣмъ и лавку Тяботы, отправился съ своими подручными въ царское кружало.

Въ тотъ же день, въ домѣ Андрея явилось другое, болѣе значительное лицо — подъячій изъ Сыскного приказа. Принявшей его съ почетомъ Маремьянѣ Ивановнѣ онъ пояснилъ, что, если ему будетъ дано теперь пять рублевъ и потомъ столько же, то онъ устроитъ дѣло такъ, что Тяботу не приведутъ ко вторичной пыткѣ и все окончится тѣмъ, что его дня черезъ три выпустятъ на чистыя поруки, т. е. отпустятъ на всѣ четыре стороны. Предложеніе это было принято очень охотно, а подъячій брался за него въ полной увѣренности, что онъ съумѣетъ направить дѣло въ пользу обвиняемаго.

При неполнотѣ и неясности тогдашнихъ законовъ, и уголовныхъ, и гражданскихъ, каждую статью ихъ легко можно было истолковать и примѣнить какъ угодно. Дѣло

Тяботы не представляло само по себѣ особой важности. Очевидно было, что оно заключалось въ напрасномъ оговорѣ невиновнаго со стороны подвыпившаго и раздраженнаго человѣка. Притомъ Тябота потерпѣлъ уже порядкомъ, и ему была дана хорошая наука, на вискѣ и встряскѣ. Приказный пообѣщалъ посулу дьяку, и они вдвоемъ повели дѣло такъ, что Тябота былъ признанъ виновнымъ только въ произнесеніи «неистоваго» слова, за которое можно было, пожалуй, или приговорить даже къ смертной казни, или освободить безъ всякаго наказанія. Толкованіе закона въ послѣднемъ, благопріятномъ смыслѣ примѣнили къ Андрею Викулычу. Главнымъ основаніемъ его оправданія была признанная въ немъ «дурость», и онъ, отбывъ послѣ пытки еще пять дней въ тюрьмѣ, былъ отпущенъ домой съ внушеніемъ, что, если онъ поступитъ такъ неразсудно «вдругорядь», то быть ему въ «жестокомъ наказаньи и страшномъ раззореньи». Хотя вправленныя удачно приказнымъ костоправомъ послѣ пытки руки Андрея еще болѣли и онъ пока не могъ вполнѣ свободно владѣть ими, а исполосованная кнутомъ спина не поджила окончательно, но все же онъ отдѣлался легко сравнительно съ тѣмъ, что могло придтись на его долю. Выйдя изъ душной тюрьмы, Андрей съ трудомъ приподнялъ правую руку, перекрестился на всѣ четыре стороны и поплелся домой, присаживаясь по временамъ гдѣ-нибудь, такъ какъ вытянутыя на вискѣ и при встряскѣ ноги не слишкомъ хорошо служили ему.

XXIX.

Причина внезапной болѣзни Анфисы оставалась пока загадкой. Объ этомъ не отвѣчала она на разспросы мужа, котораго встрѣтила теперь съ радостью, съ трудомъ приподнявшись съ постели. Изнеможенный Андрей возбудилъ въ ней сильную къ себѣ жалость, и все прошлое было забыто. Его страданія искупили въ глазахъ его жены всѣ прежнія нанесенныя ей обиды и неправды. Она желала поскорѣе оправится, чтобъ ухаживать за Андреемъ, который постоянно охалъ и стоналъ, жалуясь на то, что жестокая пытка

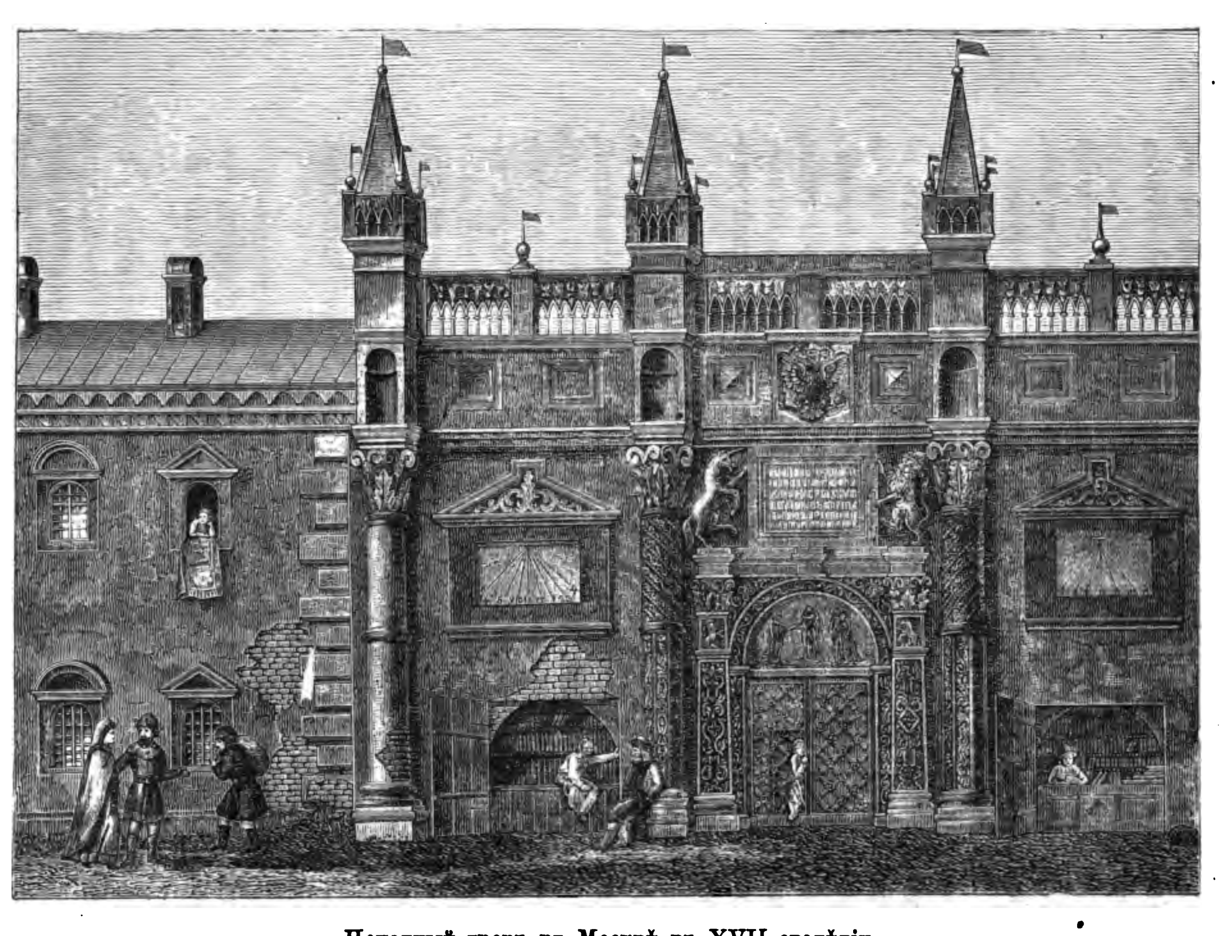
въ-конецъ разстроила его здоровье. Тябота присмирѣлъ и самымъ дружественнымъ образомъ относился къ Анфисѣ. Забылъ онъ о своей полюбовницѣ, которая, какъ оказалось, обманывала его, да и сверхъ того была случайною причиной его страданій. О позорѣ, нанесенномъ пыткою, не могло, конечно, быть и рѣчи, такъ какъ ей въ ту пору, въ случаѣ оговора, могъ подвергнутся каждый безъ всякаго исключенія, начиная съ простыхъ людишекъ и кончая именитыми и родовыми боярами, засѣдавшими въ царской думѣ. Извѣстно было въ народѣ, что даже патріархъ Филаретъ, прадѣдъ царствовавшихъ тогда государей, былъ, предъ его невольнымъ постриженіемъ, приведенъ къ пыткѣ: по повелѣнію царя Бориса, онъ былъ поднятъ на дыбу и битъ кнутомъ.

Но если, по тогдашнимъ понятіямъ, пытка не безчестила никого, то все же она болѣзненно и мучительно отзывалась продолжительное время на самомъ здоровомъ человѣкѣ, и Тябота, въ свою очередь, чувствовалъ на себѣ ея вредныя послѣдствія. Онъ не могъ еще самъ сидѣть въ лавкѣ, которая, по возвращеніи его домой, была отпечатана, и, когда Анфиса немножко поправилась, то онъ сталъ посылать ее туда вмѣсто себя.

Такимъ образомъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ съ того времени, какъ заболѣла Анфиса, и однимъ днемъ менѣе съ того времени, когда толстый дьякъ расправлялся съ Тяботою въ Сыскномъ приказѣ. Въ этотъ промежутокъ Андрей ни разу не только не придирался за что-нибудь къ Анфисѣ, не прикрикивалъ на нее, но даже не сказалъ ей ни одного жесткаго или «неучтиваго» слова. Молодая женщина вздохнула свободнѣе и хотя ей жаль было Андрея, но все же она не могла не порадоватся происшедшей въ немъ перемѣнѣ.

Однажды, когда она сидѣла въ лавкѣ и около нея не было никого изъ покупателей, къ ней незамѣтно подкралась Матрена Ивановна.

— Что же ты, матушка Анфиса Семеновна, надѣлала?— заговорила она шопотомъ. Съ чего ты, родная, такъ сплошала, вѣдь дала я тебѣ, по твоей просьбѣ, зелья на изводъ Андрея Викулыча, а оно попало въ твою утробу. Эхъ, какъ промахнулась! Ошиблась знать, или не туда сыпнула, или ненарокомъ приняла его сама. Да бѣду эту поправить мож-



Печатный дворъ въ Москвѣ въ XVII столѣтіи.

Съ рисунка, находящагося въ «Древностяхъ Россійскаго государства».

но: если понадобится, такъ я тебѣ ещё принесу, только не плошай.

Анфиса отвернулась въ сторону отъ говорившей ей это бабѣ, и, повидимому, не хотѣла слушать ее. Но Хрипунья, дернувъ ее сильно за рукавъ, проговорила:

— Нѣшто не узнаешь меня, или и говорить со мной не хочешь? Вѣдь ты сама сдѣлала не такъ, какъ я тебя наставляла, а я въ твоей бѣдѣ безпричинна. Сама разсуди.

— Знай, заговорила дрожащимъ голосомъ Анфиса, что я просила у тебя лихаго зелья не на изводъ Андрея Викулыча: такого злодѣйства никогда у меня въ помыслахъ не было. Да коли поможетъ Господь, такъ и впредъ его не будетъ. Я только нарокомъ такъ тебѣ говорила, а зелье мнѣ потребно было на окормъ самой себя. Мнѣ въ тѣ поры жизнь опостылѣла такъ, что я только и думала о томъ, какъ бы поскорѣе съ этого свѣта уйти. Да вотъ по волѣ Божьей уцѣлѣла, а только крѣпко настрадалась.

— Зелья-то, видно, мало сыпнула или знать оно у меня вылежалось, а статься можетъ и плохого я сама добыла. Да нѣтъ, что я пустяки-то болтаю!—какъ будто опомнившись, вскрикнула вѣдунья,—ни отъ того, ни отъ другаго, ни отъ третьяго, оно тебѣ смерти не принесло, а отъ того ты избавилась, что оно не на тебя, а на раба Божьяго Андрея нашептано было. Ну оно своей мочи и лишилось, а дай-ко ты Андрею Викулычу, лежалъ бы онъ теперь въ могилѣ, а ты бы безъ заботъ и печали на свободушкѣ погуливала, а теперь тебѣ, горемычной, снова терпѣть приходится...

— Ничего я не терплю пока отъ Андрея Викулыча, рѣзко перебила Анфиса.

— Ну вотъ видишь, стало быть мой привороть тебѣ помогъ,—хвастливо отозвалась вѣдунья. Сама говоришь, что мужъ твой инымъ сталъ, а попортится, такъ снова попросишь...

И съ этими словами она, завидѣвъ приближающихся къ лавкѣ двухъ покупателей, поспѣшила отойти отъ Анфисы.

Оказалось, что шли не покупатели, а Демьянъ Григорьевичъ съ Никитой. Они поклонились Анфисѣ, а старикъ Антуфьевъ и заговорилъ съ ней. Онъ спросилъ ее, какъ поживаетъ Андрей Викулычъ, и передалъ, что онъ, Демьянъ

Григорьевичъ, собирается на нѣкоторое время отлучиться изъ Москвы на богомолье.

— А что-жь не навѣстишь моего мужа?—онъ былъ бы радъ тебя видѣть,—сказала Анфиса.

Хотя Демьяну Григорьевичу и не очень хотѣлось свидѣться снова съ Андреемъ, но по приглашенію хозяйки и зная, что Андрей недавно такъ жестоко пострадалъ, онъ отправился къ Тяботѣ, а Никита, стоявшій во время разговора Анфисы съ дядей поодаль, вошелъ въ ворота и, остановившись около нихъ, разговорился съ Прокопомъ.

Трезвый Андрей встрѣтилъ привѣтливо Демьяна Григорьевича и просилъ, чтобы онъ отпустилъ ему, если онъ, Андрей, чѣмъ-нибудь неумышленно обидѣлъ его, или сказалъ что нибудь супротивное по своей дурости. Онъ, не переча гостю, сознался, что былъ несправедливъ къ женѣ и часто обижалъ ее по пустому, и добавилъ, что какъ только онъ поправится, то пойдетъ на поклоненіе къ преподобному Сергію.

XXX.

На другой день послѣ свиданія съ Тяботой, Демьянъ Григорьевичъ на разсвѣтѣ отправился пѣшкомъ въ Троицко-Сергіевъ монастырь. Дорога, которая вела изъ Москвы въ эту обитель, была въ ту пору, вѣроятно, самая оживленная на Руси. По ней постоянно тянулись богомольцы и богомолки, составлявшіе изъ себя какъ бы отдѣльныя товарищества, но старикъ Антуфьевъ плелся одинъ съ котомкою за плечами, погружаясь въ размышленія объ истинной вѣрѣ. Онъ проходилъ черезъ лежавшія на пути села. Изъ нихъ при нѣкоторыхъ были устроены «царскіе станы», такъ какъ обыкновенно государи, предпринимая такъ называемые «походы» въ Троицкій монастырь, совершали предлежавшій имъ путь пѣшкомъ, отдыхая или въ устроенныхъ на этомъ пути станахъ, или, въ хорошую погоду, въ шатрахъ, которые передъ ихъ приходомъ разставляли на окрестныхъ лугахъ. Дорога эта не представляла особенно-живописныхъ мѣстностей, на которыя можно было бы полюбоватся. Она на протяженіи между бывшими на ней значительными селеніями

шла большею частью лѣсомъ, но такъ какъ она была такой путь, по которому не только ѣздили, но и ходили пѣшкомъ и бояре, и цари со своими семействами, то она была устроена лучше и содержалась гораздо исправнѣе, чѣмъ всѣ другія проѣзжія дороги. Рытвины и промоины на ней были сглажены, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оказывались хотя и неглубокія топи, была настлана брусяная мостовая. На ней безпрестанно встрѣчались колодцы, постоялые дворы, лавки съ разными съѣстными припасами, такъ что по этой дорогѣ и ходить и ѣздить было очень хорошо, соотвѣтственно тогдашнимъ понятіемъ о дорожныхъ удобствахъ. Идя по ней, можно было прилечь и прохладится подъ тѣнью деревъ въ лѣтній зной, обогрѣться въ зимнюю стужу и во всякое время года укрыться отъ непогоды.

Старикъ Антуфьевъ, не заводя ни съ кѣмъ изъ прохожихъ знакомства и не вступая даже въ разговоры, подходилъ уже къ Хотькову монастырю, когда показавшійся изъ придорожнаго лѣса какой-то ветхій старикъ, выйдя на дорогу, поравнялся съ нимъ бокъ-о-бокъ. Старикъ быстро окинулъ глазами съ головы до ногъ Демьяна Григорьевича и потомъ началъ пристально всматриваться ему въ лицо.

— А вѣдь мы, Демьянъ Григорьевичъ, съ тобой давнишніе знакомцы,—сказалъ вышедшій изъ лѣсу старикъ,—развѣ не узнаешь меня? а въ молодости мы частенько встрѣчались на Украйнѣ. Вѣдь я Ѳедоръ Тихоновъ, по прозванію Копытовъ.

— Такъ и есть!—вскрикнулъ Антуфьевъ,—Богъ вѣдаетъ съ коихъ поръ мы не видались, состарѣлись и теперь трудненько признать другъ друга.

— Я-то, лежа на травѣ въ лѣску, долго въ тебя вглядывался, какъ ты шелъ. Кажись, говорю я, знакомый?—и, наконецъ, призналъ тебя. Въ Сергіевъ монастырь плетешься? спросилъ онъ.

Демьянъ Григорьевичъ утвердительно кивнулъ головою.

— А тебя куда Господь несетъ? спросилъ онъ.

— Господь ведетъ меня по пути праведному, началъ плавно Копытовъ. Нѣтъ нынѣ на Москвѣ древляго православія, нѣтъ тамъ и прежняго благочестія. Святая церковь тамъ пала, и вмѣсто ея воцарилась антрихристова сила. Я, слѣдуя Христову ученію, отрясъ прахъ съ ногъ моихъ и

гряду въ убѣжище истинной праотеческой нашей вѣры. Отрекся я отъ всего и укроюсь въ глухихъ дебряхъ, чтобы не быть съ осквернившимися никоніанцами и спасти свою душу ко дню судному.

— Такъ ты противъ нынѣшнихъ церковныхъ новшествъ? какъ бы обрадовавшись, проговорилъ Демьянъ.

— Да развѣ истинный христіанинъ можетъ постоять за нихъ? Развѣ можно впасть въ проклятую ересь Никона? Не патріархъ, а «потеряхъ» онъ былъ: потерялъ бо вѣру истинную; — мрачно и съ ожесточеніемъ говорилъ поборникъ старой вѣры.

— Но вѣдь Никонъ училъ правильно, если соборъ святителей, даже и осудившихъ его самого, призналъ ученіе его правильнымъ и отлучилъ отъ церкви его противниковъ.

— Какіе это соборы! съ досадою крикнулъ старовѣръ — общія недомыслія, рождающіяся въ церкви, подобаетъ рѣшать только на вселенскихъ соборахъ, а такихъ соборовъ нынѣ быть не можетъ. Пора ихъ прошла. Ты самъ, Демьянъ Григорьевичъ, былъ когда-то хорошимъ начетчикомъ священнаго писанія, и потому долженъ знать, что тамъ сказано: «Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ седмь». Домъ-то этотъ и есть наша святая церковь, а седмь столбовъ — седьмъ вселенскихъ соборовъ, и на нихъ-то неподвижно должна стоять единая святая соборная и апостольская церковь безъ всякихъ отмѣнъ и новшествъ.

Демьянъ Григорьевичъ внимательно слушалъ своего стараго знакомаго и спутника, всегда считавшагося человѣкомъ толковымъ и богобоязненнымъ, но въ былое время онъ далеко уступалъ старику Антуфьеву въ начитанности «божественнаго». Теперь въ этомъ отношеніи Демьянъ Григорьевичъ увидѣлъ въ Θедорѣ Тихоновичѣ большое превосходство надъ собою. Твердая, а порою и пылкая рѣчь Копытова, отзывавшаяся, въ добавокъ къ богословскимъ его познаніемъ, искренностію, бойкостію и твердостію убѣжденія, произвела на Антуфьева совершенно иное вліяніе, нежели холодная и разсудительная рѣчь колебавшагося и въ ту и въ другую сторону отца Онуфрія. Θедоръ Тихоновичъ бралъ надъ московскимъ священникомъ верхъ суровостію и непреклонностію своихъ внушеній, тогда какъ наставленія пос-

лѣдняго отличались кротостію и мягкостію, которыя, какъ казалось, во всякое время готовы были и на уступку, и на примиреніе.

— Пробираюсь я вдругорядь на рѣку Иргизъ къ Саратову, подальше отъ Москвы, измѣнившей древнему правовѣрію. Туда начали уходить наши, а житье тамъ человѣку не хуже московскаго. Тамъ тянутся большіе дубовые лѣса, хорошо родятся всякія овощи и хлѣбъ, а рѣка изобилуетъ рыбою. Тамъ человѣкъ, по благости Божіей, найдетъ для себя все пригодное, а что̀ всего пуще, сохранитъ свою душу отъ оскверненія никоніанствомъ. Добраться въ тамошніе лѣса царскимъ ратнымъ людямъ не легко, да если и покажутся они, то мы съумѣемъ дать имъ отпоръ силою. Ходилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ на Волгу по царскому указу атаманъ Осиповъ съ казаками противъ нашихъ, да ничего съ ними подѣлать не могъ. Господь принялъ насъ подъ святую свою охрану и даровалъ намъ побѣду надъ нашимъ врагомъ и супостатомъ. Наши отбились отъ царской рати, и отошла она отъ насъ вспять, покрытая срамомъ.

— Слыхалъ я объ этомъ еще въ Москвѣ, замѣтилъ Антуфьевъ. Атаманъ доносилъ царю, что ничего подѣлать не могъ.

— Вотъ хоть бы ты, ищешь ты истинной вѣры, заговорилъ Ѳедоръ Тихоновичъ, обращаясь къ Антуфьеву — да вѣдь не обрящешь ты теперь ея на Москвѣ, и ни въ другихъ градахъ и весяхъ: нечестье ширится и утверждается въ патріаршей области; а вотъ кабы ты пошелъ на Иргизъ, въ тамошніе скиты, то совсѣмъ иное дѣло было бы. Тамъ есть мудрые и твердые наставники въ вѣрѣ, не допустятъ они, чтобы возросли плевела нечестія. Вотъ они и просвѣтили бы твой разумъ, обличивъ въ-явь все умопомраченіе никоніанцевъ.

Во время всего остального пути до Сергіева монастыря, шла между обоими стариками бесѣда относительно тогдашнихъ церковныхъ нестроеній, и рѣчи Ѳедора Тихоновича глубоко западали въ умъ и сердце его спутника, начавшаго уже помышлять о томъ, какъ бы ему, избѣгая соблазна, пробраться вмѣстѣ съ Копытовымъ на Иргизъ, гдѣ, какъ стало казаться Антуфьеву, вдали отъ еретиковъ, должна на-

ходится обѣтованная земля для русскихъ людей, желавшихъ соблюсти во всей чистотѣ истинную праотеческую вѣру.

XXXI.

Несмотря на взаимную любовь и привязанность, оба Антуфьевы, дядя и племянникъ, начали расходиться въ Москвѣ по двумъ дорогамъ, которыя вскорѣ должны были развести ихъ на далекое другъ отъ друга разстояніе. Въ ту пору, когда Демьянъ Григорьевичъ, подъ вліяніемъ своего давняго знакомца Копытова, все рѣшительнѣе думалъ оставить Москву и пробраться на востокъ, въ Заволжье, для охраненія благочестивой, по его мнѣнію, родной старины, Никита, жаждавшій книжнаго ученія, не только хотѣлъ для занятія имъ остаться въ Москвѣ, но и начиналъ подумывать о томъ, какъ бы пробраться на западъ, за море, и посмотрѣть, какъ живутъ тамошніе люди. Его, молодого человѣка, съ развивающимся умомъ и подстрекаемаго любознательностію, занимало многое изъ того, на что сверстники его не обращали вниманія, довольствуясь издавна установившимся на Руси порядками. Нѣкоторыя благопріятныя для Никиты обстоятельства усиливали въ немъ жажду знаній. Онъ не только радъ былъ читать книги, которыя такъ сильно любилъ, но его занималъ еще вопросъ и о томъ, какъ ихъ приготовляютъ. Никаноръ Добротворяевъ познакомилъ его съ однимъ изъ работниковъ, занимавшихся на печатномъ дворѣ, а этотъ знакомецъ обѣщалъ показать ему «книгопечатное дѣло».

Въ то время типографія, въ которой печатали въ Москвѣ книги, была однимъ изъ самыхъ лучшихъ зданій. Оно шло вдоль Никольской улицы на протяженіи почти ста сажень. Какъ и всѣ тогдашнія московскія каменныя строенія, строеніе типографіи было о двухъ жильяхъ. По бокамъ воротъ этого красиваго зданія, въ которомъ смѣшивались черты зодчествъ готическаго, италіанскаго и арабскаго, были установлены съ каждой стороны солнечные часы, а въ верхнемъ полукружіи воротъ была поставлена, по срединѣ ихъ и нѣсколько выше, надпись, гласившая: «Божіею милостію- и по

велѣніемъ благовѣрнаго и христолюбиваго великаго государя, царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, всея Россіи самодержца, и сына его, благовѣрнаго и христіанскаго царевича и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Россіи, сдѣлана была сія палата на дворѣ надъ воротами книгопечатнаго тисненія въ лѣто 7153 (1645) мѣсяца іунія въ 30 день». Доску съ такою надписью поддерживали съ одной стороны левъ, а съ другой единорогъ, т. е. такіе звѣри, которые изображаются щитодержателями англійскаго королевскаго герба. Изображенія этихъ звѣрей были сдѣланы и на плоскихъ столбахъ, примыкавшихъ къ воротамъ. На этихъ столбахъ, какъ и на полукругломъ ободѣ воротъ, были изображены причудливые узоры. Такими же узорами были отдѣланы и двѣ поставленные около столбовъ колонны, нижняя часть которыхъ была трехгранная, а верхняя круглая. Нѣсколько поодаль отъ этихъ колоннъ было еще съ каждой стороны по одной круглой, но гладкой, безъ всякихъ украшеній, колоннѣ. Между этими колоннами, на каждой сторонѣ воротъ, подъ солнечными часами, были устроены, подъ сводами, книжныя лавки.

Изображенія на зданіи типографіи льва и единорога заставляли предполагать, что зданіе это принадлежало прежде англійскому посольству. Но такое предположеніе ничѣмъ не подтверждается, и надобно думать, что изображеніе упомянутыхъ звѣрей было сдѣлано въ память основанія типографіи Иваномъ Грознымъ, который, кромѣ всадника и двуглаваго орла, употреблялъ еще, въ видѣ своего герба, и льва и единорога — изображенія, которыя онъ, безъ всякаго сомнѣнія, позаимствовалъ изъ англійскаго герба.

Но если зданіе типографіи, выходившее на улицу, было замѣчательно по наружному виду, зато другое зданіе, оставшееся во дворѣ, заслуживало еще большаго вниманія. Во дворѣ типографскаго помѣщенія находилась каменная палата, построенная еще въ 1562 году царемъ Иваномъ Васильевичемъ, а потомъ расширенная при царѣ Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ. Въ этой палатѣ и помѣщалась первоначально-заведенная въ Москвѣ типографія, и первая вышедшая оттуда книга была «Дѣянія апостольскія».

Работы въ типографіи не могли не произвести сильнаго

впечатлѣнія на Никиту; онъ съ изумленіемъ смотрѣлъ, какъ положенный подъ ручные тиски чистый листъ бумаги мгновенно выходилъ оттуда покрытый церковно-славянскими буквами, которыми до временъ Петра Великаго, изобрѣвшаго гражданскій русскій шрифтъ, печатались въ Россіи всѣ книги безъ исключенія.

Посольскій домъ въ Москвѣ въ XVII столѣтіи.
Съ современной гравюры.

Въ числѣ типографскихъ заправителей Никита встрѣтилъ одного пожилого уже шведа, Акселя Альмквиста, который еще молодымъ человѣкомъ пріѣхалъ въ Москву съ шведскимъ посольствомъ, въ 1674 году. Повздоривъ съ однимъ изъ чиновниковъ посольства, Аксель, избѣгая ожидавшаго его въ Стокгольмѣ суроваго въ тѣ времена наказанія, не захотѣлъ вернуться на родину, а рѣшился остаться въ Москвѣ.

При отъѣздѣ посольства въ Стокгольмъ, онъ укрылся въ Нѣмецкой слободѣ, у одного знакомаго ему аугсбургскаго купца, а когда шведы уѣхали изъ Москвы, и, слѣдовательно, опасность миновала, Аксель сталъ ходить по Москвѣ, познакомился со многими русскими, научился порядочно говорить по-русски и получилъ хорошее мѣсто на «печатномъ дворѣ». Пытливый и разсудительный Никита полюбился шведу, который и сталъ принимать его у себя въ домѣ. Антуфьевъ любилъ бесѣдовать съ Акселемъ, разсказывавшимъ ему, какъ живутъ люди за моремъ, и воображеніе Никиты разыгрывалось при этихъ разсказахъ. Аксель говаривалъ, что хотя онъ и свыкся съ Москвою и даже полюбилъ ее, но что, несмотря на это, онъ, если бы не былъ женатъ и не имѣлъ дѣтей, крещенныхъ въ русскую вѣру, уѣхалъ бы изъ Москвы на западъ, гдѣ людямъ живется свободнѣе, нежели въ государствѣ московскомъ.

Но, осматривая Москву, заводя знакомства и думая порою объ Анфисѣ, Никита не забывалъ главной своей цѣли— сдѣлаться студіозусомъ славяно-греко-латинской академіи, и подготовлялся къ этому весьма усердно. Аксель, бывшій по тому времени человѣкомъ образованнымъ, знакомилъ Никиту по иностраннымъ книгамъ съ исторіей и географіей, а также и съ математическими науками. Отецъ Онуфрій позволилъ ему приходить, чтобъ учиться у него по-гречески и по-латини и по богословію, а Добротворяевъ развивалъ его по части піитики, риторики и философіи. Толковитый и способный Никита начиналъ мало-по-малу усваивать себѣ начатки ученія славяно-греко-латинской академіи, а поступленіе въ это училище, конечно, по прошествіи еще нѣкотораго времени, казалось уже ему не такъ труднымъ, какъ прежде, тѣмъ болѣе, что на первый разъ не потребовалось бы обширныхъ и глубокихъ познаній по всѣмъ наукамъ, преподаваемымъ въ академіи.

Время проходило своимъ чередомъ. Андрей, поправившись отъ перенесенной имъ пытки, сходилъ на богомолье и жилъ теперь съ Анфисой ладно, но нравъ его совѣмъ перемѣнился. Изъ прежняго весельчака онъ сдѣлался грустнымъ и задумчивымъ, и часто по цѣлымъ часамъ сидѣлъ на лавкѣ подъ образами и бормоталъ что̀-то про себя, потомъ вдругъ,

въ испугѣ, вскакивалъ, выбѣгалъ на крыльцо и, постоявъ тамъ нѣкоторое время въ какомъ-то тревожномъ состояніи, входилъ опять въ горницу и становился спокойнымъ, а порою даже на короткое время и веселымъ. Пилъ онъ куда какъ меньше противъ прежняго, такъ что не только не напивался, какъ прежде, до потери разсудка и памяти, но даже рѣдко бывалъ и подъ хмѣлькомъ. Онъ пересталъ балагурить, и выказывалъ охоту поговорить о чемъ нибудь дѣльномъ, а съ нѣкотораго времени особенно началъ толковать о древлемъ православіи и церковныхъ новшествахъ. Заходилъ онъ порою и къ отцу Онуфрію, кроткія наставленія котораго выслушивалъ теперь съ покорностію духовнаго сына.

Анфиса и ея родители радовались такой перемѣнѣ, и казалось, что супруги зажили если и не вполнѣ счастливо, то, по крайней мѣрѣ, спокойно, такъ что вообще настоящее ихъ житье не могло идти въ сравненіе съ прежнимъ.

Въ свою очередь, и Матрена Ивановна Хрипунья хвалилась, что она своимъ знахарствомъ съумѣла упрочить миръ и согласіе между супругами, прежняя разладица которыхъ была предметомъ нескончаемыхъ толковъ среди знакомыхъ и сосѣдей, изъ которыхъ одни принимали сторону мужа, а другіе сторону жены.

XXXII.

Наступала зимняя пора. Дни становились короче, и Андрею приходилось возвращаться домой изъ лавки ранѣе, чѣмъ прежде. Однажды, когда онъ около сумерокъ пришелъ изъ лавки и Анфиса стала готовить ужинъ, Андрей, задумчиво сидѣвшій въ углу, часто вскакивалъ съ мѣста, выбѣгалъ на крыльцо и чутко прислушивался, не идетъ ли кто-нибудь. Анфиса нѣсколько разъ пыталась спросить, — для чего онъ это дѣлаетъ; — но Андрей, вмѣсто отвѣта, только тревожно взглядывалъ на нее и затѣмъ, повидимому, успокоивался. Анфиса накрыла на столъ, поставила на немъ деревянную солонку, положила краюшку хлѣба и большой ножъ, а работница принесла миску щей.

Пора была морозная. Мѣсяцъ еще не вставалъ, на улицѣ никого не было и у полуотверенныхъ воротъ дома Андрея

Викулыча тихо разговаривали двое людей, лица которыхъ нельзя было разсмотрѣть за наступившей темнотой. Одинъ изъ нихъ былъ работникъ Прокопъ, а другой Никита, который разсказывалъ работнику, что сегодня принесли ему, Никитѣ, грамотку отъ Демьяна Григорьевича, и что грамоткѣ этой, отправленной изъ такого мѣста, какого онъ вовсе не знаетъ, не можетъ онъ, Никита, надивиться.

— Пишетъ мнѣ дядя — разсказывалъ Никита, что онъ уже никогда ни въ Москву, ни въ Сѣвскъ не вернется, и что онъ навѣки отошелъ туда, гдѣ предстоятъ праведные предъ Господомъ. Наказываетъ онъ мнѣ расположить, какъ я пожелаю самъ, всѣми его животами, а мнѣ, молъ, пишетъ онъ, ничего болѣе не нужно. Подумать можно, что онъ на свою жизнь посягнуть хочетъ, да тогда какъ бы онъ писалъ, что отошелъ туда, гдѣ предстоятъ праведные предъ Господомъ? Вѣдь покончить съ своею жизнью — грѣхъ страшный, и за то въ лики праведныхъ не попадешь — заключилъ Никита.

— Да не держался ли онъ старой вѣры, или не былъ ли онъ къ ней наклоненъ? — догадывался Прокопъ.

— Держаться-то не держался, а наклоненъ, кажись, былъ.

— Ну, теперь вѣдомо, Никита, гдѣ укрылся твой дядя. Вѣрно сманили его на Иргизъ люди старой вѣры: они туда многимъ множествомъ сходятся и хотятъ жить сами по себѣ, безъ царя и патріарха. Торговыхъ людей изъ Москвы, что̀ не захотѣли имѣть общенія съ никоніанами, ушло въ ту сторону не мало...

Во время этого разговора, Андрей, прислушивавшійся чуткимъ ухомъ къ доходившимъ до его съ улицы неразборчивымъ голосамъ, вдругъ вскочилъ съ лавки и схватилъ лежавшій на столѣ ножъ.

— А, за мной пришли! Снова хотятъ вести меня на пытку — да вѣдь я не Никита! — кричалъ онъ, и прежде чѣмъ успѣла Анфиса опомниться, Андрей изо всей силы хватилъ себя ножемъ по горлу.

Анфиса въ испугѣ кинулась къ нему, чтобы отнять ножъ изъ рукъ мужа, но онъ началъ отбиваться. Между ними началась борьба, во время которой Анфиса и столъ со стоявшей на немъ посудой съ грохотомъ повалились на землю;

свѣтецъ, бывшій на немъ, погасъ, а подлѣ стола грохнулся на полъ Андрей. Онъ уже не кричалъ и ничего не говорилъ, а только хрипѣлъ, потому что кровь заливала ему горло.

— Опять забуянилъ — съ досадою проговорила работница Настасья, бывшая въ поварнѣ — долго не пилъ, а вотъ какъ подгулялъ, такъ и принялся за старое.

Но прежде чемъ она успѣла проговорить это мысленно, Анфиса опрометью выбѣжала изъ горницы сперва въ сѣни, а потомъ на крыльцо съ отчаяннымъ крикомъ:

— Господи, спаси! Какая бѣда приключилась!..

Заслышавъ крикъ Анфисы, Никита не выдержалъ и, пока Прокопъ запиралъ ворота, онъ быстро взобрался по лѣстницѣ и вбѣжалъ въ горницу, гдѣ на полу лежалъ хрипѣвшій и захлебывавшійся кровью Андрей. Въ это время работница внесла свѣтецъ, и Никита, нагнувшись надъ Андреемъ, взглянулъ ему въ лицо. Помутившіеся глаза Андрея были открыты и, казалось, искали кого-то; легкія судороги подергивали его руки и ноги, и онъ какъ будто силился приподняться съ полу.

Анфиса сидѣла на скамейкѣ, опустивъ голову и закрывъ лицо руками, облитыми кровью. Взобрался по лѣстницѣ и Прокопъ. Всѣ бывшіе въ горницѣ растерялись и только, молча, смотрѣли на Андрея, который вдругъ захрипѣлъ сильнѣе прежняго, вздрогнулъ и затѣмъ вытянулся во весь ростъ, разметавъ въ стороны, по полу, окровавленныя руки.

— Побѣгу я къ отцу Онуфрію, да и дозорныхъ надобно оповѣстить, а то потомъ, чего добраго, въ отвѣтѣ будешь за то, что не срочно донесъ, — сказалъ дрожавшій какъ лихорадкѣ Прокопъ и опрометью кинулся изъ горницы.

Анфиса между тѣмъ сидѣла, по прежному, на скамейкѣ, работница принесла лохань съ водою и вымыла ей лицо и руки. Она не сказала ни слова и повиновалась Настасьѣ, какъ повинуется ребенокъ нянѣ, которая его моетъ. Послѣ того она встала со скамейки, не твердою поступью подошла къ неподвижно лежавшему трупу Андрея, взглянула на него, зарыдала и, шатаясь, отошла, чтобы сѣсть на прежнее мѣсто. Противъ обычая тогдашнихъ вдовъ, у которыхъ притворство было главнымъ двигателемъ, она не голосила и не причитывала, не билась головой обо что попало и не металась,

то опускаясь въ изнеможеніи на полъ, то вдругъ вскакивая съ ревомъ и воемъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ ухода Прокопа, около дома Тяботы послышался скрипъ снѣга подъ спѣшными шагами дозорныхъ. Ихъ громкій говоръ на улицѣ вызвалъ не уложившихся еще спать сосѣдей изъ домовъ, и они стали выбѣгать на улицу. Многіе думали, что не загорѣлось ли гдѣ нибудь, и ожидали, что вотъ сей часъ услышатъ трескотню трещетокъ и что ударятъ на приходской колокольнѣ «всполохъ», т. е. набатъ, который, переходя отъ одной церкви къ другой, загудитъ вскорѣ надъ всею Москвою. Такъ всегда это бывало въ ту пору, хотя бы пожаръ былъ самый незначительный.

— Выбѣжавшіе на улицу сосѣди и сосѣдки привалили гурьбою къ дому Тяботы. Всѣ хотѣли войти въ горницу, гдѣ лежалъ Андрей, а возвратившійся Прокопъ сказалъ Анфисѣ и прибѣжавшей ея матери, что отецъ Онуфрій поѣхалъ съ утра въ Серпуховъ, къ заболѣвшей своей дочери, и вернется оттуда только недѣли черезъ двѣ.

Вошедшіе въ избу дозорные, осмотрѣвъ трупъ Тяботы, принялись отыскивать ножъ, бывшій орудіемъ его смерти. Оказалось, что ножъ былъ брошенъ подъ лавку противуположную той, близъ которой упалъ Андрей. Прибѣжалъ и староста со своимъ ярыжкой и приказалъ ему составить сказку обо всемъ случившемся. Начался допросъ Анфисы.

— Я виновата... съ трудомъ проговорила она сквозь слезы.

— Пиши, что Анфиска Семенова учинила добровольное признаніе, крикнулъ староста ярыжкѣ, — и хорошо сдѣлала, по крайности не пойдешь на пытку, добавилъ онъ, обращаясь къ Анфисѣ.

— Не виновата я въ томъ — заговорила она, — что я его убила, а виновата, что любила его мало, и онъ, статься можетъ, оттого и съ ума своротилъ и въ безуміи самъ руку на себя наложилъ. Онъ сидѣлъ вотъ тутъ за ужиномъ, пыталась было объяснить Анфиса.

— Разсказывай! крикнулъ староста, не давъ договорить Анфисѣ. — Въ Сыскномъ приказѣ о томъ тебя спрашивать станутъ, а мы запишемъ то, что̀ ты съ перваго раза при людяхъ показывала. А покажешь противъ настоящаго иначе,

такъ тебя жестоко примутся пытать, и по уликамъ, а не по твоему запирательству, тебя обвинять, добавилъ староста.

— Не виновата я въ его смерти!.. Богъ свидѣтель, что невиновата!.. въ отчаяніи кричала Анфиса, хватаясь за голову и дико поводя кругомъ глазами, какъ бы выжидая благопріятнаго для себя отвѣта отъ тѣхъ, которые окружали ее.

Она рвалась впередъ отъ державшей ее матери и кинулась въ двери избы, но плотная толпа загородила ей дорогу. Анфиса рвалась изъ горницы, такъ какъ у ней мелькнула мысль сбѣжать съ лѣстницы и броситься въ колодезь.

Староста догадался на счетъ этого потому, что бѣжать топиться было самымъ обыкновеннымъ порывомъ у тогдашнихъ русскихъ женщинъ, захваченныхъ на мѣстѣ преступленія.

— Свяжите-ка ее покрѣпче, приказалъ староста дозорнымъ, — чтобъ она лиха какого надъ собой не учинила.

Дозорные исполнили приказаніе стросты. Они связали отбивавшейся отъ нихъ Анфисѣ напереди, около кистей, руки, скрутили веревкой ноги, и положили ее на лавку. Староста распорядился, чтобы на ночь остались при ней караульные, которые, чуть начнетъ разсвѣтать, должны были отвести Анфису въ тюрьму Сыскного приказа, для дальнѣйшихъ розысковъ по обвиненію въ убійствѣ мужа.

Мать Анфисы сѣла на лавку подлѣ своей связанной дочери и положила ея голову на свои колѣна. Анфиса не плакала, но только тяжело дышала, повторяя по временамъ: «видитъ Богъ, что я нисколько не посягала на Андрея Викулыча... Самъ онъ зарѣзался, а я хотѣла удержать его отъ такого грѣха...»

На оправданія Анфисы никто, кромѣ ея матери, утѣшавшей ее, не обращалъ вниманія. Напротивъ, выходившіе изъ избы и со двора сосѣди и сосѣдки почти единогласно рѣшили, что Анфиса зарѣзала своего мужа въ то время, когда онъ напился пьянъ до безпамятства.

— Мало развѣ у насъ такъ на Москвѣ дѣлаютъ? — съ тверёзымъ, разумѣется, бабѣ не совладать, а дѣло извѣстное — съ пьянымъ иное, и его можно иной разъ какъ барана зарѣзать. Всѣ знаютъ, что Андрей Викулычъ запивалъ такъ шибко, что, бывало, ни рукой, ни ногой пошевелить не смо-

жетъ. Нѣшто трудно было полосонуть его тогда по горлу?— разсуждала одна изъ сосѣдокъ Андрея

— Вѣстимо, что такъ, да и жилъ-то онъ не ладно съ Анфисой: бабенка она была куда-какая сварливая,—поддакивала другая,—а тутъ-то еще и нечистый попуталъ ее.

— Долго ли до грѣха,—добавилъ какой то старый мѣщанинъ:—коли лукавый искуситъ человѣка захочетъ, такъ наведетъ его на злодѣйство и противъ его воли.

— А видѣли ли вы, сударушки, какъ въ тѣ поры, какъ мы шли сюда, то изъ воротъ выбѣжалъ какой-то парень—начала одна изъ оговорщицъ Анфисы. Мнѣ-то, бабѣ, хватать его было не сподручно, онъ и убѣгъ, а кто его знаетъ, кто онъ?

— Кому-жъ и бѣжать было, какъ не ея полюбовнику. Такъ завсегда бываетъ: уходитъ жена мужа вдвоемъ, а милаго дружка ни за что̀ послѣ не выдастъ: говоритъ ему она: «тебя я выгорожу отъ всякой напасти. Живи, голубчикъ мой, на волюшкѣ, только по смерть люби меня, да поминай мою душеньку», — толковала какая-то вдовая молодуха.

Не угадала она, конечно, будто Анфиса зарѣзала мужа въ заговорѣ съ своимъ полюбовникомъ, но ея женское сердце подсказало ей, какъ дѣйствительно поступила Анфиса въ отношеніи Никиты, прибѣжавшаго въ горницу уже послѣ того, какъ Андрей упалъ на полъ. Какъ ни растерялась Анфиса, но все же у нея мелькнула мысль, что Никита можетъ ни за что̀, ни про что̀ попасть въ бѣду, и у ней оказалось настолько находчивости, чтобъ сказать Никитѣ:

— Бѣги поскорѣй отсюда, а то и тебя впутаютъ, и на пытку, ни въ чемъ неповиннаго, потащутъ!..

Никита былъ отъ природы парень робкій, да и вообще мы, русскіе люди, неспособны на самоотверженіе по любовной части, и въ этомъ отношеніи наши единоплеменницы составляютъ рѣзкую противоположность съ нами. Ходячая у насъ поговорка: «для милаго дружка—и сережка изъ ушка» понимается ими въ самомъ широкомъ значеніи, и онѣ всегда готовы пожертвовать не только всѣмъ, что̀ имѣютъ, но и самими собою для тѣхъ, кого страстно полюбятъ. Никита послушался высказаннаго ему на-скоро Анфисою внушенія и въ ужасѣ возвратился домой, соображая, что̀ онъ долженъ будетъ говорить, если его сочтутъ сообщникомъ мужеубійцы,

и удобно ли будетъ ему добровольно, безъ посторонней на него ссылки, явиться свидѣтелемъ въ пользу Анфисы? Да какимъ же онъ можетъ быть свидѣтелемъ, если все дѣло происходило безъ него, и онъ вошелъ въ горницу лишь тогда, когда Андрей уже лежалъ на полу, облитый кровью? Страшно становилось при мысли, что, быть можетъ, молва справедливо обвиняетъ Анфису въ убійствѣ мужа. Никита то отвергалъ возможность этого предположенія, то, признавая его вѣроятнымъ, начиналъ мысленно оправдывать Анфису, если бы она и въ-правду рѣшилась на это, раздраженная тѣми обидами и притѣсненіями, какія ей приходилось переносить со стороны Андрея.

Черезъ нѣсколько дней послѣ увода Анфисы въ тюрьму, ей былъ произведенъ допросъ въ Сыскномъ приказѣ. Никто не явился прямымъ обвинителемъ ея въ мужеубійствѣ. Главные свидѣтели, Прокопъ и Настасья, разсказали, что они нашли Тяботу уже съ перерѣзаннымъ горломъ, и, какъ было дѣло, они того и не знаютъ; что Анфиса была женщина кроткая, а покойникъ былъ во хмѣлю очень буенъ и драчливъ, но что въ тотъ день, когда послѣдовала его смерть, онъ пьянъ не былъ. Добавили они, что въ послѣднее время Андрей Викулычъ бывалъ иногда дураковатъ, словно полоумный, а отчего съ нимъ это было, они не вѣдаютъ, но ни сглазу, ни порчи они тутъ не подозрѣваютъ и объ Анфисѣ Семеновнѣ ничего дурного сказать не могутъ.

— Сидитъ бывало Андрей Викулычъ подъ образами и что-то бормочетъ, а чтò — тогò разобрать было нельзя; а потомъ станетъ прислушиваться, словно какъ будто поджидаетъ чьего-то приходу, да какъ вдругъ сорвется съ мѣста, выскочитъ на крыльцо, постоитъ тамъ и опять сядетъ на лавку. А чтò съ нимъ въ ту пору дѣлалось, никто дознаться не могъ, а на Анфису Семеновну думать не приходится. Онъ, полагать надо, руку самъ на себя наложилъ, на то, видно, Божья воля была, говорила чистосердечно работница.

То же самое, съ полнымъ простодушіемъ, подтвердилъ и Прокопъ. О Никитѣ не возбудилось никакихъ вопросовъ. Прочіе же свидѣтели, какъ это всегда въ ту пору водилось, а на этотъ разъ было и вполнѣ справедливо, отозвались,

избѣгая судейскихъ проволочекъ, полнымъ незнаніемъ того, чтò произошло между Андреемъ и Анфисою.

— Да чтò тутъ долго разспрашивать, сказалъ засѣдавшій въ приказѣ бояринъ, — въ начальной сказкѣ написано, что Анфиса сама добровольно при людяхъ повинилась, а послухи такое сознаніе слышали, и о томъ подъ присягою подтвердили, а коли станетъ она отпиратся отъ своихъ прежнихъ рѣчей, то надлежитъ ее отвести въ застѣнокъ. Признавайся-ка лучше еще разъ сама, — строго и внушительно сказалъ бояринъ,—ты призналась уже единожды, такъ тебѣ казни ужъ не отбыть, а упорствовать теперь станешь, такъ только на лишнія мученья сама напросишься. Знай напередъ: пытка тебѣ будетъ жестокая.

— Виновата, — чуть внятно, среди громкихъ рыданій, пробормотала молодая женщина, убѣжденная, что она ни въ какомъ случаѣ казни не избѣгнетъ, а подтверждая свою невиновность, только настрадается по-напрасну въ страшныхъ мученіяхъ, да, пожалуй, не выдержавъ ихъ, все-таки, оговоритъ сама себя.

— И давно бы такъ, одобрительно проговорилъ бояринъ. А ты, Григорій Никаноровичъ, обратился онъ къ старшему дьяку, составь надлежащій приговоръ, прописавъ въ немъ, что Анфиса Семенова сама въ приказѣ во всемъ созналась, а потому и дальнѣйшихъ розысковъ не производилось, да потому же она и къ пыткѣ приведена не была. Пропиши, что въ рѣчахъ ея супротивности никакой не встрѣтилось, такъ чтò только попусту было ее мучить. Все едино тотъ же самый былъ бы конецъ ей,—добавилъ съ выраженімъ сострадація бояринъ.

Анфису, подавленную горемъ, сторожа отвели въ тюрьму, а дьякъ принялся за исполненіе порученнаго ему дѣла.

Работа шла у него живо. Послѣ окончательнаго признанія Анфисы, дѣло о ней сократилось и упростилось до чрезвычайности. Теперь не было надобности прописывать ни въ особой сказкѣ, ни въ приговорѣ, ни обстоятельствъ этого дѣла, ни показаній, ни отзывовъ свидѣтелей, ни пыточныхъ рѣчей,—все это было вполнѣ покрыто добровольнымъ сознаніемъ самой преступницы. Не нужно было также наводить и разныхъ справокъ изъ «Уложенія» о томъ, какому

наказанію она подлежитъ за ея злодѣйство. Въ «Уложеніи» и въ дополненіяхъ къ нему была только одна статья, безусловно примѣнявшаяся къ мужеубійцамъ. Какимъ бы способомъ и по какимъ бы причинамъ ни было совершено это преступленіе, казнь во всѣхъ случаяхъ примѣнялась одна и та же, безъ всякаго смягченія...

XXXIII.

Въ то время, когда все это происходило въ Москвѣ, Демьянъ Григорьевичъ, отправившись изъ Троицко-Сергіевскаго монастыря, вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Тихоновичемъ, шелъ все далѣе на востокъ по направленію къ среднему теченію Волги. На пути они примыкали къ отправившимся раньше ихъ изъ Москвы и изъ разныхъ примосковныхъ городовъ поборникамъ старой вѣры, или же эти послѣдніе, нагоняя ихъ, присоединялись къ нимъ. Такимъ образомъ увеличивалось число русскихъ людей, уходившихъ въ Заволжье отъ преслѣдованій, воздвигнутыхъ противъ нихъ никоніанцами. Вожаки переселенцевъ становились какъ бы начальниками этого народнаго передвиженія. Въ число такихъ вожаковъ попалъ, между прочими, и старикъ Антуфьевъ. Около него образовался какъ бы таборъ перекочевниковъ, готовыхъ дать вооруженный отпоръ, если бы царскіе служилые люди преградили имъ путь, такъ какъ переселенцы шли съ оружіемъ въ рукахъ. Они приближались медленно къ тѣмъ мѣстамъ, на которыхъ еще такъ недавно проходили большія ватаги Стеньки Разина, и здѣсь на уходившихъ отъ Москвы вѣяло свободой. Хотя вооруженное возстаніе народа на Поволжьѣ и было уже прекращено, но все же возбужденное однажды волненіе не улеглось еще окончательно. Мѣстные жители радушно встрѣчали людей, уходившихъ изъ-подъ церковнаго и правительственнаго гнета и готовыхъ противоборствовать ему всѣми силами. Въ лѣсныхъ привольяхъ, тянувшихся за Волгою по берегамъ рѣки Иргиза, новые переселенцы устраивали скиты по образцу древнихъ иноческихъ общежительныхъ обителей. Нѣкоторые изъ этихъ скитовъ представляли уже обширныя селитьбы, имѣвшія видъ укрѣпленныхъ город-

ковъ. Въ одинъ изъ такихъ скитовъ пробрался Демьянъ Григорьевичъ и рѣшился поселиться тамъ навсегда, чтобы строго, до конца дней своихъ, блюсти древле-отеческое православіе, не допуская господствовать на землѣ нечестію никоніанцевъ, отъ которыхъ онъ отшатнулся окончательно подъ могучимъ на него вліяніемъ Ѳедора Тихоновича.

Послѣ происшествія въ домѣ Андрея, Никита, опасавшійся, что онъ будетъ призванъ или какъ обвиняемый, или какъ свидѣтель по этому дѣлу, мало-по-малу успокоился за себя, но онъ сильно печалился о судьбѣ Анфисы, въ особенности, когда узналъ, какая страшная казнь грозитъ ей, какъ обвиненной въ мужеубійствѣ. Сердце, однако, попрежнему, подсказывало ему, что Анфиса не могла рѣшиться на такое тяжкое преступленіе, и онъ думалъ, что она добровольно приняла на себя вину, чтобъ только избавиться отъ опостылѣвшей ей жизни. Подъ вліяніемъ угнетавшей его тоски, часто переходившей въ отчаяніе, дальнѣйшее пребываніе въ Москвѣ становилось Никитѣ невыносимымъ. Онъ пересталъ бывать у отца Онуфрія, опасаясь, что у него въ домѣ можетъ зайти рѣчь объ Анфисѣ, и что онъ невольно выдастъ свои къ ней чувства; да и слышать тамъ о ней что̀ нибудь нехорошее—ему представлялось слишкомъ тяжелымъ испытаніемъ. Онъ попытался было придумать что̀ нибудь для избавленія Анфисы отъ ожидавшей ее участи, хотѣлъ даже принять убійство Андрея на себя, но сознавалъ безполезность такого великодушнаго поступка, такъ какъ многимъ было извѣстно, что онъ прибѣжалъ въ домъ Тяботы уже въ то время, когда Андрей лежалъ на полу съ перерѣзаннымъ горломъ. Притомъ великодушіе его не повело бы ровно ни къ чему: онъ не зналъ, что̀ показала Анфиса на допросѣ въ Сыскномъ приказѣ, и своимъ вмѣшательствомъ могъ только запутать дѣло во вредъ самой же Анфисѣ. Притомъ, все равно, была ли бы она признана преступницею, какъ убійца своего мужа, или хоть подстрекательницею: какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ ее постигла бы та же самая кара, какая ожидала ее за непосредственно и единолично совершонное ею преступленіе. Наконецъ, сама Анфиса, сказавъ, чтобы Никита бѣжалъ поскорѣе, хотѣла тѣмъ самымъ сдѣлать его вовсе непричастнымъ къ дѣлу о

смерти Андрея. Никита, хотя и слабо, но еще надѣялся, что, быть можетъ, при окончательномъ разсмотрѣніи дѣла Анфисы въ Сыскномъ приказѣ, невиновность ея обнаружится, что ея выпустятъ на свободу, и что тогда она, какъ оправдавшаяся вдова, будетъ въ правѣ располагать собою, какъ пожелаетъ, а онъ, отказавшись отъ своего намѣренія

Поминки русскихъ въ XVII столѣтіи.

пойти въ академію, сдѣлается ея мужемъ, а затѣмъ, хоть и не охотно, примется за торговлю.

Продолжая посѣщать Акселя, въ бесѣдахъ котораго Никита находилъ для себя развлеченіе, онъ высказалъ однажды шведу свое намѣреніе покинуть родину, если и не навсегда, то хотя на время. Альмквистъ не только не возражалъ противъ этого, но, напротивъ, одобрилъ желаніе Никиты, говоря, что молодому любознательному человѣку въ иностран-

ныхъ государствахъ побывать не мѣшаетъ; что, поживъ тамъ нѣкоторое время, онъ можетъ научиться разнымъ иноземнымъ языкамъ, а потомъ, если не найдетъ на чужой сторонѣ для себя подходящихъ занятій, то, вернувшись со временемъ въ Москву, можетъ получить хорошее мѣсто въ Посольскомъ приказѣ, гдѣ всегда бываютъ нужны люди, знакомые съ иностранными языками и обычаями, и вообще такіе, которые могутъ быть переводчиками или отправляемы гонцами въ иностранныя государства.

— Не ѣзди только на чужую сторону безъ денегъ: безъ нихъ тамъ много набѣдствуешься. Не всегда можешь встрѣтить удачу, и, чего добраго, долженъ будешь пойти въ тяжкую работу, бродить по-міру или умирать съ голоду,— предостерегалъ шведъ Никиту.

Но Никитѣ не къ чему было опасаться этихъ печальныхъ случайностей, такъ какъ онъ съ проданнаго и въ Москвѣ, и въ Сѣвскѣ имущества дяди получилъ столько денегъ, что, по разсчету Акселя, могъ прожить за рубежемъ безбѣдно нѣсколько лѣтъ и, не работая ничего, только обучаться, чему онъ самъ пожелаетъ.

Въ это время въ Москвѣ шведскаго и никакого иного иностраннаго посольства не было, и только порою наѣзжали сюда гонцы изъ Швеціи и другихъ государствъ. Останавливались они здѣсь на такъ называемомъ «посольскомъ дворѣ», построенномъ еще при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Аксель вызвался побывать тамъ и поразвѣдать, нельзя ли будетъ Никитѣ, когда онъ задумаетъ привести въ исполненіе свое намѣреніе—выбраться какъ нибудь за московскій рубежъ тайкомъ съ посольскими людьми. Это необходимо было уладить заблаговременно, такъ какъ въ ту пору получить «проѣзжую» за-границу грамоту Никитѣ было невозможно, потому что даже торговыхъ людей правительство не охотно и съ большимъ разборомъ выпускало изъ предѣловъ государства; поэтому ему и оставалось только пробираться изъ Россіи какимъ нибудь ухищреннымъ способомъ.

Аксель взялся устроить побѣгъ Никиты, и притомъ съ тѣмъ удобствомъ, что Никита отправится въ путь съ однимъ шведомъ, который и переведетъ его за русскій рубежъ во владѣнія короля свейскаго.

XXXIV.

Прошло около двухъ недѣль послѣ составленія приговора по дѣлу Анфисы, когда стали ходить по Москвѣ бирючи, которымъ велѣно было прокликать на площадяхъ, рынкахъ и людныхъ перекресткахъ, что завтра поутру будетъ на Болотѣ учинена смертная казнь женкѣ торговаго человѣка, Анфисѣ Семеновой, за убійство ея мужа.

Такъ называвшееся «Болото» было въ ту пору едва ли не самою глухою пригородною мѣстностью Москвы, и здѣсь производились смертныя казни, которыя прежде исполнялись обыкновенно на Красной площади, гдѣ, во время Ивана Грознаго было устроено восемнадцать висѣлицъ, стояли плахи съ положенными на нихъ топорами и были подвѣшены на цѣпяхъ большіе котлы, въ которыхъ варили въ кипяткѣ приговоренныхъ царемъ къ этой казни. Тамъ же торчали и колья съ положенными на верху ихъ плашмя большими колесами, окованными толстымъ желѣзомъ, а на верхушкѣ этихъ кольевъ, надъ колесами, были укрѣплены острые желѣзные наконечники. На эти колеса клали или цѣлые трупы колесованныхъ, или трупы съ отрубленными головами, проткнутые желѣзнымъ остріемъ, на которое потомъ втыкали отсѣченную отъ туловища голову. Стояли на Красной площади и заостренные колья безъ колесъ; на нихъ сажали осужденныхъ, умиравшихъ на колѣ въ продолжительныхъ и страшныхъ мученіяхъ.

Къ исходу XVII столѣтія, старинные способы смертной казни на Руси нисколько не смягчились. Битье кнутомъ, вырѣзываніе ноздрей, отрѣзка носовъ, ушей, пальцевъ и языка, отсѣченіе рукъ и ногъ и даже рубка головы могла считаться легкими казнями въ сравненіи съ заливкою горли растопленнымъ оловомъ, повѣшеніемъ на крюкѣ, вдѣтомъ между реберъ, посадкою на колъ и колесованіемъ. Но самою ужасною казнью должна была считаться казнь, назначавшаяся женѣ за убійство мужа. Страшная эта казнь была отмѣнена только Петромъ Великимъ.

Рано по-утру, въ день, назначенный для исполненія казни надъ Анфисою, ее, измученную душевными страда-

ніями и истомленную продолжительнымъ заключеніемъ, вывели изъ тюрьмы и бросили на рôзвальни. Стрѣльцы съ пищалями на плечахъ окружили рôзвальни, и обезумѣвшую Анфису повезли съ барабаннымъ боемъ, въ сопровожденіи толпы, которая все болѣе увеличивалась на дорогѣ, по мѣрѣ приближенія къ мѣсту казни. Среди этой толпы слышались то сожалѣнія о молодой женщинѣ, то равнодушные о ней отзывы, то выраженіе удовольствія по поводу того, что преступленіе ея не останется безнаказаннымъ. Слышались также въ толпѣ и безжалостныя, грубыя насмѣшки на счетъ того, какъ она будетъ мучиться, и догадки о томъ, долго ли ей придется страдать.

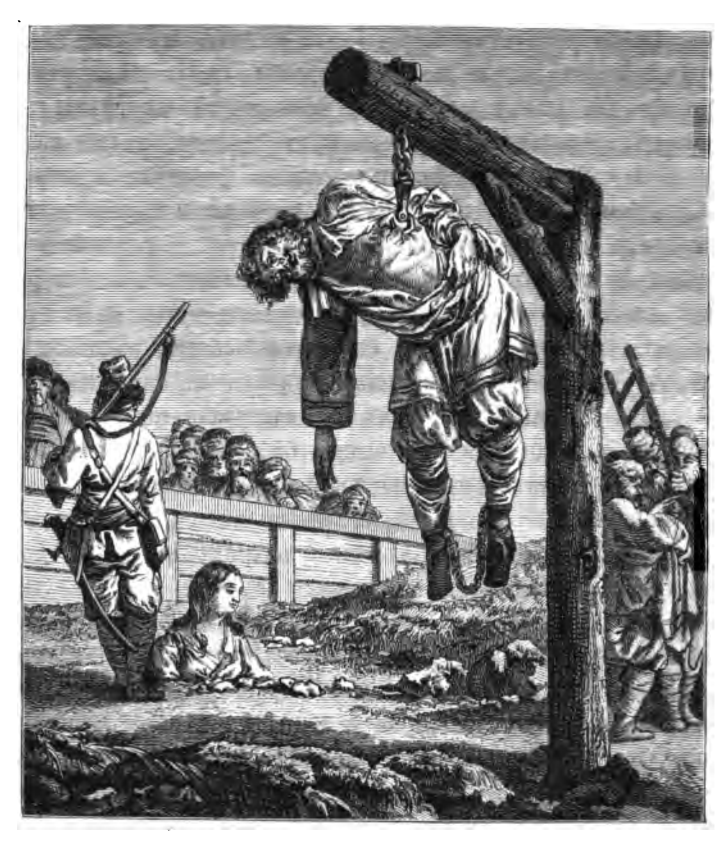
На Болотѣ, на небольшомъ пространствѣ, огороженномъ невысокимъ заборомъ, такъ что взрослый человѣкъ могъ черезъ него видѣть,—стояло нѣсколько палачей и была вырыта глубокая, неширокая яма, около которой лежала выброшенная изъ нея земля. Анфису подвезли къ забору: палачи сняли ее съ рôзвальней, завязали ей назадъ веревкою руки и, поддерживая ее со всѣхъ сторонъ, подвели къ ямѣ. Анфиса затрепетала всѣмъ тѣломъ и, какъ ни была она слаба, но все-таки рванулась изъ рукъ палачей; но, разумѣется, всѣ ея усилія были не только напрасны, но даже остались почти незамѣтными для любопытныхъ зрителей, окружавшихъ заборъ.

Въ то время, когда палачи держали Анфису, безсильно свѣсившую на плечо голову, приказный, по распоряженію дьяка, читалъ слѣдующій приговоръ:

«По статьѣ четыренадесятой главы двудесятой первой «Соборнаго Уложенія», въ коей написано: а будетъ жена учинитъ мужу своему убійство или окормитъ его отравою, а сыщется про то допряма: и за то ее казнити — живую окопати въ землю и казнити ее такою смертію безо всякія пощады, хотя будетъ убитаго дѣти или иные кто ближніе роду его того не похотятъ, что ее казнити; а ей отнюдь не дати милости, и держати ее въ землѣ до тѣхъ мѣстъ, покамѣсть она умретъ—великіе государи цари и великіе князья Иванъ и Петръ Алексѣевичи и царевна великая княжна Софія Алексѣевна указали: казнити таковою смертною казнью женку Анфису Семенову за убійство мужа ея, торговаго

человѣка Андрея Викулова, по прозванію Тябота, дабы другимъ женкамъ, глядя на ту ея казнь, не повадно было такъ дѣлати».

По прочтеніи этого приговора, палачи подтащили молодую женщину къ самой ямѣ и опустили ея почти до подъ-



Казнь повѣшеніемъ за ребро и закапываніемъ въ землю.
Съ рѣдчайшей французской гравюры начала XVIII ст., находящейся въ собраніи П. Я. Дашкова.

мышекъ, какъ въ мѣшокъ. Они взялись за заступы и живо закидали пустое пространство землею, которую потомъ плотно утоптали ногами. Надъ утоптаннымъ мѣстомъ виднѣлось блѣдное, искаженное ужасомъ лицо Анфисы, которая отчаянно мотала головою и двигала плечами, какъ будто силясь раздвинуть охватившую ее могилу и вырваться оттуда. За-

мѣтно было, что она хотѣла закричать или сказать что-то, но не могла, и губы ея только судорожно шевелились. Длинныя и густыя ея русые волосы отъ сильнаго движенія головы разметались во всѣ стороны и поприкрыли ей лицо.

Стоявшая около забора толпа, поглазѣвши нѣкоторое время на молодую окопанную женщину, начала мало-помалу расходиться, а подлѣ Анфисы сталъ на стражу съ пищалью на плечѣ стрѣлецъ, обязанный смотрѣть, чтобы мученицѣ, обреченной на медленную смерть, никто не далъ напиться или поѣсть. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Анфисы, прямо передъ ея лицомъ, поставили подсвѣчникъ съ зажженною восковою свѣчею.

Расходившаяся съ Болота толпа толковала о совершившейся казни. Большинство предполагало придти, по прошествіи нѣкотораго времени, снова къ забору, желая посмотрѣть, что̀ дѣлается съ закопанною.

— Въ старину, говорилъ одинъ, было повалнѣе: тогда велось такъ, что если окопанная баба проживетъ три дня, то ее потомъ изъ ямы высвобождали: почитали, что она была казнена не по винѣ, коли прожила такой срокъ; а нынѣ того уже нѣтъ, а указано держать въ окопѣ до самой смерти.

— И смерть-то не скоро приходитъ при такой казни, перебилъ другой, — съ голоду умирать нужно. Чай помните, какъ, годовъ пять тому назадъ, закопали здѣсь же, на Болотѣ, разомъ мать и дочь за то, что онѣ, сговорясь промежъ собою, убили своихъ мужей. Такъ изъ нихъ мать-то умерла на третій день, а дочь промучилась пять дней, хоть стужа на ту пору стояла сильная. У нихъ лица совсѣмъ изморозились, сдѣлались черными какъ уголь. Хорошо еще, что теперь морозъ поотвалилъ, все же хоть однимъ мученьемъ будетъ меньше.

— Что казнь!—вмѣшалась какая-то баба—какою смертью ни померетъ, все одинаково, умереть когда нибудь надобно, а хуже всего, что ее «опростоволосили»—такая срамота лютѣе всякой, самой жестокой казни.

Такъ разсуждала баба потому, что въ ту пору показаться замужней женщинѣ или вдовѣ вообще передъ мущи-

нами, а тѣмъ еще болѣе на улицѣ, съ непокрытой головой считалось между русскими такимъ страшнымъ безчестьемъ, которому—по народной молвѣ, если не по понятіямъ,—слѣдовало бы предпочесть и муки, и смерть.

«Эхъ, молодуха,—думалъ стоявшій на караулѣ около Анфисы молодой стрѣлецъ—и далъ бы я тебѣ поѣсть и попить, хоть бы за то и самому пришлось быть въ наказаньи, да что въ томъ толку?—только продлишь твои муки.

Такое мнѣніе стрѣльца раздѣляли не только самые сострадательные люди, но даже и духовные отцы окопанныхъ женщинъ, имѣвшіе право приходить къ нимъ для ихъ утѣшенія и пріуготовленія къ наступавшей смерти.

Начинало вечерѣть. Никто уже не приближался къ забору, и около могилы живой пока еще Анфисы расхаживали взадъ и впередъ караульные стрѣльцы. Они пытались-было ласково заговорить съ Анфисой, но она не отвѣчала имъ ничего.

Наступила ночь. Анфиса взглянула на небо. На немъ одна за другой зажигались яркія звѣзды, а мѣсяцъ сталъ медленно подниматься надъ печальнымъ Болотомъ. Вѣтеръ развѣвалъ длинные волосы Анфисы и мучительно рѣзалъ ей лицо, которое она ничѣмъ не могла защитить. По временамъ она въ изступленіи напрягала всѣ силы, воображая, что можетъ вырваться изъ сдавившей ее могилы. Послѣ такихъ безполезныхъ порывовъ, Анфиса, обезсиленная въ конецъ, впадала въ тяжелое забытье, но такое отрадное для нея состояніе было непродолжительно. Все болѣе и болѣе начавшая томить ее жажда и усилившіеся приступы голода безпрерывно вызывали ее изъ забытья и напоминали ей, что она еще жива и страдаетъ, хотя уже и не чувствовала ни стянутыхъ веревкой рукъ, ни отекшихъ ногъ, оставшихся безъ всякаго движенія. Анфисѣ, по временамъ, казалось, что смерть ея уже наступаетъ. Она задыхалась отъ спиравшагося въ груди дыханія, теряла слухъ и зрѣніе, мысли ея мутились, и ей, на прощанье съ жизнью, смутно представлялись то Андрей, то Никита, и быстро мелькали передъ нею дни ея дѣвической жизни. Но, къ несчастью, такіе предсмертные припадки были обманчивы, и страдалица возвращалась къ жизни, съ которою ей такъ хотѣлось бы поскорѣе разстаться.

Вдругъ среди тяжелаго забытья ей послышался знакомый голосъ, тихо проговорившій ея имя.

Она очнулась, раскрыла глаза и какъ будто черезъ застилавшую ихъ дымку, при яркомъ свѣтѣ поднявшагося высоко мѣсяца, увидѣла передъ собою отца Онуфрія.

Анфиса пронзительно вскрикнула и зарыдала.

— Отойди, родимый, въ сторонку, — сказалъ Онуфрій стоявшему на караулѣ стрѣльцу.

Стрѣлецъ исполнилъ приказаніе священника.

— Я пришелъ, чтобъ утѣшить тебя въ твоихъ страданіяхъ и отпустить тебѣ твои прегрѣшенія именемъ Христовымъ. Какъ же ты такой страшный грѣхъ совершила? — началъ, пригнувшись къ головѣ Анфисы, духовный ея отецъ.

— Не виновата я въ смерти Андрея Викулыча, — самъ онъ на себя руку наложилъ, — подавленнымъ голосомъ проговорила Анфиса. — Мнѣ все равно вскорѣ придется помереть, и я покаялась бы передъ тобою, коли была бы виновата на самомъ дѣлѣ, — прошептала Анфиса.

— Отчего же ты созналась? — спросилъ духовникъ.

— Не созналась я въ убійствѣ, а только признала себя виновной потому, что Андрей промолвилъ слово о Никитѣ, а мнѣ почудилось, что онъ знаетъ мои женскіе помыслы, и подумалось мнѣ, что я любовью моею къ Никитѣ — хоть грѣха между нами никакого не было — довела его до того, что онъ съ горя наложилъ на себя руку. Не будь этого, не вырвалось бы у меня никакого слова на мою пагубу, — съ трудомъ и медленно говорила Анфиса.

Отецъ Онуфрій, которому извѣстно было дѣло Тяботы и Кузьмина, тотчасъ догадался, что Андрей, спятивъ съума отъ пьянства и отъ пытки, воображалъ, будто его самого оговариваютъ въ томъ, что онъ хочетъ быть Никитой Пустосвятомъ, а растерявшейся Анфисѣ не могло прійти въ голову, почему Андрей упоминалъ имя Никиты, когда ему представилось, будто за нимъ пришли изъ Сыскного приказа, чтобъ схватить его и отвести въ застѣнокъ на пытку.

Отецъ Онуфрій, только-что вернувшійся изъ Серпухова, узнавъ о казни Анфисы, тотчасъ же поѣхалъ на Болото. Наступали уже вторыя сутки со времени окопки Анфисы, и надобно было спѣшить, чтобы какъ можно скорѣе освобо-

дить ее, еще живую, изъ могилы. Онуфрій, какъ и всѣ москвичи, зналъ, что такое освобожденіе допускалось иногда по царскимъ указамъ, вслѣдствіе просьбъ или царицы, или царевенъ, и онъ, какъ духовный отецъ Анфисы, вполнѣ убѣжденный въ ея невинности, рѣшился употребить всѣ средства, чтобъ спасти ее отъ приближавшейся къ ней смерти. Онъ воспользовался своимъ близкимъ знакомствомъ съ протопопомъ Благовѣщенскаго собора, состоявшимъ духовникомъ государя и его семейства.

— Беру на свою душу грѣхъ Анфисы, если бы она содѣлала его, и говорю по священству, что она въ убійствѣ мужа не причинна и безъ вины страдаетъ, умирая теперь страшною смертью. Избавь ее отъ незаслуженной ею казни, и Господь воздастъ тебѣ за это,—убѣдительно говорилъ отецъ Онуфрій протопопу.

Протопопъ нѣсколько помялся, покряхтѣлъ, почесалъ затылокъ и въ раздумьѣ потянулъ впередъ правою рукою свою сѣдую бороду.

— Больно ужъ часто у насъ въ Москвѣ такія злодѣйства бываютъ; только страхомъ казни отъ нихъ женки и поудерживаются. Ну да, впрочемъ, такъ какъ тутъ никакого волшебства или чародѣйства не было, то я схожу на сей разъ къ царицѣ Марфѣ Матвѣевнѣ и къ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ и стану просить ихъ, — уступчиво проговорилъ протопопъ.

Онъ надѣлъ епитрахиль и взялъ въ руки напрестольный крестъ, какъ это требовалось въ томъ случаѣ, когда духовныя лица отправлялись къ царю или къ царицѣ съ просьбою о помилованіи кого нибудь.

— Отсюда къ царицѣ близко черезъ крытые переходы, а ты поѣзжай межъ тѣмъ на Болото и тамъ повремени; коли Анфису помилуютъ, то сейчасъ же изъ дворца сеунча съ дневальнымъ дьякомъ пришлютъ, чтобъ ее откопали,—сказалъ протопопъ, которому отецъ Онуфрій поклонился въ ноги, благодаря его за милосердное заступничество.

Прямо отъ протопопа Онуфрій поѣхалъ на Болото. Потихоньку подъѣзжалъ онъ туда на своей поутомившейся лошадкѣ. Тамъ было все по прежнему. Около вкопанной въ въ землю Анфисы расхаживалъ медленно караульный стрѣ-

лецъ, а нѣсколько любопытныхъ посматривали изъ-за забора на молодую женщину, которая, какъ казалось, была теперь въ безчувственномъ состояніи съ закрытыми глазами и открытымъ ртомъ. Лицо ея было мертвенно-синее, и можно было подумать, что страданія ея уже кончились.

Отецъ Онуфрій, не вылѣзая изъ пошевней, остановившихся нѣсколько поодаль отъ забора, сталъ пристально смотрѣть въ ту сторону, откуда долженъ былъ пріѣхать царскій сеунчъ, или гонецъ. Долго онъ томился въ тревожномъ ожиданіи, чѣмъ рѣшится участь Анфисы, но вотъ вдалекѣ, на бѣлой пеленѣ снѣга, показалась какая-то черная точка. Онуфрій вздрогнулъ и подумалъ, что это должно быть скачетъ царскій гонецъ и, вглядываясь внимательно вдаль, скоро убѣдился, что онъ не обманулся. Дѣйствительно, по дорогѣ къ Болоту неслось во весь опоръ нѣсколько ѣздовыхъ. Слѣдомъ за ними бѣжалъ народъ. Онуфрій вздохнулъ свободнѣе, снялъ шапку и перекрестился.

Вскорѣ къ забору подскакали верхомъ на лошадяхъ, данныхъ изъ царской конюшни, дьякъ, приказный и двое царскихъ конюховъ. Дьякъ и приказный слѣзли съ лошадей и пошли на мѣсто, огороженное заборомъ. Отецъ Онуфрій послѣдовалъ за ними.

Остановившись близъ Анфисы, которая ничего уже не видала, не слышала и не понимала, дьякъ громогласно началъ читать царскій указъ, въ которомъ говорилось, что цари и великіе князья, а также царевна и великая княжна Софія Алексѣевна смилостивились, по прошенію благовѣрной царицы Марфы Матвѣевны, и повелѣли, не медля, откопать изъ земли женку Анфису Семенову съ тѣмъ, чтобъ ее, Анфиску, за неумышленное убійство мужа, при своей отъ него оборонѣ, сослать на заточеніе въ дальній монастырь «и быть ей тамъ, Анфискѣ,—говорилось въ указѣ—въ безъисходномъ заточеніи до конца ея живота».

По прочтеніи этого указа, всѣ присутствовавшіе стали креститься, а подбѣжавшій отовсюду народъ хлынулъ за ограду. Мужчины взялись за лежавшіе тамъ заступы и принялись откапывать Анфису. Скоро ее вынули изъ ямы, положили на землю и распустили веревку, врѣзавшуюся ей въ руки до самыхъ костей. Нѣкоторые, жившіе вблизи Бо-

лота, побѣжали домой, чтобы поскорѣе принести ей что-нибудь выпить и поѣсть. Анфиса не могла пошевелиться, и только съ трудомъ открывала помутившіеся глаза. Ее положили на пошевни отца Онуфрія, а сострадательные люди прикрыли своими охабнями. Дьякъ и приказный сѣли на лошадей и поѣхали впередъ, а за ними въ пошевняхъ, на которыя присѣлъ и духовникъ Анфисы, повезли ее шагомъ въ Сыскной приказъ, откуда слѣдовало передать ее въ распоряженіе духовныхъ властей для отсылки въ монастырь.

Въ то время, когда это происходило, Никита ничего не могъ знать о судьбѣ Анфисы, и, оплакивая ея мученическую смерть, пробирался съ спутникомъ, добытымъ для него Акселемъ Альмквистомъ, на русско-шведскій рубежъ.

АССАМБЛЕИ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

Въ прилагаемой къ настоящей статьѣ литографіи съ картины художника Хлѣбовскаго, не смотря на простоту сюжета, отражается одно изъ важнѣйшихъ явленій въ исторіи преобразованія Россіи на европейскій ладъ. То, что̀ изображено на этой картинѣ, не могло происходить у насъ ранѣе 1718 года, когда появился указъ Петра Великаго объ «ассамблеяхъ», на которыя, по повелѣнію царя, начали съѣзжаться и сходиться люди «всякихъ чиновъ» обоего пола. Указъ объ ассамблеяхъ произвелъ коренной переломъ и въ домашней, и въ общественной жизни нашихъ предковъ, и послужилъ первымъ шагомъ къ тому, чтобы и у насъ женщины заняли въ обществѣ то положеніе, какое онѣ занимали въ западной Европѣ. Прежнія ихъ затворничество и отчужденность были уничтожены царскою безграничною властію, и нарушеніе въ этомъ отношеніи старинныхъ обычаевъ вызвало среди русскихъ сдержанный ропотъ, такъ какъ никто не смѣлъ явно ослушаться государева повелѣнія.

Подготовкою къ Петровскимъ ассамблеямъ служили предписанныя Петромъ измѣненія въ одеждѣ подданныхъ. Такъ, царь повелѣлъ, чтобы съ праздника Богоявленія 1700 года всѣ русскіе, кромѣ духовныхъ лицъ и крестьянъ, носили «венгерское платье»; даже жены солдатъ и стрѣльцовъ должны были надѣть съ этого дня «бостроги», юбки и баш-

... Петро ...

... тому, чтобы ...

... Повеление ...

... положены царскою ...

... этомъ отношении старин...

... ...ельныи ротъ, ...

... ...ся государ...

... служили пред-...

... подлинныхъ. Такъ, ...

... ...нія 1700 года ...

...кіе, ... носили ...

... серебряные въ ...

... для ... », кож... и баш-

Ассамблея при Петрѣ Великомъ.

Картина профессора Хлѣбовскаго. Гравюра Хельма въ Штутгартѣ.

маки нѣмецкіе. 18-го февраля 1702 года появился царскій указъ, чтобы въ торжественныхъ случаяхъ «параднымъ» людямъ подъ «французскими» кафтанами имѣть золотые камзолы, а чиновнымъ лицамъ, кромѣ такихъ камзоловъ, и самые кафтаны носить съ золотымъ украшеніемъ. Въ первое время по изданіи этихъ указовъ дозволялось донашивать старую одежду, на которую, въ виду этого, прикладывались казенныя клейма; но въ 1705 году не принимались уже никакія отговорки о донашиваніи стараго платья, и въ этомъ же году, 16 января, изданъ былъ указъ о бритіи бородъ и усовъ.

Такимъ образомъ, на первыхъ общественныхъ собраніяхъ—«ассамблеяхъ», гости и гостьи явились уже преображенные на иностранный ладъ, и въ числѣ ихъ смахивавшіе по внѣшности даже на версальскихъ маркизовъ и маркизъ—первыхъ щеголей и щеголихъ того времени. Ассамблеи, введенныя Петромъ Великимъ, принадлежали къ разряду зимнихъ увеселеній. Онѣ были учреждены на первый разъ въ Петербургѣ, и о времени ихъ открытія объявлялось съ барабаннымъ боемъ на площадяхъ и перекресткахъ. Ассамблеи распредѣлялись между чиновными лицами, жившими въ Петербургѣ, безъ соблюденія, впрочемъ, какой-либо очереди. Самъ государь назначалъ, въ чьемъ домѣ должно было быть первой ассамблеѣ, а затѣмъ дальнѣйшее назначеніе ассамблей зависѣло въ Петербургѣ отъ генералъ-полиціймейстера, а когда онѣ были заведены въ Москвѣ, то тамъ назначались комендантомъ. Прежде чѣмъ гости расходились на одной ассамблеѣ, имъ объявлялось, гдѣ будетъ слѣдующая. Не смотря на то, у кого бы ни происходила ассамблея,—хотя бы у самого царя,—входъ на нее былъ доступенъ каждому прилично одѣтому человѣку, за исключеніемъ слугъ и крестьянъ. Вслѣдствіе этого на ассамблеи собирались: чиновныя особы всѣхъ ранговъ, приказные, корабельные мастера и иностранные матросы. Каждый могъ являться съ женою и съ домочадцами. Петръ приглашалъ на ассамблеи и духовныхъ лицъ. Первымъ условіемъ ассамблеи государь постановилъ отсутствіе всякаго стѣсненія и принужденности. Такъ, ни хозяинъ, ни хозяйка не должны были встрѣчать никого изъ гостей, даже самого государя или государыню и чле-

новъ ихъ семейства. Въ комнатѣ, назначенной для танцевъ, или въ сосѣдней съ нею, должны были быть приготовлены: табакъ, трубки и лучинки для ихъ закуриванія. Здѣсь же стояли столы для игры въ шахматы и въ шашки, но карточная игра на ассамблеяхъ не допускалась. Главнымъ увеселеніемъ на ассамблеяхъ полагались танцы; посредствомъ ихъ должны были сближаться молодые люди и дѣвицы, знакомиться дамы съ мужчинами, а потому въ глазахъ русскихъ стараго покроя танцы казались сперва увеселеніемъ крайне безнравственнымъ: мужья ревновали своихъ женъ къ кавалерамъ, а отцы и матери смотрѣли на танцы, какъ на явный соблазнъ своихъ дочерей. Впрочемъ, и помимо этого дамы и кавалеры дичились другъ друга, не завязывали между собою разговоровъ, и тотчасъ послѣ каждаго танца расходились въ разныя стороны. По словамъ одного изъ современниковъ, на ассамблеяхъ «всѣ сидѣли, какъ нѣмые, и только смотрѣли другъ на друга». Вообще, если бы на первыхъ порахъ самъ Петръ не присматривалъ за ассамблеями и не распоряжался на нихъ своею государскою властью, то онѣ, по всей вѣроятности, не вошли бы въ обычай.

На ассамблеѣ хозяинъ или хозяйка, или кто нибудь изъ домашнихъ открывали танцы. Послѣ чего одна или двѣ пары могли танцовать менуэтъ, англезъ или польскій. При менуэтѣ соблюдалось, однако, правило, чтобы этотъ танецъ могъ начинать не каждый, а только тотъ кавалеръ и та дама, которые первые протанцовали его. Они сами выбирали, кого хотѣли, продолжать танцы. Если же они не желали продолжать менуэтъ, а желали послѣ него танцовать англезъ или польскій, то объявляли объ этомъ, и тогда кавалеры, желавшіе участвовать въ танцахъ, выбирали себѣ дамъ; во всѣхъ же другихъ случаяхъ дамы выбирали кавалеровъ. Такъ какъ на ассамблеяхъ царило полное равенство, то каждый могъ пригласить на танецъ не только самую знатную даму или дѣвицу, но и государыню, и ея дочерей. На ассамблеяхъ всякій былъ воленъ заниматься, чѣмъ ему хотѣлось: ни хозяинъ, ни хозяйка не могли, слѣдуя стариннымъ русскимъ обычаямъ, угощать его. Въ Петербургѣ ассамблеи начинались обыкновенно въ 5 часовъ вечера и оканчивались къ 10 часамъ. Иногда, впрочемъ, развеселившійся государь

приказывалъ дамамъ черезъ генералъ-полиціймейстера оставаться и долѣе положеннаго часа, и, разумѣется, никто не дерзалъ нарушить этого приказанія, и волей-неволей всѣ должны были танцовать до тѣхъ поръ, пока это было угодно государю. Въ этихъ случаяхъ Петръ, давъ гостямъ нѣкоторое время какъ для отдыха, такъ и для того, чтобы они, поужинавъ, подкрѣпились, начиналъ самъ управлять танцами, и у великаго человѣка даже и это занятіе шло съ тою же энергіею, съ какою онъ умѣлъ руководить самыми важнѣйшими государственными дѣлами, не щадя при этомъ силъ и не разбирая ни возраста, ни званія своихъ сотрудниковъ и сотрудницъ.

Принявшись распоряжаться танцами, Петръ начиналъ съ того, что становилъ въ ряды танцующихъ самыхъ дряхлыхъ стариковъ и самъ становился въ первой парѣ. Такимъ образомъ составлялся танецъ въ восемь или девять паръ. Всѣ танцующіе кавалеры обязаны были въ точности выдѣлывать ногами то же самое, что выдѣлывалъ государь, а между тѣмъ онъ въ танцахъ оказывался большимъ затѣйникомъ и мастеромъ своего дѣла. Берхгольцъ разсказываетъ, что царь выдѣлывалъ такіе «капріоли», которыя составили бы честь лучшимъ европейскимъ балетмейстерамъ того времени, а между тѣмъ набранные имъ старые и даже дряхлые танцоры насилу двигали ноги и кое-какъ дрыгали ими. Царь съ свойственною ему настойчивостію принялся обучать сановныхъ танцоровъ и объявилъ имъ, что выучитъ ихъ очень скоро. Какъ ни бился, однако, государь, дѣло не шло на ладъ: ученики его съ подобранными къ нимъ молоденькими дамочками чуть держались на ногахъ, а неутомимый Петръ прискакивалъ и вертѣлся передъ ними безъ устали. Старики путались, задыхались, сопѣли и кряхтѣли; у однихъ изъ нихъ дѣлалась одышка, другіе чувствовали колику, потъ лилъ съ нихъ градомъ, головы кружились, а царь все-таки продолжалъ танцовальный урокъ. Наконецъ, нѣкоторые изъ нихъ не выдержали и повалились на полъ, а другіе, опустившись, присѣли на корточки. Царь, видя это, отступился отъ неспособныхъ своихъ учениковъ и приказалъ каждому изъ нихъ выпить въ наказаніе по большому штрафному бокалу. Отпустивъ стариковъ, государь принялся танцовать

съ молодыми и танцовалъ на славу изобрѣтенный имъ самимъ весьма трудный и замысловатый «цѣпной» танецъ—«Kettentanz», какъ называетъ его Берхгольцъ. Петръ ввелъ также танецъ съ поцѣлуями. Въ этомъ танцѣ дамы цѣловали кавалеровъ въ губы, тогда какъ обыкновенно кавалеръ, окончивъ танецъ, отдавалъ почтительный реверансъ своей дамѣ и цѣловалъ у нея руку. Вообще у расходившагося Петра не бывало предѣловъ самой искренней, самой задушевной веселости.

Берхгольцъ передаетъ, что Петръ и Екатерина танцовали очень ловко и очень проворно, какъ самые молодые люди, и успѣвали сдѣлать три круга, тогда какъ другіе не успѣвали окончить еще и первый. Впрочемъ, Екатерина старательно танцовала только съ однимъ государемъ, который, какъ и она, тогда выдѣлывалъ каждое па. Съ другими же кавалерами Екатерина танцовала небрежно; она не вертѣлась, не подпрыгивала, но ходила обыкновеннымъ шагомъ.

Молоденькія дочери Петра танцовали очень охотно, а царевна Прасковья Ивановна танцовала неохотно и не иначе, какъ только по приказанію Петра.

На ассамблеяхъ танцы раздѣлялись на церемоніальные и англійскіе. Намъ не удалось встрѣтить указанія на первые, что же касается такъ называвшихся англійскихъ танцевъ, то они представляли собственно гроссфатеръ: дамы становились по одну сторону, а кавалеры по другую. Музыканты начинали играть нѣчто въ родѣ погребальнаго марша и впродолженіи этой музыки кавалеры и дамы первой пары дѣлали реверансы своимъ сосѣдямъ и другъ другу, потомъ брались за руки, дѣлали кругъ влѣво и становились на свое мѣсто. Послѣ первой пары дѣлали то же самое одна за другою слѣдующія пары, и когда туры оканчивались, музыка начинала играть польскій, и тогда начинался оживленный танецъ, вѣроятно, мазурка. На ассамблеяхъ исполняли еще и слѣдующій танецъ: десять или двѣнадцать паръ танцующихъ связывали себя носовыми платками, и каждый изъ танцоровъ долженъ былъ придумывать разныя фигуры. Танцующіе переходили изъ одной комнаты въ другую. Впереди ихъ шелъ одинъ изъ музыкантовъ, наигрывая на скрипкѣ.

Спустя три года по введеніи ассамблей въ Петербургѣ,

онѣ были заведены и въ Москвѣ. Когда, въ концѣ 1722 года, государь и дворъ пріѣхали въ Москву праздновать Ништадтскій миръ, то по домамъ всѣхъ тамошнихъ нѣмецкихъ купцовъ ходилъ посланный отъ князя Меншикова писецъ, который записывалъ имена и годы молодыхъ дамъ и дѣвицъ. Дѣлалось это съ тою цѣлью, чтобы пригласить ихъ на балъ. Русскихъ дамъ и дѣвицъ на первый разъ не тронули, боясь, что такое приглашеніе взбудоражитъ всю Москву, такъ крѣпко державшуюся еще праотеческихъ обычаевъ. Впрочемъ, и нѣмецкое купечество не очень хотѣло знакомиться съ русскою знатью, боясь не столько пренебреженія къ себѣ съ ея стороны, сколько опасаясь такого пира, какой по случаю Ништадтскаго мира былъ заданъ въ Петербургѣ, гдѣ всѣхъ присутствовавшихъ на пиру дамъ опоили до полусмерти. Состоялся ли предположенный Меншиковымъ балъ — неизвѣстно. Но когда вскорѣ послѣ этого самъ государь назначилъ ассамблею въ селѣ Преображенскомъ, подъ Москвою, то туда по его повелѣнію должны были явиться всѣ молодыя московскія дамы и дѣвицы старѣе десяти лѣтъ. Всѣмъ, кто не явится на эту ассамблею, государь грозилъ «страшнымъ наказаніемъ». Особо назначенные чиновники записывали всѣхъ пріѣзжавшихъ, и на первую въ Москвѣ ассамблею набралось до 70 дамъ. Послѣ того ассамблеи въ Москвѣ повторялись нѣсколько разъ. Распоряжался на нихъ Ягужинскій, который, какъ превосходный танцоръ и неутомимый весельчакъ, первенствовалъ и на всѣхъ петербургскихъ танцовальныхъ собраніяхъ, оживляя ихъ своими шутками и управляя танцами. Въ Москвѣ онъ ввелъ «штирійскій» танецъ, съ прыжками и разными затѣйливыми узорчатыми фигурами.

Независимо отъ обязательныхъ ассамблей, московскіе нѣмцы устраивали въ честь прибывшаго съ государемъ молодаго герцога Гольштинскаго танцовальные вечера, безъ участія русскихъ, и нельзя — замѣчаетъ Берхгольцъ — вообразить, до какой степени московскія нѣмки любили танцы. Собирались онѣ рано вечеромъ и оканчивали плясать только утромъ на другой день. Въ Москвѣ давалъ балы и голландскій резидентъ; на нихъ исключительно собирались иностранцы и иностранки.

Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Москвы на воды въ Олонецъ, Петръ приказалъ, чтобы въ Москвѣ у знатныхъ лицъ были по очереди открытыя собранія три раза въ недѣлю: по воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ. Собранія эти должны были быть точно такія же, какъ ассамблеи въ Петербургѣ. Наблюдать за исполненіемъ этого распоряженія императоръ поручилъ Ягужинскому, который, какъ исполнительный царскій слуга, да и самъ чрезвычайный любитель развлеченій, не преминулъ исполнить данное ему приказаніе безъ малѣйшаго послабленія. Ассамблеи шли своимъ чередомъ, но въ Москвѣ проявлялась при этомъ особенность, какой не существовало въ Петербургѣ, а именно: чванство ввело въ Москвѣ обычай пріѣзжать на ассамблеи тремя-четырьмя часами позже назначеннаго времени, и Ягужинскій долженъ былъ пустить въ ходъ угрозу отъ царскаго имени, чтобы отучить московскихъ барынь отъ такой неаккуратности.

Кромѣ ассамблей, при Петрѣ Великомъ были у насъ введены и маскарады; увеселенія эти были уже описаны много разъ и притомъ такъ подробно, что было бы излишне говорить о нихъ. Маскарады были одною изъ любимыхъ потѣхъ петровскаго времени, и устройствомъ ихъ царь занимался такъ же заботливо, какъ и устройствомъ ассамблей. Для публики, обязанной являться на маскарады, они не только обходились дорого, по необходимости приготовить предписанные заранѣе костюмы, но и были крайне стѣснительны. Такъ, участвовавшія въ маскарадѣ дамы должны были являться за нѣсколько дней до маскарада въ кофейню, гдѣ назначенныя государемъ лица осматривали ихъ костюмы, и если находили что̀ нибудь не такъ, то заставляли перешивать и передѣлывать. Маскарады продолжались большею частію по нѣсколько дней сряду и происходили обыкновенно на улицахъ, чтобы доставить даровое зрѣлище всему народу. Въ продолженіи маскараднаго времени ношеніе масокъ было до такой степени обязательно, что, напримѣръ, при маскарадѣ, бывшемъ 11 февраля 1724 года въ Петербургѣ, сенаторамъ приказано было не снимать масокъ и во время утренняго ихъ засѣданія въ сенатѣ.

Къ числу общественныхъ увеселеній, явившихся у насъ

со времени Петра Великаго, должно отнести и концерты. Впервые завелъ ихъ въ Петербургѣ прусскій посланникъ, баронъ Марденфельдъ; онъ превосходно игралъ на лютнѣ, и публика имѣла право приходить въ назначенные часы въ домъ барона-дилетанта и слушать его музыкальныя упражненія. Концертныя собранія бывали тоже у графа Бассевича, голштинскаго министра, долго проживавшаго въ Петербургѣ. На вечерахъ у барона Строгонова являлось до 20 дѣвушекъ вышивальницъ, съ арфами, подъ аккомпанементъ которыхъ онѣ пѣли русскія пѣсни. На ассамблеяхъ же играли преимущественно шведскіе плѣнные, составившіе изъ себя довольно хорошій по тому времени оркестръ. Иногда являлись туда двѣнадцать волторнистовъ герцога Голштинскаго, славившихся въ Петербургѣ своею отличною игрою. У Екатерины былъ собственный ея оркестръ, составленный изъ хорошихъ вольнонаемныхъ музыкантовъ, которые обязаны были, играя при дворѣ, носить красивые костюмы. Собственный оркестръ содержала также и княгиня Марья Юрьевна Черкасская, рожд. княжна Трубецкая, вторая жена князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго, бывшаго потомъ канцлеромъ. На ассамблеяхъ у людей небогатыхъ игралъ иногда одинъ скрипачъ, а иногда казакъ на бандурѣ.

Если въ каждомъ дѣлѣ бываетъ труденъ только первый шагъ, то эта справедливая поговорка примѣняется, какъ нельзя болѣе, къ введенію у насъ танцевъ при Петрѣ Великомъ. Съ перваго разу это нововведеніе было встрѣчено весьма непріязненно, но потомъ танцы полюбились русскимъ дамамъ, и охота къ этому увеселенію распространялась все болѣе и болѣе, такъ что уже въ царствованіе Екатерины I оказывалось ненужнымъ участіе верховной власти и мѣстныхъ начальствъ въ устройствѣ ассамблей, а неумѣніе танцовать считалось уже въ эту пору недостаткомъ образованія. Танцовальное искусство распространяли у насъ плѣнные шведы и заѣзжіе поляки, въ особенности же первые.

Само собою разумѣется, что являвшіяся въ первое время на ассамблеи наши боярыни и боярышни были и смѣшны, и неуклюжи. Затянутыя въ крѣпкіе корсеты, съ огромными фижмами, въ башмакахъ на высокихъ — въ полтора вершка — каблукахъ, съ пышно расчесанною и, большею частью, на-

пудренною прическою, съ длинными «шлёпами», или шлейфами, онѣ не умѣли не только легко и граціозно вертѣться въ танцахъ, но и не знали, какъ имъ стать и сѣсть. Кавалеры были также подъ-стать дамамъ, и ихъ, при чрезвычайной неловкости, крайне стѣсняла одежда: шитые кафтаны съ твердыми какъ желѣзные листы, широкими фалдами, узкіе панталоны, плотно натянутые чулки съ подвязками, тяжелые башмаки, висѣвшія при боку шпаги, перчатки, вмѣсто дѣдовскихъ рукавицъ, и такъ называвшіеся аллонжевые (allongés) парики съ длинными завитыми въ букли волосами. Но мало-по-малу всѣ привыкали къ новымъ костюмамъ, казавшимся неудобными только на первыхъ порахъ, и слѣдующія затѣмъ поколѣнія уже совершенно освоились съ ними.

Что касается нарядовъ, то русскіе съ перваго же разу обнаружили прирожденную имъ любовь къ тяжелой роскоши, хотя бы и на европейскій ладъ. Дамы являлись на ассамблеи въ дорогихъ бархатныхъ, парчевыхъ и шелковыхъ робахъ, отдѣланныхъ дорогими заграничными кружевами, отягченныя жемчугомъ и бриллiантами, которые блистали у нихъ не только въ волосахъ и на корсажахъ, но и на юбкахъ ихъ платьевъ. Вообще петербургскія дамы чрезвычайно любили драгоцѣнные камни и старались перещеголять ими одна другую.

Румяна и бѣлила были въ большомъ употребленіи, и Берхгольцъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что всѣ петербургскія дамы такъ хорошо умѣютъ раскрашивать себя, что въ этомъ отношеніи мало чѣмъ уступаютъ француженкамъ. Главною заботою дамъ, ѣздившихъ на ассамблеи, была прическа; на нее не было тогда постоянной моды, и не только каждый годъ, но и каждое собраніе прическу то повышали, то понижали; то пудрились, то нѣтъ. Мужчины являлись на ассамблеи въ бархатныхъ и матерчатыхъ кафтанахъ, расшитыхъ по бортамъ и серебромъ, и золотомъ. Императрица пріѣзжала на ассамблеи роскошно разодѣтая, въ сопровожденіи придворныхъ дамъ и пажей, одѣтыхъ въ суконные зеленые мундиры съ красными отворотами и съ золотыми галунами по всѣмъ швамъ. Одинъ только государь сохранялъ обычную простоту во всей обстановкѣ, пріѣзжая на ассам-

блеи въ крытой одноколкѣ и въ сопровожденіи только дежурнаго деньщика. Мы сказали, что Петръ былъ охотникъ и мастеръ танцовать, но въ танцы онъ пускался не всякій разъ: это зависѣло отъ расположенія его духа. Большею частью онъ только открывалъ съ государынею балъ «нѣмецкимъ танцемъ», и послѣ того удалялся къ мущинамъ и пускался съ ними въ дѣловой разговоръ, или садился играть въ шахматы или въ шашки, покуривая коротенькую голландскую трубку съ крѣпкимъ кнастеромъ.

Изъ русскихъ дамъ большого свѣта, блиставшихъ при самомъ возникновеніи у насъ общественной жизни, первою считалась княгиня Валашская, вторая жена бывшаго господаря князя Дмитрія Кантемира, рожденная княжна Трубецкая. По словамъ Берхгольца, она поражала красотой и стройностью стана. Княгиня была высокая блондинка, и у ней на вѣкѣ лѣваго глаза было черное пятно, которое, однако, не портило ея, но напротивъ, походя на черную мушку, придавало какую-то странную особенность ея прелестному лицу. У нея были прекрасныя руки и чудный цвѣтъ лица, который, къ сожалѣнію, она, слѣдуя тогдашней модѣ, портила бѣлилами и румянами. Въ числѣ самыхъ хорошенькихъ дамъ того времени считалась также молоденькая жена кабинетъ-секретаря Макарова. Изъ дѣвицъ обращали на себя особое вниманіе прехорошенькая княжна Щербатова и двѣ дочери канцлера, графа Головкина, обѣ очень миленькія дѣвушки. Старшая изъ нихъ была высока ростомъ, прекрасно сложена и хотя была нѣсколько рябовата, но это нисколько не вредило ея миловидности. Она была извѣстна любезностію своего обращенія, и среди тогдашнихъ петербургскихъ дамъ и дѣвицъ считалась первою танцоркою. Кромѣ ихъ, обѣ подроставшія еще дочери Петра Великаго — Анна и, въ особенности, Елизавета, обѣщали сдѣлаться замѣчательными красавицами. Въ числѣ хорошенькихъ дѣвушекъ считалась также княжна Черкасская и княжна Долгорукова, будущая невѣста императора Петра II, а въ числѣ дамъ—Румянцева, съ которой любилъ предпочтительно танцовать Петръ Великій, и которой привелось танцовать съ пятью слѣдовавшими одно за другимъ поколѣніями, такъ какъ Румянцева, — одна изъ первыхъ и по времени и по искусству танцорокъ въ Россіи —

танцовала въ послѣдній разъ при императорѣ Павлѣ Петровичѣ съ наслѣдникомъ престола, великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ.

Изъ мужчинъ, при учрежденіи ассамблей, особенно отличались въ танцахъ: самъ ихъ учредитель — царь Петръ Алексѣевичъ, Ягужинскій, графъ Бассевичъ; австрійскій посланникъ графъ Кинскій, — люди болѣе или менѣе зрѣлыхъ уже лѣтъ, а изъ молодыхъ кавалеровъ: князья Трубецкой и Долгорукіе и графъ Головкинъ, сынъ канцлера.

Съ учрежденіемъ ассамблей женщина стала являться у насъ въ положеніи, отличномъ отъ прежняго. Теперь она, вмѣсто смиренной и молчаливой хозяйки дома, подносившей гостю съ глубокими поклонами чарку водки, являлась царицею празднества. При Петрѣ было введено, чтобы хозяинъ, во время бала, подносилъ букетъ цвѣтовъ, живыхъ или искусственныхъ, той дамѣ, которую онъ хотѣлъ отличить. Дама эта распоряжалась танцами и въ концѣ бала торжественно отдавала букетъ тому изъ кавалеровъ, въ домѣ котораго она хотѣла танцовать слѣдующій разъ. Избранный такимъ образомъ кавалеръ, наканунѣ назначеннаго имъ бала, долженъ былъ послать почтившей его дамѣ вѣеръ, пару перчатокъ и букетъ цвѣтовъ.

Одною изъ главныхъ цѣлей Петра Великаго при учрежденіи ассамблей была — соединить все русское общество въ одинъ кружокъ, сблизить русскихъ съ иностранцами и уничтожить ту московскую разрозненность, одной изъ причинъ которой была боярская спѣсь. Послѣднее, однако, особенно не удалось Петру Великому, такъ какъ, съ самаго своего возникновенія, русское общество раздѣлилось на особые кружки, члены которыхъ примыкали одинъ къ другому сообразно ихъ знатности и богатству. Точно также не могъ одолѣть Петръ и отчужденности русскихъ отъ иностранцевъ, которая на ассамблеяхъ выражалась, между прочимъ, тѣмъ, что русскія дамы выбирали себѣ кавалеровъ только изъ русскихъ, обходя иностранцевъ, чѣмъ эти послѣдніе очень обижались. Нѣкоторыя, однако, изъ русскихъ дамъ были чрезвычайно любезны и съ иностранцами, и Берхгольцъ говоритъ о нихъ, что онѣ мало чѣмъ уступали француженкамъ и нѣмкамъ въ обра-

щеніи и свѣтскости, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имѣли даже надъ ними и преимущество.

Ошибочно было бы думать, что ассамблеи временъ Петра отличались тою утонченностію обстановки, которою вскорѣ послѣ него, напримѣръ, уже при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, отличались у насъ собранія высшаго круга. Въ первую пору дѣлалось все проще: въ той комнатѣ, гдѣ обѣдали и ужинали, слуги, убравъ столы, подметали полъ вѣниками, раскрывали зимою окна, чтобы провѣтрить комнату, пропитанную запахомъ кушаньевъ и прокопченную кнастеромъ, и затѣмъ, въ той же самой комнатѣ, пышно-разодѣтые кавалеры и дамы принимались за танцы, которые и длились иногда часовъ шесть или семь сряду. Это происходило отъ тѣсноты тогдашнихъ петербургскихъ помѣщеній, почему во время баловъ не было общаго для всѣхъ ужина, но гости дѣлились на двѣ группы, и въ то время, когда одна группа ужинала, другая танцовала.

Кромѣ этихъ неудобствъ, Петровскія ассамблеи отличались попойками, и спаиваніе не только мужщинъ, но и дамъ было самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. Берхгольцъ, камеръ-юнкеръ герцога Голштинскаго, описывая бывшія въ его время увеселенія въ Петербургѣ, безпрестанно по поводу ихъ замѣчаетъ: «сильно пили», а въ одномъ мѣстѣ пишетъ, что онъ, «послѣ вчерашняго опьяненія, былъ при смерти боленъ». Бассевичъ послѣ хорошей выпивки не могъ иногда поправиться даже на третій день. «Тайные совѣтники» герцога Голштинскаго крѣпко пили, да и его свѣтлость герцогъ, двадцати-четырехлѣтній юноша, напивался при дамахъ на ассамблеяхъ такъ сильно, что едва стоялъ на ногахъ. Все это показываетъ, что напрасно только однимъ русскимъ ставятъ въ укоръ невоздержное пьянство. Оно господствовало тогда во всей Европѣ, и даже гораздо позднѣе въ Вѣнѣ, на балахъ при дворѣ императрицы Маріи-Терезіи, были страшныя попойки, такъ что придворный въ ея время балъ считался благополучно оконченнымъ, если на немъ произошло небольшое число скандаловъ.

На Петровскихъ ассамблеяхъ пили лихо, и даже главный ихъ распорядитель, Ягужинскій, нагружался мертвецки, заводя, при своемъ задорномъ нравѣ, ссоры и даже драки.

Князь Меншиковъ напился разъ до того, что упалъ замертво, такъ что пришлось подавать ему врачебную помощь. Грубость нравовъ начала, однако, исчезать мало-по-малу, чему въ особенности способствовало присутствіе дамъ въ мужскомъ обществѣ, и въ царствованіе императрицы Елизаветы ассамблеи переродились у насъ въ такіе балы, которые, по ихъ приличію и даже чопорности, мало чѣмъ уступали изящнымъ версальскимъ собраніямъ.

Великія государственныя дѣянія Петра I вдохновляли болѣе или менѣе удачно и русскихъ, и иноземельныхъ живописцевъ. Художникъ Хлѣбовскій избралъ для себя скромную тему, изобразивъ на своей картинѣ царя дружески бесѣдующимъ съ какимъ то корабельнымъ мастеромъ во время ассамблеи. Моментъ этотъ и обстановка, окружающая царя, исторически вѣрны, но художникъ не отдалился бы нисколько отъ исторической истины, еслибы изобразилъ слишкомъ пятидесятилѣтняго «Полтавскаго побѣдителя», окруженнаго роемъ хорошенькихъ и молоденькихъ женщинъ, а также и сонмомъ дряхлыхъ сановниковъ, передъ которыми государь, не смотря на его гигантскій ростъ, выдѣлывалъ бы самыя затруднительныя задачи танцовальнаго искусства. Такое изображеніе Петра Великаго было бы сходно съ дѣйствительностью, потому что онъ всегда держался мнѣнія своего отца, царя Алексѣя Михайловича, который находилъ, «время дѣлу, и потѣхѣ часъ»...

ОЧЕРКИ РУССКАГО ПРИДВОРНАГО БЫТА ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

I.

Разработка нашей бытовой исторіи. — Относящіяся къ ней архивныя дѣла. — Распоряженіе императрицы Елизаветы Петровны. — Бумаги и дѣла «съ извѣстнымъ титуломъ». — Указъ Екатерины II о неистребленіи ихъ. — Повелѣніе императора Александра II-го о храненіи ихъ въ цѣлости и изданіи ихъ. — Комиссія подъ предсѣдательствомъ Н. В. Калачева. — Изданіе, предпринятое этою комиссіею. — Его значеніе для исторіи. — Способы литературно-исторической разработки матеріаловъ, находящихся въ этомъ изданіи. — Придворный бытъ. — Приживалки, итальянская компанія, живописныхъ историческихъ дѣлъ мастеръ. — Дворцовыя строенія. — Богослуженіе и духовенство при дворѣ. — Продовольствіе о. протопопа. — Монахини при дворѣ. — Пришельцы изъ раскольничьихъ скитовъ. — Мундиры псаломщиковъ. — Придворные пѣвчіе. — Малороссы и великороссы. — Будущій графъ Разумовскій. — Облаченіе и иконопись. — Священнодѣйствія и обряды при дворѣ. — Духовникъ государыни Варлаамъ. — Набожность Анны Леопольдовны. — Ея супругъ. — Опроверженіе мнѣнія объ угнетеніи православной церкви.

Бумаги, хранящіяся въ разныхъ нашихъ архивахъ, имѣютъ важность не только при разъясненіи какихъ нибудь замѣчательныхъ историческихъ событій, но и для ознакомленія съ бытомъ прежняго времени, который во многихъ случаяхъ представляется не менѣе любопытнымъ, какъ и политическія событія. Изученіе бытовой нашей старины началось у насъ очень недавно, отчасти вслѣдствіе недостатка подходящихъ къ тому матеріаловъ, а отчасти потому, что на этотъ предметъ не считали нужнымъ обращать особаго вниманія, считая его слишкомъ мелочнымъ, а потому и не

заслуживающимъ научной обработки. Въ настоящее время историческая наука получаетъ у насъ, сравнительно съ прежнимъ, болѣе широкое и разностороннее развитіе. Такому ея направленію должно въ особенности содѣйствовать изданіе въ свѣтъ архивныхъ документовъ. Какъ на изданіе подобнаго рода, можно указать на недавно появившійся сборникъ, подъ заглавіемъ: «Внутренній бытъ русскаго государства съ 17 апрѣля 1740 года по 25 ноября 1741 года, по документамъ, хранящимся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи». Пока вышла только первая книга этого изданія; содержаніе ея состовляютъ: «Верховная власть и императорскій домъ».

Съ перваго взгляда можетъ показаться крайне недостаточнымъ тотъ чрезвычайно краткій промежутокъ времени, заключающій въ себѣ только годъ, мѣсяцъ и восемь дней, къ которому относятся упомянутыя выше свѣдѣнія о «внутреннемъ бытѣ русскаго государства». Но такая обусловленность временемъ не лишаетъ разсматриваемаго нами изданія ни его занимательности, ни его историческо-научнаго значенія, потому что бытовая обстановка въ своихъ главныхъ чертахъ не измѣняется такъ быстро, чтобъ относящіяся къ ней за одинъ годъ свѣдѣнія не могли имѣть примѣненія къ болѣе или менѣе продолжительному ряду, какъ предшествовавшихъ, такъ и послѣдующихъ годовъ. Кромѣ того, изданіе бытовыхъ документовъ за означенное выше, весьма краткое время было поставлено въ зависимость отъ случайныхъ обстоятельствъ.

Цесаревна Елизавета Петровна, лишивъ престола императора Ивана Антоновича, признала неизлишнимъ изгладить всѣ слѣды его кратковременнаго царствованія. Съ этою цѣлью она повелѣла: печати, государственныя и казенныя, передѣлать, монету съ его изображеніемъ перелить, а изъ бумагъ, относившихся ко времени его правленія, собрать во всѣхъ концахъ Россіи и выслать въ Правительствующій Сенатъ (частью въ Петербургъ, частью въ Москву) не только манифесты съ именемъ Іоанна III, но также и разнообразные офиціальные акты и производства, въ которыхъ упоминается его титулъ и имя, какъ императора. Изъ числа собранныхъ бумагъ манифесты, присяжные листы, церковныя книги, формы поминовеній при богослуженіи, проповѣди и паспорты

[illegible] А[illegible] Леопольдовна.

[illegible] портрета Бор[illegible]

... въ своихъ ...

... чтобъ ...

... имѣть ...

... годовъ. Кромѣ того, изд...

... выше, весьма кра...

... отъ случайны...

... оставивъ престола имп...

... и ...

... Съ этою цѣлі...

... претьенныя и казенныя, перед...

... бумаг...

... его правленія, собрать во всѣх...

... Предсѣдательствующій Сенат...

... въ Москву) не только ма...

... III, но также и разнообразн...

... въ которыхъ упоминае...

... императора. Н...

Принцесса Анна Леопольдовна.

Съ современнаго гравированнаго портрета Вортмана.

предписано было сжечь, а прочіе — указы, регламенты, граматы и другіе документы хранить въ Сенатѣ и Тайной канцеляріи за печатью, при выпискѣ же изъ нихъ справокъ, не упоминать высочайшаго титула и имени, вслѣдствіе чего подлинные документы, въ коихъ они значились, получили названіе бумагъ и дѣлъ «съ извѣстнымъ титуломъ». Тѣмъ не менѣе, впослѣдствіи нѣкоторые изъ упомянутыхъ указовъ, какъ именныхъ, такъ и сенатскихъ, были подтверждены Петромъ III и Екатериною II, причемъ въ сенатскомъ указѣ отъ 12 марта 1762 года упоминается о снятіи копій съ означенныхъ документовъ. Но исполненіе этого указа замедлилось въ виду предстоявшихъ расходовъ, а за тѣмъ императрица Екатерина II, 19 августа 1762 года, утвердила докладъ сената «о неистребленіи дѣлъ съ извѣстнымъ титуломъ и о храненіи ихъ особо». Распоряженіе это послѣдовало въ томъ вниманіи, что упомянутыя дѣла получили юридическую силу, слѣдовательно отмѣна всего, введеннаго ими въ дѣйствіе, была бы для многихъ крайне разорительна и несправедлива.

Существованіе этихъ дѣлъ въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи обнаружилось еще въ 1852 году, и впослѣдствіи, по докладу о нихъ покойному государю бывшимъ министромъ юстиціи, Д. Н. Замятнинымъ, состоялось высочайшее повелѣніе не только озаботиться о сохраненіи ихъ въ цѣлости, съ приведеніемъ въ порядокъ, но и издать ихъ въ свѣтъ съ научною цѣлью, въ надлежащей системѣ. Такое высочайшее повелѣніе начала приводить въ исполненіе въ московскомъ архивѣ особая комиссія, состоявшая подъ предсѣдательствомъ управляющаго архивомъ, сенатора Н. В. Калачева, которая, сверхъ уже отобранныхъ въ немъ секретныхъ дѣлъ, относящихся къ годамъ 1740 — 1741, производила въ архивѣ самыя тщательныя розысканія. Труды ея не остались безъ успѣха, такъ какъ въ архивѣ, въ разныхъ мѣстахъ, оказалось не малое количество упомянутыхъ дѣлъ, изъ которыхъ иныя отыскивались въ чуланахъ, гдѣ были сложены дѣла, наиболѣе подвергшіяся порчѣ. Но когда, такимъ образомъ, всѣ соединенные документы означеннаго времени приведены были въ извѣстность и частію были разобраны, по различію содержанія, на отдѣльныя группы, — въ

с.-петербургскомъ сенатскомъ архивѣ найдена была въ одной темной комнатѣ большая груда сваленныхъ въ безпорядкѣ дѣлъ и бумагъ, отчасти совершенно уже истлѣвшихъ, которыя оказались также относящимися къ царствованію императора Ивана Антоновича. Онѣ привезены были въ Москву, разобраны и присоединены къ тѣмъ отдѣламъ, на которые распредѣлены были прежде московскіе документы этого разряда.

Упомянутая выше комиссія составила их описаніе и распредѣлила въ систематическомъ порядкѣ, составивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и подробную программу для ихъ изданія. По этой програмиѣ установлены слѣдующіе шесть отдѣловъ:

I. Верховная власть и императорскій домъ. Подъ этимъ заглавіемъ собраны всѣ свѣдѣнія, найденныя въ разсмотрѣнныхъ документахъ, не только о членахъ бывшей въ 1740 — 1741 годахъ императорской фамиліи, а также о наиболѣе приближенныхъ ко двору, по своему значенію и власти, лицахъ, но и обо всей ихъ обстановкѣ и самой жизни ихъ, офиціальной и домашней, какъ-то: о богослуженіи и духовенствѣ при дворѣ, о дворцахъ, садахъ, музыкѣ; театрѣ и другихъ увеселеніяхъ и празднествахъ; объ охотѣ, столѣ, выѣздахъ и пр., кончая церемоніею погребенія императрицы Анны Ивановны.

II. Государсвенныя и мѣстныя учрежденія. По заявленію комиссіи, занимавшейся изданіемъ документовъ, въ нихъ имѣлись свѣдѣнія не только обо всѣхъ установленіяхъ и лицахъ, завѣдовавшихъ дѣлами имперіи въ 1740—1741 годахъ, но и характеристическія данныя о самомъ управленіи, о свойствахъ, пріемахъ и взглядахъ разныхъ органовъ власти, ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и т. д.

III. Служба военная и гражданская.

IV. Государственные доходы и расходы, разныя отрасли государственнаго хозяйства и промышленности и пр.

V. Народное образованіе, торговля и другіе народные промыслы, пути сообщенія и пр.

VI. Право гражданское и уголовное.

Сообщая такую, весьма удачно-составленную программу, которая, быть можетъ, дополнится еще и свѣдѣніями объ общественномъ и домашнемъ бытѣ частныхъ лицъ разныхъ сословій, комиссія вполнѣ основательно замѣтила, что

издаваемыя ею книги представляютъ весьма значительный и самый разнообразный матеріалъ для нашихъ историковъ, юристовъ, повѣствователей и археологовъ.

Нынѣ изданная первая книга составляетъ весьма объемистый томъ; къ нему приложены портреты, рисунки, чертежи и алфавитный указатель. Въ типографскомъ и — что весьма важно для изданій подобнаго рода — въ корректурномъ отношеніи изданіе было ведено безукоризненно.

Отдавая полную справедливость главному руководителю этого труда, а также и его сотрудникамъ, должно, однако, сказать, что изданная ими книга прочитывается не слишкомъ легко. Почти на каждой страницѣ встрѣчаются имена лицъ, большею частію совершенно безвѣстныхъ, какъ, напримѣръ, придворныхъ служителей, пѣвчихъ, музыкантовъ, портныхъ, а также указаніе на мелочное расходованіе не только денегъ, но и съѣстныхъ припасовъ. Факты встрѣчаются самые обиходные, не заслуживающіе, сами по себѣ, никакого вниманія, а предметы упоминаются самые ничтожные, относящіеся преимущественно къ домашнему хозяйству. Не смотря, однако, на все это, изданіе московскаго архива министерства юстиціи заслуживаетъ глубокой признательности со стороны всѣхъ тѣхъ, которые сочувствуютъ развитію историческихъ трудовъ въ Россіи. Въ этомъ отношеніи приведенный выше отзывъ комиссіи справедливъ, какъ нельзя болѣе, и, можно сказать, что было бы непростительно, еслибы лица, занимающіяся разработкою нашей исторіи, не воспользовались представляющимся имъ превосходнымъ матеріаломъ, требующимъ только обдѣлки въ удобо-читаемую форму.

Въ исторической нашей литературѣ пользуются большою извѣстностью труды г. Забѣлина, и между ними изслѣдованія его о домашнемъ бытѣ русскихъ царей и царицъ. Изслѣдованія эти основаны на источникахъ, которые сами по себѣ представляютъ, быть можетъ, съ одной стороны менѣе занимательности, а съ другой — даже и большее затрудненіе въ отношеніи пониманія, какъ духа времени, такъ и самаго ихъ изложенія, нежели матеріалы 1740 — 1741 годовъ. Тѣмъ не менѣе, изслѣдованія г. Забѣлина читаются не только легко, но съ удовольствіемъ, какъ разсказъ, представляющій весьма подробно и наглядно домашній бытъ рус-

скихъ государей. По всей вѣроятности, по окончаніи изданія, предпринятаго нынѣ архивомъ, кто нибудь придастъ находящимся въ этомъ изданіи матеріаламъ научно-литературное изложеніе, съ своей же стороны мы, на первый разъ, сдѣлаемъ только попытку подобнаго рода.

---

17 октября 1741 года занялъ русскій престолъ императоръ-младенецъ Иванъ Антоновичъ, собственно нѣмецкій принцъ, по отцу изъ брауншвейгскаго дома, а по матери изъ мекленбургскаго. Связывала же его съ пресѣкшеюся въ мужскомъ поколѣніи династіею Романовыхъ его бабка по матери, герцогиня мекленбургская Екатерина Ивановна, вторая дочь царя Ивана Алексѣевича, которому онъ черезъ нее приходился роднымъ правнукомъ. Извѣстно, что за малолѣтствомъ императора правленіе государствомъ перешло къ регенту Бирону, герцогу курляндскому; извѣстны также и тѣ лица, которыя были ближайшими людьми къ Вирону, но не было извѣстно, кто былъ ближе всего поставленъ къ государю-малюткѣ, и появившіеся нынѣ въ печати матеріалы даютъ относительно этого самыя удовлетворительныя указанія, приводя подробный именной списокъ лицъ, составлявшихъ дворъ императора, начиная съ гофмаршала графа Левенвольда и кончая поварами, хлѣбниками, скатертниками, съ означеніемъ при каждомъ изъ этихъ лицъ количества получаемаго жалованья и содержанія. Разумѣется, что едва ли найдется охотникъ, а тѣмъ еще менѣе охотница читать такія, напримѣръ, свѣдѣнія: «для смотрѣнія надъ вареніемъ или разрѣженіемъ полпивъ — пивоваръ (50 р.); для сидѣнія водокъ — водочный мастеръ — иноземецъ (150 р.); водочныхъ мастеровъ — русскихъ 3 (по 30 р. каждому); учениковъ 3 (по 20 р. каждому); бочаровъ 3 (по 20 р. каждому); корфяной мастеръ (30 р.) и при немъ ученикъ (20 р.) и т. д.

Несомнѣнно, что перечень подобныхъ свѣдѣній нагонитъ скуку на всякаго, даже на самаго завзятаго любителя исторіи, но если сдѣлать изъ нихъ общій выводъ, сопоставить личный составъ двора императора и требовавшіяся на этотъ

дворъ издержки съ дѣйствительными потребностями императора-младенца, а также съ другими государственными расходами, то эти мелочныя замѣтки примутъ совершенно иной оттѣнокъ и дадутъ довольно-отчетливое понятіе о нашей государственной экономіи того времени, а также о той обстановкѣ, которая окружала представителя верховной власти въ Россіи.

Такія же свѣдѣнія встрѣчаются и о дворахъ правительницы Анны Леопольдовны, но при этомъ находится бытовая особенность того времени, заключающаяся въ томъ, что, кромѣ придворныхъ чиновъ и служителей, при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ состояли разныя «персоны» въ качествѣ приживалокъ, которыя, по наслѣдству отъ нея, перешли къ ея племянницѣ, продолжавшей выдавать имъ прежнее жалованье. Въ числѣ такихъ персонъ шло жалованье: «матери безножкѣ», «дѣвушкѣ-дворянкѣ», «бабѣ материной», а также карламъ и карлицамъ.

Отъ штатовъ и выдачъ архивное изданіе переходитъ къ дворцамъ, домамъ и дворамъ придворнаго вѣдомства, и здѣсь оказывается такое обиліе бытовыхъ свѣдѣній, которымъ весьма удобно могутъ воспользоваться и историкъ, и романистъ, и повѣствователь для живописной отдѣлки своихъ произведеній. Дворцовые апартаменты описываются въ матеріалахъ съ большими подробностями; изъ нихъ можно узнать, между прочимъ, и о томъ, кѣмъ были заняты тѣ и другія комнаты, а въ числѣ дворцовыхъ жильцомъ встрѣчаются «итальянская компанія» (комедіанты и музыканты), а также «живописныхъ историческихъ дѣлъ мастеръ». Свѣдѣнія эти дополняются смѣтами на перестройки, починки и отдѣлку дворцовыхъ зданій; условія, заключаемыя по этимъ статьямъ съ разными подрядчиками и мастеровыми: плотниками, печниками, кровельщиками, слесарями и т. д.; короче, здѣсь можно погрузиться въ такія мелочи, которыя, навѣрно, окажутся излишними даже для самыхъ усердныхъ спеціалистовъ по строительной части, но, тѣмъ не менѣе, и здѣсь порою могутъ промелькнуть данныя, болѣе или менѣе пригодныя для ознакомленія съ бытовою обстановкою того времени, хотя бы, напримѣръ, свѣдѣнія о стоимости различныхъ строительныхъ матеріаловъ.

Ознакомившись съ жилищами, принадлежащими членамъ императорской фамиліи почти за полтораста лѣтъ тому назадъ, мы, изъ изданныхъ нынѣ матеріаловъ, можемъ почерпнуть свѣдѣнія «о богослуженіи и духовенствѣ при дворѣ». По штату, утвержденному правительницею, при дворѣ императора должны были состоять: 1 священникъ, 1 монахъ, 24 пѣвчихъ и 2 псаломщика, которымъ шло денежное и хлѣбное жалованье. Кромѣ такого жалованья, придворному духовенству отпускалось еще отъ двора: вино, красное и бѣлое, пиво, квасъ, кислыя щи, а одному протопопу, въ добавокъ къ этому, выдавалось еще «ежедневно 8 бутылокъ порозжихъ». Въ такихъ продовольственныхъ выдачахъ показаны также яица, говядина, баранина, ветчина, коровье масло, соленая рыба, окуни и плотицы «трехвершковыя», щуки «десятивершковыя», сиги «шестивершковые», рѣпчатый лукъ, уксусъ и разные препараты, такъ что вообще, какъ видно, отецъ-протопопъ могъ продовольствоваться весьма сытно и вкусно, да и по питейной части обиженъ не былъ.

Городское петербургское духовенство ходило во дворецъ со святынею и поздравлять съ праздникомъ въ тѣ дни, когда праздновались престольные праздники въ приходскихъ церквахъ, за что выдавалась имъ извѣстная дача изъ камеръ-цальмейстерской конторы, по составленной для того росписи. Кромѣ того, при дворѣ, въ разное время, находились пріѣзжія духовныя лица, которыя лишь временно исполняли разныя церковныя службы и получали за это отъ двора содержаніе и разныя награды, а также съѣстные припасы и матеріалы для одежды. Жили при дворѣ и монахини, которымъ выдавалось, между прочимъ, простое вино, «поддѣльная» водка и французское вино, а также и женщины, готовящіяся къ поступленію въ монашество; являлись также ко двору съ поднесеніемъ подарковъ лица изъ раскольничьихъ скитовъ, за что они получали высочайшія награжденія. Во дни имянинъ каждаго духовнаго лица, состоящаго при дворѣ, производилась ему денежная выдача, въ видѣ царскаго подарка. У придворныхъ псаломщиковъ были «праздничные мундиры»: кафтанъ и штаны изъ зеленаго сукна, полукафтанье изъ краснаго, воротникъ и обшлага изъ малиноваго

бархата, на кафтанѣ около ворота, на полахъ и по подолу былъ нашитъ золотой шнуръ, а полукафтанье было обшито краснымъ шнуркомъ, на бокахъ былъ гладкій узкій золотой позументъ, кругомъ ворота золотой шнуръ съ двумя кистями, кушакъ изъ пунцовой тафты. Повседневный ихъ мундиръ состоялъ изъ зеленаго суконнаго кафтана и китайчатаго полукафтанья лазореваго цвѣта.

Въ средѣ всего придворнаго духовенства «придворные пѣвчіе» составили какъ бы отдѣльный міръ. Они состояли въ вѣдомствѣ конторы гофъ-интендантскихъ дѣлъ и раздѣлялись на двѣ пѣвческія труппы, подъ слѣдующими названіями: 1) «придворная пѣвческая музыка» и 2) «придворный пѣвческій хоръ». Надъ придворными пѣвчими былъ особый начальникъ—монашествующее лицо, и онъ получалъ окладъ жалованья, высшій противъ окладовъ всѣхъ лицъ, находившихся въ числѣ придворнаго духовенства, и вдвое болѣе хлѣбнаго жалованья; ему же гораздо изобильнѣе, чѣмъ прочимъ духовнымъ лицамъ, производилась выдача разныхъ напитковъ. Онъ получалъ также отъ двора рясы, штофныя и гродетуровыя. Для подготовки придворныхъ пѣвчихъ, въ Малороссіи, въ городѣ Глуховѣ, существовала особая пѣвческая школа. Отрѣшеніе и увольненіе придворныхъ пѣвчихъ отъ должностей совершались не иначе, какъ по именнымъ высочайшимъ указамъ. Иногда помѣщики дарили своихъ голосистыхъ крѣпостныхъ людей въ придворный хоръ. При дворѣ великорусскіе пѣвчіе отдѣлялись отъ малороссійскихъ; въ числѣ послѣднихъ въ 1740—1741 гг. находился будущій генералъ-фельдмаршалъ и графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій. Облаченіе придворнаго духовенства было роскошное, а для приготовленія для придворныхъ церквей иконъ состояли при дворѣ два живописца, Каравакъ и Гротъ.

Къ нѣкоторымъ церковнымъ праздникамъ, въ которые, по чиноположенію православной церкви, совершаются особые обряды и священнодѣйствія, дѣлались чрезвычайныя приготовленія и распоряженія, для удобнѣйшаго и болѣе торжественнаго совершенія такихъ обрядовъ и священнодѣйствій. Такъ, въ Крещеніе устроивалась на Невѣ Іордань. Въ Вербную недѣлю употреблялись при дворѣ пальмовыя, померан-

цевыя и лавровыя вѣтви. Ими обвивались обыкновенно вербы, которыя обвязывались широкими зелеными лентами. Въ Свѣтлое Воскресенье при дворѣ расходовались кромѣ 3,000 обыкновенныхъ, крашеныхъ сандаломъ яицъ, яйца: «лаковыя», «со стеклами», а также золотыя и серебряныя; къ Троицыну дню «садовыхъ дѣлъ мастеромъ» доставлялись цвѣты и рѣдкая зелень. Въ 1740—1741 г. при дворѣ особенно чтили память бывшаго духовника императрицы Анны Ивановны, архимандрита Варлаама; по немъ творили торжественныя поминки, сопровождавшіяся угощеніемъ.

По случаю семейныхъ торжествъ, въ императорскомъ домѣ устраивались всѣ необходимыя принадлежности, для совершенія таковыхъ торжествъ съ подобающимъ великолѣпіемъ. Такъ, по случаю крестинъ старшей дочери правительницы, великой княжны Екатерины Антоновны, велѣно было золотыхъ дѣлъ мастеру Дону приготовить серебряную купель.

Богослужебное настроеніе проникло въ домашнюю жизнь и обстановку правительницы Анны Леопольдовны. Въ архивныхъ документахъ встрѣчаются указанія и на исполненіе ею религіозныхъ обрядностей православной церкви. Находившіяся въ ея комнатахъ иконы были окружены особыми украшеніями. Особенно чествовала она образъ св. мучениковъ Фотія и Аникиты, празднуемыхъ въ день рожденія императора Іоанна Антоновича. Икона эта была въ богатомъ окладѣ, украшенномъ двумя брильянтовыми крестами. Бывшую въ комнатахъ правительницы икону Владимірской Божіей Матери Анна Леопольдовна украсила 266 брильянтами. Къ образу Грузинской Божіей Матери былъ сдѣланъ серебряный вызолоченный кіотъ. Вообще, судя по указаніямъ документовъ, можно заключить, что украшеніе иконъ было однимъ изъ самыхъ любимыхъ занятій Анны; на этотъ предметъ она немало употребляла и серебра, и золота, и драгоцѣнныхъ камней. Передъ иконами, находившимися въ ея покояхъ, а также въ покояхъ ея сына, теплились серебряныя лампадки, и деревянное масло, отпускаемое для нихъ, встрѣчается безпрестанно въ расходныхъ книгахъ дворцоваго вѣдомства.

Собственно при комнатахъ ея состоялъ особый священникъ, для такихъ богослуженій, совершеніе которыхъ, по уставамъ церкви, допускается и въ жиломъ помѣщеніи.

Изъ расходныхъ книгъ по части съѣстныхъ припасовъ видно, что правительница соблюдала строго всѣ посты, установленные православною церковью, хотя первоначально она была крещена въ лютеранскую вѣру.

Послѣ паденія правительницы, религіозныя чувства поддерживали ее въ мучительномъ изгнаніи, и она ни о чемъ такъ не заботилась, какъ о томъ, чтобы ея сынъ и ея дочери воспитывались среди обрядностей восточной церкви.

Что касается супруга правительницы, принца Антона Ульриха брауншвейгъ-люнебургскаго, то, хотя придворное духовенство и являлось къ нему съ поздравленіемъ въ день его тезоименитства, 17 января, и получало за это особое денежное вознагражденіе, тѣмъ не менѣе онъ, живя порознь съ своею супругою, въ отдѣльныхъ покояхъ дворца, присутствовалъ при богослуженіяхъ въ лютеранскихъ киркахъ, бывшихъ тогда въ Петербургѣ, и, для устройства въ нихъ почетнаго для него мѣста, были отпущены изъ камеръ-цальмейстерской конторы зеленое сукно и мѣдные гвозди.

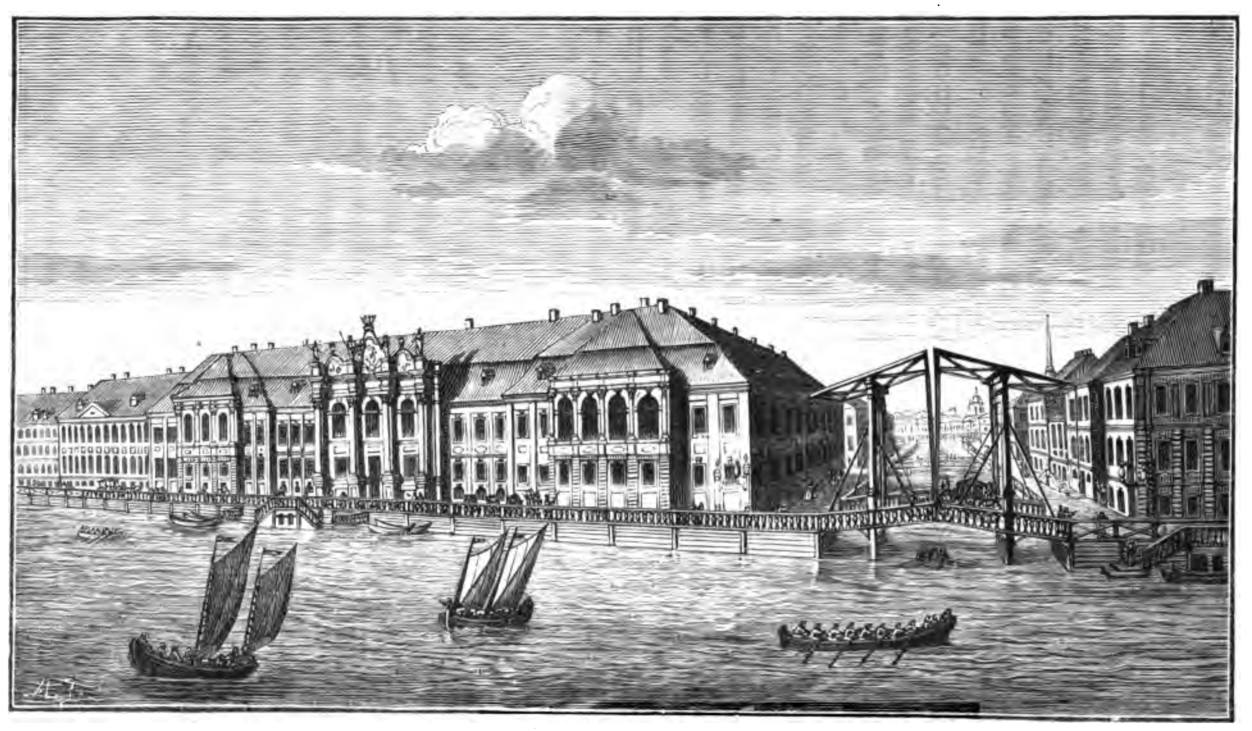
По поводу свѣдѣній, найденныхъ въ разсматриваемыхъ нами архивныхъ документахъ, комиссія, издавшая ихъ, говоритъ слѣдующее: «обращаясь къ общему характеру представленныхъ нами свѣдѣній объ отношеніи двора къ православной церкви въ кратковременное царствованіе Іоанна Антоновича, при всей неполнотѣ и необстоятельности и не смотря на всю случайность этихъ разсѣянныхъ по разнымъ документамъ описываемаго царствованія свѣдѣній, нельзя не замѣтить, что они вообще не подтверждаютъ установившагося въ нашей исторической литературѣ мнѣнія объ этомъ времени, вполнѣ враждебномъ православной церкви и ея служителямъ».

II.

Дворцы въ Петербургѣ и въ Москвѣ. — Ихъ убранство. — Интендантская контора, камеръ-цальмейстерская контора и канцелярія отъ строеній. — Французскіе столяры и «кроватный мастеръ». — Состоявшіе при дворѣ «купчина» и гофъ-маклеръ. — Зимній дворецъ правительницы. — Ея опочивальня. — Ея кровать. — Вышивныя обои. — Ковровая фабрика Затрапезнова. — Уборная правительницы. — Ея библіотека. — Любовь ея къ чтенію. — Пріемные покои въ Зимнемъ дворцѣ. — Ихъ омеблировка. — Карточные столики. — Особая принадлежность. — Аппартаменты младенца-императора. — Его колыбели. — Министерская комната. — Галлерея для торжествъ, празднествъ и церемоній. — Шахматная комната. — «Галлерея отъ комедіи» и «галлерея отъ церкви». — Бильярдъ. — Покои принца Антона Ульриха. — Новый Лѣтній дворецъ. — Адмиралтейскій домъ. — Дома Рагузинскаго и Бирона.

Въ изслѣдованіи г. Забѣлина о временахъ царей московскихъ встрѣчается подробное описаніе тогдашнихъ царскихъ жилищъ, но о петербургскихъ дворцахъ, до половины прошлаго столѣтія, имѣются лишь отрывочныя свѣдѣнія, дополнительныя же къ тому извѣстія помѣщены въ документахъ, изданныхъ архивною комиссіею. Въ Петербургѣ, въ 1740—1741 годахъ, были слѣдующіе дворцы: Новый Зимній дворецъ, Старый Лѣтній, Новый (строившійся) Лѣтній дворецъ, бывшій Адмиральскій домъ, домъ Рагузинскаго, домъ Ягужинскаго, дворы Волынскаго, домъ Бирона и бывшій Скляевскій домъ.

Внутреннимъ убранствомъ этихъ дворцовъ завѣдовали контора интендантскихъ дѣлъ, на обязанности которой лежали также постройки и починки дворцовъ, и камеръ-цальмейстерская контора. Сюда же слѣдуетъ отчасти отнести и канцелярію отъ строеній, которая исполняла только требованія двухъ упомянутыхъ учрежденій относительно доставки мастеровъ, работы и матеріаловъ. Что касается въ особенности круга дѣйствій той и другой конторы, то интендантская занималась работами печными, столярными, малярными, рѣзными, золотарными и живописными, а камеръ-цальмейстерская вѣдала работы по обивкѣ дворцовыхъ стѣнъ и мебели, которую въ нѣкоторыхъ случаяхъ сама же она и приготовляла, и вообще наблюдала за сохранностію убранства стѣнъ, мебели и всего находившагося въ комнатахъ. Каждое изъ этихъ учрежденій имѣло свой штатъ и своихъ



Старый Зимній дворецъ во второй половинѣ XVIII столѣтія.

Съ современной гравюры Махаева.

мастеровыхъ. Въ числѣ мастеровъ, состоявшихъ при конторахъ, были французскіе столяры, а также особый «кроватный» мастеръ, тоже французъ.

Независимо отъ мастеровыхъ людей, опредѣленныхъ штатами и присылаемыхъ на дворцовыя работы изъ вѣдомства канцеляріи отъ строеній, въ случаѣ спѣшныхъ и большихъ работъ, нанимались вольные мастеровые, вызываемые частью изъ Москвы или бравшіеся изъ другихъ вѣдомствъ. Необходимые для убранства дворцовъ матеріалы пріобрѣтались или покупкою чрезъ состоявшаго при дворѣ особаго «купчину», или выписывались «изъ-за моря», при посредствѣ гофъ-фактора, или же заказывались на фабрикахъ въ Москвѣ, Петербургѣ и Ярославлѣ.

Первымъ дворцомъ въ Петербургѣ считался новый Зимній дворецъ, но не тотъ, однако, который нынѣ носитъ это названіе, такъ какъ онъ въ ту пору не былъ еще начатъ постройкой. Въ этомъ дворцѣ находилась, между прочимъ, библіотека правительницы; опочивальня ея была отдѣлана богатою серебряною парчею, а обои и кровать были приготовлены по рисунку придворнаго мастера Людовика Каравака. Другая ея опочивальня въ томъ же Зимнемъ дворцѣ была обита желтыми штофными обоями съ серебрянымъ позументомъ, а кровать была работы «кроватнаго мастера» Антона Рожбарта. Кровать эта была «большая, богатая, съ балдахиномъ французскимъ маниромъ, желтаго штофу съ серебрянымъ позументомъ», покрывало на ней было изъ желтой тафты, матрасъ двухспальный атласный, краснаго цвѣта. Кресла въ опочивальнѣ были дубовыя, рѣзныя, обитыя «серебрянымъ глясе». Правительница не удовольствовалась бывшими въ этой опочивальнѣ штофными обоями и приказала сдѣлать «богатыя вышивныя», а къ окнамъ — зеленыя гроденаплевыя занавѣсы, обложенныя въ два ряда серебрянымъ позументомъ. Шитьемъ обоевъ и уборовъ для опочивальни занимались золотошвейныя мастерицы вѣдомства цальмейстерской конторы, а также и вольныя: и тѣ и другія находились подъ надзоромъ живописца Каравака. Такъ какъ правительница желала, сколь можно скорѣе, окончить убранство своей опочивальни, то, въ помощь работавшимъ уже золотошвейкамъ, были потребованы Каравакомъ нѣсколько

женъ гвардейскихъ солдатъ, а также дочь священника Исаакіевской церкви. Полъ въ опочивальнѣ былъ обитъ овечьими сѣрыми полостями, которыя были покрыты коврами фабрики Затрапезнова, но потомъ ковры были замѣнены обивкою изъ тонкаго зеленаго сукна.

Въ другой, прежде упомянутой опочивальнѣ, была устроена перегородка, обитая малиновымъ бархатомъ и съ занавѣсами изъ такой же матеріи. Перегородка эта была обложена въ два ряда позументомъ. Въ эту же опочивальню были приготовлены стулья, обитые такимъ же бархатомъ и тоже обложенные позументомъ.

Сохранились также свѣдѣнія и объ уборной правительницы въ новомъ Зимнемъ дворцѣ. Въ этой комнатѣ находилось самое большое зеркало въ мѣдной вызолоченной рамѣ. 5-го марта 1741 года правительница приказала сдѣлать въ свою уборную односпальную кровать на четырехъ столбахъ, съ занавѣсами изъ малиноваго штофа, обшитыми золотымъ позументомъ «такимъ манеромъ и мѣрою, какъ имѣлись въ Лѣтнемъ домѣ въ ея спальнѣ». Полъ въ уборной, по ея приказанію, вмѣсто заленаго сукна, былъ обитъ коврами. Въ этой комнатѣ, между прочею мебелью, находились два орѣховые шкафа съ зеркалами. Другихъ какихъ либо подробностей относительно уборной въ Зимнемъ дворцѣ въ архивныхъ документахъ не встрѣчается.

Извѣстно, что Анна Леопольдовна была страстною любительницею чтенія. Въ библіотекѣ ея была поставлена кровать съ павильономъ изъ желтаго штофа, съ желтою тяжелою подкладкою. Въ библіотекѣ были поставлены два шкафа, работы французскаго мастера Мишеля. Шкафы эти были сдѣланы изъ голландскаго дуба, съ рѣзьбой, самой чистой работы; въ каждомъ шкафѣ было внизу по два ящика, «а сверхъ ихъ, для положенія книгъ, таблетъ, а при немъ внизу, по угламъ, «каранштейны». Правительница приказала сдѣлать въ библіотекѣ ширмы и обить ихъ съ одной стороны желтымъ штофомъ и по борту широкимъ серебрянымъ позументомъ, а съ другой — желтой камкой. Вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно было, взамѣнъ краснаго сукна, застлать полъ коврами.

Постановка кроватей и въ уборной, и въ библіотекѣ свидѣтельствуетъ о той лѣностной неподвижности, какою отли-

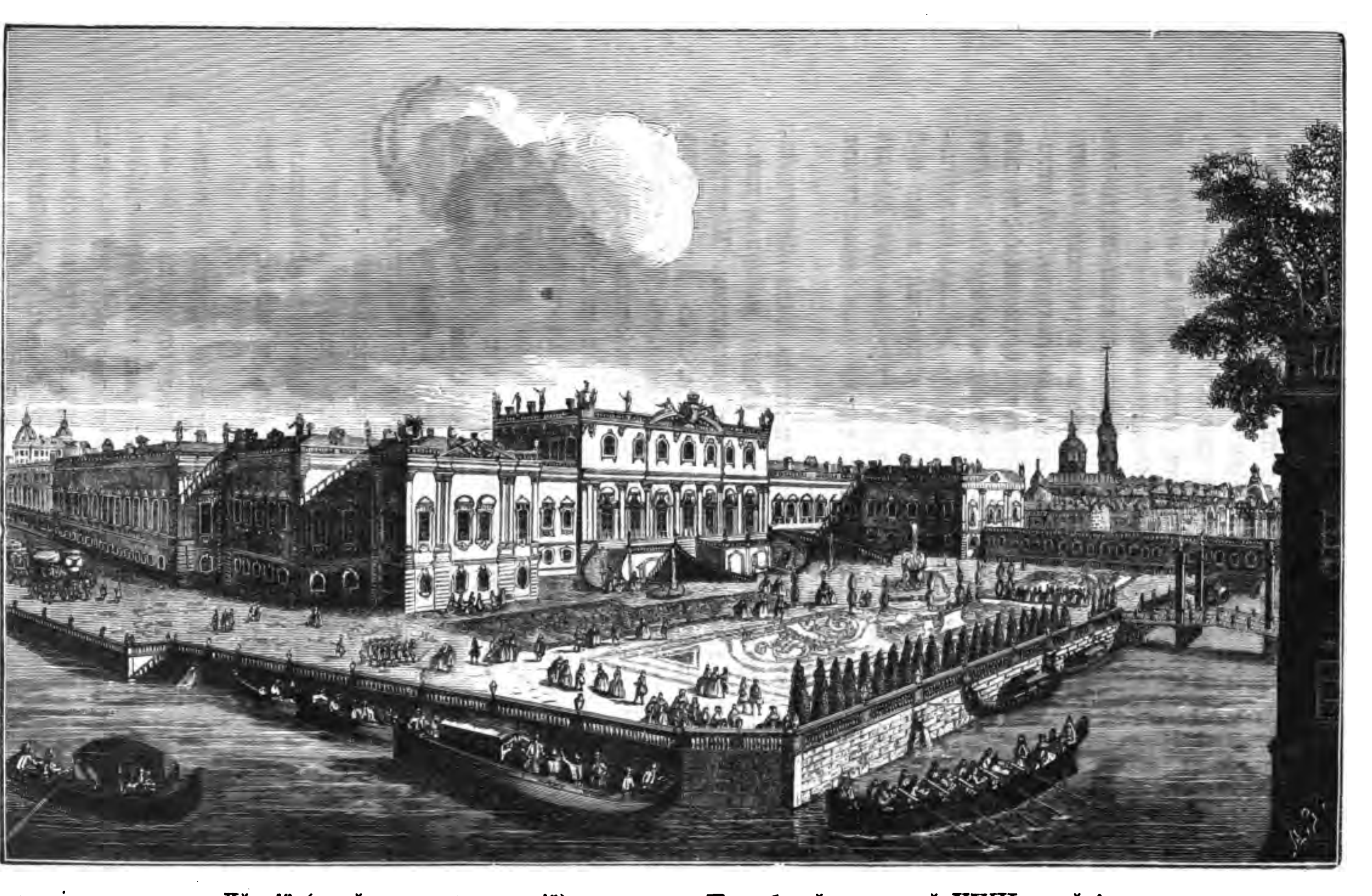
чалась 23-хъ-лѣтняя правительница, а устройство перегородокъ и павильона указываетъ на любовь ея къ уединенію: въ укромномъ уголкѣ: съ книгою въ рукахъ, лежа на постели, она готова была проводить цѣлые дни.

Пріемные покои Зимняго дворца были заново отдѣланы, при переходѣ туда на жительство Анны Леопольдовны. Шитьемъ обоевъ для ея аппартаментовъ занимались 35 солдатъ, подъ надзоромъ сержанта Преображенскаго полка, и тамъ работали также 10 рѣзчиковъ, присланныхъ изъ адмиралтействъ-коллегіи. Изъ 10 пріемныхъ покоевъ 3 были обиты малиновымъ штофомъ. Въ одной изъ залъ было повѣшено серебряное паникадило (люстра) о восьми шандалахъ. Другіе покои были обиты штофомъ голубого или зеленаго цвѣта, съ золотыми и серебряными позументами.

Изъ числа мебели, бывшей въ комнатахъ правительницы, упоминаются камышевые стулья, ломберные столики пальмоваго дерева, обитые малиновымъ и зеленымъ бархатомъ, съ золотымъ позументомъ, «сафо» (софы) и серебряные канделябры. Значительное число ломберныхъ столиковъ соотвѣтствовало той безпрестанной карточной игрѣ, которая, послѣ чтенія, была любимымъ развлеченіемъ правительницы.

Изъ числа аппартаментовъ, занимаемыхъ малюткою-императоромъ, упоминаются комнаты: а) опочивальня, б) «генералъ-суперъ-интендантши», в) Анны Ѳедоровны Юшковой, состоявшей, какъ кажется, постоянно при ребенкѣ-государѣ, г) кормилицы, д) кабинетъ его императорскаго величества, е) министерская комната, ж) покой для совѣтниковъ, з) покой для секретарей, и) покои отъ адмиралтейства, к) галлерея, или семь покоевъ, л) большая зала, м) другая зала.

Въ опочивальнѣ императора сперва было убранство изъ голубого, а потомъ изъ зеленаго штофа, и въ ней было навѣшано четыре «зеркальныхъ» подсвѣчника на голубыхъ лентахъ, полъ былъ обитъ коврами. Одна колыбель была дубовая, оклеенная орѣховымъ деревомъ, другая обита серебряною парчею, съ бархатными цвѣтами; внутренность ихъ была обтянута тафтою, и изъ этой же матеріи были сдѣланы: тюфяки, подушки, пуховики и одѣяла. Третья колыбель была приготовлена изъ прутьевъ. Кресла и табуреты были дубовые, обитые зеленою тафтою. Собственно для импе-



Лѣтній (нынѣ не существующій) дворецъ въ Петербургѣ, въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ современной гравюры Махаева.

ратора были маленькія кресла, обитыя малиновымъ бархатомъ, высокія, на колесцахъ. Министерская комната была обита голубымъ штофомъ, покой для совѣтниковъ — пунцовымъ съ бѣлымъ, два покоя для секретарей, камергера и переводчика — обоями фабрики Затрапезнова.

Упомянутая выше галлерея назначалась, какъ видно изъ документовъ, для разныхъ придворныхъ торжествъ, празднествъ и церемоній. Въ такихъ случаяхъ полъ въ ней устилался простымъ сукномъ, съ золотымъ позументомъ, въ ней было возвышеніе, «тронъ», на которомъ стояло кресло, обитое малиновымъ бархатомъ. Въ галлереѣ этой устраивались маскарады; оконныя въ ней стекла были зеркальныя и въ ней же были поставлены два огромныя зеркала, принадлежавшія прежде герцогу курляндскому, а также ломберные столы, оклеенные зеленымъ бархатомъ.

Примыкавшія къ галлереѣ семь комнатъ были обиты штофами, французскими и московскими, обивка мебели и занавѣсы были подъ цвѣтъ обоевъ, съ позументами. Карнизы, панели и наличники были позолочены. Изъ документовъ видно, что комнаты эти отличались особымъ убранствомъ, такъ какъ, при отдѣлкѣ ихъ, въ числѣ рабочихъ были: столяры, рѣзчики, литейщики, живописцы, а также производившіе мраморныя и золотарныя работы. Рѣзчики были выписаны изъ Москвы самые искусные, «самые добрые» 20 человѣкъ. Изъ числа семи упоминаемыхъ комнатъ, одна, съ высеребренною отдѣлкою, называлась «шахматною». Къ этимъ комнатамъ примыкали: «галлерея отъ комедіи» и «галлерея отъ церкви». Отдѣлывали эти покои подъ главнымъ надзоромъ знаменитаго Растрелли, Каравака, «живописца историческихъ дѣлъ» Тарсія и скульптурнаго мастера Цвенгофа. Въ этихъ комнатахъ стояли 4 большія французскія зеркала, въ рѣзныхъ золоченыхъ рамахъ, и бильярдъ, выписанный изъ Англіи.

Что касается покоевъ супруга правительницы, то сохранились свѣдѣнія, что они были обиты штофами и брокателью, что въ нихъ были занавѣсы изъ индійской тафты, англійскіе стулья и стѣнныя картины, висѣвшія на лентахъ.

Такъ какъ въ изданныхъ документахъ встрѣчаются свѣдѣнія объ убранствѣ Зимняго дворца только случайныя и

[illegible]

[illegible] Вы [illegible]
[illegible] ньной [illegible]
[illegible] мотрѣть, [illegible]
[illegible] кресло, [illegible]
[illegible] ными и [illegible]
[illegible] Принадле [illegible]
[illegible]

[illegible] были обиты [illegible]
[illegible] мебели [illegible]
[illegible] докум [illegible]
[illegible] убранс [illegible]
[illegible] ихъ были [illegible]
[illegible] также пр [illegible]
[illegible] ости. Рѣчники бы [illegible]
[illegible] самые добрые [illegible]
[illegible] ныхъ купать [illegible]
[illegible] ло и гра [illegible]
[illegible] везде главнымъ н [illegible]
[illegible] шака, славянщина не [illegible]
[illegible] мастера Цвѣ [illegible]
[illegible] ванія французскія [illegible]
[illegible] и Скандр [illegible] написаны [illegible]

[illegible] то со [illegible]
[illegible] и бр [illegible]
[illegible] давлены [illegible] дійской т [illegible]
[illegible] карты [illegible]
[illegible] документ [illegible]
[illegible] случаемъ [illegible]

Принцъ Антонъ-Ульрихъ-Брауншвейгскій.

Съ современнаго гравированнаго портрета.

отрывочныя, — въ видѣ счетовъ и распоряженій, — то они, конечно, не могутъ дать точнаго и полнаго понятія о жилищѣ русскихъ государей въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Тѣмъ не менѣе, изъ этихъ свѣдѣній видно, что въ ту пору при русскомъ дворѣ существовала вполнѣ европейская роскошь, о чемъ, впрочемъ, свидѣтельствуютъ и сказанія современниковъ - иностранцевъ, посѣщавшихъ Петербургъ, какъ, напримѣръ, письма леди Рондо.

Во время правленія Анны Леопольдовны, въ Петербургѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ Михайловскій замокъ, производилась постройка новаго Лѣтняго дворца. Изъ найденныхъ въ архивѣ матеріаловъ видно, между прочимъ, что въ этомъ дворцѣ дѣлались штучные полы, «узорчатые разныхъ видовъ»; часть такихъ половъ, а также и зеркала для новаго дворца были привезены изъ Риги, гдѣ они находились въ домѣ, принадлежавшемъ Бирону.

При правительницѣ отдѣлывался также и такъ-называемый «адмиральскій» домъ. Въ этомъ домѣ работали преимущественно живописцы. Въ Рагузинскомъ домѣ были отдѣланы для правительницы два покоя, обитые голубымъ штофомъ, и былъ устроенъ кабинетъ его императорскаго величества. Бывшій домъ Бирона отдѣлывался для свадьбы любимой фрейлины правительницы, баронессы Юліаны Менгденъ, готовившейся выйти замужъ за польско - саксонскаго посланника, графа Линара. Спальня будущей графини отдѣлывалась по образцу спальни правительницы. Изъ упоминаемыхъ нами свѣдѣній видно еще, что для обивки стѣнъ въ дворцовыхъ комнатахъ, кромѣ шелковыхъ матерій, употреблялись еще обои камчатные, гарусные и печатные на холстѣ.

Вотъ все существенное, что̀ относительно петербургскихъ дворцовъ мы могли извлечь изъ архивнаго изданія, не обременяя нашихъ читателей пустыми и часто повторяющимися мелочами и, притомъ, не представляющими въ бытовомъ отношеніи ничего, заслуживающаго вниманія. Теперь мы перейдемъ къ обстановкѣ другого рода — къ одеждѣ высочайшихъ особъ того времени.

III.

Нелюбовь правительницы къ нарядамъ. — Свѣдѣнія объ ея платьяхъ и цѣнныхъ вещахъ. — Лейбъ-шнейдеры. — Полушлафроки, юбочки, шлафоры и корсеты правительницы. — Кавалерское и турецкое платье. — Матеріи и мѣха, употреблявшіеся на платье. — Рыбья кость. — Алмазныя и золотыя вещи. — Платьица и шубки императора. — Золотая и серебряная посуда. — Сады, оранжереи, паровые ящики и «люстъ-гаузы». — Шатры, гроты, круги, фонтаны и статуи. — Порча послѣднихъ проходящими и проѣзжающими. — Фряжскіе погреба. — Поставка изъ садовъ ко двору припасовъ. — Петербургскіе дворцовые сады. — Заморскія и россійскія птицы. — Птицы «разнаго званія». — Минажеріи, бесѣдки, лавки, порталы, «фаболы изъ фигуръ», «езопскія фаболы», крытыя дороги и пр. — Выписка растеній изъ-за моря. — Цвѣты и плодовыя деревья. — «Золотыя хоромы». — Заячья садка. — Гоньба оленей. — Италіянскій садъ. — Дворцовые огороды. — Манежъ, кофейный домъ, фонтаны. — Сады петергофскіе и стрѣльненскіе. — Трактирный домъ. — Фонтанъ Евы. — «Устерцовые звуки». — Сады въ Ревелѣ и Москвѣ.

Принцесса Анна Леопольдовна представляла рѣдкое исключеніе среди женщинъ въ томъ отношеніи, что она не только не слѣдовала модѣ, но и вообще не любила пышныхъ и стѣснительныхъ нарядовъ, предпочитая имъ простые домашніе уборы. О такой наклонности молодой женщины сохранились извѣстія въ «Запискахъ» Миниха, Манштейна и письмахъ леди Рондо. Но какъ ни уклонялась она отъ роскоши въ одеждѣ, все же ея высокое положеніе въ государствѣ, какъ правительницы имперіи, заставляло ее, противъ вòли, одѣваться съ роскошью, подобающею ея сану. Въ разсматриваемой нами книгѣ находятся, между прочимъ, «свѣдѣнія о платьяхъ и цѣнныхъ вещахъ правительницы». Мы уже говорили о значеніи изданныхъ нынѣ архивныхъ свѣдѣній, которыя и въ данномъ случаѣ только отрывочныя, такъ какъ въ нихъ не встрѣчается полный инвентарь гардероба правительницы.

Шитье платьевъ и другихъ принадлежностей одежды для царскаго семейства и нѣкоторыхъ придворныхъ лицъ, равно какъ изготовленіе драгоцѣнныхъ уборовъ и вещей, вмѣстѣ съ отпускомъ необходимыхъ для того матеріаловъ, относилось къ вѣдѣнію цальмейстерской конторы, для чего въ штатѣ ея имѣлось нѣсколько человѣкъ портныхъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Матеріалы для платьевъ правительницы отпускались по требованію ея камердинера, подобно тому, «какъ при жизни императрицы Анны Ивановны таковый отпускъ по

требованію лейбъ-шнейдеровъ производился». Уже одинъ такой порядокъ показываетъ, какъ мало заботилась о своихъ нарядахъ молодая правительница, даже не измѣнившая нисколько прежняго порядка по части своего гардероба. Въ числѣ разныхъ принадлежностей одежды, заготовляемыхъ для правительницы, упоминаются: полушлафроки, «юбочки», корсеты, шлафоры, кафтаны, «кавалерское платье св. апостола Андрея», самара, «турецкое платье» и шуба. Для шитья всего этого употреблялись: штофъ «по серебренной фризовой землѣ съ разными травами» и «по темновишневой землѣ съ разными шелковыми травами», т. е. узорами; крезетъ бѣлый гладкій, а также съ золотыми и серебряными и разныхъ цвѣтовъ шелковыми узорами, моаръ и тафта разныхъ цвѣтовъ, алый атласъ, бархатъ и гродетуръ. Изъ мѣховъ — горностай и лисица. Требовался также и «фишбенъ», иначе тогда называемый — «рыбья кость», т. е. китовый усъ для корсетовъ. Лисій мѣхъ, употребленный на шубу правительницы, стоилъ по оцѣнкѣ ратушскихъ цѣновщиковъ 1,000 рублей, — стоимость мѣха чрезвычайно значительная, по курсу того времени.

Что касается алмазныхъ вещей, то передѣлку ихъ правительница поручила золотыхъ дѣлъ мастеру Дункелю, которому, для отправленія его работъ, былъ отведенъ въ Зимнемъ дворцѣ, въ среднемъ аппартаментѣ, особый покой. Къ этому покою былъ поставленъ караулъ, состоящій изъ капрала лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка и 3 солдатъ. Кромѣ вещей, поступившихъ въ передѣлку къ Дункелю, у правительницы находилось еще много драгоцѣнныхъ вещей въ сундукѣ, обитомъ простою кожею, на которомъ былъ футляръ изъ черной кожи. Въ архивныхъ документахъ сохранилась подробная опись этихъ вещей, но мы не будемъ приводить ее, а замѣтимъ только, что въ числѣ упомянутыхъ вещей были: серебряная вызолоченная шкатулка; золотые ковши, съ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; золотые потиры, съ такими же украшеніями; золотые: братинки, блюдечки съ изумрудами, чашечка; кинжалы въ золотой оправѣ, съ золотыми рукоятками, украшенные алмазами; верхъ съ кальяна золотой съ финифтью; кортикъ съ золотою оправою, унизанною алмазами, и другія мелкія вещи.

У императора были платьица и кафтанчики изъ атласа, подложенные тафтою; для него же были сдѣланы «помочи» кожаныя, обшитыя сверху малиновымъ бархатомъ, съ золотымъ позументомъ, а снизу тафтою; на однихъ изъ нихъ были серебряныя вызолоченныя пряжки. Шубки у него были подбиты лисицею, стоившею 400 рублей, и соболями.

При большомъ дворѣ, какъ видно изъ другихъ источниковъ, употреблялась въ торжественные дни золотая посуда въ значительномъ количествѣ, а изъ архивныхъ документовъ оказывается, что такую же посуду мастеръ Донъ приготовилъ и для только-что родившейся великой княжны Екатерины Антоновны. Собственно въ комнатномъ употребленіи малютки-императора было серебряной посуды 2 пуда 1 фун. и 90 зол.; она состояла: изъ кострюльки, рукомойника, солонки и т. д. Въ числѣ игрушекъ и предметовъ забавъ государя были: «четыре печатныя книжки съ разными цвѣтными рисунками» и бархатные мячики.

При всѣхъ дворцахъ, существовавшихъ какъ въ Петербургѣ и въ окрестностяхъ его, такъ и въ Москвѣ и около нея, находились сады, считавшіеся въ ту пору необходимою принадлежностію не только дворцовъ, но и господскихъ домовъ. Дворцовые сады, служа увеселительными мѣстами для прогулокъ императорской фамиліи, имѣли, вмѣстѣ съ тѣмъ, не маловажное значеніе и въ хозяйственномъ отношеніи, доставляя свои произведенія для царскаго «обихода». Такъ какъ дворцовыхъ садовъ вообще было не мало, то всѣ они, для содержанія ихъ въ надлежащей исправности и чистотѣ, а также для ухода за ними, требовали много различныхъ заботъ и попеченій и нуждались для этого въ особомъ надзорѣ со стороны придворнаго вѣдомства. Изъ напечатанныхъ архивныхъ документовъ, которыми мы пользуемся для настоящей нашей статьи, видно, что различные дворцовые сады не стояли въ томъ или другомъ придворномъ учрежденіи въ одинаковой степени завѣдыванія. Тѣ изъ нихъ, которые находились въ Петербургѣ и его окрестностяхъ, были подъ наблюденіемъ канцеляріи отъ строеній, а дворцовые сады, находившіеся въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, состояли въ вѣдомствѣ гофъ-интендантской конторы. «Садовые мастера» обязаны были круглый годъ доставлять различныя

произведенія для двора, по назначенію кухенщрейбера, когда и сколько чего потребуется.

Во время правленія Анны Леопольдовны упомянутымъ мастерамъ неоднократно, и письменно и словесно, подтверждаемо было канцеляріею отъ строеній, «чтобы смотрѣнія ихъ въ оранжереяхъ и паровыхъ ящикахъ (парникахъ) завсегда умножаемо было всякихъ раннихъ фруктовъ, травъ и кореньевъ, а нынѣ въ канцеляріи извѣстно, что отъ оныхъ мастеровъ, въ домъ его императорскаго величества въ отпускахъ бываетъ недовольно, и то не отъ чего иного чинится, токмо отъ ихъ мастерскаго нерадѣнія. Того ради приказано: ко всѣмъ садовымъ мастерамъ послать еще въ подтвержденіе ордеръ, чтобъ въ размноженіи всякихъ фруктовъ, травъ и кореньевъ, таковъ редису и крапивы, имѣли они прилежное стараніе и въ домъ его императорскаго величества чинили отпускъ со всякимъ удовольствіемъ, ежели жъ отъ ихъ мастерскаго нерадѣнія въ отпуску будетъ недовольное число, за то неотмѣнно будутъ штрафованы». Сдѣлано было также распоряженіе канцеляріи отъ строеній, чтобы садовые мастерà сады и въ нихъ шпалеры, аллеи, оранжереи, паровые и фруктовые ящики содержали въ порядкѣ. На дворцовые сады тратились большія суммы. Сама правительница, посѣщая ихъ, нерѣдко дѣлала относительно ихъ свои замѣчанія и распоряженія. При дворцовыхъ садахъ состояли особые чиновники, имѣвшіе званіе инспекторовъ и смотрителей. Для дворцовыхъ садовъ выписывались изъ-за границы въ большомъ количествѣ сѣмена, деревья и кустарники.

Въ садахъ, кромѣ оранжерей и парниковъ, устраивались фонтаны, бассейны, шатры и круги для стрѣльбы, павильоны и «люстъ-гаузы». Въ первомъ и во второмъ садахъ, примыкавшихъ къ Лѣтнему дворцу, во время Анны Леопольдовны были разставлены разныя вызолоченныя фигуры. Гроты и фонтаны отдѣлывались раковинами и убирались привозимымъ изъ Архангельска «ноздреватымъ угольемъ» и «пѣнкою». Для лѣнивой на ходьбу правительницы при садѣ имѣлась «лѣтняя колясочка». Къ петербургскимъ дворцовымъ садамъ, для производства въ нихъ разныхъ работъ, было приписано 2500 крестьянскихъ душъ.

Отчетность по устройству и содержанію всѣхъ дворцо-

выхъ садовъ въ Петербургѣ лежала на канцеляріи отъ строеній, и общая сумма, отпускавшаяся на послѣднюю статью, простиралась въ 1740 году до 133,333 руб. 33¹/₄ коп. Изъ дворцовыхъ садовъ, Первый и Второй были доступны для всѣхъ гуляющихъ какъ лѣтомъ, такъ и зимой, въ продолженіе которой здѣсь была даже проѣзжая дорога. Но публика нерѣдко употребляла во зло предоставленную ей свободу, и дѣлала въ садахъ разныя поврежденія, на что̀ въ особенности жаловался скульптурный мастеръ. Въ январѣ 1741 года, онъ доносилъ въ канцелярію отъ строеній, что «въ тѣхъ садахъ въ лѣтнее время ходятъ множество всякаго чина люди и ломаютъ своевольно упомянутыхъ статуй персты и прочія мелкія вещи, а въ зимнее время не только всякаго подлаго народа ходятъ множество денно и нощно, но и ѣздятъ на лошадяхъ въ саняхъ, и тѣмъ ломаютъ и повреждаютъ у оныхъ статуй мелкія вещи, также похищали съ статуй чехлы и мѣшки».

Въ изданныхъ архивныхъ свѣдѣніяхъ упоминается о шести дворцовыхъ садахъ, бывшихъ въ Петербургѣ. Названія ихъ были слѣдующія: 1) Первый садъ, 2) Второй садъ, 3) Третій садъ, 4) Итальянскій садъ, 5) Новый садъ и 6) Лѣтній садъ. Не только по этимъ архивнымъ свѣдѣніямъ, но и по описаніямъ Петербурга и стариннымъ его планамъ, нельзя точно опредѣлить мѣстоположеніе трехъ первыхъ садовъ. Можно только заключить, что они были не въ дальнемъ разстояніи одинъ отъ другого. Извѣстно, впрочемъ, что третій садъ шелъ вдоль берега Фонтанки, въ той мѣстности, гдѣ находится нынѣ Михайловскій за̀мокъ, и что между садами Вторымъ и Третьимъ находились «фряжскіе погреба» и деревянное строеніе, въ которомъ хранились овощные припасы. Садами же завѣдовали преимущественно нѣмецкіе мастера̀ и ихъ ученики изъ русскихъ. Мастера̀, при заключеніи съ ними дворцовымъ вѣдомствомъ контрактовъ, предъявляли большія требованія, а самому садоводству способствовали мало. Имъ поставлялось въ обязанность, кромѣ содержанія садовъ въ порядкѣ и чистотѣ, смотрѣть, чтобы «заморскія деревья были съ довольнымъ плодомъ», а также поваренные травы и коренья, «а паче траву «пимпиріель» для отпуску про обиходъ размножать».

Первый изъ упоминаемыхъ выше садовъ имѣлъ особенное назначеніе: въ немъ содержались разнаго рода птицы, для чего въ этомъ саду находилась большая клѣтка, заключавшая въ себѣ «разныхъ родовъ заморскихъ и россійскихъ птицъ». Изъ этой клѣтки брались птицы: «для взношенія» въ комнаты императора и другихъ членовъ высочайшей фамиліи, для выпуску въ дворцовые огороды и сады и для посадки въ другія клѣтки. Взятыя птицы замѣнялись новыми, пріобрѣтенными черезъ покупку посредствомъ публичныхъ торговъ, или же канцелярія отъ строеній посылала прямо отъ себя для ловли птицъ нѣсколько охотниковъ съ особыми разрѣшительными на то билетами. Иногда ко двору сразу требовалось: 100 соловьевъ, по 50 штукъ щеглятъ, зябликовъ, подорожниковъ, снигирей, овсянокъ и дубоносокъ, до 25 чировъ, до 500 чижей, до 200 чечетовъ и чечетокъ». Въ виду значительнаго требованія соловьевъ, съ 1738 г. частнымъ лицамъ запрещено было ловить, продавать и покупать ихъ въ Петербургѣ и во всей Ингерманландіи. Цѣна соловья была, около того времени, 30 копѣекъ. При императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ въ комнаты ея вообще требовалось весьма много «разнаго званія» птицъ.

Въ первомъ же саду, сверхъ птицъ, содержались разные мелкіе звѣри въ особо устроенномъ для нихъ звѣрицѣ — «минажеріи». Въ числѣ ихъ были: мартышки и сурки. Посреди этого сада былъ круглый прудъ, въ которомъ плавали гуси и «красныя утки», и находилась ананасная оранжерея. Въ архивныхъ документахъ упоминается также о бывшихъ, какъ въ Первомъ, такъ и во Второмъ садахъ, «бесѣдкахъ», «лавкахъ», «порталахъ» и «крытыхъ дорогахъ». Во Второмъ саду была сдѣланная изъ бѣлаго мрамора скульпторомъ Цвенгофомъ статуя, «именуемая Викторія противъ турокъ и татаръ». Здѣсь же была статуя «Фаворитка» и свинцовыя фигуры: «Фаболы изъ фигуръ» и «Езопскія фаболы».

Для обоихъ упомянутыхъ садовъ требовалось множество цвѣтовъ и деревьевъ; — этихъ послѣднихъ въ 1741 году потребовалось 7000 штукъ. Въ оранжереяхъ были слѣдующія заморскія деревья: «лавровыя», «такесовыя», «букжбоновыя», «фиговыя». Въ одномъ лишь 1738 году было выписано изъ Гамбурга 120 лавровыхъ деревьевъ. Сверхъ того, было много

растеній и деревъ, доставлявшихъ плоды про обиходъ двора, какъ-то: арбузы, дыни, померанцы, вишни, финики и яблоки. Въ садахъ же разводились и разныя поваренныя травы и между ними: базилика, габервурцель, маіоранъ, пастернакъ, тартуфель, чаберъ, кольраби, кербель, спаржа. Изъ ягодъ: земляника, клубника, малина и смородина. Изъ цвѣтовъ: гіацинты, бѣлые и синіе, тюльпаны и нарцисы.

Второй садъ назывался садомъ его императорскаго величества. Въ немъ была устроена «перппективная дорога», а особенностями его были: «большая фонтана» изъ пудожскаго камня, «прудъ карпіевъ», «двѣ водопроводныя машины» и оранжерея, называвшаяся «африканскою», въ коей содержались «кофейныя и прочія заморскія деревья». Изъ увеселеній, какія могли быть въ этомъ саду, упоминается о «стрѣльбѣ въ цѣль», для чего и были устроены мишени.

Въ то время, какъ назначеніе Перваго и Второго садовъ состояло въ томъ, чтобы быть преимущественно складочнымъ мѣстомъ, изъ котораго брались на потребы двора птицы, назначеніе Третьяго сада заключалось, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы доставлять двору всѣ потребные плоды, растенія, цвѣты и овощи. По сообщаемымъ въ архивныхъ документахъ свѣдѣніямъ, можно заключить, что садъ этотъ былъ довольно обширенъ. Въ дальнемъ концѣ его, гдѣ было посажено нѣсколько яблонь и тутъ же разведенъ разсадникъ запасныхъ кленовыхъ деревьевъ, стояли четыре дома, для садоваго подмастерья и его учениковъ. Но въ 1741 году дома эти были снесены, потому что еще по распоряженію регента велѣно было сдѣлать часть Третьяго сада «площадью для экзерциціи лейбъ-гвардіи и другихъ полковъ». Между тѣмъ, для устройства этой площади требовалось уничтожить не только яблочныя и кленовыя деревья, но и 300 грядъ, которыя засѣвались разными травами и кореньями для обихода двора. Какъ объ особенности Третьяго сада, упоминается въ архивныхъ свѣдѣніяхъ о какихъ-то «золотыхъ хоромахъ», а также о «заячьей садкѣ» и «гоньбѣ оленей», для чего въ саду было огорожено особое мѣсто, и каждое лѣто въ эту загородь напускались зайцы и олени. Въ 1741 году, въ этомъ саду, по повелѣнію правительницы, строился «новый лѣтній домъ». На содержаніе въ порядкѣ

Третьяго сада Анна Леопольдовна обращала особенное вниманіе. Въ оранжереяхъ этого сада разводились: тюльпаны, гвоздики, лиліи, раненкулы и анемоны.

Такъ называвшійся «Италіанскій» садъ былъ, какъ надобно полагать, любимымъ мѣстомъ прогулокъ и развлеченій принца Антона-Ульриха, который нерѣдко посѣщалъ его и катался по немъ въ экипажѣ. Вслѣдствіе этого, изъ семи построенныхъ въ Итальянскомъ саду мостовъ шесть были расширены на два аршина для проѣзда на площадяхъ цугомъ, а находившіяся близь рѣки Фонтанки палаты, однѣ деревянныя, а другія каменныя, были починены. При этомъ по Литейной улицѣ садъ былъ огороженъ рѣшеткою въ сажень высоты. Въ этомъ саду разводились также цвѣты и фрукты, и были построены каменныя оранжереи, между ними была и «абрикосовая». Ягоды собирались въ изобиліи.

Изъ дворцовыхъ огородовъ главнымъ считался «новый», устроенный по именному указу императрицы Анны Ивановны на «большомъ лугу противъ лѣтняго дома». Велѣно было: «учинить огородъ со всякимъ поспѣшеніемъ, дабы, лѣтомъ того же 1740 года, оный къ благоугодному, ея императорскаго величества увеселенію служить могъ». Огородъ былъ устроенъ, и онъ «сталъ въ не малую сумму». Въ немъ, между прочимъ, было посажено 500 штамбовыхъ и 10000 шпалерныхъ деревъ. Изъ архивныхъ документовъ видно, что въ «новомъ огородѣ» были устроены: манежъ, караульные покои, фонтанъ и люстъ-гаузы, т. е. увеселительные дома. Здѣсь же находился и такъ называвшійся «кофейный домъ». Стѣны люстъ-гаузовъ были обиты холстомъ и выбѣлены, украшенія состояли изъ рѣзной работы.

Что касается нынѣшняго Лѣтняго сада, то въ немъ, съ 1740—1741 годъ, существовали еще фонтаны, устроенные при Петрѣ Великомъ, но они дѣйствовали уже слабо, и это объясняли тѣмъ, что «въ Красномъ Селѣ», на Лиговскомъ каналѣ, на мельницахъ бумажной и мѣдной, плотины повреждены, и оттого въ томъ каналѣ воды умалилось». Въ то время въ Лѣтнемъ саду, въ гротѣ, были органы — музыкальный инструментъ, приводимый въ движеніе и издававшій звуки посредствомъ воды.

Изъ дворцовыхъ садовъ, находившихся въ окрестностяхъ

Петербурга, замѣчательнѣйшіе были петергофскіе и стрѣльненскіе. Для содержанія первыхъ требовался не только обширный личный штатъ, но и множество разныхъ садовыхъ инструментовъ и орудій. Въ петергофскихъ садахъ и тогда было много разныхъ увеселительныхъ зданій, фонтановъ, каскадовъ и прудовъ, а также находились манежъ и «трактирный домъ». Въ 1741 году, перспективы у «фонтана Евы» убраны были по карнизу «устерцовыми звуками», т. е. раковинами устрицъ, которыя, при дуновеніи вѣтра, издавали звуки.

Императрица Анна Ивановна, любившая Петергофъ, не довольствовалась настоящимъ его состояніемъ, и изъ архивныхъ документовъ видно, что петергофскіе сады не были еще приведены въ тотъ видъ, какой они должны были получить по мысли «благоустроявшихъ» ихъ. Въ нихъ предполагалось сдѣлать еще многое, чтобъ отъ того было «довольно плезиру и увеселеніе». Улучшенія въ петергофскихъ садахъ продолжались дѣятельно и послѣ смерти Анны Ивановны, въ 1741 году. Въ этомъ же году производились разныя улучшенія и поправки и въ стрѣльненскомъ саду.

Дворцовые сады находились еще въ Ревелѣ и въ Москвѣ; въ этой послѣдней они носили названія: анненгофскихъ и набережныхъ. Первые были при анненгофскомъ дворцѣ, а вторые находились противъ большого Кремлевскаго дворца, по ту сторону Москвы-рѣки.

Въ окрестностяхъ Москвы существовали заведенные еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ сады въ селахъ Измайловскомъ и Коломенскомъ. Измайловскіе сады были чрезвычайно важны въ дворцовомъ хозяйствѣ, такъ какъ изъ нихъ получался даже виноградъ, а съ кедровъ, росшихъ въ Коломенскомъ саду, собирались орѣхи, которые и высылались въ Петербургъ ко двору.

IV.

Придворная капелла и музыкальная капеллія. — Концертная музыка. — Пѣвчая. — Молдавскіе музыканты. — Головкинскіе музыканты. — Музыканты цесаревны. — Бандуристы и гуслисты. — Театръ. — Комедія, или комедіантскій залъ. — Костюмы и декораціи. — Комедіи, интермедіи, трагедіи и оперы. — Театральная школа. — Кордебалетъ. — Восточные актеры. — Итальянская компанія. — Прозрачныя картины. — Пробы комедій. — Нѣмецкая труппа. — Комедіантъ «персидскаго манера».

Пореходя къ главнымъ предметамъ внутренней дворцовой обстановки, нужно остановиться на музыкѣ, театрѣ и другихъ увеселеніяхъ, бывшихъ при дворѣ. Развитіе и направленіе этихъ предметовъ лучше всего свидѣтельствуетъ о развитіи изящнаго вкуса данной поры.

Издатели архивныхъ документовъ замѣчаютъ, что отдѣльныхъ документовъ, касающихся исключительно придворныхъ музыкантовъ, въ дѣлахъ описываемаго времени нѣтъ, но свѣдѣнія о нихъ находятся въ производствахъ почти всѣхъ учрежденій придворнаго вѣдомства, смотря по тому, какими сторонами жизни соприкасались музыканты съ тѣмъ или другимъ мѣстомъ. Сводя эти свѣдѣнія о придворной музыкѣ въ 1740—1741 годахъ, можно въ общихъ чертахъ сказать слѣдующее.

Въ документахъ личный составъ придворныхъ музыкантовъ означается вообще названіемъ «придворной капеллы». Сами же музыканты называли себя принадлежащими къ «музыкальной капелліи».

Назначеніе музыкальной капеллы было двоякое: первое и главное — исполненіе при дворѣ концертовъ, такъ какъ и главнозавѣдующій капеллою музыкантъ назывался «концертъ-мейстеръ»; на это назначеніе указываетъ и самое названіе капеллы «концертною музыкою»; второе — играть на придворныхъ балахъ. Послѣдняя обязанность музыкантовъ сдѣлалась со временемъ едва ли не болѣе важною, чѣмъ первая, а въ именномъ указѣ объ учрежденіи при капеллѣ школы выставлялась за причину необходимости пополненія капеллы музыкантами, такъ какъ многіе изъ нихъ за старостію не могли играть на придворныхъ балахъ, и потому, вмѣсто ихъ, играли музыканты изъ другихъ мѣстъ.

Учрежденіе придворной капеллы слѣдуетъ отнести гораздо ранѣе, чѣмъ къ 1740 году, такъ какъ въ именномъ указѣ отъ 12 января 1737 года упоминается о выдачѣ изъ камеръ-цальмейстерской конторы наградъ придворнымъ музыкантамъ, число которыхъ уже и въ этомъ году было довольно значительно. Въ послѣдній годъ царствованія Анны Ивановны число ихъ увеличилось еще болѣе; изъ нихъ уже многіе считались старыми, такъ что двѣнадцать изъ нихъ, за преклонностію лѣтъ, не могли уже исполнять свои обязанности. Число придворныхъ музыкантовъ въ 1740 году доходило до 31 человѣка и почти всѣ они были иностранцы. Въ числѣ ихъ упоминается и «пѣвчая» (пѣвица), жена фаготиста Фридриха.

По своей спеціальности, музыканты, на основаніи штата, распредѣлялись такимъ образомъ: 3 трубача, 4 волторниста, 2 литаврщика, 1 бандуристъ и 6 музыкантовъ, изъ которыхъ одинъ назывался «басистомъ», а инструменты прочихъ не показаны.

Изъ документовъ, въ которыхъ говорится о содержаніи придворной капеллы, видно, что придворные музыканты получали, по тому времени, достаточное содержаніе какъ деньгами, такъ и прочимъ продовольствіемъ; что отставные получали пожизненную пенсію, а если кто изъ иноземцевъ хотѣлъ отправиться въ свое отечество, то получалъ денежное пособіе на проѣздъ. Штатные музыканты имѣли казенное помѣщеніе, а тѣмъ изъ нихъ, которые жили на вольныхъ квартирахъ, отпускались дрова на счетъ придворнаго вѣдомства, а также жизненные припасы и ливреи изъ черныхъ и желтыхъ цвѣтовъ по цвѣтамъ русскаго государственнаго герба. Сверхъ денежныхъ окладовъ, придворные музыканты пользовались единовременными денежными выдачами, въ видѣ наградъ и пособій. Денежныя выдачи производились имъ за поздравленіе особъ императорской фамиліи въ высокоторжественные дни и годовые праздники. Уволенные получали пожизненную пенсію въ вознагражденіе за долговременную службу при дворѣ. Въ музыкальной школѣ, учрежденной при капеллѣ императрицею Анною Ивановною, 15 мальчиковъ обучались пѣнію и музыкѣ.

Въ числѣ музыкантовъ, бывшихъ при дворѣ въ описываемое нами время, состояли еще молдавскіе музыканты,

«присланные отъ тамошняго владѣльца» въ Петербургъ. Но въ началѣ 1741 года они были обратно отпущены на свою родину, въ Молдавію.

Не смотря на то, что при Аннѣ Ивановнѣ и при правительницѣ было значительное число придворныхъ музыкантовъ, при дворѣ игрывали еще музыканты вице-канцлера графа Головкина, а также и музыканты изъ «другихъ командъ».

Были еще въ числѣ придворныхъ музыкантовъ «музыканты комнаты ея высочества цесаревны Елизаветы Петровны», называвшіеся иногда музыкантами ея двора. При ней же состояли бандуристы, гуслисты и пѣвчіе. Они тоже являлись съ поздравленіями къ большому двору и получали за это денежное вознагражденіе.

Обращаясь къ одному изъ главнѣйшихъ видовъ придворныхъ увеселеній — къ театру, должно прежде всего сказать, что при Аннѣ Ивановнѣ въ Зимнемъ дворцѣ для сценическихъ представленій было устроено особое помѣщеніе, исключительно для этой цѣли, и носившее названіе «комедіи», или «комедіантскій залъ», съ поставленными въ немъ для зрителей скамейками, а «для стиранія съ нихъ пыли» состоялъ особый сержантъ. При дверяхъ «комедіи» стоялъ военный караулъ изъ четырехъ солдатъ подъ командою каптенармуса. Въ архивныхъ свѣдѣніяхъ упоминается еще одно зданіе подъ названіемъ собственно «театръ», — находилось оно близъ Лѣтняго дворца.

Хозяйственная часть театра, т. е. снабженіе его вещами и деньгами, а также доставка костюмовъ и декорацій, находились въ вѣдѣніи камеръ-цальмейстерской конторы или, вѣрнѣе сказать, ея предсѣдателя, оберъ-гофмаршала графа фонъ-Левенвольда. Но ближайшее распоряженіе и смотрѣніе за всѣмъ, относившимся къ театру, было возложено на состоявшаго при камеръ-цальмейстерской конторѣ поручика, потомъ капитана, Рамбурга.

Въ архивныхъ свѣдѣніяхъ встрѣчаются указанія на то, что въ 1741 году на придворной сценѣ давались: 1) итальянскія комедіи и интермедіи, 2) трагедіи нѣмецкія, 3) оперы, а въ числѣ ихъ и русская. При театрѣ была школа для обученія русскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ танцованію для

того, чтобы впослѣдствіи составить изъ нихъ полный кордебалетъ. По національностямъ придворная труппа была разнообразна, такъ какъ въ составъ ея входили артисты итальянскіе, нѣмецкіе и «восточные».

Итальянская труппа, или «компанія», находилась при дворѣ еще въ 1733 году. Въ 1740 году личный составъ ея былъ довольно значителенъ; въ него входили музыканты, «комедіанты», пѣвчіе и танцоры. Содержаніе итальянской компаніи отпускалось почему-то изъ суммъ соляной конторы. Компанія эта помѣщалась въ старомъ Зимнемъ дворцѣ, и при ея помѣщеніи стоялъ военный караулъ изъ трехъ человѣкъ солдатъ. Въ упомянутомъ же дворцѣ находились мастерскія, въ которыхъ приготовлялись декораціи итальянскими живописцами, занимавшимися также приготовленіемъ для придворнаго театра прозрачныхъ картинъ, а ровно и механическою постановкою пьесъ на сценѣ. Лѣтомъ 1741 года происходили усиленныя приготовленія къ зимнему театральному сезону. Въ это время до самой осени постоянно шли репетиціи, или, по тогдашнему, «пробы комедій».

Итальянскіе музыканты играли при дворѣ во время торжественныхъ обѣдовъ, но главнымъ ихъ занятіемъ было исполненіе концертной музыки, и они изводили огромное количество чернилъ, — изводили ихъ ведрами, «для письма концертовъ».

Что касается нѣмецкой труппы, то она пріѣхала въ Петербургъ изъ Лейпцига съ какимъ-то Нейберомъ, и личный составъ ея назывался «комедіантами нѣмецкой компаніи». Труппа эта, какъ и итальянская, помѣщена была въ старомъ Зимнемъ домѣ его императорскаго величества, гдѣ занимала тринадцать покоевъ. Содержаніе получала она отъ дворцоваго вѣдомства, но въ январѣ 1741 года труппа эта уѣхала обратно въ Лейпцигъ, о чемъ и было донесено Сенату.

Былъ, наконецъ, въ 1740 — 1741 годахъ, при дворѣ, «комедіантъ персидскаго манера», по фамиліи Лазаревъ — вѣроятно армянинъ. Какого рода было его мастерство, этого изъ архивныхъ документовъ не видно, но изъ того обстоятельства, что онъ обучалъ своихъ учениковъ «разнымъ штукамъ» и что для представленій его требовались такіе предметы, какъ сабля и перчатки, можно заключить, что его

штуки состояли частію въ показываніи восточныхъ фокусовъ, частію въ изображеніи разныхъ геройскихъ сценъ; въ числѣ учившихся у него была какая-то «капральская дочь».

Мы упоминали уже, что при дворцовомъ театрѣ состояли двѣ школы: музыкальная и танцовальная. Къ этому можно прибавить, что танцовальная школа, какъ надобно полагать, была учреждена въ сентябрѣ 1739 года и помѣщалась въ старомъ Зимнемъ домѣ. Въ ней обучались танцованію шесть мальчиковъ и столько же дѣвочекъ. Училъ ихъ танцмейстеръ итальянской компаніи Ланде. Танцовальные ученики и ученицы пользовались полнымъ казеннымъ содержаніемъ.

V.

Комнатныя увеселенія. — Шахматы, карты, бильярдъ, воланы, мячи. — Ученыя птицы и собаки. — Шуты и шутихи. — Карлы и карлицы. — Цетринька и ея приставникъ. — Арапки, дураки, сидѣльницы и старухи. — Распоряженіе Анны Леопольдовны. — Охота. — Ружья императрицы. — Верховая ѣзда. — Сѣдельная казна. — Катанья. — Яхты и шлюпки. — Спусканье змѣй.

Кромѣ общественныхъ увеселеній, были заведены еще при дворѣ такъ называвшіяся «комнатныя» увеселенія, которыми забавлялись, когда не было ни баловъ, ни банкетовъ, ни концертовъ, и когда во дворцѣ не собиралось большое общество. Оставаясь въ небольшомъ кругу самыхъ приближенныхъ лицъ, императорское семейство находило развлеченіе въ играхъ: шахматной, карточной, на бильярдѣ, въ воланы и въ мячи. Самая обстановка комнатъ во внутреннихъ апартаментахъ представляла не мало развлеченія. Тамъ было въ клѣткахъ множество птицъ, собачки, цвѣты, а также не мало приживальцевъ и приживалокъ, шутовъ, шутихъ, карликовъ и карлицъ, обязанность которыхъ состояла въ томъ, чтобъ потѣшать высочайшую фамилію. Удовольствія ея разнообразились прогулками въ садахъ, уженіемъ рыбы, пусканіемъ змѣй, катаньемъ въ шлюпкахъ и верховою ѣздою.

Шахматы были издавна при дворѣ въ большомъ употребленіи, и въ Зимнемъ дворцѣ для этой игры была назначена особая комната, украшенная позолотою и рѣзьбою. Тамъ же была и особая бильярдная. Въ большомъ ходу была при дворѣ и карточная игра, особенно въ царствованіе Анны

Ивановны; играли преимущественно въ банкъ, и для этой игры доставлялись въ комнату императрицы, изъ камеръ-цальмейстерской конторы, значительныя суммы. Въ этой игрѣ участвовалъ и извѣстный итальянецъ Педрилло. Въ одномъ изъ именныхъ указовъ императрицы Анны Ивановны прописано: «повелѣваемъ внесенныя въ комнату нашу въ разныя числа «для игранія въ банкъ», которые отданы отъ насъ италіанцу Педриллѣ, для игранія ихъ въ банкъ деньги 2100 рублевъ, да еще жъ внесенные въ комнату нашу 500 рублевъ, всего 2600 рублевъ, записать въ расходъ». Повидимому, большая игра велась при дворѣ и во время правленія Анны Леопольдовны. Для этого, въ іюнѣ 1741 года, было заготовлено нѣсколько ломберныхъ столовъ, «обитыхъ золотымъ позументомъ и газомъ съ городками». Игра въ карты допускалась во дворцѣ и при самыхъ торжественныхъ собраніяхъ; въ ней участвовала и правительница, и ея супругъ.

Для развлеченія высокихъ обитателей и обитательницъ Зимняго дворца, тамъ имѣлись птицы «пѣвчія» и «ученыя». Въ числѣ послѣднихъ были говорящіе попугаи, которыхъ учила говорить иноземка Варлендъ. Въ комнатахъ императора Ивана Антоновича была канарейка, которая «воспѣвала куранты», а также соловьи «лучшіе и впредь надежные». Въ комнатѣ правительницы были: одинъ попугай, одна параклитка, одинъ египетскій голубь, ученый скворецъ и два соловья. Въ комнатѣ принца Антона—два «заморскихъ» снигиря, три чижа и одинъ перепелъ.

Изъ числа четвероногихъ обитателей Зимняго дворца особенною извѣстностью пользовалась комнатная собачка императрицы Анны Ивановны, «Цытринька», или «Цетринька». Послѣ смерти государыни она перешла къ правительницѣ. При ней, для ухода и кормленія, было назначено особое лицо, родовой русскій князь. Содержаніе этой собачкѣ отпускалось особою статьею изъ дворцовой конторы, и собака ею была подчинена общему порядку, опредѣленному для выписки въ расходъ дворцовыхъ припасовъ. Цетринькѣ опредѣлено было на каждый день «по кружкѣ сливокъ молочныхъ», для полученія которыхъ приставникъ ея ежедневно долженъ былъ обращаться къ придворному кухенпрейберу и расписываться въ полученіи назначенной ей порціи.

Мы замѣтили уже, что при императорскомъ дворѣ, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, кромѣ разныхъ должностныхъ лицъ и служителей обоего пола, состояли еще приживальцы и приживалки — личности чрезвычайно разнообразныя по возрасту, наружному виду, происхожденію, званію, національности и даже умственному развитію. Они являлись толпою тунеядцевъ, не имѣвшихъ рѣшительно никакихъ должностей и обязанностей и жившихъ даромъ, на чужой счетъ, т. е. на счетъ двора. По прозвищамъ, которыя прибавлялись къ ихъ именамъ, можно видѣть, что приживальцы и приживалки отличались какимъ нибудь физическимъ недостаткомъ или физическою особенностью, — такъ, у одной изъ приживалокъ была кличка «безножка», у другой «долгая», у третьей «горбушка», были также карлы, арапки, калмычата, дураки и шуты. Безъ всякаго сомнѣнія, они служили во дворцѣ предметомъ насмѣшекъ и издѣвательства, т. е., по тогдашнимъ нравамъ, предметами потѣхи и забавы. Нѣкоторыя изъ приживалокъ были извѣстны подъ общимъ именемъ «сидѣльницъ» и «старухъ». Въ числѣ ихъ была представительница духовнаго сана — монахиня Александра со своимъ пріемышемъ.

Въ правленіе Анны Леопольдовны озаботились сокращеніемъ числа этихъ лицъ, оказавшихся совершенно лишними при дворѣ. Малолѣтніе и лица монашескаго званія были распредѣлены по другимъ мѣстамъ, а пріемышъ монахини и какой-то «персіянецъ» были, какъ уже взрослые, опредѣлены въ дѣйствительную службу. Что же касается калмыковъ, то ихъ «роздали разнымъ персонамъ», а монахинь отослали въ Москву, въ монастыри: Новодѣвичій и Вознесенскій.

Изъ придворныхъ шутовъ былъ особенно замѣчателенъ итальянецъ Педрилло, человѣкъ хитрый и пронырливый, умѣвшій превосходно пользоваться личиною шута. По профессіи онъ былъ собственно музыкантъ. Императрица Анна Ивановна удостоила его своего сообщества: онъ былъ ея партнеромъ въ карточной игрѣ. На эту игру, какъ мы уже указали, отпускались ему значительныя суммы по письменнымъ указамъ государыни, на счетъ которой заготовлялась ему одежда отъ придворной конторы.

Въ изданныхъ нынѣ архивныхъ документахъ находится подтвержденіе разсказовъ Ведемейера о томъ, что императрица Анна Ивановна, кромѣ частыхъ выѣздовъ на охоту, любила стрѣлять изъ ружья и лука изъ оконъ своего дворца, обращенныхъ въ садъ. Для такой потѣхи изъ дворцовой «минажеріи» выпускали въ садъ большое количество птицъ, а чтобъ онѣ не переводились, запрещено было частнымъ лицамъ охотиться на нихъ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ и ловить ихъ какимъ бы то ни было образомъ. Ружья для императрицы приготовлялись частью на Сестрорѣцкомъ заводѣ, частію на петербургскомъ оружейномъ дворѣ, гдѣ изготовлялись ружья и для всей императорской охоты. Всѣ ружья, предназначавшіяся для императрицы, отдѣлывались богато, съ золотою насѣчкою. Передъ самою смертью Анны Ивановны, отдѣлывался съ особеннымъ изяществомъ новый «штуцеръ», — на золотую на немъ насѣчку потребовалось 8 червонныхъ. Кремни и порохъ, собственно для императрицы, выписывались изъ Данцига, ружье ея заряжалъ придворный оберъ-егерь Бемъ и при томъ особымъ способомъ: пули вкладывались въ гильзы, смазанныя саломъ. Сало свиное и говяжье отпускалось по требованію Бема особою статьею, «къ заряжанію ружья ея императорскаго величества на смазываніе пластырей, въ которые обертывались пули». Что Анна Ивановна, кромѣ стрѣльбы изъ ружей, развлекалась еще стрѣляніемъ изъ луковъ, — это видно изъ расхода на сдѣланныя къ «шниперамъ» (лукамъ) ея величества шелковыя тетивы.

Для верховой ѣзды устроенъ былъ манежъ въ бывшемъ домѣ Ягужинскаго, или Ягужинскомъ дворцѣ. Манежъ этотъ былъ обширное теплое помѣщеніе, съ печами и каминами. Онъ былъ отдѣланъ въ 1739 году, и такъ какъ Биронъ былъ извѣстный любитель и лошадей, и верховой ѣзды, то, безъ всякаго сомнѣнія, манежъ этотъ долженъ былъ отличаться и отдѣлкою, и всѣми удобствами подобнаго рода зданій въ тогдашнее время. Въ Петергофѣ, близь дворца, былъ выстроенъ въ 1740 году манежъ; сначала онъ былъ покрытъ парусомъ, а послѣ гонтомъ и снаружи обшитъ досками. Украшенъ онъ былъ столярною рѣзьбою. При манежѣ состояли: «стремянной конюхъ», для смотрѣнія и ухода за

лошадьми и для обученія ихъ, и «сѣдельный надзиратель», у котораго была въ смотрѣніи «сѣдельная казна». При обученіи придворныхъ верховыхъ лошадей, главнымъ образомъ, вниманіе обращено было на то, чтобы онѣ не пугались и для такъ называемаго «обстрѣливанія» ихъ расходовался порохъ въ значительномъ количествѣ. Кромѣ разъѣздныхъ лошадей, на конюшенномъ дворѣ, въ 1740 году, находилось: манежныхъ лошадей 34, дамскихъ 140, сѣдельныхъ верховыхъ 14.

При дворѣ Анны Ивановны было въ большомъ употребленіи катанье по садамъ въ малыхъ колясочкахъ, которыя были обиты малиновымъ или зеленымъ бархатомъ съ позументами, а корпусà ихъ расписаны живописью; такихъ колясочекъ и подобныхъ имъ «качалокъ» имѣлось не мало на конюшенномъ дворѣ. Для такихъ экипажей употреблялись маленькія лошадки, которыхъ изъ разныхъ мѣстъ отправляли въ Петербургъ, по указамъ Сената, на ямскихъ подводахъ.

Для плаванія и катанья по водамъ имѣлись «придворныя суда». Эту флотилію, находившуюся подъ командою одного лейтенанта, составляли «нѣсколько собственныхъ его императорскаго величества шлюпокъ», при которыхъ числились 24 гребца и 2 квартиръ-мейстера. Къ обязанности гребцовъ относились, кромѣ службы на судахъ, отправленіе разныхъ работъ при дворцѣ: ношеніе, вмѣстѣ съ прочими придворными, столовъ для банкетовъ, топка печей и т. п. Придворные гребцы имѣли особую форменную одежду и носили на головахъ черные картузы, въ будничные дни суконные, а въ праздничные — бархатные. Придворныя суда были трехъ родовъ: шлюпки, верейки и яхты. Нѣкоторыя изъ нихъ были великолѣпно разукрашены. Такъ, напримѣръ, въ печатанныхъ архивныхъ извѣстіяхъ упоминается, что для «собственной его императорскаго величества персоны», т. е. Ивана Антоновича, имѣется на лицо «яхтъ золоченыхъ четыре и незолоченыхъ — двѣ». На убранство ихъ требовались ленты, зеленыя узкія, для привязыванія къ зонтикамъ покрововъ.

Изъ разсмотрѣнныхъ нами документовъ видно, между прочимъ, что иногда во дворецъ требовались: мячи, воланы, духовыя ружья, удочки и тому подобные предметы и сна-

ряды, а въ записной тетради мелочныхъ расходовъ по придворной конторѣ за 1740 годъ значится: «въ комнату ея императорскаго величества, къ спусканію змѣевъ, нитокъ голландскихъ пятьдесятъ пятинокъ». Въ комнату правительницы были однажды доставлены, или, какъ тогда выражались, «взнесены»: одинъ футляръ съ удочками, «одна трость простая, выкрашеная, что стрѣляютъ изъ нихъ духомъ», одна пара «лопаточекъ пергаментовыхъ плетеныхъ, что играютъ въ балоны», «рѣшетки изъ жилъ, руковятки бархатныя, обложены тесемочкою золотою, къ нимъ два мячика съ перышками». Были также отпущены во дворецъ три пары лопаточекъ, что̀ играютъ въ балоны, а для комнаты императора были заготовлены шесть небольшихъ бархатныхъ мячиковъ изъ хлопчатой бумаги.

VI.

Придворныя празднества. — Ихъ перечень. — Ихъ пышность и торжественность. — Пушечная пальба и ружейный огонь. — Парады войскъ. — Пріѣзды ко двору. — Явка музыкантовъ. — Обѣденные и вечерніе столы. — Балы, спектакли, концерты и маскарады. — Иллюминація и фейерверки. — Придворная гастрономія. — Вина и напитки. — Убранство столовъ. — Банкеты и трактованія. — Маркизъ Шетарди. — Освѣщеніе. — Воспоминаніе торжественныхъ дней. — Тосты. — Жалованіе къ рукѣ. — Описаніе нѣкоторыхъ празднествъ. — Рожденіе и тезоименитство принца Ивана Антоновича. — Конфектная палата. — Банкеты. — Труды профессора Штелина по увеселительной части. — Сговоръ баронессы Менгденъ съ графомъ Линаромъ. — Персидскіе танцы. — Предики. — Предположенная забава со слономъ. — Праздничные дни Бирона.

Въ царствованіе Анны Ивановны и въ правленіе Анны Леопольдовны празднества при дворѣ были очень часты. Поводомъ къ нимъ служили: 1) высокоторжественне дни царской, немногочисленной въ ту пору, фамиліи, а именно: дни рожденія и тезоименитства: а) императрицы, б) Ивана Антоновича, в) принцессы Анны Леопольдовны, г) ея супруга, д) принцессы Екатерины Антоновны, е) цесаревны Елизаветы Петровны; 2) торжественные дни въ семействѣ Бирона, 3) полковые праздники императорской гвардіи; 4) кавалерскіе праздники орденовъ: польскаго — Бѣлаго Орла, и русскихъ — Александра Невскаго и Андрея Первозваннаго; 5) викторіальные дни; 6) годовые праздники православной церкви

и 7) бракосочетанія разныхъ придворныхъ лицъ. Но при всей многочисленности и при всемъ разнообразіи поводовъ къ устроенію праздниковъ, они всѣ имѣютъ общія черты.

Такъ, относительно внѣшней ихъ обставки должно замѣтить, что всѣ они безразлично происходили съ большою пышностію и чрезвычайною торжественностію. Въ большей части случаевъ они начинались церковнымъ богослуженіемъ, литургіею и молебномъ въ придворной церкви, сопровождаемымъ пушечною пальбою съ Петропавловской крѣпости, валовъ адмиралтейства и изъ орудій, разставленныхъ по нѣкоторымъ площадямъ и улицамъ Петербурга. Пушечная пальба сопровождалась бѣглымъ ружейнымъ огнемъ расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ войскъ, которыя, въ добавокъ къ этому, возглашали троекратное: виватъ! при битіи въ литавры и при играніи на трубахъ. На площади же, передъ дворцомъ, производился парадъ войскъ. Затѣмъ происходилъ съѣздъ во дворецъ знатныхъ персонъ и иностранныхъ дипломатовъ для принесенія поздравленій. Кромѣ этихъ лицъ, являлись во дворецъ съ поздравленіями еще и музыканты, какъ гвардейскихъ, такъ и всѣхъ вообще полевыхъ полковъ, составлявшихъ петербургскій гарнизонъ, также музыканты: морского вѣдомства и военно-учебныхъ заведеній, придворные, цесаревны Елизаветы Петровны и вице-канцлера графа Головкина. Всѣ они получали за это денежное награжденіе, по установленной для того табели. Послѣ всѣхъ этихъ церемоній, въ залахъ дворца начинались собственно пиршества, обѣденные или вечерніе столы, балы, спектакли и маскарады. Ко всему этому присоединялись еще иллюминація и фейерверки.

Относительно обѣденныхъ и вечернихъ столовъ, иначе называвшихся въ то время «банкетами» и «трактованіями», издатели разсматриваемыхъ нами архивныхъ свѣдѣній дѣлаютъ слѣдующее замѣчаніе объ однообразіи тогдашней дворцовой гастрономіи. Они говорятъ: «въ провизіи, выдаваемой на приготовленіе стола, встрѣчаемъ все одни и тѣ же припасы; такъ, обыкновенно отпускались мясныя припасы во всѣхъ видахъ: говядина, ветчина, телятина, живность, дичь; рядомъ съ мясными кушаньями изготовлялись рыбныя блюда, на которыя отпускались живыя аршинныя стерляди, огром-

ныя щуки и другія рыбы, вмѣстѣ съ тѣмъ изготовлялись и грибныя блюда; всѣ кушанья обильно были приправлены пряностями: корицею, гвоздикою, перцомъ, мускатнымъ орѣхомъ; какъ особенность припасовъ, упоминается «тертый олений рогъ». Въ числѣ кушаній упоминается кабанья голова въ рейнвейнѣ и подававшаяся «въ шкаликахъ шалейна» и паштеты. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что издатели документовъ затруднялись въ другомъ объясненіи слова «шалейны», тогда какъ оно происходитъ отъ слова «шале», т. е. испорченнаго французскаго слова «желе». Снѣдь эта, какъ пирожное, подавалась въ концѣ стола.

Изъ напитковъ употреблялись при дворцовыхъ обѣдахъ: рейнвейнъ, вино бѣлое и красное, боярская водка, вино «поддѣльное», т. е. разныя настойки, наливки и ликеры, которые поддѣлывались на запасныхъ дворцовыхъ погребахъ особыми мастерами.

При торжественныхъ обѣдахъ, скатерти на столахъ искусно перевязывались алыми и зелеными лентами и подшпиливались булавками. Столы во время «банкетовъ», или «трактованій», были украшены разными фигурами и атрибутами. Для этихъ случаевъ была устроена и сберегалась въ «овошенной палатѣ» «гора банкетная, деревянная сверху корона съ крестомъ и скипетръ и мечи золоченые». Эта гора ставилась на столъ при банкетахъ. Сверхъ того столы убирались искусственными цвѣтами, которые ставились въ пирамидахъ. Большой запасъ такихъ цвѣтовъ хранился у кухеншрейбера, — у него имѣлось 9525 цвѣтовъ, сдѣланныхъ изъ перьевъ «на итальянскій видъ», да цвѣтовъ «малыхъ китайскихъ бумажныхъ на проволокѣ разныхъ манеровъ» 8570 штукъ. Покупались эти цвѣты у повара, состоявшаго при французскомъ послѣ, извѣстномъ маркизѣ де-Шетарди, который жилъ на широкую ногу и отъ котораго, по всей вѣроятности, не только петербургская знать, но и дворъ, позаимствовали многое изъ того, что̀ относится къ щегольской и изящной домашней обстановкѣ. Столы убирались также искусственными ягодами: земляникою, барбарисомъ и т. д.

Для освѣщенія залъ во время банкетовъ употреблялись восковыя свѣчи разныхъ сортовъ, съ золотомъ и безъ золота. Они приготовлялись придворнымъ свѣчнымъ мастеромъ по

четыре на фунтъ, «по заморскому манеру», но имъ же приготовлялись свѣчи и по шести на фунтъ. На свѣчи надѣвались «налѣпы бѣлые банкетные большой и меньшей руки налѣпы желтые, факелы желтые, обливные бѣлымъ воскомъ».

Относительно иллюминацій и фейерверковъ, въ изданныхъ нынѣ архивныхъ документахъ встрѣчаются указанія, что при дворѣ составлялись особыя расписанія, въ какіе изъ высокоторжественныхъ дней должны были быть иллюминаціи и фейерверки, которые, въ противность нынѣшнему обычаю, сожигались и зимою. Въ царствованіе Анны Ивановны торжественными днями считались: 1) новый годъ, 2) день ея коронованія, и въ отмѣткѣ противъ этихъ дней значится: «въ эти дни бывали фейерверки»; 3) день восшествія ея на престолъ, 4) день ея тезоименитства; противъ этихъ дней отмѣчено, что тогда бывали одни иллюминаціи, безъ фейерверка. Въ расписаніи же, какъ праздновать эти дни въ царствованіе Ивана Антоновича, опредѣлялось, чтобы дни рожденія его величества, восшествія на престолъ и тезоименитства торжествовать такъ, какъ торжествовались такіе же дни усопшей императрицы. Кромѣ того, по расписанію на 1741 годъ, положено было торжествовать еще и слѣдующіе дни: рожденіе правительницы государства, Анны Леопольдовны — въ этотъ день положено быть и фейерверку, и иллюминаціи; тезоименитства ея; рожденіе ея супруга, Антона Ульриха; противъ этихъ дней помѣщено: «кажется, пристойно быть иллюминаціямъ»; тезоименитства герцога Антона-Ульриха, дни рожденія и тезоименитства великой княжны Екатерины Антоновны, рожденія и тезоименитства цесаревны Елизаветы Петровны; противъ этихъ дней отмѣчено: «отправлять одни заздравные молебны съ пушечною стрѣльбою».

Устройство иллюминацій и фейерверковъ лежало на обязанности канцеляріи главной артиллеріи, на что ежегодно отпускалось по 13,000 рублей изъ суммъ статсъ-конторы. Фейерверки и принадлежности иллюминацій изготовлялись въ особомъ строеніи, называвшемся «театромъ фейерверковъ».

Въ разсматриваемыхъ нами архивныхъ документахъ встрѣчаются свѣдѣнія о празднованіи высокоржественныхъ дней въ царствованіе Анны Ивановны. Мы указали уже общія черты такихъ празднествъ, а теперь, въ добавокъ къ этому,

присовокупимъ нѣсколько частныхъ замѣчаній. Такъ, 19 января 1740 года, въ день восшествія на престолъ Анны Ивановны, послѣ обѣдни и проповѣди въ придворной церкви, поздравленій, пушечной пальбы и «троекратнаго бѣглаго огня», «о полудни изволила ея величество, при весьма изрядной и пріятной музыкѣ, за публичнымъ столомъ кушать, а по полудни былъ балъ; при наступленіи вечера на театрѣ фейерверковъ зажжена была иллюминація, представляющая въ перспективномъ порядкѣ цвѣтными сосудами украшенный амфитеатръ, а и кромѣ онаго все здѣшнее адмиралтейство и крѣпость преизрядными иллюминаціями украшены были».

28 января того же года, день рожденія императрицы праздновался обычнымъ порядкомъ, и празднество это заключилось фейерверкомъ, о которомъ сохранилось слѣдующее витіевато написанное извѣстіе: «съ наступившимъ смерканіемъ зажжена на большомъ театрѣ фейерверковъ изрядная иллюминація, представляющая садъ со всѣми принадлежностями, а именно: съ цвѣтниками, фонтанами, зелеными аллеями, древесными сосудами и прочими натуральными, саду весьма подобными вещьми; а въ срединѣ стояла самымъ отдаленнѣйшимъ проспектомъ, до глубочайшаго горизонта идущая аллея кедроваго дерева, а надъ оными восходящее солнце преудивительный видъ дѣлало. Около девяти часовъ вечера зажженъ фейерверкъ, который въ различномъ раздѣленіи огней съ фейерверкомъ надлежащее сходство имѣлъ. Главный щитъ сего фейерверка представлялъ высокое рожденіе ея императорскаго величества, въ образѣ на колесницѣ сидящей зори и блистающей утреннею звѣздою, на которую Россія, подъ образомъ жены въ надлежащемъ уборѣ и радостнымъ видомъ взирая, какъ бы написанныя слова живыми рѣчами говоритъ: «великое возвѣщаетъ намъ благополучіе».

При этомъ же описаніи упоминается, что весь Петербургъ былъ въ этотъ вечеръ иллюминованъ: «съ начала вечера до самой полуночи не только всѣ бастіоны здѣшней крѣпости и адмиралтейства различныхъ видовъ огнями украшены, но и всѣ дома сего столичнаго великаго города украшены были, а передъ квартирою французскаго посла, также передъ дворами знатнѣйшихъ здѣшнихъ и чужестранныхъ министровъ, почти во всю ночь преизрядныя иллюминаціи горѣли».

При описаніи празднованія имянинъ императрицы, 3 февраля, между прочимъ, упоминается, что «императрица съ высочайшею фамиліею и его свѣтлость герцогъ курляндскій кушали передъ почивальною». Въ числѣ тостовъ императрица пила за здоровье «вѣрныхъ слугъ», причемъ была пальба изъ пушекъ. Въ 4 часа начался балъ. Затѣмъ слѣдовали иллюминація и фейерверкъ.

Съ особенною торжественностію отпраздновала Анна Ивановна послѣднюю годовщину своей коронаціи, 28 апрѣля 1740 года. Празднество это продолжалось три дня. Наканунѣ 28 числа, въ воскресенье, всѣ министры, генералитетъ, статсъ-дамы и дамы, въ четвертомъ часу пополудни, съѣхались во дворецъ для принесенія поздравленій ея величеству. Въ началѣ 5 часа государыня «изволила шествовать въ галлерею, и здѣсь, принявъ поздравленія, соизволила жаловать къ рукѣ всѣхъ министровъ, генералитетъ, штабъ и оберъофицеровъ гвардіи; потомъ оберъ-маршалъ подносилъ въ галлереѣ вино въ кубкахъ принцамъ и придворнымъ кавалерамъ; затѣмъ, гофъ-маршалъ, вышедши изъ галлереи въ переднюю камору, подносилъ вино кубками штабъ и оберъофицерамъ гвардіи. Того же числа придворный литаврщикъ и придворные трубачи поздравляли государыню въ то время, когда она выходила въ галлерею, гдѣ была итальянская музыка. Того же числа къ «чужестраннымъ» послано приглашеніе пріѣхать на слѣдующій день, т. е. въ самый высокоторжественный день 28 апрѣля, во дворецъ, на балъ, въ четвертомъ часу пополудни».

День въ ту пору начинался рано, и потому 28 апрѣля, въ 8 часовъ утра, всѣ знатныя обоего пола особы пріѣхали ко двору «для принесенія ея императорскому величеству паки поздравленія». Въ началѣ 11 часа государыня отправилась въ придворную церковь къ обѣднѣ. «Предику» въ этотъ день говорилъ архимандритъ Троицко-Сергіева монастыря. По окончаніи обѣдни императрица отправилась въ большой залъ, и тамъ, при троекратной пальбѣ съ крѣпостей и стоявшихъ въ ружьѣ солдатъ, приносили ей поздравленіе знатнѣйшія обоего пола особы. Послѣ того она удалилась въ свои покои.

Затѣмъ слѣдовали «столы». Когда на нихъ поставили кушанья, тогда оберъ-маршалъ и гофъ-маршалъ съ своими

маршальскими «тростьми» ходили провожать императрицу къ столу. За одимъ столомъ съ нею сидѣли въ этотъ день: цесаревна Елизавета Петровна, а также герцогъ и герцогиня курляндскіе. Въ старомъ залѣ за столомъ сидѣли: ландграфъ гессенъ-гомбургскій, подлѣ него, по лѣвую сторону, фельдмаршалъ Минихъ, потомъ персидскій посолъ, подлѣ посла князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій и генералитетъ по старшинству; по правую сторону ландграфа его «княгиня», потомъ оберъ-гофмейстерина, подлѣ нея супруга генералъ-фельдмаршала Миниха, статсъ-дамы и дамы. Во время столовъ, изъ которыхъ отдѣльный былъ накрытъ для синодальныхъ членовъ, играла въ старомъ залѣ итальянская музыка. Тосты провозглашались при пушечной пальбѣ. Въ 4 часу приглашенныя особы начали съѣзжаться на балъ. Въ началѣ пятаго императрица вышла въ большой залъ и тотчасъ же начался балъ, продолжавшійся до половины десятаго часа. При началѣ бала императрица, пожаловала князя Никиту Юрьевича Трубецкого дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и въ Сенатъ генералъ-прокуроромъ. Во время бала, въ 9 часу, въ столовой комнатѣ «поставленъ былъ столъ съ кушаньемъ и конфектами, за который, приходя, сами произвольно дамы и кавалеры садились кушать». Предъ окончаніемъ бала знатныя обоего пола особы приглашены были на слѣдующій день, т. е. на 29 апрѣля, опять на балъ.

Этотъ балъ сопровождался при его окончаніи объявленіемъ «штабъ-квартирмейстера», чтобы всѣ знатнѣйшія особы завтра, 30 числа, въ половинѣ 3-го часа пополудни, были «на комедіи». 30 апрѣля по утру «чужестраннымъ съ повѣсткою посланы были лакеи, чтобы были на комедіи. Въ 4 часа пополудни ея императорское величество изволила выйти, «отправлялась на театрѣ трагедія нѣмецкая», неизвѣстно, впрочемъ, какая именно.

Съ 28 по 30 апрѣля, передъ Зимнимъ дворцомъ стояли убранныя флагами яхты, съ которыхъ тоже производилась пушечная пальба, одновременно съ пальбою изъ крѣпости и адмиралтейства. Въ эти дни, какъ сообщалось въ тогдашнихъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», ея величество, «при весьма пріятныхъ концертахъ на музыкѣ и на голосахъ», изволила кушать.

Видомъ, разнообразіемъ и продолжительностію придворныхъ торжествъ опредѣлялось значеніе празднуемыхъ событій, а также и положеніе тѣхъ лицъ, въ честь которыхъ отправлялись эти торжества. 12 августа 1740 года, въ началѣ 5 часа по полудни, племянница императрицы Анны Ивановны, герцогиня брауншвейгъ-люнебургская Анна Леопольдовна, разрѣшилась отъ бремени сыномъ. Государыня была чрезвычайно обрадована этимъ, и изъ Сената 28 августа были разосланы указы, которыми предписывалось: «о рожденіи и тезоименитствѣ внука ея императорскаго величества, благовѣрнаго государя принца Іоанна, надлежащее торжествованіе ежегодно въ августѣ мѣсяцѣ отправлять съ будущаго 1741 года, а именно: о рожденіи 12, а о тезоименитствѣ въ 29 число».

Самое же рожденіе Ивана Антоновича праздновалось при дворѣ съ особеннымъ торжествомъ. Празднованіе это продолжалось нѣсколько дней.

Въ записной книгѣ о придворныхъ торжествахъ подъ 12 числомъ августа 1740 года значится: «по полудни, въ началѣ 5 часа, по данному сигналу, имѣлась поздравительная пальба съ обѣихъ крѣпостей, а во время той пальбы знатнѣйшія и придворныя обоего пола особы съѣзжались ко двору, въ покои государыни принцессы, съ поздравленіемъ». Того же дня вечеромъ отъ гофъ-штабъ-квартирмейстера повѣщено было всѣмъ знатнымъ особамъ, чтобы 13 августа прибыли опять ко двору въ одиннадцатомъ часу по полудни (?), «ибо ея императорское величество соизволитъ принять съ оною Богомъ дарованною радостію поздравленіе». Такое же оповѣщеніе было разослано и къ иностраннымъ посланникамъ. Въ этотъ день во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ засѣданій не было: «для нынѣшней всенародной радости». 13-го же числа приносили поздравленіе принцу Антону, родителю новорожденнаго. 17 августа, въ воскресенье, совершено было въ собственной церкви апостоловъ Петра и Павла «публичное молебствіе», въ собраніи правительствующаго Синода, Сената, генералитета, высокихъ министровъ и прочихъ знатнѣйшихъ персонъ, съ прочтеніемъ манифеста, причемъ произведена пальба изъ пушекъ съ крѣпости и адмиралтейства.

Но перваго тезоименитства будущаго преемника Анны Ива-

новны отпраздновать не удалось. Празднованіе этого дня назначено было на 29 августа; когда же наступило время отправлять это торжество, то оказалось, что въ этотъ день, по церковному чиноположенію, слѣдовало совершать поминовеніе по царѣ и великомъ князѣ Иванѣ Алексѣевичѣ, отцѣ царствующей императрицы. По докладу объ этомъ государынѣ, она повелѣла поминовеніе справлять 28 числа, а тезоименитство 29 августа. Но на этотъ разъ обошлось уже безъ всякаго празднества, такъ какъ при дворѣ даже «банкету не имѣлось».

Но за то большими празднествами сопровождалось объявленіе принца Ивана наслѣдникомъ всероссійскаго престола. Манифестъ объ этомъ былъ объявленъ 8 октября 1740 года въ Петропавловскомъ соборѣ, послѣ чего, по сему случаю, было отправлено торжественное молебствіе.

Въ 1741 году, день рожденія Ивана Антоновича былъ отпразднованъ уже какъ день самодержавнаго государя, самымъ торжественнымъ образомъ. Празднество продолжалось два дня. Въ первый день, 12 августа, былъ парадъ всѣмъ войскамъ, затѣмъ слѣдовали «обѣденное и вечернее кушанье», иначе—банкеты; въ заключеніе былъ сожженъ великолѣпный фейерверкъ. На другой день былъ также банкетъ. Объ этомъ празднествѣ сохранились въ архивныхъ извѣстіяхъ подробныя свѣдѣнія. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Въ парадѣ, происходившемъ 12 августа, участвовали гвардейскіе полки: преображенскій, семеновскій, измайловскій и конный, пѣхотный ладожскій полкъ и гренадерская рота пѣхотнаго кіевскаго полка. Всего въ этотъ день находилось въ строю 7088 человѣкъ. Во дворецъ, для поздравленія, съѣзжались всѣ знатныя особы, а также явились музыканты всѣхъ полковъ гвардейскихъ и другихъ, бывшихъ въ Петербургѣ, музыкантскіе ученики гарнизонной школы, музыканты кадетскаго корпуса, музыканты отъ артиллеріи и трубачи галернаго флота. Всѣмъ имъ была произведена денежная выдача, а нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ въ парадѣ, была выдана винная порція по двѣ чарки и по одной кружкѣ пива на каждаго. При этомъ правительница показала, что, «ежели, паче чаянія, дворцовая контора наличнымъ, нынѣ имѣющимся въ вѣдомствѣ той конторы пивомъ

того отпуска удовлетворить не въ состоянiи, то неотмѣнно взять, гдѣ возможно, за деньги, токмо притомъ смотрѣть, дабы то пиво было доброе и не кислое и чтобы пререканія на оное никакого быть не могло».

Что касается дворцовыхъ банкетовъ, то они были изобильны и роскошны. Приготовленія къ нимъ производились въ продолженіе нѣсколькихъ дней, на всѣхъ дворцовыхъ кухняхъ, а въ «конфектной палатѣ» изготовлялисъ конфекты французскимъ мастеромъ по этой части. Конфекты были разставлены на банкетныхъ столахъ въ пирамидахъ, среди живыхъ цвѣтовъ, искусственныхъ плодовъ и деревьевъ, а также разныхъ золотыхъ и другихъ фигуръ, а скатерти были убраны алыми и зелеными лентами. Если къ этому прибавить золотую и серебряную посуду, прислугу въ богатыхъ статсъ-ливреяхъ, итальянскую музыку, освѣщеніе множествомъ восковыхъ свѣчей, зажженныхъ на столахъ и въ люстрахъ, то этого будетъ достаточно, чтобы дать понятіе о пышности и великолѣпіи означеннаго пиршества.

О числѣ лицъ, присутствовавшихъ на этихъ банкетахъ, въ архивныхъ документахъ свѣдѣній не встрѣчается, но оно должно быть очень значительно, если принять въ соображеніе, что только для ношенія столовъ и стульевъ отряжено было гофъ-интендантскою конторою 220 человѣкъ рабочихъ и что во время кушанья прислуживали при столахъ, кромѣ всѣхъ придворныхъ официантовъ, двадцать придворныхъ служителей конюшеннаго вѣдомства, двадцать учениковъ шпалерной фабрики и четыре гренадера, «всѣ въ придворной ливреи», да сверхъ того, при тѣхъ же столахъ, вмѣсто гайдуковъ, было пять человѣкъ гренадеръ отъ лейбъ-гвардейскихъ полковъ, которые «имѣлись въ богатой гайдуцкой штатсъ-ливреи».

Для бывшихъ 12 и 13 числа фейерверковъ и иллюминацій, юстицъ-совѣтникъ Гольдбахъ и профессоръ аллегоріи Штелинъ, по порученію академіи наукъ, составили на нѣмецкомъ языкѣ приличествующія торжеству эмблемы. По поводу этихъ эмблемъ, Штелинъ писалъ, между прочимъ, слѣдующее: «при случаѣ приближающагося высокоторжественнаго дня рожденія его императорскаго величества, на-

шего всемилостивѣйшаго государя, приладить, во-первыхъ, намъ сіе разсужденіе, что его императорское величество еще въ самомъ младенчествѣ, какъ наисильнѣйшій монархъ, подобно Геркулесу, очи и удивленіе всего свѣта на себя обращаетъ, и что при его малолѣтствѣ благополучіе имперіи отъ времени до времени возносится и въ распространеніе и умноженіе происходитъ, такъ что праведное упованіе и надежды всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ всегдашнее свое счастіе и радости подъ благословеннымъ скипетромъ его императорскаго величества въ нѣкоторой проспектъ уже напередъ усматривать можетъ».

Можно было еще и далѣе продолжить такія льстивыя объяснительныя разглагольствованія профессора въ честь будущаго несчастнаго шлиссельбургскаго узника—профессора, придумавшаго изобразить младенца-императора въ видѣ младенца-Геркулеса «въ круглой залѣ на подушкѣ сидящаго и, играючи, превеликую змію убивающаго и терзающаго». Штелинъ въ данномъ случаѣ не поскупился на разнообразныя миѳологическія уподобленія съ затѣйливыми надписями, равно какъ и его коллега по этой работѣ, юстицъ-совѣтникъ Гольдбахъ. Чего только не было въ ихъ аллегоріяхъ и надписяхъ; но желающія ознакомиться съ ними могутъ обратиться къ разсматриваемой нами книгѣ.

Фейерверки и иллюминаціи были устроены на Невѣ, противъ новаго Зимняго дворца. Кромѣ этой иллюминаціи, иллюминованы были шкаликами и плошками частные дома и нѣкоторыя казенныя зданія. По случаю фейерверковъ и иллюминацій принимались въ ту пору особыя предосторожности противъ пожаровъ. Такъ, напримѣръ, гофъ-интендантская контора отрядила 220 человѣкъ рабочихъ, для охраненія во дворцѣ и въ другихъ домахъ и для носки воды на кровли.

Упомянутое празднество отличалось, между прочимъ, тѣмъ, что изъ внутреннихъ покоевъ торжественно вынесенный въ залу младенецъ-императоръ, передъ которымъ шелъ весь придворный штатъ и высокіе персоны, «всему присутствующему многочисленому собранію публично показанъ былъ». Торжество 12 августа дополнилось спускомъ въ адмиралтействѣ, въ присутствіи турецкаго посла, новаго шестидесяти-пушечнаго корабля, названнаго «Іоаннъ III», а также и пожало-

ваніемъ правительницею нѣкоторымъ сановникамъ высокихъ чиновъ и ордена св. Александра Невскаго.

На другой день празднества, 13 августа, былъ при дворѣ, въ присутствіи всей высочайшей фамиліи, брачный сговоръ фаворита правительницы, польско-саксонскаго посла графа Линара, съ первою статсъ-фрейлиною и любимою подругою Анны Леопольдовны, баронессою Юліаною фонъ-Менгденъ. Когда новобрачные размѣнялись перстнями и ихъ поздравили, правительница сѣла играть въ карты и при этомъ слушала итальянскій концертъ. Вечеромъ оберъ-гофмейстеръ, графъ фонъ-Минихъ, «приготовилъ у себя въ домѣ богатый ужинъ на 40 персонъ», на которомъ присутствовала правительница, ея супругъ и цесаревна Елизавета Петровна.

Банкетами, устроенными во дворцѣ, праздновались въ томъ же 1741 году день тезоименитства и день вступленія на престолъ Ивана Антоновича. Это послѣднее событіе праздновалось три дня, причемъ былъ при дворѣ обѣдъ, за которымъ гости «кушали въ маскарадномъ уборѣ». На этомъ маскарадѣ правительница была «въ мушкарадскомъ платьѣ». Для нея былъ приготовленъ «грузинскій» костюмъ, обложенный собольимъ мѣхомъ и подбитый бѣлою тафтою; юбка была гродетуровая, пунцовая, подбитая также бѣлою тафтою.

Изъ архивныхъ свѣдѣній, относящихся къ этому празднеству, между прочимъ, видно, что въ ту пору было въ Петербургѣ весьма значительное число музыкантовъ, такъ какъ съ поздравленіемъ явилось ихъ во дворецъ 440 человѣкъ. Для убранства во время этихъ празднествъ банкетныхъ столовъ, были привезены во дворецъ померанцевыя деревья изъ петергофскихъ и стрѣльненскихъ садовъ.

Во время маскарада происходили разные національные танцы. Есть извѣстіе, что тогда въ особенной модѣ были персидскіе танцы, введенные при дворѣ персіянами, находившимися въ Петербургѣ при персидскомъ посольствѣ; такъ въ эти дни показывали свое искусство въ національныхъ персидскихъ танцахъ два персіянина и удостоились общаго одобренія, а отъ великой княгини-правительницы получили денежный подарокъ.

Для правительницы были установлены особые праздничные дни, и въ числѣ ихъ справлялась годовщина ея бракосочетанія съ Антономъ-Ульрихомъ, котораго, сказать кстати, она и презирала, и ненавидѣла. При этомъ обращаетъ на себя особое вниманіе «предика», произнесенная при бракосочетаніи архіепископомъ новгородскимъ Амвросіемъ Юшкевичемъ и переведенная на латинскій языкъ извѣстнымъ Тредьяковскимъ. Въ этой рѣчи высокопреосвященный разсматривалъ: а) древность и знатность предковъ обоихъ супруговъ; б) родство ихъ съ первѣйшими европейскими монархами, и в) значеніе эмблемъ на гербахъ принца и принцессы. Въ 1741 году, годовщина бракосочетанія правительницы справлялась, однако, безъ особаго торжества.

Въ 1741 году, Аннѣ Леопольдовнѣ привелось отпраздновать первую и единственную годовщину своего правленія, приходившуюся на 8-е ноября. Въ этотъ день во дворцѣ было «трактованіе», т. е. обѣденный столъ для штабъ- и оберъ-офицеровъ гвардіи. О другихъ какихъ либо торжествахъ, бывшихъ по этому случаю, въ архивныхъ свѣдѣніяхъ не упоминается. Наканунѣ же этого дня ея императорское высочество, «для благополучно окончившагося перваго года своего правленія, удостоила своимъ присутствіемъ балъ въ домѣ генералъ-фельдмаршала графа Миниха, на Васильевскомъ островѣ, и здѣсь изволила, какъ объ итальянской музыкѣ, такъ о балѣ и ужинѣ показывать всемилостивѣйшее свое удовольствіе и, притомъ, высочайшею своею особою съ господиномъ генералъ-фельдмаршаломъ начать балъ. При этомъ случаѣ домъ фельдмаршала, какъ съ набережной стороны, такъ и внутри, бѣлыми восковыми факелами преизрядно былъ иллюминованъ».

Съ большою торжественностію собиралась правительница отпразновать 7-го декабря 1741 года, день своего рожденія, когда ей должно было минуть 23 года, и 9-го декабря — день своего тезоименитства. Приготовленія къ этимъ празднествамъ начались еще въ концѣ октября. Изъ дѣлъ академіи наукъ видно, что въ эти дни предполагалось «репрезентовать фейерверкъ и на обыкновенномъ театрумѣ устроить иллюминацію». Профессоръ Штелинъ и юстицъ-совѣтникъ Гольдбахъ занялись по этому случаю сочиненіемъ эмблемъ

и аллегорій. Послѣдній въ запискѣ, поданной имъ правительницѣ и объяснявшей придуманныя имъ эмблемы, между прочимъ, писалъ: «23 года тому назадъ Богъ даровалъ русскому государству принцессу, одаренную столь великими добродѣтелями, подъ высокодоблестнымъ правленіемъ коей Россія въ состояніи удержать враговъ отъ нападенія на свои границы и внутри преуспѣвать въ благополученіи». Далѣе, въ описаніи фейерверка онъ предлагалъ два проекта, по случаю начавшейся войны со Швеціею: «или взорвать на воздухъ Вильманштрандтъ, или сдѣлась рисунокъ орла, съ молніею въ когтяхъ, которую онъ бросаетъ на крѣпость, чѣмъ и поднимаетъ ее на воздухъ».

Кромѣ иллюминаціи и фейерверка, предполагалось ко дню рожденія правительницы устроить увеселенія особаго рода, которыя должны были исполнить слоны, приведенные изъ Персіи въ Петербургъ съ персидскимъ посольствомъ. По этому поводу, командовавшій въ то время придворными охотами полковникъ фонъ-Трескоу писалъ въ канцелярію главной артиллеріи: «такъ какъ будущаго 7-го декабря, въ день рожденія ея императорскаго высочества, между приведенными изъ Персіи слонами будетъ нѣкоторая забава, то главные слоновщики требуютъ, чтобъ немедленно приготовить имъ ракетъ». Тотъ же полковникъ фонъ-Трескоу требовалъ отъ адмиралтейской коллегіи «къ той-же нѣкоторой забавѣ» 20 сажень канату, которымъ можно было бы держать слоновъ.

Петербургскимъ жителямъ не привелось, однако, узнать, въ чемъ именно могла состоять предполагаемая «забава», да и вообще всѣ приготовленія къ празднованію дня рожденія правительницы оказались напрасными, такъ какъ въ этотъ день уже правила русскимъ государствомъ не великая княгиня Анна Леопольдовна, но императрица Елизавета Петровна.

Наравнѣ съ высокоторжественными днями тезоименитствъ правительницы государства и малолѣтняго императора, праздновались при дворѣ и дни тезоименитства и рожденія герцога брауншвейгскаго Антона-Ульриха, какъ отца царствующаго императора, супруга правительницы и генералиссимуса всѣхъ россійскихъ войскъ. При большомъ дворѣ, хотя и не съ такою торжественностію, праздновались также дни рожденія и тезоименитства цесаревны Елизаветы Петровны.

Въ то время, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, пользовались царственными почестями не только члены императорской фамиліи, но и члены семейства герцога курляндскаго, Эрнста-Іогана. Въ эти дни также съѣзжались ко двору всѣ знатнѣйшіе министры и иностранные резиденты для принесенія поздравленій, какъ императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, такъ и виновнику или виновницѣ торжества.

Биронъ праздновалъ день своихъ имянинъ 13-го іюня, жена его — 13-го февраля. Кажется, впрочемъ, что въ эти дни, кромѣ съѣздовъ со «всепокорными поздравленіями» и банкетовъ, другихъ торжествъ не происходило, такъ какъ въ разсматриваемыхъ нами документахъ никакихъ свѣдѣній о нихъ не встрѣчается.

VII.

Полковые праздники.—Трактованія полковъ преображенскаго, измайловскаго, семеновскаго и коннаго.—Кавалерскіе праздники.—Викторіальные дни.—Празднованіе мира, заключеннаго съ Турціею.—Вступленіе въ Петербургъ гвардіи.—Публичное торжество.—Награды.—Народный праздникъ.—Иллюминація и фейерверкъ.—Статуя Викторія.

О полковыхъ праздникахъ императорской гвардіи можемъ сказать слѣдующее:

Въ эти дни, а также въ дни объявленія императора Ивана Антоновича полковникомъ полковъ: преображенскаго, измайловскаго, семеновскаго и конногвардейскаго, были при дворѣ для штабъ-и оберъ-офицеровъ означенныхъ полковъ обѣденные столы, или «трактованія». Во время этихъ обѣдовъ, послѣ тостовъ за его величество и членовъ императорской фамиліи, пили за здоровье штабъ- и оберъ-офицеровъ и солдатъ того полка, праздникъ котораго торжествовался. Затѣмъ, старшій представитель полка благодарилъ отъ имени своихъ однополчанъ всѣхъ присутствующихъ за честь, оказанную полку. Въ заключеніе приносилась благодарность оберъ-гофмаршалу, провозглашавшему тосты.

Въ документахъ за 1740 и 1741 годы сохранились описанія праздниковъ полковъ: преображенскаго, измайловскаго, лейбъ-гвардіи коннаго полка и семеновскаго съ подробною описью съѣстныхъ припасовъ, отпущенныхъ на «трактованія», бывшія въ эти праздники.

Сверхъ упомянутыхъ уже праздниковъ, при дворѣ справлялись еще «кавалерскіе» праздники въ честь орденовъ: польскаго Бѣлаго Орла и русскихъ — Александра Невскаго и Андрея Первозваннаго. Первый изъ этихъ праздниковъ приходился на 23 іюля и торжествовался потому, что императрица Анна Ивановна имѣла «кавалерію» Бѣлаго Орла». Знаки этого ордена имѣла также правительница, Анна Леопольдовна, и супругъ ея, принцъ Антонъ. Что же касается русско-кавалерскихъ праздниковъ, то на нихъ приглашался, кромѣ кавалеровъ этихъ орденовъ и высшихъ сановниковъ, еще и дипломатическій корпусъ. Кавалеры присутствовали за столомъ въ орденскомъ одѣяніи, а тосты провозглашались, между прочимъ, за здоровье какъ присутствующихъ, такъ и отсутствующихъ кавалеровъ. Во время тостовъ происходила пушечная пальба съ яхтъ, стоявшихъ на Невѣ передъ Зимнимъ дворцомъ, «при отправленіи преизрядныхъ концертовъ». Около вечера начинался балъ, продолжавшійся до самой ночи.

Съ особенною торжественностію отпраздновала правительница Анна Леопольдовна орденскій праздникъ св. Андрея Первозваннаго въ 1741 году. Приготовленія къ этому торжеству начались почти за мѣсяцъ. Для правительницы къ означенному дню было сшито новое великолѣпное «кавалерское платье св. Андрея Первозваннаго». Оно состояло изъ орденской мантіи, подбитой горностаемъ и крытой зеленымъ бархатомъ съ золотыми кистями.

Къ придворнымъ праздникамъ были отнесены и такъ называемые «викторіальные» дни. Такими днями, въ 1740 и 1741 годахъ, считались: 27 января, день ратификаціи мирнаго договора, заключеннаго съ Турціею 7 сентября 1739 года. Празднику этому предшествовало торжественное вступленіе въ Петербургъ гвардіи, возвратившейся изъ похода, подъ предводительствомъ командовавшаго ею генералъ-лейтенанта, генералъ-адъютанта и гвардіи подполковника барона Густава фонъ-Бирона. Вступленіе это представляло для жителей Петербурга зрѣлище невиданное со временъ тріумфальныхъ шествій, бывшихъ при Петрѣ Великомъ. Происходило же оно «слѣдующимъ преизряднымъ порядкомъ»: Впереди шла конная гвардія съ своими штандартами, литаврами и трубами. Передъ нею вели «заводныхъ» офицерскихъ лошадей,

а сзади конной гвардіи ѣхали экипажи командировъ «въ особомъ церемоніальномъ порядкѣ», а именно: 1) «экипажъ» майора Стрѣшнева, который составляли слѣдовавшіе одинъ за другимъ: шталмейстеръ его верхомъ, заводныя лошади, карета, заложенная цугомъ, и походная коляска, покрытая голубымъ сукномъ; 2) «экипажъ» гвардіи маіора Апраксина: шталмейстеръ его верхомъ, заводныхъ лошадей три, цуговая карета, по обѣимъ сторонамъ коей шли два гайдука, и походная карета, покрытая краснымъ сукномъ, цугомъ; 3) «экипажъ» командовавшаго всѣми батальонами гвардіи барона Густава фонъ-Бирона: шталмейстеръ его верхомъ, заводныхъ лошадей шесть, цуговая карета, передъ коею ѣхали два форрейтора, а по сторонамъ шли два гайдука, цуговая полевая коляска, за нею «покоевая коляска», покрытая краснымъ сукномъ, заложенная шестью лошадьми цугомъ; за «экипажами» слѣдовали заводныя лошади адъютантовъ Бирона и другихъ штабъ - офицеровъ. Затѣмъ слѣдовала конно-гвардейская артиллерія, подъ командою «бонбардирскаго поручика гвардіи»; шествіе замыкалъ «сержантъ отъ бонбардиръ», за артиллеріею — полковой и ротный квартирмейстры, а за ними полковые конной гвардіи адъютанты. За конной гвардіею слѣдовали гвардейскіе пѣхотные батальоны; шествіе открывали гренадерскія роты: впереди ѣхалъ верхомъ маіоръ гвардіи (въ чинѣ генералъ-маіора) Апраксинъ, за нимъ вели вторую его заводную лошадь; за гренадерами шли два хора музыкантовъ, за ними оберъ - квартирмейстръ верхомъ, за тѣмъ два адъютанта командовавшаго, а за ними лейтенантъ гвардіи, а потомъ ѣхалъ верхомъ самъ командовавшій гвардіею баронъ фонъ-Биронъ; подлѣ него шли два скорохода, а сзади него ѣхали верхомъ пажи и егеря; слѣдовавшая затѣмъ гвардія шла по-батальонно «обыкновеннымъ строемъ». Шествіе гвардіи замыкалъ маіоръ гвардіи Стрѣшневъ, верхомъ, съ своимъ адъютантомъ.

По поводу этой церемоніи, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» сообщалось, что «этотъ входъ тѣмъ наибольшаго зрѣнія достоинъ, что гвардія съ такимъ же ополченіемъ къ непріятелю шла», въ какомъ видѣ теперь вернулась въ столицу, возвратившись изъ похода, и что вся гвардія, какъ рядовые, такъ и офицеры, украшены были эмблемами мира:

первые имѣли на шляпахъ «зеленые еловые и дубоваго листу пучки, а офицеры — лавровыя вѣтки». По окончаніи церемоніи вступленія, всѣ офицеры возвратившейся конной и пѣхотной гвардіи «были у двора и къ рукѣ ея императорскаго величества всемилостивѣйше допущены».

На другой день, когда съѣхались во дворецъ всѣ знатнѣйшія обоего пола персоны, для принесенія поздравленій ея величеству, по случаю высокоторжественнаго дня ея рожденія, и когда стали къ рукѣ ея величества подходить, въ это самое время прибылъ изъ Константинополя секретарь посольства Неплюевъ «съ ратификаціею на заключенные мирные пункты», о чемъ императрица тотчасъ самолично объявила тутъ же находившимся иностраннымъ министрамъ; въ то же время произведена была съ крѣпости и съ адмиралтейства пушечная пальба.

Черезъ три дня послѣ этого, изъ кабинета государыни было сообщено въ главную полиціймейстерскую канцелярію, что ея величество «всемилостивѣйшее намѣреніе воспріять соизволила, для дарованнаго отъ Бога благополучнаго мира, публичное торжество и праздники отправлять здѣсь въ настоящей масляничной недѣлѣ». Торжество же началось высочайшимъ выходомъ и объявленіемъ присутствовавшимъ при этомъ черезъ герольда о заключенномъ мирѣ. По прочтеніи манифеста, сказывалъ въ дворцовой церкви проповѣдь Амвросій Юшкевичъ, архіепископъ вологодскій; по окончаніи проповѣди было отправлено благодарственное молебствіе, а затѣмъ принесены были императрицѣ поздравленія, причемъ «многіе пожалованы перемѣною чиновъ, кавалеріями и другими награжденіями». Затѣмъ манифестъ о мирѣ былъ читанъ двумя герольдами «на знатнѣйшихъ мѣстахъ императорской резиденціи, при играніи на трубахъ и съ литавреннымъ боемъ». Съ своей стороны полиція, безъ барабаннаго, впрочемъ, боя, объявила, что «послѣ принесенія Богу должнаго благодаренія, передъ полуднемъ, для такого радостнаго случая, позади новаго Зимняго ея императорскаго величества дворца, на лугу, будутъ въ народъ бросаны жетоны, или медали золотыя и серебреныя, а по полудни жаренные быки съ другими пищами впередъ народу-жъ дадутся, и послѣ того изъ приготовленныхъ фонтановъ вино пустится».

У выставленныхъ для народа быковъ рога были позолочены сусальнымъ золотомъ. Они были поставлены на пирамидахъ и накрыты холстомъ. Всѣ другія «мясныя кушанья», разставленныя заранѣе на лугу, были покрыты сверхъ холста еще особыми покрывалами изъ стамеда и камлота. Для пусканія фонтановъ было придворнымъ келлермейстеромъ отпущено 50 бочекъ краснаго вина. Вечеромъ на томъ же лугу была устроена иллюминація, на которую пошло говяжьяго сала 150 пудовъ. Устроить иллюминацію и фонтаны было затруднительно, такъ какъ по случаю зимняго холода пришлось оттаивать и сало, и землю, на что было употреблено нѣсколько саженъ дровъ. За иллюминаціею послѣдовалъ фейерверкъ, приготовленный канцеляріею главной артиллеріи. Фейерверкъ и иллюминація обошлись, по тогдашнему денежному курсу, недешево, такъ какъ на нихъ издержано было 6,000 рублей.

По случаю упомянутаго празднества, весь Петербургъ былъ иллюминованъ. Каждый житель обязанъ былъ зажигать въ своемъ домѣ иллюминацію въ продолженіе трехъ дней. Относительно устройства такой иллюминаціи кабинетъ ея величества сообщилъ главной полиціймейстерской канцеляріи, что торжество мира съ Турціею положено отправить на масляной недѣлѣ «и чтобъ тогда для такого торжества чрезъ три дня улицы и домы по всему городу нарочными иллюминаціями украшены были, и того ради надлежитъ отнынѣ заблаговременно по всѣмъ домамъ повѣстить, чтобъ каждый у себя къ такой иллюминаціи надлежащее пріуготовленіе учинить могъ».

Къ этому времени приготовлялась придворнымъ «статуйнаго дѣла» мастеромъ Цвейнгофомъ мраморная статуя, именуемая Викторія противъ турокъ и татаръ, съ разными къ ней атрибутами. Въ эти же дни, а именно 15, 16 и 17 февраля, происходили при дворѣ банкеты, для которыхъ кушанья готовили иноземные повара иностранныхъ посланниковъ и министровъ, бывшихъ въ Петербургѣ. Столы, по обыкновенію, были убраны пирамидами и разными искусственными цвѣтами, скатерти къ столамъ были прибиты мелкими лужеными гвоздями и убраны алыми лентами.

VIII.

Церковные праздники. — Проповѣди и поздравленія. — День Богоявленія — Іордань. — Пасха. — Куртагъ. — Троицынъ день. — Свадьба при дворѣ. — Свадьба фонъ-Бреверна съ баронессою Кейзерлингъ. — Свадьба барона Лиліенфельда съ княжною Одоевскою. — Приготовленіе къ свадьбѣ Юліаны Менгденъ. — Ея приданое. — Народный маскарадъ. — Свадьба князя Голицына съ калмычкою Бужениновою. — Ледяной домъ.

Кромѣ чрезвычайныхъ празднествъ, при дворѣ чествовались еще съ особенною торжественностію годовые праздники православной церкви, а также и Новый годъ. Въ день Новаго года приносились поздравленія, была сказываема проповѣдь и совершалось молебствіе, сопровождаемое пушечной пальбою. Въ этотъ день при дворѣ былъ обѣдъ и балъ, оканчивавшійся фейерверкомъ, а также и иллюминація.

Въ праздникъ Богоявленія приносимы были государынѣ «отъ всѣхъ знатнѣйшихъ персонъ обоего пола всенижайшія поздравленія». По окончаніи же въ дворцовой церкви литургіи, на Невѣ, противъ Зимняго дворца, происходило освященіе воды при пушечной пальбѣ съ крѣпости и адмиралтейства, а отъ стоявшихъ въ парадѣ, около іорданской сѣни, войскъ происходила стрѣльба «бѣглымъ огнемъ». Въ 1740 году, императрица Анна Ивановна смотрѣла на эту церемонію изъ оконъ дворца. Такое же торжество происходило и въ 1741 году, при правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ

Въ 1740 году, празднованіе Пасхи было совершено съ особымъ торжествомъ. Въ полночь раздались съ крѣпости пушечные выстрѣлы, а къ самому началу заутрени императрица, въ сопровожденіи придворнаго штата, вошла въ дворцовую церковь. По окончаніи службы, ей въ ея покояхъ принесены были поздравленія знатными особами обоего пола, генералитетомъ и министрами какъ русскими, такъ и иностранными. Со второго дня Пасхи начались увеселенія при дворѣ. Въ понедѣльникъ, 7 апрѣля, былъ «куртагъ», 8-го — балъ, на которомъ всѣ кавалеры были въ польскомъ платьѣ. На Пасху упомянутаго года, собственно для обихода государыни, было заготовлено 3,500 яицъ крашенныхъ, 80 позолоченныхъ, 80 посеребренныхъ, 40 со стеклами и 15 лаковыхъ.

О празднованіи дня св. Троицы въ 1741 году встрѣчается слѣдующая замѣтка: «17 мая со случившимся тор-

жественнѣйшимъ праздникомъ Пятидесятницы всѣ въ богатомъ платьѣ при дворѣ бывшіе здѣшніе и чужестранные господа министры, генералы и прочія обоего пола знатнѣйшія персоны ихъ императорскому высочеству государынѣ великой княгинѣ и правительницѣ и высокопоставленному государю и генералиссимусу Всероссійской имперіи, также и всей императорской высочайшей фамиліи, всенижайше поздравляли». Ко двору въ этотъ день требовались цвѣты изъ стрѣльненскихъ садовъ, а изъ дворцовой конторы березки.

Въ описываемое нами время развлеченіемъ для двора служили празднества по случаю бракосочетанія разныхъ придворныхъ лицъ. Каждый разъ, когда устраивалась такая свадьба, слѣдовалъ именной высочайшій указъ объ отпускѣ денегъ на изготовленіе невѣстѣ приданаго и на устройство пиршества, а также объ отпускѣ всего необходимаго изъ дворцовыхъ припасовъ. Для фрейлинъ, выходившихъ замужъ, изготовлялись на счетъ казны и обручальныя кольца. Пиршества происходили въ залахъ дворца и сопровождались музыкою и танцами. Такимъ образомъ праздновались свадьбы не только придворныхъ чиновъ, но и разныхъ служителей, напримѣръ: «комнатныхъ дѣвицъ», гофъ-фурьеровъ, мундшенковъ, карлицъ и шутовъ. Въ разсматриваемыхъ нами документахъ находятся описанія нѣкоторыхъ такого рода свадьбъ, происходившихъ въ 1740 и 1741 годахъ. Такъ, 21 апрѣля 1740 года, съ чрезвычайною пышностію была справлена при дворѣ свадьба дѣйствительнаго статскаго совѣтника фонъ-Бреверна съ статсъ-фрейлиною ея величества, баронессою фонъ-Кейзерлингъ. По этому случаю было при дворѣ два бала. 26 октября 1741 года, при дворѣ была свадьба камергера барона фонъ-Лиліенфельда съ статсъ-фрейлиною княжною Одоевскою, пострадавшею впослѣдствіи по извѣстному дѣлу Лопухиной. Свадьба эта сопровождалась торжественнымъ дворцовымъ банкетомъ. Въ разсматриваемой нами книгѣ описывается также «свадьба» статсъ-фрейлины Юліаны Менгденъ съ польскимъ и саксонскимъ полномочнымъ министромъ при русскомъ дворѣ, графомъ Линаромъ, въ августѣ 1741 года, съ прибавленіемъ, что о днѣ бракосочетанія этихъ лицъ въ документахъ свѣдѣній нѣтъ. Съ своей стороны мы замѣтимъ, что такихъ свѣдѣній и не могло быть,

такъ какъ Линаръ не успѣлъ обвѣнчаться съ Юліаною. Онъ, послѣ сговора и обрученія, отправился по своимъ дѣламъ въ Дрезденъ и не успѣлъ вернуться въ Петербургъ, когда Елизавета низвергла правительницу, а невѣста Линара очутилась въ ссылкѣ. Къ браку этой четы дѣлались пышныя приготовленія, причемъ оберъ-гофмаршалъ, графъ Левенвольдъ, объявилъ камеръ-цальмейстерской конторѣ, что «ея высочество правительница Анна Леопольдовна именнымъ своего императорскаго высочества указомъ соизволила указать для свадьбы фрейлины, госпожи Менгденъ, которая отдается въ замужество за графа Линара, обить въ домѣ бывшаго генерала Бирона одну спальню штофомъ малиновымъ, а къ окнамъ и дверямъ сдѣлать занавѣсы такого же штофа, обложа по краямъ позументомъ золотнымъ въ два ряда, широкимъ и узкимъ; въ тое-жъ спальню сдѣлать шестеры кресла и два табурета, обивъ такимъ же штофомъ и въ два ряда позументомъ золотнымъ, широкимъ и узкимъ; въ оную-жъ спальню сдѣлать кровать двоеспальную изъ такого же штофу съ позументомъ и съ бахрамою золотными, широкимъ и узкимъ, таковымъ фасономъ, какова сдѣлана въ 1740 году для ея императорскаго высочества золотая штофная; и сдѣлавъ оное все изъ казенныхъ вещей и поставя креслы, табуреты и кровать въ помянутой спальнѣ, отдать ей, госпожѣ Менгденъ, ибо оное все отъ ея императорскаго высочества ей, госпожѣ Менгденъ, пожаловано». При дворѣ же, въ 1740 и 1741 годахъ, были свадьбы капитана преображенскаго полка Юшкова и дочери «генеральши-супреденши», а также камеръ-юнгферы герцогини курляндской, двухъ комнатныхъ дѣвицъ правительницы, камеръ-шрейбера принца Антона, камеръ-медхены съ мундшенкомъ и одного гофъ-фурьера. Для свадьбъ этихъ наряжались большіе поѣзды отъ придворной конторы, а на пиршествахъ играла итальянская музыка.

Въ числѣ увеселеній, бывшихъ въ послѣдній годъ царствованія императрицы Анны Ивановны, самоев идное мѣсто занимаетъ народный маскарадъ, составленный изъ разныхъ племенъ, обитавшихъ въ Россіи, съ устройствомъ «ледяныхъ палатъ», гдѣ была сыграна «маскарадная свадьба». Приготовленія къ этой шутовской свадьбѣ начались въ 1739 году,

для чего была учреждена «маскарадная комиссія». О происходившей потѣхѣ, или такъ называемомъ «ледяномъ домѣ», было уже не разъ напечатано, такъ что здѣсь не приходится говорить объ этомъ, и потому мы только укажемъ на расходы по упомянутому «маскарадному учрежденію». Отчетъ о нихъ былъ представленъ упомянутою комиссіею въ кабинетъ ея величества. Изъ документовъ, относящихся къ этому дѣлу, видно, между прочимъ, что комиссія заимствовала вещи, требовавшіяся для устройства маскарада, изъ числа конфискованныхъ товаровъ. Сверхъ того, нѣкоторыя вещи комиссія заимствовала изъ другихъ мѣстъ, а именно: отъ канцеляріи монетнаго правленія мелкія серебряныя копѣйки для сдѣланія мордвѣ, чувашамъ и черемисамъ «по обычаю ихъ уборовъ», а отъ придворной конюшенной конторы «линейныя сани» съ упряжными приборами, «для выѣздовъ того маскарада».

Еще въ 1739 году начали прибывать къ «маскарадному учрежденію» выписанные чрезъ губернаторовъ изъ разныхъ отдаленныхъ мѣстъ Россіи представители инородческихъ племенъ, по нѣсколько паръ мужского и женскаго пола, и для нихъ стали приготовлять соотвѣтствующую каждому племени одежду. При этомъ признано было нужнымъ трехъ крещеныхъ лопарей «обучить христіанской вѣрѣ и познанію Бога и Его святыхъ заповѣдей и нѣкоторыхъ молитвъ и другихъ нужнѣйшихъ правилъ, и для того эти лопари отосланы въ Синодъ, который впослѣдствіи донесъ, что означенные лопари «познанію истиннаго Бога и Его святыхъ заповѣдей христіанскаго закона совершенно обучены».

Народный маскарадъ состоялъ изъ процессіи инородцевъ, шествовавшихъ въ національныхъ костюмахъ по улицамъ Петербурга или везомыхъ въ разнородныхъ повозкахъ разными животными. Въ числѣ повозокъ, приготовленныхъ придворною конюшенною конторою «линейныхъ саней», были двое «съ чанами», двое «съ лавками» и однѣ «съ качелями». Кромѣ того, въ документахъ упоминается «маскарадная большая линея» и «маскарадный корабль». Эта линея и этотъ корабль были отвезены потомъ въ Москву, и въ 1741 году хранились тамъ въ остоженской конюшнѣ, на фуражномъ дворѣ, въ «твердомъ анбарѣ», за замкомъ и печатью. Упряж-

ные приборы для лошадей и другихъ животныхъ, запряженныхъ въ упомянутыя линеи, доставлены были отъ придворной конюшенной конторы; такими приборами были: «гарусные алые чубы», «сережки», страусовыя перья — бѣлыя и красныя. Изъ животныхъ, везшихъ линейныя сани, упоминаются олени, въ числѣ 35 особей.

Относительно устройства ледяного дома, называемаго въ документахъ «ледяными палатами», есть указаніе, что онъ былъ сдѣланъ еще въ началѣ 1740 года; около него возвышались ледяныя башни съ поставленными на нихъ «круглыми фонарями», еще не вполнѣ отдѣланными. 6-го февраля въ «ледяныхъ палатахъ» происходила свадьба, причемъ имена жениха, князя Голицына, и невѣсты, калмычки Бужениновой, въ документахъ не упоминаются. Послѣдніе дни народнаго маскарада, а вмѣстѣ съ тѣмъ и торжествованія мира съ Турціею, кончились въ февралѣ 1740 году, на масляницѣ. Въ документахъ упоминается о бывшихъ при этомъ иллюминаціяхъ, на которыя только отъ дворцоваго вѣдомства было отпущено 550 пудовъ говяжьяго сала.

Одновременно съ народнымъ маскарадомъ и потѣхою въ ледяномъ домѣ, былъ также и придворный маскарадъ, и участвовавшимъ въ немъ фрейлинамъ было пожаловано 600 рублей на «мушкарацкое платье».

Оставшаяся отъ народнаго маскарада мягкая рухлядь, по указу правительницы, отдана была въ конфискацію для продажи, а изъ упряжныхъ уборовъ страусовыя перья были употреблены на упряжь при погребеніи императрицы Анны Ивановны. Олени были переведены въ петергофскій дворецъ, а часть монетъ, изъ которыхъ были сдѣланы инородческіе уборы, оказалась растраченною; изъ-за нихъ возникло особое слѣдственное дѣло.

IX.

Придворная охота. — Яхтъ-штатъ. — Ограниченіе правъ охоты частныхъ лицъ. — Запрещеніе ловить лосей и соколовъ. — Угожденіе голландскимъ и цезарско-римскимъ подданнымъ. — Придворные звѣринцы. — Собаки борзыя, гончія и для пріискиванія «труфилей». — «Яхтъ-гартенъ». — «Парфорсъ-яхтъ». — «Яхтъ-вагенъ». — Газетное сообщеніе объ императорской охотѣ. — Охота по англійскому обычаю. — Охота полевая. — Ястребиная охота. — Волынскій. — Полковникъ фонъ-Трескоу. — Способы содержанія придворной охоты. — Оберъ-егерь. — Егеря и пикеры. — Ихъ обмундированіе. — Псовая охота. — Охотничій домъ Волынскаго. — Выписка собакъ изъ Англіи. — Прозванія собакъ. — Отписныя собаки. — Кража придворныхъ собакъ.

Весьма важною статьею и попеченія, и расходовъ со стороны дворцоваго вѣдомства была, въ царствованіе Анны Ивановны, придворная охота. За нѣсколько дней до своей кончины, она утвердила «яхтъ-штатъ», но изложенныя въ немъ правила оказались и неясными, и недостаточными, почему въ правленіе Анны Леопольдовны изданы были къ этому штату разныя поясненія и дополненія. Въ описываемое время царскія охоты составляли такъ называемую «регалію», такъ какъ право охоты частныхъ лицъ было чрезвычайно ограничено, а на нѣкоторыхъ звѣрей и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ охота была запрещена даже и самимъ земельнымъ владѣльцамъ. Такъ, въ 1740 году подтверждено было запрещеніе ловить и стрѣлять звѣрей и птицъ на тридцативерстномъ разстояніи отъ Петербурга и близъ него лежащихъ мѣстъ. Подтвержденіе это въ особенности было вызвано тѣмъ, что «партикулярные люди» перестрѣляли куропатокъ, выпущенныхъ нарочно, по высочайшему указу, изъ Петергофа и Краснаго Села. За нарушеніе запрещенія относительно охоты обѣщаны были «жестокое наказаніе» и «ссылка, безъ всякаго милосердія, въ каторжныя работы».

Такъ какъ, не смотря на такую угрозу, упомянутый указъ не соблюдался, то въ слѣдующемъ году не только послѣдовало его подтвержденіе, но и запрещеніе о неловленіи и нестрѣляніи птицъ и звѣрей во всей Ингерманландіи и въ Выборгскомъ уѣздѣ, а также и во всѣхъ другихъ заповѣдныхъ мѣстахъ. Касательно неловленія лосей былъ данъ особый указъ, въ которомъ отъ лица императрицы Анны Ивановны объявлялось, чтобъ «никакихъ лосей въ

нашемъ государствѣ не бить, но оные разведены и къ нашей диспозиціи яко регалія заповѣданы быть имѣютъ, дабы кожи оныхъ на всякій потребный мундиръ нашей милиціи употребляемы быть могли». Существовало также запрещеніе на счетъ ловли соколовъ. Ловля этой птицы въ Архангельской губерніи дозволена была, и то лишь въ видѣ исключенія, «голландскимъ и цезарско-римскимъ подданнымъ для ихъ дворовъ, для особливаго онымъ дворамъ угожденія».

Въ дворцовомъ вѣдомствѣ находились звѣринцы, имѣвшіе, между прочимъ, экономическое значеніе: въ нихъ содержались животныя не для одной только охоты, но между ними были и такія, которыя употреблялись для императорскаго стола, какъ-то: кабаны, дикія козы, олени и зайцы. Начальство надъ охотами заботилось о размноженіи числа животныхъ, употреблявшихся для стола высочайшихъ особъ. Такого рода животныя переводимы были изъ московскихъ звѣринцевъ въ петербургскіе «съ добрымъ смотрѣніемъ, дабы въ пути померетъ не могли». Особенно употреблялись при парадныхъ столахъ: тертый оленій рогъ, какъ приправа къ кушаньямъ, и кабаньи головы, разваренныя въ рейнвейнѣ. При охотѣ, кромѣ борзыхъ и гончихъ, имѣлись еще, въ 1741 году, двѣ собаки особой породы, собственно «для прісканія труфилей». Въ 1739 году предположено было устроить въ Петербургѣ для императорскихъ охотъ особый паркъ, подъ названіемъ «яхтъ-гартенъ». Съ переѣздомъ двора въ Петергофъ, охота производилась въ тамошнихъ паркахъ. Здѣсь преимущественно занимались гоньбою оленей въ Нижнемъ саду, гдѣ разставлялись полотна, между которыми и происходила гоньба оленей гончими псами. Былъ въ употребленіе еще и другой способъ охоты, называвшійся «парфорсъ-яхтъ», или просто «парфорсъ». Охота эта была — травля разнаго рода звѣрей цѣлымъ обществомъ охотниковъ. Для этой цѣли устраивалась прежде облава, а затѣмъ производились ружейная стрѣльба и травля гончими дикихъ козъ, кабановъ, оленей, лосей и зайцевъ. Общество выѣзжало на такую охсту въ особыхъ экипажахъ, называвшихся «яхтъ-вагенъ», и имѣло при себѣ цѣлую команду «парфорсъегарей» и пикеровъ. Въ 1740 году, 26-го августа, о такой охотѣ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» было напеча-

тано слѣдующее сообщеніе: «Ея величество, для особливаго своего удовольствія, какъ парфорсъ-ягдою, такъ и собственноручно, слѣдующихъ звѣрей и птицъ застрѣлить изволила: 9 оленей, у которыхъ по 24, по 18 и по 14 отростковъ на рогахъ было, 16 дикихъ козъ, 4 кабана, 1 волка, 374 зайца, 68 дикихъ утокъ и 16 большихъ морскихъ птицъ».

Въ то же время входило въ употребленіе охотиться съ собаками «по англійскому обычаю», заимствованному отъ англичанъ-пикеровъ, прибывшихъ въ 1740 году въ Петербургъ съ купленными въ Англіи собаками. Кромѣ того, при дворѣ была охота «полевая» — на зайцевъ, на лисицъ, а также травля волковъ и медвѣдей. Хотя въ эту пору на птицъ преимущественно охотились съ ружьемъ, но не вышла еще изъ обычая и охота на нихъ съ ястребами. Этотъ родъ охоты былъ въ большомъ ходу въ первые годы царствованія императрицы Елизаветы Петровны. Охоты при Аннѣ Ивановнѣ были очень часты, чему доказательствомъ служитъ то, что лошади пикеровъ въ лѣтнее время не выпускались на подножный кормъ, но постоянно находились въ стойлахъ для того, чтобы по первому требованію быть готовыми для выѣзда.

Придворныя охоты состояли въ вѣдѣніи особаго учрежденія, главнымъ начальникомъ котораго, до половины апрѣля 1740 года, былъ оберъ-егермейстеръ и кабинетъ-министръ Волынскій. Напечатанные нынѣ документы относительно егермейстерской дѣятельности Волынскаго содержатъ въ себѣ, какъ общія распоряженія по ввѣренной ему части, такъ ровно и доклады кабинету и самой императрицѣ съ испрашиваніемъ разрѣшенія на такія дѣйствія, которыя выходили изъ предѣловъ власти, предоставленной непосредственно егермейстеру. Мѣсто Волынскаго, считавшееся такимъ почетнымъ, заступила, послѣ его казни, личность вовсе неизвѣстная — полковникъ 2-го Московскаго полка фонъ-Трескоу, съ званіемъ «командующаго охотами». Полковникъ этотъ сперва распоряжался, какъ лицо непосредственно подчиненное кабинету, но при правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ такое важное положеніе полковника измѣнилось, такъ какъ онъ былъ «врученъ въ полную команду придворной конторѣ». Въ вѣдѣніи командующаго охотами состояли охоты:

псовая, звѣриная и птичья, какъ въ Петербургѣ и въ Петергофѣ, такъ и въ Москвѣ. Онъ обязанъ былъ смотрѣть за сохраненіемъ собакъ, звѣрей и птицъ «въ полномъ ихъ составѣ, здоровьѣ и цѣлости, за достаточнымъ ихъ продовольствіемъ и удобномъ, безопасномъ отъ огня помѣщеніи ихъ». На немъ же лежало наблюденіе за сохраненіемъ въ цѣлости и исправности охотничьихъ вещей, какъ-то: императорскихъ ружей, различныхъ охотничьихъ приборовъ и мундировъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ главнымъ начальникомъ всего личнаго состава въ егермейстерскомъ вѣдомствѣ. По званію командующаго охотами, онъ получалъ въ годъ по тысячѣ рублей жалованья, съ сохраненіемъ жалованья, слѣдовавшаго ему по полку, и пользовался даровымъ помѣщеніемъ въ отписанномъ загородномъ дворѣ Волынскаго, бывшемъ за Фонтанкою, у Обухова моста. При охотахъ полагался секретарь, который «искусенъ былъ бы нѣмецкому и французскому языкамъ.

Первоначально, съ 1735 года, на содержаніе императорской охоты въ Москвѣ, въ 1735 году, поручена была генералъ-директору дворцовыхъ волостей, барону фонъ-Розену, въ особое вѣдѣніе приписанная къ дворцу отъ князя Алексѣя Долгорукова Хотунская волость съ тѣмъ, чтобы доходы этой волости поступали на содержаніе охотъ и состоявшихъ при нихъ служителей, но такъ какъ доходы эти оказались спорными, то въ 1739 году Волынскій донесъ императрицѣ, что онъ, по неполученію денегъ, «рискуетъ поморить звѣрей». Вслѣдствіе этого доклада, императрица до аппробаціи ею яхтъ-штата повелѣла продовольствовать охоты доходами съ ближнихъ волостей, зданія же въ звѣринцахъ на Потѣшномъ и Охотномъ дворахъ исправлять и вновь строить, а также дрова отпускать отъ дворцовой канцеляріи.

На охоты въ Петербургѣ и Петергофѣ отпускались деньги изъ придворной конюшенной конторы, хлѣбное же жалованье и кормовые припасы — отъ петербургской придворной конторы. Изъ дѣлъ статсъ-конторы видно, что въ 1740 году отпущено было изъ этой конторы «на надлежащіе въ канцеляріи егермейстерскихъ дѣлъ и на охоты исчисленные расходы 8339 рублей». По штату 1740 года положено было отпускать на петербургскую и петергофскую охоты деньгами 7102 руб.

44 коп. и натурою или деньгами 6965 руб. 23 коп., а на московскія примѣрно, натурою или деньгами, 4803 руб. 58 коп.

Ближайшее завѣдываніе охотами въ Петербургѣ было возложено на оберъ-егеря. Онъ же имѣлъ надзоръ за сохраненіемъ «императорскихъ ружей», находившихся въ лѣтнемъ дворцѣ, и за оружейнымъ дворомъ, гдѣ изготовлялись и исправлялись придворныя ружья. Онъ же наблюдалъ за исполненіемъ высочайшихъ указовъ, воспрещавшихъ охоту въ окрестностяхъ Петербурга на 30-ти верстномъ разстояніи. Подъ начальствомъ оберъ-егеря состояли егеря и пикеры — придворные охотники, назначенные для выѣздовъ на охоты. Число этихъ лицъ прежде не было опредѣлено, но по яхтъ-штату положено было 6 пикеровъ изъ нѣмцевъ, англичанъ и французовъ; этимъ послѣднимъ, кромѣ общаго жалованья пикерамъ отъ 180 до 360 рублей, отпускалось еще «на всякія мелочи при дачѣ мундира» по 30 ливровъ, что составляло по тогдашнему курсу 6 рублей. Къ обязанностямъ пикеровъ, кромѣ ухода за прибывшими съ ними иноземными собаками, относилось обученіе русскихъ придворныхъ охотниковъ способу охоты, употреблявшемуся заграницей. Егеря и пикеры имѣли особый, присвоенный имъ мундиръ изъ зеленаго сукна, а сверхъ мундира они надѣвали такого же цвѣта кафтанъ. Мундиры были парадные и ординарные; къ нимъ принадлежали приборы: мѣдные гербы, перевязи, портупеи, кортики и ружья. Послѣ того, какъ въ ноябрѣ 1741 года, нѣкоторые изъ охотниковъ потонули въ Невѣ со всѣмъ охотничьимъ приборомъ, командующій охотами приказалъ цѣнные приборы, какъ-то: гербы и ружья, отобравъ отъ охотниковъ, содержать у егермейстерскихъ дѣлъ подъ сохраненіемъ и выдавать ихъ только въ случаѣ надобности; у охотниковъ же оставить лишь перевязи, портупеи и кортики.

Для снабженія придворныхъ охотъ оружіемъ, снарядами и приборами состоялъ оружейный дворъ, на которомъ изготовлялись охотничьи ружья и принадлежности къ нимъ. Въ 1740 году, на этомъ дворѣ отдѣлывался, между прочимъ, для императрицы Анны Ивановны штуцеръ съ золотою насѣчкою на стволѣ, замкѣ, заверткѣ, затравкѣ и на всемъ приборѣ.

Псовая охота, до 1740 года, помѣщалась въ Петербургѣ, на старомъ псарномъ дворѣ. Въ этотъ году предполагалось построить для нея новое помѣщеніе около Фонтанки, но прежде чѣмъ приступили къ этой работѣ послѣдовало высочайшее повелѣніе объ отдачѣ подъ псарный дворъ загороднаго двора, принадлежавшаго казненному передъ этимъ Артемію Петровичу Волынскому. По случаю такой передачи, сохранилась подробная опись упомянутому двору. Эта опись даетъ возможность составить понятіе о загородныхъ домахъ тогдашнихъ русскихъ вельможъ, и мы воспользуемся ею для означенной цѣли. Въ загородномъ домѣ Волынскаго было 3 горницы, 7 свѣтлицъ, 1 зала, 1 спальня и 1 каморка. Одна изъ горницъ была обита красною камкою, а одна полотномъ. Въ этихъ двухъ были синія кафельныя печки. Подлѣ горницъ были «свѣтлицы» со стѣнами, обитыми голубою камкою и выбѣленнымъ полотномъ; въ одной изъ свѣтлицъ былъ каминъ. Изъ мебели въ описи значатся только столярныя скамьи, шесть плетеныхъ орѣховыхъ стульевъ и одинъ дубовый столъ. Судя по этому, надобно полагать, что загородный дворъ Волынскаго къ тому времени, какъ онъ попалъ въ конфискацію, еще не былъ окончательно отдѣланъ, или находившаяся въ немъ мебель и прочее убранство были уже вывезены до передачи этого двора въ егермейстерское вѣдомство. При домѣ были: поварская изба съ кухнею, баня съ передбанникомъ, въ которомъ устроенъ каминъ, а также столярная изба. Кромѣ того, къ дому принадлежали: 8 людскихъ избъ, погребъ, 5 амбаровъ, 3 конюшни на 24 стойла и сарай. Вся эта усадьба была огорожена барочными досками. Послѣ нѣкоторыхъ приспособленій, во дворъ Волынскаго было переведено 195 собакъ и 63 служителя, не считая женщинъ и дѣтей. Новое помѣщеніе оказалось, однако, недостаточнымъ для предназначенной цѣли, такъ что пришлось строить для собакъ особые сараи.

Охоты, о которыхъ шла у насъ теперь рѣчь, считались собственною охотою государя, т. е. сперва императрицы Анны Ивановны, а потомъ императора Ивана Антоновича; у правительницы же и ея супруга были особыя охоты, такъ что число всѣхъ придворныхъ собакъ доходило до 319. Такое число было признано излишнимъ и, по указу Анны Лео-

польдовны, оно было значительно сокращено раздачею собакъ лицамъ, желавшимъ ихъ получить. Надобно, впрочемъ, полагать, что принцъ Антонъ былъ большой любитель охоты, такъ какъ въ его покои потребовалось 400 крючковъ для развѣшиванія ружей.

Составлявшія придворную охоту собаки были различныхъ породъ: борзыя, гончія, меделянскія, датскія, лягавыя, таксы, или «таксели», бассерты, харты и русскія. Особенно замѣчательны были собаки, выписанныя изъ-за границы, въ 1740 году, для императрицы Анны Ивановны, а именно: малыя гончія, называвшія «биклесы», весьма рѣдкія въ Англіи; борзыя, самыя большія, употребляемыя для травли звѣрей, и «хорты», или «тарсіерсы»,—для «норъ лисичьихъ». Объ этихъ собакахъ русскій посланникъ при англійскомъ дворѣ, князь Ив. Щербатовъ, увѣдомилъ, 2-го мая 1741 года, императорскій кабинетъ, что отыскивалъ и выбиралъ ихъ въ Англіи славный тамъ охотникъ сэра Роберта Вальполя, Смитъ, который «болѣе за одну честь, по рекомендаціи шевалье Роберта Вальполя, служилъ и имѣетъ не малое затрудненіе въ пріискѣ, паче же малыхъ «биклесовъ», которыхъ весьма рѣдко сыскать нынѣ въ Англіи». Говоря о собакахъ псовой охоты, должно замѣтить, что въ числѣ ихъ не было коренныхъ лягавыхъ собакъ, такъ какъ придворные стрѣлки имѣли своихъ собственныхъ собакъ этой породы, на кормъ которыхъ до яхтъ-штата, изданнаго въ 1741 году, отпускалась казенная овсяная мука изъ оставшейся отъ корма псовой охоты. Съ изданіемъ же означеннаго штата, отпускъ корма на собакъ, принадлежавшихъ стрѣлкамъ, былъ прекращенъ, и они обязаны были кормить собакъ на свой счетъ. Въ документахъ сохранились имена нѣкоторыхъ собакъ, какъ напримѣръ: Отланъ, Скозырь, Трубей, Галфестъ и т. д.

Охотничьи собаки въ 1740 году распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: «къ травлѣ оленей 60, травлѣ зайцевъ 60, борзыхъ 23, русскихъ разныхъ породъ 21, меделянскихъ 3, большихъ меделянскихъ 18, датскихъ 2, такселей 6, для труфли 2». Но въ этомъ же году число ихъ значительно увеличилось, такъ какъ поступило на псарный дворъ собакъ: Волынскаго 57, отъ Бирона 68 и купленныхъ во Франціи и Англіи 194. Во Франціи покупкою собакъ занимался рус-

скій посолъ, извѣстный сатирикъ, князь Кантеміръ. За 34 пары коротконогихъ собакъ, такъ называемыхъ «басатовъ», въ томъ числѣ нѣсколько «ищущихъ труфель», было заплачено 1100 рублей, да доставка ихъ въ Петербургъ обошлась въ 281 рубль 37 копѣекъ. Покупка же собакъ въ Англіи княземъ Щербатовымъ, о которой мы упоминали выше, въ числѣ 63 паръ, обошлась въ 481 фунтъ стерлинговъ, или, по тогдашнему курсу, 2234 рубля. Не смотря на ту бдительность, съ какою надсматривали за придворными собаками, ихъ очень часто воровали, чѣмъ преимущественно занимались солдаты семеновскаго полка.

X.

Придворные звѣринцы. — Содержавшіеся въ нихъ звѣри. — Доставка звѣрей. — Подарки персидскаго шаха и хивинскаго султана. — Подводъ звѣрей членамъ императорской фамиліи. — Кормежъ звѣрей. — Содержаніе слона. — Обиды, наносимыя ему на улицахъ. — Приводъ 14 слоновъ изъ Персіи. — Мѣры, принятыя при ихъ препровожденіи. — Постройка слоновыхъ амбаровъ. — Выборъ мѣста для нихъ въ Петербургѣ. — «Слоновый мастеръ» Асатій. — Исправленіе дорогъ и мостовъ для провода слоновъ. — Участіе въ этомъ дѣлѣ сената. — Буйства слоновъ. — Малый звѣринецъ. — Содержаніе черныхъ медвѣдей на счетъ купечества. — Постройка новаго звѣринца. — Звѣринецъ въ Петергофѣ. — Придворная охота въ Москвѣ. — Мертводеры или живодеры. — Измайловскій звѣринецъ. — Гостинный дворъ.

При придворной охотѣ, въ Петербургѣ содержались многочисленныя и весьма разнообразныя породы звѣрей, какъ-то: львы, бабры (леопарды), медвѣди бѣлые и черные, волки, кабаны, дикія кошки, дикобразы, слоны, ауроксы (дикіе быки), олени, дикія индѣйскія козы, обезьяны, лисицы, куницы, россомахи, самуры, барсуки, рыси, зайцы, песцы и сурки. Одни изъ этихъ звѣрей назначались собственно для охоты, т. е. для травли и гоньбы, какъ-то: медвѣди, волки, лисицы, кабаны, олени, зайцы; другіе содержались по рѣдкости, «курьезности».

Придворные звѣринцы наполнялись преимущественно животными, изловленными въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, на основаніи высочайшихъ указовъ, повелѣвавшихъ почему либо замѣчательныхъ звѣрей ловить и присылать ко двору. Такъ, въ 1741 году доставлены были въ Петербургъ отъ тобольской губернской канцеляріи, черезъ сибирскій приказъ, излов-

ленные въ Сибири дикіе звѣри: «два барана, маралъ (изъ породы оленей), два оленя и двѣ лошади». Въ сентябрѣ того же года присланы были отъ астраханской губернской канцеляріи дикобразы и барсуки, а отъ бѣлогородской — два сурка. Кромѣ того, егермейстерское начальство приказывало подвѣдомственнымъ ему людямъ дополнять звѣринцы ловлею мѣстныхъ дикихъ звѣрей, такъ, напримѣръ, въ окрестностяхъ Москвы ловили лисицъ для немедленной ихъ доставки въ Петербургъ живыми. Доставляли звѣрей ко двору и частныя лица, въ числѣ ихъ были купцы. Иностранные государи присылали порою подарки въ видѣ рѣдкихъ животныхъ; такъ, персидскій шахъ и хивинскій султанъ присылали въ Петербургъ слоновъ и леопардовъ (бабровъ). Наконецъ, иныя общества «подводили» животныхъ государямъ. Такъ, въ 1741 году «подведены» были императору Ивану Антоновичу «отъ выгорѣцкихъ (Олонецкаго уѣзда) пустынныхъ жителей, Стахѣя съ товарищи, девять живыхъ оленей». Число звѣрей, содержавшихся въ императорскихъ звѣринцахъ, колебалось, смотря по ихъ прибыли и убыли. По яхтъ-штату 1741 года, положено было имѣть при дворѣ въ Петербургѣ только 45 звѣрей, а именно: 2 львицъ (при одной изъ нихъ жила собачка), 2 бабровъ, 10 медвѣдей (изъ нихъ 4 бѣлыхъ и 6 черныхъ), 20 оленей американскихъ, 4 мараловъ, индѣйскую козу, рысь, куницу, 3 лисицъ (чернобурую и 2 молодыхъ), но въ наличности число звѣрей было всегда значительнѣе, чѣмъ положенное по штату. Для содержанія звѣрей, числившихся при охотѣ, имѣлись особыя помѣщенія, такъ называемые дворы: Звѣровой, Ауроксовъ и Слоновой, а также звѣринцы: Малый и Екатерингофскій и, наконецъ, садки въ дворцовыхъ садахъ.

Въ разсматриваемыхъ нами документахъ находится подробное описаніе всѣхъ этихъ дворовъ, звѣринцевъ и садовъ; изъ этого же видно, между прочимъ, какая была неурядица по этой отрасли дворцоваго хозяйства. Такъ, напримѣръ, заводилась особая переписка объ отпускѣ молока бабрамъ и корма мартышкамъ. Кромѣ того, лица, ходившія за звѣрями, были не прочь отъ того, чтобы поживиться на ихъ счетъ. Такъ, напримѣръ, одному изъ слоновъ отпускалась водка, въ зимніе семь мѣсяцевъ по четверти ведра въ день, а въ

лѣтніе пять мѣсяцевъ по одному ведру въ недѣлю. Водка эта должна была быть лучшаго качества, между тѣмъ оказалось, что она была «ко удовольствію слона неудобна, понеже явилась съ пригарью и не крѣпка». Сверхъ того, слону на кормъ отпускалось: сырой тростникъ, трава, сорочинское пшено, пшеничная мука, сахаръ, коровье масло, пряности, виноградное бѣлое вино и соль. Вѣроятно, однако, что изъ числа этихъ припасовъ доходило до него не слишкомъ многое. При слонѣ «обрѣтались» особый «комисаръ» и пріемщикъ продовольственныхъ припасовъ, а также «слоновщикъ» изъ арабовъ и нѣсколько служителей; въ числѣ ихъ были одинъ армянинъ и одинъ персіянинъ. При слонѣ же находились: «персидскій слоновый мастеръ» и «слоновый учитель». Слона изъ звѣринца водили гулять по улицамъ, но его прогулки не обходились безъ нѣкоторыхъ особыхъ приключеній. Такъ, солдаты гвардейскихъ полковъ смѣялись надъ вожаками, бранились «скверными словами» и бросали и въ вожаковъ, и въ самого слона камнями и палками, и даже не разъ били «слоновщика» Ага-Садыка. Своеволіе солдатъ доходило до того, что слонъ, вслѣдствіе этого, не могъ прогуливаться по улицамъ въ теченіи цѣлаго мѣсяца. Поэтому командующій охотами сообщилъ въ главную полицейскую канцелярію: «о учиненіи публикаціи во всемъ Петербургѣ и объ объявленіи обывателямъ съ подпискою, о неучиненіи помѣшательства слоновщику въ провожаніи слона».

Но хлопоты по части слоновъ увеличились въ особенности въ концѣ сентября 1741 года, когда прибыло въ Петербургъ посольство отъ персидскаго шаха Надира, съ многочисленными для русскаго двора дарами, въ числѣ которыхъ находилось 14 приведенныхъ слоновъ. Въ виду ихъ привода, еще весною этого года было отъ сената сдѣлано по канцеляріи отъ строеній такое распоряженіе: «Для обрѣтающихся при слѣдующемъ сюда отъ шаха персидскаго торжественномъ посольствѣ четырнадцати слоновъ, удобные амбары или храмины сдѣлать и приготовить заблаговременно оной канцеляріи, употребляя на то деньги изъ положенной на публичныя строенія суммы». Вслѣдствіе этого указа, «комиссія о петербургскомъ строеніи» поручила архитекторамъ Земцову и Шумахеру «обыскивать» удобныя для означенной цѣли

мѣста. Такое мѣсто для «слоновыхъ амбаровъ» и было обыскано ими у Лиговскаго канала, при бассейнѣ. Мѣсто это, обросшее еловымъ лѣсомъ, оказалось песчано и сухо, но тѣмъ не менѣе, по совѣщанію со «слоновымъ мастеромъ» Асатіемъ, признано было болѣе удобнымъ помѣстить ожидаемыхъ слоновъ на прежнемъ слоновомъ дворѣ, близь рѣчки Фонтанки, «какъ для лучшаго надъ ними надзора, такъ и потому, что для купанья слоновъ вода въ Фонтанкѣ лучше и здоровѣе, чѣмъ въ Лиговскомъ каналѣ, которая известковата и твердость въ себѣ имѣетъ». На этомъ мѣстѣ предположила комиссія произвести постройку слоновыхъ «храминъ», съ тѣмъ, чтобы по рѣкѣ Фонтанкѣ сдѣлать для прогулки слонамъ площадь, которую называть слоновою, и «для лучшей способности всѣмъ слонамъ ради купанья сдѣлать къ рѣкѣ скатомъ удобный мостъ». Между тѣмъ, «слоновый мастеръ» Асатій представилъ, что въ числѣ препровождаемыхъ съ персидскимъ посольствомъ 14-ти слоновъ, находятся «два слона — мужеска полу одинъ, да женска полу одинъ, которые обвыкли въ одномъ мѣстѣ особо быть, а съ прочими слонами вмѣстѣ и въ близости имъ быть никакъ невозможно, понеже слонъ весьма сердитъ и высокъ», и потому онъ, Асатій, просилъ, чтобы «про нихъ сдѣлать одну теплую храмину не въ близости съ прочими слоновыми амбарами». Заявленіе это было принято въ уваженіе, и къ августу былъ построенъ этотъ амбаръ, а также приспособлены прежніе амбары.

Кромѣ постройки означенныхъ помѣщеній, пришлось еще, по случаю привода слоновъ, озаботиться объ исправленіи не только загородныхъ дорогъ, но и петербургскихъ улицъ и мостовыхъ. Такъ, оказалось, что «Аничковскій мостъ черезъ Фонтанную рѣчку находится въ немалой ветхости», настилка на немъ во многихъ мѣстахъ сгнила и насквозь пробивается, и что надобно заблаговременно мостъ починить, «дабы въ томъ было безъ опасности и слонамъ не могло быть какого поврежденія». Кромѣ этого моста, были перемощены и другіе четыре моста внутри города и, кромѣ того, для осмотра дороги, по которой слоны должны были подходить къ Петербургу, былъ отправленъ «слоновый мастеръ» Ага-Садыкъ. 2-го октября, 1741 года, персидскій посолъ имѣлъ торжественную аудіенцію у правительницы Анны Ле-

опольдовны, причемъ представилъ слоновъ. Хлопоты о способахъ содержанія слоновъ продолжались, и въ этомъ дѣлѣ принималъ участіе, между прочимъ, и Сенатъ. Къ прежнимъ хлопотамъ присоединились еще и новыя. Въ октябрѣ слоны начали буйствовать, «осердясь между собою о самкахъ»; трое изъ нихъ сорвались и ушли; изъ нихъ двоихъ поймали, а третій «пошелъ черезъ садъ и изломалъ деревянную изгородь и прошелъ на Васильевскій островъ, и тамъ изломалъ Сенатъ и чухонскую деревню», и только здѣсь былъ пойманъ. Ага-Садыкъ требовалъ выдачи ему крѣпкихъ цѣпей, предваряя, что если не исполнятъ его требованія, то слоны «ночью много бѣдъ надѣлаютъ». Требованіе его исполнено не было, и на другой день раннимъ утромъ четыре слона снова вырвались, изломавъ ворота.

Въ маломъ звѣринцѣ, находившемся противъ Лѣтняго дворца, содержались американскіе, или вестъ-индійскіе, олени, называвшіеся въ документахъ «малою американскою дичиною». Число ихъ умножалось отъ приплода. Кромѣ ихъ были еще въ этомъ звѣринцѣ «двѣ малыя иностранныя козы». Въ этомъ же звѣринцѣ находились зайцы, бѣлые сурки и куницы.

Замѣчателенъ способъ содержанія черныхъ медвѣдей. Они, въ числѣ пяти штукъ, отданы были въ 1737 году на прокормъ въ петербургскіе мясные ряды. Приказано было: «содержать ихъ и кормить надлежащимъ кормомъ, безъ отговорокъ, и чтобъ тѣ медвѣди заморены не были; буде же отъ недовольнаго корму заморены будутъ, то альтерману и старшинѣ учинено будетъ наказаніе, ибо оные медвѣди приводятся для травли ко двору». Но когда одинъ медвѣдь ушелъ изъ мясныхъ рядовъ, то прочихъ велѣно было вывести оттуда и содержать за Невою, «дабы впредь людямъ какого поврежденія не было», причемъ, однако, приказано было продовольствовать медвѣдей по прежнему, отъ мясныхъ рядовъ. Между тѣмъ, мясные торговцы подали въ придворную контору просьбу о выдачѣ имъ 2334 руб. 78 коп., за прокормъ медвѣдей, за наемъ съ 1737 по 1741 годъ къ нимъ рабочихъ, покупку канатовъ, ошейниковъ и т. д., причемъ просили напередъ уволить ихъ отъ такой повинности. Но командующій охотами, полковникъ фонъ-Трескоу, объ-

явилъ имъ, что за изустнымъ высочайшимъ по сему предмету повелѣніемъ просителямъ «удовольствія никакого учинить—невозможно». Чѣмъ кончилось это дѣло—неизвѣстно. Зайцы въ маломъ звѣринцѣ содержались въ огромномъ количествѣ. Это видно изъ того, что въ концѣ 1740 года туда должны были быть привезены изъ Москвы разомъ 600 русаковъ.

Изъ числа звѣрей петербургской придворной охоты нѣкоторые, и преимущественно присылаемые изъ губерній «для курьезности», содержались въ дворцовыхъ садахъ. Тамъ находились: бѣлые медвѣди, россомахи, барсуки, лисицы, соболи, песцы, дикая кошка, самуръ и дикобразы, олени и сурки. Что же касается екатерингофскаго звѣринца, то о немъ значится въ описи за 1741 годъ: «огороженъ кольемъ, городьба которая развалилась и погнила, въ немъ одинъ анбаръ, да изба съ сѣньми ветхая». Содержавшіеся въ немъ выгорѣцкіе олени были переведены въ петергофскій звѣринецъ, а въ Екатерингофѣ на лугу положено было выстроить новый звѣринецъ.

Кромѣ звѣрей, при императорскихъ охотахъ содержались еще и птицы, «выхоженныя за дичью», соколы и ястребы — какъ ловцы, а также тетерева и куропатки, предназначенные для охоты. О числѣ соколовъ свѣдѣній въ документахъ 1740 — 1741 года не находится, число же ястребовъ въ это время простиралось только до 3 штукъ; для нихъ требовалось прислать изъ Москвы клобучки и обножцы. Дичи въ 1740 году состояло: тетеревовъ 14 и куропатокъ 110 паръ. При выхоженныхъ птицахъ состоялъ «птичій помытчикъ», а при тетеревахъ и куропаткахъ особый смотритель, называвшійся «гегеретеръ». Для стрѣльбы же и ловли дичи состояли при дворѣ егеря, ихъ ученики, охотившіеся вмѣстѣ съ тѣмъ и за звѣрями, и стрѣлки.

Придворныя охоты въ Петергофѣ составляли отдѣльную часть егермейстерскаго вѣдомства, подъ начальствомъ особаго смотрителя-форштмейстера изъ иноземцевъ, которому, по заключенному съ нимъ контракту, полагалось, между прочимъ, въ годъ два мундира: одинъ ординарный, а другой — «богатый, съ позументами». Подъ вѣдѣніемъ этого форштмейстера находились «парфорсъ-егеря» и звѣровщики.

Въ Петергофѣ при охотахъ содержались ауроксы, зубры, олени, кабаны, лось и дикія козы. Зимою 1741 — 1742 года въ Петергофѣ были построены новые звѣринцы: кабаній, гдѣ находилось 52 кабана, заячій, въ которомъ къ концу 1740 года, «за перестрѣляніемъ, ничего не осталось». Существованіе же при маломъ звѣринцѣ «фазанъ-егеря» заставляетъ предполагать, что въ этомъ звѣринцѣ содержались или разныя птицы, или, въ частности, только фазаны.

Московскій отдѣлъ императорскихъ охотъ, по жительству двора въ Петербургѣ, имѣлъ значеніе лишь запаснаго депо, и частнымъ лицамъ запрещено было охотиться въ окрестностяхъ Москвы на пятидесяти-верстномъ разстояніи. Въ этихъ мѣстностяхъ указомъ 1738 г. запрещено было даже ѣздить и ходить пѣшкомъ «со псовыми охотами, борзыми и гончими, съ тенетами и пищальми». Къ московскимъ охотамъ, по указу императрицы Анны Ивановны, «опредѣлены для корма птицъ и звѣрей и собакъ въ мертводеры, что̀ называютъ живодеры, 30 человѣкъ, а за ихъ службу, указомъ правительствующаго сената, учинено въ награжденье отъ повинностей и другихъ полицейскихъ службъ, по оному указу, уволить». Живодеры эти, называвшіеся «записными», управлялись старостою, избиравшимся изъ ихъ же среды на извѣстный срокъ, съ ручательствомъ, что выбранный «человѣкъ добрый и ему можно вѣрить».

Псовая московская охота помѣщалась въ селѣ Измайловскомъ. Здѣсь же находились и «отписныя», т. е. конфискованныя собаки князя Алексѣя Голицына, а также генерала Карла Бирона и казненнаго Волынскаго. Вмѣстѣ съ собаками князя Голицына были отписаны и его крѣпостные охотники. По яхтъ-штату 1740 года, псовая охота въ Москвѣ была упразднена: собакъ роздали генералъ-аншефу Ушакову «и прочимъ господамъ», а служителей отослали въ герольдмейстерскую канцелярію, для опредѣленія «къ другимъ дѣламъ». Въ Измайловѣ помѣщались также и звѣри, причисленные къ московской охотѣ, за которыми надсматривали «лучшіе» изъ дворцовыхъ крестьянъ. Измайловскій звѣринецъ былъ чрезвычайно обширенъ; въ немъ были прорублены проспекты и въ немъ же, между прочимъ, были устроены омшаники «для размноженія кабановъ». Въ немъ

къ 1741 году находились: 1 бабръ, 145 кабановъ, 2 медвѣдя, 7 сибирскихъ волковъ, 8 зубровъ, 257 оленей (нѣмецкихъ и сибирскихъ), 3 лося, 53 козы и 622 зайца. Число этихъ животныхъ убавилось, вслѣдствіе высылки нѣкоторыхъ изъ нихъ въ 1741 году «для стола его величества», т. е. Ивана Антоновича. Звѣрей этихъ, а между прочимъ и куропатокъ, везли въ Петербургъ въ особыхъ ящикахъ на 63 ямскихъ подводахъ, подъ конвоемъ 10 солдатъ московскаго гарнизона, при офицерѣ и капралѣ. Но присылка такого продовольствія изъ Измайловскаго звѣринца оказалась малою, и управляющій охотою потребовалъ на счетъ этого объясненія отъ тамошняго форштмейстера, указывая въ особенности на незначительное число отправленныхъ зайцевъ,— всего въ количествѣ 200 штукъ, тогда какъ въ звѣринцѣ ихъ считалось 622 штуки. На это форштмейстеръ, изъ нѣмцевъ, отвѣчалъ, что число зайцевъ убавилось отъ «раубтировъ», т. е. хищныхъ звѣрей, и что, кромѣ того, многіе изъ нихъ оказались хворыми и «ломанными»; что число зайцевъ «познать невозможно, понеже оные зайцы не скотина». Къ этому онъ прибавилъ, что «ломаннаго» зайца посылать ко двору его императорскаго величества онъ, форштмейстеръ, «опасенъ и не слѣдуетъ». На это объясненіе никакихъ возраженій не послѣдовало.

Птичья охота содержалась въ подмосковномъ селѣ Семеновскомъ, на Потѣшномъ дворѣ. Тамъ съ 1-го іюня 1740 года находилось: 25 кречетовъ, 12 челиговъ кречатьихъ, 24 сокола, 4 ястреба, 4 челига ястребиныхъ и 1 балабанъ (порода ястреба). Птицы на Потѣшномъ дворѣ помѣщались въ «птичьихъ покояхъ», въ числѣ которыхъ было 5 свѣтлицъ, т. е. зимнихъ птичниковъ.

XI.

Придворный столъ. — Завѣдываніе придворнымъ столомъ. — Кормовые погреба. — Запасные и повседневные фряжскіе погреба. — Поддѣлка водокъ. — Овощная и конфектная палаты. — Посуда. — «Кофишенскія». — Кухни. — Столъ Анны Леопольдовны. — Расходныя книги. — Вина. — Отпускъ отъ двора съѣстныхъ припасовъ и напитковъ разнымъ лицамъ. — Дессертъ и фрукты. — Денежныя сбереженія. — Доставка пеклеванной муки. — Поставка ко двору мясныхъ и рыбныхъ припасовъ и овощей. — Виноградныя и венгерскія вина. — Полковникъ Вишневскій. — Медъ-липецъ. — Французская водка. — Пиво, полпиво и кислыя щи.

Мы видѣли, что «звѣринцы» служили, между прочимъ, такими заведеніями, которыя доставляли припасы для придворнаго стола, а теперь мы перейдемъ къ общимъ свѣдѣніямъ, сохранившимся объ этомъ послѣднемъ.

Въ 1740 — 1741 годахъ придворнымъ столомъ завѣдовала придворная контора. Главнымъ же начальникомъ этой конторы былъ оберъ-гофмаршалъ графъ Левенвольдъ, получавшій непосредственныя приказанія отъ правительницы Анны Леопольдовны. Контора дѣлала распоряженія по заготовленію для двора разныхъ съѣстныхъ припасовъ и питій; сама заготовляла многіе изъ нихъ и, главное, исполняла все то, что̀ касалось ежедневнаго стола царской фамиліи и придворныхъ лицъ. На обязанности той же конторы лежало опредѣленіе и увольненіе должностныхъ лицъ по этой части придворнаго хозяйства.

По своей обширности и разнообразію, хозяйство это распадалось на нѣсколько отдѣльныхъ частей, изъ которыхъ каждая находилась въ завѣдываніи особаго лица. Части эти были:

«Кормовые погреба», въ которыхъ хранились столовые припасы всякаго рода, поступавшіе сюда ежедневно изъ дворцовой конторы и другихъ мѣстъ для отпуска ко двору, а также поваренная мѣдная, оловянная и желѣзная посуда. Погребами этими завѣдовали кухеншрейберы. «Запасные и повседневные фряжскіе погреба» — въ первыхъ изъ нихъ съ запасами винъ и водокъ разнаго рода и другихъ питій, также свѣчей восковыхъ и сальныхъ, посуды хрустальной, стеклянной и деревянной, бумаги, холста, смолы, сургуча и проч., хранились еще матеріалы — сахаръ и разныя пря-

ности, изъ которыхъ, а вмѣстѣ и изъ винъ, приготовлялись разныя поддѣльныя водки, какъ, напримѣръ, боярская, гданская и прочія. Повседневные погреба, получавшіе вина и другіе напитки изъ запасныхъ, были, собственно, назначены для удовлетворенія ежедневныхъ требованій двора, почему и помѣщались при дворцахъ лѣтнемъ и зимнемъ. Тѣ и другіе погреба находились въ вѣдѣніи келлермейстеровъ. Запасные фряжскіе погреба представляли одинъ изъ самыхъ значительныхъ отдѣловъ придворнаго хозяйства. Въ инструкціяхъ, которыми должны были руководствоваться келлермейстеры, встрѣчается, между прочимъ, статья о «поддѣлываніи» винъ. «Виноградныя вина, — говорится въ ней, — которыя надлежитъ поддѣлывать, онымъ объявлять въ придворной конторѣ пробы, и тѣ вина велѣть купору поддѣлывать». Подъ вѣдѣніемъ келлермейстеровъ находились разные мастерà по части напитковъ и ученики, какъ-то: водочные мастерà съ учениками, купоръ и подкупоры, «корфяной» (пробочный) мастеръ съ ученикомъ и служители для разливанія питій, мытья посуды и исполненія разныхъ служебныхъ потребностей. Для письмоводства состояли при келлермейстерахъ три писаря. Въ «овощныхъ и конфектныхъ палатахъ» хранились запасы чая и сахара, разныя «овощныя и конфектныя принадлежности», а также фарфоровая и «порцилиновая» посуда для кофе и чая. «Кофишенскія», изъ которыхъ одна называлась «большою», а прочія «малыми», находились при дворцахъ лѣтнемъ и зимнемъ. Въ нихъ приготовлялись чай, кофе и шоколадъ, подававшіеся членамъ царскаго семейства и придворнымъ лицамъ по нѣскольку разъ въ день. Наконецъ, при дворцахъ находились кухни: «верхняя, средняя и нижняя». Относительно назначенія каждой изъ нихъ, въ документахъ есть только указаніе, что въ верхней кухнѣ приготовлялись кушанья для особъ высочайшей фамиліи и разныхъ придворныхъ лицъ. Кухнями завѣдовали мундъ-кохи; при нихъ находились кохи, поварà съ учениками и поваренные работники. Кромѣ того, при кухняхъ были брандмейстеръ съ учениками и «шляхтеръ» съ ученикомъ, для приготовленія колбасъ, провѣса и копченія окороковъ, и скатертники.

До провозглашенія принца Ивана Антоновича наслѣдни-

комъ престола, принцесса Анна Леопольдовна имѣла свой особый, отдѣльный отъ императорскаго двора, столъ. Затѣмъ, по указу императора отъ 4-го марта 1740 года, въ «ея комнату» была отпущена серебряная и разная поваренная посуда, а также велѣно было ежегодно отпускать всякіе столовые припасы и питія, которые отпускались отъ придворной и дворцовой конторъ, по требованію ея гофмаршала, князя Черкасскаго. Послѣ низложенія регента Бирона, отдѣльное хозяйство Анны Леопольдовны было прекращено и вошло въ общій составъ придворнаго хозяйства.

Судя по расходнымъ книгамъ, слѣдуетъ, между прочимъ, заключить, что молодая правительница любила плотно покушать. Такъ, въ документахъ находятся свѣдѣнія о припасахъ и кушаньяхъ, предназначавшихся собственно «про обиходъ» ея высочества. Изъ этихъ документовъ оказывается, что ей отпускалось въ день по два каплуна, по шести свиныхъ копченыхъ окороковъ въ недѣлю, а изъ деревни Лиги и стрѣльненской мызы — ловившіяся въ различныхъ прудахъ стерляди и разной величины щуки, карпы, караси и форели, а изъ стрѣльненскаго сада разныя свѣжія оранжерейныя овощи и ягоды. Особенно любимымъ лакомствомъ правительницы были молодые гороховые стручья, которые черезъ день присылались ей изъ Стрѣльны съ нарочнымъ по двѣ тарелки.

Что касается напитковъ, то въ описываемое время употреблялись при дворѣ слѣдующія напитки: водки разныхъ названій, именно: «приказная» и коричневая, приготовленная изъ краснаго вина, не поддѣльная и поддѣльная, первая изъ французскаго вина, а вторая — изъ простого; гданская заморская, гданская «здѣшняго сидѣнья», боярская водка, ратафія, простое вино, французское вино и спиртъ; венгерское: антыльное, ленертовское и доставленное ко двору въ «презентъ» отъ князя Любомірскаго, шампанское, сектетъ, рейнвейнъ, «базаракъ», «корзикъ», «шпанское», наливное, или венгерскій лягиръ; португальское, бѣлое, волошское, бургонское, красное двухъ сортовъ, мозельвейнъ и сладкія вина; пиво, полпиво, медъ, квасъ и кислыя щи. Отпускомъ отъ двора разныхъ напитковъ пользовалось множество лицъ, въ числѣ которыхъ были священники, монахи,

протодіаконъ, прислуга фрейлины Менгденъ, лейбъ-шнейдерша, кафешенки, истопники, серебреники и даже какіе-то люди, «ночевавшіе во дворцѣ для всякихъ приключавшихся опасностей». Смотря по званію лицъ, имъ отпускали разные напитки, начиная отъ «хорошаго» вина и кончая квасомъ. Также расходовались отъ двора: сахаръ, леденецъ, кофе и шоколадъ; эти припасы отпускались дежурнымъ камергерамъ и камеръ-юнкерамъ, фрейлинамъ, «португальскому доктору», «супреденштѣ съ дочерью», «мамзели», карлицамъ, какой-то Катеринѣ Михайловнѣ Муторчиной «съ дѣвченками», «комнатнымъ старушкамъ», «гофмейстеринѣ-иноземкѣ» и другимъ.

Изъ расходныхъ записей по «конфектной палатѣ» видно, что для дессерта при дворѣ употреблялись: конфекты и разнаго рода сласти, плоды, ягоды и орѣхи. Конфекты были или домашняго приготовленія, или покупныя—французскія и италіанскія. Къ первымъ принадлежали: цукербротъ и печеный сладкій и горькій миндаль. Это были «ординарныя» при дворѣ конфекты и заготовлялись каждый мѣсяцъ для ежедневнаго стола. Изъ сластей упоминаются: яблочная пастила, мармеладъ изъ сливъ, инбирь въ патокѣ, «жалей» (желе) изъ ягодъ, варенье изъ померанцевъ, дуль, грушъ, сливъ, вишенъ (черныхъ, красныхъ и бѣлыхъ), «крыжъ-берсеня», барбариса, малины и смородины. Изъ фруктовъ употреблялись: апельсины, персики, фиги, яблоки, виноградъ (астраханскій и чугуевскій), арбузы, дыни, каштаны, орѣхи грецкіе и кедровые, вишни, клубника, малина, «шпаргель» и гороховые стручья.

Заготовленіе столовыхъ припасовъ для двора производилось, какъ замѣчено выше, главною дворцовою канцеляріею и петербургскою дворцовою и придворною конторами. Припасы заготовлялись частью доставкою ихъ ко двору изъ дворцовыхъ имѣній, частію подрядомъ и покупкою. На расходы по придворному столу, высочайшимъ указомъ 1-го августа 1733 года, повелѣно было изъ опредѣленной на содержаніе двора суммы 260,000 рублей отпускать въ петербургскую дворцовую контору «въ прибавокъ къ дворцовымъ временнымъ доходамъ» по 67,215 руб. 49 коп. ежегодно. Должно, однако, замѣтить, что сумма эта требовалась сполна двор-

цовою конторою только до 1736 года; съ этого же года контора, довольствуясь дворцовыми сборами, брала изъ нея ежегодно или половину, или еще меньшія части, такъ что къ январю 1741 года въ дворцовой конторѣ накопилось и подлежало къ отпуску въ дворцовую контору 138,861 р. 96 к.

Въ разсматриваемыхъ нами документахъ находятся весьма подробныя свѣдѣнія о томъ, какимъ способомъ и откуда доставлялись ко двору разные съѣстные припасы, а также и свѣдѣнія объ ихъ стоимости. Такъ, оказывается, что пеклеванная мука, употреблявшаяся при дворѣ и предназначавшаяся собственно для царскаго семейства, доставлялась изъ Лифляндіи, съ дворцовыхъ оберъ-паленскихъ мызъ. Въ мартѣ 1741 года, мызы эти были подарены правительницею своей подругѣ, баронессѣ Юліанѣ Менгденъ и, такимъ образомъ, отошли изъ дворцоваго вѣдомства, а вслѣдствіе этого прекратился и отпускъ ко двору пеклеванной муки. Тогда для дворцовой конторы представилось чрезвычайное затрудненіе по пріобрѣтенію хорошей пеклеванной муки, и ее начали заготовлять въ московскихъ дворцовыхъ вотчинахъ.

Мясные припасы поставлялись ко двору подрядчикомъ «ежедневно, сколько востребуется». Вотъ указанія на цѣны нѣкоторымъ изъ нихъ въ 1740 году: говядина по 1 р. 20 к. за пудъ, баранина 1 р. 30 к. за пудъ, теленокъ 3 руб. штука, барашекъ 1 р., поросенокъ 27 коп., гусь 38 к., индѣйка 1 р. 3 к., кура 25 к.; каплуны по 1,300 штукъ на каждый годъ заготовлялись живыми дворцовою канцеляріею въ смоленскихъ дворцовыхъ волостяхъ. Дичь, какъ уже сообщено выше, заготовлялась придворными охотами и стрѣлками придворнаго вѣдомства. Рыба доставлялась ко двору разными способами: во-первыхъ, съ двухъ дворцовыхъ рыбныхъ промысловъ, Малыковскаго (симбирскаго уѣзда) и Ладожскихъ рядковъ; съ первого привозилась крупная рыба: бѣлуга, осетры и ихъ икра, но привозимой оттуда рыбы не всегда оказывалось въ достаточномъ количествѣ, которое и дополнялось доставкою по подряду. Съ Ладожскихъ рядковъ привозилась ко двору только соленая рыба: сиги, лодоги и сиговая (красная) икра. Во-вторыхъ, рыба получалась у торговцевъ въ самомъ Петербургѣ, какъ, напримѣръ, селедки и «нейногены», навага и палтусы. Въ Псковѣ закупались

снетки «самые добрые и душистые», а въ-третьихъ, рыбу и икру подносили ко двору въ подарокъ съ Урала, отъ Яицкаго казачьяго войска. Въ Ревелѣ закупались привозимые туда на корабляхъ раки и устрицы. Молочные припасы получались, главнымъ образомъ, съ казеннаго скотнаго двора, на которомъ содержалось до 62 коровъ. Кромѣ того, сливки, молоко, сметана и масло русское поставлялось еще, какъ и яица, по подряду. Овощи доставлялись изъ придворныхъ огородовъ и садовъ, а недостающее ихъ количество поставлялось по подряду. Для собственнаго же обихода правительницы Анны Леопольдовны, соленые огурцы заготовлялись въ монастыряхъ Никольско-Угрѣшскомъ и Перервинскомъ до 10 кадокъ. Огурцы высылались также изъ Нижняго-Новгорода. Грибы доставлялись по подряду. Лимоны покупались въ Ригѣ; разныя пряности у петербургскихъ купцовъ, а уксусъ доставлялся по подряду.

Что касается напитковъ, то виноградныя вина закупались у петербургскихъ виноторговцевъ. Вотъ тогдашнія цѣны этихъ винъ въ Петербургѣ: 6 бочекъ оксофтъ съ посудою бѣлаго вина 63 р., бочка хорошаго краснаго 80 руб., рейнвейна 3 бочки оксофты по 88 р. за бочку. Венгерское вино доставлялось ко двору особою комиссіею. Въ 1733 году подполковникъ Вишневскій, родомъ сербъ, обязался впредь на 10 лѣтъ ставить прямо изъ Венгріи, про обиходъ двора, по 150 антылей ежегодно, съ тѣмъ, чтобы придворная контора выдала ему впередъ 20,000 рублей, которые онъ обязывался возвратить по истеченіи 10 лѣтъ, и чтобы вино, остающееся отъ поставки ко двору, отдавать въ его «диспозицію», для вольной и безпошлинной продажи въ Россіи. Придворная контора приняла эти условія, но въ 1740 году такой способъ доставки венгерскаго вина былъ прекращенъ, и высочайшимъ указомъ относительно дальнѣйшей заготовки этого вина повелѣно было: «изыскивать мѣры и лучшіе способы». Въ придворные «фряжскіе» погреба поступали также запасы винъ, сдѣланные знатными придворными лицами. Такъ, 12 февраля 1741 г., были приняты на запасный фряжскій погребъ Густава Бирона и Алексѣя Бестужева-Рюмира вина: венгерское, рейнвейнъ, мозельвейнъ, базаракъ, красное, бѣлое, испанское, португальское, «липецъ», или старый поль-

скій медъ, и вишневка. Простое вино поставлялось ко двору изъ Москвы. Французская водка, заморская гданская и ратафія покупались у петербургскихъ купцовъ. Кромѣ того, водки—между ними и боярская—приготовлялись придворными водочными мастерами. Пиво, полпиво и кислыя щи заготовлялись также придворными мастерами на Сытномъ дворѣ и «въ покояхъ во дворѣ царевича Алексѣя Петровича». Вареніе пива обыкновенно усиливалось, въ виду пріѣзда ко двору «разныхъ персонъ».

XII.

Конюшенное вѣдомство. — Биронъ. — Важное значеніе этого вѣдомства. — Его присутственная камера. — Стоимость его содержанія. — Его штатъ. — Рейтъ-пажи. — Берейторы. — Лейбъ-кучера. — Ихъ мундиры. — Число придворныхъ лошадей. — Лошади, «отписанныя» отъ Бирона. — Экипажи.—Конюшенный дворъ. — Бывшія при немъ мастерскія. — Богатство и разнообразіе «сѣдельной казны». — «Шорная казна». — Сбруя отъ Густава Бирона. — «Шатерная казна». — Оффиціальные выѣзды правительницы.

Однимъ изъ весьма важныхъ отдѣловъ придворнаго управленія было конюшенное вѣдомство, на которое обращалъ особенное вниманіе Биронъ, страстный охотникъ до лошадей. Изъ документовъ видно, что даже самое присутствіе конюшенной конторы, или такъ называвшіяся «судейскія палаты» для засѣданія «господъ присутствующихъ», было отдѣлано съ большою для того времени роскошью. Въ этой палатѣ, въ двухъ комнатахъ были тканые шерстяные обои желтаго и малиноваго цвѣта, цѣнные англійскіе часы, нѣмецкой работы стулья и кресла, обитые трипомъ, и пара большихъ зеркалъ. Въ конюшенной конторѣ присутствовали оберъ-шталмейстеръ, шталмейстеръ и, съ 1739 года, совѣтникъ и 21 канцелярскихъ чиновниковъ и писцовъ. Съ 1733 года, на все придворное конюшенное вѣдомство отпускалось 100,000 рублей ежегодно; одна половина этой суммы шла собственно на придворную конюшенную контору, а другая на дворцовые конскіе заводы. Кромѣ того, отпускалось конюшенному вѣдомству особо на провіантъ по 10,000 рублей въ годъ. При конюшенномъ дворѣ состояли: оберъ-берейторъ, унтеръ-берейторъ, берейторъ, берейторскіе ученики, экипаж-

мейстеръ, футеръ-маршалъ, комиссары, стремянные конюхи, магазейнъ-вахтеры, лекарь, цирульникъ, лейбъ-кучеръ, лейбъ-форейторъ, кучера изъ иноземцевъ, русскихъ кучеровъ разныхъ статей 30 человѣкъ, ѣздовые конюхи, лейбъ-кнехтъ, конюхи изъ иноземцевъ, стряпчіе конюхи — 90 человѣкъ, стадные конюхи, коновалы изъ иноземцевъ, подковщики, шатерный мастеръ, а также разные мастера по живописной, столярной, шорной и экипажной части. Всего же служителей и мастеровъ было 393 человѣка. Кромѣ ихъ, въ составъ конюшеннаго вѣдомства входили еще 6 рейтъ-пажей. О «должностяхъ» ихъ въ конюшенномъ штатѣ 1733 года сказано: «рейтъ-пажи имѣютъ быть изъ шляхетства, которымъ надлежитъ обучиться у берейторовъ въ манежѣ ѣздить на лошадяхъ и самимъ молодыхъ лошадей учить; имъ же надлежитъ и въ прочемъ, что̀ до конюшенныхъ порядковъ и содержанія лошадей касается, оное все примѣчать, и тому обучиться, дабы со временемъ сами въ томъ искусны могли быть; они-жъ должны обучены быть какъ чужестраннымъ языкамъ, ариѳметикѣ, географіи, такъ и прочимъ наукамъ и экзерциціямъ; при томъ должны они, рейтъ-пажи, содержать себя порядочно и честно, какъ добрымъ и честнымъ людямъ надлежитъ. Когда же они, рейтъ-пажи, порядочно продолжать свою бытность и совершенно обучатся, то могутъ оные всемилостивѣйше награждены и произведены быть въ унтеръ-шталмейстеры и въ прочіе чины по своему достоинству, а если при конюшнѣ мѣста для произведенія не случится, то оные имѣютъ опредѣлены быть, по ихъ достоинству, въ кавалерію въ оберъ-офицеры, а именно въ прапорщики и въ поручики».

Одежда, или «мундиръ», рейтъ-пажей, лейбъ-кучера, лейбъ-форейтора, кучеровъ, форейторовъ и ѣздовыхъ конюховъ была, по штату 1733 года, слѣдующая: кафтаны зеленаго сукна съ красными обшлагами, штаны изъ того-же сукна, камзолы и епанчи краснаго сукна, пуговицы мѣдныя, золоченыя у рейтъ-пажей, лейбъ-кучера и лейбъ-форейтора, у остальныхъ просто мѣдныя. Обувь: у лейбъ-кучера чулки гарусные красные и башмаки, у рейтъ-пажей и у форейтора сапоги на китовыхъ усахъ со шпорами, шляпы съ золотымъ позументомъ и перчатки. Въ 1739 году, цвѣтъ мундира былъ

измѣненъ, а именно кафтаны и епанчи велѣно было дѣлать изъ желтаго сукна, а камзолы изъ чернаго. Въ 1740 году, по случаю кончины императрицы Анны Ивановны, упомянутые конюшенные служители носили одежду чернаго цвѣта. По окончаніи же траура были возстановлены мундиры, положенные по штату 1733 года.

Число придворныхъ лошадей было весьма значительно. Къ 28-му марта 1741 года содержалось на конюшенномъ дворѣ: манежныхъ 35, дамскихъ 14, сѣдельныхъ 14, цуговыхъ — главныхъ 52 и полевыхъ разъѣзжихъ 181, каретныхъ 20, одиночныхъ 40, линейныхъ 3, «малаго рода» 7, приведенныхъ изъ Риги: жеребцовъ 10 и клеперовъ 3, всего 379. Кромѣ того, на томъ же дворѣ находилось въ ту пору 9 верблюдовъ. Придворныя конюшни пополнялись, главнымъ образомъ, лошадьми дворцовыхъ конскихъ заводовъ, а также купленными и конфискованными. Такъ, въ 1741 году принята была туда изъ отписанныхъ у герцога Курляндскаго Бирона и его брата Густава 31 лошадь; въ числѣ ихъ былъ вороной испанскій жеребецъ «Фаворитъ», подаренный правительницею графу Миниху.

Что касается придворныхъ экипажей, то къ концу марта 1741 года ихъ числилось: каретъ 27, берлиновъ 6, колясокъ городскихъ одноперсонныхъ и двухперсонныхъ 23, колясокъ четырехмѣстныхъ 13, ягдвагенъ 1, колясочекъ огородныхъ 6, одноколокъ 7, линей лѣтнихъ 17 и одна зимняя, возковъ 8, саней городскихъ 65, колясочекъ дорожныхъ 49, саней дорожныхъ 84, фурмановъ 17, фуръ 22, колышекъ (двухколесокъ) 5, паквагеновъ 16, «палубъ» 7, «саней болковней» 67 и качалокъ 4. Въ числѣ выѣздныхъ каретъ находились: «цесарская малая», берлинская одноперсонная, парижская большая, новая, подвезенная бывшимъ герцогомъ курляндскимъ, шафировская, «короскопея» — общая малиновая бархатная, съ золотымъ позументомъ, «бондевская», «карета съ золочеными полями» и рѣзьбою, обитая малиновымъ бархатомъ съ шелковыми желтаго цвѣта бахромою и тесьмою, и карета «саксонская» двухперсонная.

Въ 1741 году, въ мастерскихъ конюшеннаго двора сдѣлана была, между прочимъ, дѣтская колясочка для императора; внутри она была обита малиновымъ бархатомъ и вы-

ложена въ два ряда золотымъ позументомъ, снаружи была живопись по золоту, въ серединѣ вензелевое имя императора, пазы были обшиты малиновымъ бархатомъ съ золотымъ позументомъ, колеса и станокъ зеленые. Для него же былъ сдѣланъ «ходячій стулецъ» на мѣдныхъ колесцахъ, покрытый бархатомъ, дерево же было вызолочено червоннымъ золотомъ.

Въ 1741 году, на конюшенный дворъ принятъ былъ принадлежавшій бывшему герцогу курляндскому полуберлинъ, обитый краснымъ сукномъ и бѣлою нитяною тесьмою; полость суконная красная, подложенная лисьимъ мѣхомъ, а кругомъ обложенная собольимъ хвостомъ; посрединѣ полости былъ вензель князя Долгорукаго, обложенный узкимъ серебрянымъ позументомъ съ четырьмя на шелку серебряными кистями.

Съ конюшеннаго двора отпускались разнымъ лицамъ городскіе и загородные экипажи.

Особеннымъ богатствомъ и разнообразіемъ отличалась такъ называвшаяся «сѣдельная казна». Въ ней, между прочимъ, хранились: 65 богатыхъ выходныхъ бархатныхъ сѣделъ, шитыхъ золотомъ и серебромъ, также были вышиты и разъѣзжія суконныя сѣдла; персидское сѣдло, оправленное золотомъ; китайское — оправленное мѣдью; бархатныя, шитыя серебромъ и золотомъ сѣдла для придворныхъ кавалеровъ. Въ сѣдельной казнѣ хранились также: 5 мундштуковъ съ сплошнымъ золотымъ наборомъ, были также 31 мундштукъ съ серебрянымъ вызолоченнымъ наборомъ, трензеля серебряные и золотые, наметы на сѣдла бархатные, шитые серебромъ и золотомъ и отдѣланные кружевами «понть деспаніе». Туда же поступили и дорогіе конскіе уборы, конфискованные въ 1741 году у Густава Бирона; въ числѣ этихъ вещей была верховая сбруя, отдѣланная финифтью, хрусталемъ, бирюзою, золотомъ и серебромъ, яшмою, и сѣдло съ китайскою рѣзьбою. Находившіеся на нѣкоторыхъ вещахъ бироновскіе гербы были замѣнены россійскими.

При сѣдельной казнѣ, въ 1741 году, между прочимъ, хранилось старинное оружіе: ружья, сайдаки, латы, палаши, сабли и «прочія другія вещи, къ конюшенному двору не подлежащія», а также чучело лошади императора Петра I — «Лизетки», со всѣмъ къ ней приборомъ, «какъ была подъ

Полтавой». Но въ этомъ же году старинныя вещи были отправлены въ московскую оружейную палату, а чучело «Лизетки» было сдано въ кунстъ-камеру при академіи наукъ.

Шорная казна была также разнообразна; тамъ между прочею упряжью были бархатныя барсовыя попоны и чубы, украшенные золотомъ, и сѣтка на садовую лошадку изъ «цѣвочнаго шелку». Отобранная при конфискаціи имущества Густава Бирона конская сбруя значительно умножила шорную казну; такъ, между прочимъ, въ нее поступили 6 бобровыхъ попонъ.

Въ «шатерной казнѣ» находились: ставки, палатки, «галдареи», «киса персидская», наметы, калмыцкія кибитки, походныя отхожія мѣста, полы дворовые и парусинные, стулья походные, шпалеры и складной кожаный столъ. Въ августѣ 1741 года, изъ шатерной казны отпущена была тайному совѣтнику Татищеву, отправлявшемуся по именному указу «для нѣкоторой калмыцкой комиссіи и для успокоенія калмыцкаго народа», палатка петербургской работы, съ условіемъ, чтобы она была возвращена на конюшенный дворъ въ цѣлости, по окончаніи означенной комиссіи.

Въ разсматриваемыхъ нами, нынѣ изданныхъ документахъ находятся свѣдѣнія объ оффиціальныхъ выѣздахъ правительницы Анны Леопольдовны и ея супруга. Такъ, встрѣчается извѣстіе о посѣщеніяхъ академіи наукъ принцемъ Антономъ съ братомъ его Людвигомъ и особо правительницею. О посѣщеніи академіи этою послѣднею сообщалось слѣдующее: «Въ прошлую субботу (10-го октября 1741 года), послѣ полудни, изволила ея императорское высочество, наша всемилостивѣйшая государыня великая княгиня, быть въ академіи наукъ, и изволила смотрѣть какъ работы разныхъ художниковъ, также и библіотеку, кунстъ-камеру и кабинетъ съ дорогими вещами и медалями, и притомъ, оказывая высочайшее свое удовольствіе о изрядномъ оныхъ расположеніи, пожаловать въ кунстъ-камеру присланный въ подарокъ отъ персидскаго шаха Надыра, между прочими дорогими вещьми, дорогой жемчугомъ и алмазами украшенный поясъ супруги Великаго Могола».

Изъ частныхъ лицъ правительница, какъ слѣдуетъ заключить изъ сохранившихся объ этомъ свѣдѣній, посѣщала

только семейство графовъ Минихъ. Такъ, 16-го декабря 1740 года, она прибыла въ домъ генералъ-фельдмаршала въ сопровожденіи своего многочисленнаго придворнаго штата. Въ 1741 году, 16-го февраля, у Миниха «пребогатый трактаментъ былъ. Ея императорское высочество государыня великая княгиня и правительница всея Россіи соизволила при семъ случаѣ высочайшимъ своимъ посѣщеніемъ его высокографское сіятельство генералъ-фельдмаршала пополудни почтить, и до восьми часовъ вечера со всякимъ удовольствіемъ въ домѣ его высокографскаго сіятельства забавиться благоволила». Въ томъ же 1741 году, 9-го мая, по случаю празднованія фельдмаршаломъ дня своего рожденія, были въ домѣ его богатый ужинъ и балъ, а затѣмъ, 11-го мая, происходило крещеніе дочери гофмейстера, графа Миниха. Объ этихъ празднествахъ напечатано: «его высокографское сіятельство, господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ фонъ-Минихъ, для случившагося торжественнаго дня своего рожденія, въ которомъ его высокографское сіятельство на 59 лѣто старости своей счастливо вступилъ, трактовалъ прошлой субботы, т. е. 9-го числа сего мая, въ домѣ своемъ на Васильевскомъ острову многихъ знатнѣйшихъ персонъ, также придворныхъ дамъ и кавалеровъ, пребогатою ужиною, за которою италіанскій концертъ и балъ слѣдовалъ. Ея императорское высочество государыня великая княгиня и правительница всея Россіи соизволила, для сего случая, его высокографское сіятельство, господина генералъ-фельдмаршала, золотою, брильянтами богато украшенною табакеркою всемилостивѣйше пожаловать». 7-го ноября 1741 года, наканунѣ годовщины вступленія Анны Леопольдовны въ правленіе имперіею, она, въ сопровожденіи своего мужа и его брата, принца Людвига, посѣтила фельдмаршала и «какъ о италіанской музыкѣ и послѣ того учрежденномъ балѣ и о ужинѣ изволила показывать свое всемилостивѣйшее удовольствіе».

12-го сентября 1741 года, правительница присутствовала при торжественной закладкѣ 80-ти пушечнаго корабля въ петербургскомъ адмиралтействѣ.

XIII.

Печальная комиссія по погребенію императрицы Анны Ивановны.—Ея продолжительность и помѣщеніе.—Ея личный составъ.—Заготовленіе траурныхъ матерій и прочихъ вещей.—Цѣловальники.—Траурное убранство дворцовъ.—Устройство пути для погребальной процессіи.—Разсылка повѣстокъ.—Сумма расходовъ на погребеніе императрицы.—Составленіе церемоніала.—Объявленіе о трауръ.—Обязательное и необязательное его ношеніе.—Траурное одѣяніе принцессы Анны Леопольдовны, цесаревны Елизаветы Петровны и принца Антона-Ульриха.—Трауръ для дамъ первыхъ 8-ми классовъ.—Запрещеніе вѣнчать свадьбы.—Отпускъ денегъ на трауръ.—Понужденіе дамъ сшить траурныя платья.

Переходимъ теперь къ послѣднему отдѣлу изданныхъ документовъ — къ свѣдѣніямъ о «печальной комиссіи», учрежденной для распоряженій по погребенію императрицы Анны Ивановны. Засѣданія этой комиссіи начались 23-го октября 1740 года и продолжались до конца слѣдующаго года. Въ первые два мѣсяца дѣятельность «печальной» комиссіи заключалась въ установленіи общаго траура по покойной государынѣ и приготовленіи къ ея погребенію, во весь же 1741 годъ—въ разборкѣ сооруженій, устроенныхъ для погребальной церемоніи, уборкѣ матеріаловъ, раздачѣ медалей и денежныхъ наградъ и, наконецъ, въ приготовленіи дѣлъ къ сдачѣ.

Печальная комиссія помѣщалась въ старомъ Лѣтнемъ дворцѣ, въ одной изъ отведенныхъ для нея комнатъ былъ «судейскій столъ», т. е. помѣщалось присутствіе, а въ другой было поставлено нѣсколько «подъяческихъ столовъ», т. е. канцелярія. Для очищенія воздуха въ комнатахъ зажигались «благоуханныя свѣчи». При комиссіи находился постоянный военный караулъ подъ начальствомъ ефрейтора.

Въ составъ печальной комиссіи входили: присутствующіе, канцелярскіе чины, комиссары, «купчины», цѣловальники, лица, состоявшія при изготовленіи потребныхъ для печальной комиссіи предметовъ, разсыльные и служители. Присутствующими членами комиссіи были назначены, отъ имени императора Іоана III, за оберъ-церемонимейстера генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ-Люберасъ и за унтеръ-церемонимейстеровъ — совѣтники Эмме и Генингеръ. Указъ объ учрежденіи этой комиссіи былъ подписанъ регентомъ. Канцелярскіе чины, собранные изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ,

были присланы въ комиссію сенатомъ. Отъ комиссіи они получали помѣщеніе и столъ, а также и напитки. Денежноприходною частью завѣдовалъ комиссаръ. Заготовленіе покупкою траурныхъ матерій и прочихъ вещей поручено было сперва двумъ русскимъ купцамъ, командированнымъ въ комиссію, которые по ихъ должности въ комиссіи назывались «купчинами». Такъ какъ вскорѣ потребовалась покупка и заграничныхъ вещей, то въ комиссію былъ опредѣленъ одинъ петербургскій купецъ изъ иноземцевъ; для храненія пріобрѣтаемыхъ вещей были назначены изъ мѣстнаго купечества «цѣловальники». Для изготовленія траурныхъ уборовъ и платья были отряжены отъ гвардейскихъ полковъ офицеры. У каждаго изъ нихъ была въ командѣ особая часть. Траурное убранство дворцовъ, отдѣлка трона, балдахиновъ, катафалка, разрисовка знаменъ, золоченіе латъ и другія подобныя тому работы состояли въ завѣдованіи придворнаго живописца Каравака, при которомъ состояли живописцы, маляры, лакировщики, скорняки, столяры, скульпторы, мастера «статуйнаго дѣла» и «колокольнаго игранія» и золотошвейки. Для устройства пути печальной процессіи, катафалка, камеры и могилы, а также для другихъ работъ въ Петропавловскомъ соборѣ, были командированы архитекторы и «архитектурные подмастерья», «кроватный мастеръ», кондукторы и геодезистъ, состоявшіе у сочиненія чертежей. Всѣ эти лица, а также и рабочіе, получали особое жалованье и содержаніе отъ дворцовой конторы. Для разсылокъ были назначены отъ главнаго дежурства при дворѣ гвардейцы изъ дворянъ, которые прежде этого въ придворныхъ комиссіяхъ бывали. Для разсылки же съ повѣстками къ особамъ первыхъ 5-ти классовъ присланы изъ шляхетскаго кадетскаго корпуса поручикъ, капралъ и каптенармусъ. Вся сумма, израсходованная на погребеніе императрицы Анны Ивановны, простиралась до 64,000 рублей; изъ нихъ главный расходъ, въ количествѣ 45,000 рублей, былъ произведенъ на покупку траурныхъ матерій: бархата, сукна, тафты, фланели и т. д. При составленіи погребальнаго церемоніала, комиссія приняла за образецъ церемоніалъ погребенія Петра I, а потому обращалась, по мѣрѣ надобности, въ различныя учрежденія за свѣдѣніями объ этомъ церемоніалѣ. Такъ, отъ военной коллегіи

требовала она свѣдѣній о военныхъ почестяхъ, отъ Синода — о церковныхъ приготовленіяхъ, отъ придворной конторы — о распоряженіяхъ, бывшихъ по этому случаю при дворѣ.

Особыя объявленія о траурѣ были напечатаны отъ имени комиссіи въ типографіи академіи наукъ, на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, и были выставлены въ «пристойныхъ» мѣстахъ для всеобщаго свѣдѣнія. Трауръ былъ назначенъ на цѣлый годъ, съ распредѣленіемъ на четыре квартала, съ подраздѣленіемъ послѣдняго, тоже трехмѣсячнаго, на два шестинедѣльные срока. Особый трауръ былъ назначенъ для принцессы Анны Леопольдовны, ея мужа и цесаревны Елизаветы Петровны. Общій трауръ былъ обязателенъ для «персонъ» первыхъ 8-ми классовъ и предоставлено ношеніе его лицамъ обоего пола всѣхъ званій, «кто пожелаетъ». Трауръ былъ опредѣленъ весьма подробно, какъ относительно качества матерій и покроя платья, такъ и прочихъ принадлежностей одежды.

Вотъ какъ было описано въ объявленіи комиссіи траурное одѣяніе принцессы Анны Леопольдовны и цесаревны Елизаветы Петровны: «Въ теченіе перваго квартала глубокій трауръ: ратинные печальные кафтаны съ узкимъ воротомъ и рукавами, съ широкими плёрезами около воротника, рукавовъ и крагена; шлейфъ въ 4 аршина; головной уборъ изъ черняго крепа съ черною глубокою повязкою и съ двойнымъ печальнымъ капоромъ; перчатки и муфы (муфты), пахала (вѣеры), чулки и башмаки черные. Въ день погребенія или когда къ тѣлу ея императорскаго величества пріѣзжать изволятъ, имѣть на головѣ большую креповую каппу, такъ, чтобы все платье закрыло». Во второй кварталъ тотъ же уборъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что рукава должны быть «двойные», а капоръ — «одинакій». Въ третій кварталъ носить «самары» изъ гладкаго сукна безъ плёрезовъ; головной уборъ черный батистовый съ узкими «снипами и граворомъ», муфы, пахала и башмаки бѣлые съ чернымъ. Въ четвертый кварталъ, первыя 6 недѣль носить камеръ-трауръ: шелковое черное платье, головной уборъ и «ангажанты» изъ бѣлаго флера, пахала и перчатки бѣлыя; въ слѣдующія же 6 недѣль — полутрауръ: шелковое черное платье, головной уборъ и ангажанты кружевные съ черными лентами.

Въ трауръ принца Антона-Ульриха, состоявшаго главнымъ образомъ изъ чернаго кафтана, замѣчательно то, что въ первомъ кварталѣ на его кафтанъ полагались крючки, вмѣсто пуговицъ, во второмъ кварталѣ ему было назначено только четыре пуговицы «до пояса», и только въ четвертомъ кварталѣ ему возвращены были всѣ пуговицы. Шпага его отличалась особымъ трауромъ. Въ первомъ и во второмъ кварталахъ она была обшита чернымъ ратиномъ, въ третьемъ онъ долженъ былъ носить «синюю» и въ четвертомъ «бѣлую» шпагу.

Для дамъ первыхъ 5-ти классовъ была установлена общая траурная одежда, съ тою только разницею, что шлейфы были у первыхъ двухъ классовъ въ 2 аршина, у третьяго въ $1^1/_2$ и у четвертаго и пятаго въ 1 аршинъ. При выѣздахъ со двора они обязаны были надѣвать капоры изъ флера, которымъ лицо было бы завѣшено. Дамамъ 6-го и 7-го классовъ такое же платье «шириною противу мужскихъ персонъ по классамъ», а 8-го класса черное «ординарное» платье. Для мужскихъ персонъ трауръ былъ также раздѣленъ по классамъ. Трауръ состоялъ, между прочимъ, въ кафтанахъ суконныхъ «безъ шишекъ» и въ галстухахъ, «напередъ завязанныхъ». Первые два класса обязаны были обить трауромъ экипажи и по одной «камерѣ», а на лошадяхъ имѣть траурные попоны, длиною отъ земли 6 вершковъ. На лошадяхъ у придворныхъ кавалеровъ попоны полагались «до колѣна, ибо оные въ градусѣ печальномъ передъ другими преимущество имѣютъ». Наконецъ, послѣднiй пунктъ объявленія, обнародованнаго комиссіею, заключаетъ указаніе объ употребленіи траура всѣмъ вообще лицамъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «всѣмъ мужска и женска полу, кто бъ какого званія ни былъ, во время траура въ ординарномъ черномъ платьѣ ходить позволяется».

Вскорѣ послѣ объявленія о трауръ, кабинетъ его величества препроводилъ въ синодъ слѣдующее сообщеніе: «Его императорское величество указалъ отъ времени преставленія блаженныя и вѣчнодостойныя памяти ея императорскаго величества, считая впредь четверть года, въ С.-Петербургѣ никакихъ свадебъ не вѣнчать и о томъ во всѣхъ церквахъ тотчасъ съ запрещеніемъ объявить. О чемъ чрезъ сіе св. Синоду сообщается для исполненія. Ноября 4-го дня 1740 г.».

Трауръ приготовлялся для Анны Леопольдовны печальною комиссіею, а цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ было отпущено на этотъ предметъ 6,000 рублей изъ «соляной суммы». Трауръ лицамъ женскаго пола, состоявшимъ или только жившимъ при дворѣ, а также и придворнымъ служителямъ, заготовлялся на счетъ дворцоваго вѣдомства; то же было сдѣлано и въ отношеніи придворнаго духовенства, для котораго было сшито траурное платье «обыкновенное по званіямъ». Для «дневанья» при гробѣ императрицы были сдѣланы траурныя «епанчи» съ долгими шлейфами. Для непридворныхъ дежурныхъ дамъ траурнаго отъ казны платья не полагалось, но онѣ обязаны были шить его на свой счетъ. Такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ не являлись на «дневанье», отговариваясь тѣмъ, что траурное платье еще не готово, то комиссія черезъ главную полиціймейстерскую канцелярію объявила этимъ дамамъ, «дабы у оныхъ, по силѣ выданнаго передъ симъ печатнаго объявленія, траурное платье сдѣлано было въ возможной скорости, такъ какъ», говорилось въ томъ сообщеніи — «нѣкоторыя дамы, къ немалому удивленію, при повѣсткѣ имъ о прибытіи на дневанье объявили, что у нихъ платье еще не сдѣлано». Затѣмъ комиссія вновь сообщила упомянутой канцеляріи о подтвержденіи тѣмъ дамамъ «пристойнымъ образомъ», чтобы онѣ «неотмѣнно приготовили траурное платье ко дню перенесенія тѣла ея величества въ Петропавловскій соборъ». Комиссія распорядилась также о томъ, чтобы придворные экипажи были обиты снаружи черною «съ шишками», а внутри черною фланелью.

XIV.

Траурное убранство стараго Лѣтняго дворца. — Опочивальня государыни. — Залы малый и «фюнеральный», или «печальный». — Гробъ императрицы. — «Эпитафіумъ». — Тронъ. — Присяга императору и торжественная панихида. — Одежда покойницы. — Башмачки. — Перенесеніе тѣла государыни въ малый залъ. — Парадная кровать. — Положеніе тѣла въ гробъ и перенесеніе его въ «фюнеральный» залъ. — Отдѣлка и обстановка этого зала. — Царскія регаліи. — Смотрѣніе тѣла. — Многочисленность посѣтителей. — Личный составъ процессіи. — Высылка изъ провинціи для участія въ ней знатнаго шляхетства. — Запрещеніе выѣзда изъ Петербурга лицамъ, назначеннымъ въ процессію. — Заготовка разныхъ предметовъ. — Убранство Петропавловскаго собора. — Вырытіе могилы. — Особыя распоряженія.

Въ старомъ Лѣтнемъ дворцѣ, гдѣ стояла тѣло императрицы, во всѣхъ аппартаментахъ стѣны, потолки и полы были обиты чернымъ сукномъ; печи, зеркала и ширмы обтянуты черною фланелью, изъ нея же были сдѣланы чехлы на столовые часы, столы, стулья, а также занавѣсы надъ дверями и окнами, съ перевязями изъ бѣлыхъ и черныхъ лентъ; стѣнные шандалы были покрыты чернымъ флеромъ, двери подъѣздовъ и самые подъѣзды обиты чернымъ сукномъ съ бантами изъ чернаго флера и бѣлой кисеи. Особенно богато отдѣланы были въ этомъ дворцѣ опочивальня государыни, «малый» залъ и «фюнеральный», или «печальный», залъ. Стѣны опочивальни, обитыя до того серебрянымъ муаре, покрыты были штофомъ малиноваго цвѣта, изъ этого же штофа были сдѣланы занавѣсы надъ дверями и окнами; полъ обитъ былъ зеленымъ сукномъ. Въ маломъ залѣ, также роскошно убранномъ, была поставлена вновь сдѣланная придворнымъ «кроватнымъ» мастеромъ Рожбартомъ «парадная кровать», штофная малиновая, съ балдахиномъ, отдѣланнымъ серебрянымъ позументомъ съ бахромою. Въ этомъ залѣ поставленъ былъ дубовый гробъ, сдѣланный столярныхъ дѣлъ мастеромъ, французомъ Мишелемъ, безъ торга за 100 рублей; въ опредѣленіи комиссіи о выдачѣ Мишелю этой суммы, между прочимъ, сказано: «понеже при таковыхъ случаяхъ и у партикулярныхъ людей за то дается по требованіямъ мастеровъ безъ ряды». Гробъ былъ обитъ золотою парчею и серебрянымъ позументомъ. Внутри онъ былъ обитъ бѣлымъ нѣмецкимъ атласомъ. Въ «фюнеральномъ» залѣ стѣны были обтянуты чернымъ сукномъ, верхи же

стѣнъ, около потолка, были убраны бѣлою кисеею, надъ окнами и дверями были повѣшены черные суконные занавѣсы на тафтяной подкладкѣ, обшитые горностаемъ. По сторонамъ залы были разставлены портреты и гербы. Здѣсь же была помѣщена «рѣзная фигура» на пьедесталѣ. Первоначально предполагалось устроить вмѣсто нея «эпитафіумъ», въ формѣ ящика, вышиною въ 7, шириною въ 5 аршинъ, на которомъ «начертать описаніе» — вѣроятно, дѣяній покойной государыни. Посреди залы возвышалось особое мѣсто — «тронъ», съ балдахиномъ изъ бархата кармазиннаго цвѣта; сперва цвѣтъ этотъ хотѣли замѣнить чернымъ, роскошно обложеннымъ золотымъ травчатымъ позументомъ и украшеннымъ золотою бахромою и такими же кистями. Балдахинъ этотъ былъ установленъ на серебряныхъ штангахъ. Ступени трона были обиты бархатомъ, также кармазиннаго цвѣта, и обшиты широкимъ золотымъ позументомъ. Полъ вокругъ трона былъ выстланъ сукномъ кармазиннаго цвѣта, а отъ выходной двери зала по лѣстницѣ и крыльцу было постлано черное сукно. Въ этомъ же дворцѣ была отведена комната кавалерамъ и дамамъ, дежурнымъ при тѣлѣ императрицы.

На другой день послѣ кончины государыни, 18 октября 1740 года, въ одиннадцатомъ часу ночи, вслѣдъ за объявленіемъ въ Старомъ лѣтнемъ дворцѣ объ этомъ событіи и воспріятіи всероссійскаго престола внукомъ ея, «наслѣднымъ великимъ государемъ Іоанномъ III», въ придворной церкви императора, въ присутствіи высочайшихъ особъ, министрами, членами синода, сенатомъ и генералитетомъ была принесена присяга новому императору, а затѣмъ бывшими въ то время въ Петербургѣ архіереями, вмѣстѣ съ архимандритами и высшимъ духовенствомъ, совершена была по усопшей императрицѣ «торжественная панихида», послѣ которой у тѣла ея началось чтеніе евангелія. Затѣмъ повседневно отправлялись здѣсь панихиды очередными архіереями и архимандритами.

Для покойной императрицы изготовлена была слѣдующая одежда: «шлафоръ» изъ серебряной парчи на бѣлой тафтѣ и такая же «роба», украшенная серебрянымъ шнуромъ и широкими бѣлыми лентами; «башмачки», убранные широкими

бѣлыми и желтыми лентами. Относительно этихъ башмачковъ въ расходной книгѣ цальмейстерской конторы записано: «24 октября 1740 года, куплены двои рукавицы бѣлыя лайковыя, по 40 копѣекъ за каждыя, для дѣла на тѣло блаженныя и вѣчнодостойныя памяти ея императорскаго величества башмачковъ». Кромѣ того, было приготовлено «одѣяло» изъ пунцоваго бархата, обшитое золотымъ позументомъ. На всю одежду, вмѣстѣ съ одѣяломъ, или покровомъ, израсходовано было изъ суммъ соляной конторы 494 руб. 80 коп.

16 ноября, въ 4 часа по полудни, по отслуженіи въ придворной церкви императора торжественной панихиды, тѣло императрицы изъ опочивальни было перенесено въ малый залъ и положено на вышеописанную «парадную кровать», гдѣ и оставалось до 16 декабря. При тѣлѣ все время стоялъ почетный караулъ изъ 31 гвардейца; въ числѣ ихъ было 18 рейтаровъ, вмѣсто «драбантовъ».

16 декабря, въ 5 часовъ по полудни, тѣло императрицы было положено въ приготовленный гробъ, перенесено генералитетомъ въ «фюнеральный» залъ и поставлено на «тронъ». У гроба была положена «епанча» — императорская мантія изъ золотой парчи «гласе», подложенная горностаевымъ мѣхомъ и ушитая золотымъ шнуромъ съ шестью золотыми кистями. На ступеняхъ трона поставлено было 12 большихъ серебряныхъ подсвѣчниковъ со свѣчами изъ бѣлаго воска, украшенныхъ клеймами и гербами. По обѣимъ сторонамъ трона, на 10 золотыхъ табуретахъ, обитыхъ кармазиннымъ бархатомъ съ золотымъ галуномъ и такою же бахрамою, на пуховыхъ подушкахъ изъ золотой парчи съ золотыми кистями, положены были императорскія регаліи: императорская корона, сдѣланная въ Петербургѣ собственно для этого случая, и доставленныя изъ Москвы изъ тамошней мастерской и оружейной палаты древнія короны: казанская, астраханская и сибирская, императорскій скипетръ, «глобусъ», или держава, и четыре государственныхъ меча. По установкѣ гроба была совершена торжественная панихида. Еще до перенесенія тѣла императрицы въ «фюнеральный» залъ, печальною комиссіею 16 ноября, черезъ главную полицейскую канцелярію, было объявлено, что съ этого числа ежедневно, съ 9 часовъ утра передъ полуднемъ до 9 часовъ по полудни,

всѣ будутъ допускаемы «къ смотрѣнію тѣла» усопшей государыни; а 16 декабря послѣдовало новое объявленіе о томъ, что съ этого дня «всякаго чина люди, кромѣ самыхъ подлыхъ, будутъ ежедневно допускаться въ фюнеральный залъ. О значительномъ числѣ посѣтителей, являвшихся въ упомянутый залъ, можно заключить изъ того, что крыльцо, черезъ которое они проходили, было дважды обиваемо, такъ какъ оно «отъ многаго народу все было изодрано»,

Съ первыхъ дней открытія своихъ дѣйствій, печальная комиссія приступила къ составленію списковъ лицъ, долженствовавшихъ участвовать какъ въ процессіи перенесенія тѣла усопшей императрицы изъ Лѣтняго дворца въ Петропавловскій соборъ, такъ и при самомъ погребеніи. Изъ синода доставлены были списки духовенства, находившагося въ Петербургѣ; изъ сената — списки «состоявшихъ не у дѣлъ» военныхъ и статскихъ особъ первыхъ 5-ти классовъ, дамъ всѣхъ 8-ми первыхъ классовъ и дочерей особъ первыхъ 5-ти классовъ, которыя «въ процессіи быть могутъ». Изъ военнаго вѣдомства — списки штабъ и оберъ-офицеровъ и ихъ женъ — только штабъ-офицеровъ арміи, а по гвардейскимъ полкамъ — и капитановъ и капитанъ-поручиковъ; присланы были также списки изъ адмиралтейства, коллегій, академіи наукъ, медицинской канцеляріи и ратуши, о русскихъ и иноземныхъ купцахъ. Кромѣ лицъ, назначенныхъ по этимъ спискамъ, печальная комиссія отнеслась въ сенатъ о высылкѣ къ 10-му числу декабря въ Петербургъ «отъ россійскаго знатнаго шляхетства» изъ Новгородской губерніи и Псковской провинціи до 40 человѣкъ, отъ Лифляндскаго и Эстляндскаго княжествъ по 8-ми человѣкъ, отъ купечества: изъ городовъ Риги 5 человѣкъ, Выборга 4, Ревеля 5, Дерпта и Пернова по 2, Нарвы 5 и Аренсбурга 2 человѣка. Предписывалось выслать всѣхъ этихъ лицъ съ посланными за ними курьерами «неотложно, не пріемля никакихъ отговорокъ». За недостаткомъ пажей были командированы кадеты. Классным чинамъ, военнымъ и статскимъ, запрещено было выѣзжать изъ Петербурга до дня погребенія ея величества. Для лицъ, долженствовавшихъ участвовать въ процессіи, сшито было 1238 черныхъ епанчей. Для двухъ герольдовъ была сшита особая одежда, «сообразно новоустановленной ливреѣ по цвѣту

государственнаго герба, т. е. золотая съ чернымъ». Живописцу Караваку заказано было сдѣлать: черныя знамена, одно большое и нѣсколько малыхъ изъ черной тафты съ государственными гербами; цвѣтное знамя, называемое тоже «бѣлымъ», съ государственнымъ же гербомъ, и 335 траурныхъ гербовъ, писанныхъ на жести. Адмиралтействъ-коллегія должна была заготовить, на счетъ комиссіи, штандартъ и флагъ. Потребованы были въ комиссію изъ Александроневскаго монастыря для рыцарей черныя и золоченыя латы, бывшія въ употребленіи при погребеніи Петра I, а также и протазаны съ кистями. Факеловъ было заготовлено 2050 штукъ.

Въ похоронной процессіи должны были участвовать, между прочими, и два коня: «фрейденъ-пфердъ» — парадная лошадь, для которой былъ сдѣланъ богатый «наметъ» изъ желтаго бархата съ вышитыми гербами и вензелями подъ коронами, и «лейбъ-пфердъ» — строевая лошадь, для которой было приготовлено вышитое сѣдло. Для перевозки гроба исправлены были Каравакомъ сани, употреблявшіяся при прежнихъ церемоніяхъ; сани эти были обиты чернымъ бархатомъ съ золотымъ позументомъ. На восемь лошадей, назначенныхъ везти эти сани, сдѣланы траурныя покрывала и капоры изъ чернаго бархата. Для кучеровъ и конюховъ, въ числѣ 45 человѣкъ, была сшита черная суконная одежда.

Съ 23-го ноября занялись устройствомъ пути, по которому назначено было шествіе печальной процессіи; перила на мостахъ были покрыты траурными покрывалами, весь путь былъ усыпанъ ельникомъ и пескомъ, а на Невѣ была проложена широкая дорога, улитая для ровности водою и потомъ усыпанная пескомъ; по сторонамъ этой дороги было уставлено до 500 елокъ.

Въ убранствѣ Петропавловскаго собора, начавшемся еще съ 26-го октября, участвовали живописцы, скульпторы, рѣзчики, токари, золотыхъ дѣлъ мастерà, паяльщики, обойщики, маляры, столяры, портные, кузнецы и плотники, и къ половинѣ декабря число всѣхъ этихъ рабочихъ доходило до 500 человѣкъ. Работы въ соборѣ производились и днемъ, и ночью. Стѣны его, плафонъ и пилястры, хоры и двери, были обиты чернымъ съ плёрезами изъ бѣлыхъ лентъ и фестонами изъ кисеи. Завѣсы въ царскихъ вратахъ были

сдѣланы изъ черной шелковой матеріи, полъ и крыльцо были обиты чернымъ сукномъ.

Въ срединѣ собора, для постановки гроба, былъ устроенъ катафалкъ, украшенный различными орнаментами. Въ барельефѣ былъ помѣщенъ портретъ покойной императрицы, а на капителяхъ алебастровые «головы», «девизы», «гербы», «ангелы» и «картины». Около катафалка было поставлено 12 «золоченыхъ статуй». Балдахинъ надъ катафалкомъ былъ сдѣланъ изъ кармазиннаго бархата. Могила была вырыта солдатами петербургскаго гарнизона и выложена мраморомъ. Одновременно съ устройствомъ могилы былъ приготовленъ свинцовый гробъ для помѣщенія въ немъ дубоваго — съ тѣломъ императрицы, и мѣдный «ковчегъ». Самая церемонія должна была совершиться въ томъ же самомъ порядкѣ, въ какомъ происходило погребеніе императора Петра I-го въ 1730 году. Вмѣстѣ съ тѣмъ было слѣлано распоряженіе, чтобы 22-го декабря, наканунѣ погребенія, «съ половины дня всѣмъ кабакамъ и вольнымъ домамъ полиція заказала накрѣпко, чтобы какъ въ оныхъ, такъ и въ лавкахъ ничего не продавать и не торговать и по всей дорогѣ, если гдѣ какая нечистота явится, также и хламъ какой есть, все очистить, чтобы ничего того не было и чтобы отъ того въ процессіи не послѣдовало какого замѣшательства».

XV.

Объявленіе черезъ герольдовъ. — Погребеніе. — Порядокъ погребальнаго шествія. — Выносъ тѣла. — Маршальства. — «Лейбъ-пфердъ» и «фрейденъ-пфердъ». — Латники. — Знамена, пѣвчіе, духовенство, придворные чины. — Герольды. — Орденскіе знаки. — Царскія регаліи. — «Печальныя сани». — Дамское маршальство. — Пушечная пальба и ружейный огонь. — Благовѣстъ и «колокольная музыка». — Отданіе чести. — Похоронный маршъ. — Черный флагъ. — Походъ въ соборъ. — Отпѣваніе. — «Благовонныя свѣчи». — Слово архіепископа Амвросія Юшкевича. — Вторичное посыпаніе тѣла императрицы землею. — Опущеніе гроба въ могилу. — Мѣдный ковчегъ. — Гробница. — Поминки. — Медали и кресты. — Отправка царскихъ регалій въ Москву. — Распредѣленіе предметовъ, бывшихъ въ употребленіи во время погребенія.

22-го декабря, передъ полуднемъ, выѣхали изъ воротъ стараго лѣтняго дворца на дворцовую площадь два герольда, въ сопровожденіи литаврщиковъ и трубачей, и «при литаврен-

номъ боѣ и играніи на трубахъ о высокомъ погребеніи ея императорскаго величества, въ Бозѣ почившей государыни императрицы Анны Іоанновны, на знатнѣйшихъ мѣстахъ города, публиковали». Въ рукахъ герольды имѣли серебряные жезлы съ государственными гербами на яблокѣ.

23-го декабря, ровно въ 7 часовъ утра, раздался съ Петропавловской крѣпости сигналъ изъ трехъ пушечныхъ выстрѣловъ, и въ то же время на адмиралтействѣ былъ выкинутъ черный флагъ, а въ 8 часовъ войска заняли назначенныя имъ мѣста. Между тѣмъ, во дворецъ собрались высочайшія особы, придворные чины и генералитетъ, а прочія участвовавшія въ церемоніи лица размѣстились, согласно росписанію, передъ дворцомъ. По совершеніи торжественной панихиды въ «фюнеральномъ» залѣ, въ первомъ часу по полудни, раздался второй сигналъ, также изъ трехъ пушекъ, и вслѣдъ за тѣмъ гробъ императрицы былъ вынесенъ и поставленъ на «печальныя сани» 12-ю штабъ-офицерами. Погребальное шествіе открылось четырьмя полевыми полками, рядовые которыхъ были въ длинныхъ черныхъ епанчахъ съ факелами въ рукахъ; общій личный составъ этихъ полковъ простирался до 2,222 человѣкъ. За ними ѣхали верхомъ 86 рейтаровъ лейбъ-гвардіи коннаго полка съ «протазанами», за конногвардейцами слѣдовали 128 гренадеровъ лейбъ-гвардейскихъ полковъ, за ними четыре хора трубачей и литаврщиковъ. Далѣе слѣдовали «маршальства« — депутаціи отъ сословій и представители разныхъ вѣдомствъ, подъ предводительствомъ своего «маршала»; при нѣкоторыхъ маршалахъ находились особыя лица «за адъютантовъ». Маршалы имѣли жезлы съ гербами, обвитые чернымъ флеромъ.

Маршальства, или депутаціи, шли въ такомъ порядкѣ: 1) отъ купечества, 2) отъ шляхетства, 3) отъ государственныхъ учрежденій, 4) маршальство «полковника Орлова»; здѣсь за маршаломъ везли «красное военное знамя», за нимъ вели строевую лошадь (лейбъ-пфердъ) съ богато вышитымъ сѣдломъ и пучкомъ страусовыхъ перьевъ между ушами, далѣе штабъ и оберъ-офицеры несли «красное военное знамя» и знамена областныхъ и другихъ гербовъ; за этими знаменами вели парадную лошадь въ длинной черной попонѣ съ вышитыми по обѣимъ сторонамъ гербами. Затѣмъ были несены:

адмиралтейскій штандартъ, знамя съ государственнымъ гербомъ, сдѣланное изъ черной тафты, съ черными кистями и такою же бахромою, и «цвѣтное знамя» съ вышитыми по угламъ вензелями покойной императрицы. За этимъ знаменемъ вели «фрейденъ-пфердъ» въ желтой бархатной попонѣ. За этой лошадью слѣдовали верхомъ два латника: одинъ въ золоченыхъ латахъ, съ обнаженнымъ мечемъ, въ сопровожденіи двухъ пѣшихъ въ черныхъ епанчахъ съ алебардами; другой — въ черныхъ латахъ, также съ обнаженнымъ, но опущеннымъ внизъ мечемъ. За ними несено было «печальное знамя».

За знаменами слѣдовали: двое пѣвчихъ, несшіе двѣ хоругви и крестъ, и шли 106 пѣвчихъ по шести въ рядъ; бѣлое духовенство по три въ рядъ: 20 дьяконовъ, 2 протодьякона, 8 священниковъ и 5 протоіереевъ; за ними, по два въ рядъ, черное духовенство: 52 иподіакона, 29 іеромонаховъ, 20 игуменовъ и архимандритовъ и 8 архіереевъ; они шли каждый особо, въ сопровожденіи іеродіаконовъ.

За духовенствомъ слѣдовали придворные чины въ числѣ 150 человѣкъ, за ними 37 пажей. За пажами ѣхали 2 герольда, за которыми высшіе сановники несли орденъ Андрея Первозваннаго и прочія кавалеріи; потомъ герольдмейстеры несли царскія регаліи, а именно: короны — казанскую, астраханскую, сибирскую и императорскую всероссійскую, державу, скипетръ и государственный мечъ. За регаліями былъ несенъ государственный гербъ, а за нимъ слѣдовали «печальныя сани» съ гробомъ императрицы, на которомъ балдахинъ поддерживали бригадиры и статскіе совѣтники. Сани везли 8 лошадей, «оболоченныя чернымъ бархатомъ съ гербами»; при каждой лошади находился конюхъ, въ епанчѣ «съ длиннымъ флеромъ», и ассистенты штабъ-офицерскаго чина. По обѣимъ сторонамъ гроба шли 60 лейбъ-гвардейскихъ бомбардировъ въ мантіяхъ, со свѣчами изъ бѣлаго воска и 40 кадетъ шляхетскаго корпуса. За гробомъ выступало особое маршальство изъ 80 человѣкъ военныхъ чиновъ отъ капитана до полковника, а затѣмъ въ экипажахъ слѣдовали принцесса Анна Леопольдовна, герцогъ Антонъ-Ульрихъ и цесаревна Елизавета Петровна, въ сопровожденіи высшихъ сановниковъ и придворныхъ дамъ. При придворныхъ дамахъ

состояли кавалеры въ качествѣ ассистентовъ. Это дамское маршальство состояло изъ супругъ и дочерей особъ первыхъ 5-ти классовъ, т. е. до супругъ бригадировъ и статскихъ совѣтниковъ включительно. Затѣмъ слѣдовали дамы 6-го, 7-го и 8-го классовъ. За дамами шли придворные чины подъ предводительствомъ своихъ маршаловъ.

Процессія съ самаго выноса тѣла изъ дворца и во весь путь сопровождалась «ежеминутною» пушечною пальбою и вслѣдъ за нею ружейною, при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ города; въ то же время въ Петропавловскомъ соборѣ происходилъ благовѣстъ. По мѣрѣ приближенія гроба къ расположеннымъ по пути процессіи войскамъ, послѣднія отдавали честь: рядовые сначала брали ружья «на караулъ», а потомъ «на погребеніе», офицеры снимали шляпы и держали «эспантоны на погребеніе», знамена преклонялись до земли, и въ такомъ положеніи войска оставались во все время слѣдованія мимо нихъ гроба и высочайшихъ особъ; въ то же время полковая музыка играла похоронный маршъ. Съ приближеніемъ процессіи къ Петропавловской крѣпости, на ней выставленъ былъ черный флагъ, а благовѣстъ въ соборной колокольнѣ смѣнился звономъ и «колокольной музыкой». Шедшіе впереди отряды рейтаръ конной гвардіи и гренадеръ лейбъ-гвардейскихъ полковъ, остановясь у собора, построились въ двѣ линіи, трубачи и литаврщики заняли мѣста за большими церковными дверями; затѣмъ вступили въ соборъ депутаты отъ сословій и представители разныхъ учрежденій и, пройдя его, выходили чрезъ боковыя лѣвыя двери; латники, войдя въ соборъ, встали впереди, близъ «особо устроеннаго для гроба мѣста — трона»; несшіе знамена гербовъ помѣстились въ большой церкви, по лѣвой ея сторонѣ; герольдмейстеры, положивъ регаліи на табуреты, окружавшіе тронъ, расположились у его ступеней; духовенство, вступивъ въ соборъ, раздѣлилось: тѣ, которымъ назначено было совершать чинъ погребенія, прошли въ алтарь, прочіе же, не останавливаясь, выходили черезъ сѣверныя двери; затѣмъ внесенъ гробъ подъ балдахиномъ тѣми же лицами, которыя выносили его изъ дворца, и поставленъ на «тронъ»; за гробомъ вступили въ соборъ высочайшія особы, придворные чины обоего пола, особы первыхъ трехъ классовъ и генералитетъ.

[illegible] съ при[illegible]
[illegible] соборна[illegible]
[illegible] собора построе[illegible]
[illegible] Въ самой [illegible]
[illegible] двери [illegible]
[illegible] особо устро[illegible]
[illegible] размера [illegible]
[illegible] сторонѣ [illegible]
[illegible] окруженіе [illegible]
[illegible] было совершать [illegible]
[illegible] же, не останав[illegible]
[illegible] вносен[illegible]
[illegible] которыя выносили [illegible]
[illegible] вступ[illegible]
[illegible]

Императоръ Іоаннъ Антоновичъ.

Съ единственнаго достовѣрнаго портрета, рисованнаго акварелью на грамотѣ, заготовленной въ 1741 году для фельдмаршала Миниха и находящагося въ Сенатскомъ архивѣ.

Отпѣваніе императрицы совершали всѣ наличные архіереи и архимандриты. Пѣвчіе находились на обоихъ клиросахъ, на правомъ придворные и цесаревны Елисаветы, а на лѣвомъ синодальные. Во время богослуженія «курились благовонныя свѣчи», и по сигналамъ оберъ-церемонимейстера произведена была троекратная пальба «бѣглымъ огнемъ каждый разъ изъ 101 пушки»: при чтеніи евангелія, при пѣніи славника «плачу и рыдаю» и при посыпаніи тѣла землею. Вслѣдъ за пушечною пальбою слѣдовала ружейная. По окончаніи отпѣванія, было произнесено епископомъ псковскимъ Стефаномъ надгробное слово, сочиненное архіепископомъ Амвросіемъ Юшкевичемъ.

Сочинитель въ этой рѣчи спрашиваетъ, по комъ идутъ такой плачъ и такое рыданіе? — и, слѣдуя обычному ораторскому пріему, самъ же отвѣчаетъ такими словами: «По общей всѣхъ матери нашей, по дражайшей надъ царскія порфиры, надъ драгоцѣнные виссоны и неоцѣненныя сокровища обладательницѣ нашей. Всемилостивѣйшая государыня наша, Анна Іоанновна, императрица и самодержица всероссійская, вѣры православныя бодрая защитница, обидимыхъ прибѣжище, странныхъ и бѣдныхъ пристанище, беззаступныхъ покровительница, сиротъ и вдовъ питательница, монастырямъ и церквамъ убогимъ милостыни прещедрая подавательница, плачущихъ скорое утѣшеніе, нечаянно преставися». Далѣе Амвросій говорилъ: «Толь великихъ и славныхъ, и почти въ свѣтѣ неслыханныхъ викторій и тріумфовъ ходатайцу смерть отъ насъ похитила, непобѣдимую героиню неиспытанныя судьбы Божія съ престола монаршаго въ смертномъ гробѣ положили; словомъ сказать, безчисленныхъ даровъ и благодѣяній Божіихъ, чрезъ оную намъ дарованныхъ, сокровище мы, бѣдные, утратили». Говоря въ такомъ тонѣ, Амвросій полагалъ, что Анну у Россіи отняло «завистное», а между тѣмъ, говорилъ неумѣренно льстивый проповѣдникъ: «ея здравіемъ и житіемъ дражайшимъ мы всегда счастливо жили и здравіе наше въ цѣлости содержали, благополучнымъ надъ нами царствованіемъ страшны всѣмъ врагамъ были и отъ всѣхъ непріятельскихъ нападеній и раззореній подъ крѣпкою и самодержавною ея рукою, яко подъ защитою нерушимою, безопасны пребывали и не только сладкаго живота, но и

всѣхъ имѣній нашихъ въ мирѣ и тишинѣ наслаждались; кратко сказать: были мы между военными громами цѣлы и и неприкосновенны, между дымомъ и мракомъ марсовымъ свѣтлы, между кровавыми войнами спокойны, между раззореніями и падежами, славою и побѣдами даже до небесъ вознесенные, наконецъ, по славной и долговременной войнѣ нашей, миромъ блаженнымъ вѣчнымъ и тишиною препровожденною обрадованы». Онъ заявлялъ, что по случаю кончины Анны, «красота лица Россіи потемнѣла и радость ея сердца разсыпалася». «Сѣтуй на подобіе жалостной горлицы, всероссійской двоеглавый орле — восклицалъ Юшкевичъ — яко не токмо съ короны твоея драгоцѣнный выкатился бисеръ, но и всепресвѣтлѣйшее солнце твое, въ немъ же зѣницы твоя погружалъ еси, смертнымъ помраченное мракомъ, западъ свой познало». Далѣе онъ взывалъ: «Прослези, невѣсто Христова, православно-каѳолическая церковь!.. Подвигнися къ рыданію, царствующій граде святаго Петра со всѣми россійскими грады! Напослѣдокъ вси обще возрыдайте, о сынове россійскіи, яко благоутробія вашего мати скончася, тріумфальныхъ побѣдъ вашихъ лавры и торжествъ россійскихъ вѣнцы мразомъ смерти увядоша!»

Вспоминая затѣмъ о побѣдахъ Анны, Амвросій говоритъ, что «ея враги во крайнюю торопость и конфузію приходили», и добавляетъ: «Видѣлъ свѣтъ и курьезными очима посматривалъ на луну оттоманскую, какъ она высоко подымалась, и роги своя до небесъ возносила, и коль тяжкимъ Россійскому государству грозила затменіемъ, да и увидѣлъ же и то надъ все свое чаяніе, какъ помощію и благословеніемъ Божіимъ счастливою же державою блаженныя и вѣчнодостойныя памяти ея императорскаго величества Анны Іоановны, самодержицы всероссійскія, природную гордыню свою смирила, и высокоумія своего много убавила, ибо всепресвѣтлѣйшая монархиня наша облечена бывше въ солнце праведнаго оружія, купно же и поощрена истиннымъ сожалѣніемъ надъ обидою и раззореніемъ своего государства, примѣромъ жены апокалиптической не токмо оную оттоманскую луну дымомъ огня воинскаго затмила, помрачила и подъ нози свои подвергнула, но и порту ея, на вредъ россійскій отворенную, отъ которой непрестанныя набѣги, страш-

ныя татаръ полчища, несказанныя обиды и неописанныя раззоренія происходили, блаженнымъ, крѣпкимъ и благополучнымъ миромъ, съ великою пользою и безсмертною Россіи славою, вѣчно заключила».

Упомянулъ онъ и о «матернемъ попеченіи» относительно будущности Россіи со стороны покойной государыни, которая, по словамъ его, «достохвальнымъ и богодухновеннымъ опредѣленія своего завѣтомъ за истиннаго императорскаго престола наслѣдника утвердила и законнымъ преемникомъ скипетра всеросійской державы удостоила, и все, что токмо слѣдовало къ пользѣ и безопасію государства, заблаговременно предъизготовила, промыслила и премудро устроила». Въ концѣ этого слѣдовало обращеніе къ младенцу-императору и его матери, Аннѣ Леопольдовнѣ.

На другой день послѣ отпѣванія, была совершена соборне панихида, послѣ которой усопшая государыня была снова посыпана землею, а 15-го января, въ присутствіи высочайшихъ особъ, двора и генералитета, гробъ, въ которомъ находилось тѣло императрицы, былъ поставленъ въ другой, свинцовый гробъ и опущенъ въ мѣдный ковчегъ, поставленный въ могилу, устроенную близь могилъ Петра I и Екатерины I. Къ могилѣ былъ приставленъ военный караулъ и начато надъ ней причетниками и псаломщиками чтеніе псалтири, которое и продолжалось въ теченіи цѣлаго года. Гробница надъ Анною была устроена «равномѣрно такая же», какія сдѣланы были надъ могилами Петра I и Екатерины I. Надпись надъ нею была составлена особою комиссіею и затѣмъ «апробована» архіепископомъ Амвросіемъ и оберъ-гофмаршаломъ графомъ фонъ-Левенвольде. Поминовеніе по усопшей императрицѣ велѣно было производить въ теченіи года во всѣхъ церквахъ, по примѣру того, какъ это было учреждено по кончинѣ императора Петра I-го. Что же касается Петропавловскаго собора, то, какъ доносилъ соборный протоіерей Слонскій, «въ соборѣ служба имѣется непрестанная и всегда въ служеніи бываютъ архіереи и прочія духовныя персоны съ удовольствіемъ».

По прошествіи года со дня кончины императрицы, совершено поминовеніе «трактованіемъ», т. е. при дворѣ были обѣденные столы для разныхъ знатныхъ персонъ. На пер-

вый разъ угостили лицъ, бывшихъ въ дежурствѣ при гробѣ императрицы. Въ память Анны Ивановны были выбиты медали и жетоны, розданные лицамъ, принимавшимъ участіе въ ея погребеніи. Золотыхъ медалей, въ 30 и 20 червонцевъ каждая, было выбито 50 штукъ, въ 12 червонцевъ — 100; серебряныхъ въ 30 червонцевъ — 500, въ 12 червонцевъ — 1,000 штукъ; жетоновъ: въ червонецъ золотыхъ 500 и серебряныхъ 10,000 штукъ. На изготовленіе медалей и жетоновъ было употреблено 15,116 руб., въ томъ числѣ на золотыя 9,108 и на серебряныя 5,879 руб., остальные пошли на жалованье и содержаніе мастерамъ, вытребованнымъ изъ Москвы. На медаляхъ съ одной стороны былъ изображенъ портретъ императрицы, съ надписью вокругъ: «Анна, императрица и самодержица всероссійская», съ другой — «родися 28 генваря 1693 года, владѣла съ 19 генваря 1730 года, преставися 17 октября 1740 года». На жетонахъ — съ одной стороны портретъ императора съ надписью: «Іоаннъ III, императоръ и самодержецъ всероссійскій», съ другой — «тако плачъ народа утоляетъ».

Послѣ погребенія Анны, царскія регаліи были отправлены въ Москву, въ оружейную палату, часть вещей сдана была въ придворную контору или въ церковныя ризницы. Траурныя матеріи розданы канцелярскимъ чинамъ, мастеровымъ и золотошвеямъ. Мостъ былъ отданъ на построеніе церквей, а траурныя матеріи, которыми были обиты его перила — въ церковь Николая Чудотворца, что въ Татарской. Составить описаніе погребенія поручено было академіи наукъ, а изготовленіе къ нему рисунковъ придворному живописцу Каравакку. Въ началѣ іюля 1741 года описаніе было окончено.

ДВА БРАКА.

I.

Въ 1779 году, по приказанію императрицы Екатерины II, отправился въ Стокгольмъ баронъ Строгановъ. Онъ ѣхалъ туда, чтобъ поздравить шведскаго короля съ рожденіемъ у него сына, который впослѣдствіи царствовалъ подъ именемъ Густава IV и надѣлалъ императрицѣ, при своемъ сватовствѣ къ ея внучкѣ, великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ, столько хлопотъ и горя, что тѣмъ самымъ, какъ говорятъ современники, ускорилъ ея кончину. Въ числѣ лицъ, назначенныхъ въ свиту чрезвычайнаго русскаго посла, находился двадцатилѣтній молодой человѣкъ, маленькій ростомъ, неуклюжій, смуглый и, въ добавокъ къ такой непригожести, еще обезображенный оспою. Несмотря на свои юные годы, онъ уже отличался многими странностями. Такъ, въ то время, когда обыкновенно всѣ ѣздили изъ Петербурга въ Стокгольмъ ближайшимъ путемъ — моремъ, онъ выбралъ для себя дальнюю и трудную дорогу, отправившись чрезъ Лапландію. Проѣзжая этой стороною, онъ удивлялъ своихъ дикихъ спутниковъ, — лапландцевъ, тѣмъ, что, останавливаясь среди пустырей и бродя по нимъ, отыскивалъ подъ снѣгомъ, согрѣваемымъ весеннимъ солнцемъ, среди мшистыхъ порослей, молодые побѣги тамошней скудной растительности. Онъ заботливо сберегалъ каждую найденную имъ травку, собиралъ камушки, а по временамъ захватывалъ горсть земли, внимательно раз-

сматривалъ ее и затѣмъ укладывалъ въ висѣвшій у него чрезъ плечо жестяной коробъ. Юношу этого, бывшаго, по-видимому, не болѣе какъ скромнымъ, только что начинающимъ свою ученую дѣятельность ботаникомъ и геологомъ, приняли, однако, при стокгольмскомъ дворѣ весьма почетно, не только потому, что онъ состоялъ въ свитѣ русскаго посла, но еще и по другимъ, особымъ причинамъ. Онъ носилъ титулъ графа россійской имперіи и фамилію, хотя еще и очень недавнюю по времени своего появленія среди дворянства, но зато успѣвшую уже пріобрѣсти себѣ громкую извѣстность не только въ Россіи, но и за-границею. При всѣхъ европейскихъ дворахъ очень хорошо знали, какое исключительное положеніе занималъ въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны нѣкогда простой малороссійскій казакъ, а потомъ придворный пѣвчій Алексѣй Разумъ, преобразившійся впослѣдствіи въ графа Разумовскаго, генералъ-фельдмаршала русскихъ войскъ и богача-вельможу. Въ добавокъ къ этому, ходила молва, что онъ былъ необъявленнымъ супругомъ покойной русской государыни, а потому племяннику его, даже только въ силу такого знаменитаго родства, готовы были повсюду оказать вниманіе и почетъ, лично имъ еще ничѣмъ не заслуженные. Кромѣ того, и отецъ этого молодого человѣка считался въ Россіи не послѣднимъ лицомъ: онъ былъ еще недавно малороссійскимъ гетманомъ, — верховнымъ правителемъ всей Украйны, — считался генералъ-фельдмаршаломъ и въ то же время пользовался оффиціальною извѣстностью и въ европейско-ученомъ мірѣ, какъ президентъ с.-петербургской академіи наукъ. Наконецъ, небезъизвѣстно было, что онъ принадлежалъ къ числу лицъ, которыя, подготовивъ государственный переворотъ 28-го іюня 1762 года, доставили императорскую корону Екатеринѣ II. Возвращавшіеся на свою родину изъ Россіи разноплеменные иностранцы распускали у себя дома слухи о несмѣтныхъ богатствахъ гетмана-графа и объ его необыкновенно-пышной обстановкѣ, которая могла стать въ уровень съ обстановкою многихъ тогдашнихъ европейскихъ государей и въ особенности германскихъ владѣтельныхъ князей. Замѣтно было, однако, что молодой русскій графъ уклонялся отъ тѣхъ почестей и того вниманія, какими онъ могъ бы пользоваться при шведскомъ

дворѣ и въ высшемъ стокгольмскомъ обществѣ. Онъ старался избѣгать придворныхъ баловъ и празднествъ, до которыхъ былъ такимъ большимъ охотникомъ тогдашній шведскій король, Густавъ III, подражавшій, но, конечно, не совсѣмъ удачно, въ пышности и въ роскоши блестящему Людовику XIV. Изъ Стокгольма Разумовскій съѣздилъ въ Упсалу, знаменитую своимъ древнимъ университетомъ, и потомъ уѣхалъ въ Россію съ составленными имъ въ Лапландіи и Швеціи гербаріями, а также минералогическими и геологическими коллекціями. Пробывъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, онъ отправился въ Голландію и поселился въ Лейденѣ, начавъ слушать въ тамошнемъ, прославившемся издавна университетѣ лекціи профессора Аламана, который одновременно читалъ и философію, и естественную исторію, стараясь соединить отвлеченныя воззрѣнія съ положительными знаніями, почерпнутыми изъ окружающей человѣка природы, и такимъ двойственнымъ направленіемъ своего ученія онъ пріобрѣлъ себѣ громкую славу во всей просвѣщенной Европѣ *).

II.

Плоды тогдашней европейской науки не были чужды Григорію Разумовскому. Надобно отдать справедливость его отцу, бывшему прежде полуграмотному деревенскому хлопцу, въ томъ отношеніи, что онъ, благодаря слѣпой случайности, получивъ самъ въ молодые годы порядочное образованіе, заграницею, цѣнилъ, какъ слѣдуетъ, эту важную придачу къ богатству и знатности. Онъ не жалѣлъ денегъ для того, чтобы дать своимъ дѣтямъ не только блестящее, но и основательное образованіе, согласно, конечно, взглядамъ и потребностямъ той поры. Сынъ его, Григорій, росъ и учился

*) Источниками для настоящаго разсказа послужили: сочиненіе г. Васильчикова «Семейство Разумовскихъ», «Русскій Архивъ», «Русская Старина» и замѣтки, извлеченныя изъ разныхъ историческихъ изданій, а также свѣдѣнія, сообщенныя автору разсказа проживавшею въ Вѣнѣ графинею Ровою Разумовскою. Кромѣ того ему удалось имѣть напечатанную въ 1822 году въ Тюбингенѣ брошюру: «Graf Grigori und Gräfin v. Rasumowski». Впрочемъ, на правдивость этой брошюры, какъ мы это увидимъ, вполнѣ полагаться нельзя.

въ Германіи. Онъ отличался живымъ умомъ и бойкими способностями, но своимъ сумрачнымъ, вспыльчивымъ характеромъ, а также разными выходками и непокорностію, приводилъ въ отчаяніе бывшихъ при немъ воспитателей и наставниковъ. Онъ проявлялъ какую-то лихорадочную жадность къ научнымъ знаніямъ и въ этомъ отношеніи составлялъ не только рѣдкое, но, можно даже сказать, небывалое еще исключеніе среди своихъ ровестниковъ изъ знатной и богатой русской молодежи. Хотя изъ числа ея тогдашнихъ представителей уже очень многіе получали образованіе заграницею или заканчивали домашнее обученіе болѣе или менѣе продолжительнымъ странствованіемъ по Европѣ, подъ надзоромъ иностранныхъ наставниковъ, но образованіе ихъ было тогда поверхностное, а знанія ихъ были крайне энциклопедическаго свойства. Обыкновенно они знали наизусть и лучшія проповѣди Бюссюэта, и умѣли напѣвать игривыя и слишкомъ скоромныя французскія пѣсенки, бывшія уже и тогда у насъ въ большомъ ходу среди молодежи высшаго нашего общества. Въ этомъ отношеніи Разумовскій оказывался какъ бы противоположностію своимъ сверстникамъ, отличавшимся притомъ и великосвѣтскимъ лоскомъ, въ подражаніе версальскимъ маркизамъ, такъ какъ онъ былъ прежде всего трудолюбивымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и неотесанымъ для высшаго общества студентомъ.

Заграничные вояжи тогдашнихъ русскихъ баричей совершались обыкновенно въ сопутствованіи и подъ руководствомъ какого нибудь приставника изъ иностранцевъ, который указывалъ имъ, гдѣ что нужно посмотрѣть и послушать, а нерѣдко указывалъ и на то, что гдѣ слѣдуетъ покушать и попить и чѣмъ можно позабавиться. Разумѣется, что надзоръ такого ментора былъ большею частію весьма слабъ и небреженъ, и избалованные ребята обыкновенно кончали тѣмъ, что приставленнаго къ нимъ педагога обращали въ прислужника и комиссіонера по разнымъ отраслямъ житейскихъ потребностей. Если даже и такая родительская заботливость о благонравіи дѣтей оказывалась, въ большинствѣ подобныхъ случаевъ, тщетною предосторожностью, то тѣмъ болѣе могли разгуляться на просторѣ совершенствовавшіеся въ наукахъ русскіе юноши, отпущенные ихъ роди-

телями безъ всякаго надзора, предоставленные только самимъ себѣ, да еще съ карманами, туго набитыми золотомъ или крупными кредитивами на иностранныхъ банкировъ. Разумѣется, что самое значительное время странствованія такихъ русскихъ «вояжировъ» по Европѣ было посвящаемо волокитству за привлекательными, преимущественно продажными красавицами, славившимися въ той или другой европейской столицѣ. Игра въ банкъ и рулетку и разнаго рода кутежи «образующихъ» себя за границею вояжировъ, по свойству русской натуры, доходили очень часто до безобразія. Деньги сыпались при этомъ щедрою рукою, и потому тороватые русскіе слыли въ Европѣ первенствующими богачами, считаясь даже въ этомъ отношеніи превыше англичанъ.

Часто случалось, что родители, снабдивъ своихъ сынковъ, кромѣ благословенія на дорогу, еще и значительными денежными средствами, повидимому, вполнѣ достаточными для разъѣздовъ по Европѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, вскорѣ по отъѣздѣ за границу этихъ молодцовъ получали отъ нихъ письма съ почтительною сыновнею просьбою о снабженіи ихъ добавочными денежными средствами. Иногда заѣхавшій куда нибудь русскій юный «вояжиръ» какъ будто ускользалъ отъ родительскихъ заботъ на нѣкоторое время, которое, какъ потомъ оказывалось, онъ проводилъ въ печали и томленіи, будучи засаженъ въ одну изъ долговыхъ тюремъ, существовавшихъ тогда повсемѣстно въ Европѣ, на страхъ какъ мѣстнымъ, такъ и заѣзжимъ мотамъ и кутиламъ, но имѣвшихъ на нихъ весьма слабое угрожающее воздѣйствіе. Случалось, что родители, отпустившіе своихъ чадъ поучиться, а въ сущности побаловаться въ иностранныхъ земляхъ, вынуждены бывали потомъ просить уѣзжавшихъ туда своихъ родныхъ или знакомыхъ поразыскать, при сей оказіи, и запропавшее ихъ чадо. Послѣдствіемъ такихъ розысковъ бывали большею частію крайне разнообразныя извѣстія, смотря по тому, на кого приходилось возлагать подобное порученіе. Такъ, любящая тетушка проливала въ сердца родителей, безпокоившихся о сынѣ, утѣшительный бальзамъ и, скрывая его проказы, а, быть можетъ, и не поразвѣдавъ вовсе о нихъ, писала родителямъ своего пле-

мянника-вѣтренника, что сынъ ихъ живетъ такъ скромно, что нельзя нарадоваться, смотря на него. Зато въ другой разъ суровый дядюшка, хотя и проведшій свою молодость не безъ разныхъ грѣховъ, являлся грознымъ обличителемъ пороковъ своего племянника, передавая его родителямъ, что молодого человѣка не слѣдовало бы пускать шляться безъ толку по чужимъ землямъ, а нужно бы было держать его дома въ ежовыхъ рукавицахъ, и что родители его поступили бы гораздо благоразумнѣе, если бы вытащили его изъ того омута, въ какой онъ попалъ, и опредѣлили бы его на службу всемилостивѣйшей государыни, гдѣ онъ могъ бы проходить чины и быть полезнымъ своему отечеству. Иные корреспонденты-соглядатаи, какъ это мы, напримѣръ, встрѣчаемъ въ перепискѣ графа С. М. Воронцова—послѣ наведенія просимыхъ родителями справокъ о молодомъ вояжирѣ, или случайно натолкнувшись на него за границею, или еще далѣе, сообщая, что молодой человѣкъ, своимъ образомъ жизни позоритъ среди иностранцевъ не только себя, свою фамилію, но и всю Россію. Вообще многіе изъ русскихъ юношей обращали на себя вниманіе тогдашней иностранной публики и иностранныхъ газетъ своими подвигами заграницею. Случалось иногда совершенно наоборотъ, если наведеніе справокъ поручалось какому нибудь опытному вѣтрогону, который и самъ предпринималъ путешествіе по Европѣ только съ увеселительною цѣлью. Такой блюститель семейныхъ интересовъ и фамильной чести тѣхъ лицъ, отъ которыхъ онъ принялъ порученіе наблюсти за ихъ юною отраслью, беззастѣнчиво, въ противность истинѣ, увѣрялъ ихъ, что ихъ сынъ проводитъ время съ примѣрною скромностью, но что жизнь въ чужихъ земляхъ до такой степени дорога, что объ этомъ нельзя составить себѣ никакого понятія, пребывая постоянно въ Россіи, и что поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если молодой человѣкъ, хотя и живущій чрезвычайно разсчетливо, постоянно нуждается въ денежной поддержкѣ со стороны любящихъ его родителей. При этомъ онъ вызывался быть наставникомъ и руководителемъ неопытнаго юноши и не рѣдко исполнялъ эти похвальныя обязанности съ замѣчательнымъ усердіемъ, посвящая опекаемаго имъ вѣтренника во всѣ мимолетныя наслажденія разгульной жизни.

Нерѣдко родители, выведенные изъ терпѣнія образомъ жизни своихъ сыновей заграницею, обращались къ государынѣ со всеподданнѣйшею просьбою объ образумленіи и обуздаціи ихъ отъ «неистовствъ». Послѣдствіемъ такихъ просьбъ были сношенія съ русскими посольствами, которымъ предписывалось — выпроводить, такъ или иначе, зажалившихся и въ конецъ промотавшихся молодцовъ обратно на ихъ родину.

III.

Хотя, какъ мы сказали, Григорій Разумовскій среди тогдашней богатой русской молодежи, разгуливавшей по Европѣ, и составлялъ исключеніе по своей наклонности къ наукамъ и навлекалъ даже этимъ на себя насмѣшки своего отца, называвшаго его «вояжиромъ». Но, тѣмъ не менѣе, въ другихъ отношеніяхъ онъ очень близко подходилъ подъ уровень юныхъ русскихъ «вояжировъ». Еще будучи мальчикомъ, онъ проявилъ нѣжную страсть къ женскому полу, или, какъ тогда выражались, имѣлъ комплекцію, располагающую къ любви. Впрочемъ, такая комплекція была весьма замѣтною чертою въ семействѣ Разумовскихъ. Григорій приволокнулся за одною изъ своихъ кузинъ, но эта первая попытка, какъ надобно полагать, не была удачна, и только надѣлала ему непріятностей, да и вообще онъ, при всемъ своемъ усердіи ухаживать за порядочными женщинами, не подавалъ надеждъ на будущіе успѣхи по этой части, требующей не мало умѣнія и сноровки. Такого о немъ мнѣнія была и сестра его, Наталья Кирилловна Загряжская, которая однажды писала брату своему Андрею, что хотя Григорій и очень склоненъ къ волокитству, но не умѣетъ взяться за это дѣло, и оказывается вовсе къ тому непригоднымъ. Мало того, онъ, по словамъ своей сестры, оказывался «дуракомъ» въ обществѣ женщинъ хорошаго круга. Но ни отсутствіе способностей для успѣховъ у женщинъ, ни невзрачная наружность, ни углубленіе въ ботанику, философію, геологію и геогнозію не обуздывали нисколько пылкой страсти графа Григорія къ хорошенькимъ особамъ женскаго пола.

Въ чинной, степенной, суровой и болотистой Батавіи страсть эта у Разумовскаго не охлаждалась нисколько; онъ

продолжалъ тамъ свои амурныя занятія, безъ всякихъ, впрочемъ, романтическихъ приключеній, такъ какъ предметы его страсти не искали вовсе такихъ приключеній и сдавались очень легко. Извѣстно, что поэты всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ любили сравнивать женщинъ съ цвѣтами, и Григорій Разумовскій, проживавшій въ Голландіи, славившейся въ ту пору своимъ замѣчательнымъ цвѣтоводствомъ, и притомъ изучая самъ ботанику, занимался цвѣтами, производимыми природою не только въ видѣ красивыхъ и роскошныхъ растеній, но и опоэтизированными цвѣтами, въ видѣ миленькихъ и стройныхъ женщинъ. Онъ удачно соединялъ занятіе этими столь различными, съ научной точки зрѣнія, и столь близкими между собою предметами, если смотрѣть на нихъ съ пылкимъ воображеніемъ поэтовъ вообще и XVIII вѣка въ особенности.

Если Григорій Разумовскій, какъ юноша, умѣлъ совмѣстить оба рода такихъ занятій, то отецъ его, принимавшій уже замашки знатнаго барина и въ то же время самъ отчаянный волокита, смотрѣлъ иначе на занятія своего сына въ Голландіи. Онъ готовилъ Григорія, по его выраженію, «для политики». Ему, президенту академіи наукъ, сперва не совсѣмъ приходились по душѣ научныя занятія его сына. Онъ долгое время смотрѣлъ на нихъ, какъ на трудъ, не подходящій, по тогдашнимъ понятіямъ, къ жизни молодого барича, для котораго всегда нашлось бы видное мѣсто и въ любомъ гвардейскомъ полку, и при пышномъ дворѣ русской царицы, и въ ея синклитѣ и безъ излишнихъ для всего этого познаній въ философіи и естественныхъ наукахъ. Любовныя же похожденія сына безпокоили его не съ нравственной ихъ стороны, но изъ опасенія, что какая нибудь иноземная красотка, не равная графу Григорію Кирилловичу Разумовскому по своему рожденію и общественному положенію, съумѣетъ, чего добраго, оплести и женить его на себѣ, тогда какъ онъ, по мнѣнію своего отца, могъ бы сдѣлать честь своимъ бракомъ не только дѣвицѣ изъ знатнаго боярскаго дома, но и каждой княжнѣ отъ племени Рюрика и Гедимина. Бывшій пастухъ-казачекъ, родившійся подъ счастливою звѣздою, поднятый слѣпою случайностью на общественную высь и женившійся самъ на одной изъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ

невѣстъ Россіи, боялся теперь, чтобы даже въ первомъ про-исходившемъ отъ него поколѣніи не случилось неравнаго брака, безчестящаго его фамилію. Кромѣ того, по всей вѣроятности, неустанная игра въ любовь его сына Григорія оплачивалась не дешево, при неврачности этого влюбчиваго юноши, и потому Кирилл Григорьевичъ могъ опасаться, что расходы по этой части, чего добраго, отзовутся на его достояніи. Старикъ Разумовскій плакался въ это время на недостатокъ средствъ, онъ даже писалъ императрицамъ Елизаветѣ Петровнѣ и Екатеринѣ жалобныя прошенія, выставляя свою скудость и прося Елизавету пожаловать ему новыя имѣнія, а Екатерину — утвердить за нимъ помѣстья умершаго его брата, не смотря на то, что онъ, лично и по женѣ, считался, послѣ графа Петра Борисовича Шереметева и барона Александра Строганова, первымъ богачемъ во всей Россіи, и даже, быть можетъ, въ общей сложности своего громаднаго состоянія, не уступалъ имъ обоимъ безусловнаго первенства въ этомъ отношеніи.

Хотя Кирилл Григорьевичъ любилъ Григорія за его не-пригожую «ипостасію» менѣе, чѣмъ всѣхъ другихъ своихъ сыновей, но тѣ соображенія, о которыхъ мы сейчасъ сказали, побудили его приваняться участью своего безалабернаго дѣтища. Для этого былъ употребленъ слѣдующій способъ.

IV.

Въ ту пору у насъ не было еще особенно сильнаго наплыва воспитателей-французовъ, какой оказался впослѣдствіи, когда революція 1789 года разметала во всѣ стороны цвѣтъ французскаго дворянства, и когда у насъ повсемѣстно, даже и въ деревенскихъ захолустьяхъ, стали являться, въ качествѣ педагоговъ, маркизы и виконты. Тѣмъ не менѣе у насъ, съ половины прошлаго столѣтія, началъ водворяться такой обычай, что въ богатыхъ дворянскихъ семьяхъ стали нанимать гувернерами французовъ, не рѣдко украшавшихъ, по праву или произвольно, свое фамильное прозваніе дворянскою частичкою «de». Такіе гувернеры-наставники, поживъ болѣе или менѣе продолжительное время въ русскомъ

семействѣ, нерѣдко дѣлались, что называется, друзьями дома. Къ числу подобныхъ друзей принадлежалъ и жившій прежде у Разумовскихъ нѣкто г. де-Мариніанъ, который, по окончаніи воспитанія сыновей гетмана, отправился изъ Россіи во свояси, сохранивъ дружескія къ нимъ отношенія. Кирило Григорьевичъ вспомнилъ теперь о Мариніанѣ и обратился къ нему съ письменною просьбою обуздать, по возможности, запронастившагося въ Голландіи сына Григорія. Къ письму отца присоединено было еще и письмо графа Андрея Кирилловича. Этотъ красавецъ и баловень женщинъ и до того смѣлый волокита, что проникалъ за границею, въ качествѣ счастливаго любовника, даже въ королевскіе чертоги, желалъ и съ своей стороны положить предѣлъ безразборчивому волокитству своего меньшаго брата и обуздать его почти дикій нравъ. Въ письмѣ своемъ къ Мариніану, графъ Андрей просилъ его озаботится о братѣ и переманить его на житье въ Швейцарію, гдѣ Андрей доставлялъ ему случай познакомиться и близко сойтись съ знаменитымъ въ ту пору швейцарскимъ физикомъ и геологомъ де-Соссюромъ. При этомъ Андрей Кирилловичъ надѣялся, что любознательный братъ его, выѣхавъ изъ Голландіи, подъ личнымъ вліяніемъ де-Соссюра, до такой степени увлечется наукою, что, пожалуй, станетъ совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Дѣло, задуманное отцомъ и сыномъ, къ удовольствію ихъ, скоро уладилось. Григорій перебрался изъ Голландіи въ Швейцарію и, поселившись въ Лозаннѣ, поступилъ подъ доброжелательный ему надзоръ де-Мариніана. Не прошло, однако, и мѣсяца, какъ онъ своимъ задорнымъ нравомъ, дерзостями и неприличными похожденіями разнаго рода, довелъ до отчаянія бѣднаго француза, потерявшаго всякую надежду на исправленіе своего неукротимаго сожителя. Григорій сталъ, съ своей стороны, оказывать де-Мариніану полное пренебреженіе, и потому приставленному къ нему, какъ бы въ качествѣ ангела-хранителя, руководителю не оставалось ничего болѣе, какъ поскорѣе разойтись съ своимъ непокорнымъ и уже возмужавшимъ питомцемъ. Тщетно, въ краснорѣчивыхъ и дружескихъ письмахъ, Андрей Кирилловичъ упрашивалъ де-Мариніана отказаться отъ такого намѣренія, но приставникъ выбился изъ силъ, и чтобъ избавиться отъ

Григорія, перебрался живою рукою изъ Швейцаріи въ Саксонію, хотя ему лично и не предстояло никакой надобности въ такой перемѣнѣ мѣста своего жительства. Не сойдясь съ де-Маршіаномъ, Григорій Разумовскій продолжалъ, однако, заниматься въ Лозаннѣ наиболѣе любимымъ имъ предметомъ — геологіею, и напечаталъ на французскомъ языкѣ статью о геологическихъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ имъ въ Швейцаріи.

Не только извѣстное имя автора, но, судя по отзывамъ современныхъ спеціалистовъ, и самыя достоинства этого сочиненія должны были обратить вниманіе ученыхъ на трудъ Разумовскаго. Изъ русской знати графъ Григорій Кирилловичъ Разумовскій первый выступилъ въ публику съ ученымъ, написаннымъ имъ самимъ трудомъ. Впослѣдствіи примѣру его въ сочинительствѣ на французскомъ языкѣ, хотя и не строго-научныхъ книгъ и статей, начали подражать и другіе наши баре. Но къ трудамъ, прикрытымъ именемъ знатнаго русскаго господина, нельзя не отнестись съ нѣкоторою подозрительностію, такъ какъ есть поводы, заставляющіе предполагать, что въ подобныхъ случаяхъ авторы упомянутыхъ сочиненій, какъ говорится, загребали жаръ чужими руками. Такъ, напримѣръ, графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ издалъ написанную имъ исторію Неаполя. Книга эта была изложена превосходнѣйшимъ французскимъ языкомъ и обнаруживала въ авторѣ, графѣ Орловѣ, громадную начитанность и умѣніе легко владѣть историческимъ разсказомъ. Всѣ, читавшіе это сочиненіе, воздавали должныя похвалы графу Орлову, но, на его бѣду, одна изъ послѣднихъ страницъ книги должна была испортить все дѣло: на этой роковой страницѣ, по какому-то странному недосмотру, явились написанныя русскимъ авторомъ слова: «notre bon roi Henri IV». Разумѣется, что мѣстоименіе «notre» обнаружило тотчасъ литературное самозванство графа Орлова, такъ какъ оно и предательски, и явно указывало, что ученый сочинитель исторіи Неаполя былъ не русскій баринъ, а французъ-роялистъ, относившійся съ глубокимъ сочувствіемъ къ своему доброму королю.

Впрочемъ, Разумовскаго не могло нисколько коснуться подобное подозрѣніе въ самозванствѣ, такъ какъ онъ былъ

настоящимъ, а не подставнымъ ученымъ. Онъ много читалъ, изучалъ и писалъ по избраннымъ имъ отраслямъ знаній, а бесѣда съ нимъ о разрабатываемыхъ имъ предметахъ легко могла убѣдить каждаго спеціалиста въ томъ, что онъ вполнѣ владѣетъ тѣми знаніями, которыя подъ его именемъ появлялись въ печати.

Разумовскій, отдавшись въ Лозаннѣ ученымъ трудамъ, не подавилъ своихъ сердечныхъ стремленій; и съ этой поры начинаются его романическія похожденія, такъ горько отозвавшіяся на всей его жизни и на женщинахъ, бывшихъ предметами его страсти.

V.

«Здѣсь странный слухъ о тебѣ носится, или, тому уже нѣсколько время, пронесся. Говорятъ, будто ты тамъ женился на какого-то купца или посадскаго дочери» — писалъ, въ 1788 году, въ Лозанну, Григорію его отецъ. Но я сему не вѣрю и не думаю, — продолжалъ онъ, — чтобы ты до такого пункта забылъ себя, чтобъ пріобрѣлъ мнѣ и фамиліи своей столь малозначущихъ и неважныхъ союзниковъ; я жду о семъ отъ тебя объясненія». Утѣшая себя предположеніемъ, что такой слухъ ложенъ и что неровный бракъ Григорія еще не состоялся, но въ то же время допуская сбыточность такого прискорбнаго случая въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, графъ Кирило желалъ предотвратить оскорбительный для его фамиліи родственный союзъ съ семействомъ «купца» или «посадскаго». Въ этихъ видахъ онъ вызывалъ Григорія изъ-за границы въ Россію, прибавляя, что въ отечествѣ ему ничто не будетъ мѣшать заниматься тѣмъ, чѣмъ онъ занимается въ Лозаннѣ. Григорій Кирилловичъ исполнилъ желаніе отца, и въ 1790 году пріѣхалъ въ Россію, но не захотѣлъ остаться на родинѣ, а торопился уѣхать снова въ Швейцарію, куда влекла его привязанность къ полюбившейся ему дѣвушкѣ. Насчетъ своей страсти онъ пораскazалъ въ Петербургѣ кое-что братьямъ, которые, въ свою очередь, передали отцу все слышанное ими.

Кирило Разумовскій, видя, что доходившіе прежде до него изъ Швейцаріи смутные и сбивчивые слухи о нерав-

номъ бракѣ Григорія подтверждаются теперь изъ другихъ, болѣе достовѣрныхъ источниковъ, и даже по собственнымъ разсказамъ Григорія, пришелъ въ ужасъ. Онъ принялъ эту прискорбную вѣсть съ раздраженностію чистокровнаго аристократа, какъ будто онъ былъ однимъ изъ отпрысковъ «первыхъ бароновъ христіанства» — знаменитыхъ Монморанси. Обстоятельство это опровергаетъ тѣ похвалы, которыя такъ часто расточаютъ Кирилу Разумовскому за то, что онъ не стыдился своего темнаго происхожденія, а также и разсказъ о томъ, что онъ хранилъ въ особомъ комодѣ свирѣль и то платье, которое онъ носилъ, когда былъ пастухомъ, и показывалъ эти памятники своего прежняго ничтожества сыновьямъ для того, чтобъ они не возгордились знатностію ихъ фамиліи. По всей, однако, вѣроятности, или вовсе не было въ семействѣ его такихъ смиряющихъ поученій, или, если они и случались, то смѣтливый хохолъ, бывшій себѣ на умѣ, игралъ только комедію, кичась самъ недавнею и такъ легко добытою знатностію. Гетмана, фельдмаршала и графа пугала мысль, что свадьба его сына съ какою-то безвѣстною швейцарскою дѣвицею можетъ дѣйствительно состояться, и потому онъ началъ думать о томъ, какъ бы удержать пріѣхавшаго въ Россію Григорія отъ «побѣга» въ Швейцарію. Поддавшись этой мысли, онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ сыну Андрею, между прочимъ, писалъ: «постарайтесь ему привить какую нибудь шатулю въ любовницы, тогда увидите, что всѣ швейцары и швейцарки полетятъ къ бѣсу, а онъ останется на своемъ мѣстѣ». Въ надеждѣ, что современемъ любовь Григорія къ недостойной его невѣстѣ остынетъ, графъ Кирило Григорьевичъ поручалъ Андрею, если возможно, ловить любовныя письма Григорія и не допускать ихъ до рукъ влюбленнаго, а также уговаривать его не спѣшить отъѣздомъ въ Швейцарію. При такой обстановкѣ дѣла — какъ разсчитывалъ отецъ, поднимавшійся на непохвальныя хитрости, — «вскорѣ бы зародились въ Григоріи ревность, невѣрность и бѣшенность къ Швейцаріи и ко всему, яже въ оной». Вообще, по выраженію Кирилы Григорьевича, онъ тѣми или другими способами «хотѣлъ спятить сына съ предпринятой имъ стези», подразумѣвая подъ словомъ «стезя» законное супружество графа Григорія съ

дѣвушкою, о благородномъ происхожденіи которой ему не было извѣстно ничего достовѣрнаго. Сдѣланныя въ этомъ направленіи попытки, однако, не удались, Григорій, несмотря на всѣ устроенныя противъ него ловушки и родственныя уговариванія, опять уѣхалъ въ Лозанну, и оттуда извѣстилъ отца, что онъ навсегда желаетъ остаться въ Швейцаріи, прибавивъ къ этому, что намѣренъ жениться на дѣвицѣ Мальсенъ. Сообщивъ о предстоящемъ бракѣ, онъ въ письмѣ своемъ, по словамъ отца, «превозносилъ свою Дульцинею-швейцарку и фамилію ея предковъ». Сомнѣваясь въ древности и доблести этихъ послѣднихъ и подозрѣвая жениха въ расточеніи имъ вымышленныхъ восхваленій, Кирило Григорьевичъ отъ гнѣва выходилъ изъ себя и считалъ нужнымъ справиться у швейцарцевъ объ этомъ «животномъ», какъ онъ называлъ свою будущую сноху. Онъ говорилъ, что, если Григорій хочетъ жениться, то пусть изберетъ «благородную» жену въ своемъ отечествѣ, а не «потаскушку» въ Швейцаріи. Рѣчь объ избраніи жены въ отечествѣ была въ настоящемъ случаѣ вовсе неумѣстна, такъ какъ Разумовскій нисколько не негодовалъ на старшаго своего сына, Андрея, только-что передъ этимъ женившагося въ Вѣнѣ на иностранкѣ — на графинѣ Тунъ-фонъ-Гогенштейнъ — представительницѣ одной изъ древнѣйшихъ германскихъ фамилій, породнившей семейство простолюдиновъ Разумовскихъ съ коренною австрійскою аристократіею. Обозлившись въ высшей степени на Григорія и узнавъ, что онъ поѣхалъ во Францію, гдѣ уже тогда начинался сильный разгаръ революціи, Кирило Григорьевичъ писалъ въ Вѣну Андрею, что Григорій, при столь блаженныхъ устройствахъ въ сей странѣ, т. е. во Франціи, можетъ на фонарь попасть или позабыть свою Дульцинею. «Въ томъ и другомъ случаѣ — добавлялъ нѣжный родитель — выигрышъ на нашей сторонѣ». Изъ этого видно, что вовсе не прирожденная, но только привившаяся впослѣдствіи къ малорусскому хлопцу такъ называемая аристократическая «морга» разыгралась до того, что онъ не прочь былъ, чтобы сынъ его былъ повѣшенъ французскими санкюлотами на фонарѣ, лишь бы онъ не обезчестилъ своего семейства неподходящимъ родствомъ. Язвительныя насмѣшки, грубая и даже крайне неприличная брань сыпались на дѣ-

вушку, которая, какъ думалъ графъ Кирило Григорьевичъ Разумовскій, была недостойна, по ея темному происхожденію, войти въ новоявленную фамилію Разумовскихъ.

Сильно, однако, ошибался въ этомъ отношеніи графъ Кирило, такъ какъ невѣста его сына оказала бы, по ея родословію, брачнымъ съ собою союзомъ честь не только фамиліи Разумовскихъ, но и каждой другой, происхожденіе которой терялось въ глубокой древности. Предки дѣвицы Мальсенъ, благороднаго голландскаго происхожденія, издавна поселились въ Эльзасѣ, и въ то время, когда праотцы начавшаго теперь кичится своею знатностью Разумовскаго были въ Лемешахъ только регистровыми казаками, почти простыми крестьянами, даже безъ всякаго фамильнаго прозванія, предки невѣсты давнымъ-давно были въ числѣ феодальныхъ бароновъ съ прибавкою, по принадлежащему имъ помѣстью, фамиліи фонъ-Тильборхъ. При такомъ различіи въ женитьбѣ Разумовскаго на дѣвицѣ Мальсенъ-де-Тильборхъ неровнею оказывалась вовсе не невѣста, но, напротивъ, женихъ. Въ добавокъ къ древнему происхожденію, Мальсены имѣли знатное родство, и роднею матери невѣсты приходился, между прочимъ, князь де-Роганъ, архіепископъ страсбургскій, пріобрѣвшій себѣ такую громкую, хотя и не лестную извѣстность въ дѣлѣ объ ожерельѣ королевы Маріи-Антуанетты.

VI.

Въ то время, къ которому относится нашъ разсказъ, семья Мальсенъ состояла только изъ двухъ лицъ: матери, женщины среднихъ лѣтъ, и ея дочери, молоденькой еще дѣвушки, по имени Генріетты. Эти представительницы фамиліи Мальсенъ принадлежали къ числу предусмотрительныхъ эмигрантовъ-роялистовъ, которые, предвидя, какимъ страшнымъ ураганомъ можетъ разразиться начавшаяся во Франціи революціонная непогода, нашли болѣе благоразумнымъ выбраться оттуда и укрыться въ такомъ мирномъ затишьѣ, какимъ была въ ту пору Швейцарія. Здѣсь мать и дочь, поселясь на время, находились въ томъ крайне-стѣсненномъ положеніи, какое тогда испытывали эмигрировавшіе изъ Франціи дворяне, вынужденные, въ чаяніи благопріятнаго

оборота дѣлъ, существовать на самыя скромныя или даже просто убогія средства — на тѣ крохи, которыя имъ удалось захватить съ собою или перевести заграницу черезъ банкирскіе дома. Несмотря на это, г-жа Мальсенъ, какъ надо полагать, слѣдуя тогдашнему обычаю французскихъ дамъ большого свѣта, принимала у себя лучшее общество, составленное изъ французовъ и иностранцевъ, во множествѣ проживавшихъ тогда въ Лозаннѣ. Къ обществу ея, какъ по своему положенію, такъ и въ качествѣ ученаго, примкнулъ и прежній нелюдимъ — графъ Григорій Кирилловичъ Разумовскій. Онъ, какъ видно изъ относящихся къ этому времени писемъ, наперекоръ своей дикости и угловатости, сдѣлался даже свѣтскимъ, и, по всей вѣроятности, довольно - смѣшнымъ человѣкомъ. Какъ бы то ни было, но онъ былъ усерднымъ посѣтителемъ гостиной г-жи Мальсенъ и страстно, какъ молодой еще въ ту пору, тридцатилѣтній человѣкъ, влюбился въ ея дочь Генріетту. Изъ тѣхъ извѣстій, которыя сохранились о Генріеттѣ, не трудно убѣдиться, что эта дѣвушка могла производить на мужчинъ чарующее впечатлѣніе. Такому впечатлѣнію легко могъ поддаться каждый изъ нихъ, въ особенности же Григорій Разумовскій, любовныя похожденія котораго, хотя и очень многочисленныя, ограничивались только скоропреходящими амурами, безъ той глубокой привязанности и уваженія, какія внушаютъ мужчинѣ умъ и сердце женщины. Такимъ образомъ, рѣшимость графа Григорія промѣнять свою холостую, привольную жизнь и вступить въ бракъ съ Генріеттой становится понятна; но почему же эта дѣвушка рѣшилась отдаться человѣку, который, по своей не только непригожей, но и отталкивающей внѣшности, какъ казалось, не могъ ей полюбиться? Не говоря уже о томъ, что, вообще, любовь въ жизни женщинъ большая загадка, и что у нихъ очень часто имѣютъ успѣхъ не обворожительные красавцы, но чуть ли не уроды, надо обратиться къ обычаямъ и понятіямъ той среды, къ которой принадлежала офранцузившаяся баронесса Генріетта Мальсенъ-де-Тильборхъ.

Въ ту пору въ высшемъ французскомъ обществѣ бракъ, оставаясь церковнымъ учрежденіемъ, считался, однако, уже чисто-гражданскою сдѣлкою, въ которой состояніе и обще-

ственное положеніе брачной четы — особенно же положеніе жениха — принимались главными основами супружескаго союза, причемъ не только старость, но и дряхлость жениха не противопоставлялась, какъ препятствіе, цвѣтущему возрасту невѣсты. О красотѣ же или благообразіи брачущихся не было и рѣчи, въ особенности въ примѣненіи къ жениху. Деспотизмъ родителей надъ дочерьми, въ аристократическихъ французскихъ семьяхъ, при вопросѣ о бракѣ, едва ли былъ слабѣе, чѣмъ у насъ въ стародавнюю пору, такъ что почтенные главы французскихъ семействъ, хотя и вовсе незнакомые съ «Домостроемъ» попа Сильвестра, въ сущности, руководствовались его поученіями какъ нельзя лучше. Такой взглядъ на обязательность брака по волѣ родителей порождалъ въ невѣстахъ высшаго французскаго общества равнодушіе къ личности жениха, а принималась въ соображеніе только та обстановка, которую онъ могъ доставить своей будущей супругѣ. Господствовавшая же вѣтренность и установившаяся вслѣдствіе этого независимость и свобода супруговъ въ ихъ сердечныхъ дѣлахъ не дѣлали брака для замужнихъ женщинъ невыносимымъ ярмомъ и не угрожали имъ безвыходностію домохозяйки, обязанной заботиться только о домашнихъ удобствахъ мужа и возиться постоянно около дѣтей, если таковыя имѣлись. Браки не только по страсти, но даже по чувству взаимнаго расположенія другъ къ другу, были тогда чрезвычайно рѣдки въ той средѣ, въ которой выросла Генріетта, такъ какъ кругомъ ея совершались супружества, если не исключительно, то преимущественно «par convenance». При такомъ настроеніи высшаго французскаго общества, бракъ Разумовскаго съ дѣвицею де-Мальсенъ могъ легко сладиться: женихъ имѣлъ титулъ, носилъ громкую, хотя и новую фамилію, въ добавокъ былъ богатъ, и потому въ глазахъ свѣта онъ былъ подходящимъ женихомъ для Генріетты. Кромѣ того, положеніе г-жи де-Мальсенъ, какъ эмигрантки, не было на столько благопріятно и обезпечено въ будущемъ, чтобы ей приходилось быть слишкомъ разборчивой въ выборѣ жениховъ для своей дочери, тѣмъ болѣе, что во Франціи революція не только не стихала, но разгоралась все сильнѣе и сильнѣе, грозя совершеннымъ обнищаніемъ тамошнему и безъ того незажиточному

дворянству. Внушенія матери, желавшей прежде всего устроить будущее положеніе своей дочери, могли всего болѣе повліять на рѣшимость Генріетты выбрать себѣ жениха, хотя и куда-какъ непригляднаго, но зато знатнаго и богатаго.

Надобно, впрочемъ, замѣтить, что Генріетта была умна и превосходно образована; такія же качества она могла не только замѣтить, но и полюбить въ графѣ Григоріи, такъ что въ этомъ отношеніи у нея были къ нему своего рода влеченіе и сочувствіе. Вообще же, какъ показала вся послѣдующая жизнь Генріетты, къ ней вовсе не подходило названіе «плутовки», не въ игривомъ, конечно, а въ оскорбительномъ смыслѣ этого слова — и еще менѣе названіе «потаскушки», какими величалъ ее будущій свекоръ. Этотъ графъ-выскочка, не зная ни Генріетты, ни ея общественнаго положенія и принимая ее за дочь «купца» или «посадскаго», считалъ себя въ правѣ поворить достойную во всѣхъ отношеніяхъ дѣвушку за то, что она дерзала думать о вступленіи въ случайно-возвеличенную семью казачки Розумихи.

При предположенномъ бракѣ Генріетты съ графомъ Григоріемъ, была упущена изъ виду невѣстою и ея матерью одна особенность, отличавшая жениха и не предвѣщавшая невѣстѣ хорошей будущности, а именно: Мальсены или не успѣли ознакомиться съ характеромъ Разумовскаго, или, быть можетъ, даже очень хорошо зная всѣ его недостатки, думали, что они современемъ изгладятся, держась, въ сущности, въ этомъ случаѣ, по всей вѣроятности, неизвѣстной имъ вовсе русской поговорки: «Женится — перемѣнится». Между тѣмъ графъ Григорій отличался ужаснымъ, непреклоннымъ нравомъ. Хотя на подвиги его, доказывающіе крутость и невыносимость для близкихъ къ нему лицъ его нрава, мы не встрѣтили никакихъ подробныхъ указаній, но, судя по общимъ о немъ отзывамъ людей къ нему самыхъ близкихъ, слѣдуетъ предполагать, что онъ былъ человѣкъ, съ которымъ невозможно было ужиться.

VII.

Съ самаго ранняго дѣтства Григорій поражалъ окружающихъ его лицъ своими странностями. Онъ былъ слабый, болѣзненный ребенокъ, чрезвычайно впечатлительный, легко раздражавшійся, чуждавшійся всѣхъ, сосредоточенный и упрямый. Съ юныхъ же лѣтъ онъ сталъ выказывать чрезвычайную охоту къ ученію, но въ то же время характеромъ своимъ приводилъ въ отчаяніе приставленныхъ къ нему учителей и воспитателей. Пріѣхавъ, послѣ перваго путешествія, изъ Европы въ Малороссію, онъ такъ досадилъ отцу, что тотъ, и прежде любившій его менѣе, чѣмъ всѣхъ другихъ сыновей, окончательно отвернулся отъ него. Одна изъ сестеръ Григорія, Наталья Кирилловна, оказывала ему доброе расположеніе и, признавая его недостатки и пороки, предполагала только, что онъ могъ бы быть другимъ человѣкомъ, если бы попалъ смолоду въ хорошія, строгія руки. Старался направить его на лучшій путь и братъ его, Андрей Кирилловичъ. Въ перепискѣ своей съ Маринiаномъ, о которой мы уже говорили, онъ пытался заступаться за него, находя, что Григорій хотя и имѣетъ недостатки, но, въ сущности, онъ не испорченный въ конецъ юноша, и думалъ, что всѣ его пороки — не болѣе, быть можетъ, какъ только дурныя привычки, а не врожденныя свойства. Тѣмъ не менѣе, впослѣдствіи онъ называлъ Григорія «свирѣпымъ сопутникомъ» (compagnon farouche) Мариніана. Но и при этомъ Андрей силился сказать хоть нѣсколько словъ въ защиту своего брата. Онъ писалъ Мариніану: «все, что̀ вы сообщаете мнѣ о Григоріи, нисколько не удивляетъ меня. Я всегда считалъ его чудакомъ. Въ описаніи его, сдѣланномъ вами, я вижу человѣка мрачнаго и свирѣпаго нрава, но прямого и честнаго, и признаюсь вамъ, мой другъ, что я скорѣй предпочитаю энергію уклончивости, и рѣзкость непослѣдовательности, чѣмъ отличается бо̀льшая часть молодыхъ людей, которыхъ мнѣ приходится встрѣчать въ обществѣ», и далѣе: «мнѣ извѣстны недостатки моего брата и признаю ихъ, но я извиняю ихъ тѣмъ источникомъ, который породилъ ихъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, онъ полагалъ, что Григорій, по своему нраву, не

поддастся никакимъ внушеніямъ и не обратитъ вниманія ни на какіе упреки, даже самаго доброжелательнаго свойства. Мягкосердый Андрей старался быть защитникомъ брата и передъ отцомъ.

Подъ его вліяніемъ и при воздѣйствіи той извѣстности, какую получилъ Григорій среди европейскихъ ученыхъ своими сочиненіями, Кирило Григорьевичъ примирился съ Григоріемъ. Онъ писалъ, между прочимъ, Андрею: «при всей странности Григорія, хорошо, что онъ избралъ такое упражненіе, которое и похвально и можетъ быть полезно для молодого человѣка, а ему всегда пріятно; я не только что на него за это не сердитъ, но апробую его упражненіе, яко могущее современемъ ему славу наносить. Правда, что оно противно военному званію; но что дѣлать, когда ни сложеніе его здоровья, ни склонности къ тому не влекутъ», и затѣмъ добавлялъ: «нашъ философъ, устремившій свои мысли на полезныя знанія и на испытаніе существа натуры, кажется мнѣ, благую часть избралъ, которая не отнимется отъ него». Похвалилъ Григорія отецъ еще и за другое: «онъ», писалъ Кирило Григорьевичъ сыну Андрею, «порядоченъ въ издержкахъ и разсчетахъ, чѣмъ ни одинъ изъ васъ похвалиться не можетъ, и я бы желалъ, чтобы сей статьѣ вы у него поучились».

Впослѣдствіи Кирило Григорьевичъ, раздраженный доходившими до него слухами о бракѣ Григорія въ Швейцаріи, высказывался, однако, о немъ крайне нелестно. Такъ, онъ писалъ къ сыну Андрею: «Фигура Григорія, сколько, кажется, гнусна, столько и влюбчива, какъ то и вся ваша братія. Въ подобныхъ обстоятельствахъ и самаго гибкаго нрава не мягки бываютъ, а съ такимъ упругимъ, какъ его, и чортъ не сладитъ». Въ другомъ письмѣ онъ высказывалъ, что «нравъ Григорія суровый и не гибкій», а потому и не надѣялся его «переворотить». Кирило Григорьевичъ находилъ, что всякое насиліе надъ Григоріемъ «взорветъ и взбѣситъ его, какъ мину пороховую». Коснувшись же предполагаемаго брака, старикъ Разумовскій думалъ, что, если Григорій женится въ Швейцаріи, «то сіе будетъ, съ жестокимъ его нравомъ, гробъ тѣмъ всѣмъ помышленіямъ; все ему омерзѣетъ, все броситъ и самъ явится къ своимъ». Въ за-

ключеніе, говоря о желаніи Григорія уѣхать обратно въ Швейцарію, Кирило Григорьевичъ добавлялъ, что такая мысль «достойна его помѣшаннаго разсудка».

Съ такимъ человѣкомъ, съ которымъ, какъ говорится, не могло быть ни складу, ни ладу, рѣшилась Генріетта соединить свою судьбу. И какъ дорого поплатилась она за это впослѣдствіи!

Пріѣхавъ изъ Россіи въ Лозанну, Разумовскій отправился оттуда во Францію. Хотя тамъ и была революція въ полномъ разгарѣ, и христіанская церковь, какъ государственное и общественное учрежденіе, прекратила свое законное существованіе, но все же Разумовскій обвѣнчался тамъ съ Генріеттой Мальсенъ-де-Тильборхъ по латинскому обряду, такъ какъ та общественная среда, къ которой принадлежала невѣста, оставалась вѣрною церкви и ея установленіямъ.

Неизвѣстно, какъ жили новобрачные между собою, но ихъ супружескій союзъ продолжался не долго. Въ 1793 году исполнилось предсказаніе старика Разумовскаго, такъ какъ Григорій бросилъ жену и уѣхалъ изъ Швейцаріи. Кто изъ этой четы былъ виновникомъ разрыва, положительно сказать нельзя, но, судя, съ одной стороны, по характеру мужа и по его неуживчивости, а съ другой — по обворожительной личности Генріетты, надобно думать, что, не смотря на послѣдующія его оправданія самого себя и безпощадное обвиненіе жены, причиною раздора былъ онъ. Сбылось и другое предсказаніе Кирилы Григорьевича, — а именно: что Григорій, женившись на швейцаркѣ, убѣжитъ къ своимъ. Дѣйствительно, въ томъ же 1793 году, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и выразилъ желаніе не только поселиться навсегда въ Россіи, но и поступить на службу. По поводу этого Кирило Григорьевичъ писалъ сыну Андрею: «Григорій весьма, къ удивленію всѣхъ насъ, перемѣнился. Тяжелую голову педанта промѣнялъ на легкую петиметра. Не знаю, о послѣднемъ жалѣть или радоваться». По всей вѣроятности, такое преобразованіе Григорія произошло подъ вліяніемъ его жены, — женщины умной, образованной и свѣтской. Но, явившись на этотъ разъ въ Петербургъ «петиметромъ», графъ Григорій «вскорѣ кончилъ тѣмъ, что», по словамъ его отца, «онъ хорошо, было, сначала пріѣзда въ столицу ознамено-

валъ себя, подъ конецъ выглянулъ подло, и таковымъ поступкомъ истребилъ вовсе въ чужихъ и даже въ своихъ зародившееся доброе мнѣніе съ перваго взгляда». Въ Петербургѣ онъ сперва «велъ скуку со всѣми элеганціями», т. е. бывалъ постоянно въ лучшемъ обществѣ; но потомъ произвелъ какой-то скандалъ, которымъ, по выраженію отца, «увѣнчалъ свои неистовства». Подъ словомъ «неистовства» подразумѣвалось въ ту пору очень многое: и кутежъ, и буйство, и непокорность, и волокитство, и жестокость, а также религіозное и политическое вольнодумство, такъ что, вообще, «неистовый» человѣкъ того времени былъ таковъ, что съ нимъ невозможно было не только жить и вести какое нибудь дѣло, но даже одна только съ нимъ встрѣча была уже предвѣстіемъ сильныхъ непріятностей. «Пронеистовавъ» въ Россіи шесть лѣтъ, Григорій уѣхалъ изъ Петербурга въ 1799 году и сталъ «бить шабалу по Европѣ». Неизвѣстно, гдѣ именно онъ провелъ слѣдующія пять лѣтъ, но въ 1804 году, уже послѣ смерти отца, онъ, получивъ свою долю наслѣдства, купилъ въ Баденѣ, близъ Вѣны, виллу и началъ строить въ Тріестѣ великолѣпный палаццо.

Неизвѣстно также, гдѣ въ это время жила оставленная имъ Генріетта, къ которой онъ сталъ чувствовать непримиримую ненависть. Онъ обвинялъ ее въ развратѣ, пьянствѣ и воровствѣ, и даже написалъ на нее на французскомъ языкѣ памфлетъ самаго грязнаго и возмутительнаго содержанія. Всѣ эти обвиненія слѣдуетъ признать злобною клеветою, такъ какъ Генріетта Разумовская, по свидѣтельству всѣхъ знавшихъ ее, была женщина безупречная во всѣхъ отношеніяхъ и пользовалась глубокимъ уваженіемъ какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ, считавшихъ за честь быть принятыми въ ея домѣ. Въ добавокъ ко всѣмъ огорченіямъ и оскорбленіямъ, наносимымъ ей мужемъ, ей, со стороны его, готовился новый, рѣшительный ударъ.

VIII.

Въ Баденѣ, куда по временамъ наѣзжалъ въ свою виллу Григорій, жило въ ту пору семейство нѣмецкаго барона Шенка-де-Кастель, и украшеніемъ этого почтеннаго семей-

ства была молоденькая дѣвочка или, вѣрнѣе сказать, подростокъ, только-что вышедшій изъ дѣтства; звали ее Тереза-Елизавета, или, сокращенно, Елиза. Судя по ея портрету, написанному въ молодые годы, Елиза, съ свѣтлыми локонами, голубыми глазами и тонкими, кроткими чертами лица, олицетворяла собою образъ Маргариты, по всей вѣроятности, грезившійся творцу Фауста. Дѣвушка эта полюбилась Григорію Разумовскому, жизнь котораго стала уже склоняться къ закату. Ему въ эту пору было сорокъ пять лѣтъ, и болѣзненный женихъ былъ вовсе не подъ-стать пятнадцатилѣтней невѣстѣ. Здѣсь снова пришлось бы пускаться въ догадки о причинахъ такого неровнаго по годамъ брака, если бы нельзя было предположить, что въ настоящемъ случаѣ неотразимо подѣйствовала родительская воля на покорную передъ нею дочь. Что касается неровности брака, относительно происхожденія жениха и невѣсты, то и здѣсь перевѣсъ благородной крови былъ на сторонѣ послѣдней. Родословное ея древо достигало своею вершиною чуть ли не облаковъ, такъ какъ родоначаліе ея фамиліи терялось въ сѣдой древности, восходя ко временамъ крестовыхъ походовъ, когда предки ея, въ числѣ паладиновъ, ходили въ святую землю совершать военно-богоугодныя подвиги.

Къ заключенію этого брака встрѣтилось, однако, существенное препятствіе: Григорій Разумовскій былъ уже женатъ, и первый его супружескій союзъ не былъ расторженъ законнымъ образомъ. Онъ, впрочемъ, и не думалъ вовсе объ этомъ, а рѣшилъ дѣло самъ, объявивъ, что первый бракъ его недѣйствителенъ, такъ какъ онъ, будучи греческаго закона, былъ обвѣнчанъ съ Генріеттою Мальсенъ-де-Тильборхъ только по латинскому обряду. Вѣроятно, такими доводами онъ успѣлъ склонить родителей Елизы на бракъ ихъ дочери, но, въ сущности, онъ являлся двоеженцемъ и передъ закономъ Австріи, гдѣ вступилъ теперь въ новый бракъ, и передъ закономъ своей родины, а также и передъ церквами западною и восточною, а, наконецъ, и въ общественномъ мнѣніи, такъ какъ онъ въ теченіе слишкомъ десяти лѣтъ не оспаривалъ законности своего брака съ Генріеттой, которая безпрепятственно носила имя графини Разумовской. Теперь же вдругъ являлась другая графиня Разумовская, по-

лучившая такое право безъ предварительнаго уничтоженія этого права, переданнаго прежде другой дѣвушкѣ. На этотъ разъ графъ Григорій Разумовскій думалъ, съ своей точки зрѣнія, закрѣпить ненарушимость второго брака, при нерасторженіи перваго, тѣмъ, что обвѣнчался съ Терезою-Елизаветою Шенкъ-де-Кастель въ Тріестѣ по греческому обряду. Вѣнчалъ ихъ православный греческій монахъ, Викентій Родичъ.

Когда вѣсть о свадьбѣ графа Григорія дошла до первой его жены, Генріетты, то она, вмѣстѣ съ матерью, поспѣшила въ Петербургъ, чтобы отстоять передъ русскимъ правительствомъ свои супружескія права и выхлопотать признаніе второго брака ея мужа недѣйствительнымъ.

Въ Петербургѣ, какъ пишетъ г. Васильчиковъ, никто изъ родства Разумовскихъ не хотѣлъ ее принимать, но у графини Генріетты были письма, отъ швейцарскихъ и парижскихъ друзей, къ поселившимся въ Россіи эмигрантамъ, изъ которыхъ, впрочемъ, она многихъ знала лично, и къ дипломатамъ, акредитованнымъ при петербургскомъ дворѣ. Особенно сблизился съ нею извѣстный графъ Іосифъ де-Местръ, посланникъ сардинскаго короля при русскомъ дворѣ, и чрезъ него графиня Генріетта и мать ея близко познакомились съ тою частію высшаго петербургскаго общества, которая явно склонялась къ католицизму. Г-жа Свѣчина, княгиня Щербатова, графиня Головина и другія охотно принимали ихъ у себя и вскорѣ подружились съ остроумными и любезными иностранками, изъ которыхъ положеніе молодой не было лишено романтизма. У Свѣчиной онѣ встрѣчали всѣхъ тогдашнихъ умниковъ и передовыхъ людей Петербурга, между ними и Н. Н. Новосильцева, братьевъ Тургеневыхъ, рѣзко отличавшихся отъ своихъ сверстниковъ серьезнымъ направленіемъ и искренностію убѣжденій.

Изъ дальнѣйшаго нашего разсказа будетъ виденъ ходъ дѣла о законности одного изъ браковъ, заключенныхъ графомъ Разумовскимъ, а теперь мы замѣтимъ, что католическая партія въ Петербургѣ не могла сама по себѣ имѣть благопріятнаго вліянія на рѣшеніе жалобы графини Разумовской. Домогательство ея о признаніи законности ея брака, какъ католички съ православнымъ женихомъ, до того было основательно, что не требовало никакой особой поддержки.

Даже въ настоящее время, когда правила о совершеніи браковъ православныхъ съ христіанами-иновѣрцами изложены въ нашемъ законодательствѣ съ такими подробностями, въ нихъ все-таки нѣтъ указанія на то, чтобы бракъ лица православнаго исповѣданія съ лицомъ католическаго, совершенный только по обряду латинской церкви внѣ Россіи, могъ быть признанъ недѣйствительнымъ. Въ ту же пору, къ которой относится нашъ разсказъ, правила о расторженіи брака по упомянутой причинѣ не существовало даже и въ отношеніи такихъ браковъ, заключенныхъ въ Россіи. Такой исключительный законъ былъ изданъ только въ 1832 году, но замѣчательно, что и при этомъ въ числѣ поводовъ, служащихъ къ расторженію браковъ, не упоминается, чтобы бракъ такой четы, въ которой одно лицо православнаго исповѣданія, совершенный за границею только по обряду католической церкви, признавался недѣйствительнымъ. Такимъ образомъ, графиня Генріетта Разумовская, въ силу тогдашняго законодательства, несомнѣнно, а въ силу нынѣшняго — вѣроятно, могла отстоять свои супружескія права и безъ поддержки со стороны приверженцевъ католицизма, если бы только ей намѣренно не захотѣли оказать явную несправедливость.

Петербургское высшее общество, въ которомъ, дѣйствительно, было нѣсколько русскихъ дамъ, предпочитавшихъ католичество православію, встрѣтило очень радушно баронессу Мальсенъ-де-Тильборхъ и дочь ея, графиню Генріетту Разумовскую, въ ту пору еще молодую, около тридцати лѣтъ женщину, свѣтскую и блестяще-образованную.

Онѣ, конечно, могли разными косвенными путями содѣйствовать тому, чтобы бракъ Генріетты съ графомъ Григоріемъ былъ подтвержденъ въ Россіи, и если бы въ этомъ дѣлѣ шелъ исключительно вопросъ о торжествѣ католицизма надъ православіемъ, то могли бы найти для себя поддержку и со стороны одной изъ наиболѣе замѣтныхъ представительницъ тогдашняго высшаго петербургскаго общества, Маріи Антоновны Нарышкиной, рожденной княжны Четвертинской, католички и польки, пользовавшейся огромнымъ вліяніемъ. Не отвергая того, что, при католической религіи графини Разумовской, постановка вопроса о законности ея брака пред-

ставляла почву для пререканій между католическою и православною церквами, и потому могла до извѣстной степени пріобрѣсти сторонницъ графинѣ Генріеттѣ и среди русскихъ дамъ, — мы еще разъ замѣтимъ, что, на основаніи тогдашнихъ нашихъ законовъ и каноническихъ правилъ, не опровергающихъ дѣйствительности брака, совершеннаго католическимъ священникомъ, права ея — оставаться, по прежнему, законною супругою графа Григорія Кирилловича Разумовскаго — не могли подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Но дѣло это могло затянуться на-долго и должно было поставить отвергаемую мужемъ жену въ ложное общественное положеніе. Чтобы предотвратить такую томительную для молодой женщины медленность юридической развязки, нужно было избрать быстрое и при томъ такое средство, которое отняло бы у противниковъ Генріетты надежду на успѣхъ, даже и въ такомъ случаѣ, если бы домогательства ея предали на разсмотрѣніе суда. При такомъ направленіи дѣла, графиня Генріетта могло найти для себя въ Петербургѣ не только покровительницъ, но и покровителей.

Въ ту пору императору Александру Павловичу не было еще тридцати лѣтъ. Онъ былъ въ цвѣтѣ молодости и красоты. Нѣжныя черты лица, кротость взгляда и привѣтливая улыбка внушали вѣру въ его доброту, и подъ вліяніемъ этого обаянія каждый могъ смѣло обратиться къ нему съ личною просьбою. Особенно на это могли разсчитывать женщины. Только въ крайнихъ случаяхъ государь отказывалъ въ ихъ ходатайствахъ, но и самый отказъ, въ подобныхъ случаяхъ, сопровождался такою вѣжливостію и любезностію, что могъ до извѣстной степени утѣшить огорченную просительницу. Императоръ Александръ Павловичъ при объясненіяхъ съ кѣмъ-нибудь вообще и въ особенности съ женщинами, у которыхъ робкій и дрожащій говоръ, переходилъ, обыкновенно, отъ волненія въ шопотъ, напрягалъ слухъ и это придавало ему видъ самаго внимательнаго слушателя. Въ добавокъ къ этому, вслѣдствіе своей близорукости, онъ пристально смотрѣлъ на тѣхъ, съ кѣмъ разговаривалъ, и это, въ свою очередь, отражалось на его лицѣ выраженіемъ усиленнаго участія. Наконецъ, ласковое обращеніе, спокойный и симпатичный голосъ ободряли каждаго и каждую, кто имѣлъ слу-

чай объясняться съ нимъ лично по какому-либо дѣлу. Въ такомъ привлекательномъ, даже чарующемъ видѣ представляютъ намъ императора Александра Павловича его современники и современницы. Понятно, что графиня Генріетта, при ея печальномъ положеніи, могла смѣло разсчитывать на благосклонность такого добродушнаго государя.

Другія обстоятельства тоже благопріятствовали Генріеттѣ. Государя въ это время окружали его сверстники, люди молодые, получившіе то утонченное французское воспитаніе, отличительными чертами котораго были, между прочимъ, изысканная вѣжливость и всевозможная предупредительность въ отношеніи представительницъ прекраснаго пола. Такими людьми въ ту пору были: графъ Павелъ Строгоновъ, князь Петръ Долгоруковъ, князь Адамъ Чарторыйскій, Северинъ, Потоцкій и Николай Новосильцевъ. Всѣ они, въ своихъ частныхъ и откровенныхъ бесѣдахъ съ государемъ, легко могли предрасположить его въ пользу молодой женщины, такъ несправедливо и такъ жестоко отвергнутой ея мужемъ. Притомъ въ Петербургѣ очень легко могли вспомнить о томъ, какъ здѣсь, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, «неистовствовалъ» графъ Григорій Разумовскій. При этихъ воспоминаніяхъ онъ, конечно, представлялся человѣкомъ жесткимъ, грубымъ, безжалостнымъ, какимъ-то полупомѣшаннымъ сумасбродомъ, а потому сочувствіе всего общества должно было перейти на сторону его жены, отличавшейся привлекательными качестрами ума и сердца.

При этихъ благопріятныхъ условіяхъ, дѣло графини Генріетты устроилось такимъ образомъ.

На одномъ изъ придворныхъ выходовъ, происходившемъ въ Зимнемъ дворцѣ, явилась графиня Генріетта Разумовская со своею матерью. Императоръ съ обыкновенною своею почтительною любезностью встрѣтилъ обѣихъ дамъ: одну, какъ свою вѣрноподданную по ея мужу, а другую — какъ знатную иностранку, удостоенную чести быть представленною къ императорско-русскому двору. Вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна, строго и неотступно соблюдавшая всѣ тонкости этикета, и потому не выражавшая никому на оффиціальныхъ представленіяхъ своего особеннаго вниманія, была на этотъ разъ въ отношеніи баронессы Мальсенъ и

графини Разумовской сдержанна какъ обыкновенно. Отвѣтивъ только величавымъ легкимъ поклономъ на установленное церемоніаломъ привѣтствіе представляемыхъ ей дамъ, она не сказала имъ ни слова, что̀ въ придворномъ кругу принято было признакомъ нерасположенія къ Разумовской со стороны императрицы-матери. Но, въ противоположность этому, императрица Елизавета Алексѣевна обошлась съ ними весьма привѣтливо. Хотя всѣ эти оттѣнки могли имѣть нѣкоторое значеніе въ глазахъ царедворцевъ и ихъ супругъ, но, какъ бы то ни было, а главная цѣль Генріетты была достигнута, — она была принята при дворѣ, какъ супруга графа Григорія Кирилловича Разумовскаго, и этимъ косвеннымъ путемъ, въ глазахъ петербургскаго общества, была подтверждена законность супружескихъ правъ Генріетты, такъ что дѣло ея, въ смыслѣ вопроса объ общественномъ ея положеніи въ Россіи, было тѣмъ самымъ рѣшено въ ея пользу.

Съ своей стороны, семейство Разумовскихъ хотя и убѣдилось, что Генріетта не была дочь купца или посадскаго, но все же, по прежнему, не было расположено къ ней и пускало въ ходъ разныя средства для того, чтобъ законность перваго брака графа Григорія не была признана въ Россіи. Друзья и сторонники Генріетты вели дѣло о представленіи ея ко двору въ глубокой тайнѣ, и Разумовскіе чрезвычайно изумились, когда это исполнилось, для нихъ совершенно неожиданно. Считая, такимъ образомъ, дѣло поконченнымъ и успокоившись за свою будущность, Генріетта, пробывъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, уѣхала съ матерью обратно въ Швейцарію, продолжая поддерживать дружбу и знакомство съ тѣми лицами, которыя, въ бытность ея въ Петербургѣ, оказывали ей горячее участіе и доброе расположеніе.

IX.

Время шло своимъ чередомъ. Императоръ Александръ Павловичъ былъ занятъ преимущественно войнами съ своимъ грознымъ и могущественнымъ противникомъ, Наполеономъ I. Совершилось нашествіе французовъ на Россію, затѣмъ произошло ихъ отступленіе изъ Москвы и началось преслѣдованіе ихъ русскими. Императоръ Александръ, во время

этого похода, прибылъ на непродолжительную побывку въ Теплицъ, когда на тамошнихъ водахъ находился графъ Григорій Разумовскій съ своею второю женою, Терезою-Елизаветою.

Разумовскому въ эту пору было уже пятьдесятъ три года, и онъ, некрасивый, неуклюжій, болѣзненный съ самаго дѣтства, а теперь, въ добавокъ къ этому, съ бездѣйствующею, вслѣдствіе болѣзни, правою рукою, выглядывалъ слабымъ, изможденнымъ старикомъ. Второй женѣ его было тогда только двадцать три года, она была въ разцвѣтѣ своей очаровательной красоты. Несмотря на такую противоположность, чета эта пользовалась, повидимому, домашнимъ счастьемъ. Графъ Григорій страстно любилъ Елизавету, а она, въ замѣнъ этого, платила мужу, хотя, по всей вѣроятности, и не страстною любовью, но сердечною привязанностью. Имъ былъ извѣстенъ успѣхъ въ Петербургѣ Генріетты, которая, вслѣдствіе этого, считалась, въ глазахъ русскаго общества, законною женою графа Григорія Кирилловича Разумовскаго. Такимъ образомъ, ни сама Елиза, ни ея дѣти, какъ двоеженца, не могли имѣть никакихъ правъ на принадлежность къ фамиліи графовъ Разумовскихъ. Въ виду этого тяжелаго положенія, Елизѣ нужно было прежде всего обратить въ ничто успѣхъ, достигнутый Генріеттою въ Петербургѣ, воспользовавшись и съ своей стороны тѣмъ расположеніемъ, какое обыкновенно государь оказывалъ объяснившимся съ нимъ лично просительницамъ.

Въ одну изъ обычныхъ утреннихъ прогулокъ государя, когда онъ, начавши уже предаваться задумчивости, шелъ одиноко, по уединенной аллеѣ теплицкаго парка, къ нему скромно приблизилась молодая дама. Онъ былъ пораженъ замѣчательною ея красотою. Онъ остановился передъ очаровательною незнакомкою, которая сказала ему, что она жена графа Григорія Разумовскаго, рожденная баронесса Шенкъ-де-Кастель, и желаетъ получить паспортъ на проѣздъ въ Россію. Государь, однако, не только зналъ лично первую жену графа Григорія, бывшую въ Петербургѣ и при дворѣ, но и оказалъ ей свое особое расположеніе, приказавъ выдать ей весьма значительную сумму денегъ. Хотя послѣ этого и прошло уже довольно времени, но трудно предположить, чтобы изъ памяти Александра Павловича,—который, какъ из-

вѣстно, отличался памятью на лица, — могла изгладиться женщина, произведшая на него сильное обаяніе, о которой такъ много говорили въ Петербургѣ и исключительное положеніе которой привлекало къ себѣ участіе высшаго петербургскаго круга. Быть можетъ, государь и теперь очень хорошо помнилъ, что у Разумовскаго была первая жена, которую онъ уже самъ призналъ законной, допустивъ ея представленіе ко двору подъ именемъ графини Разумовской, но не могъ отказать и стоявшей передъ нимъ красавицѣ-просительницѣ, заявлявшей, въ свою очередь, что она графиня Тереза-Елизавета Разумовская, жена графа Григорія Кирилловича. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но государь сдѣлалъ визитъ графинѣ, приказалъ немедленно удовлетворить ея просьбу, обѣщалъ позаботиться объ участи ея дѣтей, и такимъ образомъ явились въ Россіи двѣ графини Разумовскія, состоявшія одновременно въ законномъ бракѣ съ однимъ и тѣмъ же лицомъ. Вышла путаница, разрѣшить которую оказывалось дѣломъ весьма затруднительнымъ.

Разумовскій и Елиза, съ выданнымъ имъ, по повелѣнію государя, паспортомъ, отправились въ Петербургъ, но туда поспѣшила пріѣхать и Генріетта; и вотъ явились здѣсь двѣ соперницы, оспаривавшія одна у другой стараго двоеженца. Въ высшемъ обществѣ должны были составиться теперь двѣ партіи, изъ которыхъ одна стояла за первую, а другая — за вторую жену Григорія Разумовскаго. Александръ Павловичъ, видя, въ какое затруднительное положеніе онъ поставилъ обѣихъ женъ графа Разумовскаго, отстранилъ лично себя отъ всякаго дальнѣйшаго участія въ этомъ спорномъ дѣлѣ, передавъ его на разсмотрѣніе духовнаго суда. Вслѣдствіе этого, вопросъ о дѣйствительности того или другого брака поступилъ на разсмотрѣніе синода, отъ котораго, такимъ образомъ, зависѣло соединить снова на вѣки Разумовскаго съ ненавистною ему женщиною, отлучивъ отъ него страстно любимую имъ подругу, или распорядиться противоположнымъ образомъ. Положеніе обѣихъ женщинъ было самое тяжелое: одна изъ нихъ непремѣнно должна была быть признана незаконною женою и, слѣдовательно, обратиться не болѣе какъ въ добровольную сожительницу того, кого она съ полнымъ убѣжденіемъ признавала своимъ мужемъ.

X.

Надобно отдать полную справедливость синоду за то безпристрастіе, съ которымъ онъ дѣйствовалъ въ настоящемъ случаѣ. Повидимому, онъ, какъ верховный представитель православной церкви въ Россіи, долженъ былъ склоняться на сторону второго брака, заключеннаго по восточному обряду, и тѣмъ самымъ, въ случаѣ, хотя и единичномъ, но надѣлавшемъ много шума, доставить безусловное торжество православію. Руководясь, однако, строго каноническими правилами, синодъ не отвергъ святости самаго таинства, хотя и совершеннаго по обряду латинской церкви, но, полагая, что при этомъ могли быть такія отступленія отъ правилъ римской церкви, которыя уничтожали сами по себѣ дѣйствительность брака Генріетты съ Разумовскимъ, счелъ нужнымъ передать это дѣло на разсмотрѣніе римско-католическаго митрополита Сестренцевича. Этотъ замѣчательный въ свое время католическій прелатъ, бывшій прежде лихимъ польскимъ уланомъ и протестантомъ, испыталъ по бракоразводнымъ дѣламъ не мало хлопотъ при императорѣ Павлѣ Петровичѣ, который, по свойственнымъ ему странностямъ и непонятнымъ для другихъ соображеніямъ, кончилъ свои пререканія съ его эминенціею тѣмъ, что предоставилъ лично себѣ рѣшать окончательно всѣ упомянутыя дѣла. По всей вѣроятности, на мысль о присвоеніи себѣ такого права императоръ былъ наведенъ тѣмъ обстоятельствомъ, что, будучи главою рыцарскаго полумонашескаго католическаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, онъ пользовался титуломъ «преосвященства» и, слѣдовательно, могъ считать себя на ряду съ іерархами римско-католической церкви и, въ силу этого, замѣнять власть главенствовавшаго въ Россіи римско-католическаго епископа своею собственною властію.

Невозможно предвидѣть, какъ бы рѣшилъ Павелъ Петровичъ бракоразводное дѣло Разумовскаго, если бы оно производилось въ его время, но несомнѣнно, что его рѣшеніе отличалось бы какою нибудь совершенно неожиданною своеобразностію. Что же касается рѣшенія, постановленнаго митрополитомъ Сестренцевичемъ, то онъ пригласилъ кіевскаго

епископа-суфрагана и двухъ канониковъ и затѣмъ рѣшилъ это дѣло безаппелляціоннымъ порядкомъ, признавъ бракъ графа Григорія Кирилловича Разумовскаго съ дѣвицею Генріеттою Мальсенъ-де-Тильборхъ законнымъ, какъ совершенный съ соблюденіемъ всѣхъ каноническихъ правилъ римской церкви.

Этого рѣшенія было, при настоящей обстановкѣ дѣла, какъ нельзя болѣе достаточно для расторженія второго брака Разумовскаго, съ Терезою-Елизаветою Шенкъ-де-Кастель, какъ незаконнаго супружескаго союза, при существованіи перваго брака. Для Разумовскаго и его второй жены оставалась, впрочемъ, еще нѣкоторая надежда, такъ какъ дѣло ихъ поступило на окончательное разсмотрѣніе синода, который, въ свою очередь, согласился съ рѣшеніемъ, постановленнымъ митрополитомъ Сестренцевичемъ. Вслѣдствіе всего этого, второй женѣ графа Григорія запрещено было носить титулъ и фамилію мужа, а рожденныя отъ этой преступной связи дѣти, къ ужасу молодой матери, были объявлены незаконными. Кромѣ того, самъ Разумовскій, какъ двоеженецъ, былъ приговоренъ синодомъ къ семилѣтней церковной эпитеміи.

Дѣло Разумовскаго, кончившееся такъ плачевно для него и для несчастной Елизы, тянулось три года. Императоръ Александръ Павловичъ держалъ себя по прежнему, въ сторонѣ, такъ какъ ему трудно было поддерживать ту или другую признанную имъ графиню Разумовскую, которыя, кромѣ того, обѣ не могли не возбуждать къ себѣ искренняго сочувствія. Жизнь этихъ, вполнѣ достойныхъ женщинъ, изъ которыхъ одной было теперь тридцать семь, а другой только двадцать восемь лѣтъ,—была загублена ихъ двоеженцемъ-мужемъ. Но, сравнительно, участь первой была гораздо сноснѣе. Она не только восторжествовала надъ своею, ни въ чемъ неповинною соперницею, но и надъ злѣйшимъ своимъ врагомъ,—который хотѣлъ ея позора и погибели. Въ иныя, гораздо болѣе жестокія условія была поставлена рѣшеніемъ митрополита и синода Елиза Разумовская: у нея отнимались не только титулъ, но и фамилія мужа, которыя она уже носила въ продолженіи тринадцати лѣтъ, съ самого юнаго, почти дѣтскаго возраста; она сдѣлалась теперь ни дѣвицею, ни замужнею, ни вдовою и, въ добавокъ, дѣтей

ея поставили на ряду съ дѣтьми, прижитыми ею отъ любовника...

Во все время этого томительнаго процесса, Разумовскій жилъ въ Петербургѣ. Всегда раздражительный, онъ дошелъ теперь до крайняго ожесточенія, и только неутомимыя научныя занятія нѣсколько облегчали его. Несмотря на судебное рѣшеніе, онъ продолжалъ настаивать, по прежнему, на законности второго брака и жаловался на оказываемыя ему несправедливости и на испытываемыя имъ гоненія, будто бы подготовленныя противъ него его родственниками и ихъ друзьями. Себя же самого онъ признавалъ ни въ чемъ неповиннымъ, говоря, что враги его безпощадно и безсовѣстно разрушили его домашнее счастье, которымъ онъ пользовался въ тиши своего семейства, вдалекѣ отъ суетнаго свѣта.

Если Григорій Кирилловичъ, отличавшійся вообще безсердечностью, съ сильнѣйшимъ раздраженіемъ переносилъ наносимый ему ударъ, то ударъ этотъ еще страшнѣе долженъ былъ отразиться на его второй, въ-конецъ униженной подругѣ жизни. Она, впрочемъ, продолжала надѣяться на особую милость государя, полагая, что будетъ допущенъ пересмотръ ея бракоразводнаго дѣла, при другихъ, болѣе благопріятныхъ для нея обстоятельствахъ, но вскорѣ ей пришлось потерять всякую надежду. Императоръ, держась принятаго имъ положенія, высказалъ, что онъ не войдетъ въ разсмотрѣніе этого дѣла, рѣшеннаго уже двумя духовными судами, римско-католическимъ и православнымъ, и, приказавъ выразить графинѣ Елизѣ Разумовской сердечное свое соболѣзнованіе объ участи ея самой и ея дѣтей, отказался отъ всякаго ей содѣйствія по ея дѣлу, предоставивъ ея дѣтямъ дворянское достоинство и фамилію Разумовскихъ, но безъ графскаго титула, вслѣдствіе чего установлялась ихъ отторженность какъ отъ ихъ отца, такъ и отъ всего его семейства.

Разумовскій обратился теперь къ императору съ прошеніемъ о выдачѣ паспорта на выѣздъ жены его изъ Россіи, какъ графинѣ Разумовской, но получилъ короткій отвѣтъ, что «баронессу Шенкъ-де-Кастель можно прописать въ паспортѣ только родовымъ именемъ, такъ какъ она на имя графа Разумовскаго никакихъ правъ не имѣетъ».

Въ добавокъ къ этому, ей неосторожно объявили объ отказѣ государя на выдачу ей паспорта. Это привело ее въ отчаяніе, и ей пришлось потерять всякую надежду.

Елиза въ то время, когда состоялся приговоръ объ ея разводѣ, родила сына, получившаго имя Льва, или Леона. Подорванное огорченіями ея здоровье и рожденіе ребенка, которому, какъ и другимъ ея дѣтямъ, предстоялъ позоръ незаконнорожденнаго, въ конецъ разрушили ея силы, и она скончалась, 3 марта 1818 года, сожалѣя, что вступила въ вполнѣ справедливую, по ея убѣжденію, борьбу съ своею соперницею, такъ какъ безъ этой борьбы, быть можетъ, и не возникло бы дѣло, такъ бѣдственно для нея окончившееся.

Смерть Елизы страшно потрясла графа Григорія. Онъ осыпалъ проклятіями всѣхъ и выражалъ глубокую ненависть къ родинѣ, гдѣ ему суждено было испытать такую невозвратимую утрату. Молодую женщину свело въ могилу горе, подтачивавшее ея жизнь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и подъ конецъ разразившееся такимъ нравственнымъ потрясеніемъ, котораго она не могла уже выдержать. Если не въ искренность, то въ глубину скорби графа Григорія по случаю потери существа, которое, повидимому, было ему такъ дорого, не вѣрили, однако, близкіе ему люди, и одна изъ его сестеръ писала, что какъ только пройдетъ первая пора его отчаянія, то онъ навѣрно обзаведется снова любовницами, хотя ему въ эту пору шелъ уже шестидесятый годъ. Вообще, личность этого ученаго дикаря, даже по отзывамъ самыхъ близкихъ ему по родству лицъ, оказывается отталкивающею, а рядомъ съ нимъ являются облики двухъ женщинъ, невольно привлекающихъ къ себѣ сочувствіе. Одна изъ нихъ — женщина высокаго ума и чистаго сердца; другая — страдалица, перенесшая не мало горя отъ своего взбалмошнаго мужа, за котораго она вышла четырнадцати-лѣтнею дѣвушкою, и поплатилась за этотъ подневольный бракъ позоромъ и преждевременною смертью.

Прискорбный исходъ дѣла о бракѣ Елизы не замедлилъ отразиться на ея дѣтяхъ. Старшій ея сынъ, Максъ, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, находился въ это время въ самомъ аристократическомъ тогдашнемъ пансіонѣ, который содержалъ французъ Шабо, куда онъ поступилъ подъ именемъ графа

Разумовскаго. Никто не оспаривалъ у него имени его отца, но когда разводъ его матери былъ объявленъ, то одно лицо, занимавшее высокую должность въ учебномъ вѣдомствѣ, прямо заявило содержателю пансіона, что нога его не будетъ въ пансіонѣ до тѣхъ поръ, пока тамъ останется воспитанникъ, выдаваемый за графа Разумовскаго. Вообще, участь дѣтей Елизы была крайне печальна: они оставались теперь на рукахъ непризнаннаго ихъ отца, отъ котораго нельзя было ожидать ни заботъ, ни попеченій, и который въ ту пору, когда они стали бы все болѣе и болѣе сознавать окружающую ихъ обстановку, служилъ бы для нихъ самымъ зловреднымъ примѣромъ. Неизвѣстно, долго ли еще горевалъ Разумовскій объ утратѣ второй жены, которую онъ несомнѣнно любилъ, хотя и на собственный свой ладъ. По прошествіи года, Елиза была еще въ его памяти и въ его сердцѣ. Въ 1819 году онъ выпустилъ въ Берлинѣ вторымъ изданіемъ свое сочиненіе по геологіи и, касаясь въ немъ Россіи, писалъ, что изслѣдованія имъ этой страны были бы гораздо полнѣе, если бы научныя его занятія не были прерваны кончиною обожаемой имъ жены. «Пусть тѣ, которые вырыли преждевременную могилу очаровательной Елизѣ, знаютъ, что, несмотря на ихъ злобу, она живетъ и будетъ жить въ сердцахъ всѣхъ честныхъ людей и многихъ несчастныхъ, преслѣдуемыхъ или покинутыхъ слѣпою судьбою. Наступятъ болѣе благопріятные дни, чѣмъ теперь, когда такая мрачная тѣнь падаетъ на несчастное семейство, поверженное въ бездну злоключеній, и тогда появится защита въ пользу несчастной жертвы, которую я, къ чести человѣчества, не долженъ бы и защищать»*) — добавлялъ онъ.

Эти горячія строки, вылившіяся изъ-подъ пера такого черстваго и безсердечнаго эгоиста, какимъ считался, да, кажется, и на самомъ дѣлѣ былъ графъ Григорій, свидѣтельствуютъ, насколько дорога была ему память безвременно по-

*) По всей вѣроятности, здѣсь заключается намекъ на брошюру, о которой мы говорили. Въ ней выставляется покойная Елиза въ самомъ очаровательномъ свѣтѣ, чего она, конечно, и заслуживала. Но въ брошюрѣ находится не только много лишняго, но и вздорнаго. Такъ, въ ней высказывается, будто Разумовскій былъ преслѣдуемъ въ Россіи, между прочимъ, потому, что думали, будто онъ, при своемъ энергическомъ характерѣ, сбирается требовать для своей семьи наслѣдственнаго гетманства...

гибшей женщины. Но не одинъ только онъ, но всѣ знавшіе эту жертву непреклоннаго закона отзывались о ней, какъ объ одномъ изъ совершеннѣйшихъ божіихъ созданій

XI.

Убитый горемъ и съ непримиримою ненавистію къ Россіи, графъ Григорій удалился изъ своей родины, къ которой, впрочемъ, онъ никогда не чувствовалъ особенной привязанности. Поселившись въ Вѣнѣ, онъ принялъ самъ и утвердилъ въ своей семьѣ протестантство. Разумовскій вступилъ въ австрійское подданство и проживалъ то въ столицѣ Австріи, то на своей виллѣ, въ Баденѣ, гдѣ онъ впервые встрѣтилъ пострадавшую потомъ изъ-за него Елизу. Подъ конецъ жизни онъ переѣхалъ въ Моравію и поселился въ купленномъ имъ тамъ имѣніи Рудолецъ. Австрійскій императоръ, не касаясь вопроса о законности браковъ Разумовскаго, призналъ дѣтей Разумовскаго графами, съ присвоеніемъ имъ фамиліи ихъ отца и его родового герба. Тѣмъ не менѣе графъ Григорій пробовалъ хлопотать черезъ брата, князя Андрея, объ узаконеніи своихъ дѣтей въ Россіи, ссылаясь, между прочимъ, на то, что мужское поколѣніе графовъ Разумовскихъ должно будетъ прекратиться и что его дѣтямъ не придется уже ничего получить изъ родового имѣнія въ ихъ отечествѣ и что, поэтому, признаніе ихъ въ Россіи законными не принесетъ никому никакого ущерба. Но домогательства эти остались безъ послѣдствій. Въ письмахъ своихъ къ брату князю Андрею, Григорій передавалъ скорбь объ участи своихъ дѣтей, отверженныхъ ихъ роднею, добавляя, что онъ боится умереть, пока не устроитъ ихъ будущности. Но въ то время, когда онъ такъ трогательно писалъ о своихъ дѣтяхъ, гостившая у него его невѣстка, графиня Марья Григорьевна, сообщила роднымъ, что Григорій хочетъ овладѣть всѣмъ состояніемъ своихъ дѣтей для того, чтобы увеличить свою минералогическую коллекцію, которая была уже до того обширна, что онъ не могъ даже отвести въ своемъ обширномъ домѣ особую комнату старшему своему сыну, пріѣзжавшему по временамъ на побывку въ Рудолецъ. «Я не

понимаю, какимъ образомъ не обрушится потолокъ нижняго этажа подъ такою страшною тяжестію камней», добавляла гостья Разумовскаго.

Если любимая графомъ Григоріемъ Елиза была предана ему, то и первая его жена, несмотря на все зло, какое онъ ей сдѣлалъ, готова была оказать ему свое сочувствіе даже и послѣ окончательнаго ихъ разъѣзда. Когда Разумовскій опасно заболѣлъ, то Генріетта поспѣшила въ Вѣну, чтобы ухаживать за больнымъ мужемъ. Г. Васильчиковъ выставляетъ этотъ поступокъ въ видѣ похвальнаго дѣйствія со стороны Генріетты, но едвали можно согласиться съ этимъ. Хотя несомнѣнно, что она предприняла эту поѣздку безъ всякихъ корыстныхъ разсчетовъ, но, по всей вѣроятности, она сдѣлала это, побуждаемая женскимъ тщеславіемъ, потому что Генріетта, какъ чрезвычайно-умная женщина, при всей добротѣ сердца, легко могла понять, до какой степени появленіе ея у изголовья больного и озлобленнаго противъ нея мужа возмутитъ и раздражитъ его, при воспоминаніи, что Генріетта была виновницею смерти любимой имъ Елизы. Разумѣется, что Григорій Кирилловичъ не только не былъ тронутъ такимъ сочувствіемъ отверженной имъ и потомъ насильно навязанной ему жены, но даже не позволилъ ей переступить черезъ порогъ своего дома. Съ большою горечью отнесся онъ къ неумѣстному участію своей супруги. Въ письмѣ къ брату Андрею, онъ, между прочимъ, писалъ: «Пріѣздъ въ Вѣну виновницы несчастій всей моей жизни привелъ меня въ такое безпокойство, что трудно передать. Для меня нѣтъ никакого сомнѣнія, что она явилась сюда за тѣмъ только, чтобы въ конецъ уничтожить моихъ дѣтей».

Потерпѣвъ оскорбительную неудачу при своемъ супружескомъ подвижничествѣ, графиня Генріетта возвратилась въ Парижъ, гдѣ она жила постоянно, окруженная вниманіемъ замѣчательныхъ и лучшихъ людей тогдашней Франціи. Къ ея кругу примыкали также образованные и умные русскіе люди, проживавшіе въ Парижѣ; а всѣ родные Разумовскихъ, пріѣзжавшіе туда, обходились съ нею, какъ съ близкою роднею. Все это, конечно, свидѣтельствуетъ объ умѣ и обворожительности Генріетты, какъ свѣтской дамы, пользовавшейся блестящей обстановкой въ первенствующей столицѣ Европы.

Отзывы же объ ея прекрасныхъ качествахъ со стороны ея друзей, и французовъ, и русскихъ, говорятъ, между прочимъ, и объ ея добромъ сердцѣ. Но все же скромная и добрая Елиза, умирающая въ цвѣтѣ лѣтъ, подъ гнетомъ обрушившагося на нее несчастія, и оставляя своихъ дѣтей-малютокъ въ самомъ бѣдственномъ положеніи, невольно вызываетъ къ себѣ большее сочувствіе...

Графиня Генріетта Разумовская скончалась въ Парижѣ, въ декабрѣ 1827 года, и Жуковскій подробно и трогательно описалъ ея предсмертные часы и ея кончину. Согласно ея желанію, ее похоронили просто, а оплакавшіе ее вѣрные ея друзья положили вѣнки на ея могилу.

Графъ Григорій Кирилловичъ пережилъ свою первую жену почти десятью годами, такъ какъ онъ умеръ 3-го іюня 1837 года, въ своемъ моравскомъ имѣніи Рудолецъ.

Отъ второго, не признаннаго въ Россіи брака онъ имѣлъ двухъ сыновей: Максимиліана, или Макса, и Леона. Первый изъ нихъ служилъ въ австрійскихъ войскахъ и умеръ въ 1849 году, бездѣтнымъ. Другой, Леонъ, состоялъ сперва адъютантомъ при владѣтельномъ герцогѣ саксенъ-кобургскомъ, который былъ такимъ ревностнымъ поборникомъ германскаго объединенія и который считался опаснымъ демагогомъ, какъ въ глазахъ австрійскаго, такъ и прусскаго правительствъ. Леонъ былъ женатъ на баронессѣ Розѣ Левенштейнъ. Вдова графа Леона нѣсколько времени тому назадъ жила въ Вѣнѣ, гдѣ воспитывался сынъ ея, Камиллъ, въ терезіанскомъ военномъ училищѣ. Пребывающіе нынѣ за границею потомки казачки Розумихи совершенно переродились: они нѣмцы и протестанты*).

Невзгода преслѣдовала Елизу и за могилой. Она была погребена въ Петербургѣ, на Смоленскомъ иновѣрческомъ кладбищѣ, но на памятникѣ ея не было дозволено означить ту фамилію, которую носила она по своему супружеству. Понятно, что Григорій Кирилловичъ не хотѣлъ похоронить жену, которую онъ считалъ законною, подъ ея дѣвическимъ

*) Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ автору настоящаго разсказа графиня Роза Разумовская выражала желаніе, чтобы сынъ ея, графъ Камиллъ, переселился въ Россію и вступилъ бы въ русскую службу. Неизвѣстно, почему не исполнилось такое желаніе графини Разумовской.

именемъ, и потому на памятникѣ, поставленномъ надъ ея могилою, онъ сдѣлалъ съ одной стороны слѣдующую надпись: «La nudité de ce monument sans épithaphe et sans inscription dit aux âmes sensibles et honnêtes tout ce, qu' il est possible de dire». Съ другой стороны — «ce monument a été élevé le 28 Oct. 1818. U. S. par le comte Gregoire de Rasoumowsky»*).

Только не такъ давно одинъ русскій — уже умершій, — семейство котораго было нѣкогда близко съ Елизою, объяснилъ тайну могилы, отмѣченной памятникомъ съ такою загадочною надписью. Его стараніемъ на лицевой сторонѣ этого памятнича было изсѣчено:

«Comtesse Elise Rasoumowsky, née en 1790 † en 1818».

---

*) «Отсутствіе на этомъ памятникѣ эпитафіи и надписи говоритъ чувствительнымъ и честнымъ людямъ все, что можно сказать».

БРАТЬЯ ТРЕНКЪ ВЪ РОССІИ.*)

Баронъ Фридрихъ Тренкъ, потомокъ одной нѣмецкой фамиліи, поселившейся въ Пруссіи со времени завоеванія ея тевтонскими рыцарями, въ числѣ которыхъ были и предки Тренковъ, родился въ Кенигсбергѣ, 16-го февраля 1726 года. Въ 1742 году онъ поступилъ кадетомъ въ гвардію короля прусскаго, Фридриха Великаго, и, обласканный имъ, скоро былъ произведенъ въ корнеты. Въ 1744 году Тренкъ участвовалъ въ войнѣ съ Австріей, обращая на себя своею отвагою благосклонное вниманіе короля; но сношенія Тренка съ двоюроднымъ его братомъ, Францомъ Тренкомъ, который объявилъ его наслѣдникомъ къ своему громадному состоянію и который служилъ въ Австріи, сражаясь противъ Пруссіи, навлекли подозрѣнія на Фридриха Тренка. Подозрѣнія эти усилились, когда австрійскому Тренку едва не удалось захватить въ плѣнъ самого короля. Спустя нѣсколько дней послѣ этого, Францъ Тренкъ прислалъ своему брату его лошадей, уведенныхъ пандурами при захватѣ королевскаго лагеря. Обстоятельство это послужило поводомъ къ обвиненію Фридриха Тренка въ государственной измѣнѣ, и онъ подъ сильнымъ конвоемъ былъ отвезенъ въ крѣпость Глацъ, откуда Тренку, постоянно заявлявшему о своей невиновности, удалось, однакожъ, бѣжать 24-го декабря 1746 года.

---

*) La vie de Frédéric baron de Trenck. Amsterdam. 1788. 3 vol. — Записки барона Тренка. Перев. съ нѣмецкаго. Москва, 1795 г.

Тренкъ въ темницѣ.

[illegible] Мерс[illegible]

[illegible] февраля 1726 [illegible]

[illegible] 1744 году Тренк[illegible]

[illegible] на себя [illegible]

[illegible] Тренкомъ [illegible]

[illegible] состо[illegible]

[illegible] противъ Пру[illegible]

[illegible] Подорвика [illegible]

[illegible] не удалось [illegible]

[illegible] своему брату его [illegible]

[illegible] 24-го декабря [illegible] года.

[illegible] de Trenck [illegible]

Тренкъ въ темницѣ.

Съ современной гравюры.

Баронъ Фридрихъ Тренкъ оставилъ послѣ себя записки. Въ нихъ, между прочимъ, встрѣчается разсказъ о пребываніи его въ Москвѣ. Послѣ побѣга изъ Глацкой крѣпости, баронъ Тренкъ, 18-го января 1747 года, сталъ пробираться пѣшкомъ, чрезъ Польшу, въ Россію. Онъ принялъ фамилію Кнертъ, которая образовалась изъ настоящей его фамиліи, прочитанной отъ конца къ началу. Весь капиталъ, бывшій какъ у него самого, такъ и у товарища его странствія, Шелля, простирался, въ общей сложности, только до 3 флориновъ 45 грошей. Тренкъ шелъ черезъ Польшу подъ видомъ прусскаго дезертира, претерпѣвая и голодъ, и холодъ, и избѣгая преслѣдованія прусскихъ солдатъ, отправленныхъ за нимъ въ погоню. Послѣ двухъ мѣсяцевъ скитанія, Тренкъ, давшій знать своей матери о своемъ побѣгѣ и бѣдственномъ пребываніи въ Польшѣ, получилъ отъ нея 1,000 рейхсталеровъ и крестъ, осыпанный брилліантами, стоившій половину этой суммы. Поддержанный такимъ пособіемъ, Тренкъ на нѣкоторое время отложилъ свое намѣреніе отправиться въ Россію и поѣхалъ въ Вѣну, желая помочь своему двоюродному брату, барону Францу Тренку, который въ это время былъ преданъ военному суду, причемъ имѣнію его угрожала конфискація, а между тѣмъ наслѣдникомъ къ тому имѣнію былъ объявленъ Фридрихъ Тренкъ. Въ бытность свою въ Вѣнѣ, бѣжавшій изъ Пруссіи Тренкъ задумалъ уѣхать на службу въ Индію и съ этою цѣлію отправился въ Голландію, чтобы тамъ сѣсть на корабль. Проѣзжая чрезъ Нюренбергъ, онъ встрѣтилъ тамъ отрядъ русскаго войска, отправлявшійся въ Германію. Отрядомъ этимъ начальствовалъ генералъ Ливенъ, родственникъ Тренка по матери, а въ одномъ изъ полковъ, составлявшихъ отрядъ, служилъ маіоръ Бюцковъ (Buckoff), съ которымъ познакомился Тренкъ еще въ Вѣнѣ, куда Бюцковъ былъ посланъ своимъ начальствомъ по какому-то дѣлу. Маіоръ представилъ его генералу Ливену, который, съ своей стороны, предложилъ Тренку вступить въ русскую службу съ чиномъ капитана въ тобольскій драгунскій полкъ, на что тотъ и согласился. Вскорѣ, однако, былъ заключенъ миръ, и Тренкъ съ своимъ полкомъ отправился черезъ Моравію въ Россію. На стоянкѣ въ Моравіи, Тренкъ до того проигрался, что хотѣлъ застрѣлиться,

но его выручилъ изъ бѣды генералъ Воейковъ. Изъ Моравіи Тренкъ съ отрядомъ выздоравливающихъ русскихъ солдатъ былъ отправленъ въ Данцигъ, а оттуда на кораблѣ пріѣхалъ въ Ригу. Между тѣмъ, въ окрестностяхъ Данцига онъ, не смотря на мирное время, завелъ схватку съ пруссаками, хотѣвшими поймать его, какъ бѣглеца. Прусскій посланникъ въ Петербургѣ Гольцъ жаловался канцлеру Бестужеву-Рюмину на своевольство Тренка, но не получилъ никакого удовлетворенія. «Поступокъ мой, — говоритъ Тренкъ, — понравился въ Россіи, на него смотрѣли, какъ на храбрую защиту русскаго капитана отъ нападавшихъ на него разбойниковъ». На пути изъ Данцига въ Ригу поднялась сильная буря и грозила прибить судно, на которомъ плылъ Тренкъ, къ прусской крѣпости Пилау. Не желая попасть во власть пруссаковъ, Тренкъ съ пистолетомъ въ рукахъ заставилъ рулеваго выдти въ открытое море. Вслѣдствіе этого, хозяинъ судна принесъ жалобу на Тренка фельдмаршалу графу Ласси, бывшему тогда генералъ-губернаторомъ въ Ригѣ, но жалоба эта осталась безъ послѣдствій, а по поводу представленныхъ на нее Тренкомъ объясненій, онъ такъ полюбился Ласси, что этотъ послѣдній далъ ему отъ себя рекомендательное письмо къ канцлеру, графу Бестужеву-Рюмину. Въ то же самое время Ливенъ далъ Тренку наставленія на счетъ того, какъ слѣдуетъ ему поступать въ Россіи для того, чтобы поскорѣе сдѣлать тамъ хорошую карьеру. При этомъ Ливенъ совѣтовалъ Тренку не оставаться въ тобольскомъ драгунскомъ полку, а постараться перейти въ кирасиры.

Изъ Риги Тренкъ отправился въ Москву и тамъ, вслѣдствіе рекомендаціи Ласси, былъ отлично принятъ канцлеромъ Бестужевымъ. Въ Москвѣ онъ встрѣтился съ своимъ знакомымъ, графомъ Гамильтономъ, состоявшимъ при цесарскомъ послѣ въ Россіи, графѣ Бернесѣ, который совѣтовалъ Тренку оставить русскую службу и перейти въ австрійскую, но Тренкъ не послѣдовалъ этому совѣту.

Въ домѣ графа Бернеса Тренкъ свелъ знакомство съ англійскимъ посланникомъ, лордомъ Гинфордомъ. — «Зачѣмъ вы пріѣхали сюда?» спросилъ лордъ Тренка. — «Затѣмъ, чтобы искать здѣсь чести и обезпеченія моего существова-

нія, потому что я потерялъ все это, не сдѣлавъ никакого преступленія».—«У васъ есть деньги?»—«Нѣтъ; все настоящее мое состояніе заключается въ тридцати червонцахъ».

Отвѣтъ этотъ далъ лорду Гинфорду поводъ сдѣлать Тренку внушеніе въ слѣдующихъ словахъ: «Въ такомъ случаѣ, слѣдуйте моему совѣту. Вы имѣете всѣ необходимыя качества для того, чтобъ сдѣлать блестящую карьеру въ Россіи, но здѣсь не долюбливаютъ бѣдняковъ и оказываютъ уваженіе только наружному блеску: достоинства же, таланты и способности, безъ денегъ, ставятся ни во что. Здѣсь должно казаться богатымъ. Я и графъ Бернесъ представимъ васъ здѣшнему высшему обществу, и я разскажу на вашъ счетъ все, что̀ будетъ для васъ необходимо. Вы должны имѣть богато-одѣтую прислугу, цугъ лошадей, брилліанты на пальцахъ, вести огромную игру, быть смѣлымъ съ женщинами, выставлять на показъ всѣ тѣ качества, которыми одарила васъ природа. Вотъ что здѣсь необходимо для того, чтобъ иностранецъ достигъ всего, чего онъ желаетъ. Объ остальномъ позабочусь я». Съ своей стороны и графъ Бернесъ говорилъ Тренку въ такомъ же смыслѣ.

При такихъ покровителяхъ, какими были при дворѣ императрицы Елизаветы цесарскій и англійскій послы, пользовавшіеся чрезвычайнымъ вниманіемъ могущественнаго тогда канцлера Бестужева, Тренкъ могъ надѣяться на блестящую будущность въ Россіи. Бернесъ и Гинфордъ представили Тренка въ дома̀ русской знати, но не какъ иностранца, добивающагося попасть въ русскую службу, а какъ будущаго наслѣдника несмѣтныхъ богатствъ венгерскаго Тренка, какъ бывшаго любимца короля Фридриха и, наконецъ, какъ одного изъ первоклассныхъ ученыхъ. Въ свою очередь, Тренкъ сочинилъ оду на годовщину коронованія императрицы. Лордъ Гинфордъ превозносилъ сочиненіе Тренка, и затѣмъ онъ и Бестужевъ представили Тренка самой государынѣ, которая приняла молодого иностранца чрезвычайно благосклонно и поручила его особому вниманію канцлера. При этомъ Тренку отъ имени императрины дана была въ подарокъ шпага, осыпанная брилліантами, стоившая 1,000 рублей.

Хотя «Записки» барона Тренка относятся преимуще-

ственно къ личнымъ его приключеніямъ и похожденіямъ, но тѣмъ не менѣе, въ нихъ встрѣчаются нѣкоторыя мѣста, объясняющія или, по крайней мѣрѣ, намекающія на политическія интриги, которыя завязались при дворѣ императрицы Елизаветы и отражались отчасти на тогдашнемъ высшемъ русскомъ обществѣ. Такъ, Тренкъ разсказываетъ, что въ ту пору существовалъ обычай, въ силу котораго, если иностранный посланникъ хотѣлъ дать балъ или обѣдъ, то онъ долженъ былъ сообщить объ этомъ канцлеру Бестужеву, и канцлеръ присылалъ отъ себя посланнику списокъ тѣхъ лицъ, которыя должны были получить приглашеніе. Въ петербургскомъ обществѣ существовали тогда двѣ главныя партіи; представителемъ одной изъ нихъ былъ графъ Бестужевъ, а представителемъ другой — графъ Михаилъ Воронцовъ, и потому на тѣхъ собраніяхъ, гдѣ являлись сторонники одного изъ этихъ вельможъ, не являлись уже сторонники другого. Особенное покровительство молодому Тренку оказывала графиня Бестужева, жена канцлера, рожденная Беттихеръ, дочь гамбургскаго негоціанта; на ней женился Бестужевъ въ Гамбургѣ, въ бытность свою повѣреннымъ въ дѣлахъ въ этомъ городѣ. По разсказамъ Тренка, графиня была самая любезная и самая умная изъ всѣхъ тогдашнихъ придворныхъ дамъ Елисаветы, и собственно она, пользуясь высокимъ положеніемъ своего мужа, управляла всѣми государственными дѣлами, заниматься которыми не очень любила императрица, полагавшаяся во всемъ на своихъ министровъ. Такимъ образомъ, графиня Бестужева была первымъ лицомъ въ государствѣ и, какъ передаетъ Тренкъ, представители иностранныхъ державъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ обращались къ ней, а не къ самому канцлеру. Если этотъ разсказъ Тренка справедливъ, то безъ всякаго сомнѣнія личность Бестужева теряетъ въ значительной степени то громадное значеніе, какое обыкновенно приписываютъ самому канцлеру.

Когда Тренкъ познакомился съ Бестужевою, ей было тридцать восемь лѣтъ; она не была уже красавицей, но все же оставалась привлекательною женщиною, отличаясь при этомъ живостію характера и проницательностію ума. Она не любила русскихъ и въ особенности покровительствовала пруссакамъ. Быть можетъ, обстоятельство это имѣло свою долю

вліянія на ту благопріятную для Пруссіи политику, которой держался канцлеръ, находясь подъ вліяніемъ своей жены, и за которую онъ впослѣдствіи поплатился ссылкою. Съ русскими графиня Бестужева держала себя гордо и холодно и въ обращеніи съ ними выказывала скорѣе насмѣшливость, нежели добродушіе. Тренкъ замѣчаетъ, что изъ всѣхъ тогдашнихъ русскихъ придворныхъ дамъ она одна пользовалась репутаціей жены, вѣрной супругу, безъ сомнѣнія,— добавляетъ Тренкъ — потому, что она, какъ нѣмка, умѣла вести себя благоразумнѣе и сдержаннѣе, нежели русскія дамы. О томъ, что графиня Бестужева напрасно пользовалась репрутаціей вѣрной супруги, можно заключить изъ «Записокъ» самого Тренка, который былъ слишкомъ близокъ къ ней и которому она дѣлала слишкомъ значительные подарки. Самъ Тренкъ разсказываетъ, что если бы былъ онъ болѣе предусмотрителенъ или корыстолюбивъ, то, благодаря щедрости графини, могъ бы имѣть огромное состояніе. Хотя графиня, тайкомъ отъ мужа, платила каждый годъ по сту тысячъ рублей долговъ за своего мота-сына, но, какъ говоритъ Тренкъ, «я могъ бы откладывать вдвое болѣе этой суммы». Получаемыя отъ графини деньги Тренкъ давалъ въ займы ея сыну и на немъ потерялъ почти половину того, что̀ получилъ отъ его матери. Вообще же, денежныя дѣла Тренка шли въ Москвѣ очень хорошо. Такъ, онъ успѣлъ понравиться какой-то знатной и богатой дѣвушкѣ, выходившей замужъ за какого-то старика-князя. Будучи невѣстой, она хотѣла бѣжать съ Тренкомъ и отдала ему на сохраненіе всѣ свои бриліанты. Вскорѣ по выходѣ замужъ, она умерла, и отданныя ею Тренку драгоцѣнности, простиравшіяся на сумму до 7,000 червонцевъ, остались, по приговору лорда Гинфорда и графа Бернеса, у Тренка.

Благодаря тому положенію, какое Тренкъ успѣлъ занять въ домѣ канцлера Бестужева, онъ сдѣлался вскорѣ замѣтнымъ лицомъ. Вниманія и расположенія его стали заискивать иностранные послы, а въ числѣ ихъ и посланникъ короля прусскаго, Гольцъ, но Тренкъ уклонился отъ его заискиваній. Дѣйствительно, при тогдашнемъ ходѣ политичестихъ дѣлъ въ Европѣ, союза съ Россіей домогались всѣ державы, которыя подумывали о томъ, какъ бы подавить возникав-

шее могущество Пруссіи, и потому въ разсказѣ Тренка нельзя подозрѣвать хвастливаго вымысла. Ловкій Тренкъ, сдѣлавшійся домашнимъ человѣкомъ въ домѣ канцлера и вліяя на него черезъ его жену, могъ быть въ глазахъ всевѣдущихъ дипломатовъ довольно сильною пружиною въ тогдашнихъ политическихъ интригахъ, въ которыхъ женщины, близкія ко двору, могли принимать дѣятельное участіе.

Тренку, однако, не было суждено пользоваться долгое время выгодами своего новаго положенія, и неблагопріятный оборотъ въ своей судьбѣ онъ приписываетъ Фридриху Великому, который добирался до него во всѣхъ концахъ земли и которому положеніе Тренка при русскомъ дворѣ казалось подозрительнымъ.

Тренкъ былъ хорошимъ рисовальщикомъ, и это было одною изъ причинъ его сближенія съ канцлеромъ Бестужевымъ, которому онъ составилъ планъ для постройки дома въ Москвѣ. Затѣмъ однажды лордъ Гинфордъ попросилъ Тренка нарисовать хорошій и точный планъ Кронштадта, для чего и далъ Тренку одинъ гравированный и три рисованные плана этой крѣпости. Тренкъ охотно взялся за эту работу, имѣя въ виду, что планъ Кронштатда продавался публично и что, слѣдовательно, онъ не составлялъ государственной тайны. Въ особенности же такая услуга для англійскаго посланника не представляла, по мнѣнію Тренка, ничего предосудительнаго, такъ какъ Англія находилась тогда въ самомъ дружескомъ союзѣ съ Россіею. Нарисованный Тренкомъ планъ Кронштадта выпросилъ себѣ на нѣсколько времени у лорда Гинфорда саксонскій посланникъ, а отъ него этотъ планъ успѣлъ получить прусскій посланникъ Гольцъ.

Получивъ планъ, Гольцъ поспѣшилъ отправиться къ канцлеру и сообщилъ ему, что Тренкъ, измѣнившій однажды своему государю, не можетъ сохранить вѣрности и къ другому, и въ доказательство этого представилъ нарисованный Тренкомъ планъ Кронштадта, который онъ будто бы купилъ за 200 червонцевъ у Тренка. Затѣмъ, чтобы еще болѣе вооружить Бестужева противъ Тренка, Гольцъ намекнулъ на частыя свиданія молодого человѣка съ супругою канцлера; не упустилъ Гольцъ вспомнить и о томъ покровительствѣ, какое, вѣроятно, не безъ разсчета оказывалъ австрійскій по-

сланникъ Тренку. Все это до такой степени возбудило гнѣвъ канцлера, что онъ хотѣлъ тотчасъ же отдать Тренка подъ судъ. Гольцъ, однако, отклонилъ его отъ этого, представивъ, что сильные друзья Тренка съумѣютъ повести дѣло такъ, что подсудимый будетъ оправданъ и что не лучше ли будетъ отправить Тренка въ Сибирь секретно, безъ всякаго надъ нимъ слѣдствія и суда. По разсказу Тренка, заступницею и защитницею его явилась въ этомъ случаѣ супруга канцлера, предупредившая его объ угрожающей ему опасности. Тренкъ скрылся на время въ домъ лорда Гинфорда, который, въ свою очередь, объяснилъ Бестужеву все дѣло и успѣлъ доказать ему, что Тренкъ никакъ не могъ продать плана Гольцу, а что этотъ послѣдній получилъ его отъ саксонскаго посланника.

Канцлеръ убѣдился въ невинности Тренка, у котораго, между тѣмъ, былъ произведенъ домовый обыскъ. Исторія съ Тренкомъ получила въ Москвѣ большую огласку, и прусскій посолъ былъ поставленъ въ такое неловкое положеніе, что послѣ этого долго не рѣшался показываться ни въ обществѣ, ни при дворѣ. Съ своей стороны, императрица Елизавета сочла нужнымъ вознаградить Тренка за сдѣланныя ему напрасно непріятности, и приказала выдать ему черезъ канцлера подарокъ въ 2,000 рублей. Съ этого времени, по признанію самого Тренка, онъ употребилъ всѣ старанія къ тому, чтобы содѣйствовать австрійскому послу, желавшему при каждомъ удобномъ случаѣ вредить Пруссіи. Впрочемъ, относительно этого въ «Запискахъ» Тренка никакихъ подробностей не встрѣчается.

Далѣе Тренкъ въ «Запискахъ» своихъ замѣчаетъ, что онъ вскорѣ получилъ свѣдѣнія о разныхъ придворныхъ интригахъ и убѣдился, что канцлеръ Бестужевъ и Апраксинъ были на жалованьи у прусскаго короля, съ тѣмъ, чтобы они противудѣйствовали австрійской партіи при русскомъ дворѣ. «Этимъ единственно, говоритъ Тренкъ, можно объяснить образъ дѣйствія Россіи въ 1762 году, а также тѣ противорѣчія въ приказаніяхъ, которыя посылались въ русскую вспомогательную армію во время семилѣтней войны». Надобно, однако, въ виду этого предполагать, что канцлеръ вышелъ совершенно изъ-подъ прежняго вліянія своей супруги, потому, что, по словамъ Тренка, она, послѣ продѣлки съ

нимъ Гольца, совершенно отстала отъ прусской партіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, графиня Бестужева стала осмотрительнѣе въ своихъ сношеніяхъ съ Тренкомъ, опасаясь навлечь на себя и на него подозрѣнія со стороны мужа, но она понимала политику канцлера и сообщала обо всемъ Тренку до 1754 года, т. е. до заключенія его въ Магдебургскую крѣпость. «Тогда — говоритъ Тренкъ — я потерялъ тотъ ключъ, при помощи котораго могъ лучше любого министра, заинтересованнаго въ дѣлѣ, разсказать все, что̀ въ тайнѣ готовилось противъ Пруссіи. Въ эту пору я могъ бы предсказать многія изъ совершившихся потомъ событій». Не смотря, однако, на благопріятный оборотъ, какой приняло дѣло Тренка съ Гольцомъ, канцлеръ, какъ приверженецъ Пруссіи, подозрительно смотрѣлъ на Тренка, какъ на человѣка, непріязненнаго королю Фридриху II. Онъ съ постояннымъ вниманіемъ слѣдилъ за словами и поступками Тренка, который, наконецъ, убѣдился, что дальнѣйшее пребываніе его въ Россіи не безопасно; кромѣ того, еще и другое обстоятельство ускорило отъѣздъ его изъ Москвы.

Двоюродный братъ и однофамилецъ Тренка, жившій въ Австріи, 4 октября 1749 года умеръ въ крѣпости Шпильбергѣ, сдѣлавъ наслѣдникомъ всего своего имѣнія Тренка, жившаго въ то время въ Москвѣ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы съ принятіемъ наслѣдства, Фридрихъ Тренкъ не служилъ никакой державѣ, кромѣ Австріи. 4 марта 1750 года, Тренкъ получилъ объ этомъ извѣщеніе отъ австрійскаго посла, графа Бернеса, который, при отказѣ Тренка ѣхать въ Австрію, убѣждалъ его, говоря, что доставшееся ему наслѣдство простирается до милліона и что несравненно разсчетливѣе владѣть такимъ богатствомъ, нежели обольщаться надеждами на счетъ блестящей будущности въ Россіи, среди господства придворныхъ интригъ. Вообще Бернесъ представлялъ Тренку Россію, какъ страну самую опасную, отзываясь совершенно иначе объ Австріи. Къ этому Бернесъ добавилъ, что, сдѣлавшись богачемъ, Тренкъ можетъ, если захочетъ, пріѣхать снова въ Россію или даже отправиться въ Египетъ. Лордъ Гинфордъ, въ свою очередь, говорилъ Тренку то же самое и указывалъ на Англію, какъ на самое надежное убѣжище отъ преслѣдованій со стороны короля прусскаго.

Поддавшись всѣмъ этимъ убѣжденіямъ, Тренкъ рѣшился, наконецъ, отправиться въ Вѣну. Онъ трогательно описываетъ свое прощеніе съ графинею Бестужевою, которой обѣщалъ пріѣхать въ Петербургъ къ тому времени, когда туда вернется изъ Москвы дворъ. При разставаніи, канцлеръ дружески обнялъ его, а Апраксинъ прослезился, сжимая его въ своихъ объятіяхъ и говоря Тренку, что онъ нигдѣ не будетъ такъ счастливъ, какъ былъ бы счастливъ въ Россіи.

Тренкъ сильно печалился, уѣзжая изъ Россіи. Онъ вывозилъ съ собою серебра и разныхъ драгоцѣнностей на сумму 36,000 флориновъ, нажитыхъ имъ въ Москвѣ во время своего тамъ пребыванія, продолжавшагося около двухъ лѣтъ. Грустныя предчуствія Тренка вскорѣ оправдались. По полученному имъ отъ двоюроднаго брата наслѣдству, онъ долженъ былъ вести многочисленные процессы, которые проигрывалъ одинъ за другимъ. Въ мартѣ 1755 года умерла мать Тренка, и онъ, для раздѣла оставшагося послѣ нея наслѣдства, долженъ былъ отправиться въ Данцигъ, намѣреваясь проѣхать оттуда въ Петербургъ, чтобы просить покровительства русскаго двора по своимъ дѣламъ, производившимся въ австрійскихъ судахъ. О поѣздкѣ Тренка въ Данцигъ узнали въ Берлинѣ, и Тренкъ былъ захваченъ пруссаками въ окрестностяхъ Данцига почти наканунѣ своего отъѣзда въ Россію. По приказанію короля Фридриха Великаго, онъ былъ посаженъ въ Магдебургскую крѣпость, обремененный тяжелыми цѣпями и съ желѣзнымъ ошейникомъ на шеѣ. Попытки Тренка убѣжать изъ крѣпости только усиливали суровость заключенія, въ которомъ онъ томился цѣлыя десять лѣтъ. Закатъ жизни Тренка, не перестававшаго сожалѣть о томъ, что онъ оставилъ Россію, былъ очень печаленъ. Въ 1786 году шестидесятилѣтній Тренкъ, выпущенный на свободу послѣ кончины Фридриха Великаго, жилъ въ Австріи, въ замкѣ Цвербахѣ, сочиняя стихи и составляя записки о своей жизни. Онъ считался въ чинѣ отставного маіора австрійской службы и занимался преподаваніемъ уроковъ, имѣя на своемъ попеченіи восемь человѣкъ дѣтей.

Въ 1787 году, Тренкъ рѣшился возвратиться на родину. Тамъ встрѣтилъ онъ себѣ покровительницу въ принцессѣ Амаліи, которая, однако, умерла, въ томъ же году. Тогда

Тренкъ отправился въ Кенигсбергъ и нашелъ свое имѣніе въ полномъ разстройствѣ; обстоятельство это принудило его взяться за литературную работу, но изданныя имъ брошюры по поводу французской революціи навлекли на него немилость австрійскаго правительства, и Тренкъ былъ лишенъ 2,000 флориновъ производившейся ему ежегодной пенсіи. Въ 1791 году, Тренкъ отправился во Францію, но тамъ не встрѣтилъ для себя такого благосклоннаго пріема, на который разсчитывалъ въ качествѣ публициста, сочувствовавшаго революціи. Онъ поселился въ окрестностяхъ Парижа и жилъ въ бѣдности. Мало этого: со стороны монтаньяровъ Тренкъ былъ заподозрѣнъ, какъ тайный комиссаръ короля прусскаго, и когда подозрѣніе это не было ничѣмъ доказано, то онъ былъ обвиненъ, какъ участникъ въ заговорѣ, составленномъ врагами республики, находившимися въ тюремномъ заключеніи. Этого обвиненія было достаточно для того, чтобы Тренкъ, въ 1794 году, былъ обезглавленъ, въ одинъ день съ поэтами Руше и Андреемъ Шенье.

Упоминаемый въ «Запискахъ» барона Фридриха Тренка его двоюродный братъ, Францъ Тренкъ, былъ также нѣкоторое время въ русской службѣ. Францъ Тренкъ родился въ 1714 году и былъ одаренъ отъ природы многими хорошими качествами и безпримѣрною отвагою. Во время войны Австріи съ Пруссіей, онъ начальствовалъ надъ отрядомъ пандуровъ и своими жестокостями и грабежемъ приводилъ въ ужасъ враговъ Австріи. Въ особенности же онъ сталъ извѣстенъ свирѣпыми поступками въ Баваріи. Во время перваго турецкаго похода фельдмаршала графа Миниха, Тренкъ, перешедшій въ русскую службу, дѣйствовалъ какъ отважный партизанъ противъ татаръ и составилъ себѣ довольно громкую извѣстность въ рядахъ русской арміи; но чрезмѣрная запальчивость Тренка вовлекала его въ поступки, безпощадно преслѣдуемые въ военное время. Онъ также оставилъ послѣ себя «Записки», которыя были изданы въ 1795 году, въ Петербургѣ, въ русскомъ переводѣ. Изъ нихъ мы узнаемъ, что Францъ Тренкъ, скучая праздною жизнью у себя въ деревнѣ, въ Венгріи, при началѣ войны Австріи съ Турціею, предложилъ въ 1737 г. австрійскому фельдмаршалу, графу Секендорфу, собрать 4000 пандуровъ на свой счетъ

и произвести съ ними нечаянное нападеніе на Боснію. Предложеніе это было однако отстранено подъ предлогомъ могущей быть неудачи, по объясненію же Тренка только подъ вліяніемъ зависти къ ожидавшимъ его успѣхамъ. Встрѣтивъ отказъ и не желая оставаться въ бездѣйствіи, Тренкъ задумалъ вступить въ русскую службу и воспользовался тѣмъ, что около границъ Венгріи набирался въ то время на иждивеніи Россіи гусарскій полкъ. Тренкъ поступилъ въ этотъ полкъ, и въ чинѣ секундъ-ротмистра, съ 300 человѣкъ гусаръ, отправился, 18 февраля 1738 года, въ Россію. Соединившись съ русскою арміею, онъ былъ изумленъ ея громадностію, напоминавшею ему Ксерксовы полчища. По словамъ Тренка, численность тогдашней руской арміи, включая и обозъ, простиралась до 300,000 человѣкъ. Однихъ маркитантовъ было тысячъ пятнадцать. Вскорѣ съ Тренкомъ произошелъ такой случай: одинъ офицеръ, которому онъ далъ въ займы 338 червонцевъ, не желая возвращать ихъ Тренку, вѣроломно выстрѣлилъ въ него при проѣздѣ черезъ лѣсъ. Тренкъ не могъ найти никакой управы противъ этого злодѣя, и потому принесъ жалобу самому фельдмаршалу, графу Миниху, который, наказавъ семимѣсячнымъ заключеніемъ виновнаго, отправилъ Тренка съ бумагами въ Очаковъ, къ генералу Стофелю, приказавъ ему ѣхать оттуда въ лагерь фельдмаршала Ласси, гдѣ Тренкъ долженъ былъ оставаться, пока Минихъ съ главнымъ войскомъ не пойдетъ къ берегамъ Буга.

Затѣмъ Тренкъ присоединился къ Миниху и при переходѣ черезъ Днѣстръ былъ раненъ. Успѣхи Тренка по службѣ возбудили — какъ разсказываетъ онъ самъ — зависть въ его товарищахъ — русскихъ, которые донесли на него, будто бы онъ называетъ себя родственникомъ императрицы по ея покойному мужу, герцогу курляндскому, происходившему изъ фамиліи Кеттлеровъ, изъ которой происходила также и мать Тренка. Минихъ велѣлъ разсмотрѣть это дѣло, и затѣмъ приказалъ объявить Тренка ни въ чемъ не виноватымъ. Между тѣмъ семейныя дѣла призывали Тренка на родину, и онъ подалъ просьбу объ отставкѣ, но Минихъ уговорилъ его прослужить въ русскомъ войскѣ еще другую предстоявшую тогда кампанію. Поводомъ къ этой кампаніи было на-

паденіе въ 1739 году подвластныхъ Турціи крымскихъ татаръ на Украйну, гдѣ они произвели страшныя опустошенія. «Невѣроятно — пишетъ Тренкъ — какимъ образомъ тьмы варваровъ могли предпринять путь на 70 или болѣе миль разстоянія, черезъ пустыя земли, въ самое суровое время, среди льдовъ и снѣговъ, по лѣсамъ и рѣкамъ непроходимымъ и притомъ не находя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего перехода ни листка травки, ни капли воды. Для обузданія хищниковъ слѣдовало ожидать весны, и потому въ апрѣлѣ мѣсяцѣ двинулись противъ нихъ русскія войска, по направленію къ польской границѣ».

Объ этомъ походѣ въ «Запискахъ» Франца Тренка встрѣчаются слѣдующія извѣстія:

Русская армія шла къ знаменитой въ то время Турецкой крѣпости Хотину, расположеной недалеко отъ города Каменца, на берегахъ рѣки Днѣстра. Русскіе перешли эту рѣку по мостамъ, устроеннымъ на судахъ, не встрѣчая никакого сопротивленія со стороны непріятелей. Но на другой день послѣ перехода черезъ Днѣстръ, они съ одного крыла были окружены 12,000 турокъ, подъ предводительствомъ хотинскаго паши, который храбро повелъ атаку, но не могъ однако продолжать ее болѣе двухъ часовъ и былъ принужденъ возвратиться въ крѣпость. Намѣренія русскихъ военноначальниковъ клонились къ тому, чтобы осадить Хотинъ и взять его поскорѣе. Между тѣмъ въ то время, когда производились нужныя для этого работы, было получено донесеніе, что главная турецкая армія находится не вдалекѣ отъ русской и устраиваетъ окопъ какъ для прикрытія крѣпости, такъ и для своей защиты, въ случаѣ нападенія на нее русскихъ. Тогда сдѣлана была попытка, чтобы пресѣчь туркамъ сообщеніе съ крѣпостію, но намѣреніе это было открыто, и турки нечаянно напали на русскую армію съ тыла. Вслѣдствіе этого произошло сраженіе, окончившееся побѣдою русскихъ, которые и расположились въ виду Хотина съ цѣлью овладѣть имъ. Взявъ Хотинъ, русская армія перешла черезъ рѣку Прутъ и, устроивъ здѣсь шанцы, для защиты которыхъ было оставлено прикрытіе изъ 2,000 человѣкъ, вступила въ Валахію; но едва русскіе вошли туда, какъ было получено извѣстіе о мирѣ съ Турціею, подписанномъ римско-

нѣмецкимъ императоромъ Карломъ VI. «Обстоятельство это — замѣчаетъ Тренкъ — привело насъ въ удивленіе и заставило перемѣнить всѣ наши планы».

Еще при началѣ этого похода Тренкъ, переведенный премьеръ-маіоромъ въ орловскій драгунскій полкъ, поссорился съ своимъ полковникомъ, который обругалъ его за то, что что Тренкъ, позванный къ фельдмаршалу Миниху, оставилъ караулъ. Минихъ оправдалъ Тренка, но полковникъ сохранилъ къ нему непріязнь, которая усилилась еще болѣе потому, что, какъ говоритъ Тренкъ, полковникъ ревновалъ его къ своей женѣ. Дѣло дошло до того, что ревнивецъ-полковникъ передъ фронтомъ замахнулся на Тренка тростію, а Тренкъ съ своей стороны отвѣчалъ на это пощечиной и даже обнажилъ противъ своего начальника шпагу. За все это Тренкъ былъ приговоренъ къ растрѣлянію, и былъ уже привязанъ къ столбу, когда пришло приказаніе фельдмаршала Миниха — замѣнить смертную казнь ссылкою на шесть мѣсяцевъ въ крѣпостныя работы въ Кіевѣ, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи этого срока, Тренкъ, подъ страхомъ смертной казни, обязанъ былъ выѣхать изъ Россіи за границу.

По возвращеніи такимъ образомъ въ Австрію, Тренкъ участвовалъ, какъ партизанъ, въ войнѣ Маріи Терезіи съ Пруссіею, но вскорѣ навлекъ на себя обвиненія въ грабежѣ, въ изнасилованіи женщинъ и въ своеволіяхъ разнаго рода. Его обвиняли и въ томъ еще, что по ошибкѣ его было проиграно австрійцами сраженіе при Соравѣ и, кромѣ того, выставили лжесвидѣтельницу, которая показала, что Тренкъ въ этомъ сраженіи взялъ въ плѣнъ короля прусскаго, но потомъ отпустилъ его на свободу. Хотя нѣкоторыя изъ этихъ обвиненій, взведенныхъ на Тренка, и не были доказаны, но тѣмъ не менѣе онъ все-таки былъ признанъ по суду государственнымъ преступникомъ и приговоренъ къ пожизненному заключенію въ Шпильбергѣ, гдѣ и умеръ въ 1749 году, 34 лѣтъ отъ роду, отъ принятаго имъ яда.

Мы, за исключеніемъ пустыхъ подробностей и напыщенныхъ розсужденій, привели изъ «Записокъ» Франца Тренка все, что̀ относится къ пребыванію его въ Россіи. Матеріалъ этотъ, конечно, слишкомъ скуденъ, но во всякомъ случаѣ онъ не лишенъ значенія исторической замѣтки о набѣгѣ та-

таръ на русскія владѣнія и о походѣ русскихъ противъ Турціи. Впрочемъ, вообще упомянутыя «Записки» не могутъ считаться историческимъ матеріаломъ, да и самъ Францъ Тренкъ говоритъ, что онъ описываетъ въ нихъ свои личныя приключенія, а не европейскія событія. Что же касается «Записокъ» двоюроднаго брата Тренка, Фридриха, то онѣ, какъ мы видѣли, не лишены нѣкотораго историческаго значенія. Если и не придавать безусловной вѣры всему тому, чтò въ нихъ разсказывается, то во всякомъ случаѣ, на основаніи ихъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію близкое знакомство Тренка въ домѣ канцлера графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина, одного изъ самыхъ замѣчательныхъ государственныхъ дѣятелей царствованія императрицы Елисаветы Петровны. Тренкъ указываетъ и на то вліяніе, какое имѣла жена канцлера на политику Россіи этого времени, а такого рода, хотя и слишкомъ краткія указанія придаютъ всегда особый оттѣнокъ тѣмъ событіямъ и той эпохѣ, о которыхъ разсказываетъ ихъ современникъ. За тѣмъ, нельзя не пожалѣть, что Фридрихъ Тренкъ, имѣвшій возможность ознакомиться близко съ тогдашней внѣшней политикой петербургскаго кабинета, говоритъ въ своихъ «Запискахъ» слишкомъ мало объ этомъ интересномъ предметѣ.

РОГОВАЯ МУЗЫКА ВЪ РОССІИ. *)

Одною изъ замѣчательнѣйшихъ затѣй, явившихся у насъ въ половинѣ прошлаго столѣтія, была **роговая музыка**. Въ продолженіе болѣе чѣмъ полувѣка она существовала при русскомъ дворѣ и въ домахъ богатыхъ нашихъ баръ. Подобныхъ оркестровъ, или хоровъ, не составлялось ни въ одной изъ европейскихъ странъ кромѣ Россіи. Замѣчательно, однако, что, не смотря на такую мѣстную исключительность, роговая музыка не была русскимъ изобрѣтеніемъ, но обязана была своимъ происхожденіемъ Іогану-Антону Марешу, родомъ чеху.

Марешъ родился въ 1719 году въ Хотиборѣ, въ Богеміи, и обучался игрѣ на волторнѣ въ Дрезденѣ у Гампеля, изобрѣтателя волторны. Изъ Дрездена онъ переѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ около короля Фридриха II, страстнаго любителя музыки и весьма порядочнаго флейтиста, собирались съ разныхъ сторонъ знаменитые пѣвцы, пѣвицы и музыканты того времени. Въ Берлинѣ Марешу пришлось обучать музыкѣ молодого графа Бестужева-Рюмина, сына канцлера, и когда этотъ послѣдній поручилъ своему сыну нанять и отправить въ Петербургъ искуснаго волторниста, то Бестужевъ-Рюминъ склонилъ къ этой поѣздкѣ, на выгодныхъ условіяхъ, Мареша, который и пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1748 году.

*) Матеріаломъ для этой статьи послужила изданная въ Петербургѣ въ 1796 году книга, написанная Гинрихсомъ подъ заглавіемъ: «Enstenung, Fortgang, jetzige Beschaffenheit der russischen Jagdmusik».

Старикъ Бестужевъ и жена его, родомъ нѣмка, встрѣтили пріѣзжаго музыканта чрезвычайно радушно. Въ домѣ канцлера часто бывали концерты, на которые собиралось все лучшее въ ту пору петербургское общество, и на этихъ концертахъ Марешъ услаждалъ гостей канцлера превосходною игрою на волторнѣ и віолончели. Играя на волторнѣ и преодолѣвая на этомъ инструментѣ чрезвычайныя техническія трудности, онъ изумлялъ своимъ искусствомъ первыхъ знатоковъ музыки.

Однажды, императрица Елизавета пріѣхала къ канцлеру на обѣдъ, во время котораго происходилъ концертъ. Государыня, любившая музыку, была изумлена той нѣжностью звуковъ, съ какою игралъ Марешъ на волторнѣ, считавшемся чрезвычайно грубымъ, неподдатливымъ инструментомъ. По окончаніи обѣда, императрица, въ ознаменованіе своего благоволенія къ столь искусному виртуозу, соизволила допустить его къ рукѣ и спросила: какую должность желалъ бы онъ получить? Марешъ отвѣчалъ государынѣ, что въ настоящее время онъ не вправѣ выразить такое желаніе, потому что, въ силу контракта, заключеннаго имъ съ графомъ Бестужевымъ-Рюминымъ, обязанъ пробыть въ его домѣ еще два года. По поводу этого заявленія государыня выразила надежду, что графъ, по всей вѣроятности, согласится на сокращеніе контрактнаго срока, и добавила, что Марешъ во всякомъ случаѣ долженъ считаться съ этого дня состоящимъ въ придворной службѣ. Не желая расходиться съ Бестужевымъ, Марешъ, съ своей стороны, приложилъ всевозможныя старанія, чтобъ окончить поскорѣе обученіе музыкѣ бывшихъ въ его школѣ музыкантовъ, изъ крѣпостныхъ мальчиковъ канцлера, послѣ чего перешелъ на службу ко двору императрицы съ званіемъ «камеръ-музыканта» и съ обязательствомъ играть въ концертахъ, бывавшихъ весьма часто на куртагахъ и, кромѣ того, на небольшихъ концертахъ, даваемыхъ по временамъ въ аппартаментахъ великаго князя Петра Ѳедоровича.

Въ ту пору театромъ, а также вокальною и музыкальною капеллою завѣдовалъ гофмаршалъ, впослѣдствіи оберъ-егермейстеръ, Семенъ Кириловичъ Нарышкинъ, полюбившій Мареша. Часто бесѣдовалъ съ нимъ Нарышкинъ о музыкѣ

[illegible]

... вѣроятнѣе ... [illegible] ... что Мар[ешъ] ... [illegible] ... отстоялъ ... [illegible] ... Не ... разходился съ ... [illegible] ... съ ... стороны, ... [illegible] ... старинѣ, чтобы ... [illegible] ... музыки ... [illegible] ... крѣпостны[ми] ... [illegible] ... на службу ... [illegible] ... «капельмейстера-музыканта» и съ ... [illegible] ... концертахъ, бывавшихъ весьма част[о] ... [illegible] ... того, на ... [illegible] ... великаго князя ... [illegible]

... [т]акже вокальною и музыкально-? ... [illegible] ... въ присутствiи ... [illegible] ... Семенъ ... [illegible] ... Нарышкинъ, ... [illegible] ... Мареш[ъ] ... бесѣд[уя] ... съ нимъ Нарышкинъ о музык[ѣ] ...

Роговая музыка въ Россіи въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ рѣдкой современной гравюры Набгольца.

вообще и въ особености о способахъ усовершенствованія роговой, или охотничьей, музыки. Желая сдѣлать угодное гофмаршалу, Марешъ сталъ прилежно трудиться надъ этой задачей, обучая играть на рогахъ придворныхъ егерей; но занятія его не сопровождались большимъ успѣхомъ, такъ какъ подъучившіеся егеря безпрестанно отчислялись егермейстерскимъ вѣдомствомъ отъ его школы и получали на придворной службѣ другое назначеніе, вслѣдствіе чего разстроивали хоръ, на подготовку котораго Марешъ употреблялъ столько усилій.

Между тѣмъ Марешъ перелагалъ нѣкоторые отрывки изъ лучшихъ тогдашнихъ оперъ для обученнаго имъ хора роговой музыки, игравшаго обыкновенно лѣтомъ въ царскосельскомъ саду, но частый уходъ музыкантовъ изъ хора разстроивалъ хоръ и заставлялъ Мареша исполнять только легкія, и при томъ еще дурно разъученыя піесы. Въ первый разъ обученный Марешемъ хоръ роговой музыки игралъ въ 1751 году, игралъ, однакожъ, не отдѣльно, но съ акомпанементомъ другихъ инструментовъ, такъ что не произвелъ особаго эфекта.

Вводя въ употребленіе эту новаго рода музыку, Марешъ прежде всего обратилъ вниманіе на инструменты, т. е. охотничьи рога, которые оказались чрезвычайно невѣрно настроенными, отчасти при самой ихъ выдѣлкѣ, а отчасти и при ихъ поправкахъ. Въ виду этого, да и вообще въ виду недостаточности тоновъ охотничьихъ роговъ, Марешъ предложилъ приготовлять эти рога съ двумя полными октавами и съ двумя принадлежащими къ нимъ полутонами. Сообразно съ этимъ, онъ расписалъ партитуры піесъ и придумалъ особыя ноты такъ, что на каждомъ рогѣ можно было брать только одинъ тонъ. Затѣмъ, такъ какъ роговая музыка была чрезвычайно громка и заглушала собою удары руки или капельмейстерской палочки, то для соблюденія такта, Марешъ при обученіи сталъ употреблять колоколъ. Въ полный составъ хора роговой музыки Марешъ ввелъ: 12 волторнъ, 2 трубы и 2 почтовыхъ рожка. Въ замѣнъ литавръ, Марешъ приспособилъ 2 машины, устроенныя на подобіе барабана. Внутри этой машины былъ валекъ съ четырьмя довольно большими колокольчиками, которые при вращеніи валька звонили. За-

тѣмъ, чтобы устранить то неудобство, съ какимъ было сопряжено обученіе роговой музыкѣ придворныхъ егерей, и о которомъ упоминалось выше, Нарышкинъ предоставилъ въ полное распоряженіе Мареша 12 человѣкъ изъ своихъ крѣпостныхъ людей.

Но при такихъ благопріятныхъ для «камеръ-музыканта» обстоятельствахъ не было однако уничтожено одно изъ существенныхъ затрудненій. Отданные Марешу въ обученіе люди не имѣли никакого понятія о музыкѣ, и такъ какъ рога издавали одинъ лишь тонъ, то разыгрываемые хоромъ пьесы приходилось каждому изъ музыкантовъ выучивать со слуха. Для облегченія такой трудности, Марешъ на первыхъ порахъ при обученіи хора приспособилъ нѣкоторые другіе инструменты, которые могли бы акомпанировать обучавшимся музыкантамъ, и тѣмъ самымъ руководить ихъ. Это примѣненіе оказалось довольно удачнымъ, потому въ особенности, что, по замѣчанію біографа Мареша, русскіе отъ природы имѣютъ чрезвычайно музыкальный слухъ, такъ что они въ этомъ отношеніи далеко превосходятъ нѣмцевъ.

Нарышкинъ между тѣмъ настаивалъ на скорѣйшемъ обученіи своего хора, а Марешъ поставлялъ нетерпѣливому барину на видъ всю трудность этого дѣла, говоря, что каждый изъ музыкантовъ можетъ брать на рогѣ одинъ только тонъ и что, поэтому, обученіе ихъ на этомъ инструментѣ, по необходимости, должно быть продолжительнѣе, чѣмъ обученіе на какомъ либо другомъ. Наконецъ, Марешъ подъучилъ ихъ на столько, что рѣшился выступить съ своимъ хоромъ въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда у гофмаршала были большіе званые обѣды. Первый публичный опытъ хора роговой музыки, сформированнаго Марешемъ, сопровождался чрезвычайнымъ успѣхомъ. Многочисленные гости Нарышкина отправились слушать музыку въ большой манежъ. Музыканты расположились около столовъ и каждый изъ нихъ ожидалъ своей очереди, чтобъ взять подходящую къ его инструменту ноту, и когда музыканты заиграли, то всѣ пришли въ восторгъ, а радость хозяина была такъ сильна, что онъ кинулся Марешу на шею и не зналъ, какъ благодарить его. Всѣ дивились необыкновенно-стройной и нѣжной гармоніи піесъ,

исполняемыхъ на такихъ грубыхъ и монотонныхъ инструментахъ, какъ охотничьи рога.

За границею не хотѣли даже вѣрить въ возможность исполнять на этихъ инструментахъ музыкальныя піесы, и считали попытку Нарышкина пустою затѣею русскаго богача, подъискавшаго для себя за деньги такого недобросовѣстнаго человѣка, который готовъ былъ тѣшить его несбыточными обѣщаніями. Самъ Нарышкинъ началъ склоняться къ подобной мысли, и въ то время, когда Марешъ объяснялъ ему трудность подготовки хора роговой музыки, Нарышкинъ подтрунивалъ надъ нимъ, говоря, что Марешъ хочетъ выдумать такую музыку, которая разгонитъ во всѣ стороны даже дикихъ звѣрей. Но Марешъ на эту остроту отвѣчалъ, что подготовляемая имъ музыка вовсе не будетъ имѣть такого дѣйствія и что нужно только терпѣніе.

Слова Мареша, по прошествіи нѣкотораго времени, оправдались, и послѣ перваго публичнаго испытанія роговой музыки при лицахъ, бывшихъ въ гостяхъ у Нарышкина, имъ и служившимъ у него капельмейстеромъ было постановлено, что роговая музыка не должна сопровождаться аккомпанементомъ какихъ-либо другихъ инструментовъ, но должна быть музыкою совершенно самостоятельною.

Въ 1757 году, Нарышкинъ устроилъ для императрицы Елизаветы въ селѣ Измайловѣ, подъ Москвою, большую охоту, на которую, кромѣ русской знати, были приглашены всѣ сопутствовавшіе государынѣ въ Москву иностранные министры. Всего въ сборѣ на охотѣ было свыше 1,000 человѣкъ. Егеря были одѣты въ суконные кафтаны съ золотыми позументами, на шапкахъ ихъ блистало позолоченное изображеніе сокола, изящной работы, а на вызолоченныхъ пуговицахъ были выбиты головы разныхъ дикихъ звѣрей. Для этой великолѣпной охоты были доставлены изъ многихъ заграничныхъ мѣстъ лошади и собаки. Охота сопровождалась, по тогдашнему обычаю, блестящими пиршествами, на которыхъ должна была играть роговая музыка Нарышкина. Императрица была чрезвычайно довольна этой охотой-праздникомъ, и въ благодарность за такое удовольствіе пожаловала Нарышкина изъ гофмаршаловъ въ оберъ-егермейстеры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она приказала назначить изъ придворныхъ

егерей, исключительно для обученія роговой музыкѣ, потребное число людей, чтобы составить изъ нихъ собственный хоръ ея величества. До сихъ поръ такая музыка была только частнымъ учрежденіемъ и называлась «Нарышкинской». Вновь же организуемый хоръ долженъ былъ называться «императорской охотничьей музыкой». Разумѣется, что капельмейстеромъ этого хора былъ назначенъ Марешъ, а новый егермейстеръ до того увлекся наблюденіемъ за обученіемъ хора императрицы, что на время совершенно позабылъ о своей собственной музыкѣ. Желаніе императрицы Елизаветы Петровны было исполнено Нарышкинымъ и Марешемъ, но ей не долго пришлось услаждаться звуками роговой музыки.

Императрица Екатерина II, не любившая, какъ извѣстно, музыки и говорившая, что музыка производитъ на нее такое же точно впечатлѣніе, какъ и всякій уличный шумъ, обратила, однако, особенное вниманіе на роговую музыку. Причиною такого вниманія было, по всей вѣроятности, тщеславное желаніе императрицы, чтобы дворъ ея отличался такою особенностью, какой не было при дворахъ тогдашнихъ европейскихъ государей. Екатерина, между прочимъ, приказала: къ хору, учрежденному императрицею Елизаветою, присоединить еще 4-хъ кларнетистовъ, 4-хъ волторнистовъ и 2-хъ фаготистовъ. Хоръ въ этомъ составѣ разыгрывалъ самыя трудныя симфоніи, причемъ соло приходились нерѣдко только на долю роговъ, безъ пособія другихъ инструментовъ.

Императрица Екатерина пользовалась роговою музыкою при чрезвычайныхъ празднествахъ. Такъ, въ 1753 году, во время пребыванія ея въ Москвѣ, происходилъ на масляницѣ потѣшный маскарадъ. Для этого маскарада была устроена деревянная гора, названная горою Діаны. Съ этой горы можно было кататься на салазкахъ. Она была обставлена елками, между которыми были помѣщены живые кабаны, олени, зайцы и лисицы. Въ этой же искуственной чащѣ была поставлена роговая музыка. Гору Діаны везли на особо-устроенныхъ на полозьяхъ розвальняхъ, запряженныхъ 44 украинскими волами. Маскарадное шествіе тронулось изъ дома Бецкаго, гдѣ обѣдала государыня, и гору провезли черезъ часть Москвы и чрезъ Нѣмецкую Слободу при звукахъ роговой музыки.

Въ томъ же году музыка эта играла 1-го мая на охотничьемъ дворѣ, въ присутствіи государыни, великаго князя и множества дворянъ и горожанъ. Послѣ чего музыка отправилась въ Марьину рощу, гдѣ, по принятому въ Москвѣ обычаю, происходило первое весеннее гулянье. Впослѣдствіи, придворная роговая музыка была доведена уже до такой степени усовершенствованія, что была въ состояніи акомпанировать цѣлымъ операмъ. Такъ, въ 1775 году, она на домашнемъ театрѣ Нарышкина исполнила оперу Раупаха «Альцеста», причемъ музыканты разыгрывали не только хоры, но и аріи. Для этой оперы какой-то искусный токарь приготовилъ съ большимъ трудомъ деревянные рога, которые внутри были покрыты лакомъ, а снаружи обтянуты кожею. Они издавали звуки, похожіе на звуки кларнетовъ, фаготовъ и охотничьихъ роговъ. Тонъ ихъ былъ чрезвычайно нѣженъ, такъ что на нихъ можно было играть и въ комнатѣ, тогда какъ оглушительную музыку мѣдныхъ роговъ нельзя было слушать иначе, какъ только на открытомъ воздухѣ. Хоръ, игравшій на этихъ новоизобрѣтенныхъ инструментахъ, исполнялъ въ 1777 году увертюры и аріи изъ слѣдующихъ, бывшихъ тогда въ большой модѣ комическихъ оперъ: «Генрихъ IV, «Девертиръ», «Прекрасная Арсена», «Живая Картина», «Смирнскій Купецъ», «Земира и Азоръ». По общему впечатлѣнію, производимому этою музыкою, она приближалась къ духовому органу.

Подражая Нарышкину, нѣкоторые богатые русскіе баре того времени стали также заводить изъ своихъ крѣпостныхъ людей хоры роговой музыки. Музыкантовъ этихъ подготовлялъ въ Батуринѣ Карлъ Лау, служившій капельмейстеромъ у графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, продавшаго потомъ весь свой хоръ князю Потемкину. Хоръ этотъ состоялъ изъ 36 человѣкъ и сопровождалъ князя во всѣхъ его походахъ и поѣздкахъ, такъ какъ онъ въ особенности любилъ слушать роговую музыку. Когда, въ 1787 году, римско-нѣмецкій императоръ Іосифъ II посѣтилъ Екатерину въ Херсонѣ, то хоръ князя Потемкина, поставленный на возвышеніи, исполнилъ фугу, сочиненную на этотъ случай знаменитымъ композиторомъ Сарти. Императоръ, услышавъ въ первый разъ роговую музыку, былъ изумленъ ею, и потомъ раз-

сказывалъ, что никогда въ жизни онъ не испытывалъ еще такого сильнаго впечатлѣнія. Съ своей стороны, Іосифъ II щедро наградилъ Лау и весь его хоръ. Со смертью князя Потемкина разсѣялся весь этотъ хоръ, а Лау, хотя и перешелъ на должность капельмейстера придворной роговой музыки, но хоръ его состоялъ только изъ 6-7 человѣкъ; мода на роговую музыку со смертью князя Потемкина при дворѣ прошла.

Кромѣ графа Разумовскаго и князя Потемкина, превосходный хоръ роговой музыки, составленный тоже изъ крѣпостныхъ людей, завелъ камергеръ Вадковскій. До какой степени въ исходѣ прошлаго столѣтія успѣла распространиться у насъ роговая музыка, можно заключить изъ того, что въ одномъ только Петербургѣ девять частныхъ лицъ имѣли хоры такой музыки. Въ числѣ этихъ хоровъ самымъ замѣчательнымъ былъ хоръ, принадлежавшій Вадковскому и исполнявшій съ чрезвычайною точностію самыя трудныя піесы, написанныя притомъ ускореннымъ темпомъ. Инструменты въ хорѣ Вадковскаго были превосходные, они заготовлялись въ Москвѣ, а стоимость ихъ по тому времени была весьма значительна, такъ какъ обзаведеніе ими хора обошлось въ 800 тогдашнихъ серебряныхъ рублей. Хоромъ Вадковскаго дирижировалъ природный русскій, — Сила Дементьевичъ Карелинъ. Для каждаго музыканта обозначалась въ нотахъ только та, которую онъ долженъ брать на своемъ инструментѣ; такая система нотъ существовала, впрочемъ, и для всѣхъ другихъ хоровъ роговой музыки. Роговая музыка была такъ громка, что звуки ея въ безвѣтренную погоду были слышны въ окружности версты на 4 или на 5-ть. Если же музыканты въ тихую ночь играли на какомъ нибудь возвышеніи, то звуки музыки явственно доносились даже на пространствѣ 7 верстъ.

Въ бальныхъ залахъ роговая музыка ставилась подлѣ обыкновеннаго оркестра, и при томъ такъ, чтобы ея не было видно. Въ этихъ случаяхъ она только акомпанировала оркестру, разыгрывавшему полонезы, менуэты и контрдансы. Производимый ею эфектъ, по свидѣтельству современниковъ, былъ поразителенъ. Составъ хоровъ былъ чрезвычайно неравномѣренъ, отъ 20 до 40 человѣкъ, и чѣмъ значительнѣе было число музыкантовъ, тѣмъ удачнѣе выходило исполненіе піесъ.

Хоръ придворной роговой музыки отличался великолѣпною обмундировкою. Сперва вся одежда музыкантовъ въ этомъ хорѣ была зеленаго цвѣта, отдѣланная золотымъ позументомъ. Потомъ зеленые камзолы были замѣнены красными, а небольшія шапочки съ изображеніемъ золотого сокола, треугольными черными шляпами съ золотою петлицею и небольшимъ султанчикомъ изъ бѣлыхъ перьевъ. Въ торжественныхъ случаяхъ, егеря-музыканты являлись въ штиблетахъ и съ напудренными волосами. Частныя лица, имѣвшія у себя хоры роговой музыки, одѣвали своихъ музыкантовъ, примѣняясь къ одеждѣ придворныхъ егерей.

При исполненіи піесъ, музыканты становились другъ за другомъ въ четыре ряда. Въ первомъ ряду стояли дисканты, во второмъ альты, въ третьемъ тенора и, наконецъ, въ четвертомъ басы. Каждый изъ музыкантовъ держалъ въ одной рукѣ своей инструментъ, а въ другой маленькую тетрадку съ нотами. Исполненіе требовало самаго напряженнаго вниманія. Музыкантъ не могъ спустить глазъ съ бывшихъ передъ нимъ нотъ, отсчитывая мысленно паузу, послѣ которой ему слѣдовало брать приходившуюся на его инструментъ ноту. Передъ хоромъ, за пюпитромъ, становился лицемъ къ музыкантамъ капельмейстеръ, который, слѣдя по партитурѣ, выбивалъ палочкою не только цѣлый тактъ, но и каждую его четверть.

Нельзя сказать, когда именно вывелась у насъ изъ употребленія роговая музыка. Можно только замѣтить, что послѣ 1812 года она едва ли гдѣ-нибудь существовала.

Что же касается изобрѣтателя этой музыки, Мареша, то онъ, живя въ Царскомъ селѣ, былъ, 31-го іюля 1789 года, пораженъ апоплексическимъ ударомъ. Его тотчасъ перевезли въ Петербургъ, и тамъ, спустя двѣ недѣли, его разбилъ второй ударъ. У него отнялись языкъ и правая рука, но при этомъ прежняя тонкость его слуха не измѣнилась нисколько. Императрица Екатерина обратила вниманіе на бѣдственное положеніе старика, и оставила получаемое имъ жалованье по 700 рублей въ годъ за нимъ, въ видѣ пожизненной пенсіи; кромѣ того, она приказала отпускать ежегодно на его содержаніе по 500 рублей изъ суммъ егермейстерской конторы.

Марешъ умеръ въ Петербургѣ, 30 мая 1794 года.

ДВѢ ГЕРЦОГИНИ КУРЛЯНДСКІЯ.

Изъ русскихъ историческихъ сочиненій настолько извѣстна личность герцога курляндскаго и семигальскаго, Эрнста-Іогана Вирона, а также причины и обстоятельства, какъ его возвышенія и могущества, такъ и его паденія, что обо всемъ этомъ излишне было бы упоминать въ разсказѣ о двухъ принадлежавшихъ къ его семейству герцогиняхъ курляндскихъ, изъ которыхъ одна имѣла значеніе собственно только для Курляндіи, а другая, хотя и косвеннымъ образомъ, вліяла весьма чувствительно на ходъ политическихъ событій въ цѣлой Европѣ, въ первыя три десятилѣтія текущаго столѣтія.

Обѣ упомянутыя герцогини курляндскія носили одинаковое имя, такъ какъ назывались и та и другая Доротеею, почему ихъ такъ часто и смѣшивали одну съ другою. По поводу такого смѣшенія, біографъ обѣихъ герцогинь, баронъ фонъ-Гогенгаузенъ, проживающій въ Берлинѣ, желая сказать любезность на счетъ этихъ двухъ дамъ — матери и дочери, давно уже отошедшихъ въ вѣчность — выразился, что поводомъ къ такому взаимному смѣшенію было то, что обѣ онѣ, какъ пышныя розы, цвѣли на одномъ и томъ же кустѣ, и что младшая герцогиня была преемницею титула и красоты своей матери.

Старшая Доротея явилась на свѣтъ божій 3-го февраля 1761 г. въ Курляндіи, въ родовомъ помѣстьѣ своего отца,

курляндскаго дворянина Іогана Фридриха фонъ-Медема, отъ второго его брака съ вдовою Луизою Шарлоттою фонъ-Нольде, рожденною Цеге-фонъ-Мантейфель, и, такимъ образомъ, Доротея и по мечу, и по прялкѣ, происходила изъ извѣстнѣйшихъ въ Курляндіи древнихъ фамилій. Такъ какъ тамошніе дворяне вели всегда чрезвычайно исправно свои поколѣнныя росписи, то можно было бы прослѣдить за нѣсколько вѣковъ назадъ длинный рядъ предковъ обворожительной фрейлейнъ и по мужскому, и по женскому колѣнамъ. Это было бы, впрочемъ, совершенно напрасной работой, такъ какъ для генеалогическаго ея тщеславія достаточно будетъ замѣтить, что одинъ изъ ея предковъ, Конрадъ фонъ-Медемъ, не только имѣлъ въ качествѣ гермейстера верховную власть надъ Курляндіей, но и кромѣ того, между 1269 и 1272 годами, основалъ Митаву, сдѣлавшуюся впослѣдствіи столицею особаго герцогства, Курляндскаго, хотя и столицей весьма скромной. Такое древнее и знаменитое, въ отношеніи Курляндіи, происхожденіе Медемовъ проводило рѣзкую разницу между ними и Биронами, хотя и причисленными уже къ владѣтельнымъ фамиліямъ, но, тѣмъ не менѣе, все-таки оставшимися плебеями въ глазахъ надменнаго древняго дворянства въ Курляндіи.

Семейство Іогана Медема состояло собственно изъ трехъ семей, такъ какъ онъ отъ перваго брака, съ Луизой Корфъ, имѣлъ сына и дочь, а будущая герцогиня курляндская, Доротея, или, съ прибавкою двухъ другихъ именъ, Анна-Шарлотта-Доротея, родилась отъ второго брака, но, въ свою очередь, и мать Доротеи имѣла отъ перваго мужа, фонъ-Нольде, также дѣтей. Доротея была еще малюткой, когда умерла ея мать, и отецъ ея женился въ третій разъ, тоже на вдовѣ, имѣвшей дѣтей отъ перваго брака. Такимъ образомъ, Доротеѣ приходилось рости въ семьѣ разнороднаго состава, подъ попеченіемъ мачихи, которая, однако, по своей любви къ дѣвочкѣ, замѣнила ей родную мать. Старшая дочь Медема отъ перваго брака, Элиза, вышла за мужъ за курляндца фонъ-деръ-Рекке и впослѣдствіи, подъ фамиліею своего мужа, пріобрѣла себѣ достаточную извѣстность въ нѣмецкой литературѣ, но была такъ несчастлива въ супружествѣ, что, спустя немного лѣтъ послѣ брака, должна была развестись

съ своимъ мужемъ. Въ отношеніи къ сыну Медема отъ перваго брака, мачиха Доротеи вела себя такъ круто, что, какъ говорили, была причиною его самоубійства.

Въ это время утѣшеніемъ для старѣвшаго барона была подроставшая Доротея, чему весьма много содѣйствовала ея мачиха, которая старалась выставить Доротею въ глазахъ ея отца какимъ-то ангеломъ-хранителемъ. Она, между прочимъ, сочиняла для падчерицы разныя трогательныя привѣтствія, которыя и произносила Доротея передъ отцомъ при подходящихъ къ тому случаяхъ. Она же устраивала домашніе спектакли, въ которыхъ пѣвшая и танцовавшая малютка была всегда главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

Въ ту пору, когда подростала фрейлейнъ Доротея, герцогомъ курляндскимъ хотя и былъ еще возстановленный вновь Россіею въ этомъ достоинствѣ Биронъ, но послѣ испытанной передряги и будучи уже въ преклонной старости, онъ не правилъ своимъ государствомъ въ одиночку, но соправителемъ его былъ старшій его сынъ, Петръ, выросшій на попеченіи императрицы Анны Ивановны. Между отцомъ и сыномъ была замѣтная разница въ отношеніи ихъ наклонности къ женскому полу. О любовныхъ шашняхъ старика-Бирона не было никогда ничего слышно. Положимъ, что въ зрѣлые годы, по особенности его положенія, ему не совсѣмъ удобно было заниматься по этой части, но и въ молодости онъ не отличался женолюбіемъ. Въ немъ господствовали, какъ извѣстно, двѣ сильныя страсти: къ картамъ и къ лошадямъ, заглушавшія сердечные порывы. Въ противоположность этому, сынъ герцога Эрнста былъ завзятый волокита и — какъ человѣкъ отличавшійся этимъ свойствомъ — онъ, независимо уже отъ другихъ условій, не могъ ужиться съ своими супругами. Такъ, онъ развелся съ первою своею женою, рожденною принцессою Вальдекъ; развелся онъ и со второю — княжною Евдокіею Борисовною Юсуповою, и теперь жилъ на холостую ногу, усердно занимаясь танцами съ курляндскими нѣмочками. Въ герцогскомъ замкѣ были безпрестанные балы, на которые, разумѣется, приглашаемо было и семейство Медемовъ. Мачиха Доротеи, находя, что дѣвицамъ надобно пріучаться къ обществу съ самаго ранняго возраста, возила съ собою на балы

Петръ Биронъ, герцогъ Курляндскій.

Съ современнаго гравированнаго портрета.

герцога и семилѣтнюю Доротею, и всѣ восхищались этой малюткой, которая уже отлично танцовала, мило пѣла и хорошо, относительно своихъ лѣтъ, играла на клавесинахъ.

На одномъ изъ придворныхъ баловъ герцогъ-регентъ вздумалъ протанцовать соло съ Доротеей. По окончаніи танцевъ онъ такъ былъ восхищенъ этой дѣвочкой, что, взявъ ее на руки, поцѣловалъ и предрекъ ей слѣдующее: «милочка, лѣтъ черезъ десять ты будешь покорять сердца всѣхъ мущинъ». Въ этомъ предсказаніи герцога Петра, конечно, вовсе не мудреномъ, было, между прочимъ, предсказаніе и на счетъ его самого.

Едва минуло Доротеѣ семнадцать лѣтъ, какъ въ домъ отца ея стали являться женихи, и она была помолвлена уже два раза, но оба предположенные брака не состоялись, вѣроятно въ виду иного, болѣе знатнаго искателя руки молодой дѣвушки. И скоро такой женихъ нашелся въ лицѣ герцога Петра. Онъ сообщилъ Медему о своемъ желаніи вступить въ бракъ съ Доротеею, но въ бракъ не формальный, а морганатическій, т. е. въ такой бракъ, при существованіи котораго, не смотря на его законность, Доротея не могла пользоваться не только тѣми особыми преимуществами, какія должны были бы принадлежать полноправной супругѣ владѣтельнаго герцога курляндскаго и семигальскаго, но ни его родовою фамиліею, ни его гербомъ. Такія же ограниченія должны были быть распространены и на дѣтей, рожденныхъ отъ этого брака. Дворянская гордость вспылила въ баронѣ при такомъ предложеніи герцога. Медемъ нашелъ такое предложеніе крайне оскорбительнымъ и заявилъ, что даже полноправный бракъ герцога съ Доротеею сдѣлалъ бы честь не ей, а герцогу, который, хотя и владѣтельный князь, но по своему происхожденію все-таки не болѣе, какъ только сынъ выскочки, тогда какъ предокъ невѣсты еще за пятьсотъ лѣтъ тому назадъ былъ гермейстеромъ и основателемъ Митавы, т. е. былъ также владѣтельною особою. Къ поводамъ для тщеславія Медема своею породою присоединилось еще и новое обстоятельство: онъ въ это время получилъ отъ римско-нѣмецкаго императора титулъ графа священной римской имперіи, а въ ту пору лицо, пожалованное этимъ титуломъ, становилось почти на уровень владѣтельныхъ князей.

Съ своей стороны, герцогъ не отказывался и отъ формальнаго брака съ фрейлейнъ Доротеею, но ссылался только на то, что такой бракъ въ настоящее время для него невозможенъ, такъ какъ обѣ прежнія его супруги еще здравствуютъ, и, не смотря на то, что онѣ разведены съ нимъ формально, станутъ препятствовать его новому браку.

Встрѣтивъ отказъ со стороны отца невѣсты на предложеніе ей морганатическаго или тайнаго брака, пятидесяти-

Доротея, герцогиня Курляндская.
Съ портрета, писаннаго Граффомъ.

пятилѣтній герцогъ впалъ въ романтическое настроеніе. Страсть его къ Доротеѣ усилилась и вскорѣ не знала уже разумныхъ предѣловъ, особенно когда герцогъ, любившій выпить, бывалъ подъ хмѣлькомъ. Въ это тяжелое для влюбленнаго старца время явилась на выручку мачиха Доротеи. Она стала склонять и невѣсту, и ея отца, уступить желанію герцога, т. е. согласиться на бракъ съ нимъ въ тихомолку. О томъ же самомъ принялась хлопотать и мать самого гер-

цога, желавшая женить сына на вполнѣ достойной дѣвушкѣ, а такой, подходящей во всѣхъ отношеніяхъ невѣстой, казалась ей фрейлейнъ Доротея фонъ-Медемъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что неподатливый на первыхъ порахъ новопожалованный имперскій графъ и родовитый курляндскій фрейгеръ согласился на морганатическій бракъ своей дочери съ его свѣтлостію. Переговоры о такомъ согласіи тянулись, однако, въ теченіи цѣлаго года.

Когда дѣло такимъ образомъ сладилось, и Доротея явилась въ роскошномъ подвѣнечномъ уборѣ въ герцогскій замокъ, а осчастливленный женихъ привелъ свою невѣсту въ каплицу, гдѣ долженъ былъ совершиться бракъ въ присутствіи только немногихъ свидѣтелей, — дверь въ каплицу неожиданно отворилась, и изъ пріемной, примыкавшей къ каплицѣ, въ нее вошли государственные чины Курляндіи и Семигаліи, и также и представители иностранныхъ державъ, находившіеся при митавскомъ дворѣ. Эту неожиданность, поразительно-пріятную и для невѣсты, и для ея родителя и мачихи, и для многочисленныхъ сродниковъ ихъ, устроилъ герцогъ, такъ что бракъ его изъ тайнаго брака обратился теперь въ явный, и Доротея тутъ же всѣми присутствовавшими была поздравлена, какъ свѣтлѣйшая герцогиня курляндская и семигальская. Разсказывали, что такому благопріятному для невѣсты обороту дѣла посодѣйствовала императрица Екатерина, принявшая участіе въ судьбѣ молодой дѣвушки и отговорившая герцогиню Евдокію Борисовну отъ всякихъ претензій къ ея бывшему супругу. Что же касается первой супруги герцога, рожденной принцессы Вальдекской, то она, будучи больна при смерти, жила въ это время въ Лозаннѣ, гдѣ вскорѣ и умерла. Почти одновременно съ нею умерла и герцогиня Евдокія, такъ что новобрачный герцогъ Петръ совершенно освободился отъ прежнихъ брачныхъ узъ, которыя налагали на него нѣкоторыя, довольно тяжкія обязанности по денежной части.

Сохранился, впрочемъ, объ обстоятельствахъ брака герцога съ Доротеею и другой, не совсѣмъ скромный разсказъ. Есть печатное извѣстіе, что мачиха Доротеи, желая принудить страстно-влюбленнаго въ Доротею герцога къ браку, поднялась на хитрость, рѣшившись заманить въ западню неуго-

моннаго волокиту. Передъ отъѣздомъ на балъ въ герцогскій замокъ, собравшіяся родственницы устроили нарядъ молодой дѣвушки такъ, что она сдѣлалась неприступной для самаго смѣлаго и отчаяннаго обольстителя, а родственники ея, тоже отправлявшіеся на балъ, были посвящены мачихою Доротеи въ тайну ея затѣи. Во время бала, участвовавшіе въ заговорѣ бароны и фоны тщательно слѣдили и за своею родственницею и за герцогомъ, и когда, въ пылу сильной страсти, герцогъ, ничего не подозрѣвавшій, удалился съ Доротеею въ особую комнату для пріятной бесѣды, то по пятамъ за нимъ неслышно подкрались бароны, фоны и т. д., и всѣ они гурьбой ввалились въ ту комнату, гдѣ находился герцогъ съ молодой дѣвушкой, въ тотъ самый моментъ, когда ласки герцога доходили до того, что ему, при внезапно появившихся свидѣтеляхъ, не оставалось ничего болѣе, какъ только повиниться въ своемъ покушеніи на непорочность Доротеи.

Надобно, впрочемъ, предполагать, что разсказъ этотъ только выдумка со стороны завистниковъ и особенно завистницъ такого блестящаго брака, какой выпалъ на долю Доротеи, и что во всякомъ случаѣ она была тутъ не при чемъ. Какъ бы то ни было, но этотъ бракъ герцога, послѣ двухъ неудачныхъ браковъ, былъ вполнѣ счастливъ, и отъ него родились три дочери и одинъ сынъ, наименованный наслѣднымъ принцемъ курляндскимъ.

Вскорѣ послѣ брака, молодая высокопоставленная чета, съ пышной обстановкой, отправилась путешествовать черезъ Россію въ Италію, но въ это время стало обнаруживаться волненіе среди курляндскаго дворянства. Сперва оно было очень довольно вступленіемъ въ бракъ герцога съ одною изъ представительницъ этого сословія.

«Герцогъ самъ по себѣ негодяй и, какъ сынъ выскочки, онъ среди насъ чужой человѣкъ — говорили курляндскіе бароны — но зато герцогиня изъ нашей среды», добавляли они, и все ихъ сочувствіе клонилось на сторону герцогини тѣмъ болѣе, что между герцогомъ и дворянствомъ, а также и государственными чинами вообще, начались, по разнымъ вопросамъ, сильныя, все болѣе и болѣе увеличивавшіяся пререканія. Среди этихъ пререканій высказывалась мысль, что герцога слѣдовало бы устранить отъ власти и провозгласить

герцогиню правительницею за ея малолѣтняго сына. Но у молодой герцогини чувство супружескаго долга преобладало надъ честолюбіемъ, и она старалась устроить дѣло миролюбиво, такъ, чтобы верховная власть оставалась по прежнему за герцогомъ, но чтобы къ управленію герцогствомъ были призваны и государственные чины. Вскорѣ, однако, споры этихъ послѣднихъ съ герцогомъ и участились, и усилились, но смерть наслѣднаго принца прекратила замыслы той партіи, которая хотѣла дѣйствовать въ пользу герцогини.

Ходъ внутреннихъ дѣлъ въ Курляндіи зависѣлъ главнымъ образомъ отъ Польши, такъ какъ герцоги курляндскіе и семигальскіе состояли въ вассальныхъ отношеніяхъ къ королямъ польскимъ, и съ цѣлью уладить эти дѣла, герцогиня, въ сопровожденіи своей сводной сестры, Елизы фонъ-деръ-Рекке, отправилась въ 1790 году въ Варшаву. Тамъ ей, какъ молодой, умной, красивой и образованной женщинѣ, не трудно было привлечь на свою сторону поляковъ. Но Польша не могла уже ничего сдѣлать въ пользу Курляндіи. Въ Петербургѣ предрѣшено было отреченіе герцога Петра отъ курляндской короны, и затѣмъ Курляндія и Семигалія должны были быть присоединены къ Россіи.

Предварительно отреченія герцога Петра, состоялось еще и другое отреченіе. Въ 1795 году отказался отъ престола Станиславъ-Августъ Понятовскій, король польскій, принимавшій живое участіе въ судьбѣ герцогини. Между ними установились самыя дружественныя отношенія, и престарѣлый король смотрѣлъ на молодую герцогиню, какъ на свою родную дочь, и этимъ нѣжнымъ именемъ онъ называлъ ее въ своихъ къ ней письмахъ. Понятовскій былъ отличный знатокъ женской красоты, но и онъ ставилъ Доротею въ первомъ ряду тѣхъ очаровательныхъ женщинъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться въ продолженіи его долгой жизни.

Въ эту тревожную пору у герцогини Доротеи и у слишкомъ семидесятилѣтняго ея супруга родилась, 21-го августа 1793 года, самая младшая дочь, въ Берлинѣ, гдѣ герцогиня укрывалась отъ шумѣвшей вокругъ нея политической бури. Она очень радовалась, что младенецъ былъ дѣвушка, а не мальчикъ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ ей приходилось бы много хлопотать о томъ, чтобы устроить его будущность.

Мать новорожденной обратилась къ королю Станиславу съ просьбой, чтобы онъ, въ качествѣ восиреемника, далъ явившейся на свѣтъ малюткѣ свое имя, но король отказалъ въ этой просьбѣ, ссылаясь на то, что имя его принесетъ несчастіе новорожденной принцессѣ, и предложилъ дать ей имя ея матери.

Доротея, герцогиня Саганская.
Съ гравированнаго портрета Вечера.

Между тѣмъ герцогъ Петръ былъ вынужденъ отказаться отъ короны и умеръ, въ 1800 году, на семьдесятъ шестомъ году отъ роду, оставивъ малютку Доротею на попеченіе ея матери.

Для своего потомства покойный герцогъ оставилъ весьма значительное недвижимое имѣніе, а именно: помѣстье Находъ и герцогство Саганское въ Силезіи, а также нѣсколько дворянскихъ помѣстій.. Всѣ они были въ очень хорошемъ состояніи, такъ какъ давали такой значительный доходъ, что

вдовствующая герцогиня могла купить на эти доходы помѣстье Лебихау въ Альтенбургѣ. Она роскошно отдѣлала находившійся въ этомъ помѣстьѣ, близъ парка, зàмокъ. Сюда, привлекаемые радушіемъ хозяйки, съѣзжались многочисленные гости, изъ которыхъ многіе принадлежали къ извѣстнымъ личностямъ своего времени. Въ числѣ ихъ былъ и императоръ Александръ Павловичъ, неоднократно посѣщавшій герцогиню въ ея новомъ мѣстѣ жительства, а она, въ свою очередь, два раза, по его приглашенію, пріѣзжала въ Петербургъ, гдѣ проводила время въ кругу царскаго семейства. Писанныя ею изъ Петербурга письма заслуживаютъ вниманія въ томъ отношеніи, что они опровергаютъ ходившую тогда въ публикѣ молву о разладѣ между императоромъ Александромъ I съ его супругою, Елизаветою Алексѣевною. По разсказу же герцогини, оказывается, что государь считалъ себя счастливымъ супругомъ до смерти своей единственной дочери, а потомъ, послѣ смерти Наталіи Нарышкиной, онъ совершенно упалъ духомъ.

Хотя императоръ Александръ и приходился герцогинѣ Доротеѣ по душѣ, но предметомъ самаго страстнаго ея обожанія былъ Наполеонъ I, особенно въ началѣ своего блестящаго поприща. Поѣздка герцогини въ Парижъ еще болѣе усилила въ ней расположеніе къ императору Наполеону. Онъ и супруга его, Жозефина, чрезвычайно обласкали герцогиню, которая была поражена могуществомъ Франціи и блескомъ императорской столицы. Но, кромѣ того, въ Парижѣ находилось еще одно лицо, обращавшее особенное вниманіе на герцогиню курляндскую — князь Талейранъ. Когда онъ увидѣлъ ее въ первый разъ съ ея молоденькой — въ ту пору пятнадцатилѣтней дочерью, тоже Доротеею — о которой мы уже упоминали, — то онъ тотчасъ задумалъ породнить свою, тоже знатную фамилію, съ герцогскимъ курляндскимъ домомъ.

Онъ, въ 1808 году, воспользовался эрфуртскимъ конгрессомъ и уговорилъ императора Александра ѣхать съ нимъ въ Лебихау, въ качествѣ свата племянника князя — графа Эдмонда Талейрана-Перигора, къ дочери герцогини. На предложеніе высокаго свата герцогиня не рѣшалась дать положитальнаго отвѣта въ виду того, что принцесса Доротея едва

только вышла изъ дѣтскаго возраста. Три старшія ея сестры были уже давно за мужемъ.

Бракъ первой изъ нихъ, Екатерины, былъ весьма неудаченъ: сперва она вступила въ супружество съ княземъ де-Рогономъ, но вскорѣ развелась съ нимъ и вышла замужъ за князя Сергѣя Васильевича Трубецкого. Она развелась и съ Трубецкимъ, проживъ съ нимъ менѣе года, и, наконецъ, въ третьемъ бракѣ она была за графомъ Шуленбургомъ и, какъ старшая представительница въ старшей линіи дома Бироновъ, она, кромѣ титула герцогини курляндской, имѣла еще и титулъ герцогини саганской.

Вторая дочь Доротеи, Паулина, была за мужемъ за принцемъ Фридрихомъ Гогенцоллернъ-Гехингенъ. Единственный ихъ сынъ, въ 1840 году, отказался отъ своихъ владѣтельныхъ правъ въ пользу короля прусскаго.

Третья дочь герцогини Доротеи, Іоганна, была за мужемъ за Франциском Пиньятелли де Бельмонте, герцогомъ д'Ачеранца.

23-го апрѣля 1809 года, былъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ совершенъ бракъ принцессы Доротеи съ графомъ Талейраномъ. Повидимому, этотъ брачный союзъ сулилъ счастье молодой четѣ, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ казалось, вскорѣ упрочился рожденіемъ дочери. Князь Талейранъ, имѣвшій такую силу при императорѣ Наполеонѣ, добылъ своему племяннику титулъ герцога Динò, а будучи самъ бездѣтенъ, предоставилъ ему, или, вѣрнѣе сказать, его женѣ громадное богатство, которое цѣнилось въ восьмнадцать милліоновъ франковъ.

Независимо отъ всѣхъ этихъ добавокъ къ красотѣ и знатности герцогини Биронъ-Дино, графини Талейранъ-Перигоръ, принцессы курляндской, она отличалась замѣчательнымъ умомъ. Извѣстный въ свое время профессоръ, а потомъ и министръ, Вильменъ, писалъ о ней слѣдующее:

«Она имѣла такой всеобъемлющій умъ, что всегда съ удивленіемъ приходилось слушать приводимыя ею доказательства, хотя бы при ней высказывались самыя противоположныя мнѣнія. Своеобразное и остроумное изложеніе того, чтò она писала, дѣйствовало весьма сильно на каждаго, и она отличалась чрезвычайнымъ умѣніемъ вести интригу».

Всѣмъ со временемъ стало извѣстно, что герцогиня Дино

принимала самое дѣятельное участіе въ ловкомъ веденіи Талейраномъ, дядею ея мужа, европейской политики. Она составляла для него проекты дипломатическихъ бумагъ, спорила съ нимъ и нерѣдко ея черновые наброски посылались прямо въ канцелярію для переписки на-бѣло, какъ окончательно выработанные дипломатическіе акты или политическіе меморандумы. Государи, которымъ сообщали эти акты, и не подозрѣвали, что они первоначально были писаны женскою рукою.

Талейранъ отличался умѣніемъ пользоваться чужою работой. Этимъ, однако, воспользовалась въ свою очередь его хорошенькая племянница и подчинила своей власти знаменитаго государственнаго человѣка. Подъ ея нравственнымъ вліяніемъ онъ значительно исправился и отвыкъ отъ многихъ непохвальныхъ продѣлокъ. Присутствіе молодой и красивой женщины возбуждало въ немъ дѣятельность и какъ бы перерождало его къ лучшему во многихъ отношеніяхъ. Это было тѣмъ важнѣе, что онъ, подъ вліяніемъ своей малообразованной супруги, началъ уже скучать. Онъ женился на госпожѣ Грантъ послѣ того, какъ разошелся съ госпожею Сталь, и по поводу этого онъ однажды выразился такъ: «on doit avoir aimé madame de Stael pour comprendre le plaisir d'aimer une bête et une sotte».

По мнѣнію лицъ, знавшихъ Талейрана, онъ сохраненіемъ игривости и утонченности своего ума былъ всего болѣе обязанъ бесѣдамъ съ герцогиней Доротеей.

Послѣ смерти Талейрана, 17-го мая 1838 года, она, на оставленный имъ ей капиталъ, купила въ Силезіи герцогство Саганское, которое въ 1786 году было пріобрѣтено ихъ отцомъ, герцогомъ курляндскимъ Петромъ, у князей Лобковичей за 9,000,000 франковъ, а король прусскій возвелъ это владѣніе на степень герцогства. Послѣ смерти герцога Петра, саганское помѣстье перешло по наслѣдству къ его старшей дочери, княгинѣ де-Роганъ. Когда же она умерла, то герцогство Саганское досталось старшей по ней сестрѣ, вдовѣ принца Гогенцоллернскаго, а отъ нея оно перешло къ герцогинѣ Дино, которая къ своимъ прежнимъ титуламъ прибавила еще и титулъ герцогини Саганской.

Въ новопріобрѣтенномъ въ 1845 году герцогствѣ, Доро-

тея явилась покровительницею ученыхъ, литераторовъ и художниковъ; на покровительство этимъ лицамъ она имѣла громадныя денежныя средства. Въ Саганъ, за-просто, какъ гость, пріѣзжалъ къ герцогинѣ король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ IV съ супругою своею, княгинею Лигницъ, а также нынѣшній германскій императоръ, Вильгельмъ, со своею супругою, принцессою Августой. Будучи гостепріимной хозяйкой, герцогиня вмѣстѣ съ тѣмъ любила блистать роскошью и пышностію какъ въ своихъ нарядахъ, такъ и во всей обстановкѣ. Въ Германіи того времени сравнивали Саганъ съ Феррарою, гдѣ Торквато Тассо замѣнялъ вдохновенной поэтъ, князь Лихновскій, тогда еще юноша, а впослѣдствіи австрійскій министръ, погибшій, въ 1848 году, во Франкфуртѣ, насильственною смертью. Въ Саганѣ гостилъ также нерѣдко и знаменитый виртуозъ Францъ Листъ.

Герцогиня Доротея умерла, послѣ тяжкой болѣзни, 19-го сентября 1862 года, и герцогство Саганское перешло къ старшему ея сыну, Луи-Наполеону, который имѣетъ теперь дочь Доротею, напоминающую собою и свою мать, и свою бабушку.

АББАТЪ ЖОРЖЕЛЬ ВЪ РОССІИ.

(1799 — 1800).

I.

Личность аббата Жоржеля. — Характеристика его книги. — Орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго. — Цѣль поѣздки Жоржеля. — Его путешествіе. — Людовикъ XVIII. — Царское село. — Пріѣздъ въ Петербургъ. — Опросы на заставѣ. — Петербургскія гостинницы. — Явка пріѣзжихъ къ коменданту. — Недоразумѣніе и извиненіе коменданта. — Чиновность лицъ, опредѣляемая числомъ лошадей въ экипажѣ. — Визиты къ графу Кобенцелю и къ графу Салтыкову. — Бальи Литта. — Титулъ преосвященнѣйшаго императорскаго величества. — Значеніе бальи Литты при Павлѣ. — Козни противъ него и Ростопчина. — Его ссылка.

Аббатъ Жоржель, съ поѣздкою котораго въ Петербургъ мы намѣрены познакомить нашихъ читателей, пріѣзжалъ туда въ 1799 — 1800 годахъ съ посольствомъ отъ рыцарскаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, отправленнымъ къ императору Павлу I съ тѣмъ, чтобъ предложить ему санъ великаго магистра этого ордена. Во время упомянутой поѣздки Жоржелю было уже 70 лѣтъ; онъ принадлежалъ къ іезуитскому ордену и состоялъ долгое время въ Вѣнѣ сперва секретаремъ французскаго посольства, а потомъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Франціи. Преклонный возрастъ аббата, званіе іезуита и прежняя его дипломатическая служба наложили замѣтный отпечатокъ на его записки, которыя, поэтому, отличаются серьезностію содержанія, наблюдательностью вообще и подробностями относительно вопросовъ, касающихся религіи и государственнаго управленія въ Россіи. Надобно, впрочемъ, отдать аббату справедливость въ томъ отношеніи, что,

не смотря на особенныя условія своего личнаго положенія, онъ безпристрастенъ въ своихъ разсказахъ о Россіи, за исключеніемъ развѣ той ихъ части, которая касается религіи и гдѣ авторъ записокъ является ревностнымъ католикомъ и іезуитомъ, смотрящимъ на нашу церковь, какъ на схизму.

Записки аббата были изданы въ 1818 году, въ Парижѣ, его племянникомъ, Жоржелемъ, подъ заглавіемъ: «Voyage à S.-Petersbourg». 1799 — 1800.

Говоря о поводѣ къ составленію записокъ, Жоржель пишетъ, что тотъ, кто пожелаетъ съѣздить въ Петербургъ въ первый разъ, найдетъ въ нихъ такія для себя указанія, которыя устранятъ отъ него затрудненія и безпокойства, неизбѣжныя при столь отдаленномъ путешествіи въ странѣ, совершенно чуждой обычаямъ и образу жизни французовъ. Изложеніе записокъ повѣтствовательное, и недостаткомъ ихъ можно считать повтореніе нѣсколько разъ одного и того же, что́, конечно, должно приписать преклоннымъ лѣтамъ автора. «Когда, говоритъ между прочимъ Жоржель, я взялся за кисть, чтобъ нарисовать портреты замѣчательныхъ историческихъ личностей, то я справлялся только съ ихъ дѣяніями: перо мое не пропитывалось желчью и сатирой, я не придавалъ также и льстиваго колорита, такъ какъ вообще лучше умолчать, нежели язвить или льстить».

То время, когда аббатъ Жоржель пріѣзжалъ въ Петербургъ, было чрезвычайно тревожно для всей Европы, вслѣдствіе быстрыхъ успѣховъ французской революціи. Бонапарте, съ званіемъ перваго консула, самовластно управлялъ Франціею, и къ разнымъ ея завоеваніямъ успѣлъ присоединить островъ Мальту, которою овладѣлъ въ 24 часа, не смотря на то, что она въ ту пору считалась одною изъ самыхъ неприступныхъ твердынь. Захватъ Мальты французами долженъ былъ повлечь за собою паденіе державнаго рыцарскаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Великій магистръ этого ордена, д'Омпешъ, удалился въ Тріестъ и даже не думалъ давать отчетъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ островъ Мальта былъ сданъ имъ французамъ. Тогда всѣ великія пріорства ордена, бывшія въ Италіи, признали д'Омпеша лишеннымъ званія великаго магистра и убѣдили существовавшее уже въ Россіи великое пріорство склонить императора

Павла къ принятію на себя этого званія. Примѣру упомянутыхъ пріорствъ послѣдовали великія пріорства, существовавшія въ Богеміи, Баваріи и Германіи. Собравшіеся ихъ капитулы назначили депутатовъ въ Петербургъ, чтобъ заявить новому великому магистру вѣрность и послушаніе ордена. Изъ этихъ депутатовъ великій бальи Пфюрдтъ-Блюмбергъ (Ферфтъ-Флоримонъ) и командоръ баронъ Баденъ предложили аббату Жоржелю отправиться съ ними въ Петербургъ для того, чтобы онъ помогалъ имъ составлять бумаги и записки по предметамъ ихъ переговоровъ.

Мы, конечно, опускаемъ изъ записокъ аббата Жоржеля всѣ подробности объ его путешествіи, не касающіяся Россіи, и потому замѣтимъ только, что посольству пришлось оставаться въ Вѣнѣ три недѣли, въ ожиданіи паспортовъ для проѣзда въ Петербургъ. Русскій посланникъ въ Вѣнѣ, графъ Разумовскій, получилъ отъ императора Павла особое повелѣніе о невыдачѣ паспортовъ, и только 27-го октября, послѣ сношенія съ Петербургомъ, представители мальтійскаго ордена получили разрѣшеніе ѣхать въ Петербургъ. 19-го ноября они достигли Вильны, гдѣ и подрядили русскихъ извощиковъ доставить ихъ за сто червонцевъ въ Петербургъ, на тринадцати лошадяхъ, съ проѣздомъ черезъ Митаву, гдѣ они должны были представиться Людовику XVIII, который получалъ отъ императора Павла, сверхъ помѣщенія и отопленія, 200,000 рублей ассигнаціями въ годъ, что̀, по разсчету аббата Жоржеля, равнялось 600,000 французскихъ ливровъ. Кромѣ того, Людовикъ XVIII отъ испанскаго двора получалъ по 80,000 ливровъ въ годъ.

6-го декабря посольство выѣхало изъ Риги, и въ 78-ми верстахъ отъ нея, между станціями Роппъ и Легердорфъ, встрѣтило ѣхавшаго съ своею молодою супругою изъ Петербурга эрцъ-герцога Палатина. По разсказу аббата, свита молодыхъ была чрезвычайно многочисленна, и для ихъ проѣзда выставлялось на каждой станціи по 200 лошадей, а въ каждую карету было впряжено по десяти и даже по двѣнадцати лошадей. Эрцгерцогъ и эрцгерцогиня ѣхали одни, въ особой каретѣ; передъ ними и за ними русскіе и австрійскіе придворные чины и дамы, изъ нихъ русскіе должны были сопровождать новобрачныхъ только до границы. Моло-

дая великая княгиня Александра Павловна показалась аббату и его спутникамъ очень граціозной и интересной особой.

Не слишкомъ скоро подвигались впередъ великій бальи, командоръ и аббатъ, такъ какъ они только 18-го декабря, въ десять часовъ утра, пріѣхали въ Царское Село. Городъ этотъ имъ очень понравился; они нашли тамъ порядочную гостинницу, а комната, въ которой ихъ помѣстили, покуда перекладывали лошадей, была оклеена обоями; но эта приличная стоянка обошлась имъ недешево, такъ какъ за простой взяли съ нихъ 2 рубля, да столько же за плохой завтракъ; но русскіе — замѣчаетъ Жоржель — любятъ обдирать иностранцевъ. Въ полдень они выѣхали изъ Царскаго Села и восхищались превосходною дорогою отъ него къ Петербургу; въ особенности имъ понравились мраморныя пирамиды, служащія для обозначенія верстъ. По правой сторонѣ дороги тянулся рядъ загородныхъ домовъ, которые казались имъ царскими жилищами среди сельской обстановки. Впослѣдствіи они узнали, что дома эти принадлежали русскимъ вельможамъ, которые въ такой мѣстности, гдѣ могутъ рости только ель, береза и ветла, развели чудные сады и устроили очаровательныя жилища. По той роскоши, какая господствуетъ въ нихъ, ихъ можно сравнить, добавляетъ Жоржель, съ королевскими дворцами, и они составляютъ предверіе, достойное императорской столицы.

Въ два часа по полудни аббатъ съ своими спутниками подъѣхалъ къ петербургской заставѣ, которая имѣла видъ тріумфальныхъ воротъ. Близь нея находилась гауптвахта, на которую долженъ былъ заходить каждый пріѣзжающій въ Петербургъ и выѣзжающій изъ него, чтобъ объявить свою фамилію и сказать, откуда и куда онъ ѣдетъ. Городъ въ ту пору былъ обведенъ невысокою стѣною и окруженъ рвомъ, наполненнымъ водою. Новоприбывшихъ пригласили выйдти изъ кареты, представить паспорты, дать о себѣ свѣдѣнія и указать, гдѣ они остановятся. Начальствовавшій надъ карауломъ офицеръ не зналъ ни слова ни по французски, ни по нѣмецки, а потому другой молодой офицеръ, занимавшійся въ канцеляріи, знавшій по французски, явился въ качествѣ переводчика. Аббату и депутатамъ было предложено множество вопросовъ относительно цѣли ихъ поѣздки;

переговоры тянулись добрыхъ полчаса, и, наконецъ, ихъ пропустили, объявивъ имъ, что завтра они должны представиться къ коменданту, къ которому и посылаются ихъ паспорты.

По разсказу Жоржеля, лучшими гостинницами въ Петербургѣ были въ ту пору гостиница Демута на Мойкѣ, носившая названіе «Лондонъ», и гостинница «Гродно» на Адмиралтейской площади, содержавшаяся французскимъ трактирщикомъ Гюге, находившаяся въ Морской. Извощики, привезшіе аббата и депутатовъ, не зная Петербурга, долго блуждали по улицамъ и только въ восемь часовъ вечера они привезли пассажировъ въ гостинницу Лондонъ. Аббату на первый разъ чрезвычайно понравился гранитный мостъ, построенный на Фонтанкѣ.

Вотъ какъ описываетъ Жоржель тогдашнюю жизнь въ лучшей петербургской гостинницѣ.

Гостинница «Лондонъ» имѣетъ одного привратника (portier), назначеннаго ея владѣльцемъ, Демутомъ. Онъ отдаетъ въ наймы меблированныя комнаты, доставляетъ постели и столовое бѣлье и занимается топкою печей, но онъ не доставляетъ кушанья. Французскій трактирщикъ, живущій въ этой же гостинницѣ, содержитъ столъ по опредѣленной цѣнѣ.

Такъ какъ мы — говоритъ далѣе аббатъ Жоржель — пріѣхали поздно вечеромъ и въ гостинницѣ было холодно, то всѣхъ насъ помѣстили въ одной истопленной комнатѣ. Но на другой день мы условились съ привратникомъ на счетъ помѣщенія, а съ трактирщикомъ на счетъ стола. Намъ отвели очень хорошее помѣщеніе, состоявшее, собственно для насъ, изъ трехъ комнатъ и меблированнаго кабинета, одной комнаты для прислуги и особой столовой. За всѣ эти шесть комнатъ и шесть постелей мы условились платить въ мѣсяцъ сто тридцать рублей, съ особою платою за отопленіе и за освѣщеніе. Топка каждой печи стоитъ 30 копѣекъ, если топить одинъ разъ, и 60 коп., если топить два раза въ день, чтò бываетъ необходимо во время сильныхъ морозовъ. Трактирщикъ принесъ намъ листъ, на которомъ были выставлены цѣны блюдъ. Обѣдъ, состоявшій изъ супа, холоднаго, жаркаго и пирожнаго, стоилъ съ каждаго по 1 рублю 50 коп., безъ вина, дессерта и кофе, но за то трактирщикъ поставлялъ столовое бѣлье и серебряные столовые приборы.

Порція кофе со сливками и небольшимъ хлѣбцомъ стоитъ 60 коп., порція шеколада 80 коп., порція чаю 50 коп., чашка кофе безъ сливокъ, послѣ обѣда, 25 копѣекъ. Вино разныхъ цѣнъ можно получать или отъ трактирщика, или отъ виноторговцевъ. Бутылка самого обыкновеннаго вина стоитъ 80 коп., но бутылка такъ мала, что въ ней не содержится болѣе четырехъ хорошихъ стакановъ. Если же кто пожелаетъ имѣть хорошее, хотя и обыкновенное вино, то долженъ платить отъ 1 руб. 50 коп. до 2 руб. за бутылку. Бутылка бургонскаго вина стоитъ 4, а бордосскаго 3 рубля, шампанскаго 5 руб., столько же и рейнскаго, при счетѣ на ассигнаціи или на мѣдь. За ужинъ платятъ соразмѣрно количеству затребованныхъ порцій. Для прислуги нашей отпускалось по 1 руб. 50 коп. на человѣка въ день, столько же мы платили наемному лакею.

Прежде, однако, чѣмъ пріѣзжіе успѣли устроиться такимъ образомъ, имъ пришлось исполнить нѣкоторыя особыя формальности.

Тотчасъ по въѣздѣ ихъ въ гостинницу, дворникъ, освѣдомившись объ ихъ званіи и фамиліяхъ, а также объ именахъ ихъ служителей, заявилъ имъ, что завтра утромъ, въ 7 часовъ, до парада, который бываетъ въ 8 часовъ, они должны явиться къ коменданту. Комендантъ жилъ во дворцѣ, и имъ показался чрезвычайно необычайнымъ визитъ къ нему въ такое раннее время. Но дворникъ объявилъ имъ, что такое раннее представленіе необходимо, и что онъ будетъ наказанъ, если они, несмотря на то, что были уже предупреждены, не явятся къ коменданду, который былъ уже увѣдомленъ объ ихъ пріѣздѣ дежурнымъ при заставѣ офицеромъ и послалъ къ коменданту списокъ ихъ фамилій. Имъ, пріѣхавшимъ такъ поздно и истомленнымъ такимъ продолжительнымъ путешествіемъ, тяжело было встать на другой день ранѣе шести часовъ для того, чтобы еще до разсвѣта быть у коменданта, но дѣлать было нечего, необходимо было покориться такому странному требованію. Они отправились во дворецъ въ наемной каретѣ, и въ 7-мъ часовъ были уже въ пріемной коменданта. Сторожъ, съ которымъ переговаривался нанятый ими лакей, сказалъ, что генерала нельзя видѣть. Они настаивали на свиданіи съ нимъ, ссылаясь на

сдѣланное имъ объявленіе. Слуга генерала спалъ на стульяхъ, а адъютантъ его, въ полномъ мундирѣ, спалъ на канапе. Лампа освѣщала пріемную. Адъютантъ былъ разбуженъ разговоромъ прибывшихъ; онъ встрепенулся, и подойдя къ нимъ, заговорилъ по французски. Они сказали ему, кто они такіе, а также сообщили ему о переданномъ имъ приказаніи. Адъютантъ немедленно отправился въ спальню коменданта, который, какъ имъ сказали, покоился еще крѣпкимъ сномъ. Черезъ полчаса адъютантъ ввелъ ихъ туда. Генералъ былъ въ шлафрокѣ и принялъ ихъ чрезвычайно любезно и вѣжливо. Онъ извинился передъ ними, прибавивъ, что сообщенное имъ приказаніе о такой ранней явкѣ относится только къ русскимъ офицерамъ, а что если бы изъ такого строгаго и чрезвычайнаго распоряженія не было сдѣлано никакихъ исключеній, то это давало бы иностранцамъ очень дурное понятіе о вѣжливости русскихъ. Комендантъ выразилъ сожалѣніе относительно происшедшаго недоразумѣнія и, заботливо предупредивъ ихъ о тѣхъ болѣзняхъ, которымъ подвергаются вновь пріѣзжающіе въ Петербургъ, рекомендовалъ имъ нѣкоторыя предохранительныя противъ этого средства. Его пріемомъ и его бесѣдою мы, говоритъ Жоржель, были вознаграждены за наше безпокойство. Генералъ-лейтенантъ графъ (?) Свѣчинъ (такъ назывался комендантъ) отдалъ намъ визитъ въ тотъ же день и, когда мы, по возвращеніи нашемъ въ гостинницу, разсказали обо всемъ привратнику, то онъ сталъ увѣрять насъ, что былъ бы строго наказанъ, если бы не далъ знать о повелѣніи государя, объявленномъ во всѣхъ петербургскихъ гостинницахъ.

Мы сообщили о стоимости тогдашняго житья въ лучшей изъ этихъ гостинницъ, а теперь замѣтимъ о другой статьѣ издержекъ—объ экипажѣ. Жоржель говоритъ, что депутаты наняли карету съ четверкою лошадей за 150 руб. въ мѣсяцъ, замѣчая при этомъ, что за карету съ парою лошадей платятъ 100 рублей, а съ шестернею 200 рублей. Въ концѣ мѣсяца кучеру и форейтору слѣдовало давать на водку отъ 2 до 3 рублей каждому.

По поводу всего этого аббатъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе:

«Въ Петербургѣ, въ силу стариннаго обычая, число лошадей, запряженныхъ въ экипажъ, означаетъ достоинство

того лица, которое ѣдетъ. Князья, посланники, фельдмаршалы, первые чины двора имѣютъ право ѣздить шестерикомъ во всякомъ случаѣ: ѣдутъ ли они ко двору, съ визитами, или на прогулку; генералъ-лейтенанты и генералъ-маіоры имѣютъ право ѣздить четверней. Прочія лица могутъ ѣздить только парою. Въ прежнее время право ѣздить четверней или шестерней считалось чрезвычайно важнымъ. На тѣхъ, кто ѣздилъ парою, не обращали большого вниманія, такъ какъ на нихъ смотрѣли, какъ на людей ничтожныхъ. Въ Россіи всѣ служащіе раздѣлены на классы, и нужно принадлежать къ первымъ четыремъ или пяти классамъ для того, чтобы быть принятымъ въ хорошемъ обществѣ.

«Желаніе разъѣзжать четверней или шестерней немножко вышло изъ моды, замѣчаетъ аббатъ. Вельможи и посланники ѣздятъ теперь парою, а шестернею выѣзжаютъ только или въ торжественныхъ случаяхъ, или на публичныя гулянья. Но знатныя дамы придерживаются старинныхъ обычаевъ. Императоръ, императрица, великіе князья и великія княжны ѣздятъ обыкновенно шестерней, рѣдко въ восемь лошадей; ихъ узнаютъ по придворной ливреѣ, состоящей изъ цвѣтовъ зеленаго и краснаго съ золотомъ, и по вершникамъ, которые ѣдутъ впереди и сзади кареты».

Слѣдуя принятымъ въ Петербургѣ обычаямъ и считая себя—великій бальи въ чинѣ генералъ-лейтенанта, а командоръ въ чинѣ генералъ-маіора, ѣздили четверней и носили на шляпахъ бѣлый плюмажъ.

Въ Петербургѣ аббатъ Жоржель прожилъ шесть мѣсяцевъ, стараясь ознакомиться со всѣмъ, что ему представлялось видѣть.

Депутаты германскаго пріорства поспѣшили испросить у австрійскаго посланника и у намѣстника мальтійскаго ордена назначенія дня и часа, когда они могутъ пріѣхать къ нимъ. Посланникъ, графъ Кобенцель, пригласилъ ихъ къ себѣ въ тотъ же день, а на слѣдующій день ихъ долженъ былъ принять намѣстникъ, графъ Салтыковъ. О поѣздкѣ ихъ къ графу Кобенцелю излишне говорить, но вотъ какъ описываетъ пріемъ графомъ Салтыковымъ мальтійскихъ депутатовъ сопровождавшій ихъ къ нему Жоржель:

«Фельдмаршалъ графъ Салтыковъ встрѣтилъ депутатовъ чрезвычайно благосклонно; они представили ему письмо отъ великаго пріора и капитула, отправившихъ ихъ въ Россію, а также копію съ кредитивной грамоты къ императору Павлу. Отъ Салтыкова депутаты должны были узнать о времени, когда назначена имъ торжественная аудіенція. При Салтыковѣ въ это время состоялъ командоръ де-ла-Гуссе, вице-канцлеръ лондонскаго пріорства, и онъ велъ всѣ дѣла ордена. Этотъ кавалеръ пользовался полнымъ довѣріемъ императора, какъ великаго магистра, его намѣстника священнаго совѣта и главнаго министра, графа Ростопчина. Къ Гуссе передавались всѣ записки и по его докладу и согласно съ его мнѣніемъ рѣшались всѣ вопросы, касавшіеся ордена. Салтыковъ сообщилъ депутатамъ, что дворъ находится еще въ Гатчинѣ, что онъ доложитъ государю о прибытіи депутаціи и поспѣшитъ сообщить ей высочайшую волю.

«Графу Салтыкову — пишетъ аббатъ Жоржель — было 60 лѣтъ и онъ зналъ тайну, какъ сохранить благосклонность къ себѣ государя. Онъ умѣлъ поддерживать свой кредитъ при такомъ дворѣ, гдѣ паденія были безпрестанны. Чрезвычайно сдержанный въ своихъ поступкахъ, онъ заботливо избѣгалъ всего, что̀ могло возбудить противъ него зависть со стороны министровъ и сильныхъ царедворцевъ. Императоръ — наставникомъ котораго былъ Салтыковъ, — сохранялъ къ нему уваженіе и благосклонность; онъ пожаловалъ ему первые ордена и позволилъ непосредственно сноситься прямо по всѣмъ его личнымъ и служебнымъ дѣламъ. Надобно полагать, что Салтыковъ, какъ генералъ, былъ человѣкъ даровитый и что, вѣроятно, онъ имѣлъ успѣхи на военномъ поприщѣ, такъ какъ достигъ высшаго военнаго званія. Онъ получаетъ огромные доходы и живетъ великолѣпно, въ прекрасномъ домѣ, находящемся на берегу Невы».

Затѣмъ Жоржель сообщаетъ о другой вліятельной личности, встрѣченной имъ при дворѣ императора Павла.

«Когда, пишетъ аббатъ, императоръ учредилъ для русскихъ значительное число командорствъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго и возстановилъ въ Россіи великое пріорство для католиковъ, и когда онъ, послѣ занятія Мальты французами, объявилъ себя протекторомъ ордена, то въ Петер-

бургъ былъ отправленъ бальи Литта, родомъ итальянецъ, въ качествѣ чрезвычайнаго посла, чтобъ принести благодарность императору и чтобъ, въ качествѣ уполномоченнаго отъ великаго магистра, принять участіе въ учрежденіи новыхъ командорствъ и въ возстановленіи великаго пріорства въ русской Польшѣ. Въ это время братъ бальи былъ посланъ въ Петербургъ папою Піемъ VI въ качествѣ нунція къ императору Павлу. Бальи Литта, человѣкъ чрезвычайно умный, видный и красивый, полюбился Павлу Петровичу и склонилъ императора къ принятію званія протектора. Когда же великій магистръ д'Омпешъ, послѣ постыдной сдачи Мальты французамъ, удалился въ Тріестъ, бальи внушилъ великому пріорству въ Россіи предложить императору Павлу санъ гроссмейстера. Императоръ, оказывавшій благоволеніе къ ордену іоаннитовъ, согласился принять предложенный санъ и гордился имъ. Послѣ того бальи Литта оказался человѣкомъ необходимымъ для организаціи совѣта и канцеляріи великаго магистра. При такихъ условіяхъ, ему не трудно было убѣдить императора, чтобы онъ назначилъ его своимъ намѣстникомъ по управленію дѣлами ордена. Этотъ высокій постъ доставилъ бальи Литтѣ большія преимущества: онъ сдѣлался первымъ министромъ великаго магистра и сталъ заниматься дѣлами ордена наединѣ съ государемъ, который пожелалъ титуловаться преосвященнѣйшимъ императорскимъ величествомъ (majesté imperiale emminentissime).

«Бальи Литта былъ назначенъ представителемъ всѣхъ отсутствующихъ начальниковъ пріорствъ и устроилъ свои дѣла очень хорошо: онъ получилъ въ русскомъ пріорствѣ командорство съ 10,000 рублями дохода и успѣлъ выхлопотать назначеніе своего брата, бывшаго, какъ замѣчено выше, папскимъ нунціемъ въ Петербургѣ, великимъ милостыне-раздавателемъ лондонскаго пріорства, съ жалованьемъ по 10,000 рублей въ годъ. Въ то же время папа освободилъ бальи Литту отъ обѣта безбрачія, для того, чтобы онъ могъ жениться на богатой русской графинѣ, бывшей вдовою и занимавшей одно изъ первыхъ мѣстъ при дворѣ императрицы» *).

---

*) На графинѣ Екатеринѣ Васильевнѣ Скавронской, рожденной Энгельгардтъ, родной племянницѣ князя Потемкина.

Императору Павлу чрезвычайно нравилась дѣятельность Литты, успѣвшаго, вслѣдствіе этого, пріобрѣсти особенное къ себѣ расположеніе со стороны государя. Министры и первые царедворцы завистливо смотрѣли на быстрое возвышеніе этого иноземца. Графъ Ростопчинъ, который изъ простого камергера, на тридцать четвертомъ году отъ роду, былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и великимъ канцлеромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, задумалъ низвергнуть Литту, въ которомъ онъ видѣлъ опаснаго для себя соперника. По словамъ Жоржеля, одного того обстоятельства, что Литта былъ иностранецъ, оказывалось достаточно, чтобы всѣ русскіе вельможи стали на сторону Ростопчина. Безпрестанные происки Ростопчина увѣнчались желаемымъ успѣхомъ: бальи Литта впалъ въ немилость и былъ высланъ въ помѣстье своей жены; должность его по ордену была предоставлена фельдмаршалу графу Салтыкову, а графъ Ростопчинъ, въ званіи великаго канцлера ордена, съ согласія Салтыкова, сталъ завѣдовать всѣми дѣлами ордена. Салтыковъ, не любившій ни занятій, ни хлопотъ, довольствовался только почетомъ по должности и имѣлъ право сноситься съ великимъ магистромъ, чѣмъ онъ и пользовался для доставленія милостей покровительствуемымъ имъ кавалерамъ.

Опала бальи Литты повлекла за собою и опалу его брата, нунція, который былъ высланъ за границу и должность котораго, какъ великаго милостынераздавателя, была предоставлена архіепископу могилевскому, митрополиту католическихъ церквей, находившихся въ предѣлахъ Россіи *).

Въ такомъ положеніи были дѣла ордена ко времени пріѣзда Жоржеля въ Петербургъ.

---

*) Сестренцевичу.

II.

Замѣтка объ орденѣ св. Іоанна Іерусалимскаго. — Отношенія ордена къ Россіи во времена Екатерины II. — Расположеніе къ нему Павла. — Принятіе Павломъ званія гроссмейстера. — Его политическіе виды. — Неудобство гроссмейстерскаго званія для русскаго государя. — Вліяніе іезуитовъ. — Торжественная аудіенція, данная депутатамъ мальтійскаго ордена. — Составъ дипломатическаго корпуса въ Петербургѣ. — Дюкъ-де-Серра-Капріола. — Баронъ Стендингъ. — Жизнь русскихъ министровъ. — Недоступность Ростопчина. — Обѣды у графа Салтыкова. — Образъ жизни въ Петербургѣ. — Театры. — Балы Флашляндъ. — Благосклонность Павла къ депутатамъ. — Представленіе императору.

Рыцарскій орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго былъ основанъ въ 1099 году въ Іерусалимѣ, послѣ взятія этого города крестоносцами. Основателемъ его былъ Герардъ Томъ, провансальскій уроженецъ. Цѣль этого ордена была благотворительная; кавалеры его давали обѣтъ — принимать пилигримовъ, заботиться объ ихъ нуждахъ и ухаживать за ними во время ихъ болѣзни. Но, спустя двадцать два года послѣ своего основанія, орденъ іоаннитовъ, по предложенію великаго магистра Рамойнда дю-Пюи, обратился въ военное братство для борьбы съ невѣрными. Такимъ образомъ іоаннитскій орденъ сталъ въ одно и то же время и военною, и религіозною общиною. Уставъ его былъ составленъ примѣнительно къ уставу монаховъ августинскаго ордена. Въ 1188 году, послѣ взятія Іерусалима султаномъ Саладиномъ, іоанниты удалились первоначально въ Сенъ-Жанъ-д'Акръ, а въ 1310 году перебрались на островъ Родосъ. Солиманъ, послѣ продолжительной осады, взялъ этотъ островъ, въ 1522 году, и родосскіе рыцари, въ 1530 году, переселились на Мальту, уступленную имъ императоромъ Карломъ V, и съ тѣхъ поръ они сдѣлались извѣстными подъ именемъ мальтійскихъ рыцарей, или кавалеровъ, и прославились своими войнами противъ турокъ. Въ 1798 году генералъ Бонапарте, на пути въ Египетъ, овладѣлъ островомъ Мальтою. Послѣ того мѣстопребываніе ордена было, въ 1801 году, перенесено въ Катану, потомъ въ Феррару и наконецъ, въ 1831 году, въ Римъ.

Во время своего существованія іоаннитскій орденъ не имѣлъ рѣшительно никакого отношенія къ Россіи, хотя пред-

ставители его и являлись иногда при русскомъ дворѣ. Такъ, въ 1748 году въ Петербургѣ былъ кавалеръ маркизъ де ла Сакримоза, и императрицѣ Елизаветѣ докладываемо было: «не изволитъ ли она сему кавалеру нѣсколько фунтовъ хорошаго ревеня пожаловать, дабы онъ то своему грандъметру въ подарокъ отвезти могъ, чтò и было апробовано». Несмотря на свое отдаленіе отъ предѣловъ Россіи, островъ Мальта былъ одно время предметомъ политическихъ комбинацій императрицы Екатерины II, которая намѣревалась упрочить тамъ свое вліяніе, разсчитывая устроить на Мальтѣ станцію для русскаго флота въ Средиземномъ морѣ. Съ этою цѣлью она вела сношенія съ гроссмейстеромъ ордена, княземъ Рогановъ, и успѣла склонить его къ участію въ войнѣ Россіи съ Турціею, но союзъ этотъ былъ разрушенъ вмѣшательствомъ французской политики. Особыя обстоятельства содѣйствовали прямому сближенію рыцарей мальтійскаго ордена съ русскимъ дворомъ. Императоръ Павелъ Петровичъ, прочитавшій въ дѣтствѣ исторію мальтійскаго ордена, написанную аббатомъ Верто, почувствовалъ къ этому религіозно-воинственному учрежденію особую любовь. Бальи Литта воспользовался этимъ и занялъ при императорѣ то видное и вліятельное положеніе, о которомъ мы уже говорили. Вліяніе Литты началось съ того, что онъ успѣлъ убѣдить государя возвратить ордену доходы Острожскаго пріорства, основаннаго въ концѣ XVII столѣтія послѣднимъ изъ князей Острожскихъ, прямыхъ потомковъ Рюрика, обратившихся въ католицизмъ. Государь не только исполнилъ просьбу Литты, но прибавилъ еще къ прежнимъ доходамъ пріорства новый доходъ въ 300,000 польскихъ злотыхъ, утвердилъ отъ имени своего своихъ и преемниковъ существованіе этого религіозно-католическаго ордена въ Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ учредилъ россійское великое пріорство мальтійскаго ордена *). Оно должно было состоять изъ 10-ти командорствъ, которыя никому не могли быть жалуемы, кромѣ русскихъ подданныхъ. Въ благодарность за все это, рыцари предложили Павлу санъ гроссмейстера, который онъ принялъ съ особеннымъ удовольствіемъ, повелѣвъ внести въ

*) На содержаніе этого пріорства было отчислено 50,000 душъ крестьянъ.

титулъ всероссійскихъ императоровъ титулъ великаго магистра державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, а также изображать мальтійскій крестъ въ русскомъ государственномъ гербѣ.

Политическіе виды, которыми руководствовался въ данномъ случаѣ императоръ Павелъ Петровичъ, заключились въ томъ, что онъ, подчинивъ своей власти послѣдній изъ уцѣлѣвшихъ рыцарскихъ орденовъ, выражалъ тѣмъ самымъ свою нелюбовь и свое пренебреженіе къ революціонной Франціи, уничтожившей орденъ и, кромѣ того, дѣлаясь великимъ магистромъ, онъ становился во главѣ высшаго дворянства почти цѣлой Европы, имѣвшаго въ составѣ ордена своихъ представителей. Но такія политическія соображенія шли въ разрѣзъ съ понятіемъ о значеніи русскаго государя, какъ перваго члена православной церкви, этого, по выраженію, употреблявшемуся у насъ въ XVII вѣка, «всероссійскаго церковнаго старосты». Званіе гроссмейстера мальтійскаго ордена обязывало императора Павла оказывать особое уваженіе римской церкви и ея первосвященнику, принимать торжественное участіе въ ея богослужебныхъ обрядахъ и въ иныхъ случаяхъ, какъ бы отдавать видимое предпочтеніе требовательному католицизму передъ православіемъ. Къ занятію такого несоотвѣтствующаго русскому государю положенія успѣли склонить императора Павла іезуиты, съ происками которыхъ въ эту пору можно познакомиться подробно изъ изданнаго о. Морошкинымъ сочиненія подъ заглавіемъ «Іезуиты въ Россіи», но такъ какъ это не относится прямо къ предмету настоящей нашей статьи, то мы и возвращаемся къ разсказу аббата Жоржеля о пребываніи его въ Петербургѣ.

Спустя нѣсколько дней по пріѣздѣ сюда мальтійскихъ депутатовъ, императоръ и весь дворъ переѣхали изъ Гатчины въ столицу. Фельдмаршалъ Салтыковъ увѣдомилъ депутатовъ о томъ, что императоръ назначилъ имъ публичную аудіенцію утромъ въ воскресенье, 29-го декабря. Аудіенція эта происходила съ большою торжественностію. Церемонимейстеръ ордена, командоръ де-Мезоннэвъ, пріѣхалъ въ гостинницу за депутатами, въ придворной каретѣ, въ шесть лошадей, въ богатой упряжи. Командора сопровождалъ шталмейстеръ верхомъ, два гайдука на запяткахъ, впереди шли

четыре скорохода, они были одѣты въ великолѣпныя ливреи, передъ ними ѣхали два гвардейскіе гусара, а позади шли два лакея.

По выходѣ изъ кареты, съ нижней ступени большой дворцовой лѣстницы, депутаты шли между двухъ рядовъ императорскихъ гвардейцевъ, разставленныхъ до самой аудіенцъ-залы. Зала эта была великолѣпно убрана. Въ ней императоръ, блистая золотомъ и драгоцѣнными каменьями, сидѣлъ на тронѣ съ короною на головѣ, одѣтый въ костюмъ великаго магистра и облеченный всѣми знаками его достоинства. По правой отъ него сторонѣ находились: великій князь Александръ, священный совѣтъ и кавалеры первой степени, на лѣво командоры; прочіе кавалеры наполняли остальную часть залы.

Великій бальи Пфюрдтъ, какъ первый изъ депутатовъ, былъ введенъ въ залу оберъ-церемонимейстеромъ, въ сопровожденіи командора Бадена. Онъ приблизился къ трону и три раза низко поклонился императору. Привѣтственная его рѣчь продолжалась минутъ пять, и онъ произнесъ ее громкимъ и внятнымъ голосомъ. Послѣ того, онъ представилъ въ золотомъ ковчегѣ кредитивныя грамоты, которыя несъ баронъ Баденъ. Императоръ, давъ имъ поцѣловать руку, передалъ грамоту великому канцлеру ордена, графу Ростопчину, который и отвѣчалъ отъ имени императора на рѣчь Пфюрдта.

По окончаніи церемоніи, депутаты съ такою же торжественностію были отвезены въ гостинницу и, согласно принятому обычаю, они дали 200 рублей придворной прислугѣ и подарили золотые часы шталмейстеру. Послѣ аудіенціи, депутаты дѣлали визиты министрамъ, вельможамъ и иностраннымъ дипломатамъ, находившимся въ Петербургѣ.

Въ ту пору были посланники: римско-нѣмецкаго императора графъ Кобенцель, шведскимъ баронъ Стендингъ, англійскимъ кавалеръ Витвортъ, датскимъ баронъ Бломъ, неаполитанскимъ дюкъ де-Серра-Капріола, аббатъ Жоржель забылъ фамилію португальскаго посланника, а испанскаго посланника не было, такъ какъ въ это время былъ разрывъ между Россіею и Испаніею. Прочіе европейскіе дворы имѣли въ Петербургѣ только повѣренныхъ въ дѣлахъ. Дипломаты радушно принимали депутатовъ, въ особенности графъ Кобенцель,

Стендингъ и Серра-Капріола, и давали въ честь ихъ обѣды. Въ домъ этого послѣдняго собирались ежедневно министры и члены дипломатическаго корпуса, а также и знатные иностранцы. Тамъ проводили они вечера, а желающіе изъ нихъ оставались ужинать. Дюшесса была родомъ русская *) и очаровывала гостей своимъ умомъ и любезностію. У Серра-Капріола проводили время или за карточною игрою, или въ разговорахъ. Домъ дюка былъ великолѣпно убранъ, но лучшимъ его украшеніемъ былъ, по словамъ Жоржеля, самъ любезный и внимательный хозяинъ.

Баронъ Стендингъ жилъ на широкую ногу и имѣлъ превосходный столъ, онъ отличался прямодушіемъ и привѣтливостію.

Затѣмъ въ запискахъ Жоржеля слѣдуетъ разсказъ о русскихъ министрахъ того времени.

«Русскіе министры — пишетъ аббатъ — быть можетъ, только одни въ цѣлой Европѣ не даютъ обѣдовъ иностраннымъ посланникамъ и знатнымъ путешественникамъ, пріѣзжающимъ въ Петербургъ. Дѣлается ли это изъ скупости, происходитъ ли это отъ невниманія и пренебреженія? Быть можетъ, они поступаютъ такимъ образомъ для того, чтобы, показываясь какъ можно рѣже, поддержать тѣмъ самымъ свое обаяніе? Можно сказать, что графъ Ростопчинъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, просто недоступенъ; съ нимъ сносятся по дѣламъ только письменно или при посредствѣ вице-канцлера. Депутаты нѣсколько разъ напрасно являлись къ нему. Полученіе отъ него отвѣта на письма къ нему должно считать знакомъ его благосклонности. За столомъ его обѣдаютъ только тѣ, къ которымъ онъ особенно расположенъ, или тѣ, отъ которыхъ онъ хочетъ вывѣдать ихъ мысли, такъ какъ вывѣдываніе — главный его талантъ».

Только одинъ Салтыковъ въ теченіи шести мѣсяцевъ, и то лишь два раза, пригласилъ депутатовъ къ обѣду. На этихъ торжественныхъ обѣдахъ были видны роскошь и невѣроятное великолѣпіе. Послѣ обѣда выходили въ другую залу, гдѣ подавали дессертъ на вызолоченной посудѣ, а также самыя тонкія вина, лучшіе ликеры и самые рѣдкіе фрукты.

*) Княжна Вяземская.

О тогдашнемъ образѣ жизни въ Петербургѣ аббатъ Жоржель дѣлаетъ слѣдующую замѣтку: вечерніе визиты въ Петербургѣ начинаются только въ восемь часовъ, послѣ спектакля. Они продолжаются до одинадцати или двѣнадцати часовъ, когда садятся за ужинъ. Любители театра могутъ, по своему выбору, бывать въ спектакляхъ французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ.

Одновременно съ нѣмецкою депутаціею мальтійскаго ордена, представляемою бальи Пфюрдтомъ, находилась въ Петербургѣ еще другая, баварская депутація того же ордена, пріѣхавшая мѣсяцемъ ранѣе. Въ главѣ ея былъ бальи Фляшландъ, а членами графъ д'Арко, графъ Прейзингъ и кавалеръ де-Брей, родомъ французъ. Изъ нихъ Фляшландъ, независимо отъ возложенныхъ на него порученій по дѣламъ ордена, устраивалъ сближеніе между петербургскимъ и мюнхенскимъ кабинетами и пользовался особымъ расположеніемъ императора Павла, который относился къ нему чрезвычайно внимательно и любилъ бесѣдовать съ нимъ, и онъ каждый день обѣдалъ и ужиналъ въ Гатчинѣ съ императоромъ и императрицей. Павелъ подарилъ ему великолѣпную шубу, стоившую 2000 рублей, пожаловалъ ему орденъ Александра-Невскаго и два командорства. Но благоволеніе Павла къ Фляшланду было непродолжительно, и когда Жоржель пріѣхалъ въ Петербургъ, то онъ находился уже въ немилости. Наговоры на него императору со стороны де-ла-Гуссе, Салтыкова и Ростопчина до такой степени вооружили государя противъ Фляшланда, что императоръ, при его отъѣздѣ изъ Петербурга, не далъ ему прощальной аудіенціи.

Въ свою очередь, и депутація, при которой состоялъ Жоржель, пользовалась особенною благосклонностію Павла. Онъ пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ великаго бальи Пфюрдта, пожаловалъ ему орденъ Александра-Невскаго и, поцѣловавъ его, объявилъ, что назначаетъ его своимъ министромъ по дѣламъ ордена при дворахъ тѣхъ нѣмецкихъ князей, въ владѣніяхъ которыхъ находятся мальтійскія командорства, съ производствомъ ему ежегоднаго жалованья по 1000 червонцевъ. Жоржель былъ принятъ въ число кавалеровъ мальтійскаго ордена съ ежегодною пенсіею по 100 червонцевъ. Вообще, по словамъ Жоржеля, депутаты въ продолженіе шести

недѣль успѣли покончить дѣла свои съ блестящимъ успѣхомъ. Сбираясь выѣхать изъ Петербурга, они стали готовиться для представленія императору передъ своимъ отъѣздомъ.

Вотъ какъ передаетъ аббатъ Жоржель тогдашній порядокъ представленія императору.

«Желающіе откланяться государю должны были предварительно записаться у оберъ-гофмаршала и потомъ явиться во дворецъ въ назначенный день. Въ этотъ день императоръ, шествуя съ императрицею къ обѣднѣ, проходилъ чрезъ залу, въ которой собирались другіе сановники, иностранные послы, депутаты и т. д., и если, по возвращеніи изъ церкви, императоръ не проходилъ черезъ эту залу, гдѣ должно было происходить цѣлованіе руки, и если онъ не звалъ явившагося въ свой кабинетъ, то должно было записаться снова у гофмаршала и явиться въ слѣдующій пріемный день. Упомянутыя записка и явка были обязательны до трехъ разъ. Если же въ третій разъ императоръ, по выходѣ изъ церкви, не являлся въ залѣ, то это значило, что отпускъ кончился безъ личнаго свиданія съ государемъ. Такую неудачу испытала баварская депутація. Кромѣ того, передъ выѣздомъ изъ Петербурга за границу необходимо было послѣдовательно три раза публиковать объ этомъ въ газетахъ, а безъ предъявленія такихъ публикацій не выдавалось ни паспорта, ни подорожной».

Нѣмецкіе депутаты готовились уже исполнить всѣ эти формальности, когда вице-канцлеръ де-ла-Гуссе объявилъ имъ, что, по повелѣнію государя, отъѣздъ ихъ изъ Петербурга отложенъ на неопредѣленное время. Послѣ этого депутаты нѣсколько разъ пытались просить о скорѣйшемъ ихъ отпускѣ черезъ графа Салтыкова и де-ла-Гуссе, но постоянно получали одинъ и тотъ же отвѣтъ, что имъ слѣдуетъ дожидаться повелѣнія государя и что напоминаніе ему объ ускореніи ихъ отъѣзда можетъ не понравиться его величеству.

III.

Замѣтки о Петербургѣ.—Михайловскій дворецъ.—Легенда.—Дома Шереметева, Разумовскаго, Чернышева, Орлова, Потемкина, Зубова, Строгонова, и Бѣлосельскаго.—Академія художествъ.—Музеи академіи наукъ.—Исаакіевскій соборъ.—Гостинный дворъ.—Рыбные садки.—Иностранные магазины.—Книжная торговля.—Ученая обстановка русскихъ вельможъ.—Мальтійская церковь.—Продолженіе описанія Петербурга.—Масляница.—Свѣтлая недѣля.—Характеръ общественныхъ увеселеній.—Устройство бульвара на Невскомъ проспектѣ.

Пользуясь продолжительнымъ пребываніемъ въ Петербургѣ, Жоржель собиралъ свѣдѣнія о правительствѣ и политикѣ Россіи, а также и о лицахъ, имѣвшихъ въ ту пору вліяніе на государственныя дѣла.

Собранныя Жоржелемъ свѣдѣнія начинаются съ разсказа объ основаніи Петербурга, съ замѣчаніемъ, что къ концу XVIII вѣка Петербургъ становился однимъ изъ лучшихъ городовъ во всемъ мірѣ. Во время пребыванія аббата въ Петербургѣ, были еще въ самыхъ лучшихъ и наиболѣе населенныхъ частяхъ города цѣлые кварталы или совершенно пустые, или застроенные только деревянными домами, но пустыри исчезали съ каждымъ днемъ, даже въ самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ города. При немъ строили казармы (измайловскія), которыя по своей архитектурѣ были какъ будто театральной декораціею. Затѣмъ слѣдуютъ въ книгѣ Жоржеля подробныя описанія Зимняго дворца, эрмитажа, Мраморнаго дворца, Лѣтняго сада и Михайловскаго дворца, или замка. Ко времени пріѣзда Жоржеля у этого дворца не была еще достроена большая лѣстница и приводились къ окончанію работы по внутренней его отдѣлкѣ. Въ постройкѣ этого дворца Жоржель находилъ смѣсь роскоши съ безвкусіемъ, и, по внѣшнему виду, сравнивалъ его съ бастиліею.

Упоминая, что вновь построенное зданіе названо Михайловскимъ дворцомъ, Жоржель приводитъ слѣдующій, слышанный имъ разсказъ о причинѣ такого названія.

«Одинъ солдатъ, находившійся ночью на часахъ при Лѣтнемъ деревянномъ дворцѣ императрицы Елизаветы, клятвою удостовѣрилъ, что ему явился Михаилъ Архангелъ, и приказалъ объявить Павлу I, чтобы онъ на этомъ мѣстѣ построилъ церковь во имя названнаго архангела. Явившись къ импе-

ратору, солдатъ повторилъ о бывшемъ ему явленіи и Павелъ отвѣчалъ: «я послушаюсь св. Михаила», и тотчасъ же 10 — 12,000 рабочихъ принялись за постройку. Императоръ приказалъ ускорить ее, не желая жить долѣе въ Зимнемъ дворцѣ.

Далѣе аббатъ упоминаетъ о домахъ Шереметева, на Фонтанкѣ, а также Разумовскаго и Чернышева, на Мойкѣ, называя ихъ такими произведеніями архитектуры, на которыхъ отражаются и богатство, и изящество. Домъ Чернышева былъ въ ту пору купленъ Павломъ и подаренъ принцу Конде, почему на этомъ домѣ и была сдѣлана изъ вызолоченныхъ буквъ надпись: «Hôtel de Condé». Какъ о замѣчательныхъ зданіяхъ, Жоржель упоминаетъ о домахъ князя Григорія Орлова, князя Потемкина и князя Зубова. Дома эти въ ту пору принадлежали уже казнѣ. Жоржель упоминаетъ о домѣ графа Строгонова, въ которомъ находилось множество рѣдкихъ и дорогихъ картинъ и эстамповъ, книгъ, произведеній скульптуры и предметовъ естественной исторіи. Подобнаго рода собраніе было и въ домѣ князя Бѣлосельскаго.

Аббатъ Жоржель посѣтилъ, между прочимъ, академію художествъ. Онъ восхищался ея внѣшнимъ видомъ, обширными залами, мастерскими и коллекціями по живописи, скульптурѣ и механикѣ. Въ ту пору въ академіи находилось 200 учениковъ, собранныхъ изъ разныхъ мѣстъ имперіи. Они поступали въ академію около досятилѣтняго возраста и оставались тамъ на полномъ содержаніи отъ казны до 18-ти лѣтъ; каждый изъ нихъ избиралъ спеціальное занятіе, соотвѣтственно своимъ наклонностямъ. По окончаніи курса, ихъ отправляли въ провинціи, а лучшіе изъ нихъ получали казенныя мѣста. Жоржель хвалитъ содержаніе учениковъ, а также чистоту и порядокъ въ академіи, замѣчая при этомъ, что императоръ Павелъ, занимаясь предпочтительно военною частію, не обращалъ особеннаго вниманія на академію художествъ.

Въ музеяхъ академіи наукъ аббатъ нашелъ не мало достопримѣчательныхъ рѣдкостей, и тамъ между прочимъ показывали ему крѣпко вдѣланный въ стѣнѣ небольшой шкафъ, въ которомъ въ золотомъ массивномъ ящикѣ хранился какой-то манускриптъ съ собственноручными помарками Ека-

терины II. Аббату показалось, что манускриптъ этотъ былъ предметомъ особаго почитанія.

Затѣмъ въ книгѣ аббата идутъ описанія: двѣнадцати коллегій, деревяннаго моста черезъ Неву, памятника Петру Великому, зданія Сената и Исаакіевскаго собора, который былъ въ то время мраморный съ вызолоченнымъ мѣднымъ куполомъ, хотя онъ и не былъ еще вполнѣ оконченъ. Стѣны, пилястры и колонны были сдѣланы изъ мрамора при императрицѣ Екатеринѣ II. Ко времени ея кончины двѣ трети постройки этого храма были уже окончены. Но императоръ Павелъ замедлилъ дѣло. Онъ приказалъ привезенныя для этой церкви большія глыбы превосходнаго мрамора употребить при постройкѣ Михайловскаго дворца, а соборъ додѣлывать изъ кирпича, который, для уподобленія его мрамору, предполагалось покрыть стуккомъ.

Особенное вниманіе аббата обратилъ на себя гостиный дворъ — «русскія лавки», — остающійся до сихъ поръ въ томъ же видѣ. Зданіе это было выстроено торговымъ товариществомъ, которому оно и принадлежало; въ немъ имѣли право торговать исключительно русскіе купцы; продажа производилась оптомъ и рознично. Въ этихъ лавкахъ можно было найти все, что̀ только угодно: и золотыя, и серебряныя парчи, и шелковыя ткани, и полотна, разную желѣзную утварь, золотыя, серебряныя и брилліантовыя вещи, картины, эстампы, книги, фарфоръ, фаянсъ, стеклянныя издѣлія, тряпье, москотильные товары, ароматическія травы, чай, шоколадъ, лекарственныя травы, съѣстные припасы и мебель. Многочисленность и разнообразіе этихъ лавокъ, говоритъ Жоржель, представляютъ для иностранца любопытное зрѣлище. Верхнія и нижнія галлереи гостинаго двора служили мѣстомъ пріятной прогулки, не смотря на ненастную погоду. Лавки въ гостиномъ дворѣ были холодныя и запирались въ сумерки, чтобъ не торговать при огнѣ.

Рыбные садки, въ особенности на Мойкѣ, казались Жоржелю чрезвычайно странными строеніями.

Кромѣ русскихъ лавокъ, въ многолюдныхъ частяхъ города, какъ разсказываетъ Жоржель, находились большіе и богатые магазины англійскіе, голландскіе, итальянскіе и французскіе. Товары выставлялись тамъ на показъ, но они были

гораздо дороже, нежели въ русскихъ лавкахъ. Французы торговали преимущественно модными товарами и книгами, и обѣ этого рода торговли были чрезвычайно прибыльны. Французскіе книгопродавцы обогащались въ Петербургѣ, продавая книги по невѣроятно-высокимъ цѣнамъ, такъ какъ было весьма немного вельможъ, даже изъ числа не отличавшихся ни умомъ, ни образованіемъ, которые не имѣли бы у себя библіотекъ, составленныхъ изъ прекрасно-переплетенныхъ книгъ, а также картинной галлереи и кабинета по естественной исторіи. Тщеславіе заставляло вельможу тратить на эти предметы большія суммы, и очень часто онъ увеличивалъ свои долги изъ желанія окружить себя такой ученой обстановкой, которая сдѣлалась въ Петербургѣ предметомъ роскоши, и многіе стыдились отказаться отъ нея. Вообще, замѣчаетъ Жоржель, съ увѣренностію можно сказать, что русскіе вельможи не уступаютъ никому въ Европѣ въ роскоши, вкусѣ и въ изысканности стола и домашней обстановки. Ихъ громадные доходы и наклонность дѣлать долги даютъ имъ возможность удовлетворять ихъ желаніе.

Продолжая описывать Петербургъ, Жоржель упоминаетъ о построенной императоромъ Павломъ католической церкви мальтійскаго ордена. Въ этой церкви особеннаго вниманія заслуживало мѣсто, предназначенное для императора, какъ для великаго магистра. Мѣсто это находилось подъ балдахиномъ, шитымъ золотомъ.

Далѣе къ книгѣ Жоржеля идетъ описаніе петербургскихъ рѣкъ и каналовъ, и оказывается, что уже въ ту пору вода изъ каналовъ, въ особенности изъ Мойки, была мутная, грязноватая, нездоровая и непріятная на вкусъ; это происходило оттого, что въ канавы сваливались и сливались всѣ нечистоты изъ сосѣднихъ съ ними домовъ. Для питья воду эту кипятили и вливали въ нее уксуса.

Аббату Жоржелю привелось видѣть, какъ справляли въ Петербургѣ масляницу. Въ ту пору гулянье устроивалось на Невѣ, напротивъ Смольнаго монастыря, гдѣ народъ веселился каждый день; лавки въ это время закрывались, мастеровые переставали работать, толпы народа валили на гулянье, кто пѣшкомъ, кто въ саняхъ, туда ѣхали и богатые, и знатные, тамъ показывался и дворъ въ блестящихъ экипажахъ,

тамъ были шуты, дававшіе представленія на подмосткахъ, канатные плясуны, торговцы съѣстными припасами, тамъ разбивались палатки, въ которыхъ можно было и поѣсть, и выпить. Главнымъ же увеселеніемъ и знати, и простого народа были ледяныя горы, около которыхъ ѣздили шагомъ кареты въ пять, въ шесть рядовъ, а порядокъ на гуляньѣ поддерживался конными и пѣшими солдатами. Императоръ, императрица, великіе князья и великія княжны съ большою свитою разъ или два пріѣзжали на это гулянье.

О препровожденіи святой недѣли у Жорже́ля встрѣчаются слѣдующія замѣтки:

Святая недѣля сопровождается развлеченіями другого рода: во все продолженіе ея отлично ѣдять, пирують и веселятся. Разодѣвшись по праздничному, жены и матери семействъ и ихъ дѣти отправляются на обширную площадь, находящуюся въ центрѣ города, на лѣвой сторонѣ Невы. Тамъ бывають комедіанты, лавки съ сѣстными припасами и горячими напитками, качели разнаго рода. Туда каждый день пріѣзжаетъ знать въ блестящихъ экипажахъ и шагомъ разъѣзжаетъ по площади по цѣлымъ часамъ вокругъ качелей. Здѣсь видѣлъ Жоржель императрицу и великихъ княженъ въ парадныхъ экипажахъ и императора верхомъ, въ сопровожденіи наслѣдника престола и многочисленной свиты.

«Я замѣчалъ — говоритъ Жоржель, — что русскіе, хотя въ отдѣльности каждый изъ нихъ имѣетъ веселую физіономію, предаются удовольствіямъ безъ радостнаго крика и безъ тѣхъ движеній, которыя выражають увлеченіе: трудно, кажется, согласить ихъ необузданную охоту къ потѣхамъ съ тою степенностію и тишиною, которыя бывають въ это время».

Говоря затѣмъ о петербургскихъ улицахъ вообще и о Невскомъ проспектѣ въ особенности, Жоржель разсказываетъ, между прочимъ, что во время его пребыванія, среди самой жестокой зимней стужи, Павелъ I приказалъ устроить на этомъ проспектѣ бульвары изъ четырехъ рядовъ деревьевъ, для прогулки пѣшеходовъ. Эти бульвары шли на протяженіи отъ Мойки до Фонтанки. Для исполненія его воли, сажали деревья съ вѣтвями вышиною отъ 15 до 20 футъ, ихъ выкапывали и пересаживали съ корнями и съ мерзлой землею, изъ которой они были взяты. Ямы, въ которыя са-

жали деревья, были вырублены топорами на значительную глубину, отъ 4 до 5 футовъ, и, чтобы оттаяла земля, въ нихъ разводили костры. Ежедневно 10,000 работниковъ занимались этимъ дѣломъ, наблюденіе надъ которымъ было поручено наслѣднику престола, и спѣшили изъ всѣхъ силъ, чтобы окончить эту работу къ дню, назначенному императоромъ, и срокъ на исполненіе которой былъ данъ всего въ тридцать дней. Воля государя была исполнена въ точности, и онъ, въ сопровожденіи огромной свиты, отправился верхомъ посмотрѣть этотъ бульваръ. Въ особенности же аббата поразило то обстоятельство, что въ концѣ мая ему самому удалось прогуливаться подъ лиственною тѣнью новопосаженныхъ деревьевъ. Пересадка деревьевъ была произведена частными предпринимателями, по 15 рублей съ каждаго дерева, и они обязались въ теченіе трехъ лѣтъ замѣнять пропавшія деревья новыми.

Наблюдательный Жоржель обращалъ вниманіе рѣшительно на все: на способы постройки петербургскихъ домовъ, на матеріалы для крышъ, на устройство мостовыхъ, на телѣги для возки тяжестей, на извощиковъ и т. д.

IV.

Религія русскихъ.—Вѣротерпимость.—Образъ правленія.—Неселеніе Россіи.—Ея естественныя богатства.—Основы ея могущества.—Замѣчаніе о должности великаго канцлера. — Министерство иностренныхъ дѣлъ. — Управленіе имъ Ростопчина.—Вице-канцлеръ графъ Панинъ.—Отношеніе его къ Ростопчину. — Коварство этого послѣдняго съ генераломъ Дюмурье.—Военная коллегія.—Войско.—Прекращеніе вызова иностранныхъ офицеровъ.

Послѣ описанія Петербурга, Жоржель переходитъ къ сужденію о религіи русскихъ. Мы уже предварили нашихъ читателей, въ какомъ смыслѣ долженъ отзываться объ этомъ предметѣ аббатъ Жоржель, какъ католикъ и іезуитъ. Церковь нашу онъ считаетъ схизмою и говоритъ, что два главныя заблужденія этой схизмы заключаются въ томъ, что она отрицаетъ главенство и право верховнаго суда папы по всѣмъ дѣламъ христіанства, и во вторыхъ, что она не признаетъ исхожденія Св. Духа отъ Отца и Сына, но только отъ Отца. Петръ I — говорилъ аббатъ — вступивъ на престолъ, исповѣдовалъ всенародно вѣру своихъ предковъ, но

тѣмъ не менѣе считалъ нужнымъ, въ государственныхъ видахъ, допустить терпимость всѣхъ религій. Преемники его слѣдовали этому примѣру.

Нѣтъ ни одного государя, который, какъ русскій, властвовалъ бы на необъятномъ пространствѣ. Но къ счастію Европы и Азіи, пространства азіатской Россіи не населены такъ, какъ пространства европейской Россіи, и во всей имперіи считается только отъ 33 до 34 милліоновъ жителей. Собственно европейская Россія составляетъ силу имперіи и заключаетъ въ себѣ главную часть населенія всего государства. Азіатская же Россія, если не принимать въ разсчетъ большихъ торговыхъ городовъ, каковы Тобольскъ, Иркутскъ и Оренбургъ, представляетъ только разсѣянныя, то здѣсь то тамъ, хижины звѣролововъ и рыболововъ, а также кочевыхъ казаковъ и калмыковъ, среди которыхъ Россія набираетъ свои иррегулярныя войска. Въ этихъ странахъ водится множество дикихъ звѣрей, доставляющихъ мѣха; тамъ же лежатъ обширныя пастбища для маленькихъ неутомимыхъ лошадей, а также находятся золотые и серебряные пріиски, доставляющіе значительный доходъ, и изобильные рудники мѣди и желѣза, наконецъ лѣса, пригодные для постройки кораблей, и пенька для приготовленія канатовъ и веревокъ. Въ этихъ мѣстахъ при Екатеринѣ II начали устраивать многіе города, на не успѣли окончить этого предпріятія. Если — замѣчаетъ аббатъ Жоржель — императоръ найдетъ средства, чтобы построить тамъ города и увеличить постепенно населеніе, то современемъ Россія будетъ въ состояніи предписывать законы и Европѣ, и Азіи.

Само собою разумѣется, что отъ заѣзжаго иностранца, хотя и очень наблюдательнаго и любознательнаго, нельзя ожидать вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній о системѣ нашего государственнаго управленія, особенно если принять въ соображеніе, что въ ту пору, когда аббатъ Жоржель находился въ Петербургѣ, даже русскій не могъ имѣть подъ рукою такихъ матеріаловъ, которыми бы онъ могъ руководствоваться въ данномъ случаѣ.

Поэтому нѣтъ ничего страннаго, что Жоржель въ затруднительныхъ для него вопросахъ долженъ былъ прибѣгать къ собственнымъ своимъ соображеніямъ и измышле-

ніямъ. Такъ, напримѣръ, онъ пишетъ, что при Петрѣ Великомъ была учреждена должность великаго канцлера, который былъ первымъ и главнымъ министромъ, имѣвшимъ надзоръ за всѣми коллегіями, или департаментами. Между тѣмъ преемники Петра Великаго стали опасаться, чтобы такая обширная власть, сосредоточенная въ рукахъ одного лица, не перешла въ силу, которая могла бы посягать на ихъ права; поэтому они оставляли должность великаго канцлера не занятою и присвоенную ему первоначально власть раздробляли между нѣсколькими лицами. Почему и въ настоящее время, при Павлѣ I, — замѣчаетъ Жоржель, — нѣтъ великаго канцлера, а каждый департаментъ, или коллегія, имѣетъ особаго начальника, который непосредственно занимается съ государемъ.

Относительно должности генералъ-прокурора Жоржель говоритъ, что должность эта соотвѣтствуетъ собственно должности министра юстиціи, и лицо, занимающее ее, завѣдуетъ всею гражданскою частію въ имперіи. Это чрезвычайно высокій и важный постъ. На генералъ-прокурора возложено исполненіе законовъ и высочайшихъ повелѣній, а также наблюденіе за рѣшеніями и распоряженіями Сената. Въ теченіе шести мѣсяцевъ званіе генералъ-прокурора переходило къ двумъ лицамъ, да и вообще — прибавляетъ Жоржель — въ настоящее царствованіе чрезвычайно часты, какъ быстрыя повышенія, такъ и неожиданныя паденія.

Министерство иностранныхъ дѣлъ, поручаемое издавна вице-канцлерамъ, было — какъ пишетъ Жоржель — ввѣрено молодому камергеру, сперва изгнанному, а потомъ снова вошедшему въ милость. Свѣдѣнія его не обширны, но онъ тонокъ, находчивъ, проницателенъ и хитеръ. Онъ занялъ это мѣсто, не имѣя никакого понятія о дипломатіи, но его изворотливость нравилась Павлу, и это качество замѣняло въ немъ отсутствіе необходимыхъ познаній. Такое лицо былъ графъ Ростопчинъ. Чтобы сосредоточить въ себѣ самомъ все министерство, онъ держался какой-то таинственной политики и внушилъ Павлу I какой-то особый образъ дѣйствій въ сферѣ дипломатіи. Ни одинъ посланникъ или иностранный министръ не входилъ въ прямыя сношенія съ министромъ, и даже самъ министръ иностранныхъ дѣлъ не давалъ имъ никогда аудіенціи. Напрасно было бы просить личныхъ

объясненій съ графомъ Ростопчинымъ, и, въ случаѣ надобности, приходилось обращаться къ вице-канцлеру, который докладывалъ министру, а этотъ послѣдній императору. Отвѣтъ же императора сообщался черезъ министра вице-канцлеру, который и передавалъ его посланнику.

Во время нашего пребыванія — говоритъ далѣе Жоржель — вице-канцлеромъ былъ графъ Панинъ, племянникъ того Панина, который при Екатеринѣ былъ главнымъ и самымъ довѣреннымъ ея министромъ. Онъ былъ человѣкъ прямой, откровенный, честный и чрезвычайно заботливый о доброй славѣ своего государя. Онъ отличался умомъ, познаніями, проницательностію и тонкостію безъ коварства; онъ былъ прежде русскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, откуда и былъ вызванъ на должность вице-канцлера. Всѣ посланники и министры хвалили его честность и прямоту, и онъ часто не сходился въ своихъ мнѣніяхъ съ министромъ. Даже въ подобныхъ случаяхъ и при томъ по самымъ важнымъ дѣламъ, онъ не имѣлъ права сообщать свое мнѣніе непосредственно императору, но долженъ былъ сдѣлать это чрезъ министра.

По поводу такихъ отношеній Жоржель разсказываетъ слѣдующій случай:

«Однажды, по какому-то важному дѣлу, между Ростопчинымъ и Панинымъ произошло разногласіе. Панинъ, видя, что никакія убѣжденія не дѣйствуютъ на министра, просилъ его довести свое мнѣніе до свѣдѣнія императора. Графъ Ростопчинъ отказался исполнить это. — По крайней мѣрѣ, сказалъ Панинъ, вы не откажетесь представить государю мою записку по настоящему дѣлу, такъ какъ она касается общей для насъ его славы. Ростопчинъ продолжалъ упорствовать. Между тѣмъ Панинъ, какъ вице-канцлеръ, не имѣлъ возможности, безъ особаго повелѣнія императора, объясняться съ нимъ ни письменно, ни словесно. Поэтому, возвратившись домой, онъ отправилъ свою записку прямо къ государю, приложивъ къ ней и просьбу отъ отставкѣ. Съ подачей этой просьбы, онъ становился въ ряды обыкновенныхъ подданныхъ, имѣющихъ право непосредственно обращаться къ государю. Павелъ I похвалилъ поступокъ Панина и, убѣжденный доводами его записки, склонился на его сторону. Онъ

отослалъ обратно просьбу его объ отставкѣ, и выразилъ ему свое особенное благоволеніе. Съ этой поры, добавляетъ Жоржель, оба сановника хотя и относились одинъ къ другому и осторожно, и холодно, но тѣмъ не менѣе личныя ихъ отношенія не отражались уже на ходѣ государственныхъ дѣлъ.

Въ свою очередь, графъ Кобенцель передавалъ Жоржелю, что онъ нѣсколько разъ добивался свиданія съ Ростопчинымъ, но никакъ не могъ попасть въ его кабинетъ, такъ какъ его постоянно отсылали къ вице-канцлеру. Это онъ объяснялъ неподготовкою Ростопчина бесѣдовать глазъ-на-глазъ съ чужими людьми о важныхъ дѣлахъ, и Ростопчинъ, уклоняясь отъ пріема посланниковъ, тѣмъ самымъ старался скрыть свою неопытность по дипломатической части.

Главною способностію Ростопчина Жоржель считалъ умѣнье его вывѣдывать отъ каждаго все, что̀ ему нужно было узнать. Въ такихъ случаяхъ онъ пускалъ въ ходъ и любезности, и вѣжливость, и предупредительность и, повидимому, вдавался въ полную откровенность; все это дѣлалось для того только, чтобы вкрасться въ душу человѣка и, когда Ростопчинъ достигалъ своей цѣли, то онъ уже не обращалъ на довѣрившееся ему лицо никакого вниманія. Какъ на примѣръ чрезвычайнаго вѣроломства Ростопчина, Жоржель указываетъ на отношенія его къ извѣстному французскому генералу, Дюмурье, вызванному императоромъ Павломъ въ Петербургъ въ 1799 году. Ростопчинъ успѣлъ вывѣдать у Дюмурье планъ войны и затѣмъ, опасаясь вліянія Дюмурье на Павла, повелъ дѣло такъ, что Дюмурье получилъ предложеніе выѣхать наскоро изъ Петербурга, не удостоившись даже отпускной аудіенціи у императора, а между тѣмъ, не смотря на свои итриги противъ Дюмурье, Ростопчинъ постоянно любезничалъ съ нимъ.

«Надъ военнымъ министерствомъ — пишетъ Жоржель — начальствуетъ собственно императоръ, главная забота котораго состоитъ въ томъ, чтобъ организовать многочисленную и храбрую армію. Управленіе дѣлами этого министерства ввѣрено такъ называемой военной коллегіи, состоящей подъ предсѣдательствомъ фельдмаршала и раздѣленной на нѣсколько отдѣленій. Изъ этой коллегіи выдаются указы, касающіеся арміи. Помѣщается она на Мойкѣ, въ обширномъ зданіи.

Русское войско состоитъ изъ 600,000 человѣкъ, не считая множества иррегулярныхъ войскъ. Къ регулярнымъ войскамъ принадлежатъ: артиллерія, кавалерія, драгуны и гусары; иррегулярныя войска составляютъ: красные и голубые казаки, которыхъ называютъ донскими, и калмыки. Пѣхота, кавалерія и драгуны одѣты въ темно-зеленые мундиры и различаются между собою по цвѣту воротниковъ, обшлаговъ и отворотовъ; мундиры кавалеріи разныхъ цвѣтовъ: кирасиры носятъ бѣлые мундиры и различаются по полкамъ цвѣтомъ воротниковъ, обшлаговъ и отворотовъ; гусары одѣты въ красные, голубые или бѣлые мундиры.

Русское войско стоитъ казнѣ очень недорого. Въ Россіи нѣтъ вербовки, и каждый русскій родится солдатомъ. Каждая провинція комплектуетъ полки, отнесенные на ея счетъ. Коль скоро русскій попадетъ въ военную службу, онъ прощается на вѣки съ родными и домашними, такъ какъ дѣлается солдатомъ на всю жизнь. Когда же онъ, по старости, болѣзни или за ранами, не въ силахъ продолжать службу, его причисляютъ къ инвалидамъ, содержимымъ на счетъ тѣхъ же провинцій, которыя выставляютъ солдатъ.

Въ прежнее время вызывали на службу иностранныхъ офицеровъ, которые были очень полезны для организаціи и обученія арміи. Но Павелъ I не пожелалъ имѣть иностранныхъ офицеровъ и надѣется найти въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ людей настолько храбрыхъ, образованныхъ и опытныхъ, что они въ состояніи будутъ дополнить то, чего не доставало русской арміи въ былое время».

V.

Отзывъ о Суворовѣ.—Оказанныя ему почести.—Князь Багратіонъ.—Гнѣвъ Павла противъ Суворова.—Пріѣздъ Суворова въ Петербургъ, его болѣзнь, кончина и похороны. — Впечатлѣніе, произведенное судьбою Суворова.—Защита Суворова Жоржелемъ.—Русская гвардія и армія.—Русскій флотъ.—Дѣянія Петра Великаго.—Состояніе флота при Павлѣ.

Во главѣ войска при Павлѣ I стоялъ Суворовъ, сдѣлавшійся, по словамъ Жоржеля, героемъ своего вѣка. Аббатъ отвергаетъ сходство Суворова съ тѣмъ его портретомъ, который въ такомъ отвратительномъ видѣ нарисованъ авторомъ

«Секретныхъ записокъ о Россіи», и гдѣ по виду Суворовъ представляется какимъ-то головорѣзомъ, а по душѣ,—тигромъ. Я согласенъ, говоритъ Жоржель, что жестокости въ Прагѣ—предмѣстьѣ Варшавы—бросаютъ тѣнь на его славныя подвиги, но, какъ разсказываютъ, онъ въ этомъ случаѣ былъ только исполнителемъ приказаній своей повелительницы. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но Россія гордится такимъ полководцемъ. Его блестящія побѣды въ Италіи, его удивительный походъ черезъ Швейцарію, не смотря на превосходную численность побѣдоносной французской арміи, побудили Павла I воздать ему такія почести, какихъ не удостоивался еще ни одинъ изъ русскихъ подданныхъ. Въ обнародованномъ по всему государству императорскомъ указѣ было объявлено, что великіе подвиги князя Италійскаго графа Суворова-Рымникскаго возвеличили на столько славу русскаго войска, что почти всѣ европейскіе государи украсили его знаками отличій, и что послѣ того, когда въ Россіи предоставлено ему высшее военное званіе, самому государю остается только признать доблестные заслуги подвиговъ, приказавъ воздавать ему, Суворову, даже въ присутствіи государя, тѣ же самыя почести, какія воздаются императору.

Затѣмъ, когда императоръ Павелъ, недовольный образомъ дѣйствій вѣнскаго кабинета, повелѣлъ своимъ войскамъ возвратиться въ Россію, то, въ силу новаго императорскаго указа, въ знакъ изъявленія особаго высочайшаго благоволенія, повелѣно было устроить для генералиссимуса Суворова торжественный въѣздъ въ Петербургъ. Значительный отрядъ кавалеріи, состоящій изъ драгунъ, гусаровъ и казаковъ, долженъ былъ выступить на нѣсколько станцій впередъ отъ столицы для встрѣчи Суворова; двадцать тысячъ войска должно было быть расположено въ два ряда по тѣмъ улицамъ, по которымъ ему слѣдовало ѣхать; всѣ петербургскія улицы должны были быть иллюминованы. Суворовъ долженъ былъ пріѣхать въ императорской коляскѣ во дворецъ и занять тамъ приготовленные для него покои. Наконецъ, для того, чтобы увѣковѣчить его славу, предположено было поставить ему въ Петербургѣ, на Марсовомъ полѣ, памятникъ, бронза и мраморъ котораго напоминали бы черты и подвиги героя.

При въѣздѣ въ Россію, Суворовъ сдѣлался боленъ въ одномъ изъ своихъ литовскихъ помѣстій. Императоръ, огорченный этимъ, послалъ къ нему своего врача и приказалъ не жалѣть ничего, чтобъ сохранить драгоцѣнную жизнь великаго полководца. Всѣ готовились къ торжественному пріему Суворова: академія художествъ представила модель памятника, а знаменитые художники принялись за ея исполненіе.

Между тѣмъ, императоръ Павелъ, неуступительно охранявшій строгость военныхъ законовъ, узналъ, что Суворовъ, вопреки высочайшаго повелѣнія, не назначаетъ при себѣ дежурнаго генерала по очереди изъ всѣхъ состоящихъ при немъ генераловъ, какъ это онъ долженъ былъ дѣлать по званію генералиссимуса, но что при немъ постоянно находится на дежурствѣ князь Багратіонъ, и такое предпочтеніе, оказываемое Суворовымъ Багратіону, вызвало неудовольствіе среди генералитета. Теперь, когда Суворовъ опасно захворалъ, то противъ него раздались жалобы, дошедшія до императора. Павелъ былъ внѣ себя отъ гнѣва. «Какъ! воскликнулъ онъ, мои повелѣнія явно нарушаются тѣмъ, кто долженъ исполнять ихъ! Такое пренебреженіе моей власти требуетъ примѣрнаго наказанія!» И тотчасъ же по всѣмъ полкамъ отданъ былъ приказъ, въ которомъ объявлялось, что дѣлается выговоръ генералиссимусу князю Суворову за нарушеніе военныхъ постановленій. Съ этой минуты немилость къ Суворову стала увеличиваться все болѣе и болѣе. Отведенное для него во дворцѣ помѣщеніе было отдано принцу Мекленбургскому, торжественный его въѣздъ въ Петербургъ былъ отмѣненъ, работы по сооруженію памятника пріостановлены. Офицеры его штаба, пріѣхавшіе въ Петербургъ и разсчитывавшіе на благосклонный пріемъ и награды, получили предписаніе немедленно возвратиться на свои мѣста, съ воспрещеніемъ являться ко двору.

Поправившись немного, Суворовъ пустился въ дальнѣйшій путь; въ Ригѣ онъ узналъ о своей опалѣ и былъ глубоко огорченъ. Такъ какъ прямого запрещенія о непріѣздѣ его въ Петербургъ не было, то онъ явился туда, но инкогнито. Безъ всякаго шума онъ отправился къ своей племянницѣ, жившей въ части города, очень отдаленной отъ дворца. Такъ какъ опала его была извѣстна, то никто не

являлся къ нему для изъявленія уваженія. Огорченіе еще болѣе усилило его болѣзнь, и онъ пріобщился св. таинъ. Императоръ, узнавъ объ этомъ, послалъ одного изъ камергеровъ, чтобы навѣдаться объ его здоровьѣ, а друзьямъ его было разрѣшено видѣться съ нимъ. Онъ не жаловался, не роптавлъ и безъ смущенія и страха ожидалъ своей кончины На шестнадцатый день своего пріѣзда въ Петербургъ, онъ тихо скончался, пожелавъ передъ смертію благоденствія Россіи. Вѣсть объ его кончинѣ поразила и опечалила русскихъ. Императоръ, узнавъ о смерти Суворова, сказалъ въ кругу своихъ приближенныхъ: «герой отдалъ дань природѣ; его непослушаніе огорчило меня, такъ какъ оно пятнало его побѣдные лавры».

Набальзамированное тѣло Суворова съ открытымъ лицомъ стояло четыте дня на катафалкѣ, около котораго лежали на табуретахъ, обитыхъ золотою парчею, его шпага и фельдмаршальскій жезлъ, осыпанные брилліантами, данные ему Екатериною II, а также пожалованные ему ордена и ленты. Зала, въ которой стоялъ покойникъ, была обтянута чернымъ сукномъ и въ ней горѣло множество восковыхъ свѣчей. Простой народъ и знатные люди являлись туда для поклоненія усопшему въ громадномъ числѣ въ продолженіе всѣхъ четырехъ дней. Я видѣлъ его, говоритъ Жоржель; онъ былъ блѣденъ и казался спящимъ. Когда же обратились къ императору за полученіемъ повелѣнія относительно погребенія Суворова, то онъ отвѣчалъ, чтобы Суворову были возданы тѣ же почести, какія возданы были Румянцову. На это распоряженіе, говоритъ Жоржель, посмотрѣли, какъ на продолженіе немилости, потому что званіе генералиссимуса и громкая слава Суворова требовали бо́льшихъ почестей.

День погребенія Суворова былъ днемъ печали для всего Петербурга; знатные и незнатные толпами стремились къ тѣмъ мѣстамъ, по которымъ долженъ былъ проходить погребальный кортежъ. Улицы и окна домовъ были полны зрителей. Самъ императоръ, верхомъ, съ небольшою свитою находился на углу одной улицы *). Шествіе открывалось полицейскими отрядами — коннымъ и пѣшимъ. Три баталіона

*) Большой Садовой и Невскаго проспекта.

пѣхоты слѣдовали за гробомъ, покрытымъ золотымъ покровомъ и поставленнымъ на колесницу, въ которую было запряжено шесть лошадей. Множество духовенства шло передъ колесницей; ордена покойнаго были несены офицерами; отрядъ артиллеріи съ двѣнадцатью орудіями замыкалъ шествіе. Многіе министры, царедворцы и родственники генералиссимуса шли пѣшкомъ. Я былъ свидѣтелемъ этого трогательнаго торжества, говоритъ Жоржель:—лица всѣхъ выражали печаль и уныніе. Таковъ былъ конецъ этого героя! Несомнѣнно, что огорченіе, причиненное немилостью государя, сократило его дни.

Вотъ въ какихъ чертахъ представляетъ Жоржель личность Суворова.

«Суворовъ былъ искренно преданъ и своей религіи, и своему отечеству: благочестіе его равнялось его храбрости. Казалось, что, не смотря на его малый ростъ и непредставительную его наружность, геній войны создалъ его для побѣдъ. Своими великими дарованіями онъ внушалъ солдатамъ истинно-воинственный духъ: всегда впередъ и никогда назадъ — было его военнымъ кличемъ; когда ему приходилось нападать, онъ никогда не спрашивалъ о числѣ непріятеля. Побѣдить или умереть — было девизомъ и его самого, и его арміи. Быть можетъ, онъ единственный полководецъ, постоянные успѣхи котораго чужды были неудачъ. Онъ умѣлъ быть своеобразнымъ и оригинальнымъ. Онъ жилъ, какъ древніе скиѳы; его пища, его странный костюмъ и самое его благочестіе напоминали скорѣе азіатскіе, нежели европейскіе нравы. Послѣ всего того, что̀ мы сказали о Суворовѣ—заключаетъ Жоржель—неудивительно ли прочитать въ «Секретныхъ Запискахъ о Россіи», что онъ чудовище, у котораго въ тѣлѣ обезьяны находится душа цѣпной собаки. Писать такіе портреты значитъ грязнить свою кисть въ ненавистническихъ краскахъ».

Кончивъ свои замѣтки о Суворовѣ, Жоржель переходитъ къ замѣткамъ о русской арміи и говоритъ, что въ мирное время она распредѣляется въ разныхъ губерніяхъ по уѣздамъ и деревнямъ подъ начальствомъ особаго генерала для каждаго округа. Гарнизонъ же въ Петербургѣ состоитъ изъ 30 до 40,000 человѣкъ, и составляется изъ трехъ пѣхотныхъ и одного коннаго гвардейскихъ полковъ, изъ гвардейскихъ

казаковъ и различныхъ армейскихъ полковъ. Эти послѣдніе каждый годъ поочередно приходятъ въ столицу, чтобы маневрировать и обучаться на глазахъ самого государя. Гарнизонъ этотъ находится подъ начальствомъ генерала, который живетъ въ столицѣ для того, чтобы онъ могъ немедленно получать приказанія отъ императора. Такой постъ чрезвычайно завиденъ потому, что онъ ведетъ къ безпрерывнымъ сношеніямъ съ государемъ.

Переходя, затѣмъ, къ морскимъ силамъ Россіи, Жоржель пишетъ:

«До Петра Великаго у русскихъ не было ни одного военнаго корабля, ни одного фрегата, и только въ геніальномъ умѣ Петра составился планъ объ устройствѣ морской силы. Въ своемъ государствѣ онъ нашелъ матеріалы, необходимые для судостроенія, но у него не было ни корабельныхъ мастеровъ, ни рабочихъ, ни мореходцевъ, ни матросовъ. Онъ зналъ, что русскіе способны, терпѣливы и трудолюбивы, что они могутъ подражать, но не могутъ создавать сами. Онъ понялъ, что недостаточно привлечь въ свое государство иностранцевъ, способныхъ управлять судостроительными работами, и потому, чтобы пріохотить къ этимъ работамъ свой народъ, чтобы вдохнуть въ него рвеніе и неутомимость, ему необходимо было самому подать этому примѣръ, принявшись за работу и управляя ею. Поэтому, онъ рѣшился сдѣлаться ученикомъ по кораблестроенію, и это было причиною его поѣздки въ Голландію.

Затѣмъ Жоржель довольно подробно разсказываетъ объ этой поѣздкѣ, упоминаетъ о пребываніи Петра въ Саардамѣ и объ основаніи Петербурга.

«Преемники Петра, говоритъ Жоржель, слѣдовали плану этого великаго человѣка и придали русскому флоту такое значеніе и такое вліяніе, что Россія считается теперь въ числѣ великихъ морскихъ державъ. Павелъ I удвоилъ заботы и попеченія о томъ, чтобы привести флотъ въ цвѣтущее положеніе, и у русскихъ теперь существуютъ на Черномъ морѣ порты, верфи и флотъ, который имѣетъ возможность проникнуть чрезъ Константинополь въ Средиземное море, если находится въ мирѣ съ Турціею, а во время войны безпокоить этотъ городъ и угрожать ему».

О дѣйствіяхъ нашего флота при Павлѣ I Жоржель пишетъ: «Недавно мы видѣли русскія эскадры, вышедшія изъ Балтики, для того, чтобы въ грозномъ видѣ появиться въ Ламаншѣ и у береговъ Голландіи, тогда какъ другія эскадры, отправившіяся изъ Чернаго моря, плавали по Средиземному для соединенія съ англійскимъ флотомъ. Когда же показалось, что датскій флотъ долженъ будетъ спустить свой флагъ передъ англійскими кораблями, то Павелъ I приказалъ вооружить 20-ть военныхъ кораблей и множество фрегатовъ, чтобы спѣшить на помощь Даніи—своей вѣрной союзницѣ. Въ настоящую пору Россія имѣетъ на своихъ верфяхъ превосходныхъ корабельныхъ мастеровъ изъ англичанъ и французовъ, но и между русскими находятся такіе, которые въ совершенствѣ подражаютъ имѣющимся у нихъ въ виду образцамъ. Я видѣлъ, говоритъ Жоржель, какъ спускали на Неву одинъ сто-тридцати, а другой шестидесяти-четырехъ пушечные корабли, построенные въ петербургскомъ адмиралтействѣ подъ надзоромъ мастера изъ русскихъ».

По мнѣнію Жоржеля, Россія, которая имѣетъ въ своихъ собственныхъ предѣлахъ все необходимое для снаряженія флота: лѣсъ, пеньку, мѣдь и желѣзо, въ состояніи содержать одинъ изъ сильнѣйшихъ флотовъ въ Европѣ, если у нея будутъ обученые мастера, опытные моряки и способные судостроители. Въ настоящее время, добавляетъ Жоржель, Россія желаетъ имѣть портъ въ Средиземномъ морѣ, а тѣсныя связи ея съ королемъ обѣихъ Сицилій и принятіе императоромъ мальтійскаго гроссмейстерства представляютъ хорошія средства для достиженія этой цѣли.

VI.

Внѣшняя политика Павла.—Намѣреніе его бороться съ французской революціею. — Союзъ съ Англіею и Австріею. — Походъ русскихъ войскъ въ Италію и Швейцарію. — Неудачный планъ кампаніи, составленный въ Вѣнѣ. — Пораженіе русскихъ при Цюрихѣ. — Затруднительное положеніе Суворова. — Великій князь Константинъ Павловичъ. — Дѣйствіе Корсакова. — Неудовольствіе Павла противъ Австріи.—Непріятное положеніе графа Кобенцеля. — Бракъ эрцгерцога съ великою княжною.— Участіе русскихъ въ осадѣ Анконы.—Различныя цѣли русской и австрійской политики. — Выѣздъ русскаго посла изъ Вѣны. — Оскорбительный пріемъ князя Фюрстенберга въ Петербургѣ. — Выѣздъ изъ Петербурга Кобенцеля и Вильворта. — Вызовъ графа Воронцова изъ Лондона и русскихъ войскъ изъ Голландіи. — Договоръ относительно Мальты. — Сближеніе Россіи съ Даніей, Швеціею и Пруссіею. — Договоръ съ Неаполемъ и Португаліей.—Пріѣздъ довѣреннаго отъ Бонапарте лица въ Петербургъ.

Весьма интересна глава въ книгѣ Жоржеля, обширная посвященная разсмотрѣнію тогдашней политики Павла I, который, по словамъ аббата, видя, что Европа сдѣлалась жертвою опустошительныхъ и прискорбныхъ началъ французской революціи, считалъ для себя славнымъ подвигомъ соединиться съ тѣми державами, которыя уже много лѣтъ боролись съ этимъ разрушительнымъ потокомъ. Поэтому, онъ заключилъ союзъ съ дворами вѣнскимъ и лондонскимъ, обѣщая имъ помочь своими войсками. Вѣнскій дворъ, по внушенію Англіи, понялъ, что Кампо-Формійскій миръ не оберегалъ Австріи отъ новыхъ замысловъ со стороны французской директоріи, желавшей ввести республику въ Германіи. Тогда три двора взаимно согласились между собою, чтобы Россія послала на защиту общаго ихъ дѣла 70,000 войска, а Англія, съ своей стороны, приняла содержаніе части этого войска на свой счетъ. Россія выступила въ походъ подъ предлогомъ, будто французская директорія желаетъ нарушить Кампо-Формійскій трактатъ, распустить раштадтскій конгрессъ и снова занять Германію и Италію. Тридцать пять тысячъ русскаго войска отправилось для соединенія съ италіанскою арміею и столько же назначено было для вступленія въ Швейцарію. Побѣды эрцгерцога Карла въ Швабіи и Суворова въ Италіи оттѣснили французовъ къ ихъ границамъ. Со стороны Германіи военныя дѣйствія были сосредоточены въ Швейцаріи. Въ Италіи за французами остава-

лись только Генуя и Анкона. Къ несчастію, кабинеты вѣнскій и лондонскій составили планъ новаго похода, результаты котораго были плачевны. Эрцгерцогъ Карлъ долженъ былъ оставить Швейцарію, а Суворовъ, который готовился уже вступить во Францію чрезъ Дофине, былъ отозванъ для главноначальствованія въ Швейцаріи и долженъ былъ находиться въ центрѣ арміи въ то время, когда генералъ Меласъ долженъ былъ взять Геную и Анкону, а эрцгерцогъ Карлъ предполагалъ перейти Рейнъ у Мангейма и направиться по склонамъ Вогезскихъ горъ. Для осуществленія этого плана Суворовъ долженъ былъ очистить Швейцарію и вступить во Франшъ-Конте и Эльзасъ. Но что же произошло? Русскіе, еще до прибытія Суворова, были разбиты при Цюрихѣ французскимъ генераломъ Массеною и (князь?) Корсаковъ, который предводительствовалъ ими, долженъ былъ очистить Швейцарію, потерявъ отъ 10 до 12,000 человѣкъ. Тогда Суворову пришлось бороться со всею французскою побѣдоносною арміею, занявшею всѣ горные проходы въ этой странѣ: у него не было даже 20,000 человѣкъ, и онъ принужденъ былъ спѣшить казаковъ. Переходъ его черезъ Швейцарію—было постоянное сраженіе, которое онъ долженъ былъ возобновлять ежечасно. Его отвага и храбрость русскихъ, возбуждаемая примѣромъ полководца и великаго князя Константина, сражавшагося пѣшкомъ около него, уничтожали всѣ препятствія, поставленныя природой и искусствомъ, и поколебали превосходство французовъ, гордившихся своими послѣдними успѣхами. Суворовъ дошелъ до Ландау, и оттуда направился къ Аугсбургу, гдѣ онъ собралъ всѣ русскія войска. Онъ громко жаловался на австрійское министерство и обвинялъ его въ вѣроломствѣ и въ неисполненіи обѣщаній: онъ никакъ не думалъ, чтобы эрцгерцогъ Карлъ оставилъ Швейцарію ранѣе его прибытія туда.

Подобнаго рода жалобы появлялись по повелѣнію императора, недовольнаго вѣнскимъ кабинетомъ, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Павлу I не было еще извѣстно, что эрцгерцогъ получилъ рѣшительныя приказанія оставить Швейцарію и спѣшить на защиту магазиновъ арміи, которыми могъ овладѣть французскій отрядъ, шедшій на Ульмъ

черезъ Мангеймъ и Гейльбронъ. Не было также извѣстно Павлу Петровичу, что эрцгерцогъ передъ своимъ уходомъ предложилъ Корсакову соединиться для совокупнаго нападенія на французовъ и что русскій генералъ отказался отъ такого предложенія. Можно было даже обвинить и Суворова, который, не смотря на данныя ему приказанія, опоздалъ десятью или двѣнадцатью днями своимъ приходомъ въ Швейцарію.

Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но пораженіе русскихъ внушило императору Павлу крайнее недовѣріе къ его союзницѣ, и онъ полагалъ, что вѣнскій дворъ провелъ его. Радость Павла при извѣстіяхъ объ успѣхахъ Суворова еще сильнѣе заставила его чувствовать неудовольствіе при отступленіи русской арміи изъ Швейцаріи. Въ первомъ порывѣ гнѣва онъ рѣшился совершенно отдѣлиться отъ Австріи и вызвать свои войска изъ Германіи, и относительно этого сдѣланы уже были распоряженія. На вѣнскаго посланника, графа Кобенцеля, смотрѣли крайне недружелюбно, и отдаленіе отъ него лицъ, съ которыми онъ былъ прежде въ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ, давало ему чувствовать непріятность его положенія. Хотя онъ и являлся еще при дворѣ, но явные признаки немилости въ близкомъ будущемъ становились все очевиднѣе. Представленія, сдѣланныя Суворовымъ, побудили императора пріостановить данныя имъ приказанія о выводѣ русскихъ изъ Германіи. Въ то же время состоялся бракъ эрцгерцога-палатина съ великой княжною, бывшей невѣстой короля шведскаго. Вѣнскій дворъ надѣялся, что, растолковавъ все дѣло по своему, онъ смягчитъ неудовольствіе своего союзника, но, вмѣсто того, чтобы поддерживать довѣріе русскаго кабинета, ослабляли его. Отвѣты вѣнскаго кабинета не были ни прямодушны, ни категоричны, а успѣхи австрійцевъ въ Италіи внушали вѣнскому кабинету увѣренность, что онъ можетъ обойтись и безъ русскихъ. Генуя и Анкона были осаждены австрійцами, причемъ въ послѣднемъ случаѣ содѣйствовала русская эскадра. Со взятіемъ этихъ городовъ можно было разсчитывать, что преобладаніе Австріи утвердится въ Италіи.

По словамъ Жоржеля, политика Австріи и политика Россіи имѣли въ виду различныя цѣли. Такъ, Павелъ I

былъ чистосердеченъ и намѣренія его были искренни и несвоекорыстны. Онъ ничего не желалъ для себя и вмѣнялъ себѣ во славу возстановленіе на тронахъ низверженныхъ королей, возвращеніе государямъ отнятыхъ у нихъ владѣній и и возстановленіе религіи и порядка. Виды же австрійскаго двора, — какъ это выяснилось впослѣдствіи, — клонились къ тому, чтобы увеличить свою территорію на счетъ папы и короля сардинскаго. Въ Петербургѣ подозрѣвали вѣнскій кабинетъ въ желаніи овладѣть тремя легатствами и Анконою, занятыми французами, и удержать за собою города Алессандрію и Тортону, принадлежавшіе королю сардинскому. Въ это время Анкона сдалась на капитуляцію, причемъ, однако, русскаго адмирала устранили отъ всякаго участія въ этой побѣдѣ. Мало того, на него пожаловались въ Петербургъ за то, что противъ него надобно было употребить силу, дабы заставить спустить русскій флагъ, который онъ поднялъ на захваченныхъ имъ въ Анконскомъ портѣ французскихъ корабляхъ, заявляя, что онъ овладѣлъ городомъ и портомъ только во имя своего государя. Это оскорбленіе окончательно раздражило Павла. Онъ запретилъ графу Кобенцелю являться ко двору и потребовалъ отъ вѣнскаго кабинета блестящаго удовлетворенія. Одновременно съ этимъ, Суворову было предписано возвратиться въ Россію, и кромѣ того, Павелъ I сообщилъ вѣнскому кабинету, что, если не послѣдуетъ требуемаго удовлетворенія, то онъ съумѣетъ принудить къ этому вѣнскій кабинетъ. Тогда австрійское министерство, не смотря на блистательные успѣхи своей арміи въ Италіи, почувствовало необходимость успокоить императора, чтобы не нажить новаго могущественнаго врага, образъ дѣйствій котораго могъ увлечь за собою Пруссію и поставить Австрію въ опасное положеніе.

Отношенія Россіи и Австріи становились все болѣе и болѣе натянутыми. Павелъ приказалъ русскимъ войскамъ вернуться домой, а своему посланнику въ Вѣнѣ, графу Галишеву (?) (Galichef?) *), оставить безъ всякаго шума этотъ городъ и выѣхать оттуда, подъ предлогомъ леченія на водахъ. Въ такомъ же смыслѣ было дано приказаніе и графу Кобен-

*) Татищеву.

целію. Но прежде его отъѣзда Павелъ I выразилъ весьма явно свое неудовольствіе противъ вѣнскаго двора. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ:

Эрцгерцогъ-палатинъ и великая княгиня, спустя нѣсколько мѣсяцевъ по пріѣздѣ въ Вѣну, пожелали сообщить императору о своемъ супружескомъ счастьи и написали письма къ императору, императрицѣ, великимъ князьямъ и великимъ княжнамъ. Къ письмамъ этимъ присоединили свои письма императоръ Францъ II и его супруга, и для доставки ихъ по назначенію выбрали весьма замѣтное въ ту пору при вѣнскомъ дворѣ лицо — старшаго сына князя Фюрстенберга. Какъ только князь пріѣхалъ въ Петербургъ, графъ Кобенцель, слѣдуя принятымъ обычаямъ, испросилъ у императора аудіенцію для Фюрстенберга. На это былъ данъ отвѣтъ, что аудіенціи не будетъ, и что князь долженъ передать привезенныя имъ письма и депеши министру иностранныхъ дѣлъ. Этотъ неожиданный отвѣтъ вынудилъ графа Кобенцеля отправить въ Вѣну нарочнаго курьера. Но курьеру отказали въ выдачѣ паспорта. Тогда графъ Кобенцель попросилъ паспортъ для Фюрстенберга, но и на эту просьбу послѣдовалъ отказъ. Такимъ образомъ, молодой Фюрстенбергъ прожилъ въ Петербургѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ, не имѣя возможности являться ни ко двору, ни въ обществахъ, въ которыхъ онъ не былъ бы и принятъ изъ боязни разгнѣвать императора.

Съ своей стороны, графъ Кобенцель просилъ безпрестанно, чтобы его отозвали изъ Петербурга, такъ какъ положеніе его не соотвѣтствовало носимому имъ званію, и только послѣдніе поступки Павла I заставили вѣнскій кабинетъ рѣшиться на эту мѣру и изъ Вѣны прислали ему отпускъ для поѣздки на Карлсбадскія воды. Сообщая объ этомъ министерству иностранныхъ дѣлъ, графъ Кобенцель прибавилъ, что онъ на время своей поѣздки оставляетъ въ Петербургѣ совѣтника посольства для веденія корреспонденціи, но ему было дано знать, что, по высочайшей волѣ, и совѣтникъ, и канцелярія посольства должны выѣхать слѣдомъ за нимъ, и что для этого будутъ высланы надлежащіе паспорты. Паспортовъ этихъ пришлось, однако, прождать восемь дней, а въ это время было предписано русскому послу оставить

Вѣну со всѣмъ личнымъ составомъ посольства и его канцеляріею.

Но Павелъ не удовольствовался разрывомъ съ вѣнскимъ дворомъ и началъ дѣйствовать такимъ же непріязненнымъ способомъ и противъ лондонскаго. Кавалеръ Вильвортъ, англійскій посланникъ, вскорѣ долженъ былъ замѣтить, что на него посматриваютъ не слишкомъ дружелюбно при петербургскомъ дворѣ. Затѣмъ, ему посовѣтовали или, вѣрнѣе сказать, приказали выѣхать изъ Петербурга, давъ понять, что для веденія корреспонденцій онъ не можетъ оставить ни секретаря посольства, ни повѣреннаго въ дѣлахъ. Вмѣстѣ съ этимъ русскія войска, находившіяся въ соединеніи съ англійскими для экспедиціи въ Голландію, получили приказаніе отплыть въ Россію. Въ то же время русскій посолъ въ Лондонѣ, графъ Воронцовъ, получилъ отпускъ для поѣздки на воды. Такой способъ неявнаго разрыва представлялъ возможность сблизиться снова, но она была устранена тѣми сношеніями, какія завелъ Павелъ съ берлинскимъ дворомъ. Король прусскій отправилъ своего посла въ Петербургъ, и, при отъѣздѣ Жоржеля изъ Петербурга, аббата увѣряли, что между обоими дворами существуетъ уже секретный договоръ, направленный противъ Австріи, и что составляется коалиція, непріязненная Англіи.

О неудовольствіи Павла на Англію Жоржель узналъ передъ выѣздомъ изъ Петербурга. «Я неудачно выбралъ союзниковъ — сказалъ императоръ — они вѣроломны и проникнуты маккіавелизмомъ: имъ нельзя довѣряться; они заставили меня жертвовать моими войсками изъ-за своихъ личныхъ интересовъ». Императора — разсказываетъ Жоржель — убѣдили, что русскіе во время экспедиціи въ Голландію были оставлены безъ поддержки, что ихъ покинули тамъ на произволъ судьбы, и что англійская эскадра и англійскія войска, назначенныя для блокады и взятія Мальты и долженствовавшія дѣйствовать за одно съ неаполитанцами и русскими, замедляли отнятіе острова отъ французовъ. Надобно замѣтить, что въ силу особаго договора, заключеннаго между Англіею, Россіею и Неаполемъ, было постановлено, что Мальта, — послѣ взятія ея, до заключенія мира, — будетъ управляема уполномоченными отъ трехъ союзныхъ

державъ, подъ главнымъ начальствомъ намѣстника императора, какъ гроссмейстера мальтійскаго ордена. Между тѣмъ, англійское министерство, опасаясь, что такая сдѣлка можетъ повлечь за собою совершенную уступку Мальты Павлу, который будетъ управлять ею самовластно, какъ гроссмейстеръ, — считало необходимымъ измѣнить упомянутый договоръ. Поэтому, оно предложило оставить Мальту, по взятіи ея, за неаполитанскимъ королемъ, который управлялъ бы ею въ качествѣ протектора, съ тѣмъ условіемъ, чтобы русскіе и англійскіе корабли были принимаемы на островѣ какъ корабли дружественныхъ и союзныхъ державъ. Предложеніе это не понравилось Павлу, и онъ отвергъ его. Въ это время со дня на день ожидали извѣстія о взятіи Мальты. Французы, которые терпѣли во всемъ недостатокъ, не могли долго сопротивляться, и ихъ сторожили корабли русскіе, англійскіе и неаполитанскіе. Между тѣмъ, такъ какъ англійская эскадра была сильнѣе нежели союзная, и такъ какъ ей поручено было пересѣкать подвозъ на Мальту подкрѣпленій и жизненныхъ припасовъ, то ея измѣнѣ или небрежности приписали доставку французамъ средствъ для дальнѣйшаго сопротивленія. Несомнѣннымъ казалось, что англійской эскадрѣ дано было приказаніе не препятствовать такой доставкѣ. Убѣдившись въ этомъ, Павелъ I приказалъ своимъ кораблямъ и своему войску, отдѣлившись отъ англичанъ, оставить воды, омывающія Мальту, и отправиться на островъ Корфу. Съ этого времени Мальту блокировали только англичане и неаполитанцы. Въ силу всего этого, депутація нѣмецкаго великаго пріорства, задержанная въ Петербургѣ противъ своей воли въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, получила разрѣшеніе вернуться домой. Тогда мы узнали, говоритъ Жоржель, что, если бы Мальта была взята союзными силами и если бы предварительно заключенная конвенція вступила въ силу, то великій бальи, баронъ Пфюрдтъ, былъ бы назначенъ намѣстникомъ гроссмейстера и отправился бы на Мальту. Соображенія эти и были тайною причиною продолжительнаго пребыванія депутаціи въ Петербургѣ.

Разорвавъ свой союзъ съ Вѣною и Лондономъ, Павелъ I началъ стараться о томъ, чтобы сблизиться съ сѣверными дворами — Даніей, Швеціей и Пруссіей, и въ то же время

заключилъ договоры съ Португаліею и Неаполемъ. Эти новые союзы, по замѣчанію Жоржеля, придали Россіи въ Европѣ такой перевѣсъ и такое вліяніе, что она сдѣлалась судьею политическихъ столкновеній на континентѣ.

Павелъ I выражалъ такое отвращеніе къ французской революціи, что, какъ говоритъ Жоржель, невозможно было и подумать, чтобы онъ когда нибудь соединился съ республиканцами и изгналъ изъ своихъ владѣній Людовика XVIII, которому постоянно оказывалъ знаки искренней дружбы и самаго живого участія. Однако, аббатъ Жоржель, при своемъ отъѣздѣ изъ Петербурга, узналъ, что изъ Гамбурга пріѣхалъ кто-то въ Петербургъ съ русскимъ паспортомъ и пробылъ въ Петербургѣ восемь дней, въ продолженіе которыхъ имѣлъ три секретныя конференціи съ графомъ Ростопчинымъ. При проѣздѣ же черезъ Дрезденъ, аббатъ узналъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что эта таинственная личность была послана отъ Бонапарте. Съ этой минуты, продолжаетъ Жоржель, я, зная правила графа Ростопчина и его сношенія съ главами иллюминантовъ, былъ убѣжденъ, что Павелъ незамѣтно будетъ увлеченъ имъ, и что онъ послѣ того, какъ громилъ революцію, станетъ поступать иначе и протянетъ Бонапарте руку съ братскимъ привѣтствіемъ.

VII.

Министерство полиціи.—Наблюденіе за иностранцами. — Осмотры и обыски. — Разсылка гонцовъ. — Петербургская полиція. — Сниманіе шапокъ, шубъ. — Почести, воздаваемыя на улицѣ императору и членамъ его семейства.—Распоряженіе на счетъ одежды.—Петербургскій губернаторъ.— Его рапорты. — Паденія вельможъ. — Немилость къ князю Голицыну и Валуеву, графу Шуазель-Гуффье и маркизу Ламберту.—Графъ Паленъ.— Его благородный характеръ. — Отставка дюка де-Ришлье. — Тайные полицейскіе агенты.—Сенатъ.—Раздѣленіе служащихъ на классы.—Придворныя должности. — Обѣдъ у императора въ день новаго года. — Генералъ-прокуроръ.—Быстрыя и частыя перемѣны при дворѣ и на службѣ.—Переѣздъ опальныхъ вельможъ въ Москву.

Разсказавъ о внѣшней политикѣ Россіи, Жоржель переходитъ снова къ описанію нашего государствениаго управленія той эпохи, посвящая въ своей книгѣ особую главу министерству полиціи.

Министерство полиціи, говоритъ онъ, во время императора Павла, имѣло чрезвычайно важное значеніе. Оно состояло въ завѣдываніи лица, занимавшаго должность губернатора императорской столицы, и поручалось обыкновенно генералу, власть и сношенія котораго распространялись на всю имперію. Военные начальники всѣхъ частей и всѣ чины полиціи обязаны черезъ каждые восемь дней, и даже чаще, доносить обо всемъ, что̀ случается въ ихъ вѣдомствахъ. Особую бдительность направляетъ министерство полиціи на въѣзды, пребываніе, поведеніе и отъѣзды иностранцевъ и вообще на все, что̀ привозится изъ-за границы въ имперію. Осмотры и обыски на пограничныхъ заставахъ производятся съ чрезвычайною строгостію. Свѣдѣнія обо всемъ этомъ сосредоточиваются въ полицейскомъ управленіи Петербурга, и губернаторъ представляетъ относительно этого свои доклады императору.

На каждой почтовой станціи постоянно имѣется десять лошадей для посылки эстафетъ, и гонцы безпрестанно носятся изъ столицы въ провинцію и изъ провинціи въ столицу. Тамъ же, гдѣ не учреждено почтъ, для гонцовъ употребляются крестьянскія лошади.

Петербургская полиція отличается примѣрною точностію и строгостію. Каждый день въ семь часовъ утра, губернаторъ является въ кабинетъ императора, чтобы представить ему суточный рапортъ. Сверхъ многочисленныхъ и тайныхъ агентовъ, которыми располагаетъ губернаторъ и которые, бывая во всѣхъ частяхъ города, доставляютъ ему необходимыя свѣдѣнія обо всемъ, что говорится и дѣлается,—при полиціи состоитъ еще два отряда, пѣшій и конный, которые, ходя и разъѣзжая и днемъ и ночью, безпрестанно обязаны наблюдать за исполненіемъ полицейскихъ правилъ и задерживать виновныхъ.

Всѣ содержатели общихъ столовъ, кофеенъ и дозволенныхъ собраній, купцы, наемная прислуга обязаны сообщать полиціи ежедневно обо всемъ, что̀ они видѣли или слышали.

Полицейскія правила очень сложны и чрезвычайно стѣснительны для иностранцевъ. Они обнародываются губернаторомъ посредствомъ объявленій, вывѣшиваемыхъ на перекресткахъ и въ общественныхъ собраніяхъ. Строгое наблю-

деніе за ними ввѣрено военно-полицейскимъ чинамъ и соблюденіе ихъ одинаково обязательно, не смотря на званіе, возрастъ и полъ.

Аббатъ Жоржель разсказываетъ, что, хотя государь и позволилъ публикѣ гулять въ императорскомъ саду, но не иначе какъ безъ шапокъ. Снятіе шапокъ было обязательно и при проходѣ мимо дворца. При встрѣчѣ же съ императоромъ должно было не только снимать шапку, но и шубу, а ѣхавшіе въ экипажѣ должны были выходить изъ него, оставляя тамъ верхнее платье. Никто не былъ изъятъ отъ соблюденія этого требованія «и я, говоритъ Жоржель, видѣлъ, какъ даже сама императрица выходила изъ кареты при встрѣчѣ съ своимъ супругомъ. Государь, ѣхавшій верхомъ, слѣзъ съ лошади, подалъ императрицѣ руку и посадилъ ее въ карету». Затѣмъ аббатъ приводитъ случаи строгихъ наказаній, напримѣръ, наказаніе 50 ударами кнута, которое получилъ сынъ одного богатаго купца за то, что онъ не отдалъ должныхъ знаковъ уваженія императору при встрѣчѣ съ нимъ на улицѣ.

Такія же правила существовали и въ отношеніи членовъ императорской фамиліи, почему ходившіе и ѣздившіе по Петербургу были постоянно въ тревожномъ состояніи. Впрочемъ, императора легко было узнать издали, такъ какъ передъ нимъ ѣхали верхомъ двое полицейскихъ солдатъ и два гусара; но случалось, что императоръ былъ такъ близко отъ нихъ, что нельзя уже было поспѣть, завидя его, выдти изъ экипажа.

Во время пребыванія аббата въ Петербургѣ, было запрещено носить французское платье новаго покроя, съ отложными воротниками и отворотами и башмаки съ шнуровкой, круглыя шляпы, и стричь волосы à la jacobin. Было также воспрещено какъ русскимъ, такъ и иностранцамъ, носившимъ треугольныя шляпы, надѣвать ихъ такъ, чтобы большой уголъ шляпы приходился на лбу, потому что это считалось модою, усвоенною якобинцами. Однажды наемный лакей великаго балльи Пфюрдта, стоя на запяткахъ кареты, надѣлъ шляпу большимъ угломъ на лобъ, чтобы защититься отъ солнца; полицейскіе солдаты, увидѣвъ это, остановили карету и схватили лакея, чтобъ стащить въ полицію. Одинъ изъ главныхъ чиновниковъ полиціи, знавшій лично Пфюрдта и проѣзжав-

шій случайно мимо, велѣлъ полицейскимъ отпустить лакея, приказавъ ему, однако, потомъ явиться въ полицію, гдѣ онъ и былъ наказанъ палками.

Личность с.-петербургскаго губернатора, говоритъ Жоржель, не послѣднее условіе для всѣхъ вообще русскихъ, и въ особенности для тѣхъ, которые живутъ въ столицѣ. Ежедневный его рапортъ императору то хорошо, то худо вліяетъ на участь тѣхъ, кого рапортъ этотъ касается. Сообразно съ этимъ Павелъ рѣшаетъ судьбу, наказывая однихъ и награждая другихъ. Воля императора рѣшаетъ все. Я видѣлъ, говоритъ Жоржель, лицъ, которыя занимали первыя должности при дворѣ или въ государствѣ, пользуясь особымъ расположеніемъ государя и находясь съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ, и вдругъ эти люди обращались въ ничто. Они должны были удалиться отъ двора и уѣхать въ свои помѣстья, а если они были иностранцы, то и вовсе оставить Россію.

Какъ на людей, испытавшихъ непрочность царскаго благоволенія, Жоржель указываетъ на князя Дмитрія Голицына, командовавшаго конной гвардіею. Однажды, вставши по утру, онъ неожиданно узналъ, что должность его отдана другому, что съ него сняли чины и что онъ, по сдачѣ полка, которымъ командовалъ, долженъ удалиться въ свое помѣстье. Съ вечера онъ ужиналъ у императора, но, на бѣду свою, онъ позволилъ себѣ въ одномъ обществѣ отозваться съ откровеннымъ сочувствіемъ о лицѣ, котораго постигла недавняя опала.

Оберъ-церемоніймейстеръ и сенаторъ (графъ) Валуевъ, человѣкъ заслуженный, былъ обыкновеннымъ гостемъ императрицы и очень часто былъ приглашаемъ къ столу императора, но онъ былъ лишенъ своей должности за то, что забылъ увѣдомить дипломатическій корпусъ о времени, назначенномъ для его собранія во дворецъ. Графъ Шаузель-Гуфье потерялъ мѣсто и былъ сосланъ въ деревню за то только, что сдѣлалъ въ десять часовъ вечера визитъ графу Кобенцелю. Маркизъ Ламбертъ, вступившій при Екатеринѣ II въ русскую службу съ чиномъ генералъ-маіора, былъ высланъ изъ Петербурга въ Нарву за письмо къ графинѣ Ромбергъ, сестрѣ Кобенцеля.

Въ тогдашнее время петербургскимъ губернаторомъ былъ графъ Паленъ, имѣвшій репутацію отличнаго генерала. Въ

столицѣ онъ былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ честный и неподкупный; онъ старался облегчать, а не усиливать распоряженія императора, и вовсе не былъ способенъ употреблять во зло свое положеніе при дворѣ. Рапорты его императору состояли только въ простомъ изложеніи фактовъ, сдѣлавшихся ему извѣстными, и онъ позволялъ себѣ какія нибудь дополненія лишь тогда, когда они могли облегчить участь того, до кого они касались.

Съ графомъ Паленомъ былъ такой случай.

У герцога Ришлье, во время бытности Жоржеля въ Петербургѣ, былъ отнятъ кирасирскій полкъ, которымъ онъ командовалъ, за то, что онъ не исполнилъ приказанія, котораго, однако, вовсе не получалъ. Полкъ этотъ былъ данъ сыну графа Палена. Приказаніе, котораго не получалъ Ришлье, слѣдовало отправить великому князю Константину; но онъ самъ того не исполнилъ, полагая, что поручилъ сдѣлать это графу Палену. Паленъ принялъ ошибку великаго князя на себя и, явившись къ императору, повинился передъ нимъ въ своей небрежности и, взявъ всю отвѣтственность на себя, просилъ государя, чтобъ полкъ былъ возвращенъ герцогу Ришлье, говоря, что онъ, Паленъ, будетъ чрезвычайно огорченъ, если сынъ его воспользуется такимъ случаемъ, въ которомъ виноватъ его отецъ. Павелъ былъ очень доволенъ поступкомъ Палена, приказалъ возвратить герцога Ришлье на прежнее мѣсто и инымъ способомъ вознаградилъ молодого Палена.

Когда иностранецъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ, разсказываетъ Жоржель, то переодѣтый полицейскій агентъ всюду слѣдитъ за нимъ и находитъ средства знать все, что̀ онъ говоритъ и дѣлаетъ. Нѣтъ ни одного дома, въ которомъ бы,—если въ немъ собираются гости,—не было тайнаго полицейскаго соглядатая, отдающаго каждый день отчетъ своему ближайшему начальнику. Если же кто нибудь изъ тайныхъ агентовъ вздумаетъ доносить что нибудь ложное или имъ самимъ выдуманное, то правительство относится къ этому чрезвычайно внимательно и наказываетъ виновнаго съ величайшею строгостію.

Объ общемъ государственномъ управленіи у Жоржеля встрѣчаемъ, между прочимъ, слѣдующія замѣтки:

Должность генералъ-прокурора одна изъ важнѣйшихъ должностей въ имперіи; вліяніе его чрезвычайно обширно. Онъ какъ бы уполномоченный и императора, и сената по вѣдомству судебному и административному. Не будучи главою сената, онъ въ то же время душа его; ему ввѣрено исполненіе всѣхъ законовъ, распоряженій и приговоровъ. Онъ занимается съ императоромъ и можетъ считаться собственно министромъ внутреннихъ дѣлъ. Это мѣсто занимаютъ обыкновенно лица, принадлежащія къ первымъ фамиліямъ въ Россіи.

Смѣны на высшихъ служебныхъ и придворныхъ должностяхъ до такой степени часты въ настоящее царствованіе, что въ Петербургѣ перестали уже удивляться какъ паденіямъ, такъ и возвышеніямъ. Въ продолженіе шести мѣсяцевъ, которые я провелъ въ Петербургѣ—пишетъ Жоржель—почти во всѣхъ высшихъ должностяхъ произошли перемѣны, и, между прочимъ, смѣнялись трое генералъ-прокуроровъ. Непрочность должностей и безпрестанно происходящія перемѣны заставляютъ опасаться всѣхъ состоящихъ на службѣ, и потому очень часто они пренебрегаютъ своими существенными обязанностями для того только, чтобы выставить себя на показъ передъ государемъ. Можетъ ли быть прочно зданіе, построенное на такомъ зыбкомъ основаніи?

Удаленные отъ должностей вельможи переѣзжали на житье въ Москву, и такъ какъ, говоритъ Жоржель, надъ ними учреждается тамъ строгій надзоръ, то они забываютъ и интриги, и политику, и тихо проводятъ свои дни среди роскоши и удовольствій.

VIII.

Академія наукъ и академія художествъ.—Состояніе ихъ при Екатеринѣ II и Павлѣ I.—Воспитательныя заведенія. — Русская литература и русскій языкъ. — Библіотека императорская и во дворцѣ князя Потемкина.—Казаки и перевозъ библіотеки изъ Варшавы въ Петербургъ.—Приведеніе ея въ порядокъ. — Учебныя заведенія аббата Николя. — Русскій дворъ при Екатеринѣ II и при Павлѣ I.—Положеніе императрицы.—Строгость Павла въ отношеніи къ ней и всему своему семейству.—Намѣреніе Екатерины II назначить своимъ преемникомъ великаго князя Александра.—Характеръ его и великаго князя Константина. — Царское семейство.—Нелюбовь Павла къ удовольствіямъ. — Придворные и мундиры.

Весьма интересны послѣднія главы въ книгѣ Жоржеля, касающіяся нашей умственной жизни того времени и заключающія въ себѣ очерки нѣкоторыхъ замѣтныхъ въ ту пору лицъ.

Въ Петербургѣ, пишетъ аббатъ, находится академія наукъ; изысканія ея, а также и труды ея, изданныя на латинскомъ языкѣ, уважаются ученымъ міромъ. Въ этомъ же городѣ находится академія художествъ, гдѣ обучаются молодые люди подъ руководствомъ способныхъ наставниковъ. Императрица Екатерина II для того, чтобы улучшить эти заведенія и придать имъ болѣе извѣстности, вызвала для занятія въ нихъ иностранныхъ ученыхъ и художниковъ. Обласканные ею, они вмѣняли себѣ въ честь посвятить свои познанія и труды распространенію наукъ и художествъ. Екатерина, любившая всякаго рода славу, воодушевляла и наставниковъ, и учениковъ, и своими посѣщеніями и своими благодѣяніями. Хотя Павелъ I и сохранилъ тѣ главныя начала, на которыхъ были основаны упомянутыя учрежденія, но онъ не прибавилъ къ нимъ ничего, и, какъ кажется, не заботится объ ихъ поощреніи. Всѣ заботы его сводятся къ тому, чтобы поставить сухопутныя и морскія силы въ грозное положеніе. Екатерина основала и увеличивала заведенія для воспитанія юношества обоего пола, а также убѣжища дла сиротъ и престарѣлыхъ. Павелъ I сохранилъ ихъ, но, повидимому, онъ убѣжденъ, что слава его царствованія не зависитъ отъ такихъ учрежденій.

Русская литература мало извѣстна въ Европѣ, хотя Россія и имѣетъ историковъ, ораторовъ и поэтовъ. Русскій языкъ принадлежитъ къ самой распространенной отрасли

славянскаго языка, отъ котораго происходятъ языки: русскій, польскій, венгерскій (?), богемскій и моравскій. Европейская литература имѣетъ великихъ представителей извѣстныхъ всему свѣту; переводы лучшихъ ихъ произведеній обогатили всѣ библіотеки, но мы не знаемъ почти ни одной классической книги, переведенной съ русскаго.

Далѣе аббатъ Жоржель обращаетъ вниманіе на то сходство, какое существуетъ между конструкціею русскаго и конструкціею латинскаго языка. Одинъ почтенный человѣкъ, который хорошо знаетъ оба эти языка — пищетъ Жоржель — переводилъ мнѣ слово-въ-слово стихи одного извѣстнаго русскаго поэта, прославившаго Петра Великаго въ эпической поэмѣ; этотъ переводъ, при богатствѣ выраженій, представлялъ такую конструкцію, какую сдѣлалъ бы самый свѣдущій латинистъ.

Кромѣ императорской библіотеки, находящейся въ Эрмитажѣ, въ составъ которой вошли купленныя Екатериною II библіотеки Вольтера и Дидро, при Жоржелѣ устраивалась новая, въ бывшемъ дворцѣ князя Потемкина. Екатерина II, послѣ взятія Варшавы, приказала перевести въ Петербургъ знаменитую библіотеку Залусскихъ. Она состояла изъ 300,000 томовъ на всѣхъ извѣстныхъ языкахъ и считалась самою богатою и самою полною во всей Европѣ. Вслѣдствіе поспѣшности, съ которою овладѣли этою сокровищницею, книги оказались въ страшномъ безпорядкѣ, безъ раздѣленія ихъ даже по формату и по языку. Онѣ были свалены въ большія ящики и, по замѣчанію аббата, много нужно будетъ употребить и труда и времени для того, чтобы привести ихъ въ порядокъ Эта трудная работа была поручена надзору одного очень уважаемаго французскаго кавалера ***. Ящики были разставлены въ огромной залѣ потемкинскаго дворца и наполняли ее всю. Послѣ трехлѣтней работы кавалеръ *** успѣлъ собрать въ полный комплектъ 80,000 томовъ. Эту библіотеку предполагаютъ устроить въ великолѣпныхъ залахъ упомянутаго дворца, и императоръ намѣревался сдѣлать ее доступной для публики.

Въ качествѣ очевидца, Жоржель разсказываетъ, между прочимъ, такой фактъ. Библіотека Залусскихъ была захвачена въ Варшавѣ отрядомъ казаковъ, которые схватывали

книги въ охапку и бросали ихъ въ наскоро-сдѣланные ящики, такъ что въ одинъ и тотъ же ящикъ попадали книги и малаго и средняго и большого формата. Однажды, когда пришлось заколачивать одинъ изъ такихъ ящиковъ, казаки захотѣли всунуть въ него еще одинъ томъ, громаднаго и великолѣпнаго изданія, переплетеннаго въ сафьянъ съ золотымъ обрѣзомъ и заключавшаго въ себѣ превосходныя гравюры. Такъ какъ томъ этотъ былъ очень великъ, то казаки разрубили его поперегъ на двѣ части, чтобъ такимъ образомъ удобнѣе было втиснуть это изданіе въ ящикъ.

Далѣе въ книгѣ Жоржеля находятся свѣдѣнія объ учебномъ заведеніи аббата Николя̀, основанномъ въ Петербургѣ. Первоначально заведеніе это было открыто только на 12 воспитанниковъ, но вскорѣ Николя̀, благодаря своимъ успѣхамъ, долженъ былъ принять ихъ въ числѣ 24, рѣшившись не увеличивать этого числа. Каждый изъ воспитанниковъ имѣлъ отдѣльную комнату. Въ заведеніи этомъ обучали: языкамъ, французскому и латинскому, географіи, исторіи, морали, или началамъ религіознымъ и нравственнымъ, которыя составляютъ благосостояніе и неприкосновенность семействъ и государствъ. Кромѣ того, тамъ обучали танцамъ, фехтованію, верховой ѣздѣ, рисованію и музыкѣ, за особую плату, тѣхъ воспитанниковъ, которые имѣли къ этому наклонность. За воспитанника платилось ежегодно по 2,000 рублей. Плата эта, которая — говоритъ Жоржель — можетъ показаться громадною, въ сущности была вполнѣ соотвѣтственною, если принять въ соображеніе дороговизну продовольствія и помѣщенія. Воспитанникамъ за обѣдомъ и ужиномъ подавалось вино. Самъ аббатъ Николя̀ преподавалъ мораль. Обучавшіеся въ его заведеніе были дѣти русскихъ и польскихъ вельможъ изъ присоединенныхъ къ Россіи польскихъ областей.

По тѣмъ разсказамъ, которые аббату Жоржелю приходилось слышать отъ графини Строгоновой, рожденной княжны Голицыной, дворъ Екатерины II былъ самымъ блестящимъ дворомъ во всей Европѣ: великолѣпіе и роскошь существовали въ немъ вмѣстѣ съ честолюбіемъ, интригами и политическими происками. Павелъ I изгналъ роскошь и изнѣженность, и при дворѣ его царствовало грозное молчаніе,

прерываемое неумѣстнымъ бряцаніемъ оружія. Казалось, роскошные чертоги императорскаго двора были покрыты траурнымъ крепомъ.

Императрица Марія, по словамъ Жоржеля, отличалась добродѣтелью и простотою; дѣти ея и всѣ тѣ, которые имѣли счастье приближаться къ ней, боготворили ее, но она не пользовалась ни удовольствіемъ, ни особымъ значеніемъ. По наружности, императоръ оказываетъ ей вниманіе, подобающее ея сану, но жизнь свою она проводитъ среди стѣсненій и лишенія всего, что̀ должно было бы быть ежедневнымъ удѣломъ супруги такого могущественнаго государя.

Павелъ I держитъ все свое семейство въ строгой отъ себя зависимости; императрица не имѣетъ права приглашать къ себѣ ни своихъ двухъ женатыхъ сыновей, ни невѣстокъ, безъ дозволенія императора. Даже великій князь Александръ не могъ навѣстить свою мать, не предувѣдомивъ объ этомъ отца. Александръ жилъ уединенно съ своею супругою, которую онъ обожалъ и которая могла внушить къ себѣ постоянную привязанность своею наружностію, основательностію своего ума и своими душевными качествами. Екатерина II хотѣла назначить его своимъ преемникомъ и, если бы она прожила еще мѣсяца два или три, то Павелъ не вступилъ бы никогда на русскій престолъ.

Обстоятельство это было извѣстно Павлу и было причиною его отвращенія къ сыну; но отвращеніе это уменьшилось, вслѣдствіе покорности сына, его вниманія, предупредительности и уваженія къ отцу. Александру служили и окружали его только такія лица, которыя преданы императору. Чтобы не навлечь на себя и тѣни подозрѣнія, онъ не принималъ у себя никого, и съ иностранными министрами и вельможами не разговаривалъ иначе, какъ только въ присутствіи отца, и не входилъ ни въ какія сношенія съ лицами, управлявшими министерствами.

Великій князь Константинъ являлся поразительною противоположностію своему старшему брату. Онъ не имѣлъ привлекательной и располагающей наружности, былъ извѣстенъ своимъ отвращеніемъ къ наукамъ, странностями, вспыльчивостію. Жена его, женщина молодая, хорошенькая, милая и умная, была несчастлива съ нимъ.

Въ теченіе шести мѣсяцевъ, проведенныхъ Жоржелемъ въ Петербургѣ, при дворѣ не было ни баловъ, ни празднествъ, ни собраній, однако, по замѣчанію аббата, при немногихъ дворахъ существуетъ такое общество, какъ при петербургскомъ, которое бы до такой степени любило пользоваться удовольствіями и пріятностями жизни. Кромѣ императора и императрицы, императорская фамилія состояла изъ великихъ князей Александра и Константина, супруги которыхъ очень милыя принцессы, а по наружности и любезности онѣ выше всякихъ похвалъ; двое другихъ великихъ князей и великихъ княженъ вступаютъ въ тотъ юношескій возрастъ, въ которомъ, кажется, не приходится думать ни очемъ болѣе, какъ только объ удовольствіяхъ *). Единственное развлеченіе всѣхъ этихъ особъ заключается въ спектакляхъ и прогулкахъ. По извѣстнымъ днямъ, въ 6-ть часовъ, собирались къ императрицѣ, и императоръ, который присутствовалъ на этихъ собраніяхъ, назначалъ тѣхъ, кому желалъ сдѣлать честь такимъ приглашеніемъ. Павелъ не любилъ ни танцевъ, ни шумныхъ удовольствій, и вельможи, какъ и вообще всѣ частные люди, очень рѣдко допускали у себя развлеченія этого рода. Во время масляницы одинъ французъ, желая добыть денегъ, въ которыхъ онъ нуждался, объявилъ, что ему разрѣшено два раза въ недѣлю устраивать собраніе и балъ; но офицерамъ войскъ, расположенныхъ въ Петербургѣ, запрещено было являться туда: императоръ отдалъ приказъ, объявлявшій, что подобное увеселеніе не совмѣстно съ военными упражненіями, которыя производятся на разсвѣтѣ каждаго дня. Издержки француза-предпринимателя значительно перевысили приходъ, и онъ за долги попалъ на хлѣбъ и на воду.

При Екатеринѣ II одежда высшихъ чиновъ, камергеровъ и придворныхъ кавалеровъ была чрезвычайно богата. При Павлѣ была уничтожена роскошь въ одеждѣ, и нынѣ только мундиръ считается параднымъ платьемъ. Великіе князья показываются только въ мундирахъ тѣхъ полковъ, шефами которыхъ они считаются. Императоръ носилъ гвардейскій

---

*) Заявленіе это не вѣрно, такъ какъ великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи были въ ту пору еще дѣтьми.

мундиръ; камергеры и конюшенные офицеры имѣютъ мундиры, присвоенные ихъ должностямъ; кавалеры и командоры ордена св. Іоанна Іерусалимскаго носятъ мундиры этого ордена, которые и составляли самый распространенный и самый почетный нарядъ съ тѣхъ поръ, какъ Павелъ I сдѣлался гроссмейстеромъ.

IX.

Высшія придворныя должности. — Назначеніе Кутайсова оберъ-шталмейстеромъ. — Нарышкинъ. — Происхожденіе Кутайсова. — Его служба при Павлѣ Петровичѣ.—Его быстрое возвышеніе. — Наружность и характеръ графа Кутайсова.—Угодливость предъ нимъ вельможъ.—Его любовница, актриса Шевалье.—Дѣлаемыя ей приношенія. — Подарокъ, сдѣланный ей генераломъ Корсаковымъ. — Сынъ и дочь графа Кутайсова.

Къ первымъ придворнымъ должностямъ, пишетъ Жоржель, относятся должности оберъ-гофмаршала, оберъ-камергера, оберъ-шталмейстера и оберъ-егермейстера. Должность оберъ-шталмейстера возбуждаетъ болѣе всего честолюбіе, такъ какъ лицо, занимающее ее, пользуется честію сопровождать императора всякій разъ, когда онъ выѣзжаетъ въ каретѣ или верхомъ. При прежнихъ государяхъ должность эта давалась только представителямъ первыхъ или лучшихъ фамилій въ имперіи. Но Павелъ даетъ званіе оберъ-шталмейстера тѣмъ, къ кому онъ благоволитъ, не обращая при этомъ вниманія на его происхожденіе.

Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, продолжаетъ Жоржель, то должность эту занималъ (князь) Нарышкинъ, родственникъ императорской фамиліи; онъ былъ знатенъ и по своему рожденію и по своему положенію, и никто не могъ сравниться съ нимъ въ той роскоши, какою отличались его домъ и его столъ. По смерти его, которая случилась во время моего пребыванія, императоръ назначилъ на должность оберъ-шталмейстера графа Кутайсова, своего перваго шталмейстера, который,—турокъ по происхожденію—былъ каммердинеромъ Павла до вступленія его на престолъ. Вотъ какъ разсказываетъ Жоржель исторію необыкновенно быстраго возвышенія Кутайсова.

Во время взятія и грабежа Бендеръ, при Екатеринѣ II русскіе солдаты, ожесточенные упорнымъ сопротивленіемъ,

турокъ, жгли и убивали всѣхъ, не исключая женщинъ и дѣтей. Кутайсовъ, въ ту пору ребенокъ, поразилъ побѣдителей своею прелестною наружностію: его улыбающійся взглядъ отвелъ отъ него смертельный ударъ; одинъ русскій офицеръ овладѣлъ имъ и взялъ его на свое попеченіе. Генералъ князь Репнинъ выкупилъ его и послалъ Екатеринѣ II. Ребенокъ этотъ ей понравился; онъ былъ ровесникъ ея сына, и она, опредѣливъ къ нему на службу Кутайсова, велѣла его воспитать съ великимъ княземъ.

Привычка видѣть Кутайсова каждый день породила въ великомъ князѣ привязанность къ его камердинеру и сопровождалась довѣріемъ и фамильярностію. Кутайсову Павелъ сталъ повѣрять свои мысли, свои огорченія и свое неудовольствіе противъ матери. Когда Павелъ, подъ именемъ графа Сѣвернаго, путешествовалъ по Европѣ, Кутайсовъ сопровождалъ его, и по возвращеніи изъ-за границы продолжалъ служить при великомъ князѣ. Кобенцель разсказываетъ, что когда онъ былъ приглашаемъ къ великому князю въ Гатчину, для участія въ спектакляхъ, то Кутайсовъ очень часто подавалъ ему прохладительные напитки. Кутайсовъ принялъ вѣру своего повелителя. Онъ отличался виднымъ ростомъ, прекрасною фигурою; черты его были благородны, держалъ онъ себя молодцомъ, одѣвался хорошо; характера онъ былъ уклончиваго и гибкаго и былъ чрезвычайно способенъ къ физическимъ упражненіямъ; все это дѣлало для великаго князя изъ Кутайсова самаго пріятнаго слугу. Павелъ сдерживалъ бурные порывы своего гнѣвнаго характера на глазахъ матери, но давалъ себѣ полную волю въ присутствіи своего любимаго камердинера. Меня увѣряли, добавляетъ Жоржель, что въ сильныхъ припадкахъ гнѣва великій князь наносилъ Кутайсову по плечамъ жестокіе удары.

Лишь только вступилъ на престолъ Павелъ, онъ тотчасъ же выдвинулъ Кутайсова изъ ряда второстепенныхъ служителей и сдѣлалъ его шталмейстеромъ съ чиномъ генералъ-маіора. Вскорѣ Кутайсовъ былъ пожалованъ графомъ и получилъ значительныя помѣстья. Павелъ приказалъ, чтобы въ мѣстѣ его пребыванія была всегда отводима для Кутайсова комната смежная съ его комнатою. Онъ далъ Кутайсову орденъ св. Александра-Невскаго, а сдѣлавшись гросс-

мейстеромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, онъ пожаловалъ Кутайсова сперва кавалеромъ, потомъ командоромъ, а потомъ балльи этого ордена.

Жоржель нашелъ Кутайсова въ полной силѣ. Благосклонность къ нему государя возрастала все болѣе и болѣе, не смотря на всѣ неровности въ характерѣ Павла. Послѣ членовъ императорской фамиліи, Кутайсовъ занималъ первое мѣсто. Всѣ, какъ знатные, такъ и незнатные, старались угождать ему; ему оказывали особое вниманіе всѣ тѣ, которые желали удержаться на своихъ мѣстахъ или помышляли о повышеніи. Хотя, повидимому, онъ не вмѣшивался ни въ управленіе, ни въ политику, но тѣмъ не менѣе всѣ министры старались пріобрѣсти его благосклонность и получить его одобреніе. Онъ сдѣлался источникомъ всѣхъ милостей. Понятно, что въ чаду расточаемыхъ передъ нимъ куреній, онъ забылъ и свое происхожденіе, и свою прежнюю службу, своею роскошью и своею открытою веселою жизнью, казалось, пренебрегалъ всѣ толки. Хотя онъ и не былъ человѣкомъ ограниченнаго ума, но кругъ его понятій былъ не очень обширенъ. Объ немъ нельзя было сказать, чтобы онъ былъ золъ и недоброжелателенъ. Отъ нѣкоторыхъ, говоритъ Жоржель, я слышалъ даже похвалы ему за его одолженія.

По разсказамъ аббата, самый вѣрный способъ для того, чтобъ угодить Кутайсову, заключался въ подаркахъ его любовницѣ, г-жѣ Шевалье, актрисѣ французской комедіи. Мужъ этой дамы съ чиномъ маіора былъ назначенъ директоромъ французскаго театра и, казалось, гордился связью своей жены съ оберъ-шталмейстеромъ. Съ своей стороны, г-жа Шевалье нашла очень законный способъ собирать деньги такъ, что это стоило ея любовнику только знаковъ покровительства и расположенія. Въ ту пору ложи во французскомъ театрѣ были нанимаемы погодно вельможами и людьми достаточными, но время отъ времени, когда давались занимательныя пьесы, абонементъ прекращался въ пользу главныхъ актеровъ и главныхъ актрисъ, и тогда брали у нихъ ложи, платя имъ за это особо. Когда же абонементъ останавливался въ пользу г-жи Шевалье, то вельможи дѣлали ей «приношенія» за ложи. Обыкновенно за ложи платили отъ 20 до 25 рублей, но когда приходилъ чередъ любовницы Кутайсова, то ей платили по

300, 400, 500 и 600 рублей, а нѣкоторые даже до 1,000 и 1,200 рублей. Фамиліи лицъ, отличавшихся такою необыкновенною щедростью, вносились въ особый списокъ, который представлялся оберъ-шталмейстеру, а онъ, съ своей стороны, выражалъ удовольствіе жертвователямъ. Все это было извѣстно въ Петербургѣ, хотя и трудно было бы вѣрить этому.

Какъ очевидецъ, Жоржель разсказываетъ такой случай.

Генералъ (князь) Корсаковъ, бывшій комиссаромъ императора при арміи принца Конде, пріѣхалъ въ Петербургъ по возвращеніи русскихъ войскъ изъ похода. Онъ жилъ въ той же гостинницѣ, гдѣ жилъ и Жоржель, а секретаремъ его былъ нѣкто г. Прюдомъ, родомъ эльзасецъ, знакомый великаго балльи Пфюрдта. Секретарь этотъ видѣлся съ аббатомъ Жоржелемъ ежедневно. Когда абонементъ былъ прекращенъ въ пользу г-жи Шевалье, Корсаковъ послалъ къ ней своего секретаря за билетами на ложу, приказавъ ему заплатить щедрою рукою. Корсаковъ не зналъ еще ни о той цифрѣ, до которой въ подобныхъ случаяхъ доходили приложенія въ пользу г-жи Шевалье, ни о томъ, что списокъ жертвователей представлялся Кутайсову. Съ своей стороны, онъ, Корсаковъ, не опредѣлилъ суммы, а секретарь счелъ достаточнымъ дать за ложу 100 рублей. Когда секретарь отдалъ отчетъ генералу, то этотъ узналъ о послѣдствіяхъ приношеній, дѣлаемыхъ г-жѣ Шевалье, и въ отчаяніи, что приложеніе его ей такъ ничтожно, поспѣшилъ къ ювелиру, купилъ у него брилліантовъ на 1200 рублей, и послалъ ихъ съ г. Прюдомомъ къ г-жѣ Шевалье. Удивленная такимъ неожиданнымъ подаркомъ, г-жѣ Шевалье выразила генералу свою живѣйшую признательность и подарила секретарю билетъ въ кресла, пригласивъ къ себѣ на чай Корсакова, который долженъ былъ встрѣтиться у ней съ Кутайсовымъ. По прошествіи восьми или десяти дней, императоръ сдѣлалъ Корсакова командиромъ одного изъ полковъ въ Петербургѣ.

Сынъ Кутайсова женился на одной русской княжнѣ, наслѣдницѣ огромнаго состоянія, а самые знатные женихи въ Россіи добиваются чести жениться на его дочери.

X.

Замѣтка объ императорѣ Павлѣ.—Его наружность и характеръ.—Образъ его дѣйствій въ отношеніи иностранныхъ дипломатовъ.—Клеветы на него автора «Секретныхъ Записокъ» о Россіи. — Опроверженіе этихъ клеветъ Жоржелемъ.—Его недостатки и хорошія качества. —Образъ его жизни.— Дѣлаемые имъ пріемы. — Княжна Лопухина и князь Гагаринъ. — Празднество у графа Шереметева.—Объясненія причинъ его строгости. — Ценвура. — Ея безсиліе. — Отъѣздъ Жоржеля изъ Петербурга.

Объ императорѣ Павлѣ, кромѣ разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ книги Жоржеля свѣдѣній, встрѣчается еще слѣдующій очеркъ.

Павелъ не большого роста, лицо его, съ приплюснутымъ носомъ, не отличается пріятностію, но его походка, его взглядъ, огонь его глазъ внушаютъ уваженіе и обнаруживаютъ рѣшительный характеръ; все дрожитъ подъ его скипетромъ и при дворѣ, и на необъятномъ пространствѣ его имперіи.

Я не знаю — продолжаетъ Жоржель, отличается ли Павелъ, какъ правитель, геніальностію, но ему нельзя отказать въ отличительныхъ качествахъ: его порывистый, рѣзкій и самовластный характеръ составляетъ одинъ изъ его недостатковъ, онъ не любитъ разсужденій, которыя противорѣчили бы его волѣ, однако нѣсколько разъ онъ отказывался отъ своего мнѣнія и сознавался въ своей ошибкѣ. Первые порывы гнѣва Павла бываютъ обыкновенно чрезвычайно сильны; въ эти минуты онъ за пустую вину подвергаетъ безчестію самыхъ заслуженныхъ своихъ подданныхъ. Его образъ дѣйствій какъ въ политикѣ, такъ и въ государственномъ управленіи, представляетъ такую непослѣдовательность, какую нельзя предположить при глубокомъ взглядѣ на дѣла и при хорошо-обуманныхъ планахъ.

Въ особенности же должно удивлять его надменное, повелительное и деспотическое обращеніе въ отношеніи государей. Дурное обращеніе съ посланникомъ составляетъ, безъ всякаго сомнѣнія, пренебреженіе требованій международнаго права. Понятенъ бываетъ разрывъ съ такимъ дворомъ, который даетъ поводъ жаловаться на его поступки, но пока разрывъ не произошелъ и посланникъ не удалился, особа этого послѣдняго считается священной. Между тѣмъ, мы видѣли,

говоритъ Жоржель, что графъ Кобенцель, чрезвычайный посланникъ императора и короля, былъ изгнанъ отъ двора Павла I и подвергся такой явной немилости, что оставался въ Петербугѣ, отчужденный отъ всѣхъ, такъ какъ никто не могъ ни видѣть его, ни разговаривать съ нимъ, ни принимать его къ себѣ, изъ опасенія подвергнуться за это внезапной ссылкѣ. Кавалеръ Вильвортъ, англійскій министръ, человѣкъ почтенный во всѣхъ отношеніяхъ, испыталъ такія стѣсненія и неудовольствія, что вынужденъ былъ просить о своемъ отзывѣ. Извѣстно, что при петербургскомъ дворѣ въ отношеніи посланниковъ и министровъ иностранныхъ державъ не соблюдается вовсе того уваженія, какое выражалось имъ въ Версали и въ Вѣнѣ.

Одинъ изъ недовольныхъ, въ книгѣ своей подъ заглавіемъ «Memoires secrètes sur la Russie» излилъ желчь и ядъ злословія на жизнь и поступки Павла I. Я согласенъ,— разсуждаетъ аббатъ Жоржель,— что перо безпристрастнаго историка не должно скрывать недостатковъ и пороковъ государей, особенно если тѣ и другіе вліяли на судьбу народовъ. Быть можетъ, единственное даже средство для того, чтобъ сдержать чрезмѣрную ихъ власть — еще при жизни ихъ, призывать ихъ на судъ потомства. Но злоупотреблять своимъ талантомъ въ отмщеніе за преслѣдованіе, хотя бы и несправедливое, брать на свою кисть только темныя краски, опозорить славу и царствованіе государя, который, не смотря на свои недостатки, всетаки составлялъ эпоху своего вѣка—это значитъ ничто иное какъ оскорблять общественное мнѣніе и унижать достоинство исторіи. У кого не бываетъ своихъ недостатковъ? Безъ сомнѣнія, и Павелъ имѣлъ ихъ. Онъ, повидимому, не любилъ изъ чистаго удовольствія ни наукъ, ни искусствъ, но его всецѣло занимала наука правленія и искусство довести свое могущество до крайнихъ предѣловъ. Воздержанный и въ пищѣ, и въ удовольствіяхъ, скромный въ своей одеждѣ, онъ выказывалъ роскошь и великолѣпіе только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ его императорскій санъ долженъ былъ показать себя во всемъ своемъ блескѣ. Если деспотизмъ его воли, иногда перемѣнчивой и причудливой, если порывы его гнѣва, походившіе на припадки безумія, заслуживаютъ справедливыхъ и строгихъ укоровъ, то укоры эти должны быть

смягчены въ виду его блестящихъ качествъ. Павелъ, который получилъ весьма тщательное образованіе, обладаетъ такими свѣдѣніями, которыя даютъ ему возможность судить правильно о людяхъ и о примѣненіи ихъ способностей. Въ кругу людей близкихъ онъ отличается любезностію и увлекательностію своихъ разговоровъ. Я читалъ, говоритъ Жоржель, его собственно-ручныя письма, въ которыхъ умъ, руководимый правильностію сужденій, отличался тѣмъ тономъ и тою опредѣленностію, которые должны быть свойственны высокимъ особамъ.

Павелъ встаетъ каждый день въ пять часовъ утра. Министръ полиціи и командующій войсками, расположенными въ Петербургѣ, одинъ за другимъ входятъ въ его кабинетъ для представленія ему рапортовъ; въ восемь часовъ онъ отправляется на парадъ, гдѣ занимается обученіемъ нѣсколькихъ баталіоновъ своей гвардіи, или тѣхъ полковъ, которые стоятъ гарнизономъ въ столицѣ; въ десять часовъ онъ идетъ въ церковь. По окончаніи обѣдни, онъ, верхомъ или въ коляскѣ, отправляется осматривать военные посты для того, чтобы самому судить объ исправности офицеровъ. Отсюда онъ ѣдетъ осматривать работы по постройкѣ новыхъ казармъ, такъ какъ онъ заботится о томъ, чтобы и офицеры, и солдаты были хорошо помѣщены. По возвращеніи онъ обѣдаетъ, и послѣ обѣда прогуливается въ коляскѣ. Возвратившись во дворецъ около трехъ или четырехъ часовъ, онъ призываетъ къ себѣ въ кабинетъ министровъ, генераловъ и вообще тѣхъ лицъ, съ которыми желаетъ заниматься государственными дѣлами или говорить объ этихъ дѣлахъ. Около шести часовъ онъ идетъ къ императрицѣ, гдѣ собираются особы, допущенныя въ ея близкій кружокъ. Когда бываетъ представленіе, то карточной игры не бываетъ. Спектакль начинается обыкновенно въ шесть часовъ, и на него бываютъ иногда приглашаемы иностранные министры и посланники, а также вельможи и дамы, незанятые придворною службою. Вотъ ежедневный образъ жизни Павла; ея однообразное теченіе прерывается празднествами и большими военными маневрами.

Аббатъ Жоржель говорилъ о пріемахъ, бывшихъ у Павла, и въ дополненіе къ этому онъ сообщаетъ еще слѣдующее:

При петербургскомъ дворѣ заведенъ обычай, который долженъ не нравиться посланникамъ иностранныхъ державъ: когда оберъ-церемонимейстеръ извѣститъ ихъ, что въ воскресенье или въ большой праздникъ назначается при дворѣ выходъ, то они въ 11-ть часовъ отправляются въ большую дворцовую залу. Здѣсь русскіе сановники и министры становятся по правой сторонѣ, а иностранные министры располагаются по лѣвой. Императоръ, отправляясь съ императрицей и своимъ семействомъ къ обѣднѣ, проходитъ между этихъ двухъ рядовъ. Если же онъ возвращается обратно, то обыкновенно обращается съ нѣсколькими словами къ иностраннымъ министрамъ. Если же не возвращается, то это значитъ, что пріемъ окончился и всѣ разъѣзжаются. Во время шестимѣсячнаго моего пребыванія, продолжаетъ Жоржель, его величество не возвращался только однажды. Намъ объяснили причину этого: когда Павелъ I недоволенъ какимъ нибудь иностраннымъ дворомъ, то онъ нейдетъ обратно, такъ какъ не можетъ скрыть своего неудовольствія противъ представителя такого двора. Когда же онъ желаетъ оказать кому либо свое вниманіе изъ представляющихся ему, то, въ случаѣ невозвращенія императора черезъ залу, его приглашаютъ въ государевъ кабинетъ. При Екатеринѣ II были торжественные пріемы и собранія, въ которыя допускались иностранные министры. При Павлѣ такихъ собраній при дворѣ не бываетъ, и только иногда допускаются они въ загородной его резиденціи.

Во время нашего пребыванія, разсказываетъ Жоржель, императору понравилась княжна Лопухина: она молода, умна и довольно хороша собою. Утверждали, впрочемъ, что она была не болѣе, какъ его другъ, такъ какъ было извѣстно, что она открылась императору о своей любви къ князю Гагарину, который хотѣлъ жениться на ней. Павелъ согласился на этотъ бракъ, и свадьба была отпразднована при дворѣ съ большимъ торжествомъ. Императоръ подарилъ невѣстѣ прекрасный домъ, великолѣпно омеблированный. Оберъ-камергеръ графъ Шереметевъ, родственникъ молодой, далъ роскошный праздникъ, стоившій сто тысячъ рублей. На этомъ празднествѣ столъ, назначенный для императора, былъ убранъ золотою посудою; на двухъ другихъ столахъ, накрытыхъ

на 50-ть кувертовъ, была соребряная вызолоченная посуда и, наконецъ, еще на двухъ другихъ, накрытыхъ на столько же кувертовъ, была серебряная посуда. Длинная анфилада комнатъ была убрана съ азіатскою роскошью, примѣненною къ европейскому вкусу, и представляла все, что̀ только искусство можетъ сдѣлать рѣдкаго изъ брилліантовъ и драгоцѣнныхъ камней.

Нѣкоторые русскіе вельможи, хорошо знавшіе внутреннее настроеніе Павла, увѣряли аббата Жоржеля, что этотъ могущественный и самовластный государь до такой степени находился подъ вліяніемъ боязни, что рѣшился господствовать при помощи страха. Этой боязни, говорили они, слѣдуетъ приписать тѣ чрезвычайныя мѣры, которыя менѣе свѣдущіе люди относили одни къ умственному разстройству, другіе къ болѣзненному состоянію, происходившему отъ прилива слизей, подъ вліяніемъ чего онъ дѣйствовалъ противъ своей воли. Болѣзнь эта возбуждалась то опасеніемъ заговоровъ, составляемыхъ для низверженія его съ престола, то тайнымъ проникновеніемъ въ его владѣнія иллюминатизма и якобинизма, этой язвы, которая опаснѣе всѣхъ бѣдствій, ниспосылаемыхъ на насъ небомъ. Если это справедливо, то понятно, почему Павелъ съ такою заботливостію слѣдилъ за тѣмъ, чтобы въ его дворцѣ и даже въ его семействѣ не было безъ его личнаго присутствія никакихъ собраній.

Неудивительны поэтому, продолжаетъ Жоржель, тѣ крайнія предосторожности и тѣ строгія, безпрестанно возобновляемыя распоряженія съ цѣлью воспрепятствовать какъ пріѣзду, такъ и выѣзду каждаго иностранца, безъ особеннаго собственноручнаго разрѣшенія, даннаго императоромъ, а также съ цѣлью удержать распространеніе книгъ и музыки, и воспрепятствовать привозу чего бы то ни было изъ Франціи, а также и того, что̀ производится на мануфактурахъ и въ мастерскихъ этой развращенной страны. Всѣ иностранныя газеты запрещены, а тѣ, которыя получаются иностранными министрами, подвергаются самой строгой цензурѣ. Ихъ истребляютъ, если они заключаютъ въ себѣ такія извѣсттія, распространеніе которыхъ было бы не желательно, или вытираютъ въ нихъ то, что̀ не должно быть прочитано. Несмотря, однако, на эти благоразумныя и спа-

сительныя мѣры, якобинизмъ нашелъ средство проникнуть въ самые знатные дома, а иллюминатизмъ достигъ ступеней трона и вкрался въ кабинеты министровъ. Всѣ, которые заражены этимъ ядомъ, представляются съ виду рьяными врагами этихъ двухъ разрушительныхъ сектъ. Они знаютъ, что если бы они были открыты, то гроза со стороны императора разразилась бы надъ ними, несмотря на ихъ санъ и на ихъ дарованія.

Въ концѣ мая 1800 года, послѣ того какъ императоръ далъ своимъ войскамъ и своей эскадрѣ, находившимся въ Средиземномъ морѣ, повелѣніе отдѣлиться отъ англичанъ и оставить Мальту, онъ сообщилъ нѣмецкой депутаціи мальтійскаго ордена, что нѣтъ никакой задержки къ ея отъѣзду. Вслѣдствіе этого великій балльи, баронъ Пфюрдтъ, и командоръ, баронъ Баденъ, были приглашены въ кабинетъ императора—первый для того, чтобы въ качествѣ министра принести присягу, а послѣдній—чтобъ получить орденскіе знаки высшей степени.

Послѣ этого, а также послѣ троекратной публикаціи въ газетахъ о выѣздѣ изъ Петербурга, депутаты получили паспорты и подорожную и затѣмъ выѣхали, въ сопровожденіи аббата Жорженя, изъ Петербурга.

ГЕНЕРАЛЪ МОРО ВЪ РУССКОЙ СЛУЖБѢ.

(1813 г.)

Безъ всякаго сомнѣнія, ни въ одномъ европейскомъ государствѣ не было столько военно-начальниковъ изъ чужеземцевъ, сколько было ихъ со времени Петра Великаго у насъ, въ Россіи. Такъ, напримѣръ, въ теченіе ста семидесяти восьми лѣтъ, т. е. со введенія въ нашемъ войскѣ званія генералъ-фельдмаршала, было 34 природныхъ русскихъ и 17 лицъ нерусскаго происхожденія, носившихъ это высшее военное званіе, не включая въ число упомянутыхъ лицъ такихъ иностранныхъ принцевъ и знаменитыхъ полководцевъ, которымъ генералъ-фельдмаршалскій чинъ былъ предоставляемъ только въ видѣ почетнаго отличія. Такимъ образомъ, круглымъ числомъ приходится у насъ на каждое десятилѣтіе по одному генералъ-фельдмаршалу не изъ природныхъ русскихъ. Кромѣ ихъ, огромное число нѣмцевъ, не только изъ прибалтійскихъ областей, подвластныхъ Россіи, но и изъ Германіи, постоянно занимали у насъ высшія военныя должности. Послѣ нѣмцевъ, по своей — но уже далеко не такой значительной — численности, слѣдовали въ этомъ случаѣ французы. Особенно замѣчательный приливъ ихъ былъ во время императора Павла Петровича, когда, вслѣдствіе французской революціи, роялисты удалились изъ Франціи, преимущественно въ Россію, гдѣ и находили самый радушный пріемъ при русскомъ дворѣ. Многіе изъ этихъ эмигран-

товъ оставались въ нашей службѣ и при императорѣ Александрѣ Павловичѣ, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, генералы — графъ Ланжеронъ, графъ Ламбертъ, графъ Сенъ-При и Довре, начальникъ штаба въ корпусѣ графа Виттенштейна, пріобрѣли себѣ большую извѣстность, сражаясь съ своими соотечественниками во время войнъ Россіи съ Наполеономъ, а одинъ изъ французскихъ эмигрантовъ, герцогъ Ришлье, впослѣдствіи новороссійскій генералъ-губернаторъ, былъ весьма замѣтнымъ сподвижникомъ Суворова въ войнѣ противъ турокъ.

Кромѣ представителей старинной монархической Франціи, въ русской арміи явился еще одинъ изъ самыхъ видныхъ военноначальниковъ французской республики, въ лицѣ генерала Моро. Присутствію его въ русской арміи придавали особое значеніе, какъ вслѣдствіе пріобрѣтенной имъ боевой извѣстности, такъ въ особенности потому, что онъ, бывши нѣкогда сотоварищемъ императора Наполеона подъ французскими знаменами, пріѣхалъ изъ своего далекаго изгнанія въ Европу для того, чтобы принять дѣятельное участіе въ борьбѣ русскаго государя «съ могучимъ баловнемъ побѣдъ». Но если та сторона, къ которой, по ненависти своей къ Наполеону, примкнулъ Моро, считала его самоотверженнымъ героемъ, то другая, противная сторона, смотрѣла на Моро, какъ на измѣнника, выступившаго противъ своего отечества и притомъ въ такую пору, когда французская армія, претерпѣвъ страшное пораженіе въ Россіи, должна была бороться съ наступавшими на нее сильными союзниками. Смотря съ этой точки зрѣнія на поступокъ Моро, нельзя видѣть въ немъ истиннаго патріота, но онъ, въ оправданіе свое, приводилъ особые и, по его мнѣнію, какъ нельзя болѣе уважительные доводы. Съ своей стороны, мы для справедливой оцѣнки личности Моро представимъ сперва самый сжатый очеркъ его жизни, а потомъ разскажемъ о тѣхъ обстоятельствахъ, которыми сопровождался его пріѣздъ въ главную квартиру императора Александра Павловича.

Жанъ-Викторъ Моро принадлежитъ къ числу тѣхъ быстро возвысившихся генераловъ французской республики, изъ которыхъ многіе впослѣдствіи такъ неожиданно попали не только въ среду владѣтельныхъ князей и герцоговъ, но даже

Генералъ [illegible]

[illegible]

... и ... тербургѣ ...
... какъ, ...
... графъ ...
... въ ... графъ ...
... Россіи ...
... генералъ-губер...
... Суворовъ ...

... монархическій Франціи, ...
... одинъ ...
... республики, въ лицѣ ...
... въ русской арміи ...
... побѣдителей ...
... тому, что ...
... Наполеона ...
... не ...
... участие въ борьбѣ ...
... былымъ ...
... которая, ... сной ...
... Моро, ... самоотверженнымъ ...
... противника ... смотрѣла ...
... противъ своего ...
... французская армія ...
... Россіи, ...
... сильными ...
... точки ... на поступокъ Моро, ...
... его ..., но онъ, въ оправда...
... но его ..., какъ ...
... своей стороны, мы ...
... Моро представимъ ...
... а потомъ разскажемъ ...
... сопровождался ...
... тора Александра Павловича ...
... принадлежалъ къ числу ...
... французской республики ...
... такъ неожиданно ...
... среду владѣтельныхъ князей и герцоговъ, но даже

Генералъ Моро.

Съ современнаго гравированнаго портрета.

сдѣлались королями. Онъ былъ по происхожденію бретонецъ, родился 11 августа н. ст. 1763 года, въ мѣстечкѣ Морле. Отецъ его, адвокатъ, былъ человѣкъ богатый и предназначалъ сына къ тому же званію, которое онъ самъ носилъ. Занятія адвокатурою противорѣчили, однако, врожденнымъ наклонностямъ Моро, и онъ, семнадцатилѣтнимъ юношею, вопреки родительской волѣ, опредѣлился въ военную службу рядовымъ. Отецъ Моро, недовольный этимъ, освободилъ сына изъ военной службы и засадилъ его снова за юриспруденцію. Но когда, въ 1789 году, началась революція, Моро сбросилъ адвокатскую тогу и былъ назначенъ командиромъ баталіона волонтеровъ, составленнаго преимущественно изъ студентовъ и входившаго въ составъ сѣверной арміи. Въ 1792 году, Моро заявилъ себя ревностнымъ приверженцемъ республики, но революціонная его дѣятельность вскорѣ прекратилась, такъ какъ онъ долженъ былъ отправиться съ своимъ баталіономъ въ Голландію, гдѣ имѣлъ случай выказать свою храбрость и свою распорядительность. Въ 1793 году, онъ былъ уже дивизіоннымъ генераломъ и, овладѣвъ во Фландріи нѣсколькими крѣпостями, замѣтно выдвинулся впередъ среди тогдашнихъ французскихъ генераловъ.

Въ то время, когда Моро съ такимъ усердіемъ служилъ только-что возникшей республикѣ, ея крайніе сторонники отсѣкли на эшафотѣ голову его отцу, обвинивъ его въ измѣнѣ отечеству. Несмотря на это ужасное событіе, Моро не измѣнилъ своихъ республиканскихъ убѣжденій и продолжалъ успѣшно воевать подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ Франціи. Онъ нашелъ себѣ сильнаго покровителя въ генералѣ Пишегрю, принявшемъ главное начальство надъ всѣми французскими арміями, дѣйствовавшими на сѣверѣ и на востокѣ. Благодаря этому покровительству, онъ былъ сдѣланъ командующимъ сѣверною арміею, а вскорѣ послѣ того, въ 1796 году, занялъ мѣсто Пишегрю. Моро долженъ былъ дѣйствовать теперь за Рейномъ, противъ австрійцевъ, но въ этомъ походѣ онъ велъ дѣла не слишкомъ удачно, такъ какъ принужденъ былъ отступить за Рейнъ. Несмотря, однако, на эту неудачу, слава Моро, какъ полководца, не померкла, потому что, по отзыву современныхъ знатоковъ военнаго дѣла, отступленіе его было однимъ изъ самыхъ замѣчатель-

нѣйшихъ стратегическихъ движеній, когда-либо исполненныхъ. Въ добавокъ къ этому, онъ при своемъ отступленіи разбилъ австрійцевъ при Биберахѣ, отважно прошелъ черезъ тѣснины Шварцвальдскихъ горъ и чрезвычайно искусно сосредоточилъ свою разсѣянную и растянутую армію при Фрейбургѣ.

Директорія цѣнила, однако, не стратегическія способности генерала Моро, но только пріобрѣтенные имъ результаты, а такъ какъ они не сопровождались окончательнымъ пораженіемъ австрійцевъ и, въ концѣ-концовъ, сводились къ обратному переходу за Рейнъ, безъ всякихъ завоеваній, то Моро, встрѣтивъ изъявленіе неудовольствія со стороны республиканскаго правительства, привыкшаго уже къ блестящимъ побѣдамъ, долженъ былъ выйти въ отставку.

Въ 1798 году, Моро былъ приглашенъ снова на службу республикѣ, и въ слѣдующемъ году отправился въ сѣверную Италію, для начальствованія надъ тамошнею французскою арміею. Но едва онъ прибылъ туда, какъ получилъ приказаніе отправиться на Рейнъ. Однако, прежде чѣмъ онъ поѣхалъ къ мѣсту своего новаго назначенія, французамъ привелось сражаться при Нови съ русско-австрійскою арміею, бывшею подъ начальствомъ Суворова. Такъ какъ почти при самомъ началѣ сраженія при Нови, происходившаго 4 — 15 августа 1799 года, главнокомандующій французскою арміею генералъ Жуберъ былъ убитъ, то Моро заступилъ его мѣсто. Моро блестящимъ образомъ участвовалъ въ этой битвѣ: онъ не только шелъ на встрѣчу опасностямъ, но подъ нимъ убито три лошади, и самъ онъ былъ раненъ въ плечо. Подъ Нови Суворовъ сильно помялъ французовъ, хотя точно такъ же сильно досталось и союзникамъ: съ обѣихъ сторонъ уронъ былъ почти равенъ. Послѣ этой битвы враждующія арміи разошлись въ разныя стороны, а Моро успѣлъ, между тѣмъ, обезпечить отступленіе французовъ къ Генуѣ.

Битва при Нови была единственною битвою, въ которой генералу Моро пришлось сражаться съ русскими и притомъ имѣть противъ себя такого прославленнаго полководца, какимъ считался Суворовъ.

Впослѣдствіи Моро очень часто вспоминалъ о битвѣ при Нови и вообще любилъ говорить о Суворовѣ, хотя и осуж-

далъ его тактику съ большою строгостію. Живя въ Америкѣ, онъ началъ было писать критическій разборъ дѣйствій русскаго полководца во время его похода въ Италію, но, къ сожалѣнію, рукопись Моро пропала при пожарѣ, бывшемъ въ его домѣ. Съ своей стороны, Суворовъ, уважая Моро, называлъ его «генераломъ славныхъ ретирадъ».

— Онъ меня, сѣдого старика, понимаетъ — говаривалъ Суворовъ о своемъ противникѣ, — но я понимаю его еще больше. Горжусь, впрочемъ, что́ имѣю дѣло съ славнымъ человѣкомъ.

Въ то время, когда Моро изъ Италіи пріѣхалъ въ Парижъ, тамъ политическія страсти сильно волновались, и директорія, опасавшаяся непріязненныхъ ей партій, искала опоры въ Моро. Но онъ сталъ на сторону врага директоріи, генерала Бонапарте, который, произведя переворотъ 18 брюммера, сдѣлался первымъ консуломъ и ввѣрилъ своему пособнику, Моро, начальство надъ рейнскою арміею, назначенною для войны съ Германіею и Австріею. Въ этомъ походѣ Моро прославился побѣдою надъ австрійцами при Гогенлинденѣ, послѣдствіемъ которой было заключеніе въ Люневилѣ мира, чрезвычайно выгоднаго для Франціи.

Послѣ этого Моро женился на дѣвушкѣ богатой и высокомѣрной, проявившей, между прочимъ, большую склонность къ политическимъ интрагамъ. Вліянію молодой супруги генерала приписываютъ его разладъ съ Бонапарте. Когда этотъ послѣдній былъ провозглашенъ пожизненнымъ консуломъ, Моро перешелъ на сторону его противниковъ. Такое непріязненное отношеніе Моро къ Бонапарте объясняютъ стойкостью его республиканскихъ убѣжденій, и при этомъ замѣчаютъ, что чѣмъ болѣе первый консулъ установлялъ около себя монархическія формы, тѣмъ болѣе, въ отпоръ ему, Моро дѣлался республиканцемъ. Какія бы, впрочемъ, ни были поводы къ раздору обоихъ прославившихся полководцевъ, дѣло, однако, кончилось не въ пользу Моро. Послѣ провозглашенія Бонапарте императоромъ французовъ, Моро былъ замѣшанъ въ заговорѣ, составленномъ противъ Наполеона генераломъ Пишегрю и Жоржемъ Кадудалемъ. Онъ отсидѣлъ три мѣсяца въ Тамплѣ, былъ обвиненъ въ злоумышленіяхъ противъ правительства и приговоренъ къ двухлѣтнему заклю-

ченію въ тюрьмѣ. Императоръ, однако, смягчилъ, или, лучше сказать, измѣнилъ судебный приговоръ, постановленный надъ Моро, разрѣшивъ ему, безъ исполненія надъ нимъ этого приговора, удалиться въ Америку. Вмѣстѣ съ тѣмъ Наполеонъ нанесъ ему весьма чувствительный ударъ, заставивъ Моро заплатить 1.000,000 франковъ судебныхъ издержекъ по процессу, который вело противъ него фрацузское правительство. Уплата такой огромной суммы хотя и сильно подорвала весьма значительное состояніе Моро, но все же у него и послѣ этого остались такія денежныя средства, что онъ могъ жить не только независимо, но даже и въ полномъ довольствѣ.

Извѣстный въ старое время литераторъ и первый редакторъ-издатель журнала «Отечественныя Записки», Павелъ Петровичъ Свиньинъ, въ изданной имъ въ 1819 году книжкѣ подъ заглавіемъ: «Опытъ живописнаго путешествія по Америкѣ» разсказываетъ, что Бонапарте подсылалъ въ Тампль къ обвиненному Моро довѣренное лицо, намѣреваясь чрезъ посредство этого лица начать съ своимъ противникомъ переговоры о примиреніи, но что Моро уклонился отъ этого. Далѣе Свиньинъ передаетъ, что офицеръ, сопровождавшій изгнанника до границы Испаніи, заявилъ ему, что, если онъ желаетъ писать къ императору Напелеону, то можетъ дожидаться на французско-испанской границѣ скораго и благопріятнаго отвѣта на свое письмо. На таковое предложеніе, прямо вызывавшее Моро къ миролюбивой сдѣлкѣ съ главою Франціи, онъ отвѣчалъ, что не только не хочетъ писать къ тому, кого офицеръ называетъ императоромъ, но даже не желаетъ имѣть съ нимъ никакихъ сношеній.

Въ партіи, противной Наполеону, удаленіе Моро въ Америку возбудило сильное сожалѣніе къ нему и громкое негодованіе противъ императора. Приверженцы Моро, обратившись къ примѣрамъ исторіи, начали называть его Велизаріемъ новѣйшихъ временъ, приравнивая его такимъ образомъ къ знаменитому византійскому полководцу, ослѣпленному и изгнанному безъ всякой вины изъ его отечества неблагодарнымъ и жестокимъ императоромъ Юстиніаномъ.

По поводу переселенія Моро въ Сѣверо-Американскіе Штаты, Свиньинъ пишетъ: «Сколько между таковыхъ, кои удалились изъ Европы отъ преслѣдованія за различіе въ

политическихъ мнѣніяхъ, сдѣлались въ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ полезнѣйшими гражданами, способствуя болѣе другихъ къ возвышенію и прославленію своего новаго отечества. Ужасы деспотизма Бонапарте — продолжаетъ Свиньинъ — доставляли землѣ сей много людей великихъ талантовъ и изъ числа послѣднихъ жертвъ несчастья былъ любопытнѣе всѣхъ генералъ Моро».

Свиньинъ писалъ это уже послѣ смерти Моро: Нельзя, конечно, сказать, въ какой степени могло повліять на Свиньина — писателя, впрочемъ, весьма добросовѣстнаго — какъ личныя его весьма близкія отношенія къ Моро, такъ и переходъ его на сторону Россіи. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но Свиньинъ осыпаетъ Моро величайшими похвалами. Онъ хвалитъ его открытый и благородный характеръ, пріятное и откровенное обращеніе, отличныя качества, «кои — по словамъ Свиньина — каждаго, разсматривавшаго его посреди его семейства, заставляли думать, что онъ всю жизнь свою посвятилъ единственно исполненію семейныхъ обязанностей. При видѣ его — говоритъ далѣе Свиньинъ — всякій изумлялся соединенію чрезвычайной простоты съ чрезмѣрною славою. Сосѣди его называли не иначе, какъ «добрый Моро». Къ этому Свиньинъ прибавляетъ, что Моро, при своемъ замѣчательномъ умѣ, былъ чрезвычайно начитанъ. Свиньинъ отвергаетъ въ немъ чувства властолюбія и честолюбія, замѣчая, что Моро два раза могъ сдѣлаться главою Франціи, но изъ скромности и, чуждаясь властолюбія, уклонился отъ этого, а потомъ самъ сдѣлался жертвою зависти деспота.

Моро прибылъ въ Америку одинъ, безъ жены и дѣтей; тамъ онъ прежде всего объѣхалъ значительную часть штатовъ, а затѣмъ возвратился въ Филадельфію. Послѣ этого путешествія онъ купилъ себѣ небольшое, но хорошо устроенное имѣніе, называвшееся Морисвиль, лежавшее въ живописной мѣстности, у подошвъ утесовъ, окружающихъ рѣку Делаваръ, въ разстояніи 50 миль отъ Нью-Іорка и 30 отъ Филадельфіи.

Здѣсь поселился Моро мирнымъ гражданиномъ. Любимыми его занятіями были чтеніе и охота, которую онъ предпринималъ, смѣло бродя по непроходимымъ дебрямъ делаварскихъ лѣсовъ. Вскорѣ къ Моро пріѣхали изъ Европы жена

съ сыномъ и дочерью, но, спустя нѣсколько времени, сынъ умеръ. Моро жилъ въ своемъ помѣстьѣ открыто и гостепріимно. Въ домѣ его собирались люди всѣхъ партій и убѣжденій и вели политическія бесѣды. Моро, однако, рѣдко вмѣшивался въ эти бесѣды, и если принималъ въ нихъ участіе, то разговоръ его замѣтно клонился къ тому, чтобы устранить всякое воспоминаніе о своемъ прошедшемъ и заставить другихъ забыть объ этомъ. Въ Морисвиль, по разсказамъ Свиньина, нерѣдко пріѣзжали государственные люди Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, для совѣщаній съ Моро, какъ съ политическимъ оракуломъ, но онъ постоянно уклонялся отъ такихъ совѣщаній, чуждаясь всего, что̀ отзывалось политикою.

Въ то время, когда Моро, забытый не только въ Европѣ, но и во Франціи, жилъ спокойно въ Морисвилѣ, противникъ его, императоръ Наполеонъ, шелъ отъ побѣды къ побѣдѣ и все болѣе и болѣе достигалъ вершины своего могущества. Успѣхи и слава Наполеона сильно раздражали Моро, и онъ, отклонивъ нѣсколько сдѣланныхъ ему предложеній — вступить въ иностранную военную службу, жилъ въ своемъ помѣстьѣ, ожидая того времени, когда государственный, направленный противъ Наполеона переворотъ дастъ ему возможность возвратиться въ отечество и снова воевать подъ родными знаменами. Долго, однако, не сбывались ожиданія Моро, и онъ уже около восьми лѣтъ прожилъ безвыѣздно въ Америкѣ. Неудачный конецъ похода, предпринятаго Наполеономъ въ 1812 году противъ Россіи, оживилъ въ Моро надежды на скорое окончаніе его долголѣтняго изгнанія. Онъ думалъ, что теперь, когда Франція раздражена противъ своего владыки и съ нетерпѣніемъ ждетъ его паденія, наступила благопріятная пора для того, чтобъ дѣйствовать противъ своего врага, и съ этою цѣлью онъ началъ составлять планъ своего возвращенія въ Европу.

Весьма дѣятельною помощницею въ этомъ случаѣ была его жена. Подъ благовиднымъ предлогомъ, что климатъ Америки чрезвычайно вреденъ ея крайне разстроенному здоровью, она отправилась изъ Америки во Францію, куда, однако, по повелѣнію Наполеона, не была допущена. Не смотря на эту неудачу, она сдѣлала вторую попытку проникнуть во Фран-

цію, и ей на этотъ разъ посчастливилось; но вскорѣ она была арестована въ Бордо, гдѣ и обязана была оставаться, состоя подъ бдительнымъ полицейскимъ надзоромъ.

Въ то время, когда Моро жилъ въ Америкѣ, русскимъ посланникомъ при сѣверо-американскомъ правительствѣ былъ Андрей Яковлевичъ Дашковъ. При отъѣздѣ госпожи Моро въ Европу, онъ далъ ей отъ себя письмо къ государственному канцлеру, графу Н. П. Румянцеву, и надобно полагать, что съ этого письма начались переговоры о вступленіи Моро въ русскую службу. При тогдашнемъ русскомъ посольствѣ въ Америкѣ состоялъ въ числѣ дипломатическихъ чиновниковъ упоминаемый нами П. П. Свиньинъ, который и сдѣлался главнымъ посредникомъ между Дашковымъ и Моро.

Изъ писемъ Моро къ Дашкову достаточно виденъ весь ходъ этого дѣла *).

Свиньинъ разсказываетъ, что Моро, потерявъ наконецъ всякую надежду на то, что сама Франція съумѣетъ спасти себя отъ угнетавшаго ее «тирана», рѣшился принять предложеніе державы, которая вступила въ рѣшительную борьбу съ поработителемъ не только Франціи, но и всей Европы. Вслѣдствіе этого Моро принялъ предложеніе императора Александра Павловича вступить въ русскую службу и началъ готовиться къ отъѣзду изъ Америки, желая какъ можно скорѣе поспѣть на мѣсто военныхъ дѣйствій въ Европѣ.

При осуществленіи этого намѣренія встрѣтилось однако немалое затрудненіе. Наконецъ, госпожа Моро въ аллегорической формѣ увѣдомила своего мужа о возможности пріѣхать въ Европу, но выбраться безопасно изъ Америки и проѣхать Атлантическій океанъ было не совсѣмъ легко. Въ Соединенныхъ Штатахъ тайные агенты Наполеона зорко слѣдили за Моро, съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же по его выѣздѣ оттуда или задержать его силою на пути въ открытомъ морѣ, или заблаговременно, еще до его отѣзда, увѣдомить объ этомъ французское правительство, дабы можно было сторожить появленіе Моро на берегахъ Европы.

Рѣшившись отправиться прямо изъ Америки къ союзной

*) Письма эти обязательно сообщены намъ внукомъ Андрея Яковлевича Дашкова, Павломъ Яковлевичемъ Дашковымъ, которому и приносимъ нашу искреннюю благодарность.

арміи, Моро, для безопаснаго проѣзда туда, началъ хлопотать черезъ Андрея Яковлевича Дашкова о полученіи англійскаго паспорта, охранявшаго и тогда, какъ и теперь, его предъявителя болѣе нежели паспорты, выданные отъ имени какихъ либо-другихъ европейскихъ правительствъ.

Въ запискѣ, посланной къ Дашкову отъ третьяго лица и безъ всякой подписи, Моро сообщалъ, что необходимо сколь возможно скорѣе добыть паспортъ на имя Джона Каро, уроженца штата Луизіаны, 48 лѣтъ отъ роду, 5 футовъ и 9 дюймовъ роста, имѣющаго голубые глаза и т. д. Къ этому онъ прибавилъ, что такой же точно паспортъ нужно достать и отъ англійскаго адмирала Варрэна.

«Событія въ Европѣ,—писалъ въ этой запискѣ Моро—могутъ быть таковы, что придется ускорить отъѣздъ, не смотря даже на тѣ препятствія, какія встрѣчаются доселѣ.

«Экспедицію, о которой мы говорили сегодня утромъ — продолжалъ Моро въ своей запискѣ — и которую предполагалось направить въ Петербургъ или Архангельскъ, удобнѣе бы было направить въ Готтенбургъ, оттуда, переговоривъ предварительно съ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ (бывшимъ маршаломъ Бернадотомъ), легко уже будетъ пріѣхать въ Петербургъ».

«Безъ всякаго сомнѣнія, нужно дѣйствовать какъ можно скорѣе, чтобъ не терять времени» — добавлялъ Моро.

При запискѣ, о которой упоминается теперь, былъ, какъ видно изъ нея — приложенъ какой-то не дошедшій до насъ мемуаръ, который Моро предполагалъ дополнить нѣкоторыми частностями послѣ своего свиданія съ Дашковымъ. Подробности же эти касались собственно тѣхъ лицъ, которыя предлагали свое содѣйствіе императору Александру Павловичу противъ Наполеона и услугами которыхъ, по мнѣнію Моро, никакъ не слѣдовало пренебрегать.

Отъ 13 февраля 1813 года, Моро изъ Нью-Іорка извѣщалъ Дашкова, что распространившійся въ городѣ слухъ о смерти Бонопарте до сихъ поръ еще не подтвердился, но что во Франціи, во всякомъ случаѣ, происходитъ что-то необыкновенное, загадочное.

Моро казался чрезвычайно страннымъ 29 бюллетень Наполеона, предвѣщавшій, по его мнѣнію, измѣненіе прежней системы императорскаго правленія во Франціи. Въ особенности же озадачилъ его одинъ фактъ, лично къ нему относившійся и о которомъ онъ сообщалъ Дашкову, а именно:

Моро писалъ, что совершенно неожиданно женѣ его позволили остаться во Франціи, тогда какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ ей не разрѣшили пріѣхать въ Баррежъ для пользованія тамошними водами, не смотря на то, что врачи, состоявшіе на государственной французской службѣ, удостовѣрили о необходимости для госпожи Моро леченія этими водами.

Въ этомъ же письмѣ онъ пишетъ Дашкову слѣдующее:

«Мнѣ кажется, что Москва была камнемъ преткновенія, о который разбились всѣ смѣшныя и нелѣпыя притязанія. Урокъ, данный Карлу XII, долженъ былъ бы, повидимому, научить Бонапарте. Впрочемъ, какъ бы то ни было, но едвали когда нибудь было такъ строго наказано заблужденіе. Остается только оплакивать громадныя потери, принесенныя на жертву гигантскимъ и кровопролитнымъ предпріятіямъ».

«Миръ — продолжалъ Моро — долженъ быть желаніемъ всѣхъ благоразумныхъ людей; я впрочемъ не столько надѣюсь на то, что онъ будетъ, сколько желаю, чтобъ онъ былъ. Сколько возникнетъ притязаній, основанныхъ на мимолетныхъ завоеваніяхъ Франціи, которыя она не въ силахъ была удержать за собою, — такихъ притязаній, которыхъ нельзя удовлетворить миролюбивымъ способомъ, и въ виду этого нужно опасаться, что подобныя притязанія придется разрѣшать силою оружія. Русскій императоръ можетъ сдѣлать много въ этомъ случаѣ, но въ силахъ ли онъ исполнить то, что̀ внушаетъ ему его умѣренность. Вы знаете, что участь государей — быть обманываемыми».

Моро, какъ видно изъ его переписки съ Дашко̀вымъ, чрезвычайно усердно слѣдилъ изъ-далека за ходомъ событій въ Европѣ, но въ ту пору трудно было дѣлать это вообще и особенно въ Америкѣ, куда до Моро доходили слишкомъ запоздалыя извѣстія. Такъ, напримѣръ, онъ только въ началѣ марта 1813 года узналъ обстоятельно о томъ, что дѣлалось съ французскою арміею въ октябрѣ и ноябрѣ 1812 года, до того же времени онъ получалъ только неопредѣленныя и даже сбивчивыя извѣстія.

По поводу бѣдственнаго отступленія французовъ изъ Москвы Моро писалъ Дашко̀ву:

«Чрезвычайно прискорбно для человѣчества, что гнусный виновникъ всѣхъ этихъ несчастій спасся отъ бѣдствій, постигшихъ его армію. Онъ много еще можетъ надѣлать зла, такъ какъ еще чрезвычайно велико обаяніе его власти надъ слишкомъ слабыми и слишкомъ несчастными французами».

«Я не сомнѣваюсь нисколько, добавляетъ Моро, — что Бонапарте точно такъ же бѣжалъ отъ ярости своихъ солдатъ, какъ и отъ пикъ вашихъ казаковъ. Плѣнные французы въ Россіи должны быть ожесточены тѣмъ, что̀ случилось, и должны дышать только мщеніемъ».

Въ виду этихъ, предполагаемыхъ въ плѣнныхъ французахъ чувствъ, Моро въ письмѣ своемъ къ Дашкову дѣлаетъ слѣдующее предположеніе:

«Если бы значительное число этихъ несчастныхъ согласилось подъ моимъ начальствомъ высадиться на берегъ Франціи, то я позволяю себѣ ручаться, что Бонапарту будетъ плохо. Я вспоминаю, однако, дѣло Жиброна и знаю, какія нужно взять предосторожности, чтобы избѣжать его несчастной участи. Необходимо, чтобъ предводители плѣнныхъ скомпрометировали себя заранѣе передъ тираномъ Европы, требуя его выдачи.

«Я не рѣшаюсь однако бесѣдовать съ вами съ полною откровенностью до тѣхъ поръ, пока Раппатель не увѣдомитъ меня о результатахъ тѣхъ аудіенцій, которыя русскій императоръ благоволилъ назначить ему»—писалъ Моро въ заключеніе своего письма.

Раппатель, находившійся въ Европѣ, былъ теперь главнымъ посредникомъ между императоромъ Александромъ Павловичемъ и генераломъ Моро, который и передалъ ему и на словахъ, и письменно свои предположенія о высадкѣ на берега Франціи плѣнныхъ французовъ, находившихся въ Россіи. Раппатель былъ чрезвычайно благосклонно встрѣченъ Александромъ Павловичемъ, и сообщилъ Моро, что императоръ желалъ бы получить отъ Моро его мнѣніе о настоящемъ положеніи дѣлъ. Моро былъ увѣренъ, что Александръ охотно приметъ высказанное ему отъ имени Моро предположеніе и въ этой увѣренности готовъ былъ тотчасъ же, нисколько не колеблясь, отправиться въ Европу, и лишь опасеніе за участь жены и дочери, находившихся тамъ, удерживало Моро отъ дѣйствій противъ Наполеона. Моро, какъ писалъ онъ Дашкову, боялся отдать ихъ «на жертву варварства такому подлому и жестокому человѣку, какой едва ли когда нибудь существовалъ на свѣтѣ».

Передавая все это въ письмѣ къ Дашкову, Моро, въ началѣ апрѣля 1813 года, разсчитывалъ свидѣться съ Дашковымъ въ Филадельфіи, а между тѣмъ отправилъ къ нему меморандумъ, въ которомъ подробно излагалъ свои предположенія о походѣ во Францію плѣнныхъ французовъ, находившихся въ Россіи.

Очевидно, что въ сущности весь проектъ Моро заключался въ томъ, чтобъ поднять во Франціи междоусобную войну для низверженія Наполеона, противъ котораго, по убѣжденію Моро, должна была существовать тамъ непримиримая ненависть и безпредѣльная злоба.

Генеральша между тѣмъ, сильно вмѣшивавшаяся въ политическіе и воинственные замыслы своего мужа, старалась до времени удержать его въ Америкѣ, поставляя ему на видъ ту опасность, какая должна угрожать ей, если Моро выступитъ противъ Наполеона, не давши ей возможности укрыться отъ преслѣдованія «тирана»; она просила мужа предварить ее заблаговременно объ его намѣреніи уѣхать изъ Америки, но это не удалось ему. Одно изъ его писемъ было перехвачено французскими крейсерами, а другое пропало при крушеніи пакетбота, на которомъ оно было отправлено въ Европу. Поэтому онъ послалъ къ ней еще третье письмо, чрезъ Англію, увѣдомляя ее о скоромъ прибытіи своемъ въ Европу. Въ разсчетѣ на то, чтобъ она, согласно съ этимъ извѣщеніемъ, успѣла принять надлежащія для своей безопасности мѣры, онъ собирался выѣхать изъ Америки не ранѣе іюня мѣсяца.

Въ слѣдующемъ своемъ письмѣ Моро писалъ Дашкòву о войнѣ русскихъ съ Наполеономъ въ такихъ выраженіяхъ:

Военныя дѣла въ Европѣ принимаютъ тотъ ходъ, какой я предвидѣлъ заранѣе. Необходимо пріостановиться на нѣкоторое время, впрочемъ не изъ опасенія того отпора, который Бонапарте можетъ дать русской арміи и ея союзникамъ, но единственно только вслѣдствіе чрезмѣрной ея усталости и необходимости пополнить ея составъ и исправить предметы военныхъ потребностей для арміи, вынужденной дѣлать въ суровое время года такой походъ, примѣровъ котораго представляется въ исторіи очень немного».

Теперь собственно для Моро вся забота состояла въ томъ, чтобъ какъ нибудь предупредить жену о своей поѣздкѣ въ Европу; онъ продолжалъ писать ей объ этомъ всевозможными путями: черезъ Англію, Голландію, Португалію, но все-таки никакъ не былъ увѣренъ, чтобъ письма его доходили по назначенію.

По всему этому онъ, 1 мая 1813 года, сообщилъ письменно Дашкòву, что поѣдетъ въ Европу не ранѣе конца этого мѣсяца или начала іюня, желая, чтобъ г. Кроуфордъ, который отправился въ Гавръ, пріѣхалъ туда ранѣе и вошелъ въ сношенія съ генераломъ Серюрье.

Приготовляясь къ отъѣзду изъ Америки при содѣйствіи русскаго посланника, Моро находилъ нужнымъ уѣхать оттуда тайкомъ и извѣстилъ Дашкòва, что онъ, какъ посланникъ, долженъ будетъ отправить на томъ кораблѣ, на которомъ поѣдетъ Моро, дипломатическаго курьера въ Россію съ де-

пешами, и чтобъ курьеръ этотъ сопровождалъ его изъ Готтенбурга въ Петербургъ. Въ качествѣ такого курьера онъ просилъ назначить Свиньина, который, состоя при посольствѣ, былъ — какъ мы уже замѣтили — постояннымъ посредникомъ между Моро и Дашковымъ.

За недѣлю до отъѣзда Моро изъ Америки, онъ, какъ видно изъ его переписки съ русскимъ посланникомъ,—имѣлъ такого рода свѣдѣнія о положеніи военныхъ и политическихъ дѣлъ въ Европѣ. Ему сообщали изъ Англіи и Франціи какъ о громадныхъ приготовленіяхъ къ войнѣ, такъ и о посредничествѣ Австріи для заключенія мира. Это послѣднее обстоятельство, по мнѣнію Моро, должно было свидѣтельствовать о слабости Франціи.

«Не смотря на отважныя выходки «Монитера»—писалъ Моро Дашкову, — я не думаю, чтобы Франція отважилась на войну. Я думаю также, что Ганзеатическіе города не будутъ входить долѣе въ составъ имперіи Наполеона. Къ прокламаціи Бурбоновъ англійскій парламентъ отнесся не слишкомъ уважительно, и я полагаю, что и французы не обратятъ на нее особеннаго вниманія, такъ какъ она составлена не очень складно и притомъ подъ вліяніемъ дурныхъ совѣтовъ».

Передъ самымъ своимъ отъѣздомъ изъ Америки, Моро, прощаясь дружелюбно съ Дашковымъ, отъ 20 іюня 1813 г., писалъ ему изъ Нью-Іорка, что онъ, Моро, будетъ чрезвычайно счастливъ, если ему придется содѣйствовать установленію мира въ Европѣ, прибавляя, что «миръ этотъ можетъ быть проченъ только послѣ низверженія человѣка, который смущалъ Европу въ продолженіе 10 лѣтъ. Самою пріятною наградою—добавлялъ Моро—будетъ признательность Франціи и Европы ко всѣмъ тѣмъ, которые какимъ либо способомъ будутъ содѣйствовать осуществленію этого желаннаго событія».

Моро уѣзжалъ изъ Америки въ высшей степени раздраженнымъ противъ Наполеона. Личную свою къ нему непріязнь онъ объяснялъ патріотическими чувствами. Моро безпрестанно повторялъ, что Бонапарте покрываетъ стыдомъ и позоромъ Францію, что скоро нельзя будетъ называться французомъ, что этотъ извергъ готовитъ Франціи ненависть и проклятіе цѣлой вселенной и что скоро французы будутъ такъ нетерпимы, ненавидимы и презираемы, какъ евреи. Въ особенности онъ возмущался противъ Наполеона по поводу

его неудачнаго похода въ Россію, стоившаго гибели всей французской арміи. Моро говорилъ, что онъ, потерявъ всякую надежду на то, что Франція съумѣетъ спасти себя отъ угнетавшаго ее тирана, счелъ долгомъ честнаго гражданина содѣйствовать ея спасенію, принявъ предложеніе такой державы, которая вступила въ рѣшительную борьбу съ поработителемъ человѣчества.

Оправдывая такимъ образомъ свой поступокъ, въ сущности далеко непатріотическій, Моро спѣшилъ какъ можно скорѣе пріѣхать на мѣсто военныхъ дѣйствій. Съ своей стороны, Дашковъ содѣйствовалъ его отъѣзду всѣмъ, чѣмъ только могъ. Онъ выпросилъ у англійскаго адмирала Кокборна позволеніе послать съ русскимъ дипломатическимъ курьеромъ американское судно. Адмиралъ зналъ, что съ этимъ курьеромъ отправится Моро, но, по ненависти англичанъ къ Франціи, поспѣшилъ исполнить просьбу русскаго посланника.

21 мая н. с. 1813 года Моро и Свиньинъ были въ Герль-Гетѣ, на пароходѣ «Аннибалъ», считавшемся самымъ лучшимъ ходокомъ во всемъ сѣверо-американскомъ флотѣ. 22 іюля «Аннибалъ» достигъ норвежскихъ береговъ благополучно, не встрѣтивъ, въ продолженіе своего плаванія, ни одного крейсера. Около береговъ Норвегіи «Аннибалъ» сошелся съ англійскимъ пароходомъ, на которомъ генералу Моро было привезено извѣстіе о благополучномъ пріѣздѣ его жены въ Англію.

Теперь у Моро окончательно были развязаны руки, такъ какъ жена его находилась внѣ всякой опасности отъ преслѣдованій со стороны Наполеона.

24 іюля н. с. пароходъ «Аннибалъ» вошелъ въ готтенбургскую гавань, и Моро тотчасъ же отправился въ главную квартиру императора Александра Павловича. На пути туда онъ неожиданно встрѣтился съ своимъ старымъ другомъ, маршаломъ Бернадотомъ, который въ это время былъ уже наслѣднымъ принцемъ шведскимъ.

16 августа Моро вмѣстѣ съ Свиньинымъ пріѣхалъ въ Прагу, гдѣ тогда находился императоръ Александръ Павловичъ. На другой день послѣ его пріѣзда, должны были, по истеченіи неремирія, заключеннаго между союзниками и Наполеономъ, открыться снова военныя дѣйствія. Моро, тотчасъ по пріѣздѣ въ Прагу, отправилъ Свиньина къ государю

для заявленія, что онъ, Моро, ожидаетъ повелѣній его величества. Императоръ выразилъ чрезъ Свиньина свое удовольствіе по случаю пріѣзда генерала и просилъ его отдохнуть послѣ труднаго и продолжительнаго путешествія, добавивъ къ этому, что онъ приметъ Моро завтра, въ 9 часовъ утра. Въ то же время онъ отправилъ одного изъ своихъ флигель-адъютантовъ къ Моро, чтобъ поздравить генерала съ благополучнымъ прибытіемъ въ Прагу.

Вниманіе русскаго государя къ бывшему генералу французской республики не ограничилось, впрочемъ, только этимъ. На другой день, прежде чѣмъ Моро долженъ былъ отправиться для представленія императору въ назначенный для того часъ, государь предупредилъ предстоявшее свиданіе своимъ посѣщеніемъ, неожиданно пріѣхавъ къ Моро самъ. Едва успѣли предувѣдомить генерала о пріѣздѣ къ нему высокаго гостя, какъ Александръ Павловичъ вошелъ къ нему, крѣпко обнялъ его и пробесѣдовалъ съ нимъ болѣе двухъ часовъ на-единѣ. Разумѣется, что Моро былъ чрезвычайно тронутъ такимъ необыкновеннымъ вниманіемъ, оказаннымъ ему могущественнымъ монархомъ, и Свиньинъ въ краснорѣчивыхъ словахъ передаетъ чувства умиленія, высказанныя по поводу этого генераломъ Моро.

Въ тотъ же самый день императоръ представилъ его обѣимъ великимъ княгинямъ, бывшимъ въ Прагѣ, а на другой день императору Францу, который благодарилъ его за оказанное имъ австрійцамъ человѣколюбіе во время войны на Рейнѣ.

Моро сталъ уже собираться къ отъѣзду на мѣсто военныхъ дѣйствій, какъ вдругъ дверь его комнаты отворилась и къ нему вошелъ императоръ Александръ въ сопровожденіи только что пріѣхавшаго въ Прагу короля прусскаго. При этомъ король заявилъ Моро, что онъ поспѣшилъ посѣтить полководца, прославившагося своими доблестями. Болѣе двухъ часовъ императоръ и король, безъ постороннихъ лицъ, просидѣли съ Моро.

На слѣдующій день Александръ Павловичъ выѣхалъ изъ Праги къ арміи, съ нимъ отправился и Моро, который съ этого времени оставался безотлучно при императорѣ.

27 августа н. с. 1813 года происходила битва подъ Дрезденомъ. Проливной дождь хлесталъ, а сильный порывистый

вѣтеръ, не переставая, дулъ въ лицо нашей арміи, затрудняя ея дѣйствія. Въ это время императоръ Александръ Павловичъ находился на русской батареѣ, старавшейся сбить расположенныя противъ нея непріятельскія орудія. Здѣсь, при такой отдѣльной борьбѣ, завязалась горячяя артиллерійская перестрѣлка. Ядра безпрестанно летали на русскую батарею, и когда одна изъ пущенныхъ въ нее французскихъ бомбъ разорвалась вблизи государя, то Моро сталъ просить его удалиться съ этой батареи, указывая ему другое мѣсто, болѣе безопасное отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе удобное для наблюденія за ходомъ сраженія.

Императоръ уступилъ настояніямъ своего спутника и пришпорилъ коня. Привычный ко всему конь вдругъ остановился, какъ будто испуганный, передъ какою-то лужею, а Моро, объѣхавъ государя и ставъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него впереди, ожидалъ, когда заупрямившійся конь перескакнетъ или переберется черезъ лужу. Вдругъ ядро ударило въ Моро; оно оторвало ему правую ногу и, пролетѣвъ сквозь лошадь, вырвало у него икру лѣвой ноги и раздробило колѣно.

Около свалившагося Моро началась суетня. Казаки, бывшіе въ конвоѣ государя, на-скоро сдѣлали изъ пикъ носилки, положили на нихъ Моро, накрыли его своими шинелями и понесли въ близь стоявшій крестьянскій домикъ, который, какъ казалось, былъ въ сторонѣ и отъ русскихъ, и отъ непріятельскихъ выстрѣловъ.

Въ это время на полѣ сраженія замѣтили кидавшуюся во всѣ стороны собачку, не обращавшую никакого вниманія на страшный шумъ боя, сильную ружейную перестрѣлку и грохотъ орудій; собачку поймали; и на ошейникѣ у ней оказалась надпись: «J'appartiens au général Moreau». Этотъ вѣрный спутникъ генерала не разлучался съ своимъ господиномъ и на полѣ битвы, и теперь жалобно визжалъ и отчаянно метался, не находя его нигдѣ.

Разсказывали, что ядро, поразившее Моро, было пущено изъ орудія, наведеннаго самимъ Наполеономъ. Разсказывали, будто бы онъ, слѣдя за движеніемъ императорскаго кортежа и увидя въ немъ Моро, который выдѣлился нѣсколько отъ

другихъ и пріостановился, воспользовался этимъ моментомъ и, какъ отличный артиллеристъ, направилъ на Моро вѣрный выстрѣлъ.

Выстрѣлы преслѣдовали однако Моро и послѣ этого, роковаго для него удара. Въ домикъ, куда его отнесли, немедленно явился сопутствовавшій постоянно государю на поляхъ сраженія лейбъ-хирургъ баронетъ Виллье. Онъ призналъ нужнымъ отнять у Моро не только оставшуюся часть правой ноги выше колѣна, но отрѣзать и искалѣченную лѣвую ногу. Моро мужественно перенесъ эти двѣ тяжелыя операціи. Въ то время, когда онѣ производились, два ядра ударили въ домикъ, въ которомъ находился Моро, и разрушили уголъ той горницы, гдѣ онъ лежалъ.

Къ вечеру окончился кровопролитный бой подъ Дрезденомъ отступленіемъ союзной арміи на прежде занимаемую ею позицію. При этомъ отступленіи пришлось нести Моро, измученнаго и ранами, и операціями, черезъ горы по ужасной дорогѣ. Во время этого перехода императоръ Александръ часто подъѣзжалъ къ носилкамъ, на которыхъ лежалъ Моро, освѣдомлялся о немъ и утѣшалъ его, избѣгая однако всякаго разговора, который могъ бы нѣсколько взволновать страдальца. 30 августа Моро былъ доставленъ въ городъ Лаунъ въ безнадежномъ состояніи.

За десять часовъ до своей смерти Моро написалъ къ женѣ слѣдующее письмо:

«Милый мой другъ!

«Три дня тому назадъ, при осадѣ Дрездена, ядро оторвало у меня обѣ ноги, а бездѣльникъ Бонапарте между тѣмъ счастливъ по прежнему.

«Мнѣ сдѣлали операціи какъ нельзя лучше. Хотя армія подалась назадъ, но это сдѣлано единственно для того, чтобъ соединиться съ Бюхлеромъ.

«Извини мое маранье, я люблю тебя и цѣлую отъ всего сердца».

Едва Моро окончилъ это коротенькое письмо, какъ ему сдѣлалось еще хуже, Не смотря, однако, на это, онъ безпрестанно звалъ къ себѣ Свиньина и Раппателя, чтобы продиктовать имъ письмо къ государю. Но, вслѣдствіе крайняго изнеможенія, не могъ сдѣлать этого. Наконецъ, собравъ послѣднія силы, онъ продиктовалъ Свиньину адресованное къ императору Александру письмо такого содержанія:

«Государь!

«Я схожу въ могилу съ тѣми же чувствами почтенія, удивленія и преданности, какія я почувствовалъ къ вашему величеству въ первую минуту нашего свиданія».

Продиктовавъ это, онъ закрылъ глаза и скончался, какъ казалось, безъ всякихъ страданій.

Памятникъ Моро близъ Дрездена.

Получивъ предсмертное письмо Моро, императоръ Александръ поспѣшилъ отправить къ его вдовѣ собственноручное письмо. Въ немъ онъ писалъ:

«Милостивая государыня!

«Когда ужасное несчастіе, поразившее подлѣ меня генерала Моро — лишило меня опытности и познаній этого великаго человѣка, я все еще

питалъ себя надеждою, что, съ помощью стараній, мы сохранимъ его для его семейства и для моей дружбы. Судьба распорядилась однако иначе. Онъ скончался такъ, какъ жилъ, съ одинаковою силою души, твердой и непоколебимой. Непритворно раздѣляемое участіе составляетъ утѣшеніе въ злополучіи. Въ Россіи вездѣ вы, милостивая государыня, найдете это чувство и, если вамъ угодно будетъ избрать ее мѣстомъ вашего пребыванія, то я употреблю всѣ способы, чтобъ сдѣлать пріятною жизнь той особы, для которой быть опорою и утѣшителемъ я поставлю себѣ священнымъ долгомъ. Прошу васъ твердо вѣрить этому и не скрывать отъ меня ни одного случая, гдѣ бы я могъ быть вамъ полезенъ, и писать прямо ко мнѣ. Предупреждать ваши желанія будетъ моимъ удовольствіемъ. Дружба, которую я питалъ къ вашему супругу, продолжается за предѣлами земной его жизни, и я не имѣю другого способа заявить ее, какъ только сдѣлавъ что нибудь для благоденствія вашего семейства.

«Примите, милостивая государыня, среди настоящихъ печальныхъ и ужасныхъ обстоятельствъ, увѣреніе въ искренности моихъ чувствъ».

Письмо это было отправлено къ госпожѣ Моро изъ Теплица, 6-го сентября 1813 года.

Государь подарилъ ей полмилліона рублей и, кромѣ того, назначилъ ей пожизненную пенсію въ 30,000 рублей ежегодно. Король Людовикъ XVIII, вступивъ на престолъ, предоставилъ ей титутъ вдовы маршала Франціи. Умерла она въ 1721 году.

По желанію императора Александра, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ битвѣ подъ Дрезденомъ былъ убитъ Моро, поставленъ памятникъ, изображеніе котораго прилагается къ настоящей статьѣ.

У французскихъ историковъ вообще Моро былъ предметомъ рѣзкихъ порицаній, какъ измѣнникъ отечества, явившійся содѣйствовать увеличенію тѣхъ бѣдствій и того позора, которые испытывала несчастная въ ту пору Франція. Съ своей стороны, Свиньинъ оправдывалъ поступокъ Моро тѣмъ, что бездѣйствіе его при отчаянномъ положеніи его родины было бы измѣною и что союзные государи шли войною не противъ французовъ, но противъ тщеславія ихъ повелителя. Разсужденія свои на эту тему Свиньинъ заключаетъ тѣмъ, что Моро былъ великій человѣкъ и великій патріотъ.

Несмотря на удачныя въ стратегическомъ отношеніи походы Моро и даже нѣкоторыя одержанныя имъ побѣды, въ особенности при Гогенлинденѣ, Моро не можетъ считаться въ ряду первенствующихъ полководцевъ вообще, а тѣмъ бо-

лѣе знаменитыхъ полководцевъ Наполеоновской эпохи. Наступательныя его дѣйствія не сопровождались ни разу блестящими успѣхами, и Суворовъ не безъ основанія называлъ его «генераломъ славныхъ ретирадъ». Собственно же въ Россіи извѣстность Моро доставила его ненависть къ Наполеону, противъ котораго послѣ московскаго пожара господствовало у насъ непримиримое ожесточеніе. Кромѣ того, погибель Моро отъ непріятельскаго ядра вблизи императора Алаксандра заставляла много говорить о немъ, такъ какъ съ разсказомъ объ этомъ неразлучно было связано указаніе и на тѣ опасности, которымъ такъ очевидно подвергался государь во время сраженій.

Хотя впослѣдствіи счастіе и измѣнило противнику Моро—Наполеону, но въ отношеніи той памяти, какую потомство хранитъ объ нихъ обоихъ, встрѣчается неизмѣримая разница. Прахъ Наполеона, чтимый французами всѣхъ политическихъ партій, лежитъ въ Парижѣ, въ великолѣпной усыпальницѣ; память же о Моро совершенно исчезла, да и едва ли кто и знаетъ теперь его позабытую могилу.

Въ Петербургѣ, въ католической церкви св. Екатерины, что на Невскомъ проспектѣ, съ правой стороны отъ главнаго входа, не далеко отъ большого алтаря, вдѣланы въ полъ двѣ плиты. Подъ одною изъ нихъ похороненъ послѣдній польскій король, Станиславъ Понятовскій, а на другой, лежащей съ нею рядомъ и истертой ногами богомольцевъ, съ трудомъ можно нынѣ прочесть имя Моро...

СОДЕРЖАНІЕ.

ГРАВЮРЫ И ПОРТРЕТЫ.

Къ статьѣ „Коронованіе государей".

Къ ст. „Московскіе люди XVII вѣка".

Къ ст. „Ассамблеи при Петрѣ Великомъ".

Къ ст. „Очерки придворнаго быта въ XVIII столѣтіи".

Къ ст. „Братья Тренкъ въ Россіи".

Къ ст. „Роговая музыка въ Россіи".

Къ ст. „Двѣ герцогини курляндскія".

Къ ст. „Генералъ Моро въ русской службѣ".